

ISSN 1998-0817



ВЕСТНИК

Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова

3

2016



ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 3
Май – Июнь

VESTNIK
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 3
May – June

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVIKH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 **Гиппиус А.А., Кабатов С.А., Кабатова Е.А.**
Памятник эпиграфики
Костромского Поволжья XIII–XIV вв.
- 15 **Новиков М.В., Перфилова Т.Б.**
Языковедческая парадигма – концептуальная основа
антропологических исследований раннего Буслаева
- 22 **Дзюбан В.В., Матюхина О.А.**
Попечение Орловского Православного Петропавлов-
ского Братства о распространении в народе икон
и священных изображений православного письма
(конец XIX – начало XX века)
- 25 **Задерейчук И.П.**
Религиозная жизнь немцев Крыма
в XIX – начале XX в.
- 30 **Лазарев К.В.**
Определение понятия «военное воспитание»
военными теоретиками конца XIX – начала XX вв.
- 33 **Громова А.И.**
Идеал красоты в отечественных женских журналах
начала XX в.: изменение паттернов контроля
за женским телом
- 40 **Леконцев О.Н.**
Конфискация имущества кулаков в конце 1920-х –
начале 1930-х гг. (на примере территорий нынешней
Кировской области и Удмуртии)
- 43 **Булчевская Е.А.**
Эмиграция деятелей русской культуры
в Италию (1918–1939): к вопросу о статистике
и типологизации
- 47 **Микуленок А.А.**
Причины и особенности российской эмиграции
в Польшу в первой половине 1920-х гг.
- 52 **Томина Е.Ф.**
История развития начального профессионального
образования в Оренбуржье в период 1951–1952 гг.
- 55 **Голикова С.Н.**
Реакция немецкой общественности на книгу
Тило Саррацина «Германия: самоликвидация»
- 60 **Чистяков С.С., Белкина Т.Л.**
Эволюция раннего шиваизма
- 65 **Пичугин А.Б.**
Бортничество и земледелие Волжской Булгарии:
к истории заимствований в материальной культуре

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 68 **Игнатъева М.Ю.**
Соотношение поэзии и прозы
в литературном наследии Иоанна Креста
- 72 **Коровин А.В.**
Романтическая новеллистика
и начало детективной прозы в Дании
- 74 **Королева В.В.**
Гофмановский пласт «чужого слова»
в романе А. Белого «Петербург»
- 79 **Велигорский Г.А.**
Образ Пана в творчестве
Р.Л. Стивенсона и Кеннета Грэма
- 84 **Лебедев А.Ю.**
Творчество и стиль «ливерпульских поэтов»
- 88 **Денисова Т.М.**
Немецкая короткая история на рубеже XX–XXI веков.
Новые имена: Надя Айнцманн
- 92 **Страшнов С.Л.**
Коммуникативные практики в современной литературе
- 96 **Иванов В.В.**
Юродивый герой в диалоге духовных типов

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 9 **A.A. Gippius, S.A. Kabatov, Ye.A. Kabatova**
Relics of epigraphy of Kostroma Povolzhye
of the 13th–14th centuries
- 15 **M.V. Novikov, T.B. Perfilova**
Linguistic aspect paradigm is the conceptual basis for the
early stage of anthropological studies of Fyodor Buslaev
- 22 **V.V. Dzyuban, O.A. Matyhina**
On the activity Oryol Orthodox Brotherhood named after
saints Peter and Paul on the use of icons in the Russian
national environment and Orthodox sacred images
(late 19th–early 20th centuries)
- 25 **I.P. Zadereychuk**
The religious life of the Germans in Crimea
in the 19th–early 20th century
- 30 **K.V. Lazarev**
The definition of the concept «military upbringing» by
military theorists at the turn of the 20th century
- 33 **A.I. Gromova**
The ideal of beauty in the Russian women’s magazines
in the early 20th century: changes in the female body
control patterns
- 40 **O.N. Lekontsev**
Forfeiture of rich peasants’ estate in the late 1920s—
early 1930s (in terms of Kirov Region
and Udmurt Autonomous Soviet Republic)
- 43 **Ye.A. Bulchevskaya**
Russian cultural emigration
to Italy (1918–1939): the question of statistics
and classification
- 47 **A.A. Mikulyonok**
Causes and peculiarities of Russian emigration to Poland in
the first part of the 1920s
- 52 **Ye.F. Tomina**
The history of the development of primary vocational
education in Orenburg Region in the period 1951–1952
- 55 **S.N. Golikova**
Reaction of the German public to Thilo Sarrazin’s book
«Germany Abolishes Itself»
- 60 **S.S. Chistyakov, T.L. Belkina**
Evolution of early Shaivism
- 65 **A.B. Pichugin**
Beekeeping and agriculture of the Volga Bulgaria as a
result of the cross-cultural relations in the region

SCIENCE OF LITERATURE

- 68 **M.Yu. Ignat'yeva**
Relationship between poetry
and prose by Saint John of the Cross
- 72 **A.V. Korovin**
Romantic Short Stories and the Beginning
of the Detective Prose in Denmark
- 74 **V.V. Korolyova**
Hoffmann’s layer of «alien words»
in the novel of Andrei Bely «Petersburg»
- 79 **G.A. Veligorskiy**
Image of Pan in the creative work
of Robert Louis Stevenson and Kenneth Grahame
- 84 **A.Yu. Lebedev**
Creative work and style of «Liverpool Poets»
- 88 **T.M. Denisova**
German short story on the turn of the 20th–21st centuries.
New figures: Nadja Einzmann
- 92 **S.L. Strashnov**
Communicative practices in modern literature
- 96 **V.V. Ivanov**
Feeble-minded hero in spiritual types’ dialogue

- 102 Дубинская М.В.**
Жорж Санд и Ф.М. Достоевский:
к вопросу общих характеристик «юродивого героя»
- 107 Смирнова Н.Н.**
Откровение поэзии в творчестве Льва Шестова
(Пушкинские образы: контексты, интерпретации)
- 112 Кустова О.Б.**
Архетип ребенка, выраженный в сравнениях, в очерках
путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»
- 117 Котельникова Е.В.**
Этнографические очерки
Алексея Антиповича Потехина
- 121 Антипина А.С.**
Архангельск в путевой литературе:
варианты авторского восприятия местности
- 126 Чвертко С.Ю.**
Особенности хронотопа
в «страшных» новеллах Серебряного века
- 131 Крюков А.А.**
К вопросу о творческом самоопределении
младэмигрантской литературы:
«Обман» Ю. Фельзена и «Машенька» В.В. Набокова
- 137 Виноградов А.С.**
Специфика звуковых образов
в сборнике Б. Пастернака «Близнец в тучах» (1913 г.)
- 141 Рейнбах О.Е.**
Рукопись «Нашедшего подкову» О. Мандельштама
и публикации произведения в периодических изданиях:
экскурс в историю текста
- 144 Хриптулова Т.Н.**
Поэтика цвета в стихотворениях Н.И. Тряпкина
- 149 Ву Тхьонг Линь**
Восприятие творчества А.С. Пушкина во Вьетнаме:
проблема перевода и изучения прозы
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 152 Ермакова Е.Н., Прокопова М.В.**
Трансформация фразеологических единиц в языке
СМИ: лингвокреативный потенциал языка
спортивного комментатора
- 155 Бабаян В.Н., Круглова С.Л.**
Основные классификации диалогов
и диалогических высказываний-реплик
- 160 Лебедева И.В.**
Представленность слов с корнем *зыб-*
в диалектных словарях
- 163 Качинская И.Б.**
Термины свойства в архангельских говорах:
жена сына – *невестка, сноха, молодка*
- 168 Киреева Е.З.**
Представления автора официального документа
об адресате (на материале
регионального законодательства)
- 173 Катынская М.В.**
Имидж как прототипическая категория
- 179 Крыжановская В.А.**
Современная эргонимия:
основные приемы графической игры
- 182 Древева Д.М., Биджелова Б.А.**
Эллипсис в аспекте художественного перевода
(на материале стихотворных произведений
Ф.Г. Клопштока и И.В. Гёте и их переводов
на русский и осетинский языки)
- 186 Арнова Н.В.**
Анализ и интерпретация интонационных параметров
речи ораторов в презентации нового продукта
(на материале устных презентаций американских
предпринимателей Стива Джобса, Билла Гейтса
и Марка Цукерберга)

- 102 M.V. Dubinskaya**
George Sand and Fyodor Dostoyevsky: on the issue
of common characteristics of a «feeble-minded hero»
- 107 N.N. Smirnova**
Poetry revelation in Lev Shestov's creative work
(Alexander Pushkin's images: contexts, interpretations)
- 112 O.B. Kustova**
Childish archetype expressed in comparisons of the voyage
diary of Ivan Goncharov «Frigate “Pallada”»
- 117 Ye.V. Kotel'nikova**
Ethnographic feature articles
by Alexei Potekhin
- 121 A.S. Antipina**
Arkhangelsk in travel diaries:
variants of author's perception of landscape
- 126 S.Yu. Chvertko**
Chronotop peculiarities
in Fin de siècle «horrific» novellas
- 131 A.A. Kryukov**
The problem of the creative identity of young Russian
émigré literature: «The Deception» by Yuriy Fel'tsen
and «Mary» by Vladimir Nabokov
- 137 A.S. Vinogradov**
Auditory images specifics in collection of poetry «Twin in
the Stormclouds» by Boris Pasternak (1913)
- 141 O.Ye. Reinbakh**
Manuscript of «The Horseshoe Finder» by Osip
Mandelstam and the work's publications in periodicals:
excursus to the text's history
- 144 T.N. Khriptulova**
Colour poetics in Nikolay Tryapkin's poetry
- 149 Vŭ Thưoŭng Lĩnh**
Perception of Alexander Pushkin's work in Vietnam:
the problem of translation and study of prose
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 152 Ye.N. Yermakova, M.V. Prokopova**
Transformation of phraseological units in the language
of mass media: linguocreative potential of the language
of a sports commentator
- 155 V.N. Babayan, S.L. Kruglova**
Main classifications of dialogues
and dialogical utterances
- 160 I.V. Lebedeva**
Representation rate of words with root *зыб-*
in dialect dictionaries
- 163 I.B. Kachinskaya**
Terms of kinship by marriage in Arkhangelsk patois:
daughter-in-law
- 168 Ye.Z. Kireyeva**
An official document author's notions
of the addressee
(on material of regional legislation)
- 173 M.V. Katynskaya**
Image as a prototype category
- 179 V.A. Kryzhanovskaya**
Modern ergonyms:
main methods of graphic game
- 182 D.M. Dreyeva, B.A. Bidzhelova**
Ellipsis in the aspect of literary translation
(on the material of poetic works by Friedrich Gottlieb
Klopstock and Johann Wolfgang von Goethe and their
translations into Russian and Ossetian)
- 186 N.V. Arnova**
Analysis and interpretation
of melodic speech parameters of speakers
in introducing a new product (based on oral presentations
of American entrepreneurs Steve Jobs, Bill Gates
and Mark Zuckerberg)

- 192 Каплина М.М., Жезлова С.А.**
К истории развития языковых и культурных контактов Франции и Германии
- 195 Макарова Е.Н.**
Фразовое ударение в испанском языке и особенности его реализации
- 198 Переверзева Н.А.**
Некоторые особенности метафорического и метонимического переноса в немецком языке
- 201 Белова Т.М.**
Индивидуально-авторская метафора как способотражения реальности (на материале стихотворения «Congo» Л.С. Сенгора)
- 205 Свиридова Е.Е.**
Выдуманные языки в творчестве Стефано Бенни (на материале романа «Stranalandia» и рассказа «Il marziano innamorato» из сборника «Il bar sotto il mare»)
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 210 Веселов И.Г., Комаров С.А.**
Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Часть 1)
- 217 Коваленко Т.С.**
Органы юстиции (правосудия): старые проблемы – новые подходы
- 222 Сиверская Л.А., Смирнова Н.А.**
Сообщение о преступлении: терминологическое понятие и процессуальное содержание
- 226 Павлюков В.В.**
Правовая и практическая возможность объединения данных в информационно-поисковых системах МВД РФ с информацией из сети Интернет
- 230 Демидюк В.А.**
Анализ категорий «существенность» и «нравственные страдания», применяемые судами при рассмотрении дел о компенсации морального вреда
- 233 Дедюева М.В.**
Разрешение судами споров, связанных с применением Федерального закона от 28 февраля 1998 года № 52-ФЗ
- 237 Григоров А.А.**
Способы самозащиты в семейном праве
- 241 Мартынова Т.Н., Сгибнева О.В.**
Гарантийные и компенсационные выплаты работникам в трудовом праве Российской Федерации: проблемы терминологии
- 244 Воробьев С.М., Орлова А.А.**
Сравнительно-правовой анализ норм института реабилитации уголовно-процессуального права и иных норм, регламентирующих порядок реабилитации жертв политических репрессий
- 248 Артюшина О.Н., Лялюшкина О.А.**
Отдельные вопросы понятия и системы конституционных ценностей
- 251 Игнатов М.А., Ефремов Е.М.**
Соотношение предпринимательского риска и стандартов добросовестности в вопросе о привлечении к ответственности органов управления в российском и английском корпоративном праве
- 255 Елкина В.В.**
К вопросу о системе и структуре территориальных органов Россельхознадзора
- 259 Андреева В.Г.**
Проблемы судебно-лингвистической экспертизы по делам об экстремизме и разжигании вражды
- 263 Ахвердиев Э.Э.**
Концепция Халифата как мусульманской формы правления
- 192 M.M. Kaplina, S.A. Zhezlova**
On the historic and cultural development of the French-German contacts
- 195 Ye.N. Makarova**
Phrasal accent in Spanish and peculiar features of its realisation
- 198 N.A. Pereverzeva**
Some peculiarities of metaphoric and metonymic hyphenation in the German language
- 201 T.M. Belova**
Author's individual metaphor as a model of reality understanding (on the material of poem «Congo» by Léopold Sédar Senghor)
- 205 E.E. Sviridova**
Constructed languages in Stefano Benni's works (the novel «Stranalandia» and the short story «Il marziano innamorato» of the collection «Il bar sotto il mare»)
- JURAL SCIENCES**
- 210 I.G. Veselov, S.A. Komarov**
Technologies of legal monitoring in legislative activity of the State Duma of Federal Assembly of Russia
- 217 T.S. Kovalenko**
Department of justice: old problems – new approaches
- 222 L.A. Siverskaya, N.A. Smirnova**
Crime report: terminology and the concept of procedural content
- 226 V.V. Pavlyukov**
Legal and practical possibility of combining data in information retrieval system of the interior ministry of the Russian Federation with information from the Internet
- 230 V.A. Demidyuk**
The analysis of the categories «essentiality» and «mental suffering», as applied by the courts when considering cases about compensation of moral harm
- 233 M.V. Dedyuyeva**
Resolution of disputes relating to the application of the Federal Law of 28 February 1998 # 52-F3 by the courts
- 237 Aleksey A. Grigоров**
Ways of self-defense in a family law
- 241 T.N. Martynova, O.V. Sgibneva**
Guarantee and compensation payments to employees in labour law of the Russian Federation: the problems of terminology
- 244 S.M. Vorob'yov, A.A. Orlova**
Comparative legal analysis of the norms of the rehabilitation institute of criminal procedural law and other regulations governing the rehabilitation of victims of political repressions
- 248 O.N. Artyushina, O.A. Lyalyushkina**
Selected questions concerning perception of constitutional values and their system
- 251 M.A. Ignatov, Ye.M. Yefremov**
The correlation of business risk and standards of good faith in the issue of bringing to responsibility of the management bodies in the Russian and English company law
- 255 V.V. Yolkina**
The issue of territorial bodies of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation
- 259 V.G. Andreyeva**
Issues of legal linguistic assessment in action for extremism and inciting hostility
- 263 E.E. Akhverdiyev**
The Theory of Caliphate as a Muslim form of government

267 Санникова С.С.

Влияние норм международного права
на административно-правовой механизм
обеспечения продовольственной безопасности

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

270 Лебедев Ю.В.

О «положительно прекрасном человеке»
в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

272 SUMMARY

290 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

267 S.S. Sannikova

The international law influence
on administrative law mechanism
of food security assurance

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

270 Yu.V. Lebedev

Of «positively beautiful man» in the novel «The Idiot»
by Fyodor Dostoyevsky

272 SUMMARY

290 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 904

Гиппиус Алексей Алексеевич

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
agippius@mail.ru

Кабатов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
kabatov74@mail.ru

Кабатова Елена Анатольевна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
kabatova@bkl.ru

ПАМЯТНИК ЭПИГРАФИКИ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ XIII–XIV ВВ.

Костромское Поволжье начинает осваиваться человеком с эпохи мезолита. Ориентировочно с эпохи раннего железного века эта территория вовлекается в процесс формирования одного из народов группы финно-угорской этноязыковой семьи – мери, с XI в. на эти земли начинает проникать славянское население. Итогом этого проникновения является культура так называемых «костромских курганов». С XIII в. на земли Костромского Поволжья перемещается существенная группа населения из южно-русских регионов. Подобная ситуация в этническом плане приводит к тому, что титульное население Костромского Поволжья растворяется в численно превосходящем его пришлом населении и Костромская земля начинает активно вовлекаться в процесс становления Московской Руси. Тем не менее единичные письменные источники о Костромской земле мы можем относить к периоду вряд ли ранее XVI в. В 2015 г. была выявлена находка из камня, позволяющая констатировать довольно интересные аспекты качественного содержания данного региона.

Ключевые слова: селище Вежи, сланец, нефрит, эпиграфика, плошка, палеографические, орфографические и лингвистические особенности надписи, берестяная грамота, граффити.

Начиная с XI в. в Костромское Поволжье начинает разрозненно проникать славянское население [3, с. 317], бежавшее, по всей видимости, в «ничейные земли»¹; итогом этого проникновения является становление культуры так называемых костромских курганов [5; 6]. Однако в количественном отношении новое население Костромского края было малочисленным [3, с. 17–20]. Ситуация резко меняется с XIII в., когда в земли так называемого Заволжья с целью спасения от разорительных походов монголо-татарских орд хлынули беженцы. Подобная ситуация в этническом плане приводит к тому, что титульное население Костромского Поволжья растворяется в численно превосходящем его пришлом населении, и к XVII в. население данного региона принято относить к собственно русскому [4, с. 38]. Примерно с этого же времени Костромская земля начинает активно вовлекаться в процесс становления Московской Руси, о чем свидетельствует московская берестяная грамота XIV в.² Другие единичные письменные источники сведений о Костромской земле мы можем относить к периоду вряд ли ранее XVI в. Костромская находка из камня, выявленная в селище Вёжи в 2015 г., позволяет констатировать факт наличия в исследуемом регионе не только грамотности в среде сельского населения, но и торговых отношений с соседними регионами на внутригосударственном уровне, как следствие, можно говорить об определенном социально-экономическом и политическом положении Костромского края в Московской Руси.

Резьба по камню была известна на Руси с древнейших времен. Наиболее широкого распространения и блестящего расцвета она достигает в декоре зданий, высекавшемся чаще всего из белого известняка, шифера и мрамора. Резьба по камню в мелких предметах применялась довольно ограниченно. Из камня – шифера, сланца, известняка – выполнялись резные иконки, кресты, литейные формы для металлического литья, пряслица, рыболовные грузила, шахматы. Нагрудные каменные иконки XI–XIV веков, в отличие от мелкой пластики в металле, вырезались самими мастерами. Подобным примером может являться серия ши-



Рисунок 1. Крест нательный шиферный (4,5x5,5 см), XIII в.



Рисунок 2. Изделие из камня (подъемный материал №344, селище Вёжи)

ферных нательных крестов, распространенных на Руси XIII в. (рис. 1).

В 2015 г. на основании открытого листа № 521 от 3 июня 2015 г. на острове Вёжи проводились археологические раскопки в территориальных рамках раскопа II [7]. Параллельно с земляными работами обследована береговая линия острова, в результате чего была выявлена серия подъемного материала, где зафиксирована одна очень интересная находка (№ 344). Найдка была обнаружена на свободном от воды участке земли к юго-западу от юго-западного угла раскопа II, на юго-западном участке береговой линии острова.

Это подпрямоугольный камень (рис. 2) либо из черного сланца³, либо из черного нефрита или близкого по химическому составу минерала. Изделие имеет относительно правильную геометрическую форму (ширина 43 мм, высота 44 мм, толщина 12 мм) с небольшим сколом⁴ в нижнем левом и верхнем левом углу лицевой стороны.

На лицевой стороне нацарапан текст, который убирается в 5 рядов. На всех боковых гранях камня фиксируются перпендикулярно к длине процарапанные линии глубиной 0,5–1 мм. На верхней грани таких линий 7 (2 мм от левого края – 2, через 8 мм – 3 и через 1,5 мм – 2), на нижней – 8

(3 мм от левого края – 3, через 1,2 мм – 3, через 10 мм – 2), на левой – 9 (3 мм от нижнего края – 3, через 19 мм – 6), на правой – 5 (26 мм от нижнего края – 5). Обратная сторона не имеет каких-либо следов, кроме следов отделки и шлифования.

Изделие из подобного материала (рис. 3) было выявлено в Костроме в середине 90-х годов прошлого столетия С.И. Алексеевым [1, с. 218], который идентифицировал его как изделие из черного полированного камня, предназначавшегося для отливки конусовидного украшения. С обеих сторон плитки прослеживались прочерченные изображения животных и различные символы. С одной стороны – сказочное животное с головой огнедышащего дракона (?), с чешуйчатым телом и раздвоенным хвостом; с обратной стороны – неоконченная автором композиция из солярного знака и прыгающего через него хищного животного. Рядом, возможно, символ мирового дерева. Найдка обнаружена в пределах одной усадьбы костромского посада XIII в. [1, с. 218]. Позже, в 2005–2006 гг., С.А. Высоковым были проведены графологические исследования и лингвистический анализ в отношении одной грани – той, на которой имеется изображение животного, совмещенное с надписью. Был сделан вывод о том, что находка



Рисунок 3. Литейная форма (по С.И. Алексееву), обнаруженная в середине 90-х годов С.И. Алексеевым при раскопках посадской территории г. Костромы

изготовлена из чёрного нефрита или близкого по химическому составу минерала: твёрдого, но поддающегося обработке шлифованием, и выдвинута гипотеза о принадлежности данной литейной формы мастеру-ювелиру с высоким уровнем владения рунического письма, написавшего данный текст скороговорки, пословицы или каламбура, основанного на игре слов, вносящей двусмысленность в словосочетание [2, с. 186–191]⁵.

Других подобных изделий⁶ в костромской земле на данный момент не известно.

В 2015 г. Алексей Алексеевич Гиппиус провел анализ текста вёжской находки и прочитал ее следующим образом:

а се п--
щка џ(?)
фонас
[а] кто по[к]
[р]а ть д

Текст с конъектурой и восстановлением недописанных фрагментов:

А се п<ло>щка Офонас<ьева>, а кто покра, ть д<а будет прокртъ>. Перевод: «Это плашка Афанасия. А кто украл, тот пусть будет проклят».

Реконструируемое в надписи слово *площка* (раннедр.-рус. *плочька*) – производное от *плоскый* [15, с. 287] – фиксируется словарями лишь как обозначение плоского сосуда, плошки [13, с. 110]. Однако внутренняя форма делает его потенциально применимым к любому плоскому предмету. Можно думать, что *площка* выступает в данном случае в значении современного *плашка* – «пластина, плоский кусок чего-либо». Последнее производно от *плаха*, связанного чередованием гласных, в частности, с чеш. *plocha* “плоскость”, *plochý* “плоский”, и далее с *плоскый* [15, с. 275].

Реконструкция *Мфонас<ьева>*, предполагающая, что слово осталось недописанным, исходит из того, что значение принадлежности последовательно выражалось в древнерусском языке притяжательным прилагательным – форма род. падежа была бы для этого времени редчайшим исключе-

нием. Имя *Афанасий* могло, конечно, выступать в надписи и в виде одной из его сокращенных форм (*Офнось*, *Офанась* и др.).

Отметим имеющие датирующие значения палеографические, орфографические и лингвистические особенности надписи, опираясь в первую очередь на данные берестяных грамот и методику их внестратиграфического датирования, разработанную А.А. Зализняком [11].

Хронологически показательны следующие черты:

- 1) форма буквы *μ* с узким верхом (в берестяных грамотах – после 1200 г., преимущественно – после 1280 г.);
- 2) употребление буквы *ϕ* (после 1300 г.);
- 3) передача начального *о-* через *μ* (систематически – с середины XIII в.);
- 4) утрата слабых редуцированных в *площ(ь)ка* и *к(ь)то* (систематически – с середины XII в.).

Буква *р* в начале 5-й строки имеет зеркальное начертание, совершенно такое же, как в берестяной грамоте № 99 середины XIV в. (рис. 4).

Совокупность этих черт на фоне уставного характера письма в целом делает наиболее вероятной датировку надписи XIV в.



Рисунок 4. Берестяная грамота №99 (1340–1360 гг.)

Содержательно и структурно надпись имеет сходства с тремя владельческими граффити на бытовых предметах, содержащими проклятие тому, кто украдет или повредит (?) предмет. Это: 1) надпись на ноже XI–XII вв. из Дрогичина: *Ежьковъ ножь. А иже жкрадет проклатъ буд...* [12, с. 138; 10, с. 317]; 2) берестяная грамота № 957 нач. XII в., представляющая собой надпись на донце или крышке берестяного лукошка: *Воибоудино лоукънъчо. Иже е укльдет?7, да проклатъ боуде{оу}тъ. А Шъвько цслъ* [11, с. 60–62]; 3) надпись на горшке из Ростиславля (летописного города в Рязанской земле), датируемом первой половиной XIII в.: *... (д)аль гороноць Юрию, а кт(о) возьмь, а да і⁸...* [8, с. 164–174]. В то же время связка *А се... А кто...* сближает ее с таким известным памятником древнерусской эпиграфики, как надпись на чаре князя Владимира Давыдовича: *А се чара кня Володимирова Давыдов-ча. Кто из нее нь<еть>, тому на здоровье, а хвала Бога своего осподаря великого кня<зя>* [9, с. 26]. Традиционная датировка этого памятника первой половиной XII в. была недавно пересмотрена А.А. Туриловым, убедительного показавшим на основе палеографического и лингвистического анализа надписи, а также стилистического анализа декора чары, что она была создана никак не ранее второй половины XIII века, а, скорее всего, в первой половине XIV в. [14]. Поскольку наша надпись бесспорно относится к позднедревнерусскому времени, общность синтаксического оформления двух текстов, отличного от демонстрируемого надписями XI–XII вв., оказывается дополнительным аргументом в пользу датировки А.А. Турилова. В языковом отношении особенно показательна замена относительного местоимения *иже* на *кто*, ярко отражающая эволюцию данной конструкции в живой восточнославянской речи. Заметим, что надпись на горшке из рязанского Ростиславля ведет себя в этом отношении уже как позднедревнерусский текст.

Особый интерес представляет употребление в надписи формы аориста *покра*. В тексте XIV в. это явно книжная черта, что не удивительно, учитывая вероятное присутствие в надписи церковнославянской формулы *да будетъ проклатъ*. Сравните также обусловленные установкой на книжность

формы аориста в берестяной грамоте № 46 (первая половина XIV в.), представляющей собой школьную шутку: *Невежа писа, недума каза, а хто се цита, ...* (текст записан в два ряда и читается по вертикали; окончание, содержащее ругательство, оборвано) (рис. 5). Два текста объединяет и прагматика форм прошедшего времени, ориентированных на момент прочтения, а не на момент написания текста. Угроза, призванная предотвратить кражу предмета, сформулирована как адресованная лицу, уже эту кражу совершившему. В этом смысле наша надпись выступает отдаленным, но вполне реальным предшественником известного анекдотического экслибриса «Украдено из библиотеки NN» и подобных ему владельческих надписей «превентивного» характера.

Определить достоверно функциональную принадлежность нашей находки пока затруднительно. Из подобного материала селища Вёжи известны оселки для заточки и правки режущих граней ножей (рис. 6), возможно топоров, кос (?). Однако все они имеют длину не менее 8–10 см и более – то есть длину, необходимую для безопасной работы с острой режущей частью затачиваемого предмета. В случае с нашей находкой подобная процедура невозможна в силу большого риска нанести себе травму. Предположение о том, что данный предмет может являться заготовкой некой индивидуальной иконки или предмета (амулета) личного характера в данном случае имеет место быть и, на наш взгляд, является более всего состоятельным.

Вполне возможно, что это предмет, на котором фиксировались либо результаты определенной торговой сделки, либо наличие купленного или проданного товара; а грани плашки, где фиксируются хорошо читаемые насечки (см. рис. 2), возможно, обозначают единицы, десятки, сотни, тысячи. Предмет с фиксированной информацией могли носить с собой либо его помещали вместе с товаром, и здесь она выполняла роль определенной накладной или описи товара. В этом случае понятна причина и мотивация проклятия тому, кто ее «покрадет». Интересен, на наш взгляд, еще один момент. На лицевой стороне, где прочерчен текст, слабо фиксируются прочерченные крест-накрест линии в виде литеры «X», которые как бы перечеркивают указанную надпись. Это мог сделать сам



Невѣжа писа, недума каза, а хто се цита, ...

Рисунок 5. Берестяная грамота № 46 (XIV в.)

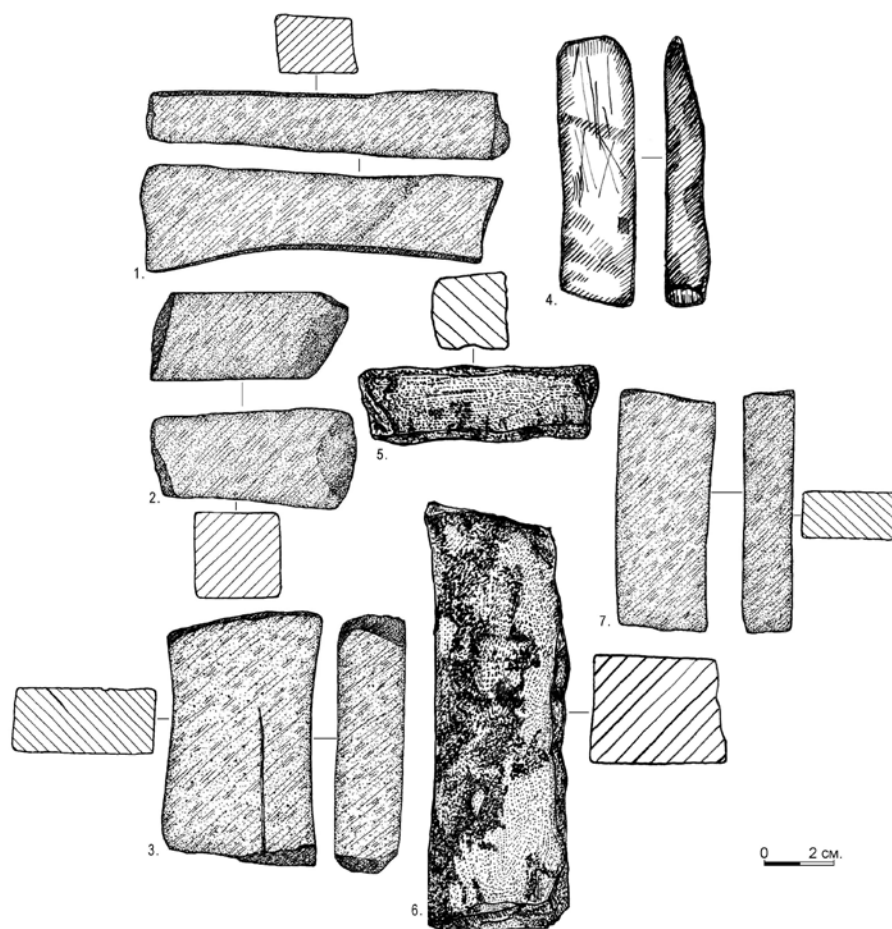


Рисунок 6. Оселки (селище Вёжи, индивидуальный материал:
1 – №179, 2 – №143, 3 – №158, 4 – №243, 5 – №234, 6 – №279, 7 – №180)

хозяин плашки, когда информация о результатах сделки или о товаре была уже не актуальна, либо это сделал человек, который выкрал ее, а возможно, и вместе с товаром. Перечеркиванием текста он как бы аннулировал проклятия Афанасия, делая ее и возможный товар обезличенным, ничейным.

Подобный памятник эпиграфики в Костромском Поволжье для периода конца XIII – начала XIV вв. на сегодняшний день не имеет аналогий. Качественное содержание предмета, текста и материала, из которого изготовлено изделие, позволяет констатировать факт того, что Костромская земля в обозначенный период не являлась территорией, находящейся за границей ойкумены и даже не самой ойкуменой, а была уже довольно известной в Московской Руси территорией, включенной в ее активно растущие сферы интересов и игравшей определенную роль в молодом растущем государстве.

Примечания

¹ Термин «ничейные земли» предполагает земли, не входящие в состав Киевской и, позже, Московской Руси, то есть земли, на которые не распространяется государственная и церковная система налогов.

² Осенью 2015 г. Институтом археологии РАН в Москве при раскопках территории Кремля была выявлена берестяная грамота с упоминанием Костромы. Это частное письмо, написанное книжным почерком XIV века на специально подготовленной полосе бересты. В грамоте идет речь о неудачной поездке «на Кострому» человека, имя которого остается неизвестным. О деталях поездки автор отчитывается, называя адресата «господине». В письме сообщается, что поехавших задержал некто, имевший на это право, и взял с них 36 бел (бела – денежная единица на Руси, сменившая ногату, – обе сравнительно небольшого номинала) [16].

³ Сланцы представляют собой горную породу с характерным практически параллельным расположением пластинчатых минералов с уникальным свойством раскалываться на тонкие пластины. Камень сланец вулканического происхождения имеет большой спектр цветов. В природе он встречается желтого, красного, коричневого, серого, бордового, черного, зеленого цветов и промежуточных оттенков. Можно встретить камень черного цвета, добываемый на Урале. Характерен графитовый оттенок. Благодаря наличию слюды отдельные сланцы могут иметь характерный блеск на солнце. За счет многослойной структуры камни обладают высокой

прочностью; их физико-механические свойства следующие: твердость колеблется от 2 до 6 баллов, а уровень водопоглощения составляет 0,01–3%. Уникальная и красивая фактура сланца делает его излюбленным материалом для дизайнеров, даже несмотря на бедную, по сравнению с искусственными материалами, цветовую палитру. Изделия из розового шифера производились только в одном месте древней Руси – на Вольни, в районе Овруча, где находится единственное месторождение розового шифера. Мастерские, производившие такие пряслица, открыты раскопками в Овручском уезде и в Киеве. Отсюда эти пряслица распространялись по всей Древней Руси в домонгольский период. После монгольского нашествия производство шиферных пряслиц прекратилось.

⁴ След неудавшегося сверления отверстия.

⁵ Заметим, что в части прочтения надписи эта гипотеза выглядит вполне фантастичной.

⁶ Подобными считаются изделия, сравниваемые на основании используемого материала и функциональной принадлежности предмета.

⁷ А.А. Зализняк трактует это слово как 3 л. ед. ч. презенса реконструируемого глагола *уколости*, родственного словам *колдовать*, *колдун*, и предполагает значение «заколдует» или более общее значение «повредит, наведет порчу».

⁸ Публикаторы предположительно восстанавливают: *da i (soxnetь)*...

Библиографический список

1. Археология Костромского края / под ред. А.Е. Леонтьева. – Кострома, 1997. – 276 с.
2. *Высоков С.А.* Результаты исследований надписи и изображения животного, помещенных в книге «Археология Костромского края», изданной в Костроме в 1997 г. // Вестник Костромской археологической экспедиции: материалы II научной конференции, посвященной памяти В.И. Смирнова. – Кострома, 2006. – Вып. 2. – С. 186–191.
3. *Кабатов С.А.* Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 317–320.
4. *Кабатов С.А.* Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 2. – С. 34–39.
5. *Кабатов С.А.* Зооморфные украшения Костромского Поволжья // Вестник Костромского

государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 1. – С. 39–51.

6. *Кабатов С.А.* Семантика зооморфных украшений Костромского Поволжья // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 2. – С. 49–52.

7. *Кабатов С.А.* Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи / сост. С.А. Кабатов. – Кострома: ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2015. – 259 с.

8. *Коваль В.Ю.* Новая эпиграфическая находка домонгольской эпохи с городища Ростиславль / В.Ю. Коваль, А.А. Медынцева // Вопросы эпиграфики: материалы I Международной конференции «Вопросы эпиграфики». Ч. 2. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015. – Вып. 7. – С. 164–174.

9. *Медынцева А.А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла. – М., 1991. – С. 26–39.

10. *Мухеев С.М.* О двух древнерусских надписях из Белоруссии и Польши // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. Part 2. – 2015. – Vol. 4. – № 1. – P. 311–323.

11. *Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 2001–2014 гг.) / В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – Т. 12. – 288 с.

12. *Німчук В.В.* Давньоукраїнський напис із Дорогичина // Храм і люди: збірка наукових праць до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. – Київ, 2013. – С. 138–142.

13. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (персть – подмышка) / гл. ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

14. *Турилов А.А.* Чара великого князя Владимира Давыдовича – памятник русской культуры XIV столетия // Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники: Памяти святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. – М., 2009. – С. 393–399.

15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3: Муза–Сят. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

16. В МОСКВЕ НАЙДЕНА УНИКАЛЬНАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: http://chrdk.ru/news/2015/10/26/v_moskve_naidena_pervaya_zasem_let_berestyanaaya_gramota/ (дата обращения: 25.04.2016).

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
novikov_s@yspu.org

Перфилова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
byzenka@yandex.ru

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА – КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННЕГО БУСЛАЕВА*

В статье рассматривается революционное для российского языкознания значение труда Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка». Двадцатишестилетний автор, досконально изучивший работы передовых европейских, и прежде всего германских, авторов в области языкознания, заявил о том, что слово – это не просто сочетание звуков, не только знак, передающий понятие, а «художественное старинное произведение», в котором можно увидеть «первоначальные представления, живой образ», сохраненные «в языке простонародья». Рассматривая язык также и как важнейший источник исторической информации, Буслаев предложил изучать его тремя методами – сравнительным, историческим и философским, объясняя, что сравнительный и исторический методы служат «материальной основой для философии языкознания». Подчеркивается, что в ходе дальнейшей работы Ф.И. Буслаев пришел к выводу о том, что исторический метод «есть уже вместе и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени, а сравнительный – вместе исторический, ибо сравнивает языки различных времен».

Ключевые слова: язык, сравнительно-историческое языкознание, слово, сравнительный и исторический методы, историческая грамматика русского языка, классики немецкого языкознания, картина мира индоевропейских народов.

Научная карьера Ф.И. Буслаева началась спустя шесть лет после завершения обучения в Императорском Московском университете, когда в 1844 г. он, учитель 3-й Московской реальной гимназии, опубликовал свой первый крупный труд «О преподавании отечественного языка». По мнению современных специалистов, первая работа Ф.И. Буслаева в значительной степени повлияла на развитие русского исторического языкознания, так как автору удалось рассмотреть историю родного языка в неразрывной связи с историей русской культуры и народной поэзии.

Своей книгой учебно-методического характера «О преподавании отечественного языка» [5] Ф.И. Буслаев буквально ворвался в российскую филологическую науку, заявив о себе как о педагоге-новаторе, имевшем твердые намерения реформировать устаревшее, оторванное от передовой науки и возрастных потребностей гимназистов догматическое изучение русского языка. «Хотя опровергаю все педагогические начала, которым не следую, – смело заявлял он о своих намерениях в “Предисловии”, – однако вовсе не с той дерзкой мыслью, чтобы решительно их уничтожить, а единственно, чтобы показать вредные их крайности и разительно выставить основания, по коим бы я всегда желал действовать в гимназии» [5, с. 25].

Отвергая абстрактные логико-грамматические установки и априорные обобщения автора самых популярных в России грамматик Н.И. Греча, а также критикуя другие школьные пособия и от-

сталу систему преподавания русского языка [10, с. 12, 13], Ф.И. Буслаев выступал пропагандистом учения Я. Гримма, так как «почитал его начала самими основательными и самыми плодотворными и для науки, и для жизни» [5, с. 26].

Смелость, решительность, напор в отстаивании своих «сознательных убеждений» [5, с. 25] выдавали в совсем ещё юном двадцатишестилетнем авторе человека незаурядного таланта – гения, в оценке современников [3, с. 482], который был готов продолжить свою учительскую карьеру только после основательного уразумения теоретических основ и актуальных дидактических приёмов овладения языком, релевантных абсолютно новому для отечественной науки сравнительно-исторического методу.

В двух очень больших по объёму частях своего труда (первая часть имела 335 страниц, вторая – 375) Ф.И. Буслаев, рекламируя передовые европейские принципы, научно обосновывает задачи, методы и приёмы обучения русскому языку в гимназиях, причём делает это так «умело и дидактически тонко», с такой силой убеждений и доводов, что даже спустя полвека после опубликования этого сочинения опровергать их решались немногие, да и сам подбор контраргументов представлял для оппонентов «значительные трудности» [3, с. 482, 483].

Первая часть книги «О преподавании отечественного языка» содержала изложение представления Ф.И. Буслаева о сущности школьной дидактики, знакомила читателей с разнообразными методами обучения родному языку, выработанными

* Работа выполнена по государственному заданию Минобрнауки России.

ными в Германии и других европейских странах, вводила в мир научно-лингвистических и педагогических интересов автора. Во второй части содержался основательно подобранный теоретический и фактический материал по философским и историческим аспектам языкознания, который проецировался в плоскость рекомендаций по изучению истории русского языка и стилистики.

Для молодого учёного, отметим это в первую очередь, все наблюдения за языком начинались с досконального – фонетического и морфологического – разбора слова, так как в этом пристальном, пристрастном интересе к букве заключался, по его мнению, секрет философии языка. Теоретический аспект языкознания, или философия языка¹, в освещении Ф.И. Буслаева, «укореняется на изучении буквы», поэтому, уверял он, «кто с надлежащей точки зрения смотрит на букву, тот понимает язык во всей осязаемости его, изобразительности и жизненной полноте» [5, с. 26].

Слово было для него не просто сочетанием звуков, имевших свою историю, и не только знаком, передававшим понятие. В его эстетизированном сознании слово превращалось «в художественное старинное произведение», в котором он, как ему казалось, мог увидеть «первоначальное представление, живой образ», по-прежнему сохранённый «в языке простонародья». Стремясь узнать о слове максимум информации, он «как учёный филолог исследует слово, как художник любит его, как историк культуры выдвигает перед нами картину прожитых периодов жизни... Современный язык представляется (ему. – М. Н., Т. П.) богатым наследием прошедших поколений, маститым зданием, соорудившимся тысячелетиями... Учёный мысленно восстанавливает процесс сооружения, указывая, откуда произошёл самый материал для здания, к каким периодам прошедшего принадлежат отдельные камни (то есть слова) и как происходила их обработка» [9, с. 22].

Подобным отношением к языку как сокровищнице информации незапамятных времён Ф.И. Буслаев проникся в результате скрупулёзного знакомства с «современными блистательными успехами филологии и лингвистики», которыми особенно славилась немецкая наука [5, с. 26]. На протяжении всего процесса исследования родного языка Ф.И. Буслаев ссылается на выводы К.Ф. Беккера – создателя лучшей, в его оценке, философской грамматики, Я. Гримма – основоположника исторической грамматики, В. Гумбольдта, разработавшего начала «психологической грамматики», Ф. Боппа – теоретика сравнительного изучения индоевропейских языков [5, с. 65, 193 и др.].

Тщательно следуя за ходом научно-теоретического мышления и методологическими стратегиями этих известнейших в то время учёных, Ф.И. Буслаев оправдывал имевшиеся в его труде

заимствования тем соображением, что «в деле общем и общественном, каково есть обучение юношества, оригинальным быть не следует». Он был уверен в том, что его «не осудят в компиляции, ибо заметят, что позади чужих мнений» он всё же старался «ставить собственную критику».

Проверяя свои собственные наблюдения за языковыми явлениями «судом опытных педагогов», то есть великих учёных, благодаря которым сформировались его собственные теоретико-методологические взгляды на предмет изучения, Ф.И. Буслаев стремился достичь высокой, в его понимании, цели: «показать современное воззрение» на «философию языка», возвестить об успехах «сравнительной филологии» и «исторической лингвистики» и применить это твёрдое научное основание к изучению русского языка на средней ступени образования юношества [5, с. 25, 26].

Областью повышенного интереса молодого учителя стала историческая грамматика русского языка, разработка которой ещё полностью отсутствовала в России, хотя парадигма отношения к языку как «краеугольному камню не только истории, но и правоведения и мифологии» сложилась в Германии уже в начале XIX в. благодаря «копотливым» исследованиям Я. Гримма [5, с. 193, 196].

Информируя своих коллег – преподавателей русского языка, главных адресатов его научно-методических штудий о новейшем состоянии «науки о языке», Ф.И. Буслаев сообщает о настоящем перевороте в языкознании, совершившемся благодаря применению в этой области знания сравнительно-исторического метода и философских принципов. «Одни филологи, – сообщает он, – исследуют вдруг по несколько языков, древних и новых, азиатских и европейских, и сравнивают их между собой; другие берут какой-либо один язык, проходят его по всем наречиям и последовательно ведут его историю от самых древних памятников его литературы до позднейших времён; третьи подводят все частные видоизменения грамматических форм к общим философским законам». Назвав первый способ изучения языков сравнительным, второй – историческим, третий – философским, автор с уверенностью констатировал, что они «взаимными силами подкрепляют друг друга», так как первые два служат «материальной основой» для философии языкознания, которая «освещает идею и совокупляет стройным единством многообразные и разрозненные факты изучения исторического и сравнительного». Следовательно, философствование (теоретизирование) в области языка возможно только на основе эмпирической базы: «без сравнительного и исторического запаса (филология языка. – М. Н., Т. П.) весьма шатка и несостоятельна» [5, с. 192, 193].

Следуя этим трём направлениям изучения родного языка, Ф.И. Буслаев подробно характеризует

материалы исследования – ту область эмпирии, которая для него стала отправным звеном для применения новейших исследовательских процедур и теоретических обобщений. К «драгоценнейшим памятникам старины» он отнёс летописи (Киевскую, Вольнскую, Псковскую, «Нестерову по Лаврентьевскому списку» и др.), старейшие из известных литературных и юридических текстов Древней Руси (например, «Слово о полку Игореве», «Русскую правду»), тексты Евангелий (к примеру, Остромирово, от Иоанна), сборники народных песен, сказок и стихов из собрания Кирилла Данилова, произведения народной словесности, рукописи и достопримечательности западных и восточных славян, опубликованные К. Калайдовичем и Ф. Шафариком. Все эти рукописные и печатные материалы, выбранные им в «необозримом количестве» произведений «народной поэзии», позволили Ф.И. Буслаеву составить «историческую основу русского языковедения», которую он затем, «держась методы Гриммовой» [5, с. 196], попытался преломить в историю и культуру древнерусского народа – дерзнул «заглянуть в доисторические времена Руси при посредстве нового орудия – языка» [3, с. 482].

Содержание второй части книги Ф.И. Буслаева подтверждало вывод «совершеннейшего лингвиста» Я. Гримма [5, с. 29] о неисчерпаемом информативно-смысловом богатстве слова, которое следует использовать и для изучения «мыслительности народной», и для реконструкции «всего быта, нравов и поверий... истории народа» [5, с. 340].

Эта идея оказалась особенно привлекательной для автора книги «О преподавании отечественного языка»; её он эксплуатирует с большим размахом, подтверждает истинность на многочисленных примерах из повседневной жизни русского народа, славянских и германских племён, праиндоевропейцев. Самостоятельно собранные и систематизированные языковые сведения о картине мира русского народа в древнейший период его истории [5, с. 241–252, 273–281, 307–336] дополняются историко-культурными данными из жизни славянских, германских, индийских племён на заре их существования и при создании ранних цивилизаций. Эту очень важную и необходимую для осуществления сравнительно-исторических операций информацию он привлёк из монографий своих влиятельных кумиров. Не оставляя без внимания ни одну из сколько-нибудь важных сфер жизнедеятельности славян и их далёких предков и соседей (земледельческий и военный быт, строительство, средства передвижения), реконструируя их семейные, юридические «учреждения», общественно-политические отношения, Ф.И. Буслаев стремился прежде всего проникнуть в глубины сознания своих соотечественников и родственных им народов, поэтому он терпеливо пытался понять их мысли

о «мире», представления о пространстве и времени, чувства, возникавшие при «языческом взгляде на природу физическую и духовную», отношение к телу, болезням, смерти. Эти и другие сведения о природном и социальном универсуме продолжают будоражить умы и современных исследователей, заинтересованных, как и Ф.И. Буслаев, в том, чтобы найти ключ к познанию духовного мира человека архаических и древних обществ.

Тщательно собранная, систематизированная и рубрицированная информация составила авторский «банк данных», который, постоянно увеличиваясь в объёме по мере обнаружения Ф.И. Буслаевым новых рукописей, изучения не известных прежде фольклорных и ранних литературных произведений русской и европейской культуры, давал ему возможность в течение многих десятилетий черпать сведения из этой бездонной копилки, сообразя им новую концептуальную оснастку и парадигмальную основу.

С именем Ф.И. Буслаева, первым приступившим к изучению «языкового мировидения» в нашей стране, связаны многие научные истины, которые, став сегодня хрестоматийными, в начале 40-х гг. XIX в. воспринимались как выдающиеся достижения гуманитаристики. Путёвку в жизнь им дала книга «О преподавании отечественного языка». Благодаря талантливому учителю гимназии в России узнали, что «в языке выражается вся жизнь народа... Речь, нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов... язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницей всей прошедшей жизни нашей... [5, с. 270, 271] Изучение старинного нашего языка роднит нас с нашими предками [5, с. 356], со всеми сокровищами нашей старины... [5, с. 372] Самым нижним, во глубине лежащим слоем языка надобно признать первобытный, роднящий нас с языками индоевропейскими, и мифологический, языческий» [5, с. 270].

Резонанс этих главных, на наш взгляд, и не утративших по сей день значения выводов хорошо выразил последователь Ф.И. Буслаева профессор Казанского университета Е.Ф. Будде: «Сказать о языке в то время то, что сказал Буслаев, было новостью; ввести в грамматику народный язык с его говорами и искать в них научное освещение нашего литературного языка, предсказать путь развития русской лингвистики... было делом пророческого чутья и глубокого понимания науки с её перспективами» [3, с. 484].

Стремление прочитать в языке судьбу народа и через язык, органически связанный с сознанием, мыслью, представить жизнь, культуру, духовный склад людей отдалённых исторических эпох означало, по мнению другого выдающегося ученика Ф.И. Буслаева, Всеволода Миллера, диссеминацию

важнейшей «культурно-исторической идеи» [9, с. 23]. Основанная на успехе исторического языкознания, она стала доминирующей и в сочинении «О преподавании отечественного языка», и во всех последующих, более зрелых работах учёного, вдохновляя его на поиск корреляций между этапами проживания исторической судьбы народом и динамикой духовной жизни, выраженной в искусстве слова.

Вс. Миллер отмечал, что Ф.И. Буслаев относился к слову как археолог и художник, историк культуры и тонкий эстет. Он один проделывал ту работу, которую в конце XIX в. стали осуществлять узкие специалисты, представители разных направлений развития филологии: один главным образом изучает звуковую сторону слова, уясняя законы фонетики; другой прослеживает историю слова по памятникам письменности; третий посвящает себя изучению народных говоров; четвёртый пытается «угадывать» психологические законы, влиявшие на трансформацию значения слов; пятый с точки зрения лингвистической палеонтологии использует слова для производства исторических выводов [9, с. 23]. Что касается Ф.И. Буслаева, то он «не мог сосредоточиться исключительно ни на одном из специальных интересов изучения языка. Все эти пути, – прояснял ситуацию Вс. Миллер, – в то время, когда он преимущественно работал по языку, только что намечались, и он сам более всех из русских учёных участвовал в этой пионерской работе» [9, с. 23].

Если мы обратимся к воспоминаниям Ф.И. Буслаева, то и нам будет понятен его «стереоскопический» подход к слову, с неизбежностью порождавший потребность в многоуровневом анализе его этимологических истоков, формы и содержания, изменений первоначальных значений. Академик писал: «Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я чуял в ней музыкальный звук, который отдавался в сердце, живописал воображению и вразумлял своей точной, определённой мыслью в её обособленной, конкретной форме... Язык в теперешнем его составе представляется мне результатом многовековой переработки, которая старое меняла на новый лад, первоначальное и правильное искажала и вместе с тем в своеземное вносила новые формы из иностранных языков. Таким образом, весь состав русского языка представлялся мне громадным зданием, которое слагалось, переделывалось и завершалось разными перестройками в течение тысячелетия...» [4, с. 281, 282].

«Материальная основа» книги «О преподавании отечественного языка», как это было заявлено автором [5, с. 193], была подвергнута обобщению, которое соответствовало «общим философским законам» языкознания первой половины XIX в.

Боясь поддаться «систематическим натяжкам» и умозрительным построениям теоретиков языко-

знания, Ф.И. Буслаев всё же без колебаний сообщает о своей приверженности органистической теории В. Гумбольдта и не сомневается в истинности идеи «высокого (читай – божественного. – М. Н., Т. П.) происхождения... организма языка» [5, с. 193, 273]. «Та же творческая сила, – интерпретирует он немецкого философа, – которая непрестанно действует в природе вещественной, создала и язык устами целого народа... Христианство даёт величайшее значение слову как воплощению Бога. И язычники сознавали таинственное происхождение речи и её высшую силу» [5, с. 273, 274].

Скрытая в глубине тысячелетий тайна происхождения языка была для него настолько очевидной, а вера в созидательные силы Творца настолько непререкаемой, что он даже позволил себе бросить критическую реплику в адрес своего кумира, Якова Гримма, обвиняя его в стремлении «анатомическим ножом грамматиста-аналитика проникнуть» в ту недостижимую сознанию священную область, которую В. Гумбольдт считал сокрытой «от глаз наблюдателя в таинственном лоне природы» [7, с. 518].

Другая философская идея, почерпнутая Ф.И. Буслаевым из теоретического наследия В. Гумбольдта и нашедшая живой отклик в его сознании как истинно веровавшего в Бога человека [8, с. 10, 19, 20], состояла в утверждении творящей природы человеческого духа, который, выражая внутреннюю потребность человечества, превращается в первотолчок и первопричину образования языков. Рассуждая в этом направлении, Ф.И. Буслаев охарактеризовал язык «органическим, живым и целым произведением человеческого духа» [5, с. 193].

Выражения, многократно встречающиеся в обеих частях книги: «глубокий разум слов в языках народов необразованных», «речь как органическое отправление», «мысль как жизненная сила», «законы творческой силы», постигаемые через язык, «душа языка», согласные – «кости и плоть языка», гласные – «кровь и плоть» языка, «язык – живое целое... органическое целое», «внутренняя живительная сила» языка [5, с. 273, 85, 87, 26, 28, 199, 56, 199 соответственно] – относятся к смысловому пространству гумбольдтовской концепции языка. Они не казались Ф.И. Буслаеву «отвлечёнными предрассудками какой-нибудь философской системы» [5, с. 85], хотя сегодня воспринимаются именно в таком смысловом режиме, что даёт основания некоторым учёным отмечать уязвимость теоретических основ языковедческих трудов реформатора преподавания отечественного языка и относить его к «крупнейшим представителям логико-грамматического направления» в языкознании [2, с. 78, 79; 10, с. 18].

На страницах своего первого исследования Ф.И. Буслаев затрагивает и гносеологический аспект филологических трудов, упоминая в этой

связи имени наиболее авторитетных в его глазах специалистов из Германии: Ф. Боппа и Я. Гримма [5, с. 29, 66, 67; 4, с. 282]. Они стояли у истоков сравнительно-исторического языкознания, разработав на этой универсальной методологической стратегии концепцию двух этапов развития языка: образно-чувственной и абстрактно-логической. Аргументировав её солидной массой данных, Ф. Бопп и Я. Гримм предлагали всем своим последователям надёжный способ изучения генезиса слов и объяснения трансформации их первоначальных значений в процессе культурно-исторического бытования.

Охотно откликаясь на казавшиеся тогда безупречными способы постижения наидревнейших в истории человечества эпох при помощи языковедческого инструментария, Ф.И. Буслаев убеждал своих адресатов в том, что «словом мы выражаем не предмет, а впечатление, произведённое оным на нашу душу... Впечатление предполагает нечто деятельное, движущееся, потому большая часть слов происходит от глагольных корней... Значение слов физическое древнее нравственного... Физическое значение, ближайшее к живому впечатлению, первобытнее... Со временем живое значение слова теряется, впечатление забывается и остаётся только одно отвлечённое понятие; потому, – подчёркивал он, – восстанавливать первобытный смысл слов – значит возобновлять в душе своей творчество первоначального языка» [5, с. 273].

Руководствуясь идеей развития языковых явлений и языкового фонда народа, Ф.И. Буслаев сумел продемонстрировать приобретённую благодаря немецким учителям компетенцию в процедуре сравнительно-исторического анализа. Работа «О преподавании отечественного языка» по существу явилась «первым применением на русской почве и на русском материале идей и методов сравнительного языкознания» [1, с. 58].

Суть сравнительного метода, который благодаря Ф.И. Буслаеву сразу же стал называться сравнительно-историческим, приобрета «прописку» в исследованиях истории и культуры, фольклора и изобразительного искусства, религии и быта, сводится к следующему.

Каждый факт языка рассматривается в его историческом развитии и сравнивается с подобными фактами других языков. Учёные, используя приём реконструкции, сопоставляют явления разных языков и восстанавливают грамматические формы и слова, лежащие в их основе. Так определяются характерные черты языка-основы, или праязыка, общего предка той или иной группы близкородственных языков (например, праславянского, прагерманского), в свою очередь восходящих к праиндоевропейскому языку.

Современная генеалогическая классификация языков (которых насчитывается более двух с по-

ловиной тысяч) включает в себя семьи – группы родственных языков (индоевропейская, уральская, семито-хамитская и другие); группы (в индоевропейской семье их двенадцать: индийские, романские, германские, славянские, кельтские, балтийские и другие), которые, в свою очередь, делятся на подгруппы (так, славянские языки объединяют южнославянские, западнославянские и восточнославянские ветви) [13, с. 16, 17].

Такой предстаёт картина сейчас. В годы жизни Ф.И. Буслаева её контуры только намечались², и применение абсолютно нового для гуманитаристики метода (до этого востребованного только в точных и естественных науках) требовало и обширных филологических знаний, и языковой интуиции от тех, кто именно со сравнительно-историческими процедурами связывал успехи в антропо- и обществоведении. Кроме того, без доскональной осведомлённости о работах корифеев в этой области и чёткого выполнения обоснованных ими алгоритмов исследовательских приёмов добиться каких-либо значимых успехов в индоевропеистике не представлялось возможным. Ф.И. Буслаев безоговорочно доверял авторитету классиков немецкого языковедения, пробивая брешь в «глухой, бессознательной ненависти ко всему иноземному», которую выставляли напоказ первые русские слависты. Благодаря ему возродился погнанный в годы «мрачного семилетия» (1848–1855) пиетет к достижениям европейских учёных, без учёта которых стало уже невозможно претендовать на новое слово в науке. «Наука европейская владеет такими обширными силами, что, очевидно, зависимость (от неё. – М. Н., Т. П.) будет продолжаться ещё долго», – пророчествовал даже в начале 90-х гг. XIX в. А. Н. Пыпин [11, с. 254].

В своих воспоминаниях, в разделе, посвящённом подготовке сочинения «О преподавании отечественного языка», Ф.И. Буслаев без всякого смущения и без намерения утаить эту информацию написал: «Вместе с капитальным исследованием Вильгельма Гумбольдта о сродстве и различии индо-германских языков я изучал тогда сравнительную грамматику Боппа... Но особенно увлёкся сочинениями Якова Гримма и с пылкой восторженностью молодых сил читал и зачитывался его исторической грамматикой немецких наречий, его немецкой идеологией, его юридическими древностями» [4, гл. XXI, с. 281].

Метод сравнительно-исторического языкознания, разработанный в Германии в первой четверти XIX в., в России был впервые использован А.Х. Хвостовым в 1820 г. применительно к славянским языкам. Несмотря на серьёзные научные перспективы, метод медленно пробивал себе дорогу в арсенал необходимых исследовательских средств. Одна из причин, объясняющая данную ситуацию, состоит в том, что историческое изу-

чение даже одного конкретного языка требует неимоверных усилий по обработке труднообозримого фактического материала, взятого из обширного массива самых разнообразных, в том числе и рукописных, источников. На первом этапе работы учёные были вынуждены заниматься главным образом сбором, описанием и изданием древних источников, и, посвящая себя этим трудоёмким операциям, у них уже не оставалось резервов сил для аналитических процедур.

Ф.И. Буслаев выгодно отличался от своих предшественников: он был молод, полон энергии и амбиций; о его неимоверном трудолюбии и преданности любимому делу слагались легенды. Не опасаясь трудностей подготовительного характера, связанных со сбором и введением в научный оборот неопубликованных источников, опираясь на имеющиеся наработки соотечественников и полностью доверяя столпам немецкого языкознания, обосновавшим и основные принципы, и методологическую оснастку сравнительно-исторического анализа, Ф.И. Буслаев приступил к «копотливому труженичеству». Он начал с объяснения звуков и грамматических форм родного языка, постепенно вовлекая полученную информацию в исследовательское пространство компаративистики.

В ходе работы он осознал, что исторический метод «есть уже вместе и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени, а сравнительный – вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времён» [5, с. 192, 193].

Сравнительное изучение ряда языков давало, по его соображениям, «истинное и ясное понятие о законах языка», но только историческое исследование могло «генетически объяснить, почему так, а не иначе употребляем мы ту или иную форму» [5, с. 69].

Хорошо осознавая, что «наша грамматика и в половину не дошла до той степени совершенства, на какой стоят немецкая и французская»: ещё отсутствует история родного языка, донаучный характер имеют все попытки «сравнительного изучения русского языка с родственными и соплеменными» [5, с. 41] – он на перспективу сформировал своими первоочередными задачами «практическое изучение чуждых языков в сближении с русским», а также углублённое, комментированное прочтение «памятников нашей литературы, и древних, и новых». Эти усилия должны были в конечном итоге увенчаться появлением «систематической сравнительно-исторической грамматики» [5, с. 69].

Пока же, на начальном этапе приближения к этой отдалённой перспективе, Ф.И. Буслаев видел свои заслуги в том, что ему удалось «дать историческую основу русскому языковедению» [5, с. 197]. Он изучил «архаизмы в связи с русскими древностями», то есть «с жизнью воинской, гражданской,

художественной – словом, со всеми сокровищами нашей старины» [5, с. 271, 372], убедился в том, что не только «наш старинный язык», сохранившийся в архаизмах, но и варваризмы («языковые заимствования») повествуют об истории народа [5, с. 301, 340, 341, 372]; доказал, что провинциализмы (диалекты) «можно назвать филологической географией и статистикой России» [5, с. 372].

Находясь у самых истоков создания в России сравнительно-исторического языкознания, Ф.И. Буслаев отчётливо понимал, каким долгим и тернистым будет выбранный им путь в науке. «Я и сам очень хорошо вижу, – искренне сообщил он в своей первой книге, – что предложенные мной немногие материалы – только зародыш того, чему быть следует. История русского языка ожидает таких же необъятных трудов, какое положил Карамзин на создание “Истории государства Российского”» [5, с. 197].

Надежду на завершение начатой работы в него вселяли фундаментальные труды европейских лингвистов, в том числе и славистов (Й. Добровского, С. Линде, Й. Юнгмана [5, с. 193]), которые превращались для него в образцы, достойные подражания. Задумав изучать славянские наречия в сравнении с родственным им русским языком, он собирался воспользоваться руководящими идеями, то есть «методой», Я. Гримма [5, с. 196].

Таким образом, первая работа Ф.И. Буслаева, имевшая учебно-методическое предназначение, превзошла ожидания автора. Позиционируя себя реформатором гимназического образования, он одновременно выступил с заявкой создать новую для России отрасль сравнительно-исторического языкознания. Его книга, получившая резонанс в научном сообществе России [3, с. 484; 9, с. 25; 10, с. 11, 12; 12, с. 15, 17–21], стала весьма надёжным основанием для возведения здания новой перспективной науки, обещавшей предоставить достоверные материалы о повседневной жизни и культуре русских, славянских, германских и других индоевропейских народов в отдалённые от современности периоды их существования.

Коллекция архаизмов, варваризмов, провинциализмов, обнаруженная Ф.И. Буслаевым в родном языке, дала ему возможность ввести русский в круг сравнительного европейского языкознания. «Глубокое филологическое соображение» Я. Гримма об использовании языка для изучения воинского, юридического, семейного и религиозного быта народа [5, с. 84] побудило его применить исторический метод для интерпретации языковых явлений. Совмещение сравнительного языкознания и исторической грамматики при помощи методов диахронного и синхронного анализа открыло для него перспективы изучения и родного языка, и его истории в контексте «языкового мировидения» индоевропейской группы народов. Неясные и туманные

в начале 40-х гг. XIX в., эти перспективы начнут обретать научные очертания в результате приобщения Ф.И. Буслаева к интеллектуальному течению романтизма.

Примечания

¹ Ф.И. Буслаев использует модное в начале XIX в. слово «философия» применительно к языкознанию не случайно. В стремлении подняться «до сущности» изучавшегося предмета проявлялось, на наш взгляд, сильное влияние шеллингианства. Ф.В.Й. Шеллинг в своей работе «Философия мифологии», известной Ф.И. Буслаеву, писал о том, что многие представители немецкой науки под философией понимают всего-навсего «ясность и методичность изложения», поэтому беспечно и неоправданно широко применяют термин «философия» к любой области «наукоучения», например к истории почтового дела, химии, истории, искусству и т. п. [14, с. 344]. По мнению Ф. Шеллинга, не каждый предмет познания может иметь философскую основу, так как не всегда перед учёным стоит задача «подняться до сущности», «понять истинную, настоящую природу» изучаемого объекта, хотя только в этом случае «познание будет теорией» [14, с. 346]. Ф. Шеллинг сделал вывод об идентичности «философского созерцания» и создания «теории любого естественного или исторического предмета», так как и в том и в другом случае речь идёт о восхождении «до сущности... понятие же сущности состоит в следующем – быть принципом, источником бытия или движения» [14, с. 346]. Ф.И. Буслаев стремился следовать этим наставлениям выдающегося немецкого философа.

² Свои представления о генеалогии и классификации языков Ф.И. Буслаев изложил только в конце 50-х гг. XIX в. в книге «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858). Он сообщает, что уже в «эпоху доисторическую» народы были разделены на «множество языков», а племена – на «множество наречий». Кроме «поколения» индоевропейских языков, он называет «поколение семитическое» и «поколение северное» (например, чудской, татарский языки). Далее автор прослеживает «особенно замечательные» языки индоевропейцев «в Азии»: санскрит, пракритский, язык древних персов – и противопоставляет им классические языки, так как греки и римляне раньше других генетически близких им племенных групп вступили «на историческое поприще». Особенно много внимания он уделяет языкам и наречиям «племени немецкого»: готскому, верхненемецкому, нижненемецкому. Славянский язык он подразделяет на юго-восточный и западный [6, с. 2–4].

Сейчас эта информация выглядит очень архаичной и, конечно, устаревшей, однако заметим, что знания Ф.И. Буслаева были уже значительно глубже, чем, к примеру, у Ф. Шеллинга [см.: 14, с. 251, 252],

так как за тридцать лет, отделявших время написания «Философии мифологии» и «Опыта исторической грамматики...», в сравнительно-историческом языкознании был осуществлён настоящий прорыв.

Библиографический список

1. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Э.В. Померанцевой. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1963. – 363 с.
2. *Березин Ф.М.* История русского языкознания. – М.: Высшая школа, 1979. – 223 с.
3. *Будде Е.* О заслугах Буслаева как учёного лингвиста и преподавателя (Речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года) // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – С. 480–493.
4. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания / изд. В.Г. фон Бооля. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гемеля, 1897. – 387 с.
5. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка / сост. И.Ф. Протченко, Л.А. Ходякова. – М.: Просвещение, 1992. – С. 25–373.
6. *Буслаев Ф.И.* Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1. Этимология: учеб. пособие для преподавателей. – М., 1858. – 428 с.
7. *Буслаев Ф.И.* «Сравнение русских слов с санскритскими» А.С. Хомякова // Буслаев Ф.И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 516–537.
8. *Злобина Н. Ф.* Концепция историзма в филологическом наследии Ф.И. Буслаева: автореф. ... д-ра филол. наук. – М., 2010. – 47 с.
9. *Миллер Вс.* Памяти Фёдора Ивановича Буслаева // Памяти Фёдора Ивановича Буслаева. – М.: Тип. Высочайше утвержд. Т-ва И.Д. Сытина, 1898. – С. 5–42.
10. *Протченко И. Ф.* Ф.И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог // Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. – М.: Просвещение, 1992. – С. 7–24.
11. *Пытин А.Н.* История русской этнографии: в 2 т. Т. 2. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. – 428 с.
12. *Смирнов С.В.* Фёдор Иванович Буслаев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 96 с.
13. *Чурмаева Н.В.* Ф.И. Буслаев. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.
14. *Шеллинг Ф.В.Й.* Введение в философию мифологии // Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг. Сочинения: в 2 т. Т. 2: пер. с нем. / сост., ред. А.В. Гулыга; прим. М.И. Левиной, А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1989. – С. 159–374.

Дзюбан Валерий Валерьевич

доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
bryanskstudzuban@mail.ru

Матюхина Ольга Анатольевна

Брянский государственный технический университет
ya.matukhina@yandex.ru

ПОПЕЧЕНИЕ ОРЛОВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПЕТРОПАВЛОВСКОГО БРАТСТВА О РАСПРОСТРАНЕНИИ В НАРОДЕ ИКОН И СВЯЩЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПРАВОСЛАВНОГО ПИСЬМА (конец XIX – начало XX века)

Духовно-нравственное состояние современных людей подвергается серьезным испытаниям: кризисные процессы и явления, приводящие к национальным и конфессиональным конфликтам, революциям, войнам, являются разрушительным фактором и для внутреннего устройства людей [6, с. 5]. Ученые сегодня подчеркивают, что мы находимся «в духовно-бездуховности действительности секулярного государства, в условиях вызовов современной технократической цивилизации» [14, с. 65]. В поиске духовной опоры многие россияне обращаются к православию и отечественным культурным ценностям. Это происходит не случайно: наши православные традиции на протяжении веков оказывали консолидирующее воздействие на полиэтничное и поликонфессиональное общество российского государства, сформировали уникальную и богатейшую культуру. Традиции – это совокупность представлений, обычаев, привычек, передаваемых из поколения в поколение, выступающих регулятором общественных отношений; это то, что не создано индивидом или не является продуктом его собственного творческого воображения [4, с. 78]. По мнению исследователей, в России без знания традиций невозможно постижение духовной культуры русского народа и адекватное изучение отечественной истории: «Духовная культура, выросшая из православия и впитавшая элементы многих составляющих, сформировала направленность сознания, характер человека и его миропонимание, тип поведения, политическое и экономическое своеобразие истории, которое позволило России стать одним из ярчайших явлений мировой цивилизации» [8, с. 434]. Однако долгие годы предвзятого отношения к духовному и историческому наследию Русской православной церкви привели к разрушению культурных и религиозных традиций, утрате нравственных ориентиров. В этой связи изучение исторического прошлого, в том числе истории Русской православной церкви, представляется нам актуальным. Учитывая также тот факт, что на современном этапе происходит возрождение неполитических общественно-религиозных объединений духовенства и мирян, изучение регионального опыта функционирования таких объединений в досоветский период, как нам представляется, может иметь практическое значение.

Ключевые слова: Русская православная церковь, икона, религиозная культура крестьянской повседневности, православные братства.

Изменения экономического и политического характера, происходившие в России на рубеже XIX–XX вв., обусловили активизацию религиозно-просветительской деятельности Русской православной церкви, а также появление большого числа неполитических общественно-религиозных организаций – православных братств. Основной задачей православного духовенства и членов религиозных объединений стало просветительство, попечение о духовно-нравственном состоянии населения, религиозно-культурное воспитание православных жителей империи [5].

В Орловской губернии в 1887 г. было учреждено православное объединение духовенства и мирян, ставшее в последующем одним из крупнейших в России – Орловское Православное Петропавловское Братство. Оно организовалось при Орловском кафедральном соборе во имя святых апостолов Петра и Павла. Сфера деятельности этого общества определялась как религиозно-просветительная, миссионерская, благотворительная [9]. В числе важных направлений просветительской работы члены Орловского Петропавловского Братства считали заботу о воспитании в народе гра-

мотного и бережного отношения к православным святыням, в частности – к иконам и священным изображениям, используемым в домашнем богослужении (молитвах).

В повседневной жизни (быту) русских крестьян молитвенное обращение к Богу, Божией Матери, прославленным святым имело огромное значение. Вся жизнь русского крестьянства с младенчества была тесно связана с православием, этапы жизненного цикла и соответствующие им обряды предполагали использование икон. В связи с этим иконам в крестьянском доме отводилось особое место, обычно их было несколько. Иконы, используемые крестьянами в домашних молитвах, передавались по наследству, принимались как благословение от родителей, а также приобретались по случаю на ярмарках. «Традиционный русский дом не мыслится без красного угла с иконами... К иконам православный обращался не раз в день, испрашивая Божие благословение и помощь на каждое вновь начинаемое дело. Здесь душа верующего черпает духовную силу... Издавна иконы считались самым значимым и ценным достоянием семьи... Поэтому значение икон в русском доме, их состав и отношение к домашним святыням – важный показатель религиоз-

ности» [15, с. 219–220]. Но небогатые крестьянские семьи не имели возможности приобретать добротные иконы, соответствующие православным иконописным канонам. Основные причины были две: нехватка материальных средств и недостаток знаний, где купить и как правильно выбрать.

В конце XIX – начале XX в. в православной печати часто поднимался вопрос о распространении в народе икон и религиозных картин очень плохого качества и низкого художественного уровня. Чаще всего подвергались критике духовенства и знатоков русской религиозной живописи иконы суздальских и владимирских «богомазов» и «лубочные» картины на библейские сюжеты, продававшиеся в Москве на Никольском рынке: «Иконы эти таковы, что при всей яркости на них красок, какими кажутся они на первый раз, не могут возбуждать у взорающих на них определенного характера религиозного чувства» [7, с. 99]. Как отмечали современники, такие иконы представляли собой лики святых без определенных выражений и очертаний, что затрудняло их распознавание: «Распространяются изображения неуклюжие, профанирующие св. лица, представляющие их в грубом виде, в странных позах и в невозможных костюмах» [2, с. 45–55]. Подчеркивалась также грубая работа, чуждые гармонии и симметрии подбор и расположение красок. Этот псевдорелигиозный и псевдохудожественный ширпотреб наводнял ярмарки и лавочки, разносился в самые отдаленные деревни торговцами-коробейниками, часто смотревшими на иконы исключительно как на предмет коммерческих выгод, а потому допускавших нечестную торговлю и ненадлежащее содержание товара. Вместе с тем святые иконы, являясь важной частью обрядовой стороны христианской религии, должны были удовлетворять своему назначению, то есть «быть правильно писаны, дабы молящиеся, взирая на них телесными очами, невольно возносились духом к их первообразам...» [7, с. 96].

Кроме того, в православную народную среду попадали картины католического и лютеранского письма, проникавшие в основном из западных губерний, далекие от православных канонов в живописи и допускавшие существенное искажение святых образов. Как отмечал корреспондент «Орловских епархиальных ведомостей», для православных людей духовную красоту вполне воплощала византийско-русская живопись, восстановлению и развитию которой были посвящены усилия церковной власти и частных лиц. Но тот же корреспондент сетовал, что в народные массы не проникали хорошие образцы церковной живописи, и народ «по-прежнему покупает уродливые изображения суздальских мастеров и торгашей Никольского рынка» [2, с. 45–55].

Хорошо понимая сложившуюся ситуацию, Совет Орловского Православного Петропавловского

Братства сделал постоянным направлением своей деятельности попечение о воспитании в простом народе правильного взгляда и хорошего вкуса в выборе священных изображений (икон и картин на библейские сюжеты). По мнению членов Братства, главную роль в этом вопросе должно было играть приходское духовенство. В личных беседах, во время проведения народных чтений, при совершении треб священнослужители старались разъяснять крестьянам важность внимательного выбора икон. При этом Совет Братства учитывал, что многие представители духовенства (особенно молодые по возрасту) не всегда разбирались в искусстве «ни теоретически, ни практически». Чтобы оказать практическую помощь приходскому духовенству в этом вопросе, Совет Петропавловского Братства в конце 1894 г. постановил просить Его Преосвященство **епископа Мисаила** дать разрешение Совету на его средства открыть и содержать при Орловской духовной семинарии классы церковной живописи (стенописи и иконописи) «для тех воспитанников ее, кои окажутся способными и склонными» [10, с. 1007].

Классы живописи были учреждены правлением Орловской духовной семинарии в 1899 г. Их целью было обеспечение выпускников достаточным уровнем понимания церковной живописи, а также некоторого практического навыка в ней, чтобы будущий православный священник «по долгу выполнения своей религиозно-просветительской миссии» мог разъяснить народу недостатки покупаемых ими картин и помочь в приобретении достойных изображений. Православное Петропавловское Братство оплачивало затраты на содержание классов живописи в духовной семинарии в размере 300 руб. ежегодно [11, с. 21]. Организация классов живописи и контроль над учебным процессом были возложены на правление семинарии. При этом между Советом Братства и правлением семинарии существовала договоренность, чтобы все иконы, написанные учениками-семинаристами, поступали в центральный иконно-книжный склад Братства, располагавшийся в г. Орле. Например, в 1903 г. в склад было передано 10 икон. Кроме того, семинарская церковь была «вся внутри украшена большими и малыми священными изображениями художественной работы, их писали на полотне масляными красками сами семинаристы» [12, с. 19]. Обучение будущих пастырей канонам церковной живописи продолжалось вплоть до 1914 г.

Однако только этих поступлений церковной живописи для распространения среди населения губернии было недостаточно, поэтому Петропавловским Братством закупались также иконы в художественных мастерских крупных монастырей (например, Троице-Сергеевой Лавры).

Вместе с тем понимая, что иконы, написанные масляными красками, сравнительно дороги

по цене и не будут иметь широкого распространения в среде простого народа, Братство закупило в мастерской хромолитографии Е.И. Фесенко (находившейся в г. Одессе) недорогие картины на религиозные темы. Эти картины представляли собой точные копии чтимых православной церковью икон Спасителя, Божией Матери и многих святых. Изображения, издаваемые мастерской хромолитографии Фесенко, печатались масляными красками на плотной, хорошего качества, бумаге или на холщовой клеенке. Как отмечалось, «число красок, соответственно требованию оригинала, достигает 12-ти и более; изображения покрываются белым блестящим лаком, что придает им особую прочность и предохраняет от сырости» [13, с. 45–55]. Изображения наклеивались на доску, по изяществу рисунка не уступают живописным, при этом по цене они были гораздо дешевле. Эти изображения Совет Братства рассылал со своего центрального иконно-книжного склада по филиалам в уездах для раздачи или удешевленной продажи народу.

Очевидное преимущество хромолитографии вскоре было оценено и постепенно получило распространение в уездах губернии. Известно, что в 1895 г. в Брянске «усердием Алексея Никифоровича Комарева» были отпечатаны в мастерской Е.И. Фесенко образки преподобных князя Олега и Поликарпа в количестве 18 000 экз. Часть образков (12 000 экз.) были переданы в дар Брянскому Петропавловскому женскому монастырю, 1 800 экз. – пожертвованы в соборный храм. Кроме того, издатель в качестве благотворительной помощи предложил отцу благочинному В.И. Попову (члену Петропавловского Братства) часть отпечатанных изображений для бесплатной раздачи, при этом «несколько сот пошло в Свенск, Белые Берега и в Клетну и разосланы образки по разным местным церквам, правительственным и частным учреждениям» [1]. В отчетах Орловского Православного Петропавловского Братства часто упоминается, что во время проведения внебогослужебных и народных чтений слушателям раздавали небольшие бумажные иконки и листки на религиозные темы. Из тех же отчетов видно, что на приобретение православных икон, брошюр и листов Совет Братства выделял в среднем около 2 500 руб. ежегодно на протяжении всей своей деятельности.

Из вышеизложенного материала можно сделать заключение, что Орловское Православное Петропавловское Братство, объединяя в своем членстве образованную и прогрессивную часть духовенства и мирян, планомерно проводило просветительскую работу с населением губернии, большое внимание уделяя каноничности и качеству православных предметов для домашнего богослужения (в том числе иконам и священным изображениям).

Такая деятельность православного духовенства не потеряла своей актуальности и сегодня. Отказ,

хотя и временный, от отечественных духовно-нравственных ценностей и утрата многих православных традиций привели к тому, что современный этап развития нашего общества назван иерархами Русской православной церкви «второй христианизацией» России [3, с. 7–8]. В связи с этим важное место в деятельности православного духовенства занимает катехизация. В быту современной православной семьи вопрос об использовании качественной богослужебной продукции остается актуальным. Часто можно встретить в продаже иконы, священные изображения и литературу недостаточно высокого или откровенно кустарного уровня, которой частные предприниматели торгуют с лотков в любых людных местах. Православное духовенство до сих пор вынуждено напоминать верующим о необходимости благоговейного и внимательного отношения к предметам православного обихода.

Библиографический список

1. Брянский вестник. – 1895. – № 18.
2. Вспомогательные средства в деле религиозно-нравственного воспитания народа // Орловские Епархиальные Ведомости. – 1896. – № 2.
3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии IV Всецерковного съезда епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви // Миссионерское обозрение. – 2011. – № 1. – С. 7–13.
4. Дзюбан В.В. Интеграция традиций и обычаев казачества в субкультуре: монография. – Брянск: Изд-во БГТУ, 2013. – 152 с.
5. Дзюбан В.В., Матюхина О.А. Православная духовная миссия в Орловской губернии (1880–1917 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. История. Право. Литературоведение. Языкознание. Экономика. Точные и естественные науки. – Брянск: РИО БГУ, 2015. – № 2. – 440 с.
6. Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: Истоки и мифологемы: дис. ... д-ра культурологии. – Кострома, 2002. – 350 с.
7. Иконы у крестьян // Орловские Епархиальные Ведомости. – 1884. – № 2. – С. 96–103.
8. Лиманская Е.Н. Русская икона в культуре народа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, культурология. – 2008. – № 8. – С. 434–445.
9. Матюхина О.А. Миссионерская и просветительская деятельность Орловского православного Петропавловского Братства в 1887–1905 гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 7. – С. 113–116.
10. Отчет о состоянии и деятельности Орловского Православного Петропавловского Братства за 1899 год // Орловские Епархиальные Ведомости. – 1900. – № 26–27.

11. Отчет о состоянии и деятельности Орловского Православного Петропавловского Братства за 1903 год // Орловские Епархиальные Ведомости. – 1904. – № 31–32.

12. Отчет о состоянии и деятельности Орловского Православного Петропавловского Братства за 1909 год // Орловские Епархиальные Ведомости. – 1910. – № 34.

13. Отчеты Орловского Православного Петропавловского Братства за 1896, 1899, 1903 гг.

14. Соловьёв А.А. Обретенное время русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2010. – № 3. – С. 64–82.

15. Цеханская К.В. Иконопочитание в русской традиционной культуре: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004. – 446 с.

УДК 274

Задерейчук Иван Панасович

кандидат исторических наук, доцент
Крымский юридический институт (филиал)
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации
zadereychuk@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЦЕВ КРЫМА В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В работе рассматривается государственная политика Российской империи в отношении религиозных конфессий немцев и меннонитов. Доказано, что одна из причин массовой иностранной колонизации юга Российской империи была связана с гарантированием немцам защиты от преследования на религиозной почве. Охарактеризован механизм регулирования управления католическими, лютеранскими и меннонитскими церквями. Рассмотрены этапы формирования религиозных общин этнических немцев на территории Крыма, динамика численности прихожан и роста культовых сооружений. Отдельно раскрыты процессы создания различных течений среди меннонитов полуострова. Проанализированы особенности формирования культа отдельных протестантских течений, которые действовали на полуострове во второй половине XIX в. Выявлено, что немцам к началу XX в. удалось сформировать свои духовные центры на территории Крыма. Прежде всего следует выделить такие селения, как Нейзац, Цюрихсталь, Спат и Карасан. Они удобно располагались по отношению к другим поселениям немцев Крыма. Сделаны выводы о том, что российское государство по отношению к религиозным конфессиям российских немцев до начала Первой мировой войны проявляло относительную терпимость, так как именно такой подход государства способствовал соблюдению свободы вероисповедания в стране, где православие существовало как государственная религия.

Ключевые слова: немцы Крыма, история религии, меннониты, государственная политика.

Важное место в жизни немцев занимала религия. Она фактически способствовала не только сохранению национальной самоидентификации в условиях иноязычного населения и культуры, но и влияла на социально-экономическое развитие, определяла взаимоотношения с государством и т. д. В результате активной колонизаторской политики в Крыму сформировались компактные места проживания определенных конфессиональных групп. Всех переселенцев по вероисповеданию следует разделить на лютеран и католиков. Эти две христианские церкви сформировались в Крыму в начале XIX в., а во второй половине XIX в. на полуострове появились меннониты.

Это деление является довольно упрощенным, во-первых, потому, что меннониты и лютеране формально принадлежат к одной религиозной группе – они являются протестантами. Во-вторых, в этих трех конфессиях различные религиозные течения или существовали с самого начала, или формировались с течением времени [16, с. 84–85]. Однако независимо от времени возникновения главным для всех перечисленных конфессий было желание получить равные и свободные возможности для реализации своих духовных потребностей.

Именно эти гарантии иностранцы хотели найти на территории Российской империи.

Царская власть в русском государстве осуществляла политику колонизации своих земель именно путем обеспечения всех необходимых правовых гарантий регулирования конфессионального развития переселенцев. Для немцев-переселенцев это была главная идея: приобретение возможности свободного исповедания своей веры в государстве, где православная церковь занимала господствующее место. Уже в манифесте от 22 июня 1763 г. императрица Екатерина II специально закрепила норму по обеспечению свободы совести всем приглашенным на переезд в страну иностранцам. Они также получали право строить в колониях церкви, колокольни и иметь необходимое количество пасторов и других церковнослужителей [11, с. 44]. Одновременно власти запретили осуществлять миссионерскую деятельность среди христиан православного вероисповедания [17, с. 401]. Именно манифест императрицы стал определяющим в регулировании конфессиональной жизни немцев и способствовал их переселению на территории Российской империи.

Уже 31 января 1765 г. чиновники Конторы опекунов по иностранным колонистам в России издали «Правила для строительства лютеранских

церквей в округах, колониях, которые заселялись, и содержание при них пасторов». Согласно принятому нормативному акту немцам разрешалось строить церкви и пасторат на средства, выделенные из государственной казны. Однако властью ставилось условие, что после окончания льготных лет жители каждого округа обязывались вернуть затраченные средства [9, с. 14].

При участии графа Карла фон Ливена, который стал первым протестантом, возглавившим в 1828 г. департамент духовных дел иностранных исповеданий, был создан проект Устава Евангелическо-лютеранской церкви России. Разработанный документ вступил в силу 28 декабря 1832 г. Согласно ему Юстиц-коллегия ликвидировалась и заменялась Генеральной консисторией, а управление церковными делами иностранных исповеданий переходило в подчинение Министерства внутренних дел. Утвержденные документы стали главными законодательными актами, которыми руководствовалась Евангелическо-лютеранская церковь в досоветский период. Устав 1832 г. вмещал общие законоположения о протестантизме в Российской империи, определял порядок управления приходами, а также механизм назначения высшего церковного руководства [17, с. 402–403]. Закрепленные в уставе правовые нормы также способствовали усилению лютеранской церкви и получению ею специального статуса по сравнению с другими неправославными конфессиями [12, с. 38].

Важным достижением власти Российской империи в вопросе регулирования церковной жизни стало принятие 17 апреля 1905 г. именного приказа «Об укреплении начал веротерпимости». Манифест от 17 октября 1905 г. закреплял положение о свободе совести. Прежде всего, документ признавал законным переход из одной конфессии христианства в другую [4, с. 27].

В Российскую империю наряду с лютеранами переселялись меннониты. Мотивом их миграции стали именно гарантии свободы вероисповедания. Для вероучения меннонитов характерно воспроизведение идеала первоначальной христианской церкви. Принцип спасения верой занимал центральное место в учении сторонников этой конфессии. Особенностью вероучения меннонитов было их отношение к таинству крещения. Оно проводилось только над взрослыми людьми, которые осознанно относились к этому обряду [16, с. 46]. Также меннониты проповедовали религиозный пацифизм: проповедь, полный отказ от применения силы и отрицание присяги и военной службы. У меннонитов было положение об абсолютном отделении общинной жизни от светской, они воздерживались от выполнения обязанностей государственной службы [7, с. 16].

Именно представителям меннонитов во время переселения в Российскую империю удалось получить от власти дополнительные гарантии по сво-

бде собственного вероисповедания. Результатом переговоров стало появление в 1800 г. грамоты, изданной императором Павлом I. В этом документе с названием «Высочайшая грамота меннонистам. О подтверждении обещанной им свободы в отправлении вероисповедания по церковным их установлениям и обычаям» [1, с. 286] меннонитам предоставлялись особые привилегии. Примечательно, что документ распространялся не только на уже переселенных меннонитов, но и на всех тех, кто изъявил бы желание переселиться в будущем. В законе подтверждалась свобода в отправлении ими веры по церковным обычаям своей конфессии; обещалось освобождение от военной и гражданской службы, присяги перед судом. Тем самым правительство Российской империи создало все необходимые условия для свободного отправления культа меннонитов [16, с. 52–56; 2, с. 45].

В отличие от лютеран и меннонитов католики имели четкую иерархию управления. В ней фактически не было места такому понятию, как избирательное право колонистской общины на избрание своих духовных лидеров [15, с. 385–386]. Управление католиками Крыма осуществлялось из Тираспольской епархии. По состоянию на 1918 г. она насчитывала 12 деканатов. Церковные общины католиков полуострова входили в состав Симферопольского деканата. Он состоял из приходов в Симферополе (с 5 филиалами), Розентале (с 5 филиалами), Григорьевцах (с 8 филиалами), Карамине (с 2 филиалами), Феодосии с филиалом в Судаке, в Керчи, Перекопе и Севастополе [10, с. 190–191]. Такое распределение приходов полностью отвечало расселению католиков по территории полуострова. Например, согласно статистическим данным, в 1868 г. католиков в городах проживало: Симферополь – 676, Севастополь – 353, Феодосия – 333, Евпатория – 52, Перекоп – 42, Ялта – 29, Бахчисарай – 24, Старый Крым – 11 и в Балаклаве – 9 [18], а в сельской местности представители этой конфессии компактно жили в Александровке, Розентале, Кронентале и Цюрихтале [12, с. 44].

Толерантная конфессиональная политика Российской империи в отношении лютеран, меннонитов и католиков продолжалась до начала Первой мировой войны. К сожалению, война Российской империи с Германской негативным образом отразилась на правовом статусе неправославных конфессий. В частности, стали применяться жесткие репрессивные меры в отношении представителей «немецких исповеданий». 11 октября 1914 г. Департамент духовных дел МВД разослал всем губернаторам секретный циркуляр, в котором полиции вменялось в обязанность установить строгий контроль за направлением деятельности пасторов. Таким образом, в государстве формировался организованный властью тотальный контроль за неправославными конфессиями, прихожанами которых были немцы [5, с. 117].

В Государственной думе в 1915–1916 г. осуществлялась деятельность, направленная на пересмотр религиозного законодательства. Предпринимаемые шаги вели к тому, что меннониты, немецкие баптисты и адвентисты теряли свой статус «легального исповедания», получали статус «терпимой секты». Запрещалось проведение богослужения на немецком языке, чтение и распространение духовной литературы, напечатанной в Германии [2, с. 206–207].

Первые лютеранские приходы в Крыму были утверждены в 1805 г. в колониях Цюрихталь и Нейзац. Немецкий приход Цюрихталь охватывал Феодосийский уезд и Керченско-Еникальское градоначальство. На первых порах в нем служили пасторы из приходов Иозефсталь и Молочная. В 1812–1814 гг. все евангелические общины Крыма обслуживали проповедники из прихода Нейзац. С 1822 г. для приходов Нейзац и Цюрихталь назначались свои пасторы. Нейзацкий приход распространялся на лютеран Симферопольского, Ялтинского и части Евпаторийского и Перекопского уездов [9, с. 158–177].

В конце XIX в. – начале XX в. наблюдалась тенденция роста численности селений и в целом немецкого населения, вследствие чего соответственно увеличивалось и число прихожан, исповедовавших лютеранство. Эти обстоятельства стимулировали образование новых приходов. Кроме того, такая ситуация побудила генеральную консисторию утвердить три адъюнктуры (филиала): в Перекопском уезде – Нейман (Хохгейм) (в 1887 г.), Евпаторийском – Джелал (1893 г.) и Бютень в Симферопольском уезде (1912 г.) [9, с. 10–11].

Впоследствии образованные адъюнктуры стали добиваться статуса отдельных приходов. На основе ходатайства 22 колонистских общин Перекопского уезда в 1903 г. было принято решение о создании Нейманско-Хохгеймского лютеранского прихода и его отделении от уже существовавшего на территории этого уезда Нейзацкого [15].

В 1911 г. в послании на имя таврического губернатора от Департамента духовных дел МВД содержалось предложение о выделении из состава уже существующего Нейзацкого лютеранского прихода его филиала в отдельный церковный приход Джелал. В его состав должно было войти лютеранское население, которое проживало в Евпатории и на территории Евпаторийского уезда (всего 42 поселения). Разрешение от властей было получено 2 мая 1912 г. [15].

По состоянию на 1917 г. в приходе Джелал насчитывалось до 50 поселений, а в Хохгейми – до 40. Следует также отметить, что в немецкие приходы входили и представители эстонцев, чехов и латышей [9, с. 10–11].

Накануне Первой мировой войны тенденция создания новых обособленных приходов сохранялась. В частности, в 1913 г. лютеране поселка

Джанкой Перекопского уезда, которые входили в состав Найманского евангелическо-лютеранского прихода, выступили с инициативой создания своего отдельного приходского филиала. Ходатайство об этом содержалось в письме представителей лютеранской общины Альберта Приба, Генриха Земана и Вильгельма Цетнера. В нем отмечалось, что население лютеран Джанкоя – это 85 семей, к тому же в округе проживало еще 300–400 семей, что позволяло, по мнению обращающихся, инициировать открытие филиала. Новый приходской филиал должен был возглавить пастор, денежное содержание которого возлагалось на местное колонистское общество [15, с. 178]. В целом лютеранские приходы полуострова в начале XX в. насчитывали 186 церковных общин [10, с. 190–191].

Отдельно необходимо отметить, что для Крыма второй половины XIX в. характерно возникновение новых религиозных течений, которые ранее не существовали на полуострове. Это было связано в первую очередь с переселением меннонитов, которые стимулировали не только существенные изменения в социально-экономическом развитии региона, но и формирование новых тенденций в духовной жизни населения полуострова.

Первым центром большой староменнонитской общины-церкви стала колония Карасан. Ее основали выходцы из материковой части Таврической губернии в 1862 г. По состоянию на 1882 г. она разрослась, и поэтому из ее состава выделилась дочерняя церковь с центром в колонии Бусау Евпаторийского уезда. В 1882 г. в Крыму было основано еще одно поселение меннонитов – колония Спат, которая стала духовным центром для первой братско-меннонитской общины, сложившейся в 1885 г. По состоянию на начало XX в. она выросла в большую церковную общину, в которой насчитывалось 321 действительных и 858 приближенных членов. Кроме того, церковь в Спате на рубеже веков оказала значительное влияние на менонитское сообщество Российской империи. Это стало возможным прежде всего благодаря нахождению в поселении духовного издательского центра, основанного братьями Яковом и Абрахамом Крекерами [3, с. 360–361].

Для конфессиональной жизни немцев Крыма характерно появление новых религиозных течений. Сторонники образованных религиозных общин для получения возможности свободного выполнения всех необходимых обрядов согласно своим учениям формировали целые поселения на купленных или взятых в аренду землях на полуострове. Например, в 1866 г. в поселке Темир-Булат Перекопского уезда поселились меннониты – сторонники «радостного» движения. Церковную общину возглавили Г. Вилер и Г. Петерсон. Однако Г. Вилер вышел из общества, а тех, которые остались, стали называть «обществом Германа Петерса» или «хлебопреламывателями». Они абсолютно

тизировали сам момент преломления хлеба при осуществлении ужина Божьего. Сами себя они называли «Апостольская меннонитская церковь» или «апостольские христиане». Эта община продолжала действовать как отдельная религиозная группа до конца XIX в., придерживалась своих принципов отношения к внешнему миру, строгой самоизоляции [7, с. 33–34]. В 1894 г. секта насчитывала 17 семей, которые проживали в поселке Темир-Булат Перекопского уезда и 12 семей находились в Евпаторийском уезде. Среди религиозных общин Российской империи подобных не существовало. В 1900 г. «Общество Петерса» переехало из Крыма в Сибирь, где основало 5 сел [12, с. 46].

В 1869 г. 19 представителей «Молодой общины» купили близ Симферополя землю у татар, основали поселок Аннафельд и назвали себя «крымскими братьями». Представители этой группы во главе со старшиной И. Вибе приняли решение о повторном перекрещивании путем погружения. Однако «крымские братья» после проведения в Российской империи реформ, которые лишили меннонитов многих льгот, покинули Крым и эмигрировали в 1871–1872 гг. в США [3, с. 360–361].

В конце XIX в. в Перекопском уезде в селах Берды-Булат, Темир-Булат, Япуджа и Кипчак проживали представители «адвентистов седьмого дня». Эта община адвентистов стала первой в Российской империи. Первыми проповедниками были представители Европейского униона адвентистов К.Л. Конради и поселянин колонии Розенгард Екатеринославского уезда И. Перк. На их молитвенные собрания приходили меннониты, лютеране и «русские» из окрестных деревень. Несмотря на то, что власти арестовали названных лидеров, идеи адвентистов продолжали распространяться среди окружающего населения. Миссионерскую деятельность главным образом осуществляли немцы – владельцы хуторов, которые проводили религиозные беседы среди наемных работников из числа православных [2, с. 205; 3, с. 363].

В Крыму действовала и община баптистов. Их вероучение было близко к исповеданию братских меннонитов. Но они отличались практикой закрытого хлебопреломления и более суровой внутрицерковной дисциплиной. По состоянию на

1897 г. немцы-баптисты проживали небольшими хуторами в Перекопском и Евпаторийском уездах (102 человека). Согласно официальным данным в Севастополе в 1898 г. баптистов насчитывалось 89 человек, в Евпаторийском уезде – 32 и в Перекопском – 139 человек соответственно [3, с. 365].

Исследуя конфессиональное развитие немцев Крыма, важно осуществить анализ динамики строительства культовых сооружений в регионе. Для большей наглядности выявленные данные размещены в таблице 1.

Указанные в таблице статистические материалы развития сети культовых сооружений в местах компактного проживания немцев полностью соответствуют сложившейся на то время ситуации с их расселением на полуострове. Динамика роста была связана прежде всего с этапами и географией расселения лютеран, меннонитов и католиков. Кроме того, к началу XX в. произошло экономическое укрепление немецких хозяйств, что оказывало влияние на строительство новых сооружений или перестройку старых.

Религиозная жизнь немцев Крыма знала примеры межконфессиональной толерантности. Например, во время заселения полуострова колонии Цюрихталь и Кроненталь формировали из последователей двух христианских церквей – католической и лютеранской. Интересно, что в течение XIX – начала XX в. эти две конфессии мирно сосуществовали в рамках одного поселка. Известно, что в первой половине XIX в. католики и лютеране колонии Цюрихталь поочередно совершали богослужения в лютеранском молитвенном доме [6, л. 17].

В итоге стоит отметить, что на территории Крыма духовная жизнь немцев формировалась вокруг определенных центров. Как правило, ими становились поселения, удобно расположенные по расстоянию от других колоний округа. Такими центрами в первой половине XIX в. стали Нейзац и Цюрихталь, которые играли ведущую роль в жизни лютеран на протяжении всего времени их проживания на территории Крыма. Однако массовая колонизация немцами полуострова во второй половине XIX в., создание новых поселений, значительно удаленных от указанных центров, заставляло колонистов обращаться к властям с просьбой

Таблица 1

Динамика изменения численности немецких культовых сооружений на территории Крыма в конце XIX – начале XX в. [13]

Название уезда	Количество культовых сооружений по годам		
	1897	1900	1910
Перекопский	43	58	51
Евпаторийский	4	5	23
Симферопольский	7	7	17
Феодосийский	8	12	13
Всего	62	82	104

об образовании новых приходов. Именно это стало главной причиной открытия в начале XX в. Нейманского, Джелалского, Бютенского и отдельных филиалов перечисленных приходов. Похожая ситуация наблюдалась и у меннонитов – духовные центры Карасан и Спат, и у католиков – Кроненталь, Розенталь и Александровка. Фактически протестантские и католические конфессии Крыма накануне Первой мировой войны динамично развивались, играли важную роль в развитии национальной самоидентичности, способствовали сохранению собственной культуры, традиций, в целом определяли развитие немецкой этнической группы полуострова.

Кроме того, характерной особенностью религиозной жизни немцев Крыма являлось формирование церковных приходов вокруг духовных центров, расположенных в сельской местности. В частности, в состав Нейзацкого прихода входили церковные общины Симферополя, Ялты, Севастополя; общины Керчи и Феодосии были включены в состав Цюрихтальского прихода.

Отдельно следует отметить, что в первой половине XIX в. на полуострове были сформированы общины лютеран и католиков. Во второй половине XIX – начале XX в. в регионе происходили существенные конфессиональные изменения. Они были вызваны переселением в Крым меннонитов, а также распространением новых протестантских течений. На рубеже веков сложилась устойчивая динамика строительства отдельных помещений для молитвенных домов, которые становились духовными центрами и украшениями поселка.

Библиографический список

1. Высочайшая грамота Меннонистам. – О подтверждении обещанной им свободы в отправлении вероисповедания по церковным их установлениям и обычаям (6 сентября 1800 г. № 19546) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1878. – Т. 26. – С. 286–287.

2. *Безносова О. В.* Колонисты-немцы и их соседи: характер и результаты религиозных контактов (конец XVIII в. – 1917 г.) // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2004. – С. 201–212.

3. *Безносова О. В.* «Крымские братья», «Хлебопреломители», «Антиквитисты», баптисты и другие христианские исповедания в Крыму (1862–1917 гг.) // История немецкой колонизации в Крыму и на юге Украины в XIX–XX вв.: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию переселения немцев в Крым. 6–10 июня 2004 г. / сост. Ю. Н. Лаптев. – Симферополь: АнтикВА, 2007. – С. 360–368.

4. *Безносова О. В.* Антигерманская кампания в Екатеринославской губернии в 1914–1917 гг. // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2011. – С. 110–122.

5. *Безносова О. В.* Религиозная политика российской империи и новые протестантские группы среди немецкого населения Юга Украины (вторая половина XIX в.) // Вопросы германской истории. – 1998. – Т. 1. – С. 21–29.

6. Государственный архив Днепропетровской области. – Ф. 134. – Оп. 1. – Д. 717.

7. Живи и помни... История менонитских колоний Екатеринославщины / С. И. Бобылева, А. И. Безносов, О. В. Безнослова и др. / под ред. проф. С. И. Бобылевой. – Днепропетровск, 2006. – 378 с.

8. Карманный календарь Таврической губернии на 1869 г. – Симферополь, 1868. – 170 с.

9. *Князева Е. Е.* Лютеранские церкви и приходы на Украине в XVIII–XX вв.: исторический справочник. – СПб.: Литера, 2003. – 344 с.

10. *Кравцова Л. П.* Метрические книги из фондов Государственного архива в Автономной республике Крым как источник изучения этнической истории Таврической губернии // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования / отв. ред. М. А. Араджиони, Л. А. Науменко. – Симферополь, 2012. – Вып. 3. – С. 187–192.

11. *Курило О. В.* Очерки по истории лютеран в России (XVI–XX вв.). – М.: ИЭА РАН, 1996. – 183 с.

12. *Лантев Ю. Н.* Немецкие религиозные общины немцев (XIX – начало XX вв.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 37–49.

13. Обзор о состоянии Таврической губернии за 1897 год. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1898. – 40 с.; Обзор о состоянии Таврической губернии за 1899 год. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1900. – 38 с.; Обзор о состоянии Таврической губернии за 1910 год. – Симферополь: Таврическая губернская типография, 1911. – 34 с.

14. *Белікова М. В.* Менонітські колонії Півдня України (1789–1917 рр.): дис. ... канд. іст. наук. – Запоріжжя, 2005. – 266 с.

15. *Замуруйцев О.* Релігійне життя німецькомовного населення на території Таврійської губернії у другій половині XIX – на початку XX століття // Схід: аналітично-інформаційний журнал. – 2007. – № 1. – С. 54–57.

16. *Лях К. С.* Німецькомовні колоністи Півдня України в мультинаціональному оточенні: проблема взаємодії культур (XIX–початок XX ст.): дис. ... канд. іст. наук. – Донецьк, 2005. – 268 с.

17. *Ореништейн Є.* Конфесійна структура німецького населення Півдня України наприкінці XIX – початку XX ст. // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Сер. 6. Історичні науки. – 2008. – С. 400–405.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ» ВОЕННЫМИ ТЕОРЕТИКАМИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Боеготовность вооруженных сил и их моральный облик являются прямым показателем суверенитета страны, необходимым для существования любого государства. Проблемы воспитания военнослужащих всегда представляли особый научный интерес. Особенно активно эта тема обсуждалась на рубеже XIX–XX вв. после поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

В статье главное внимание уделено определению понятия «воинское воспитание», как его понимали военные теоретики конца XIX – начала XX вв., проанализированы позиции не только военных теоретиков, но и представителей передовой офицерской общественности: строевых офицеров и преподавателей военно-учебных заведений.

На основании широкого круга источников выделены основные направления в военно-теоретической мысли России, сопоставлены взгляды на предмет и содержание военного воспитания, выражаемые «теоретиками», главным образом это работники военных академий, и «практиками» – представителями передовой офицерской общественности.

Делается вывод о том, что ни у военного руководства, ни у представителей офицерского корпуса не было единого мнения на предмет военного воспитания, что объясняется борьбой консервативных и либеральных тенденций в военном деле, которые приводили к тому, что каждый начальник в части выступал сам себе воспитателем.

Ключевые слова: русская армия, военно-теоретическая мысль, воинское воспитание, военная психология, дисциплина, военнослужащие.

Термин «военное, или воинское, воспитание» неоднократно использовался военными, но четкого его определения долгий период времени не существовало. Под военным воспитанием понимался набор определенных качеств воина, от которых зависела победа в бою. Набор этих качеств в представлении разных военных сильно отличался.

Начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в прошлом – преподаватель академии Генерального штаба К.И. Дружинин под воспитанием понимал формирование воинского духа. Он считал, что воинский дух состоит из «мужества, храбрости, воинственности, благородства, дисциплины, самоотверженности, веры в свои силы, инициативы, бодрости и выносливости» [5, с. 2].

Экстраординарный профессор Александровской военно-юридической академии С.А. Друцкой был иного мнения. В военном воспитании он отдавал приоритет дисциплине, и все воспитательные меры сводил к различным способам подчинения солдата воле командира [6, с. 874].

От подобного одностороннего понимания военного воспитания предостерегал известный военный теоретик и создатель собственной системы подготовки и воспитания войск М.И. Драгомиров. Он отмечал, что тот, «кто сказал воспитание, тот сказал и нравственное, и физическое воспитание. Кто сказал муштра, сказал только дрессировка рук и ног, которая не включает в себя нравственного воспитания, а иногда даже исключает его». «Не муштруйте, а воспитывайте», – призывал М.И. Драгомиров.

Под нравственным воспитанием он понимал нравственную упругость. Она состояла из находчивости, доведенной до того, что боец не теряется ни от какой неожиданности; решимости и упор-

ства; способности хладнокровно оценить свое положение в самые критические минуты.

Главную задачу воинского воспитания он видел в формировании у солдата «чувства долга... готовности пожертвовать собой для выручки товарища, неустрашимости, находчивости, беспрекословного повиновения воле начальника во всем, касающемся службы. Способности выносить тяготы и лишения военного времени, безропотно и без быстрого истощения сил» [4, с. 34.]. Для других родов войск задачи военного воспитания существенно не отличались.

Однако с М.И. Драгомировым были согласны далеко не все. Так, автор статьи «Основы военного воспитания во Франции» (1907 г.), скрывающийся под псевдонимом М. Б., видел главной задачей нравственного воспитания «умение преодолеть дурные стремления, развитие великодушных черт (доброты, любви к истине и прекрасному), а также в воспитании воли» [11, с. 71].

Другой исследователь, Кашин, автор статьи «роль психологии в военном деле» (1906 г.), под нравственным элементом понимал «совокупность тех психических настроений, которые в своем целом придают войску уверенность в себе и решимость победить противника... в решимости скорее всем погибнуть... чем уступить врагу» [9, с. 613].

Несколько иную трактовку структуры воинского воспитания предложил капитан 2-го ранга И.Г. Энгельман, выделяя в нем пять разделов, во многом дублирующих друг друга. По его мнению, военное воспитание состоит из нравственного, гражданского, общественного, физического и военного воспитания. Под нравственным воспитанием он понимал религиозность и нравственность; к гражданскому воспитанию относил преданность государю императору, любовь к родине и уважение

законов; к общественному воспитанию – любовь и уважение к родным; к физическому – сохранение своего здоровья; к военному – соблюдение присяги, почитание знамени, дисциплины и прочие элементы воина [14, с. 34].

Иногда под воспитанием подразумевалось обучение. Например, русский военный деятель барон А.В. Каульбарс для улучшения воспитания в войсках предложил составлять расписание таким образом, чтобы можно было свободно распределять различные отделы обучения между офицерами [10, с. 27–28]. Эта мера позволила бы, по его мнению, уделить большее внимание «западающим» разделам боевой подготовки.

Французский военный деятель Ж. Дюрри, работы которого были не только переведены в России, но и разобраны на цитаты, по-своему определял задачи воинского воспитания. В нем он видел средство борьбы против принципов социализма, которые, по его мнению, разлагающе действовали на армию. Под военным воспитанием он понимал принятие офицерами на себя роли воспитателя, руководителя нравственной и духовной жизни солдат [7, с. 32].

Первым задачу систематизировать и обобщить всю информацию, отражающую основные принципы и обязанности воспитания в армии, поставил в 1908 г. полковник В.Л. Райковский. Многие рекомендации, по его словам, основаны на многолетнем служебном и строевом опыте и необходимы для проведения в жизнь.

Под задачами воспитания он понимал не только «воспитание отдельного бойца и целых масс, но и самовоспитание всех качеств и достоинств высшего порядка в офицерском составе для успешного выполнения всех сложных и ответственных операций в военное время и в систематической, кропотливой работе мирного времени, в целях наилучшей подготовки и воспитания отдельного бойца и целых масс их, а также начальников низших, средних и высших степеней для конечной цели, каковой является опять же война» [13, с. 10].

Неудивительно, что обобщение В.Л. Райковского ясности в определение структуры воспитания не внесло. Поэтому вполне объективным представляется рекомендация артиллерийского офицера Д.Н. Вердеревского о срочной необходимости «формулирования четкого понятия “воспитания”, понятного для широкого круга офицерства» [3, с. 45]. Последнее поможет вселить в офицера живой дух и избежать повторения неудач русско-японской войны 1904–1905 гг.

Единственным, кто решил обратиться к инструкции, определяющей правила военного воспитания 1899 г., был штабс-капитан 163-го пехотного Ленкоранско-Нашебургского полка К.Ф. Бородич. Согласно инструкции, «военное воспитание должно заключаться в развитии чувства долга в обра-

зовании честного, строгого, исполнительного характера, в упрочении сознания о высоком значении воина, призванного к защите престола и отечества, и в прочном усвоении воинской дисциплины и чинопочитания» [2, с. 43].

Характерно, что в словарях второй половины XIX в. определения понятия «воинское воспитание» тоже нет. В современном понимании термина встречаются лишь близкие ему в смысловом отношении слова, такие как «патриотизм», «военный дух» и «воспитание». Однако, как показало наше исследование, для многих военных эти понятия не были связаны с военным воспитанием.

Трактовка воинского воспитания претерпевает серьезные изменения лишь после Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда к обсуждению проблемы присоединилась передовая офицерская общественность. Среди главных причин поражения в войне они назвали отсутствие воли и слабость боевого духа войск.

Необходимость усиления нравственного воспитания хорошо просматривается по отчетам о службе и деятельности войск. Так, в отчете о службе и деятельности войск 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии за время с 27 января 1904 г. по 1 сентября 1905 г. указывалось на необходимость больше обращать внимание на внутренний мир людей, на укрепление в них чувства патриотизма, долга, уважения к армии и её славному боевому прошлому. «Пора перестать ограничиваться так называемой “словесностью”, которая обыкновенно проводится самым бездушным, шаблонным порядком» [1, Л. 121]. Необходимо было использовать новые и «хорошо забытые» приёмы и формы работы.

В 1907 г. с интересной трактовкой понятия «военное воспитание» выступил П.А. Кавтарадзе. Обобщая, он отмечал: «...мы пришли к самому простому понятию определения военного воспитания как организации внутренних сил человека, приобретённых привычек и намерений (навыков), руководящих поведением солдата в бою и на войне... Воински невоспитанный солдат тот, кого ставит в тупик всё, кроме наиболее для него привычных положений. Напротив, воински воспитанный, руководствуясь примерами, которыми богата его память, и приобретёнными им отвлечёнными понятиями о долге, чести и храбрости, выходит из затруднений и при таких окружающих условиях, в которых он раньше не был» [8, с. 18].

Нетрудно догадаться, что приобретение у воинов этих «привычек и намерений» и формирование у них «отвлечённых понятий о долге и чести» достигалось, по мнению П.А. Кавтарадзе, путем дрессировки и муштры, то есть в традициях «прусско-гатчинской школы» военного воспитания.

Таким образом, вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. единого понимания, что такое военное воспитание, в среде военных не было.

Наиболее удачную попытку дать определение понятия «военное воспитание» предпринял коллектив авторов «Военной энциклопедии» в 1912 г. (опубликована под редакцией полковника Генерального штаба В.Ф. Новицкого). Под военным воспитанием здесь понимается наиболее важный и сложный отдел боевого обучения личного состава армии, которое должно подготовить его к войне в нравственном, умственном и физическом отношениях.

Под нравственным воспитанием понималось воздействие на разум и сердце человека таким образом, чтобы развить в нем навык руководствоваться в службе и деятельности высшими представлениями и побуждениями, которые служат источником военной доблести, облегчая человеку победу над противодействующими этим доблестям страстями и эгоистическими инстинктами, особенно над животным чувством самосохранения.

К таким высшим побуждениям относили: религиозность, патриотизм, чувство долга, чувство чести, честолюбие и славолубие, чувство общности (корпоративности).

Под религиозностью понимали покорность военного своей судьбе и отсутствие страха смерти. Под патриотизмом подразумевалась любовь к своему Отечеству, национальности и Государю. Чувство долга выражалось в покорности законам и правилам службы, то есть в дисциплине. Под чувством чести, честолюбием и славолубием понималась любовь к славе и уважение к званию. Под корпоративностью – взаимопомощь и взаимная выручка.

Умственное военное воспитание сводилось к пониманию военными служащими поставленных перед ними задач, формированию у них глазомера, чутья, то есть способности быстро оценивать обстановку и проявлять находчивость и смекалку.

Целью физического воспитания было укрепление здоровья военнотружущего и превращение его в сильного, выносливого, неприхотливого, ловкого и смелого бойца. Меры военного воспитания должны быть направлены на формирование военнотружущего, обладающего «непоколебимой преданностью военному делу, выдающейся сознательностью поступков, предприимчивостью, самостоятельностью и находчивостью, покорностью военному долгу и дисциплине, неистощимой телесной и духовной энергией, высокой честностью, склонностью к тесному служебному товариществу, а главное – беззаветным мужеством, храбростью, твердостью, решимостью и самоотверженностью» [12, с. 485].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. понятие военного воспитания находилось в стадии становления. Представители военных академий, которые в первую очередь и должны были заниматься разработкой военной науки, тему военного воспитания обходили стороной. Причины этого заключались в том, что «академисты»,

вслед за Г.А. Леером, считали военное дело наукой с формулами и с конечным результатом в виде победы или поражения. Влияние нравственного компонента на исход боя они не могли точно измерить. Поэтому вопросы военного воспитания представители академий рассматривали поверхностно, чаще всего лишь цитируя уже известное высказывание Наполеона I о том, что $\frac{3}{4}$ успеха в бою зависит от нравственных сил бойца. Составные части этих нравственных сил не уточнялись.

В нормативно-правовых документах прослеживается доминирование дисциплинарного компонента над нравственным. Так, в «Положении о главном управлении военно-учебных заведений» отмечалось, что целью военного воспитания юнкеров было формирование у них воинской дисциплины и чинопочитания, подчинения старшим по званию, исполнительности, чувства долга, честности, мужественности и товарищеского духа.

Представители же передовой офицерской общности предпринимали попытки сформулировать свое определение понятия «военное воспитание». Анализ их взглядов показал непонимание военными предмета дискуссии. Сложилось своеобразное квивипрово, при котором офицеры апеллировали одинаковым понятием, но понимание его было различным. так, под военным воспитанием отдельные военные понимали дисциплину и чинопочитание, другие – воинский дух, третьи – нравственную упругость, а четвертые – находчивость и смекалку в бою. Наиболее полное определение было сформулировано только к 1912 г. в «Военной энциклопедии», когда проведение военной реформы 1905–1912 гг. уже подошло к концу.

Библиографический список

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Инж. док. фонд. – Оп. 14/3. – Д. 2760.
2. *Бородич К.Ф.* Воспитание и обучение юношества // Офицерская жизнь. – 1912. – № 3 (303). – С. 43.
3. *Вердеревский Д.Н.* О воинском воспитании // Морской сборник. – 1909. – № 1. – С. 45–68.
4. *Драгомиров М.И.* Учебник тактики. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879. – 459 с.
5. *Дружинин К.И.* Воинский дух // Офицерская жизнь. – Варшава, 1911. – 20 с.
6. *Друцкой С.А.* Военная дисциплина и способы к ее улучшению // Разведчик. – 1905. – № 786. – С. 852–856.
7. *Дюрри Ж.* Современная социальная роль офицера, офицер-воспитатель: пер. с франц. – СПб.: Тип. «Бережливость», 1906. – 192 с.
8. *Картавадзе П.А.* Психологические основы воспитания солдата. (Очерки воен. педагогики). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. – 110 с.
9. *Кашин.* Роль психологии в военном деле // Офицерская жизнь. – 1906. – № 41–42. – С. 613–614.

10. *Каульбарс А.В.* Конница мысли и работа. – СПб.: Тип. А.В. Орлова, 1903. – 436 с.

11. *М. Б.* Основы военного воспитания во Франции // Братская помощь. – 1907. – № 2. – С. 71–86.

12. *Новицкий В.Ф.* Военная энциклопедия. Т. 6 / В.Ф. Новицкий, А.В. Шварц, К.И. Величко. – СПб.:

Т-во И.Д. Сытина, 1912. – 485 с.

13. *Райковский В.Л.* Военное воспитание // Братская помощь. – 1908. – № 6. – С. 10.

14. *Энгельман И.Г.* Воспитание современного солдата и матроса. – СПб.: Экон. типо-лит. 1907. – 308 с.

УДК 172

Громова Анна Игоревна

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
anna4gromova@yandex.ru

ИДЕАЛ КРАСОТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ НАЧАЛА XX В.: ИЗМЕНЕНИЕ ПАТТЕРНОВ КОНТРОЛЯ ЗА ЖЕНСКИМ ТЕЛОМ

В статье на материале массовой литературно-общественной женской прессы рассматривается изменение отношения в обществе к женской телесности, происходившее в начале XX в. в России. Предполагается проследить изменения паттернов контроля за женским телом, а именно процесс отхода от традиционных представлений о внешнем виде женщины и ее телесно-двигательной активности и формирование нового идеала здоровой красоты. Подчеркивается особая роль женских журналов как рупора для пропаганды естественной фигуры, формируемой при помощи спорта, гимнастики и правильного питания. В статье выявляются изменения в области женской моды в сторону практичности, при этом сделан акцент на рассмотрении входивших в обиход специальных платьев и костюмов для спорта. Сходные процессы происходили и с моделями нижнего белья: на смену корсету постепенно приходили более свободные и гигиеничные фасоны.

Ключевые слова: каноны красоты, периодическая печать, спорт, мода, здоровье, женское тело, физическая активность.

В различные периоды истории господствовали свои представления об идеальных пропорциях человеческого тела. Женщина, в отличие от мужчины, была и остается зависимой от формируемых обществом стандартов и канонов красоты. В настоящее время представления о физической привлекательности женщины подвержены влиянию ряда факторов, стремящихся ее типизировать. Однако прослеживается активная тенденция к плюрализации и отходу от заданных стандартов. Данному многообразию проявлений женской телесности современное общество во многом обязано процессам, которые происходили в российском обществе начала XX в.

Цель данного исследования – через призму рекомендаций по уходу за фигурой, предлагаемых отечественной женской прессой, проанализировать изменение отношения к женской телесности в обществе и самой женщины к собственному телу. На материале женских журналов предполагается выявить, что в начале XX в. в России происходит отход от традиционных представлений о внешнем виде женщины и ее телесно-двигательной активности и формируется новый идеал естественной, здоровой красоты.

Изучение такого специфического вопроса, как женская телесность и трансформация представлений о ней, требует столь же специфического источника. Если пресса в целом является индикатором и одновременно регулятором социальных процессов, то женская пресса к тому же отражает индивидуальные запросы отдельно взятой аудитории. Поэтому для изучения образа идеального женско-

го тела и способов достижения красивой фигуры, формировавшихся в начале XX в., женские журналы являются незаменимым источником. В особенности это касается массовой литературно-общественной женской периодики, которая благодаря своей универсальности отвечала интересам широкой аудитории. Читательницей журнала этого типа могла быть и замужняя женщина, и мать семейства, и провинциальная барышня, и столичная феминистка. Отдельные журналы были ориентированы на женщин из высших сословий [33, с. 263]. Таким образом, женская массовая периодика начала XX в. благодаря обширному спектру затрагиваемых тем и широкому читательскому сегменту предоставляет наиболее разносторонний материал по изучению отношения к женской телесности в указанный период.

Женская пресса долгое время не являлась предметом специального научного интереса. Процессы идентификации в развитии женской прессы были исследованы В.В. Боннер-Смеюхой [4]. Формированию женского универсального журнала в отечественной журналистике посвящена диссертация Е.Ю. Коломийцевой [14]. Эволюция типологической структуры женской прессы была изучена Лу Мими [21]. Однако данные фундаментальные труды специально не рассматривали способы формирования отношения к идеальному телу женщины в женской отечественной периодике.

Говоря о канонах красоты конца XIX – начала XX в., современники называли их «аскетическими» – наследниками стройных, мускулистых скульптур античности и тонких очертаний эпохи

Ренессанса. Идеал, сформированный искусством и закреплённый модой – это тело, совершенно лишённое жира [9, с. 17–18]. Рубенсовские женщины с пышными формами и тяжёлыми складками считались абсолютным антиподом красоты. Полное тело было признано крайне неэстетичным и нездоровым – «персоной *pongata*» в области искусства, моды и медицины. Мода не желала принимать в расчёт женскую фигуру с крупными формами, считаясь только с «естественной мягкостью и гибкостью худеньких подростков» [41, с. 25]. Медицина, в свою очередь, призывала бороться с лишним весом и предостерегала от ожирения. Как писала доктор Нагалья Левенсон, в среде врачей были настоящие фанатики «нелюбви к жиру» – хирург К. Сапежко называл его «позорной тканью», а знаменитый анатом П.Ф. Лесгафт не упускал случая на своих лекциях напомнить студентам о вреде лишнего веса [9, с. 18]. Но и чрезмерная худоба признавалась болезненной и непривлекательной. Впалый живот считался признаком медицинских проблем – идеальный с точки зрения эстетики живот должен быть маленьким, плоским и с белой кожей [1, с. 21].

Сердцем модного мира по-прежнему оставалась Франция, диктовавшая женщинам, что носить и как выглядеть. Идеалом стройности, который формировали французские журналы, была тонкая и гибкая, почти детская фигурка [28, с. 25]. В свою очередь, тип худых, спортивных подростков требовал узких бедер – «линию вечной девственности» [25, с. 11]. К 1914 г., как с радостью замечает автор статьи из издания «Журнал для хозяек и женская жизнь», переменчивая мода начинает отходить от стандартов узких бедер и формирует новый идеал – «форму древней амфоры» [1, с. 21]. И все же каноны красоты, культивировавшие воздушные очертания вечной юности, не принимали в расчёт широкобедрых женщин. Упругое тело никогда не рожавшей девочки – вот вершина совершенств и цель каждой женщины. Российской женщине особенно сложно было достичь подобного идеала. Елизавета Дьяконова отмечала, что, несмотря на великорусское происхождение, она не обладала типичной русской фигурой – «с пышно развитой грудью и боками» [10, с. 550]. Любовь Менделеева, описывая свое тело, даёт ему следующую характеристику: «Я не была ни спортсменкой, ни деловой женщиной; я была нежной, холеной старинной девушкой». Она вспоминает, что была очень хороша, несмотря на нетренированные мускулы и «далеко не выполненный “канон” античного сложения» [3, с. 60], то есть вопреки стандартам красоты.

Идеалом женской фигуры было признано стройное и спортивное тело. Однако привлекательной считалась только естественная и здоровая красота. Тип изможденной, бледной девушки с плоской впалой грудью и фигурой, искривленной

корсетом, остался в прошлом. Можно с уверенностью сказать, что здоровье было новым модным трендом первой четверти XX в. Женская пресса усиленно призывала вернуться к природе и свободной естественности форм, к гармонии духа и тела античной эпохи. Желая быть модной и привлекательной, женщина уже не могла ограничиться «искусно сделанным корсетом, хорошо сшитыми платьями и косметикой» [15, с. 16]. Общество охранения здоровья женщин, созданное по инициативе петербурженки, ставило своей целью распространять «правильные понятия об истинной красоте женщины», напрямую зависящей от правильного физического развития и здорового образа жизни [5, с. 109]. «Только в здоровье – красота телесная, и только в здоровом теле может быть бодрый дух, жизнерадостность, а следовательно, и красота духовная» [19, с. 41] – лейтмотив, звучащий в женской периодике из номера в номер.

Очевидным был рост интереса женщины к собственному телу – не к той искусственной громоздкой оболочке, создаваемой кринолином, турнюром и корсетом, которая долгое время была единственным объектом ее внимания, а к своему обнаженному, «природному» телу. Это было во многом связано с изменением отношения к женской телесности в обществе, расшатыванием «постулатов православно-патриархатного гендерного порядка» [29, с. 10]. Превращаясь из зависимого, руководимого мужской объектом в самостоятельный субъект, женщина должна была стать сильной и полноправной хозяйкой своего тела. А для этого ей необходимо было изучить его, предварительно освободив из-под пласта веками сформированных запретов. Именно на рубеже XIX – начала XX в. происходит «открытие» женской сексуальности [29, с. 9–11]. Иллюстрируя этот процесс, Любовь Менделеева, ставшая «своеобразным символом свободной и бурной сексуальной жизни» [11, с. 166], пишет, что привыкла смотреть на свое обнаженное тело уже не как на «орудие “соблазна” и греха наших бабушек и даже матерей», а как на лучшее, что она могла в себе знать и видеть, на свою связь с красотой мира [3, с. 60]. Ада Корвин, выпускница школы Дельсарта и преподавательница пластической гимнастики, считала, что девочкам еще в школе нужно рассказывать, что тело – прекрасная и благородная форма, а пренебрежение им – средневековый пережиток, который необходимо отбросить [15, с. 15]. Статью «Современная женщина» она посвятила тому, какой вред наносит нынешнее образование, сосредотачивая силы на развитии умственных способностей женщины, игнорируя ее физическое воспитание [15]. Эпиграфом к статье Корвин взяла выражение женщины-врача Бесс Менсендик (Мензендик): «всякий грех против своего здоровья есть грех против красоты».

Массовая женская пресса была неустанным пропагандистом различных видов физической ак-

тивности. Телесные упражнения называли незаменимыми для укрепления здоровья, приобретения хорошей фигуры, сохранения физического и психического равновесия. На рубеже XIX–XX вв. женский спорт был уже достаточно популярен в России. Женщины являлись полноправными членами различных спортивных обществ и организаций [35, с. 16–17]. Общественное мнение при активном содействии прессы изменилось в пользу положительного отношения к участию женщин в спортивной деятельности. Кроме того, в обществе укрепилась идея о необходимости физического воспитания девушек [см.: 22, с. 6–13]. Однако положительное отношение к женскому спорту не распространялось на широкие круги населения. В провинции крепко держались патриархальных традиций и предписаний в том, что касалось поведения женщины. Активная физическая деятельность для дамы, тем более незамужней барышни, по-прежнему считалась неприличной. Елизавета Дьяконова, которая росла в Костромской губернии и Ярославле, вспоминает, что всегда любила спорт, но ее мать возмущала любовь дочери к лодке и плаванию, а велосипед она смогла купить, только достигнув совершеннолетия. «Такая ничем не объяснимая любовь к спорту окончательно потеряла меня в глазах матери» [10, с. 551], – писала Дьяконова в 1901 г. Кроме того, согласно данным переписи, проведенной на Высших женских курсах в 1909 г., бестужевки, передовая столичная молодежь, склонны были относиться к спорту скорее отрицательно, а процент участвовавших в спортивных кружках среди них был ничтожен – 7% [34, с. 137]. Как отмечала женская пресса, одна из причин непопулярности спорта в широких кругах состояла в том, что спортивные занятия обходились достаточно дорого и поэтому были доступны в основном только состоятельным женщинам. Некоторые виды спорта, такие как верховая езда, охота или гольф, оставались привилегией аристократов.

Пресса рекомендовала женщинам заниматься различными видами телесно-двигательных практик: теннисом, плаванием, верховой ездой и ездой на велосипеде, катанием на лыжах и коньках, футболом, крокетом, танцами, подвижными играми, греблей, альпинизмом. Предлагались даже исконно русские развлечения: горелки, лапта, бег взапуски [8, с. 20]. Весьма популярной в силу своей доступности и многофункциональности была гимнастика всевозможных видов: шведская гимнастика, гимнастика по Мюллеру, пластическая гимнастика и др. Рекламные отделы помещали объявления об открытии гимнастических залов со специальными отделениями для женщин. Женщине не уставали напоминать, что от ее физического состояния зависели не то только ее красота и счастье, но также здоровье и жизнеспособность будущих поколений. Для того, чтобы быть способной

вынашивать и растить здоровых детей, она обязана была сохранять свое тело сильным и выносливым.

Полезными считались длительные прогулки на свежем воздухе. Однако спокойные прогулки в тени аллей – неизменный элемент досуга тургеневской девушки – ушли в прошлое. Врачи советовали исключительно ходьбу ускоренным шагом, «как ходят посыльные, почтальоны», – лишь в этом случае она могла принести пользу [8, с. 20].

Женщинам, ведущим светский образ жизни, предписывалось по примеру богемных кругов Европы и Америки выбирать на лето один или несколько видов спорта [40, с. 25]. Однако нужно отметить, что занятие спортом считалось приемлемым исключительно как «интересное и веселое развлечение в часы досуга» [12, с. 26]. Не рекомендовалось всецело отдаваться физическим упражнениям, а тем более избирать спорт своей профессией, тем самым культивируя «красивое и жизнеспособное животное» [37, с. 21]. Женщина должна была сохранить фигуру изящной и грациозной, всячески избегая переразвития мускулов и приобретения атлетичных форм [38, с. 14]. Несмотря на это, спортсменками восхищались. Особую гордость вызывала смелость женщин, которые освоили не только мужские виды спорта, но и экстремальную физическую активность. Например, в журнале «Женское дело» за 1914 г. было помещено фото Кайи де Кастеллы – одной из первых женщин-парашютисток.

Как говорилось выше, спорт был доступен в основном состоятельным слоям населения. В особенности это касалось верховой езды, которая оставалась прерогативой привилегированных кругов общества. Как вспоминает Т.М. Кардиналовская, дочь офицера царской армии, ее «мама была хорошо сложена и любила спорт: она увлекалась ездой на лошадях и великолепно плавала» [13, с. 18], а сестра занималась гимнастикой и отлично ездилась верхом [13, с. 49]. Княгиня Н.Т. Кропоткина писала, что любовь к лошадям навсегда вошла в ее плоть и кровь: «я поняла, что такое верховая езда, и она сделалась моим любимым удовольствием, способом передвижения и утешением во всякую трудную минуту жизни» [16]. Журнал «Женское дело» назвал верховую езду по-мужски лучшим спортом для женщины. Дамское же седло клеймилось как вредный предрассудок, приводящий к атрофии правой ноги и искривлению позвоночника [19, с. 41].

На появление новой сферы деятельности женщин откликнулась и мода. В обиход вошли фасоны платьев и костюмов для спорта, главной задачей которых было раскрепощение женских движений при сохранении элегантности и изящества. «Скэтинг-ринк, коньки, велосипед, даже пользование экипажами и трамваями властно требуют приспособления к ним костюмов, перемены в их формах, выработанных для салонов, для ленивой

неподвижности» [20, с. 35], – писала Анна Мар. Так как занятие спортом среди высших кругов стало необходимо с точки зрения «светского шика», каждая женщина должна была иметь спортивные туалеты [40, с. 25]. Вид дам, не использовавших специальные костюмы для физических упражнений, называли карикатурным и смешным. «Играет, например, барышня в теннис – затянута в корсет, одета в модное платье, не позволяющее ей сделать лишнего движения, на ногах – изящные туфельки на высоких каблуках...» [37, с. 21], – такой портрет современной «спортсменки» иронично рисовала «Женская жизнь». Пышные нижние юбки рекомендовалось заменить трико, рейтузами или короткими панталонами – в зависимости от того, будет ли это теннис, верховая езда или водный спорт. Вместо корсета, уместного в этом случае только при езде верхом, рекомендовался «специальный пояс из прорезиненной ткани на подвязках» [40, с. 27].

Информативным источником для исследования способов корректировки фигуры являются ответы редакции на письма читательниц из «Почтового ящика». Этот раздел был обязательной частью большинства женских журналов, его анализ показывает, что актуальнейшими запросами читательниц было избавление от лишнего веса и приобретение красивого бюста. Востребованность подобной информации объясняется не только господствовавшим идеалом фигуры, но и тем, что значительный процент аудитории данного типа прессы составляли замужние дамы среднего возраста, зачастую матери семейств, перенесшие не одну беременность и роды. Этим объясняется желание женщин найти способ вернуть былые формы.

Советы по улучшению фигуры, которые обычно помещались в «медицинском» и «косметическом» разделах, были очень разнообразны. Бюст рекомендовали укреплять при помощи специальных аппаратов, которые увеличивали и уплотняли грудь накачиваемым воздухом, массажа, специальных лифчиков, холодного душа, обтираний различными растворами. Большое внимание уделялось спорту и здоровому образу жизни как эффективнейшим способам корректировки фигуры. «Двигайтесь, двигайтесь и еще раз двигайтесь» [1, с. 20], – призывал «Журнал для хозяек и женская жизнь».

Вектор женских потребностей отражали и отделы рекламы, «обменный пункт фантазий и рынок желаний» [39, с. 359]. Они пестрели объявлениями о чудодейственных методах, обещавших женщинам «округлый, белый и упругий» бюст в самые короткие сроки и независимо от возраста. М-ме Жанна Гранье предлагала удивительно простой способ приобретения роскошной груди, который она без лишней скромности называла революционным «в области культа женской красоты» [см.: 31, с. 50; 32, с. 34]. Увеличить, развить и сделать упругим

бюст женщины могли также с помощью чудодейственных пилюли «Марбор», образователя идеального бюста «Лада» и др. Реклама пилюль, в свою очередь, предостерегала: «Берегитесь, сударыня, Вы начинаете полнеть, а полнеть это – стареть». Средства для похудения обещали с легкостью избавить дам от «опасности и бремени полноты» и вернуть им «изящную стройность» молодости.

Уже в начале XX в. предприимчивые люди делали состояния на продаже пилюль для снижения веса [2, с. 13]. Каждый препарат позиционировал себя как безвредный, испытанный и признанный медициной. Однако зачастую это было далеко от реального положения вещей. Женщинам, желавшим приобрести красивую фигуру с помощью лекарств, авторы статей по уходу за телом указывали на вред этих «патентованных средств». «Легковерным читательницам предлагают то опасные, почти ядовитые средства, то упорную голодную диету, то еще всякие антигигиенические и антианатомические приспособления для стягивания. Эти “доspěхи” по виду более близки к орудиям пытки, чем к туалетным принадлежностям» [28, с. 26], – замечал французский писатель и драматург Марсель Прево. Несмотря на то, что женская пресса предостерегала от применения «внутренних средств», реклама этих препаратов не сходила со страниц журналов, что наглядно говорит о том, каким высоким спросом пользовались они среди читательниц.

Некоторые бывшие в ходу способы корректировки фигуры могли нанести серьезный вред здоровью. В ответе на письмо из раздела «Почтовый ящик» «Женского дела» говорится об опасности такого метода, как «впрыскивание парафина для придания полноты груди и плечам». В нем указывалось, что подобные операции проводились за границей, но от них отказались «ввиду различных неприятных осложнений», и читательнице не рекомендовалось производить эту рискованную процедуру [27, с. 21]. Впрыскивание парафина пытались использовать даже для корректировки лица, от чего редакция предостерегала своих подписчиц: «иногда парафин расходуется под кожей лица и страшно его уродует» [26, с. 38].

Проводя ревизию телесной стороны жизни женщины, пресса не могла обойти вниманием ее гардероб. В первой четверти XX в. женская мода подвергалась существенным изменениям в сторону практичности [30, с. 86–87]. Женщина играла все большую роль в различных сторонах жизни общества и поэтому нуждалась в более свободном и удобном покрое одежды. Освобождаясь от диктатуры мужчины, она стремилась освободиться и от другого «неумолимого деспота» [20, с. 34] – моды. Отвечая запросам времени, которые требовали раскрепощения движений, платья становились короче и шире, нижние юбки постепенно исчезали из обихода, застежки на платьях переносились вперед,

что позволяло одеваться без посторонней помощи. На смену длинным юбкам с треном, знаменовавшим «женскую несамостоятельность и полное отсутствие демократизма» [23, с. 18], постепенно приходила «юбка свободного покроя» – «идея самостоятельной женственности, начало великой эры, когда женщина будет взбираться на площадку трамвая сама, без посторонней помощи!» [25, с. 12]. Как отмечал Марсель Прево, «возрождение тонкого, спортивного типа изгнало (будем надеяться – навсегда) многие аномалии в туалете, уж очень безобразные и бессмысленные» [28, с. 25–26]. Кроме того, если женщина прошлого столетия воспринимала свое тело «через призму мужских предпочтений» [18, с. 18], то женщина начала XX в. уже начинала конструировать свой внешний вид согласно собственным желаниям.

Ярким выражением тяготения в сторону практичности было появление карманов, позаимствованных из мужского гардероба [43, с. 12]. «Молодые ростки моды в духе унисекса» появились впервые вместе с движением феминисток [7, с. 7].

Верхом эмансипированности женской одежды стали юбки-пantalоны – костюм настолько экстравагантный, что служил причиной «нарушения общественной тишины и спокойствия» [19, с. 35]. Анна Мар, русская писательница и журналистка, отмечала, что «ни один сенсационный спектакль, ни самый вычурный роман Арцыбашева или Соллогуба не вносили такого оживления в беседы собравшихся дам» [20, с. 33], как юбки-пantalоны. Появляться на людях в шароварах отваживались только наиболее смелые женщины, а самые передовые из них даже видели в новой моде «тесную связь с борьбой за освобождение женщины от порабощения ее мужчиной» под лозунгом «долой юбку!» [19, с. 38–39]. Нужно отметить, что в Европе шаровары никого уже не шокировали. Как отмечает Елизавета Дьяконова в 1901 г., они были обычной одеждой француенок для езды на велосипеде [10, с. 550].

Изменения происходят и в сфере нижнего белья, появляются и входят в широкое употребление лифчики и бюстодержатели. Однако анализ содержания женских журналов показывает, что корсет как способ корректировки фигуры все еще широко использовался в разных кругах населения и, несмотря на демократизацию внешнего вида женщины, сохранял популярность вплоть до 1917 г. Особенно это касалось женщин из августейшей семьи и высших аристократических кругов. Однако корсеты в начале века продолжала носить даже прислуга, склонная подражать господам [5, с. 110]. Ни медицинские исследования, ни строгие запреты врачей, ни заявления феминисток так и не смогли изгнать этот «грубый пережиток» из женского гардероба.

Женщины продолжали утягиваться, желая искусственно сохранить юношескую стройность та-

лии, которую требовал господствовавший в обществе идеал красоты. По указанию обозревателя «Женской жизни», на несколько лет корсет выходил из моды и ношение его считалось неэстетичным, но к 1914 г. он снова водворился в своих правах. Модная хроника сообщала, что дамы не снимали корсет даже во время купания: «под купальным костюмом в Трувилле, Остенде, в Биарице почти каждая купальщица носит длинный, узкий, со всех сторон зашнурованный корсет» [41, с. 24–25].

Уже в конце XX в. начинают издаваться брошюры, в которых врачи активно выступали за реформу женского костюма и распространение правильных понятий о гигиене одежды в целях сохранения здоровья женщины [см.: 6; 36; 24]. В особенности медицина выступала против ношения корсета. Женские журналы на волне отхода от искусственных форм и пропаганды естественной фигуры, формируемой при помощи спорта, гимнастики и правильного питания, всячески поддерживали эти идеи. Ада Корвин с негодованием отмечала, что девочек 13–14 лет одевают в корсет, вследствие чего их тело деформировалось: ребра и бедра стягивались, внутренние органы смещались и опускались, а мускулы атрофировались. Это приводило к всевозможным заболеваниям – как физическим, так и душевным. Корвин призывала педагогов запретить ношение корсета в школе [15, с. 12–14]. Однако в подражание взрослым девочки с самых юных лет мечтали о корсете и даже, имитируя его, перетягивали талию лифчиком [40, с. 25]. Журналы не переставали напоминать читательницам, что корсет приводит к асфиксии, нервным расстройствам, уродует фигуру, причиняет массу страданий и неудобств, но это не мешало ему оставаться «неотъемлемой принадлежностью» женской одежды [17, с. 19].

О высокой востребованности «злосчастного корсета» говорила и его реклама, повторяющаяся из номера в номер. Как верно заметил Марсель Прево, «неудачное объявление, не приносящее дохода, очень скоро исчезает; те же, которые постоянно опять появляются, неопровержимо и точно характеризуют направление женского вкуса в данную эпоху» [28, с. 24]. Рекламные слоганы заявляли, что их корсеты мягкие, гигиеничные и не причиняют неудобств при ношении. Продолжали предлагать и корсеты для беременных, которые обещали сохранить после рождения ребенка чистоту линий прежней фигуры.

Также признавались негигиеничными и вредными для здоровья такие детали женской одежды, как длинный шлейф, высокий узкий воротник, завязки на чулках и подвязки, а также высокие каблуки. Все это стягивало и сжимало различные части тела, вызывая затруднение кровообращения, расширение вен и препятствовало работе внутренних органов, а значит, должно было быть отброшено женщиной ради сохранения ее здоровья [см.: 15; 17].

Постепенно превращаясь из объекта в патриархальной системе гендерных отношений в самостоятельный субъект, женщина приобретала все больший контроль над собственным телом, которое раньше контролировалось извне. Получив возможность конструировать свой облик самостоятельно, уже менее скованная рамками традиционной морали, формируемой мужчинами, женщина начала активно «модернизировать» свой внешний вид. Но чтобы воспользоваться полученной свободой, она должна была суметь это сделать. Женщина с деформированным корсетом телом и слабыми мышцами, скованная узкими рамками дозволенных движений, ушла в прошлое. Новая социальная роль требовала «нового» тела – более физически развитого, сильного, выносливого. Наиболее ярко процесс эмансипации нашел свое отражение в области моды. Существенные изменения в сторону удобства и практичности призваны были соответствовать новому образу жизни женщины, ставшему более динамичным.

Женские журналы активно способствовали демократизации всех сфер жизни женщины и освобождению ее от патриархальных устоев. Пресса выступала за введение в школьную программу физического воспитания девочек, за необходимость с ранних лет формировать в их сознании положительный «образ тела» и учить правильному и здоровому отношению к его проявлениям. В то же время дамские журналы, несмотря на смелые лозунги, не могли полностью отмежеваться от традиционных представлений о внешнем виде женщины, и вплоть до 1917 г. в одном и том же номере передовые статьи соседствовали с описанием моделей корсетов. Кроме того, физическая невозможность соответствия установленным стандартам и желание без усилий приобрести нужные формы вынуждали женщин применять искусственные способы корректировки фигуры, основными из которых были лекарственные препараты и корсет. Женские журналы клеймили данные методы, что не мешало помещать их рекламу из номера в номер, потакая читательскому спросу.

Кроме того, анализ женской массовой прессы – прототипа современных «глянцевых» журналов – позволяет сделать вывод, что мода на спортивную стройность, на рубеже XX–XXI вв. сменившая прежний идеал – истощенное диетой тело, знаменовала, как и в начале XX в., новую волну эмансипации.

Библиографический список

1. *Адам Э.* Косметический отдел. Уход за бедрами // Журнал для хозяек и женская жизнь. – 1914. – № 3. – С. 20–21.
2. *Бальфур Е.* Что может сделать для женщины жизнь, близкая к природе // Женское дело. – 1916. – № 11. – С. 12–14.

3. *Блок Л.* И быль и небылицы о Блоке и о себе // Жизни гибельный пожар. – М., 2012. – С. 39–111.

4. *Боннер-Смеюха В.В.* Отечественные женские журналы: Историко-типологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 26 с.

5. *Волкова М.* Общество охранения здоровья женщины // Женское дело. – 1899. – № 8. – С. 108–115.

6. *Волкова М.М.* Гигиена, красота и реформа женской одежды: Две лекции женщины-врача М.М. Волковой. – СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1899. – 108 с.

7. *Вострикова О.В.* Искусство костюма в контексте социально-культурного развития России первой четверти XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2004. – 26 с.

8. *Доктор Крымский.* Сидячая жизнь // Женское дело. – 1917. – № 20. – С. 20–21.

9. *Д-р Наталья Левенсон.* Заметки врача. О полноте // Женское дело. – 1914. – № 13. – С. 17–20.

10. *Дьяконова Е.А.* Дневник русской женщины. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – 672 с.

11. *Жеребкина И.* Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России. – СПб.: Алетейя, 2001. – 336 с.

12. *К.С. Ми.* Зимний спорт // Журнал для хозяек и женская жизнь. – 1914. – № 3. – С. 26.

13. *Кардиаловская Т.М.* Жизнь тому назад. Воспоминания. – СПб.: ДЕАН + АДИА-М, 1996. – 167 с.

14. *Коломийцева Е.Ю.* Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII–XX веков: история развития и типологические особенности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008. – 46 с.

15. *Корвин А.* Современная женщина // Дамский мир. – 1916. – № 12. – С. 12–17.

16. *Кропоткина Н.Т.* Записки княгини Надежды Тимофеевны Кропоткиной (рожд. Повало-Швейковской) // НИОР РГБ. – Ф. 549. – Карт. 1. – Ед. хр. 4.

17. *Кшев В.* Что есть и как одеваться // Женское дело. – 1917. – № 20. – С. 17–19.

18. *Лисицына О.И.* Нормы и практики сексуального поведения российской дворянки конца XVIII – середины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2015. – 22 с.

19. Литература о юбках-панталонах // Женское дело. – 1911. – № 7–8. – С. 35–41.

20. *Мар А.* Новая мода // Женское дело. – 1911. – № 7–8. – С. 33–35.

21. *Мими Лу.* Женская печать: эволюция типологической структуры в условиях реформирования общества: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 22 с.

22. *Мягкова С.Н.* Физическое воспитание и спортивная деятельность женщин на рубеже XIX–XX вв. (по материалам педагогической

и спортивной периодики) // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 6. – С. 6–13.

23. *Ольга Б.* О моде // Женское дело. – 1917. – № 9. – С. 18.

24. *Орлов В.Д.* Очерк истории и гигиены женской одежды: публ. лекция, чит. 22 марта 1892 г. – Казань: Н.Я. Башмаков, 1892. – 84 с.

25. *Пессимист.* Юбка свободного покроя // Женская жизнь. – 1915. – № 22. – С. 11–12.

26. Почтовый ящик // Дамский мир. – 1915. – № 8. – С. 37–38.

27. Почтовый ящик // Женское дело. – 1916. – № 11. – С. 21–24.

28. *Прево М.* Похудеть! // Женское дело. – 1910. – № 29–30. – С. 24–28.

29. *Пушкарева Н.Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2. – С. 3–17.

30. *Пушкарева Н.Л.* «Обморок лягушки» или «бараний окорок»? Одежда русских женщин XIX – начала XX в. (Очерк четвертый) // Родина. – 1995. – № 10. – С. 81–87.

31. Рекламный отдел // Женское дело. – 1911. – № 7–8. – С. 50

32. Рекламный отдел // Женское дело. – 1911. – № 20. – С. 34.

33. *Скобло Е.В.* Эволюция женской периодики в дореволюционной России // Литературоведение

и журналистика: межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов, 2000. – С. 256–264.

34. Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов по данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. – СПб., 1912. – 144 с.

35. *Солдатова М.А.* Развитие общественных спортивных организаций Санкт-Петербурга и их роль в становлении физической культуры и спорта России (конец XIX века – 1917 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2004. – 22 с.

36. *Соловьев А.Н.* О негигиеничности современного женского костюма: лекция, чит. в Моск. собр. врачей 26 янв. 1889 г. – М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1889. – 46 с.

37. Спорт // Женская жизнь. – 1914. – № 2. – С. 21.

38. Танцы для здоровья и красоты // Женское дело. – 1916. – № 13. – С. 14–15.

39. *Энгельштейн Л.* Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков / пер. с англ. В. Павлова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 572 с.

40. *Laurent Irma.* Вместо моды // Женское дело. – 1914. – № 12. – С. 25–27.

41. *Laurent Irma.* О моде // Женское дело. – 1914. – № 14. – С. 23–25.

42. *Laurent Irma.* О моде // Женское дело. – 1914. – № 15. – С. 25–28.

43. *Margo.* Causerie // Мир женщины. – 1914. – № 14. – С. 12.

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КУЛАКОВ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. (на примере территорий нынешней Кировской области и Удмуртии)

Статья посвящена одному из аспектов насилия советского государства над крестьянами в годы коллективизации: конфискации имущества репресслируемых. Проводимая крайне жестко и грубо, она стала одной из самых мрачных страниц советской истории. Конфискация проводилась по решению И.В. Сталина для пополнения материально-технической базы колхозов и подрыва экономических возможностей верхушки крестьянства. В провинции эта кампания тягчалась беззаконием со стороны исполнителей. Реквизиции продолжались вплоть до полного истощения хозяйств кулаков, причем в их число бесосновательно включались средние и даже бедные слои крестьянства. При этом ликвидация кулаками своих хозяйств была законодательно запрещена.

Жесткая политика государства и грабеж зажиточного крестьянства на территории Кировской области и Удмуртии являлись характерным примером развернувшейся в конце 1920-х – 1930-х гг. трагедии в сельском хозяйстве. Крестьян заставляли сдавать повышенные налоги по увеличенному количеству повинностей, зачастую конфискация имущества шла параллельно с арестом, представители аппарата произвольно определяли объем налогов, присваивали ценные вещи, угрожали репрессиями. Такая политика государства шла вплоть до ликвидации зажиточной верхушки деревни.

Ключевые слова: крестьяне, государство, имущество, конфискация, коллективизация.

В связи с тем, что административное деление территорий нынешней Кировской области и Удмуртской республики претерпевало изменения на протяжении 20–30-х годов XX века, изменялись названия губерний, областей, отметим, прежде всего, историю наименования тех земель, о которых пойдет речь в данной статье. До 1929 г. существовала Вятская губерния, которая в 1929 г. была передана в Нижегородскую область, в 1934 г. из части бывшей Вятской губернии был образован Кировский край, который, в свою очередь, только в 1936 г. преобразован в Кировскую область при выделении Удмуртской АССР.

Коллективизация конца 1920-х – начала 1930-х гг. сопровождалась целым рядом драматических моментов, в том числе экономическим разорением верхушки деревни. Установка на экономическое подавление кулачества поступила непосредственно от руководства страной. И.В. Сталин отмечал: «Чтобы вытеснить кулачество как класс, надо сломать в открытом бою сопротивление этого класса и лишить его производственных источников (свободное пользование земель, орудия производства, аренда, права найма труда и т. д.) Без этого невозможно... коллективизация» [7, т. 12, с. 183]. Такой подход широко проводился в регионах. В одной из телеграмм Нижегородского крайкома в конце октября 1929 г., в частности, указывалось: «Усилить контроль изъятия фактических товарных излишков кулацких зажиточных хозяйств, предавая суду председателей сельсоветов, которые своевременно не приняли статью о штрафах. Предавать суду виновных, допустивших уравнильную раскладку хлеба по едокам и хозяйствам» [3, д. 1, л. 8].

Председатель Нижегородского губисполкома несколько ранее отмечал, что сельхозналог является не только орудием извлечения средств у населения, он негласным образом является регуля-

тором процесса расслоения деревни и огромным политическим фактором, закрепляющим смычку рабочего класса с бедной и середняцкой массой деревни [1, д. 1, л. 30].

Практические мероприятия были достаточно жесткими. В Зуринской волости Вотской области в декабре 1928 г. рабочая бригада, отчитываясь о проделанной деятельности, докладывала, что 70% взятых кулаками и зажиточными крестьянами кредитов намечено к досрочному взысканию, 7 человек отдано под суд, с 317 хозяйств намечены меры к досрочному взысканию страховых платежей [8, д. 700, л. 69].

В Халтуринском районе бывшей Вятской губернии (Вятская губерния к этому времени была ликвидирована) в ходе хлебозаготовок в первой половине октября 1929 г. райком партии зафиксировал, что в д. Ждановы, как и в ряде сельсоветов, кулаки сдавали налоги в таком же объеме, что и бедняки. Райком дал директиву о выявлении кулаков и вне зависимости от сданных налогов заставить их сдать полностью положенные повинности в трехдневный срок.

В феврале 1930 г. райком партии докладывал в окружном, что налоги кулаками сданы, недоимки числятся только на тех, кто выявлен в последнее время. Всего в районе было учтено 5,5% кулацких хозяйств, из них индивидуально обложено 4,8%. Удельный вес в общем объеме сельскохозяйственного налога у кулаков составляет не менее 40%.

Тем не менее райком партии уточнял, что, несмотря на довольно высокий удельный вес кулацкой части в сельскохозяйственном налоге, все же последний не задел основные средства производства кулаков, поскольку значительная их часть наложенную сумму уплатила довольно легко, поэтому выявление кулацких хозяйств по району не окончено и систематически производится сельсоветами [3, д. 1, л. 4].

Нижегородский крайисполком в начале 1930 г. предоставил право областным, окружным исполнительным комитетам в районах сплошной коллективизации конфисковать имущество в кулацких хозяйствах. Имущество передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, вступающих в колхозы, за исключением той части конфискованного имущества, которая шла в погашение различных долгов и платежей кулаков [2, д. 22, л. 19]. Часть скота, вещей раздавалась отдельным беднякам и батракам, часть имущества продавали с торгов за бесценок [8, д. 1172, л. 23].

Подобные инструкции неизбежно приводили к перегибам. Об этом открыто сообщалось с мест: «Все [местные работники] в один голос заявили, что такая установка дана была со стороны финорганов и окружной прокуратуры: “Бери все достатки, отбирай скот, хлеб и т. д.”» [4, д. 267, л. 16 об.].

Во многих районах господствовали методы полной реквизиции кулачества – «взять все до рваной рубашки и оставить его голого, то есть разгромить». В Фаленковском районе бывшей Вятской губернии секретарь ячейки заявил, что «пойдет в сельсовет, отнимет все имущество у кулаков, наложит налог, а потом все заберет и передаст в коммуну». В Вожгальском районе было изъято имущество у 260 хозяйств, такое же количество было обыскано в Просницком и Фаленковском районах: «Брали вещи, совершенно не представляющие никакой ценности. В результате такой “усердной” ликвидации значительная часть обысканных совершенно не знала, за что у них взято имущество, так как недоимщиком они сделались накануне обыска».

Характерным примером злоупотреблений во время конфискации имущества является опись изъятого при раскулачивании в одном из крестьянских хозяйств. Среди прочих были конфискованы серьги (стоимость 10 коп.), моток черных ниток (10 коп.), моточек ниток (5 коп.), подушка перьевая (3 коп.), рубашка маленькая (10 коп.). Всего было взято имущества на 7 руб. 20 коп. Совершенно очевидно, что «кулацким» оно было только по названию.

Проводимая политика ограбления начала втягивать и часть населения. Нижегородский крайком с одобрением отмечал в начале марта 1930 г., что в ряде селений Ярского района Вотской области беднота, прочитав в газетах постановление о раскулачивании и ликвидации кулачества как класса, при активном участии середняков выносит постановление: «Просить Советскую власть немедленно разрешить нам отобрать все имущество у кулаков и выселить их из села» [4, д. 267, л. 15]. В некоторых районах были случаи размещения конфискованного у кулачества скота среди бедняцких членов колхоза. В Никольском сельском совете Синегорского района Вятского округа бригадиры заверили бедноту, что «каждый бедняк получит по кулацкой корове», в результате чего раскулачива-

ние в ряде селений проведено было под лозунгом «бери и отбирай все до нитки» [4, д. 267, л. 18]. В Вотской области в д. Стеньгурт Кезского района бедняки выгнали из колхоза несколько кулацких семейств [5].

Сводки ОГПУ описывали хаос и беззакония, распространившиеся в деревне: «В с. Кырчан Нолинского района зафиксирован случай непосильного обложения середняков подпиской на тракторный заем. Например, один из середняков, 2 сына которого служат в Красной Армии, был обложен на 1000 рублей». В той же деревне покончил самоубийством середняк Боржанов после обложения его подпиской на тракторный заем на 1000 рублей. В д. Васькино Сюзунского района по предложению представителя РК ВКП(б) одного из раскулаченных кулаков насильно развели с женой, кулака приняли в колхоз, а жену отправили в милицию [4, д. 267, л. 18–18 об.].

А.А. Жданов после марта 1930 г. признался: «В нашем крае имел место такой метод раскулачивания, который был связан с деятельностью финансовых органов: взыскания недоимок, реквизиции, конфискация. Этот метод раскулачивания нес в себе гораздо больше извращений и искривлений, чем какие-либо другие» [4, д. 299, л. 8–9].

Такое положение было характерно не только для исследуемых регионов. Г.Г. Ягода в письме И.В. Сталину от 7 марта указывал, что «имеет наличие изъятие кулацкого имущества, дележка, продажа... за бесценок, хищения» [6, т. 2, с. 293]. В сводке колхозцентра СССР с 25 января по 9 февраля отмечалось, что в ряде мест вместо конфискации средств производства идет «раскулачивание под метелку» [6, т. 2, с. 200].

Конфискация крестьянского имущества сопровождалась обычным грабежом. Вятская окружная прокуратура сообщала в феврале 1930 г., что Гордеев привез 2 кг мяса и 3 кг лука, Есаулов – старый зонтик и 25 коп. деньгами, Андреев – 7 бутылок водки [3, д. 20, л. 5].

Председатель ККОВ Нолинского района Н.П. Вылегжанин (коммунист, бывший секретарь партячейки), производя опись имущества в с. Кырчан, присвоил серебряные ложки, золотые часы и др. ценные вещи. «А когда ему стало известно, что действия его осуждены по линии внутренних органов, Вылегжанин через неделю принес присвоенные вещи в сельский совет, объясняя, что он хотел сдать их непосредственно в райисполком, но не имел времени». Представитель Верхошижемского райисполкома Вятского округа при продаже кулацкого имущества, «сговорившись с финработником, лучшие вещи (комод, тулупы и пр.) в общую продажу не пустил, а приобрел для себя за пониженную цену» [4, д. 267, л. 2].

В Кезском районе уполномоченный РКК Шишкин буквально ограбил склад, где находилось кон-

фискованное имущество. Заведующий Кезского райфо после раскулачивания создал комиссию по распродаже конфискованного имущества, и когда население отказалось покупать вещи, то он совместно с членами комиссии сам скупил все ценные вещи. При этом имущество секретарь райкома Хохряков, секретарь суда Гудаков и другие покупали по низким ценам, которые сами установили [4, д. 1014, л. 94].

В Ново-Мултанском районе 20 января секретарь райкома партии Бельтюков в период проводимой операции по кулачеству и конфискации имущества большую часть ценных вещей, взятых у кулачества в с. Н-Мултан, присвоил себе [8, д. 1070, л. 27].

В текущей документации отмечалась плохая организация раскулачивания и конфискации имущества. В Вятском округе в феврале 1930 г. рабочие бригады не были проинструктированы о порядке составления описей, а банк не подготовлен к приему ценностей. Из-за этого приемка вещей и ценностей затянулась, не был установлен и порядок приемки. Многие вещи сваливали в общую кучу, и в результате трудно было установить, кто и что сдал [4, д. 267, л. 1 об.].

Избавиться от имущества и избежать раскулачивания жертвы коллективизации не могли. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. кулацким хозяйствам без разрешения районного исполнительного комитета запрещались переселение и продажа своего имущества. Нарушение постановления влекло за собой уголовное наказание или конфискацию имущества [6, т. 2, с. 61].

Вятский окружком партии подчеркивал: надо предупредить возможность самораскулачивания кулаками своих хозяйств, для чего немедленно взять на учет все имущество кулацких хозяйствах, до проведения его конфискации [3, д. 20, л. 15].

Тем не менее факты самораскулачивания в пределах исследуемых регионов существовали. В Свечинском районе Котельничского округа кулаки стали раздавать бесплатно машины и предприятия беднякам. Например, кулак в д. Лебеды отдал бесплатно молотилку и маслозавод [4, д. 267, л. 17]. Вятский окружком в феврале 1930 г. предупреждал райкомы об опасности самораскулачивания. Райкомам предлагалось немедленно взять на учет все имущество кулацких хозяйств до проведения его конфискации. Само конфискованное имущество передавалось в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедноты и батраков [3, д. 20, л. 15].

Конфискация имущества кулачества, а зачастую и псевдокулачества, проводилась для создания ма-

териально-технической и животноводческой базы колхозов. Вступавшие в них крестьяне были не в состоянии сделать коллективные хозяйства крепкими, а государство не имело возможности направить в деревню нужное количество средств. В этой связи расправа над крестьянами, главная вина которых заключалась в наличии у них имущества и скота, достаточных для конфискации, была неизбежной. Положение в сельском хозяйстве в конце 1920-х – 1930-х гг. в Кировской области и Удмуртии является примером антикулацкой политики государства и грабежа зажиточного крестьянства с последующей отправкой их в тюрьмы или лагеря.

Раскулачивание стало одной из самых темных сторон коллективизации сельского хозяйства СССР. Наряду с другими причинами к нему подтолкнуло намерение государства укрепить материально-техническую базу колхозов, находящуюся на низком уровне. Жесткие и в то же время неопределенные законы, позволяющие репрессировать практически любого крестьянина, отягчались еще и ошибками, а то и прямыми злоупотреблениями местных властей. Беззащитные перед произволом государства, кулаки и псевдокулаки не имели возможности избавиться от имущества или уехать в другую местность. Их раскулачивали и репрессировали, создавая таким образом базу для социалистического строительства в деревне.

Библиографический список

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. Р-875. – Оп. 5.
2. ГАКО. – Ф. Р-877. – Оп. 2.
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). – Ф. 1295. – Оп. 1.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). – Ф. 2. – Оп. 1.
5. Ижевская правда: газета. – 1930. – 7 января. – № 5.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2002.
7. Сталин И.В. К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса. 21 января 1930. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/44261> (дата обращения: 12.04.16).
8. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). – Ф. 16. – Оп. 1.

ЭМИГРАЦИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИТАЛИЮ (1918–1939): К ВОПРОСУ О СТАТИСТИКЕ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу статистики русской эмиграции в Европу в целом и в Италию в частности после Октябрьского переворота 1917 г. и до начала Второй мировой войны в 1939 г. На основе выборки из 210 человек предлагается статистика эмиграции деятелей русской культуры в Италию. Эмигранты типологизируются на основе времени, обстоятельств их приезда в Италию, а также исходя из их расселения на Апеннинах в межвоенный период. На примере самой многочисленной, художественной эмиграции в Италию в 1920–30-х гг. показана многогранность творческой самореализации русских живописцев за рубежом. Последние сгруппированы по жанрам и стилям их работ, многообразие которых свидетельствует как о сохранении художниками в эмиграции «русской темы», так и о включении в контекст европейской живописи 1920–30-х гг. Несмотря на малочисленность русской эмиграции в Италию, деятели отечественной культуры все же оказали влияние на итальянский культурный контекст эпохи. Русское присутствие в Италии заметно в живописи и в музыкальном искусстве, в сфере кино и театра, в писательском творчестве и в науке.

Ключевые слова: русская эмиграция в Италию, статистика, типологизация, деятели русской культуры, Гражданская война, Октябрьский переворот.

Эмиграция деятелей отечественной культуры после Февральской революции и Октябрьского переворота 1917 г., а также после Гражданской войны (1917–1922) приобрела массовый характер. Как известно, основными центрами эмиграции после Гражданской войны являлись: Константинополь и Галлиполи, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Болгария, Чехословакия, Франция, Германия, Великобритания, Италия, США, Китай (г. Харбин). Кроме того, около 8 млн русских, проживавших до революции в Латвии, Литве, Эстонии, Бессарабии, Финляндии, Польше, после 1917 г. составили население новообразовавшихся независимых республик.

Традиции активного социального и культурного взаимодействия России и Италии формировались в течение XVIII–XIX вв. и послужили основой контактов русских эмигрантов и представителей итальянской культуры в 1918–1939 гг. «Первая волна» эмиграции в Италию повлияла на характер культурных контактов России и Италии после Второй мировой войны, а также на культурное взаимодействие стран на современном этапе.

Начало изучения темы русской эмиграции в Италию относится к 1970-м гг., когда в Италии была опубликована монография Э. Ло бха «Русские в Италии» [10], однако наиболее активное исследование данного вопроса приходится на 1990–2010-е гг., когда для отечественных исследователей стали доступны зарубежные архивы. Вопросы статистики и типологизации русской эмиграции в Италию в 1918–1939 гг. в той или иной мере были рассмотрены в монографиях «Осколки русской Италии. Исследования и материалы» С. Гардзонио и Б. Сульпассо [1], «Русская художественная эмиграция. 1917–1939» Д.Я. Северюхина [6], а также в сборниках статей: «Россия и Италия» [4], «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века» [2]. Статистике эмиграционных

процессов из Советской России (СССР) уделено значительное внимание в монографии Ю. Суомелы «Зарубежная Россия» [7]. Опубликованные в серии сборников статей «Русско-итальянский архив» [8] архивные документы (отечественных и итальянских фондов) дают необходимый фактический материал для анализа феномена эмиграции деятелей русской культуры в Италию в 1918–1939 гг. с точки зрения количественных данных, социального и профессионального состава.

Поскольку русская эмиграция в Италию в 1918–1939 гг. отличалась территориальной рассредоточенностью, а также слабым тяготением к объединению в рамках общественно-политических и культурных организаций, необходимо проанализировать причины данной децентрализации. В связи с этим необходимым представляется изучение статистических данных, времени и обстоятельств эмиграции из Советской России (СССР), закономерностей расселения русских эмигрантов в Италии.

Ввиду того, что численность отечественной эмиграции в Италию в той или иной мере определила и характерные особенности русского присутствия, необходимо обратиться к статистике русской эмиграции после 1917 г. в Европу в целом и в Италию в частности. Поскольку до 1917 г. эмиграционные процессы в Российской империи юридически не регулировались, не существовало и официального единого учета эмигрировавших из Советской России (затем – из СССР).

Статистические сведения носят разрозненный и неоднозначный характер. Согласно данным Американского Красного Креста, на 1921 г. его помощь получили 1,964 млн русских беженцев. В монографии «Русская Гражданская война и русская эмиграция. 1917–1921» историк Ганс фон Римша предположил, что помощь получали около 80 % беженцев, соответственно, общее их количество

составляло около 2,455 млн человек [4, с. 51]. Учитывая около 350 тыс. русских, уехавших в Китай и другие неевропейские страны, а также 130 тыс. человек Русской армии Врангеля, эвакуированной из Крыма 13–16 ноября 1920 г., общее количество русских беженцев из России в 1921 г. составляло, по мнению фон Римша, 2,935 млн человек. Общее число эмигрантов, вероятно, завышено исследователем: статистика не учитывает того факта, что русские беженцы, переезжая из одной страны в другую, получали помощь Красного Креста одновременно в нескольких странах.

Согласно отчету Лиги Наций (1926), количество русских беженцев в мире составляло 1–1,5 млн [7, с. 38]. В 1939 г. в работе Дж. Симпсона были опубликованы результаты исследования 1937 г. британского Королевского института международных отношений. На основе сведений Красного Креста, Лиги Наций, а также организаций русских беженцев за границей были сделаны выводы: в 1922 г. в Европе находилось 718 тыс. русских, в 1930 г. – 503 тыс., в 1936–1937 гг. – около 355 тыс. [12, р. 110]

Сведения о представителях русской культуры, эмигрировавших после 1917 г. в Италию, содержатся в нескольких источниках. Количество русских эмигрантов в этой стране составляло 20 000 чел. – по данным Американского Красного Креста на ноябрь 1920 г., 8–10 000 чел. – по сведениям Русского заграничного исторического архива в Праге на январь 1922 г. [9, р. 54] Статистика в 20 000 чел. представляется завышенной, учитывая высокую динамику перемещений русских эмигрантов между европейскими странами в 1920–30-е гг. и, соответственно, получение ими помощи Красного Креста в нескольких государствах одновременно. Впрочем, в 1921 г. хельсинкская газета «Новая русская жизнь» также писала о 20 тыс. проживающих в Италии русских [4, с. 79]. В монографии «Россия за рубежом» американский историк М. Раев пишет о 9 000 русских в Италии в 1922 г. и о 2 500 эмигрантах в 1930 г. [3, с. 262]

Помимо официальных сведений, совершенно иные статистические данные находим в письмах русских эмигрантов. Так, 13 февраля 1929 г. в письме баронессе М.Д. Врангель князь А.М. Волконский отмечал: «По всей Италии, по различным данным, насчитывается приблизительно около 1,5–2 тысяч русских беженцев. Главные группы их находятся в Риме, Флоренции, Генуе, Милане... В самом Риме русских проживает около 400 человек» [1, с. 301].

Спустя два года, 25 июля 1931 г., Д.В. Ден сообщил М.Д. Врангель аналогичные сведения: «Число проживающих в Италии беженцев довольно трудно поддается учету вследствие приездов и отъездов; по итальянским полицейским сведениям – от 1 500 до 2 000. Думаю, эта цифра скорее преувеличена, чем преуменьшена, так как в Риме... где рус-

ская колония наиболее значительная, она не превышает 300 человек. Из других городов Италии лишь в Милане, Флоренции и Неаполе русские могут насчитываться десятками, в других городах – лишь единицами...» [1, с. 309]

Таким образом, сведения, которые мы обнаруживаем в корреспонденции эмигрантов, в целом совпадают с подсчетами М. Раева и данными Пражского архива и кардинально, в два раза различаются со статистическими данными Красного Креста. Причиной данной статистической разницы является, прежде всего, отсутствие к началу 1920-х гг. четкой системы учета иммигрантов в Италии, а также порядка фиксирования лиц, выезжающих за границу, в Советской России.

Типологизация русских эмигрантов в Италию предполагает учет обстоятельств и времени их отъезда из Советской России (СССР). После 1917 г. русские беженцы в Италию ассимилировались с эмигрировавшими на Апеннины еще до Октябрьского переворота: писателями и журналистами (например, К.Л. Вейдемюллером, Л.Ф. Гинзбургом, М.К. Первухиным, О. Ресневич-Синьорелли, Е.Ю. Григорович), художниками (Н.Н. Лоховым, П.В. Безродным, Г.П. Мальцевым, В.Л. Шерешевским), учеными (Е.Ф. Шмурло, Б.В. Яковенко, Е.А. Ананьиним, В.Н. Забугиным).

Среди русских эмигрантов в Италию после 1917 г. значительную часть составляли деятели культуры и науки – ученые, писатели, художники, музыканты, деятели театра и кино. Опираясь на биографические материалы, составленные итальянскими и русскими исследователями [5] и сделав на их основе определенную количественную и качественную выборку, можно сделать следующие выводы: в 1920–30-е гг. в Италии в качестве эмигрантов находилось около 210 деятелей русской культуры и науки (тех, о ком существуют биографические сведения). Среди них: около 70 русских художников, скульпторов и архитекторов; около 60 писателей, поэтов, журналистов и переводчиков; около 30 театральных деятелей (режиссеров, театральных актеров, оперных певцов, балерин, сценографов), 20 ученых (гуманитарных и точных наук), 15 деятелей кино (режиссеров, актеров, операторов) и 15 музыкантов (композиторов, исполнителей, лирических певцов).

Часть русских деятелей культуры эмигрировала в Италию непосредственно из Советской России (СССР): например, из Петрограда или Москвы – в Рим, Милан, Флоренцию. Так, яркими примерами служат обстоятельства эмиграции художников Г.Г. Бхазии и А.В. Исупова, литераторов Р. Кюфферле, П.П. Муратова, Ф.М. Вейцмана, О.А. Шор, пианистки А.Н. Кутуковой, виолончелиста А.М. Барянского, театрального режиссера Г.А. Кроля, филолога Н. Мингаило-Крюковой, археолога Т.С. Варшер.

В то же время отдельные представители русской культуры первоначально эмигрировали из Советской России в другие страны (например, в Германию, Францию, Швейцарию) и лишь затем переехали в Италию, оставшись там на более или менее продолжительный срок. Именно Италия стала основной страной их иммиграции. К числу эмигрантов данного типа относятся, например, писатели А.В. Амфитеатов и В.А. Сумбатов-Соколов, художники Ф.А. Малявин, А.А. Сведомская, В.Д. Фалилеев, архитекторы Л.М. Браиловский и С.А. Щербатов, скульптор П.П. Трубецкой, композитор и дирижер Д.А. Амфитеатов, балерина Е.Ф. Борисенко, киноактриса Ася Норис (А.Н. Герцфельд), математик В.М. Бернштейн, филолог-славист Х. Сонабенд.

По времени и обстоятельствам эмиграции русских деятелей культуры можно разделить на тех, кто эмигрировал после Октябрьского переворота 1917 г. или Гражданской войны (в 1922–1923 гг.), и тех, чей отъезд из страны пришелся на середину 1920-х – 1930-е гг. События 1917–1922 гг. стали основной причиной эмиграции для таких писателей и поэтов, как П.П. Муратов, А.С. Гейнцельман, Н.М. Гольденвейзер, С.А. Барановская, М.М. Иванов, В. Преображенская. К данной категории эмигрантов также относятся художники А.А. Алексеев, Б.В. Зуев и И.С. Зуева, Д.В. Олсуфьева-Боргезе; музыканты и музыковеды – К.М. Мазурин, И.А. Персиани, Ю.Н. Померанцев; ученые – О.О. Визель, Н.П. Оттокар; театральные деятели – С.М. Волконский, Р. Лорк, Л. Нелидова (Барто), А.А. Санин (Шенберг), Т.Ф. Шалыпина, Ю.Н. Юрьин, С. Садыков; деятели кино – Г.С. Аронсон, В.А. Старевич (режиссер эмигрировал в Италию, однако вскоре переехал во Францию). Позже, в середине 1920-х – 1930-е гг., из СССР в Италию эмигрировали поэт В.И. Иванов, художники Ф.С. Бренсон, Л. Слуцкая, С. Фикс, В.А. Чекунова, И.М. Карпов, художник Ю.П. Анненков (Б. Тимирязев), оперные певицы Р.А. Замкова, А.П. Кравченко.

В целом, среди писателей-эмигрантов насчитывается около 25 % эмигрировавших из Советской России (СССР) непосредственно в Италию. Среди художников – примерно 20 %, среди ученых – 30 %, среди театральных деятелей – 30 %, среди кинодеятелей – около 13 %, среди музыкантов – около 53 %.

Русская эмиграция в Италии носила рассредоточенный характер, чему способствовали географические факторы. В отличие от Франции, Германии, Чехословакии, русские эмигранты в Италии сконцентрировались одновременно в нескольких центрах: Риме, Флоренции, Милане, Неаполе, Венеции, Генуе на о. Капри и Лигурийском побережье. Юг Италии – экономически бедный регион – практически не был освоен русскими. В целом русские эмигранты в Италии в 1920–30-е гг.

интенсивно перемещались между крупными городами, что характерно прежде всего для художников и театральных деятелей – в силу специфики их выставочной и артистической деятельности. Несмотря на это, прослеживается и ряд закономерностей. Русские живописцы 1920-х гг. в основном сосредоточились в Риме и Венеции, где проходили крупные художественные выставки. Милан (прежде всего, театр Ла Скала) стал главным центром театральной и музыкальной жизни, в то время как русский балет наиболее активно развивался в столице (благодаря артистической и педагогической деятельности русских танцовщиц Л.Р. Нелидовой, Е.Ф. Борисенко, Е.С. Писаревской (Леонидовой)).

Наконец, типологизации на основе стилистики творчества наиболее поддаются художники-эмигранты. В 1920–30-е гг. в Италии наблюдалось разнообразие художественных направлений, стилей и жанров, в которых работали русские живописцы. Помимо традиционной для «русских итальянцев» пейзажной живописи (А.А. Алексеев, А.Я. Белобородов, Н. Каль-Бавастро, В.А. Субботин), отдельные художники развивали в своем эмигрантском творчестве «русские темы»: Ф.А. Малявин, Р.Н. Браиловская, Е.З. Краснушкина – каждый из них выступал хранителем отечественных живописных традиций в эмиграции. Помимо «русской темы» прослеживался и интерес к религиозным сюжетам, который в той или иной мере присутствовал в живописи И.С. Зуевой, В.Н. Нечитайлова, Г.П. Мальцева. В 1900–1910-х гг. Н.Н. Лохов, Ф.П. Рейман, а позже – Д.К. Степанов занимались реставрацией и копированием фресок итальянского Ренессанса. Учитывая нестабильность исторической эпохи 1920–30-х гг. данный факт отражал потребность эмигрантов-художников в обращении к вечной и незыблемой возрожденческой культуре. Кроме того, в выставочном пространстве Рима и Венеции в 1918–1939 гг. была широко представлена и импрессионистическая живопись А.В. Исупова, П.В. Безродного, И.М. Карпова. Стилиевое и жанровое многообразие облегчало интеграцию русских живописцев-эмигрантов в художественную жизнь Италии, создавая оптимальный баланс между творческим самовыражением и материальным аспектом жизни художника в эмиграции.

В целом причины рассредоточенности русской эмиграции в Италии были обусловлены не только территориальным фактором (наличием нескольких центров средоточия культурной жизни), но и количественными показателями. Значительным является диапазон сведений о русском присутствии в Италии – от 1,5 до 20 тыс. человек, что, безусловно, затрудняет объективное исследование вопроса. Официальные подсчеты, вероятно, являются завышенными, а неофициальные – преуменьшенными, что в любом случае не исключает как общей малочисленности русских в Италии в межвоенный

период, так и тенденции к уменьшению числа эмигрантов в Италию начиная с 1928–1930 гг. Русские беженцы прибывали на Апеннины как напрямую из Советской России (СССР), так и через другие европейские государства. В процентном соотношении среди русских беженцев преобладали художники и писатели. Обстоятельства эмиграции, ее малочисленность и территориальная рассредоточенность не препятствовали многогранному самовыражению эмигрантов (в особенности живописцев) в пределах Рима, Милана, Венеции, Флоренции, Генуи, способствуя формированию в 1920–30-х гг. яркой и своеобразной мозаики русского присутствия на Апеннинах.

Библиографический список

1. *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1 / Дом Русского зарубежья имени Александра Солженицына; Пизанский университет. – М.: Русский путь, 2011. – 454 с.
2. «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века / сост. А. д'Амелия, Д. Рицци. – М.: Русский путь, 2011. – 318 с.
3. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 295 с.
4. Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н.П. Комолова. – М.: Наука, 2003. – 335 с.
5. Русские в Италии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.russinitalia.it/ (дата обращения: 10.09.2015).
6. *Северюхин Д.Я.* Русская художественная эмиграция. 1917–1939. – СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2003. – 129 с.
7. *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Авторизованный перевод с финского Л.В. Суни. – СПб.: Издательский Дом «Коло», 2004. – 351 с.
8. Archivio italo-russo (Русско-итальянский архив) / a cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Voll. I–X. – Trento-Salerno, 1997. – 2015.
9. Europe on the Move. War and population changes, 1917–1947 by E.M. Kulischer. – N.Y.: Columbia University Press, 1948. – 377 p.
10. *Lo Gatto E.* Russi in Italia: Dal secolo XVII ad oggi. – Roma: Editori Riuniti, 1971. – 331 p.
11. *Rimscha H. von.* Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917–1921. – Jena: Frommann, 1924. – 169 S.
12. The Refugee Problem: Report of a Survey / by Sir John Hope-Simpson. – Oxford: Oxford University Press, 1939. – 636 p.

ПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОЛЬШУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

Основной целью статьи является освещение вопросов, связанных с положением эмигрантов первой волны в Польше в первой половине 1920-х гг., рассмотрение положения эмигрантов в целом и причины, вынуждавшие их покидать родину и отправляться в чужую страну. Помимо этого в работе показаны трудности, с которыми сталкивались беженцы при пересечении границы и непосредственно в самой Польше, так как, как правило, они не имели при себе документов, удостоверяющих их личность, что в свою очередь создавало множество проблем при проживании в Польше. Анализируется отношение польского правительства к эмигрантам и политика, проводимая ими для «решения» этой «проблемы». Помимо этого рассматривается отношение советских и польских пограничников к столь массовому бегству из России и их поведение по отношению к беженцам и репатриантам в контексте взаимной неприязни и непонимания двух негативно настроенных друг к другу сторон. В статье проводится анализ позиции русских беженских организаций в вопросе ущемления прав русскоязычного населения, в том числе и беженцев. Рассмотрены меры, принимаемые для облегчения положения беженцев и их эффективность при сложившихся обстоятельствах. Кроме всего вышеописанного анализируется позиция международных организаций в данном вопросе и меры, принимаемые для выхода из сложившейся ситуации. В работе проводится анализ отношения и самих эмигрантов к своему положению: осознание нахождения в безвыходной ситуации и способы ее решения. Автор основывает свой научный труд на документах Пражского архива, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Ключевые слова: иммиграция, беженцы, российская эмиграция, Польша, репатриация, депортация, беженские организации, Советская Россия.

В современном геополитическом мире историческая наука достаточно часто служит орудием манипуляции высших органов власти той или иной страны. Нередко для достижения своих целей политики предпочитают интерпретировать исторические события с удобной для себя стороны, не обращая внимания на историческую правду. В первую очередь это касается так называемых черных пятен в истории или спорных исторических моментов. Одним из них и являются советско-польские отношения межвоенного периода, в том числе положение русскоязычного населения в Польше, включая и российскую эмиграцию. В современной отечественной и зарубежной историографии исследователи уделяли внимание положению российской эмиграции в целом [2; 5; 7; 10; 11] или отдельных ее групп, например казачества [1; 9; 13]. Историки занимались также некоторыми вопросами пребывания российских эмигрантов в Польше [6; 8; 12; 13]. Несмотря на это существует еще много проблем, изучение которых позволит раскрыть особенности российской эмиграции в Польше. Целью данной работы является анализ причин и особенностей эмиграции в Польшу после революционных событий в России.

В первой половине 1920-х гг. наибольший поток беженцев хлынул в приграничные государства. В целом их положение в странах-лимитрофах было не столь благоприятное как в европейских государствах [4, л. 3].

Первопричинами этого являлись опасения местных правительств относительно возможности восстановления прежнего могущества уже бывшей Российской империи. Поэтому для его предотвращения стала проводиться политика национального

шовинизма, направленная на ущемление прав национальностей, проживавших на территориях, ранее входивших в состав Российской империи. Если положение беженцев было повсеместно тяжелое, то в Польше они находились в чрезвычайно неблагоприятных условиях [4, л. 15]. Главным образом это относилось к юридическому положению беженцев: проживанию и передвижению внутри страны, свободном использовании железных дорог и т. д. Для передвижения внутри страны беженцам необходимо было иметь специальное разрешение, для оформления которого требовалось множество документов. Однако срок действия документа был ограничен.

Однако, несмотря на все трудности, беженцы стремились попасть в Польшу. Причины этого заключались, во-первых, в протяженной советско-польской границе – более 1 200 км, а во-вторых, в непосредственной близости Германии и Франции, куда и стремилось попасть большинство эмигрантов, используя Польшу в качестве транзитной зоны [3, л. 2].

Однако само польское правительство было настроено негативно по отношению к беженцам. В первую очередь это было связано с неблагоприятной экономической обстановкой внутри страны, следовательно, невозможностью оказания помощи всем нуждающимся и с возможностью проникновения коммунистов в Польшу под видом беженцев [4, л. 8]. Поэтому польское правительство пыталось прекратить или начать контролировать численность беженцев посредством закрытия границы, однако сделать ее совершенно непроходимой было невозможно из-за протяженности и недостаточной ее охраны как со стороны польских, так и со стороны советских пограничников. При

ликвидации одного места для незаконного перехода беженцы просто меняли свое направление и искали новые способы пересечения границы [3, л. 2]. А это в свою очередь сказывалось негативно на них самих: беженцам приходилось скрываться в течение нескольких дней, а иногда и недель в лесах или горах, дожидаясь благоприятных условий, способствовавших переходу (ослабление надзора со стороны пограничников, непогода или безлунная ночь и т. д.). Помимо этого отчаяние вынуждало беженцев прибегать к услугам посредников для перехода через границу, которые не всегда добросовестно выполняли свои обязательства, что не мешало им брать огромные деньги за свои услуги.

Беженцы проникали в страну двумя способами – легально, через специализированные репатриационные центры, и нелегально [4, л. 9].

К «легальным» эмигрантам относилась категория лиц, покинувших польскую территорию из-за военных конфликтов первой половины XX в. (Первая мировая и Советско-польская войны). После подписания Версальского и Рижского мирных договоров они возвращались обратно через специализированные репатриационные центры, где составлялись списки репатриантов и определялась законность их возвращения. Таких контрольно-пропускных пунктов (КПП) было всего два – в городах Барановичи и Ровно. Пропускная способность пункта в Барановичах был почти в два раза больше, чем в Ровно. В Барановичи стремились попасть беженцы и репатрианты, временно проживавшие на востоке и севере России, тогда как в Ровно – жители Киевского и юго-восточного регионов страны. Всего к началу июля 1922 г. через Барановичи прошло около 700 000 человек и еще порядка 500 000 стремилось вернуться обратно [3, л. 10–11].

После получения разрешения на въезд в страну репатриантов отправляли в специализированные приграничные пункты, где у них повторно проверяли документы, отправляли на карантин, размещая в бывших казармах, где проводилась принудительная дезинфекция и вакцинация, и уже после прохождения всех вышеописанных процедур репатриантов допускали к месту жительства.

Для передвижения, как правило, использовали эшелоны. Однако в России из-за ряда причин транспортная система находилась в достаточно плохом состоянии, встречалось множество препятствий для попадания в правительственные эшелоны, так что многие предпочитали скоординироваться и сообщами нанимать вагоны и отправляться в путь.

Репатриационный процесс был совершенно не приспособлен к зимним условиям, смертность была достаточно высокой и достигала не менее 34 % при продолжительном пути, который иногда длился 2–3 месяца (из-за голода и эпидемий в приграничных территориях). Каждый такой эшелон вне зависимости от того, был он государственный

или частный, должен был сопровождать комиссар, который следил за численным составом пассажиров, фиксировал умерших и не должен был допускать проникновения нелегальных пассажиров. За определенную плату комиссары соглашались брать вместо умерших всех желающих с предоставлением им документов не выдержавших испытания.

Из-за большого количества желающих вернуться в Польшу все специализированные приграничные пункты оказались переполнены, что вызывало множество неудобств для репатриантов: стесненные условия, голод, распространение эпидемий и т. д.

Несмотря на все усилия польских властей по стабилизации санитарно-эпидемиологической обстановки в приграничных районах, эпидемии продолжали распространяться. Во Львове этапный пункт был закрыт на карантин, а в Ровно свирепствовал сыпной тиф, из-за которого смертность была очень велика, и умирали целые семьи. Заражались, как правило, в изоляционном помещении во время нахождения на обязательном карантине [3, л. 10–11].

Несколько иначе в страну попадали «нелегальные» беженцы, условно разделявшие приграничную полосу на две части: к северу от Сарны и Волынскую губернию и Галицию, то есть на север и юг. «Северная часть» была не совсем подходящей для перехода границы, поэтому численность беженцев была незначительной. В «южной части» поток беженцев был постоянный, зависящий только от погодных условий. Такая разница между севером и югом заключалась в природно-климатических условиях: на севере (ближе к Минску и Гомелю) зимы были холоднее, низкой была и плотность населения, что практически исключало возможность найти ночлег на время ожидания улучшения погодных условий; кроме того, надзор красноармейцев в этой части границы был более тщательный из-за близости к центру. Положение на юге было несколько иным – со слов пересекших границу, там преобладали бандитские организации, что являлось препятствием для полноценной охраны границы; кроме того, сохранение старой линии границы и селений являлось преимуществом для контрабандистов, специализирующихся на проходе беженцев.

После успешного пересечения границы беженцы отправлялись в Юр для регистрации, где их подвергали обязательной дезинфекции и вакцинации, после чего уже начиналась процедура по легализации их положения, в том числе и идентификация, в ходе которой определялись основания для репатриации или оптации. Если выяснялось, что репатриант не подходил ни под одну категорию для оптации, его помещали в изолированную камеру, где он находился вплоть до самой депортации в Россию. Однако, несмотря на возможность депортации, для многих означавшую расстрел, количество уезжавших из Советской России только увеличивалось.

Количество беженцев прямо пропорционально зависело от событий, происходивших в России, и погодных условий. При ослаблении надзора на приграничной территории с советской стороны количество беженцев увеличилось в несколько раз. В зимнее время их численность была значительно меньше, чем в летний и осенний периоды.

Все русскоязычное население в Польше условно разделялось на две группы [3, л. 12–13]:

а) лица, имеющие право на получение польского гражданства в соответствии с условиями Рижского мирного договора от 21 марта 1921 г. (наличие недвижимости или десятилетнее проживание на указанных территориях до 1914 г., или право по рождению);

б) непосредственно сами беженцы.

Русские беженские организации *de jure* взаимодействовали со 2-й категорией, однако *de facto* многие из первой группы хотя и являлись польскими поданными, имевшими все необходимые документы для проживания в стране, но фактически не ощущали себя полноправными гражданами и по сути являлись теми же эмигрантами. Причины этого заключались в незнании государственного языка на должном уровне и предвзятом отношении к русскоязычному населению.

В течение 1921–1922 гг. помощь русским эмигрантам оказывали три центральных учреждения, находящиеся в Варшаве, – Русский попечительный комитет в Варшаве, бывшая Миссия Российского Красного Креста и бывший Русский политический эвакуационный комитет (впоследствии Русский эвакуационный комитет – РЭК).

Русский попечительный комитет в Варшаве представлял собой благотворительную организацию, имевшую своих представителей по всей польской территории. Главная цель Комитета заключалась в оказании помощи русским беженцам, находившимся в Польше [4; л. 4–6].

Миссия Российского Красного Креста после заключения Рижского мирного договора была переименована в бывшую Миссию Российского Красного Креста, с весны 1922 г. стала находиться под покровительством Общества Красного Креста. Однако достаточно продолжительное время эта организация в Польше была политической и ее сфера оказания помощи беженцам была весьма ограничена.

Русский эвакуационный комитет оказывал все виды помощи военным армиям Б.С. Пермикина и С.Н. Булак-Булаховича и интернированным на территории Польши, однако подпольно велась работа и по набору добровольцев для борьбы с большевиками.

В целом беженские организации разделялись по сферам деятельности на три группы:

1. Оказание культурно-просветительской, правовой и трудовой помощи интеллигенции;
2. Оказание всех видов помощи призрения и благотворительности;
3. Различные заботы об интернированных.

Понимая тяжелое положение беженцев, Земско-городским комитетом (Земгором) планировалось устройство восьми чайно-питательных пунктов на 300 человек в приграничном районе, восьми столовых в более крупных центрах на 600 человек и тринадцати небольших общежитий на 250 лиц. Тем самым предполагалось оказывать помощь более 1 000 человек в день. Однако затраты на организацию всех вышеупомянутых учреждений требовалась значительная сумма денег – порядка 5 млн польских марок [4; л. 4–6]. Кроме того, отмечалась необходимость открытия пунктов с медицинской помощью и пунктов с выдачей одежды, так как большинство беженцев после пересечения границы было в совершенно непригодном для продолжения пути виде. Но итоговая ежемесячная сумма оказалась достаточно большой, а покрыть все расходы Земгор не мог, поэтому было решено сосредоточить все силы на организации чайно-питательных пунктов и столовых. Однако при организации работы было встречено множество трудностей, так как местные польские власти не всегда понимали необходимость существования таких мест, а вопрос с предоставлением беженцам квартир во временное пользование вызывал массу вопросов и недоумений у представителей власти. Однако вопреки всем трудностям к апрелю 1922 г. было открыто 22 пункта с чайно-питательной помощью [4, л. 4–17].

Беженским организациям, заботящимся как о материальном, так и о правовом положении эмигрантов, приходилось не ограничивать свою деятельность только Варшавой, но и распространять ее на приграничные территории на так называемых «восточных кресах» (территориях, вошедших в состав Польской Республики по Рижскому мирному договору от 21 марта 1921 г.). Там находилась большая часть русских, нашедших работу или только что при бывших из Советской России. Работа в приграничной полосе была крайне трудной, однако все же она была организована. Ниже приведена таблица, отражающая численность нелегально эмигрировавших в Польшу и депортированных. Из представленных данных видно, что была категория граждан, не попавшая в списки допущенных к въезду в страну или депортированных, так как они находились на карантине.

Большинство беженцев, пересекших границу, не имело при себе документов. Это было вызвано необходимостью, так как при переходе границы они могли быть задержаны советским пограничным конвоем и при отсутствии разрешения на выезд задержанным грозил расстрел как изменникам родины. Однако отсутствие документов и в Польше означало немедленную депортацию при первой же проверке, но, несмотря на это, не все беженцы стремились узаконить своей правовой статус. Это было связано с тем, что процесс оформления документов был весьма долгим и дорогостоящим;

**Численность перешедших советско-польскую границу
и количество депортированных в 1-м квартале 1922 г. [4, л. 15]**

Дата	Количество перешедших границу / человек	Количество допущенных к въезду в страну / человек	Количество депортированных / человек
1–15 января	75	26	29
15–31 января	55	15	40
1–15 февраля	48	13	35
15–28 февраля	50	8	42
1–15 марта	54	14	40
15–30 марта	31	11	20
<i>Итого</i>	313	87	206

кроме того, в ожидании разрешения на пребывания в стране беженцы с семьями неделями, а порой и месяцами проводили под арестом в антисанитарных условиях: в грязных и тесных помещениях. Риск подхватить инфекционные заболевания в таких условиях был высок и доходил до 80 % со смертностью не менее 50 % [4, л. 17–18].

Особо многочисленные жалобы поступали на комиссара этапного пункта Коркозовича, отличавшегося жестоким отношением к беженцам. Он активно пользовался правом незаконно перешедших границу и отправлял их в изолированные камеры, тем самым лишая возможности связаться с внешним миром и получить помощь от родственников или беженских организаций [3, л. 45].

Случаи массовой депортации были распространены на всей территории Польши, а не в отдельных районах. Например, во Львове в марте 1922 г. к высылке подготовили группу евреев из девяти человек, которые были доставлены в Тернополь (с 1944 г. – Тернополь) к границе для депортации. Только массовый общественный резонанс спас их от депортации [4, л. 16]. Кроме того, от депортации не были защищены лица, которые аргіогі имели право на пребывание в стране и не могли быть депортированы согласно Версальскому и Рижскому мирным договорам. Например, бывшие русские офицеры, имевшие движимое и недвижимое имущество в Польше, прослужившие в стране много лет, чьи жены и дети имели польское гражданство, не всегда допускались к месту своего постоянного проживания и подвергались депортации. Или, к примеру, полковник Мильев 62 лет при наличии недвижимого имущества в стране вместе с женой был депортирован в Советскую Россию, где впоследствии умер от побоев, а его жена – от истощения. Или княжна Нина Агафоновна Вахвахова в возрасте 51 года, которая не получила разрешения на въезд в страну; аргументировано это было тем, что ее отец, умерший более 25 лет назад, был русским генералом в Польше [3, л. 3–6].

Многие беженцы ввиду тяжелых условий или предстоящей депортации решались на самоубийство, так как после депортации их ожидал расстрел. Известны случаи выпрыгивания из окна, перерезы-

вания горла острием бритвы, и таких инцидентов было достаточно много, но власти предпочитали их не афишировать. Однако некоторые случаи получали огласку и большой общественный резонанс. Например, так произошло с сестрой милосердия Юлией – ее самоубийство произошло в многолюдном месте у всех на глазах в момент передачи ее советским властям. Депортация для нее означала расстрел, так как она бежала в Польшу из Красной Армии и, следовательно, считалась дезертиром. Юлия решила отравиться, но перед принятием яда предупредила комиссара контрольной станции о своем намерении, однако он пренебрег ее угрозами, что в итоге привело к трагедии [4, л. 8–9].

В конце марта и в первой половине апреля 1922 г. предполагалось выслать еще порядка 25 человек. Часть из них все же смогла выхлопотать краткосрочную отсрочку на устройство своих личных дел. Прямых обвинений почти никому не предъявлялось. Высылаемых вызывали в управление столичной полиции, где у них отбирали документы и выдавали постановление о выезде из страны в течение 48 часов. В случае невыполнения предписания – принудительная депортация. Во многих городах Вольни, например в Ровно, русских арестовывали на улицах и немедленно отправляли в концентрационные лагеря, такие случаи исчисляли сотнями [4, л. 19–20]. Насколько грубо это делалось, видно из случая с женой уполномоченного Красного Креста – доктора Крейса. При обыске в управлении самого доктора (заведовавшего во время войны госпиталем в 400 человек) не было, вместо него арестовали его жену, ее отправили на вокзал ожидать депортации, не позволив взять с собой ничего из вещей и ценностей. Положение ухудшалось еще и тем, что местных представителей русских беженских организаций в Польше арестовывали и депортировали наравне с другими, например, так было в Ровно (Г. Лонгинов) или в Барановичах (Г. Фирсов). Из-за этого среди беженцев началась паника: люди бросали работу, дома, уходили вглубь страны, опасаясь депортации в Советскую Россию, для многих означавшую смерть. Пострадавшим не к кому было обращаться за помощью, а заступничество в Варшаве перед министер-

ствами производилось случайно и шло медленно. В течение осени и зимы 1921 г. беженцы целыми группами принудительно отправлялись из Ровно, Корца и других пунктов в приграничные районы с Советской Россией. Об этом не раз сообщалось местным представителям в Варшаву и Русским комитетом, и бывшей Миссией Российского Красного Креста, неоднократно возбуждались ходатайства перед польскими властями. Земско-городской комитет пытался решить проблему ущемления прав беженцев, однако все они были тщетны и высылки продолжались [4, л. 19]. Кроме того, депортируемым никаких обвинений не предъявлялось, только 7 апреля 1922 г. после многочисленных обращений беженских организаций правительством были даны официальные комментарии о причинах массовой депортации из страны. Всех арестованных обвиняли в организации политических и военных организаций и снабжении бандитских формирований оружием, однако подчеркивалось, что в этом участвовали как русские, так и поляки.

В таких условиях необходимо было вмешательство иностранных организаций для защиты интересов беженцев, однако международные организации, которые должны были защищать интересы и права беженцев, например Лига Наций и Международный Комитет Красного Креста (МККК), не проявили никакого участия в решении данной проблемы. Представитель Лиги Наций и МККК в Польше Г. Глоор объяснил такую позицию международных организаций тем, что они были призваны защищать организации в целом, а не отдельных лиц [3, л. 22].

Таким образом, можно выделить несколько существенных особенностей российской эмиграции в Польшу в первой половине 1920-х гг. Главная из них заключалась непосредственно в самих эмигрантах – они являли собой не только классических беженцев, но лиц, проживавших на территориях, вошедших в состав польского государства в 1921 г. Часто чисто теоретически они не являлись эмигрантами, но при этом и не ощущали себя полноправными гражданами страны, например, потому, что не владели на должном уровне государственным языком. С другой стороны, само польское правительство было не заинтересовано в столь большой численности эмигрантов. Причины этого заключались отчасти в экономическом кризисе, но в большей степени в русофобской политике, направленной на ущемление прав русскоязычного населения. Поэтому были распространены массовые высылки русскоязычного населения из страны. От депортации никто не был застрахован: ни лица, имевшие право на пребывание в стране согласно международным договорам, ни политические деятели. Беженские организации пытались урегулировать эту проблему, но все их усилия были тщетны. Вопреки всем негативным факторам беженцы все равно

предпочитали эмигрировать в Польшу. Причины крылись в протяженной советско-польской границе и недостаточной ее охране; кроме того, отсюда было проще добраться до Германии или Франции, куда и стремилось попасть большинство беженцев, выбирая Польшу в качестве транзитного пункта. Кроме того, достаточно часто они предпочитали не узаконивать свое пребывание в стране из-за долгого и дорогостоящего процесса оформления бумаг и возможной депортации ввиду выявления факта отсутствия разрешения на проживание в стране.

Библиографический список

1. Барбарунова З.А., Коваленко-Черная Е.С. Политика Польши в отношении сепаратских и националистических движений внутри русской эмиграции. Казакиационалисты (1920–1930-е гг.) // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы Международной научно-практической конференции (17 октября 2015 г., Кубанский государственный университет, г. Краснодар) / науч. ред., сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев. – Краснодар: Традиция, 2015. – С. 141–147.
2. Бочарова З. С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 304 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) – Ф. Р–5913. – Оп. 1. – Д. 147.
4. ГАРФ. – Ф. Р–5913. – Оп. 1. – Д. 391.
5. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы) / пер. с франц. Э. Кустовой; науч. ред. М. Байссвенгер. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
6. Жуков А.В. Формирование российского национального военного зарубежья в Польше (1917–1922 гг.) // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 3. – С. 100–104.
7. Миронова Е.М. Дипломатия небольшевистской России. От Певческого моста до улицы Грельналь 1917–1918. – М.: ИВИ РАН, 2013. – 253 с.
8. Ратушняк О.В. Казаки-эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар, 2013. – Вып. 7. – С. 211–218.
9. Ратушняк О. В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). – Краснодар: Кубанский государственный университет. – 2013. – 245 с.
10. Русский мир в XX веке: в 6 т. / под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева; предисл. А. М. Рыбакова. – М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетей, 2014.
11. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 431 с.
12. Симонова Т.М. Российская диаспора в Польше в 1920–1924 гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. – С. 170–180.
13. Телень С.В. Кубанские и другие белоказачьи формирования в Польше (1920–1922 гг.) // Историко-культурное наследие и современность: материалы республиканской науч.-практ. конф. – Краснодар, 1995. – С. 90–92.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ В ПЕРИОД 1951–1952 ГГ.

В статье в систематизированном виде рассмотрен процесс истории начального профессионального образования в Оренбуржье в период начала Пятого пятилетнего плана. На основе широкого круга источников определен период развития, ликвидации и реорганизации начальных профессиональных учебных заведений в региональной системе образования. Установлены их основные виды и типы, а также практическая деятельность по подготовке квалифицированных рабочих кадров. В Чкаловской области, как в промышленном регионе, были востребованы ремесленные, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения, в которых обучающиеся приобретали специальные общетехнические знания и умения, профессиональные навыки в начальном профессиональном образовании. В данный период в истории России особое внимание уделяется развитию народного хозяйства, происходит ликвидация и реорганизация училищ и школ в Чкаловской области.

В статье анализируются проблемы текучести выпускников. Автор приводит конкретные данные по предприятиям (Медногорский медносерный завод и Южно-Уральский никелькомбинат Министерства цветной металлургии, Южно-Уральский машиностроительный завод и Стройтрест № 1 Министерства тяжелого машиностроения). Кроме того, в статье поднимается проблема приема в училище воспитанников детских домов.

Ключевые слова: промышленность, трудовые резервы, профессиональное образование, квалифицированные рабочие.

Начальное профессиональное образование Оренбургской области, пройдя длительный и сложный исторический путь, стало в XX столетии мощным фактором повышения образовательного и культурно-технического уровня широких слоев населения.

Учебные заведения выпускали подготовленных рабочих для предприятий горнодобывающей, металлургической, нефтедобывающей, строительной, текстильной промышленности, сельского хозяйства, энергетики, железнодорожного транспорта и связи. Предприятия-заказчики рабочей силы со своей стороны оказывали постоянную помощь учебным заведениям в укреплении их материальной базы. Особенно активно помогали ремесленным и железнодорожным училищам и школам фабрично-заводского обучения завод им. В.В. Куйбышева и железнодорожное депо в г. Бузулуке, Чкаловский центральный телеграф, Орская ТЭЦ в строительстве новых помещений, в обеспечении наглядными пособиями и другим необходимым в учебном процессе инвентарем.

Однако, несмотря на все усилия и поддержку со стороны предприятий, ликвидировались и реорганизовывались училища и школы со слабой материальной базой или недостаточно обеспеченные кадрами преподавателей и мастеров. Например, с 1 февраля 1951 года прекратило работу ремесленное училище № 14 в г. Чкалове, не завершив последнего выпуска. Учащихся разместили в других ремесленных училищах г. Чкалова и Чкаловской области. Закрыв это училище, Министерство трудовых резервов Союза ССР своим приказом потребовало организовать ежегодно в ремесленном училище № 6 областного центра подготовку рабочих – дюральщиков в количестве 25 человек для завода № 47 Министерства авиационной промышленности, при этом предпи-

сывалось продолжить обучение группы в количестве 25 человек, осваивавших профессию медников-жестянщиков, а остальных воспитанников было приказано перевести в г. Орск во вновь организуемое ремесленное училище на производственной базе Южуралмашзавода Министерства металлургической промышленности [5].

К началу 1951 года в Чкаловской области работало 9 ремесленных, 5 железнодорожных училищ и 12 школ фабрично-заводского обучения [10].

Одновременно появлялись новые или реорганизованные училища, сменившие профиль подготовки своих воспитанников. В их числе было, например ремесленное училище № 15, созданное на базе Южуралмашзавода г. Орска в 1951 году. В училище готовили по следующим специальностям: токари по металлу, слесари по промышленному оборудованию, столяры, формовщики, сдельщики по дереву [11].

1 сентября 1951 года на базе завода им. В.П. Чкалова в областном центре было организовано ремесленное училище № 17. Училище готовило лаборантов, операторов, токарей по металлу, электромонтёров [1]. С 1 октября коллектив училища приступил к учебной работе, успешно приняв 250 человек. С учётом потребности в указанных специалистах планировался рост контингента учащихся в следующем 1952 году до 400 человек [12].

В докладной записке в областное управление трудовых резервов от 5 сентября 1951 года указано, что в Новотроицке в ремесленном училище № 10 и школе фабрично-заводского обучения № 11 имелись случаи нарушения Устава училища и школы фабрично-заводского обучения: факты пьянства, хулиганства и других неблагоприятных поступков. Поэтому неоднократно проводились воспитательные беседы в коллективах учащихся о необходимости соблюдать

Устав учебного заведения. С целью повышения уровня воспитания были проведены две литературные конференции по романам «Как закалялась сталь» Н.А. Островского и «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, в которых приняли участие 905 человек [14].

В ремесленные училища на обучение принимали воспитанников из детских домов и приютов. Постановлением бюро Чкаловского обкома ВЛКСМ от 10 сентября 1951 года на основании Постановления Совета Министров СССР от 25 июля 1951 года за № 2631 в ремесленном училище № 6 в Чкалове было решено начать подготовку ещё и счётно-финансовых работников из числа воспитанников детских домов, имевших среднее образование. Обязательным условием было размещение детдомовцев в общежитиях училища. У остальных подростков при поступлении в это училище возраст должен быть не ниже 15–16 лет, а образование – не меньше 5 классов. В 1951–1952 учебном году планировалось принять в училище на обучение и 150 девушек [11].

План приема воспитанников из детских домов от 20 августа 1951 года был следующим: в ремесленном училище № 1, 4, 10 контингент принимаемых на обучение составил по 25 человек в каждом, в ремесленном училище № 6 – 50 человек, в ремесленном училище № 15 – 68 человек, в ремесленном училище № 7 – 75 человек, в ремесленном училище № 16 – 100 человек [13].

Училища и школы фабрично-заводского обучения области успешно завершили 1950–1951 учебный год. Установленный Министерством трудовых резервов план подготовки квалифицированных рабочих на 1951 год по Чкаловской области был выполнен на 102%. Несмотря на значительное повышение требований к производственным навыкам и техническим знаниям, которые предъявляли на Государственных выпускных экзаменах, за этот учебный год большинство учащихся были успешно аттестованы на установленные разряды и звания. Так по училищам установленные разряды получили 99,1% учащихся, по школам фабрично-заводского обучения – 98,4%. Высоких результатов в подготовке квалифицированных рабочих, по мнению Государственных аттестационных комиссий, добились ремесленные училища № 1, 2, 10 и школа фабрично-заводского обучения № 5. 10 мая 1951 года из выпускников всех ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения Чкаловской области были отобраны лучшие, наиболее способные молодые рабочие для Сибирской конторы Главгорстроя СССР [2].

В первом квартале 1952 года Чкаловское областное управление Министерства трудовых резервов, выполняя Постановление Совета Министров СССР от 19 февраля 1949 года № 707 «О мероприятиях по улучшению трудового использования на производстве молодых рабочих, окончивших школы

фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища», произвело проверку использования рабочей силы на промышленных предприятиях области. Проверке были подвергнуты Блявинское рудоуправление Министерства металлургической промышленности, Медногорский медносерный завод и Южно-Уральский никелькомбинат Министерства цветной металлургии, Южно-Уральский машиностроительный завод и Стройтрест №1 Министерства тяжелого машиностроения. В ходе проверки установлено, что руководители строек, предприятий и рудника неудовлетворительно выполняли указанное Постановление Правительства СССР: главной причиной текучести являлось их равнодушное отношение на производстве. Профсоюзные и комсомольские органы не проявили достаточной настойчивости в соблюдении установленного порядка в трудовом использовании и улучшении культурных, жилищно-бытовых условий молодых рабочих. По этой причине была допущена большая текучесть всей имевшейся рабочей силы, в том числе и молодых рабочих. Данные результаты проверки свидетельствуют о том, что, несмотря на некоторое снижение, текучесть молодых рабочих в Стройтресте № 1 оставалась весьма высокой. В 1951 году из подразделений треста выбыло 23,1% к средней численности принятых рабочих против 54,3% за 1950 год. Самовольно оставили работу в 1951 году 52 молодых рабочих, а за январь – февраль 1952 года с предприятия по собственной инициативе убыли 11 человек [3].

Стабильно высокой была текучесть выпускников системы трудовых резервов области на Южно-Уральском машиностроительном заводе. В 1951 году выбыло 135 молодых рабочих. Количество самовольных уходов с производства имело тенденцию некоторого снижения. Если за 1950 год самовольно покинули предприятие 92 человека, то в 1951 году – 60 человек [3].

Данные о движении контингента молодых рабочих в Медногорском медносерном заводе свидетельствуют, что самовольные уходы на этом предприятии увеличились в 2 раза. В 1951 году по собственной инициативе оставили производство 30 человека, против 15 молодых рабочих, уволившихся в 1950 году. В январе – феврале 1952 года работу на заводе, славившемся в области вредным для здоровья людей характером производства, прекратили 13 человек [4].

Статистический материал свидетельствует о том, что общая текучесть кадров молодых рабочих на Южно-Уральском никелевом комбинате имела устойчивую тенденцию к снижению в 1950–1952 годах. Но самовольные уходы выпускников системы трудовых резервов в 1951 году увеличились, по сравнению с 1950 годом в 2 с лишним раза: с 12 до 30 человек. Причем большая часть (21 рабочий) самовольно ушли из Управления ка-

питательного строительства этого предприятия, начальником которого был Черкулин. По мнению комиссии, проверявшей работу комбината, он бездушно относился к молодым рабочим [4].

Постоянная текучесть молодых рабочих кадров тормозила процесс их закрепления на производстве, мешала стабильному росту трудовых коллективов и, в конечном итоге, наносила существенный ущерб народному хозяйству области. Значительное количество выпускников системы трудовых резервов трудились не по приобретенной специальности, а на мало оплачиваемых подсобных работах различного рода. Воспитательная работа с ними проводилась плохо, либо вообще не проводилась [4].

Партия и правительство в Директиве по Пятому пятилетнему плану на 1951–1955 годы наметили объемную программу с помощью эффективных путей и методов дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства, в том числе колхозного производства, кадрами массовых профессий специалистов и организаторов. С предстоящим подъёмом промышленности связывалась широкая механизация сельского хозяйства [7, с. 249].

Подготовка кадров механизаторов для сельского хозяйства была возложена на Главное управление трудовыми резервами при Совете Министров СССР [6, с. 422]. Необходимо было в сравнительно короткий срок удовлетворить потребности колхозов и МТС в агрономах, зоотехниках, инженерах, трактористах, комбайнёрах и т.п. В решении этой задачи главную роль должна была сыграть средняя и низшая сельскохозяйственная школа. В училищах механизации сельского хозяйства состоялся переход на систему обучения механизаторских кадров, применяемую в то время в ремесленных училищах [8, с. 63]. Нужно было не только непрерывно увеличивать выпуски молодых специалистов, но и значительно поднять уровень их подготовки, научить применять на практике полученные в учебном заведении знания. Данные направления в работе на тот период времени стояли перед учебными заведениями. Но их соотношение не было неизменным. Если в 1946–1953 годах на первом плане стоял количественный фактор, то с 1954 года, хотя он и продолжал сохраняться, все большее внимание стало уделяться повышению качества подготовки специалистов [9, с. 157].

При всех недостатках, свойственных новой системе подготовки механизаторских кадров, все же был обеспечен устойчивый рост их рядов. Трудности становления новых училищ механизации сельского хозяйства, созданных на базе школ фабрично-заводского обучения трудовых резервов, были вскоре преодолены. Поступала в эти училища молодёжь обоего пола. Учащиеся обеспечивались стипендией, бесплатным 3-х разовым питанием и обмундированием. Учебный процесс вели, главным образом, опытные преподаватели со средним

специальным и высшим образованием. Школы механизации в 1951–1952 годах не были полностью укомплектованы слушателями и квалифицированным преподавательским составом, но уже позже обстановка в училищах решительным образом изменилась в лучшую сторону [8, с. 64, 90].

Таким образом, особое значение система начального профессионального образования имела для промышленно развитых регионов, таких, как Оренбуржье. Система трудовых резервов совершенствовалась, развивалась за счёт появления учебных заведений разных типов и назначения, пополнялись молодыми квалифицированными рабочими кадрами в промышленности, экономике, сельском хозяйстве, строительстве и транспорте области.

В Чкаловской области в учебных заведениях контингент учащихся стабилизировался и стал расти, качество его профессиональной подготовки существенно изменилось в лучшую сторону. Однако не до конца решенным оставался вопрос о рациональном профилировании и специализации профессионально-технических училищ.

В связи с освоением целинных земель в Оренбуржье на базе школ фабрично-заводского обучения были созданы училища механизации сельского хозяйства и первые профессионально-технические училища (ПТУ). Развернувшееся промышленное и гражданское строительство вызвало появление строительных училищ.

Библиографический список

1. ГАОО. – Ф. 2458. – Оп. 1. – Д. 252. – Л. 82–83.
2. ГАОО. – Ф. 2458. – Оп. 3. – Д. 103. – Л. 14.
3. ГАОО. – Ф. 2458. – Оп. 3. – Д. 109. – Л. 26, 27.
4. ГАОО. – Ф. 2458. – Оп. 3. – Д. 109. – Л. 28–30.
5. ГАОО. – Ф. 2458. – Оп. 3. – Д. 94. – Л. 54–55.
6. *Москатов П.Г.* Плечом к плечу. – М.: Трудрезервиздат, 1955. – 456 с.
7. Народное образование в СССР, 1917–1967 / под ред. М.А. Прокофьева. – М.: Просвещение, 1967. – 541 с.
8. *Толмачева Р.П.* Колхозы Урала в 50-е годы. – Томск: Изд-во Том. ун-та 1981. – 191 с.
9. *Тюрина А.П.* Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства (1946–1958 гг.) / ред. В.П. Данилов. – М.: Наука, 1973. – 309 с.
10. *Хисамутдинов Р.Р.* Развитие системы школ и училищ трудовых резервов Чкаловской области в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт. Материалы и тезисы всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 2003. – С. 225.
11. ЦДНПО. – Ф. 1697. – Оп. 7. – Д. 243. – Л. 34,36.
12. ЦДНПО. – Ф. 1697. – Оп. 7. – Д. 243. – Л. 39.
13. ЦДНПО. – Ф. 1697. – Оп. 7. – Д. 243. – Л. 47.
14. ЦДНПО. – Ф. 1697. – Оп. 7. – Д. 243. – Л. 6.

РЕАКЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА КНИГУ ТИЛО САРРАЦИНА «ГЕРМАНИЯ: САМОЛИКВИДАЦИЯ»

Статья посвящена дискуссии внутри немецкого общества после выхода в 2010 г. книги Т. Саррацина «Германия: самоликвидация», в которой автор предложил свой взгляд на существующие в немецком обществе демографические и миграционные проблемы. В работе уделяется внимание структуре труда Т. Саррацина, используемой методологии, предыстории появления окончательного варианта книги в немецкой печати, когда постепенно формировалась критика вокруг основных положений, защищаемых автором. Однако в центре рассмотрения находится обсуждение итогового варианта книги. В статье уделено большое внимание анализу оценок, данных СМИ исследованию Т. Саррацина, которые эволюционировали от резко негативных к более взвешенным. Кроме того, в работе представлен взгляд научной общественности на рассматриваемую проблему. Проанализированы оценки данного исследования, предложенные специалистами в разных областях: генетике, психологии, демографии, биологии, экономике, философии и др. За редким исключением Т. Саррацин подвергся критике со стороны ученых. Отношение же националистических кругов к книге, напротив, представлено только положительными отзывами. На основе проведенного анализа автор делает свои выводы относительно значения книги Т. Саррацина для развития политического процесса в современной Германии.

Ключевые слова: иммиграция, демография, ислам, публицистика, статистические исследования, Германия, интеграция, социальное государство.

В 2010 г. немецкий политик, экономист, член Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Тило Саррацин опубликовал свою книгу, которую посвятил анализу образовательной и иммиграционной политики германского государства. Книга имела ошеломительный успех не только благодаря броскому названию – «Германия: самоликвидация», но и ввиду дискуссионности выводов, содержащихся в ней. В условиях на тот момент уже обострившихся дискуссий в обществе по поводу политики Германии относительно беженцев и мигрантов автор, используя материал статистики, фактически подготовил манифест умеренных противников иммиграции, закрепив в нем мысли о необходимости ужесточения миграционной политики.

Как признавался Саррацин в послесловии к своей книге, ее замысел пришел к нему в мае 2008 г., когда Тобиас Винстель из издательства DVA предложил ему подумать над написанием книги о проблемах немецкого социального государства. Рабочими названиями книги были «Как мы пожираем собственное потомство» («Wir essen unser Saatgut auf»), «Немецкий рассвет» и «Германия в сумерках», но от них автор отказался в пользу итогового «Германия: самоликвидация». Кроме того, некоторые поправки в название и текст внесло издательство, попросив, в частности, сгладить некоторые формулировки и заменить слово «раса» на «этнос».

В интервью с журналистом «Frankfurter Allgemeine Zeitung» Франком Ширрмахером Саррацин рассказал, что отправной точкой его книги стала «цитированная в главе 2 книга известного американского натуралиста и социобиолога Эдварда О. Уилсона «О человеческой природе». Его также вдохновила речь лауреата Нобелевской

премии Гуннара Мюрдаля в 1938 г. о «населении и проблемах демократии» [11].

Еще до выхода полного варианта книги Саррацин сотрудничал с газетой «Bild», которая опубликовывала некоторые его тезисы:

1. «Немцев будет становиться меньше, и они будут глупеть из-за падения рождаемости, а их место в социальной структуре будут занимать мигранты ввиду неконтролируемой миграции».

2. «Мусульманские мигранты интегрированы в рынок рабочей силы ниже среднего и исключительно зависят от социальных пособий. Они не слишком усердны в обучении, но имеют высокий уровень рождаемости и показывают тенденцию к образованию параллельных обществ. Эти проблемы замалчиваются уполномоченными по интеграции и исламскими исследователями, социологами и политологами, а также наивными политиками».

3. Саррацин критиковал «низкие образовательные стандарты» и призывал вернуть школу продленного дня и школьную форму.

4. «Исламская иммиграция использует криминальные, женоненавистнические установки... с плавными переходами к терроризму» [14].

Выход книги в условиях широкого общественного обсуждения проблем миграции создал огромный ажиотаж. Еще до официального представления 30 августа 2010 г. книгу можно было купить в книжных магазинах. И первое издание в 25 000 экземпляров, и второе в 15 000 копий были распроданы в течение одного дня после опубликования. Третье издание в количестве 30 000 экземпляров было распродано на третий день, а четвертое издание (80 000 экземпляров) – в течение недели. Еще более 100 000 книг были выпущены в рамках пятого и шестого изданий. К тринадцатому изданию Саррацин приписал небольшое предисловие с «обез-

вреживанием» нескольких наиболее критических суждений. По словам представителя издательства DVA, в декабре 2010 г. в среднем 10 000 копий книги продавались каждый день [14]. Бестселлер был издан и в твердом переплете, и в мягкой обложке, а также в виде электронной книги.

Методология книги основана на анализе статистического материала, который Саррацин собирал не сам, а только компилировал из существующих источников и интерпретировал. Автор использовал методы описательной статистики (например, корреляционный анализ), чтобы сделать выводы о возможных причинных связях между различными величинами.

Книга разделена на девять глав. После введения и двух коротких глав – исторического очерка «Государство и общество» и «Взгляд в будущее» – следуют шесть глав, посвященных наиболее насущным, по мнению Саррацина, проблемам Германии на современном этапе: «Признаки упадка», «Бедность и неравенство», «Работа и политика», «Образование и справедливость», «Иммиграция и интеграция» и «Демография и политика населения». Последнюю, девятую, главу Саррацин построил как сатирическое сравнение двух различных сценариев развития страны: «Мечта и кошмар: Германия через 100 лет».

Первые критические замечания в адрес Саррацина были высказаны еще на стадии издания в «Bild» и ряде других изданий тезисов из будущей книги. Журналистка Симона фон Штош указала на то, что, например, утверждения об особенно большом числе иммигрантов из Турции, пользующихся льготами программы Hartz IV, ошибочны: на самом деле их доля не выше, чем у других мигрантов. Образовательный уровень мусульманских мигрантов не всегда ниже, чем в среднем в Германии. 15,2 % иранских, афганских и иракских иммигрантов имеют высшее образование, в то время как из общего числа мигрантов его имеют только 11,3 %. Поэтому тезис Саррацина, что мусульманские иммигранты необразованны, ошибочен [12].

Издание «Abendzeitung» также установило, что ряд доводов Саррацина «не явно ошибочны, но являются собой манипулирование фактами». Так, заявление, что «доля врожденных отклонений в развитии среди турецких и курдских мигрантов гораздо выше среднего из-за традиции близкородственных браков», делается на основе, не соответствующей сути вывода статистики [13].

Журналист Мартин Спивак подверг критике тезисы Саррацина о политике в области образования, назвав их «смесью истины с полуправдой и вздором». Он отметил, что самые слабообразованные мигранты происходят в основном из христианской Италии, а иранцы образованы выше среднего, так что причинно-следственная связь между религией и недостатком образования недоказуема. Спивак

отмечает, что вывод Саррацина о том, что на основании исследования результатов теста PISA «учащиеся турецкого происхождения слабее подготовлены, чем все другие группы иммигрантов», также не подтверждается реальным анализом, а «генетические» объяснения этой проблемы со стороны Саррацина на самом деле имеют социально-экономическое происхождение – бедность и отсутствие возможности учить немецкий язык [11].

Выход полного варианта книги вызвал еще более жаркие обсуждения и дискуссии. В СМИ Саррацин подвергся жесткой критике. Так, журналист Клаус Попацки рецензировал книгу в передаче «Критика» на немецком радио и охарактеризовал ее крайне негативно. Он назвал ее «скучной стопкой статистических листов», которые Саррацин предъявил миру. Антимусульманские выводы, по мнению Попацки, в высшей степени сомнительны и близки по сути к расистским лозунгам. Рецензент особенно раскритиковал противоречия книги. Например, ближе к концу книги Саррацин пишет, что «не существует по-научному надежного метода предсказывать показатели рождаемости и иммиграции на несколько десятилетий вперед», чем, по сути, ставит под сомнение собственный вывод о «вымирании умных немцев».

Журналист Кристиан Гейер в «Frankfurter Allgemeine Zeitung» написал, что «Саррацин представил антимусульманское досье», основанное на мысли о всевластии генетики. «Первостепенное для Саррацина – биологическое. Культурное развитие для него зависит от генетического» [2].

Арно Видманн в обзоре в «Berliner Zeitung» резюмировал, что «эта книга – книга одержимого человека», заявляющего, что «от 50 % до 80 % интеллекта передается по наследству» [14].

«Frankfurter Allgemeine Zeitung» назвала книгу Саррацина «биологическим паноптикумом», а «Süddeutsche Zeitung» обвинила Саррацина в расизме [15].

Тем не менее по мере спада ажиотажа вокруг выхода книги Саррацина, СМИ стали более вдумчиво и объективно оценивать положенные в ее основу аргументы. Так, Некла Келек из «Frankfurter Allgemeine Zeitung» отметила, что «тезисы Тило Саррацина об образовании и иммиграции следует обсуждать и не демонизировать автора». «Экономист, финансовый эксперт и опытный политик Тило Саррацин и подготовленные им расчеты и выводы заслуживают внимания. Саррацин приводит 460 страниц данных и фактов, которые все более или менее известны сами по себе, но он обнаружил в них удивительные связи и выводы». Несмотря на определенные противоречия и чрезмерно радикальные выводы, считает Келек, книга Саррацина позволяет «переосмыслить будущее страны в важных областях» [10].

Журналист Франк Ширрмахер назвал Саррацина «писателем испуганного общества», который

написал книгу, «в которой он говорит о необходимых вещах». Он вызвал к жизни совершенно новый политический спор, основанный на биологическом и культурном взгляде на проблемы миграции и образования. Журналист указывает, что Саррацин мало что нового открывает, а, по сути, возрождает идеи социального дарвинизма в социальной сфере и демографии [5].

Рихард Вагнер из «*Neue Zürcher Zeitung*» считает Саррацина «паникером», который пытается привлечь внимание к дебатам по поводу негативных последствий иммиграции мусульман. Как и историк Ханс-Ульрих Велер, Вагнер упрекает Саррацина в попытках установить примат генетики в социальном развитии личности, напоминая о печальном опыте нацистского режима и его опытов по «выведению чистой расы» [9].

Книга Саррацина подверглась тщательному анализу со стороны ученых. В статье для онлайн-журнала «*The European*» американский генетик Харри Острер предостерег общественность от постулирования тезисов Саррацина. В частности, он заявил, что выводы об индивидуальных качествах на основе генетического сходства, допускаемые Саррацином, противоречат научным данным.

Психолог Зигфрид Лерль в интервью раскритиковал тезис Саррацина о том, что образованные люди рожают все меньше детей, а аргумент о том, что интеллект на 50–80 % передается по наследству, вообще признал ошибочным. Принципиальная опасность умственного обеднения в будущем существовала бы, если бы люди не были принуждены к участию в общественной, в том числе культурной, жизни. Проблема снижения уровня интеллекта, по мнению Лерля, ни в коем случае не ограничена мусульманскими мигрантами, а касается едва ли не половины населения планеты [14].

Исследовательница интеллекта Элсбет Штерн опровергла прогнозы Саррацина. Она считает, что он абсолютизирует значимость интеллекта, заявляя, как уже упоминалось, что лицо с коэффициентом интеллекта 100 на 50–80 % получило его по наследству. «Однако абсолютный интеллект человека вовсе нельзя измерять», – считает Штерн. В завершение Штерн отмечает, что самая большая опасность исследования Саррацина состоит в негласном выводе, что социальное происхождение важнее для успеха человека, чем интеллект и талант [14].

Психолог Детлеф Рост и исследователь в области образования Хайнер Риндерман, чьи работы Саррацин отмечал как источники (им и принадлежат тезисы о переходе интеллекта по наследству), выступили в его защиту: «Тезисы Саррацина в отношении психологических аспектов в целом совместимы с современными психологическими исследованиями. Саррацин вносит предложения по помощи детям образованных родителей, они яв-

ляются разумными и мало отличаются от тех, что вносятся педагогами» [4]. С мнением Роста и Риндермана в целом согласуется точка зрения генетика Андре Райса: «Интеллект действительно может передаваться по наследству. Однако нет единого гена интеллекта, гены рекомбинируются в потомстве, и менее одаренные родители могут иметь талантливых детей и наоборот [1].

Специалисты в области миграции и демографии сошлись в желании донести до общественности, что выводы Саррацина не следует воспринимать как научные. Председатель Экспертного совета немецких фондов по вопросам интеграции и миграции Клаус Юрген Баде заявил: «Саррацин понимает в интеграции и миграции примерно столько же, сколько я в его области, области фискальной политики. Эти выводы о разделении людей по интеллектуальному принципу, зависящему от наследственности, эти плоские националистические аргументы уже приводили в немецкой истории к страшным последствиям. Демографическое моделирование более чем на сто лет вперед абсурдно. Родившиеся от иммигрантов потомки второго и третьего поколения достигли практически во всех областях, будь то образование или рынок труда, значительно лучших результатов, чем их родители, бабушки и дедушки. Этот эффект можно наблюдать практически во всех группах происхождения» [13].

Франс Виллекенс, директор Нидерландского междисциплинарного демографического института, не согласен с доводом Саррацина о том, что население Европы глупеет из-за мигрантов. Он отметил, что это заявление основано на ложном предположении о том, что мигранты в будущем будут иметь больше детей, чем местное население [11]. Райнер Клингхольц, молекулярный биолог и директор Берлинского института населения и развития, назвал тезис Саррацина о том, что число немцев в ближайшие три-четыре поколения упадет с 80 млн до 20 млн человек, а число мусульман вырастет до 35 млн, «песочным замком» [11].

Экономист Кристоф Шмидт написал в «*Handelsblatt*», что Саррацин «раскопал свалку расовой теории, его тезисы о мусульманах и турках являются столь же необоснованными, как и утверждение, что красные автомобили ездят быстрее, потому что они красные». Шмидт пояснил, что статистический учет может навредить, если он «попадает в чужие руки». Саррацин заявляет, что «уровень образования турецких иммигрантов ниже, чем у немцев, потому что они турки», и это произвольное толкование сформировалось под воздействием запутанных теорий высокой наследуемости интеллекта [3].

Статистик Ханс Вольфганг Брахингер, профессор Университета Фрайбурга, назвал Саррацина неспециалистом в статистике и посетовал на отсутствие у него «статистической грамотности» [6].

Герхард Шурц, профессор теоретической философии в Университете Генриха Гейне в Дюссельдорфе, считает, что с точки зрения философии тезисы Саррацина являются «серьезной работой». При этом, несмотря на одобрение основных тезисов книги, Шурц утверждает, что Саррацин допустил две ошибки в своей книге: он положил в основу оценки успешности личности интеллект (без учета таланта и мастерства) и абсолютизировал генетический фактор в развитии интеллекта.

Националистические круги Германии ожидают одобрения тезисов книги Саррацина. Так, он получил открытые письма от лидеров националистических объединений Манфреда Рухса и Йорга Кребса (Национал-демократическая партия Германии – НДПГ), а председатель НДПГ Удо Фойгт назвал взгляды Саррацина «лежащими в русле убеждений его партии в области иммиграционной политики». Он даже предложил Саррацину вступить в ряды НДПГ. Ультраправый Немецкий народный союз также похвалил Саррацина, указав на значимость высказанной им мысли о том, что «падение рождаемости среди немцев, низкий уровень образования иммигрантов, отсутствие интеграции, преступность иностранцев, иммиграционная политика – все это ведет к исламизации» [13].

Хотя представители НДПГ в Саксонии Лукас Мир и Хольгер Шимански заявили, что «не все заявления Саррацина заслуживают внимания», они также отметили, что, по мнению НДПГ, ему принадлежит заслуга в снятии «табу с проблемы иностранцев» [8].

Журналист Бертольд Колер отметил, что Саррацин «стал жертвой политического мейнстрима, который дал четко понять: тот, кто пишет такие книги, должен готовиться к политическому и социальному ostracism». С ним согласился журналист и писатель Хенрик М. Бродер. Он отметил, что критика книги Саррацина – «первый пример охоты на ведьм в Германии с середины XVII в.», и выразил сомнение в том, что все, кто критикует Саррацина, читали его книгу [15].

Наконец, сам Тило Саррацин в заметке в «Frankfurter Allgemeine Zeitung» в декабре 2010 г. ответил критикам. Он заявил, что канцлер Германии Ангела Меркель и тогдашний президент Кристиан Вульф ведут себя, как «немецкие инквизиторы»: «Канцлер внес книгу в индекс запрещенных книг, как раньше делала святая инквизиция». В то же время Саррацин признал, что успех издания был вызван не только тем, что «книга хорошая, но и особенностями политической конъюнктуры». Саррацин также обвинил своих критиков в том, что многие из них либо вообще не читали его книги, либо читали лишь отрывки [14].

По поводу этой книги Якоб Аугштайн, редактор еженедельника «Der Freitag», заметил: «Он [Тило Саррацин] работает на фундаменте новой

национальной консервативной идеологии против женщин, гомосексуалистов, мусульман, мигрантов и левых. Он выравнивает дорогу в центр общества тем, кто недавно двигался по правому краю. Саррацин является вдохновителем реакционного Возрождения» [7].

Таким образом, фигура Тило Саррацина и содержание его книг продолжают предоставлять пищу для дискуссий. Сам он на сегодняшний день окончательно перешел из категории экономистов и политиков в категорию популистских писателей, привлекая внимание издателей и читателей, но при этом также обращая внимание общественности на проблемы, которые он поднимает в своих книгах. Несмотря на обвинения в расизме, Саррацин остается вдалеке от националистических партий и объединений, что и сделало его книгу «Германия: самоликвидация» манифестом умеренно правых – умеренных противников иммиграции. Немецкое общество до сих пор не сформировало однозначного мнения об этой книге. Для одних она является манифестом расизма и возрождением постулатов евгеники, для других – призывом равнодушного гражданина к изменению неблагоприятно складывающейся ситуации в миграционной сфере.

Библиографический список

1. *André Reis*. Human genetiker zu Sarrazin-Thesen: „Esgibtkein Juden-Gen“ // stern.de. – 2010. – 1 September [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stern.de/panorama/wissen/mensch/humangenetiker-zu-sarrazin-thesen--es-gibtkein-juden-gen--3112854.html> (дата обращения: 25.01.2016).
2. *Christian Geyer*. So wird Deutschland dumm // FAZ. – 2010. – 25 August [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/sachbuch/thilo-sarrazin-deutschland-schafft-sich-ab-so-wird-deutschland-dumm-1999085.html> (дата обращения: 13.02.2016).
3. *Christoph M. Schmidt*. Sarrazinunter Beschuss: Falsch verstandene Statistik und Rassismus // Handelsblatt. – 2010. – 6 September [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20100909112823/http://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/sarrazin-unter-beschuss-falsch-verstandene-statistik-und-rassismus;2649279> (дата обращения: 24.01.2016).
4. *Detlef Rost, Heiner Rindermann*. Intelligenz von Menschen und Ethnien – Was ist dran an SarrazinsThesen? // FAZ.NET. – 2010. – 7 September [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/sarrazin/die-thesen/intelligenz-von-menschen-und-ethnien-was-ist-dran-an-sarrazins-thesen-11041641.html> (дата обращения: 04.02.2016).
5. *Frank Schirrmacher*. Sarrazins Konsequenz. Einfataler Irrweg // FAZ. – 2010. – 30 August [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/sarrazin/einfataler-irrweg-30-august-2010-11041641.html>

net/aktuell/feuilleton/sarrazin/die-debatte/sarrazins-konsequenz-ein-fataler-irrweg-11022033.html (дата обращения: 02.02.2016).

6. *Hans Wolfgang Brachinger*. Amtliche Daten zwischen Klamauk und Ignoranz // Neue Zürcher Zeitung. – 2010. – 10 September. – S. 23.

7. *Jakob Augstein*. S.P.O.N.–ImZweifel links: Böser Geist der sozialen Kälte // SPON. – 2004. – 24 Februar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/jakob-augstein-zum-neuen-buch-von-thilo-sarrazin-a-955247.html> (дата обращения: 04.02.2016).

8. *Lukas Mihr*: NPD distanziert sich von Sarrazin // Nachgefragt. Nr. 12202, Humanistischer Pressedienst. – 2011. – 28 Oktober [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpd.de/node/12202> (дата обращения: 23.01.2016).

9. *Richard Wagner*. Sarrazin, die Muslime und das Grimmsche Wörterbuch // Neue Zürcher Zeitung. – 2010. – 1 September; Hans-Ulrich Wehler: Ein Buchtrifft ins Schwarze // Die Zeit. – 2010. – 9 Oktober [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nzz.ch/sarrazin-die-muslime-und-das-grimmsche-woerterbuch-1.7405753> (дата обращения: 23.01.2016).

10. *Necla Kelek*. Ein Befreiungsschlag // FAZ. – 2010. – 30 August [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/sarrazin/die-debatte/integrations-debatte-ein-befreiungsschlag-12189.html> (дата обращения: 15.12.2015).

11. Sarrazin schrammt knapp an der Lüge vorbei (Teil 2) // Zeit Online. – 2010. – 10 September [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeit.de/gesellschaft/2010-08/sarrazin-bildung-faktencheck?page=2> (дата обращения: 04.02.2016).

12. *Simone von Stosch*. Debatte um Bundesbankvorstand: Was ist dran an Sarrazins Thesen? // Tagesschau (ARD). – 2010. – 28 August [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tagesschau.de/inland/sarrazin154.html> (дата обращения: 25.01.2016).

13. Stimmt das? Sarrazin im Fakten-Check // abendzeitung.de. – 2010. – 10 September [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webcitation.org/5sdphe9hA?url=http://www.abendzeitung.de/politik/208262> (дата обращения: 04.02.2016).

14. Thilo Sarrazin dominiert auch Weihnachten den Sachbuchmarkt // stern.de. – 2010. – 18 Dezember [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stern.de/news2/aktuell/thilo-sarrazin-dominiert-auch-weihnachten-den-sachbuchmarkt-1635595.html> (дата обращения: 15.02.2016).

15. *Thilo Sarrazin* Demokratischer Rassismus – Die Guten ins Töpfchen, die Schlechten ins Kröpfchen... // sueddeutsche.de. – 2010. – 30 August [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/thilo-sarrazin-die-guten-ins-toepfchen-die-schlechten-ins-kroepfchen-1.994024-3> (дата обращения: 04.02.2016).

Чистяков Сергей Сергеевич
Костромской областной колледж культуры
socrat1988@yandex.ru

Белкина Тамара Леонидовна
кандидат философских наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
belckinatoma@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РАННЕГО ШИВАИЗМА

В настоящей статье с историко-философских позиций рассматривается процесс эволюции одного из самых распространенных религиозных течений Индии – шиваизма. Излагается генезис шиваитской традиции от автохтонных племенных верований до национальной религии. Анализируется происхождение и развитие образа Рудры-Шивы от харапского божества «прото-Шивы» до современного индуистского бога (пураической, эпической и агамической традиции). Археологические находки XX века в долине Инда (современный Пакистан) обогатили науку чрезвычайно ценными сведениями о существовании в 3–2-м тысячелетиях до н. э. высокоразвитой цивилизации, названной протоиндийской (доарийской), или Харапской. Религиозные представления людей Харапской цивилизации чаще всего определялись культурами плодородия: культ богини-матери, культ почитания животных, фаллический культ и т. д., что, по мнению некоторых ученых, наглядно проявилось в различных шиваитских традициях и в многочисленных образах бога Шивы. С культурно-хронологической последовательностью были отмечены основные периоды (доарийский, ведийский и священных преданий) и направления (Атимарга и Мантрамарга) развития и формирования шиваитской традиции.

Ключевые слова: шиваизм, Шива, Рудра, Харапская цивилизация, Мохенджо-Даро, Веды, Мантрамарга, Атимарга, шрути, смрити, Парашурамешвара, Натараджа.

Индуизм как основное религиозное течение Индии располагает очень древними и несколько противоречивыми традициями, которые отражают тысячелетний опыт. В настоящее время укоренилось мнение, что индуизм – это синкретическое религиозное течение, характеризующееся многообразием философско-религиозных школ, не содержащее единой универсальной идеи [1; 2; 4; 8]. В период средних веков (IV–VI вв. н. э.) индуизм становится господствующей религиозной системой Индии, проявляющейся в двух главных формах: вишнуизма и шиваизма [1, с. 269]. Весьма сложным представляется вопрос о корнях и развитии второго направления индуизма – шиваизма.

Очень долго, вплоть до XX века, считалось, что вся культура Индии является привнесенной пришельцами с Запада, которые, покорив дикое аборигенное население, основали оригинальную культуру и религию.

Но XX век принес абсолютно иные представления. Это связано с удивительными археологическими находками. В 1921 г. индийский археолог Р.Б. Сахни обнаружил в Харappe, в округе Монтгомери (штат Пенджаб), остатки древней культуры, названной протоиндийской (доарийской), или Харапской. Раскопки другого индийского ученого, Р.Д. Банерджи, проведенные в 1922 г. на холмах Мохенджо-Даро в округе Ларкана (центральная часть Синда), обогатили науку чрезвычайно ценными сведениями [6, с. 5]. В последующем памятники протоиндийской цивилизации добывались многочисленными научными экспедициями под руководством Дж. Маршалла, Н. Маджумдара, Э. Маккея, М. Ватса, М. Уиллера и др. В 1997 году начались раскопки одного из крупнейших центров

долины Инда – Раххигархи (округ Хисар, штат Харьяна, Индия).

Археологические данные позволяют сделать вывод о том, что в северо-восточной части Индии, в районе Пенджаба (Пятиречья), в 3–2-м тысячелетиях до н. э. существовала высокоразвитая цивилизация. Народы (вероятно, дравидийской группы), жившие здесь, строили благоустроенные города, применяли металлы, занимались скотоводством и земледелием [9]. Этот период в развитии культуры Индии относится к протоиндийской, или Харапской, цивилизации. У живших здесь народов были свои религиозные представления, которые ученые пытаются реконструировать на основе найденных артефактов. Прежде всего, исследователи отмечают большое количество женских terra-cotta фигурок с ярко выраженными вторичными половыми признаками и множество изображений животных и различных символов, что характерно для аграрных культов. Характерной чертой религиозной традиции Харапской цивилизации является почитание фаллических символов (лингов). Конусообразные гладкие камни, найденные в Мохенджо-Даро и Харappe, несомненно, представляют собой линги (фаллосы). Нам кажется, что древнейшие истоки шиваизма коренятся в аграрных культурах, в которых повсеместно наблюдалась практика поклонения мужским и женским репродуктивным органам. Особенно почитаемым был фаллос (лингам) – мужской детородный орган. Он наделялся не только функциями плодородия, но и охранительными способностями. В явной или преобразованной форме фаллические культы присутствуют во многих религиозных системах. Весьма наглядно это проявляется в индуизме в образе Шивы – Лингешвара (Владыки лингама).

По мнению многих исследователей – археологов, религиоведов, философов, индологов (М. Элиаде, С. Крамриш, Р.Н. Дандекара, Г.М. Бонгард-Левина, М.Ф. Альбедиль, А.М. Дубянского) – генезис самого раннего этапа индуизма, как и всей индийской культуры, нужно рассматривать с Хараппской цивилизации (3200–1300 г. до н. э.).

Очень многое о Хараппской цивилизации долины Инда рассказывают печати-амулеты, а также каменные и глиняные талисманы, обнаруженные различными научными экспедициями. На многих из них изображены разнообразные животные: быки, буйволы, тигры, слоны, бараны и носороги.

Одна из печатей Хараппской цивилизации (печать № 420) [5, с. 18] свидетельствует в пользу того, что религиозная традиция долины Инда была связана с доарийским почитанием Шивы (рис. 1). Всего было найдено три печати с изображением данного божества. В двух случаях он изображен сидящим на троне в йогической, или в-царской, позе, а в третьем – на земле. Один из первых исследователей памятников долины Инда, британский археолог Джон Маршалл, назвал данный персонаж «прото-Шива». По его мнению, на печати божество представлено как «Владыка животных» (Пашупати) и как «Властитель йоги» (Йогешвара). Не все ученые согласны с такой трактовкой. Известные индологи (А. Парпола, Я.В. Васильков, А.М. Дубянский) считают, что на этой печати изображен протоиндийский царь-буйвол, которого условно можно назвать «прото-Махишей» (демон в облике буйвола).

Тем не менее нужно отметить, что религия народов долины Инда несла тот символизм, те формы, которые присутствуют в современных течениях индуизма.

На заре 2-го тысячелетия в Индию с северо-запада проникли арии (благородные люди). Четырмя – пятью веками позднее они занимали район Семи рек (*sapta sindhavah*), то есть бассейн верх-



Рисунок 1. Печать № 420 из раскопок в Мохенджо-Даро (конец 3-го тысячелетия до н. э.)

него Инда [8, с. 182]. Вместе с ариями в Индию пришел иной мир религиозных идей, верований и мифических персонажей, отраженный в их священных текстах. Смешиваясь с автохтонным индийским населением, арии сохраняли свое идейное наследие, то есть свои религиозные представления. Очевидной кажется определенная генетическая и типологическая самостоятельность двух истоков шиваизма – аборигенного (возможно, дравидийского) и ведийского (индоарийского). Однако, соединившись впоследствии, они образовали то, что сегодня называют индуизмом.

К началу 1-го тысячелетия до н. э. «арийские» священные тексты были сведены воедино и образовали четыре сборника (самхиты), получившие общее название Веды: Ригведа – сборник гимнов (1200 г. до н. э.), Яджурведа – сборник жертвенных формул (1000 г. до н. э.), Самаведа – сборник песнопений (1000 г. до н. э.) и Атхарваведа – сборник заклинаний (1000 г. до н. э.). В последующем к ним были присвоены другие священные тексты: Брахманы – разъяснение и толкование ведийского ритуала (800 г. до н. э.), Араньяки – наставления для отшельников (600 г. до н. э.) и Упанишады – размышления об устройстве мира и сущности человека (600 г. до н. э.). В целом данные тексты составили священный ведийский канон, именуемый шрути (услышанное) [4, с. 292].

Одним из наиболее почитаемых богов в Ведах является Рудра. Его имя происходит от «*rud*» – кричать, реветь [5, с. 11].

Рассматривая ранневедийский период (период самхит, формирование Ригведы), нужно иметь в виду, что Рудра представляет собой божество амбивалентное: с одной стороны устрашающее и грозное, а с другой исцеляющее и спасительное. Р.Г. Бхандаркар считает, что ранневедийский Рудра олицетворяет страшные, разрушительные природные явления, когда «бури вырывали с корнем деревья и даже разрушали жилища, а молнии мгновенно убивали людей и зверей или же свирепствовали эпидемии, уносившие множество народа» [2, с. 218]. Рудра был богом грома и молнии, внушавший древним арийским племенам непреодолимый страх:

Ни великого среди нас, ни малого среди нас,
 Ни растущего среди нас, ни выросшего среди нас,
 Ни отца нашего, ни матери не убивай!
 Не причини вреда нашим милым телам, о Рудра!
 Ни детям нашим (или) внукам, ни нашему сроку жизни,
 Ни нашим коровам, ни коням не причини вреда!
 Не убей, о Рудра, рассвирепев, наших мужей!
 С жертвенными возлияниями мы всегда призываем тебя
 [10, с. 139–140].

Несмотря на разрушительный и ужасающий облик Рудры, арийские племена, видимо, чувствовали в нем не только силу, но и определенную защиту, на которую можно было полагаться, недаром он считался не только убивающим и насылающим болезни, но и их целителем:

С помощью данных тобой самых целебных лекарств, о Рудра,
Я хочу прожить сто зим!

Прочь от нас подалеже ненависть, прочь нужду,

Прочь болезни разгони во все стороны!

Подыми наших мужей (своими) целебными средствами!

Я слышу: (говорят), что ты самый исцеляющий из целителей
[10, с. 274].

А.Х. Мехакян считает, что можно предположить существование отдельного культа Рудры в ранневедийский период, который включал ритуальные меры предусмотрительности с целью умиротворить грозное и опасное божество, а также исцелиться от насланных им болезней [7, с. 198].

В ранних частях Атхарваеды упоминаются две ипостаси Рудры, называемые Шарва (лучник, стрела) и Бхава (бытие, существование). Первоначально они – самостоятельные божества, но уже Яджурведа указывает на их тождественность. Рудра был почитаем в двух разных районах: Шарвой его именовали прагчи (жители востока Индии), Бхавой – население Вахики (северо-западная Индия) [1, с. 292], которая считается одним из древнейших очагов шиваизма и тех небрахманических культов на его основе, которые затем стали называться тантрическими (Mantramarga).

В период формирования и становления брахманизма начинается постепенное возвышение неистового бога Рудры. В Шатапахта-брахмане (примерно IX–VIII вв. до н. э) он вместе с несколькими другими божествами причисляется к кшатриям, то есть к правителям [4, с. 313]. Но вместе с тем несколько изолированное положение от других богов продолжается [7, с. 198]. Рудра получает имя Ваставья (Владыка остатков). Он принимает подношения на перекрестке дорог (от отбросов до рисовых лепешек и от скота до человеческих жертв, даже особ царской крови), довольствуясь остатками жертвоприношений. К нему обращаются «живущие вне цивилизации, униженные и отверженные. Они знают его, ибо он живет в них» [5, с. 74–76]. В других древних брахманах, относящихся к Ригведе (Айтарея и Каушитаки), образ Рудры приобретает симбиотический характер. В Айтарея-брахмане Рудра выступает как грозное существо, как ужас богов – Бхупати [7, с. 199], который наказывает Отца (Праджапати) за стремление совокупиться со своей дочерью – Ушас, изначальной космической зарей [5, с. 668], тем самым проявляя себя как страж священного порядка (Вастошпати) и лучник-каратель (Шарва). В мифологических сюжетах происходит синтез Рудры и Агни, где Рудра предстает разрушительной силой бога огня (Агни). Рудра как огонь «пожирает плоть, кровь и костный мозг» [5, с. 23]. На основе множества сюжетов Рудра получает различные эпитеты: Шива (благый), Вастошпати (страж сакрального порядка), Шарва (лучник), Пашупати (владыка животных), Бхава (бытие), Калагни (космический огонь), Дакшинамурти (владыка знаний), Трьямбака (сын трех

матерей), Ваступа (господин оставленного), Угра (свирепый), Бхима (пугающий) и т. д. [5; 7]. Впоследствии эпитет Шива (благый, милостивый) становится главным именем божества. Существует версия, что имя Шива происходит из автохтонных дравидских языков, в частности тамильского.

Образ Рудры в брахманах являет синтез функций и атрибутов других божеств. Здесь налицо яркий пример эволюции бога и качественного синтеза, обусловленного историческими реалиями того времени.

Тенденция популяризации Рудры также продолжается в период становления упанишад. В некоторых Упанишадах (Прашна-упанишада, Шветашватара-упанишада, Майтри-упанишада) можно увидеть заметный процесс абсолютизации Рудры-Шивы [7, с. 200]. В Шветашватара-упанишаде ярко выражается абсолютность Рудры как универсума и создателя мира:

Кто познает того, который един, простирает сеть,

владеет помощью сил владычества,

владеет всеми мирами с помощью сил владычества.

Ибо Рудра, который владеет этими мирами с помощью сил владычества, един – [мудрецы] не держатся второго.

Он стоит перед людьми; сотворив все миры, он, пастырь, свергивает [их] в конце времени [15, с. 119–120].

Как мы видим, Рудра из упанишад приобретает качества верховного, единого бога, который воплощает качества тримурти (творение – охрана – разрушение). В священных писаниях индуизма (смрити) шиваитская традиция приобретает многообразную структуру. Рудра как неистовый, непредсказуемый и опасный бог переходит в культовый образ абсолютного, верховного, милостивого бога – Шивы.



Рисунок 2. Шива Парашурамешвара. Гудималлам. II–I вв. до н. э. Полированный камень

По мнению некоторых ученых, Шиву почитали еще до эпохи Ригведы (ведийский период), постепенно отождествляя его с Рудрой [2, с. 291]. По-видимому, «неарийский» Шива был популярен именно в тех двух районах, где был почитаем Рудра. Позднейшая же традиция ввела его в число ведийских божеств, постепенно полностью совместив его с ипостасью ведийского Рудры [1].

Образ Шивы ярко прослеживается в индийском эпосе, в первую очередь в Махабхарате. В ней Рудра-Шива проявляет важные для индуистского бога качества борца с демонами-асурами, чего не наблюдалось у ведийского Рудры [4, с. 313]. По мнению Р.Н. Дандекара, культ Шивы утвердился в качестве главного объекта поклонения в религиозной истории Индии задолго до конечного становления эпоса Махабхарата о потомках Бхараты [2, с. 231]. А.М. Дубянский указывает: «...фигура Шивы исключительно сложна и представляет собой синтез многообразного мифологического и культового материала, происходящего из разных этнических источников» [4, с. 311]. Он считает, что шиваизм как культовая система складывается, вероятно, во II–I вв. до н. э. Об этом свидетельствуют первые скульптурные изображения Шивы. Самое раннее изображение Шивы находится в храме Гудималлама на севере штата Мадрас (рис. 2). По общим художественным данным и мастерству полировки камня его относят ко II или I вв. до н. э. Шива изваян стоящим на фоне лингама, как бы составляя с ним единое целое. Высота всей скульптуры (с лингамом) 1,52 м. Шива представлен здесь в аспекте Парашурамешвары – с боевым топором, или секирой («парашу»), и с сосудом для воды в левой руке. Правой рукой он держит за задние ножки небольшого барана [14, с. 77]. Известный русский искус-

ствовед, индолог С.И. Тюляев считает изображение Шивы в Гудималламе лучшей скульптурой во всей истории индийского искусства, так как здесь наиболее реалистично изображено человеческое тело в образе брахманского божества [14, с. 82].

В это же время в Индии складываются новые учения и школы, отходящие от ведических писаний. Самый ранний пример такого религиозного учения – это Атимарга (Atimarga – «высший путь»). Данная школа известна по её трём основным направлениям: пашупата, каламукха и капалика (или лакула). Хотя все они являются частью одной традиции, предположительно их объединяет один основатель – Лакулиша. Однако некоторые реалии возникновения этих направлений очень разнятся, вследствие чего сложно определить их хронологическую и генетическую последовательность. Мы условно попытались систематизировать основные периоды и направления развития и формирования шиваитской традиции (рис. 3), хотя «реальный» шиваизм гораздо сложнее, богаче и разнообразнее, чем предполагает данная схема.

Следующее крупное направление, или традиция, – Мантрамарга (Mantramarga) обозначается учеными как тантрический, или агамический, шиваизм. По предположениям, оно основано мифической личностью Шриканатаханатой, который отождествляется с Шивой. Его учение составило пять «потоков» корпуса текстов в традиции агамического шиваизма.

В агам-шиваизме содержится и монизм, и дуализм, и промежуточные виды философии. Поэтому различные школы, или учения (капалика, шайвасиддханта, сиддха-сиддханта, каула, агхора-пантха, трика), могут стоять на разной философской платформе и при этом все – опираться на Агамы.



Рисунок 3. Основные этапы формирования и развития шиваитской традиции

Шиваитская традиция хоть и многообразна религиозными формами, но она не является единой иерархической системой. «Некоторые из них – традиции ортодоксальные и благочестивые, другие – иконоборческие, третьи – например, капалики и агхори – жестко аскетические, эксцентрические и оргиастические» [12, с. 493], но всех их объединяет одно – преданное почитание господина Шивы.

Шиве как великому владыке «приписывалось пять актов космической деятельности: шишти – творение; стхити – охранение, поддержание; самхара – разрушение, рассеяние форм; тиробхав – завуалирование в Майе – иллюзии; ануграха – освобождение. Все это составляет панчакрития – пять видов деятельности» [14, с. 87], которые проявляются в трансцендентном и абсолютном божестве.

Вышеприведенный анализ показывает, что историко-мифологическая эволюция шиваизма продолжалась тысячелетиями, синтезируя традиции и верования автохтонных племен и арийских пришельцев: от хараппского божества «прото-Шивы», через ведическую культуру неистового Рудры, до современного образа благосклонного Шивы. Постепенно доарийское божество («прото-Шива») стало величайшим образом могущественного, сверхъестественного существа, являющегося объектом поклонения для миллионов последователей по всему миру.

Библиографический список

1. *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. – М.: Наука, 1980. – 333 с.
2. *Дандекар Р.Н.* От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. – М.: Восточная литература, 2002. – 286 с.
3. *Дубянский А.М.* Протоиндийская религия // Древо индуизма. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – С. 22–40.
4. *Дубянский А.М.* Религия протоиндийской цивилизации. Ведическая религия. Брахманизм. Индуизм // История религии: учебник / под общ. ред. И.Н. Яблокова. – М.: Высшая школа, 2002. – Т. 1. – С. 286–320.
5. *Крамриш С.* Присутствие Шивы. – М.: Ганга, 2014. – 704 с.
6. *Маккей.* Древнейшая культура долины Инда. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 180 с.
7. *Мехалян А.Х.* К вопросу об эволюции образа Рудры-Шивы в текстах Шрути [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.torchinov.com> (дата обращения: 20.01.2016).
8. *Мирча Элиаде.* История веры и религиозных идей. Т. 1. – М.: Критерион, 2001. – 464 с.
9. *Найн Д. М.* Индуизм. Эксперименты в области сакрального // Религиозные традиции мира: в 2 т. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. – Т. 2. – С. 132–162.
10. Ригведа. Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – 768 с.
11. *Рой.* История индийской философии: греческая и индийская философия. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 549 с.
12. *Садгуру Шивайя Субрамуньясвами.* Танец с Шивой. Современный катехизис индуизма. – Киев: София, 1997. – 800 с.
13. *Сундарадевананда Грихавадхута.* Место Тантры в системе индуизма. Ч. 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yoga-shambhu.ru/biblio_texts/tantra-hindu-1.php (дата обращения: 1.02.2016).
14. *Тюляев С.И.* Развитие образа Шивы от древней к средневековой эпохе (II в. до н. э. – XII в.) // Искусство Индии: сб. статей. – М.: Наука, 1969. – С. 75–95.
15. Упанишады: в 3 кн. Кн. 2. – М.: Наука, 1991. – 336 с.
16. *Flood Gavin.* An Introduction to Hinduism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 341 p.

БОРТНИЧЕСТВО И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ: К ИСТОРИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается процесс возникновения и развития бортничества и земледелия в Волжской Булгарии. Выявлена роль этих отраслей хозяйства в экономике государства. Изучен характер взаимодействия народов региона в области материальной культуры, подготовившего почву для развития бортничества и земледелия в последующие века. Как было замечено известным этнографом и историком Н.И. Воробьевым, в начале XX века бортничество являлось видом животноводческого хозяйства, которое постепенно изжило себя, трансформируясь в «ульевое разведение пчел». Одной из основных причин трансформации стала вырубка лесных массивов в Поволжье с целью расширения площади пахотных земель.

Из-за неконтролируемой деятельности человека, антропогенного воздействия в Поволжье пострадала флора: изменилось соотношение территорий, занимаемых степью и лесом. Это обстоятельство в дальнейшем и предопределило направленность данного региона как аграрного региона с перспективой дальнейшего развития сельского хозяйства. В настоящее время ульевое разведение пчел становится второстепенным видом деятельности, претерпевающей определенную стагнацию в своем развитии.

Ключевые слова: Волжская Булгария, государство, бортничество, земледелие, материальная культура, экономика, промысловое хозяйство, заимствования.

Исследование археологических и исторических источников о взаимодействии различных этносов на территории Волжской Булгарии позволяет выявить особенности материальной культуры, определить характер влияния аборигенов рассматриваемых территорий на традиции хозяйства и культуру ранних булгар. Финно-угорский компонент становится для Булгарии основополагающим, а его культурная составляющая воплощена во многих формах этнокультурного развития Поволжья. Особенности заимствований можно проиллюстрировать на примере бортничества, которое было повсеместно развито как у славян, так и у булгар. Но бортничество в Волжской Булгарии было распространено в большей мере, нежели в землях Киевской и Северо-Восточной Руси. Здесь важным фактором в успешном промысловом характере бортничества IX–XI вв. играли леса, которых в южных степях Киевской Руси почти не было, а Северо-Восточная часть Руси представляла собой непроходимую болотистую местность. Однако местное финно-угорское население повсеместно занималось бортничеством, которое давало помимо меда воск, служивший материалом для изготовления ювелирных украшений и предметов культа. Эффектная и очень сложная в изготовлении финно-угорская техника воскового вязания, или литья по восковой модели, требовала больших объемов расходного материала, который, возможно, поставлялся также с территорий Волжской Булгарии.

Воск в средневековье был сырьем, востребованным на территории Западной и Восточной Европы, а также в странах Востока. А.А. Валеров отмечает его важность на примере торговли Великого Новгорода с городами Западной Европы [2, с. 100]. С наступлением безмонетного периода истории Восточной Европы, вызванного дефицитом серебра,

зарождается кредитная система, которая включала в себя архаичные формы товарообмена, в том числе обмен воском. «Вывозить в Новгород серебро, покупать там пушнину и воск, продавать в Нидерландах и оттуда привозить сукно в Пруссию для Ордена – составные этапы товародвижения в рамках выгодной торговой операции» [10, с. 264].

Таким образом, воск в Европе XI–XV вв. фигурирует как основной продукт кредита с «привязкой» к немецкой мере веса *шиффунту* (лат. *schiffpfund* – *navale talentum*). Более того, в «Рижской долговой книге» в качестве товарного кредита чаще всего также фигурирует воск. Новгород в данном случае выступал посредником в торговле воском между Западной Европой и Скандинавией с одной стороны и Булгарией с другой.

О ключевой значимости бортничества в средневековом Поволжье можно судить по более поздним, но не менее ценным источникам XVI–XVIII вв., иллюстрирующим факт повсеместности промысла в Казанском крае в момент завоевания его Москвой [12, с. 69] и дальнейшей христианизации [6, с. 285]. Площади лесов, стимулировавших бизнес и занятия бортничеством, были поистине впечатляющими. Так, в грамоте 1603 г. описывается территория, подконтрольная митрополиту Гермогену и занятая под бортный лес, который тянулся от «государевых чувашских деревень и от Новых Кабанов вверх по р. Волге по Девлекеевскую деревню на 10 верст. А всего за архиерейским домом тогда по смете насчитывалось в длину на сорок верст, а в ширину на двадцать верст» [12, с. 69]. Здесь мы можем судить о размерах этого промысла только лишь по территории, примыкающей к городу Казани. Логично предположить, что торговые обороты, объемы производства меда и воска на территории Волжской Булгарии до монгольского завоевания были огромны и представляли собой интерес как

экспортный товар. Арабский путешественник, секретарь посольства из Багдадского халифата Ибн Фадлан писал в своих заметках о земле волжских булгар, что «в их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают и отправляются для сбора этого» [8, с. 138].

Обращаясь к вопросу добычи и производства меда в Волжской Булгарии, необходимо упомянуть о конкурентах. Таковыми были бортные угодия князей Северо-Восточной Руси. Так, в «Русской Правде» есть упоминания о княжеских бортнях, расположенных вблизи сел, где князья держали своих людей, занимающихся пчеловодством. Статья дохода этого промысла на Руси также была очень высока и престижна. Бортные деревья, как и в Волжской Булгарии, обозначались особыми знаками-знаменами. На Руси незаконный захват или вырубка бортных деревьев каралась неизмеримо большими штрафами, которые были практически приравнены в денежном отношении к штрафам за убийство: «Аже раззнаменает (то есть уничтожит знак собственности), борт то 12 гривен... Аже борт срубит, то 3 гривны продаже, за дерево полгривны». «А за убитого смерда или холопа 5 гривен; но если они знают какое-нибудь ремесло, то 12 гривен» [4, с. 93]. В процессе становления государства московские князья, умножая и скупая близлежащие земли, захватывали бортнические хозяйства. Даже в своих завещаниях на передачу наследства своим детям они точно описывают местонахождение бортных угодий [1, с. 33].

Бортничный промысел на Руси и в Волжской Булгарии существовал с самых ранних этапов их истории. Ранние болгары были кочевниками и не знали этого промысла, а славяне Северо-восточной Руси более масштабно знакомятся с ним благодаря заселению на финно-угорские территории [14, с. 8].

Для финно-угров мед был национальным достоянием и жизненно-важным промыслом вследствие сурового климата, отсутствия условий для сельского хозяйства и скотоводства. Финно-угорские заимствования можно проследить на территориях, занятых под бортни в Смоленском, Псковском, Рязанском, Муромском и Суздальском княжествах. Эти княжества располагались на территориях с финно-угорским населением, которое постепенно ассимилировалось с пришлым славянским компонентом. Таким образом, производство меда было не менее масштабным и прибыльным, чем земледелие.

Развитое земледелие Булгарии «тянуло» за собой многие отрасли, формировавшие сельскохозяйственный сектор. Промышленную базу села составляли металлургия и кузнечное дело, без продукции которых болгары не достигли бы значительных успехов в земледелии. О важнейшей роли земледелия в экономике Волжской Булгарии писал Ибн Фадлан, который отмечал, что в Булгарии

«и пшеница, и ячмень в большом количестве» [9, с. 136]. Продажа больших объемов зерна на экспорт подразумевает наличие излишков продукта и свидетельствует об обширности пашенных территорий, а также о совершенстве земледельческих орудий производства и привлечении в этот процесс тяглой силы (вол, лошадь) [18, с. 211].

Примечательны сведения Ю.А. Краснова, изучавшего особенности болгарского земледелия, среди которых содержатся сведения об археологических находках почвообрабатывающих орудий и палеоботанического материала [7, с. 222]. Палеоботанический материал, собранный в Булгаре и Биляре, позволяет смоделировать контуры земледельческой системы волжских булгар и обозначить ряд ее особенностей. Так, существенно различались хозяйственная значимость отдельных злаковых культур на Руси и в Булгарии. Булгары предпочитали возделывать *палбу*, в то время как в ряду популярных культур Руси доминировала озимая рожь. Изучение археологических памятников Биляра и Булгара свидетельствует о засоренности посевов, что подтверждается археологическими находками (сорняки, выделенные из зерновых остатков). Это свидетельствует о выращивании в основном яровых культур на старопашотных землях, которые были давно окультурены.

Конечно, система земледелия булгар не была совершенной. Обилие сорняков на пашнях Булгара и Биляра позволяет предположить использование булгарами переложной системы с краткосрочными перелогам [15, с. 57]. Но подобная система практиковалась не более чем на трети угодий. Переложные земли после «отдыха» давали, как правило, хороший урожай. Сочетание ряда факторов превратило Волжскую Булгарию в одну из «хлебных» земледельческих областей Европы.

Освоение булгарами навыков земледелия считается невозможным без взаимодействий с носителями именковской культуры, формой существования которых было земледелие. Зона влияния носителей именковской культуры маркируется зоной лесостепи Среднего Поволжья от р. Суры на западе до р. Ик на востоке (Икско-Бельское междуречье). Южная граница именковской группы зафиксирована на территории Самарской Луки, пограничной зоны лесостепи и степи. Именковское население, прибывшее в Поволжье в IV–V вв., имело земледельческие навыки. Почвенная карта расселения их племен в Поволжье означает, что они селились на границе аллювиальных и черноземных почв, которые идеально подходят для земледельческого производства [13].

Носители именковской культуры внесли свой вклад в развитие материальной культуры и истории производства железных земледельческих орудий волжских булгар [5, с. 211]. По утверждению археологов П.Н. Старостина и С.Г. Кляшторного,

именьковцы первыми в Поволжье практикуют пашенное земледелие с применением железных ральников [5, с. 214]. Протоболгарские племена, пришедшие на Среднюю Волгу, вероятно, перенимают данный тип земледелия [17, с. 236].

Остеологические материалы показывают, что именковское население использовало в качестве тягловых орудий крупнорогатый скот, а анализ расположения поселений, их последовательности позволяет предположить об обрабатываемой площади в 10 га одним ралом (семьей) [3, с. 57], что свидетельствует о масштабности обрабатываемых площадей с прицелом на накопление запасов впрок. Не стоит забывать, что климатические показатели, характеризующие Среднее Поволжье IV–V вв., были иными, чем в настоящее время, и указывают на увлажненность территорий, что благоприятно отражалось на урожае [16, с. 183].

Таким образом, в пик средневековья Поволжье стало полигоном разнонаправленных перемен. В регионе изменился спектр отраслевых промыслов и видов земледелия. Этому способствовали не только климатические изменения, но и межкультурные взаимодействия населявших местность этносов. Финно-угорский компонент сыграл значительную роль в истории волжских булгар не только в культурном, но и в хозяйственном отношении. Волжские булгары, будучи изначально кочевым народом, мигрировали в регион Поволжья, где смогли довольно быстро интегрироваться в новые для них жизненные условия, активно используя промысловую базу местных аборигенов. Носители именковской культуры – праславянские племена привнесли в болгарский компонент прогрессивную форму земледелия с новыми зерновыми культурами, в частности ржи. Можно заключить, что Волжская Булгария на стадии становления своей государственности вобрала в себя опыт и технологии автохтонов Поволжского региона. Это еще раз подтверждает полиэтничный характер болгарского государства, а богатый промысловый и земледельческий опыт, включавший межкультурные заимствования, предопределил потенциал региона в будущем.

Библиографический список

1. *Аристов Н.Я.* Промышленность Древней Руси. – СПб., 1866. – 323 с.
2. *Валеров А.В.* Кредит в русско-немецкой торговле XIII–XV вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Экономика. – 2011. – Вып. 3. – 167 с. – С. 100–115.

3. *Вязов Л.А.* Система расселения племен именковской культуры в подгорной части Самарской Луки // Самарский край в истории России. – Самара, 2007. – Вып. 3. – С. 55–69.

4. *Иванишев Н.Д.* О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германской вирою. – Киев: Univ. типография, 1840. – 120 с.

5. *Кляшторный С.Г. Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье. Т. 1 // История татар с древнейших времен. – Казань, 2002. – 551 с.

6. *Крайсман Н.В.* Этноконфессиональные аспекты политики Российской империи в первой четверти XVIII в. // Вестник Казанского Технологического Университета. – Казань, 2014. – Т. 17. – № 16. – С. 283–287.

7. *Краснов Ю.А.* Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М.: Наука, 1987. – 232 с.

8. *Ковалевский А.П.* Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. – 228 с.

9. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького, 1956. – 345 с.

10. *Лесников М.П.* Торговые отношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. // Исторические записки. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – № 39. – С. 259–278.

11. *Мельгунов П.П.* Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. – М.: Изд-е магазина «Сотрудник школ» А.К. Залеской, 1905. – 279 с.

12. *Покровский И.М.* Бортничество (пчеловодство) как один из видов натурального хозяйства и промысла близ Казани в XVI–XVII вв. // Известия общества археологии истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Казань, 1901. – Т. 17. – Вып. 1. – С. 67–73.

13. Почвенная карта РСФСР. – М., 1988. – Л. 5.

14. *Прыжов И.* История кабаков в России. – СПб.; М., 1868. – 320 с.

15. *Советов А.А.* О системах земледелия. – СПб., 1867. – 285 с.

16. *Халиков Н.А.* Хозяйство татар Поволжья и Урала. – Казань, 1995. – 235 с.

17. *Халиков Н.А.* Земледелие. Т. 2 // История татар с древнейших времен. – Казань, 2002. – 956 с.

18. *Штукенберг А.А.* Земледельческие орудия древних Болгар // Ученые записки Казанского университета. – Казань: Изд-е при Казан. Импер. ун-те, 1896. – С. 211–220.

СООТНОШЕНИЕ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ИОАННА КРЕСТА

В статье рассматривается один из самых важных вопросов, задаваемых наследием испанского поэта-мистика Иоанна Креста (1542–1591), – соотношение его поэтических и прозаических сочинений. В работах, посвящённых этому вопросу, соотношение поэзии и прозы исследуется, как правило, через сопоставление таких антиномичных понятий, как мистический опыт и богословское осмысление, лирика и догматика, чувство и интеллект и т.д. Исследователи обычно сосредотачивают внимание на поэтической или доктринальной составляющей произведений Иоанна Креста, выделяя её из общего корпуса, либо же изучают их соотношение в различных контекстах. Если первый подход можно условно назвать «аналитическим», а второй – «синтетическим», то в центре внимания автора данной статьи – «органическая» связь между монашеским подвигом и поэтическими сочинениями испанского поэта-мистика. Автор разбирает два аспекта. Сначала рассматривается влияние аскетики на поэтику, выражающееся в том, что лирическое стихотворение читается как инструкция для желающих достичь духовного совершенства: как на содержательном, так и на формальном уровне оно отвечает аскетическим требованиям странничества, воздержания, добродетели. Затем автор обращается к прозаическим толкованиям Иоанна Креста, благодаря которым его стихи приобретают новую перспективу. Первый аспект обнаруживает сходство аскетики и поэзии, а во втором случае поэзия сближается с богословием.

Ключевые слова: Иоанн Креста, аскетика, мистика, испанская поэзия, богословие, лирика, образ.

Поэзия Иоанна Креста (Хуана де ла Крус) кажется тем загадочнее, что язык её прост, объём невелик, но за века, истекшие со дня смерти её автора в 1591 году, появилось огромное число исследований, посвящённых знаменитому поэту-мистика. По мере того как число их растёт, открываются и новые стороны поэтического наследия Иоанна. Не упрощает ситуацию, а ставит новые вопросы и тот факт, что сам Иоанн написал обширные богословские комментарии к главным своим стихотворениям. Связь авторских толкований со стихами – одна из важнейших тем иоаннистики.

Исследователь Герман Вега Гарсиа-Луенгос пишет: «Несомненно, одним из наиболее “горячих” аспектов литературной критики, занимающейся творчеством Иоанном Креста, является соотношение между его стихами и прозой. Позиции варьируют между расширительным прочтением и “стихотворением-с-комментарием” как неким специфическим жанром» [9, р. 391].

Мне представляется, что для понимания поэзии Иоанна Креста действенным методом был бы тот, который позволил бы проникнуть в её тайну так, как к ней прикасается чуткий читатель. Этот метод изначально потребовал бы взгляда на текст как на единое целое, в котором поэтическое и духовное неразрывно соединены друг с другом. Аналитический подход предполагает исследование лишь одной составляющей творчества Иоанна Креста – литературной или доктринальной, подход синтетический – изучение взаимосвязей между этими составляющими (так, собственно, и можно было бы классифицировать существующий библиографический корпус). Мне бы хотелось рассмотреть

поэтику Иоанна Креста как лирико-аскетическое целое. Такой подход я бы условно назвала «органическим». Я сосредоточусь на тех факторах, которые, действуя и в поэзии, и в прозе Иоанна, позволяют лучше понять и ту, и другую.

Ниже я постараюсь коротко рассмотреть два аспекта: с одной стороны, связь монашеской аскетической практики с поэтикой Иоанна Креста (он был монахом кармелитского ордена) и, с другой, – воздействие комментариев самого Иоанна на возможности интерпретации. То есть речь пойдёт о том, как в стихах аскет влиял на поэта, и о том, как в прозе богослов как бы заново переписывал стихотворение. Если первое даёт нам возможность увидеть особенности фактуры поэтической ткани, её изнанку, то второе раскрывает внешний рисунок, в его непредсказуемом (если не выходить за рамки поэтического текста) богатстве линий и красок.

Возьмём для начала небольшое сочинение, не являющееся комментарием. Это аскетическое руководство под названием «Как монашествующему достичь совершенства» («*Avisos a un religioso para alcanzar la perfección*»). Здесь Иоанн перечисляет и подробно раскрывает четыре необходимых условия для духовного преуспевания:

1. *Странничество* (resignación), отсутствие привязанности ко внешним делам и событиям: «Монаху следует жить в монастыре так, как если бы кроме него в нём больше никого не было. Поэтому он никогда не вмешивается ни мыслью, ни словом в происходящее в общине или у кого-то из насельников, не желая замечать ни доброго, ни худого, ни различных обстоятельств; и хотя бы мир пошёл ко дну, монах не станет заботиться и беспокоиться об этом: он будет стремиться сохранить

мир души; он будет вспоминать жену Лотову, которая, оглянувшись на шум и крики погибавших, окаменела» [4, с. 130–131].

2. *Кеносис* (mortificación). Речь идёт об аскетическом самоумерщвлении через отсечение своей воли: «Следует всем сердцем принять ту истину, что ты пришёл в монастырь не для чего иного, как для того, чтобы другие возделывали в тебе и укрепляли добродетели, и что ты подобен камню, который нужно отшлифовать и обработать, прежде чем закладывать в стену здания».

3. *Упражнение в добродетелях* (ejercicio de virtudes): «Подобает иметь постоянство в монашеском деле и в послушаниях, откинув всякое почтение к миру, служить одному Богу. Для этого никогда не находи ни удовольствия, ни неудовольствия в работе, побуждающих либо делать её, либо оставить, но держи в уме лишь ту причину, по которой следует трудиться, – делать всё ради одного Бога. И вот так и нужно всё делать, приятное и неприятное, лишь затем, чтобы через это послужить Богу. Для того, чтобы, трудясь усиленно и постоянно, выпестовать в себе добродетели, старайся всегда склоняться скорее к трудному, чем к лёгкому, к жёсткому, а не к мягкому, к тяжёлому и неприятному в работе скорее, чем к её приятным сторонам, и не выбирай лёгкий крест, ибо “бремя Моё легко” (Мф. 11, 30); и чем тяжелее бремя, тем оно легче, ибо его несёт Господь».

4. *Уединение* (soledad, или «исихия», в терминологии восточной монашеской аскетике): «Будь постоянен в молитве, не оставляя её даже посреди телесных трудов. Ешь ли ты, пьёшь, говоришь или что-то обсуждаешь с мирянами – что бы ты ни делал, ходи, всегда устремляясь к Богу и прилепляясь к Нему сердцем. Это совершенно необходимо для внутреннего одиночества, в котором требуется не допускать до души ни одного помысла, кроме обращённого к Богу, в забвении обо всех преходящих вещах этой жалкой скоротечной жизни».

Следом за изъяснением этих четырёх условий Иоанн приводит «лестницу совершенств» (grados de perfección), состоящую из семнадцати ступеней, которые все объединены мыслью о постоянном присутствии перед лицом Бога: в поступках, размышлении, молитве.

У Иоанна Креста нет стихов о необходимости странничества или отсечения воли; мотив одиночества, хотя и постоянный в его лирике, явно не означает «забвения обо всех преходящих вещах этой жалкой скоротечной жизни». Ясно, что аскетическое содержание прозы не является содержанием лирики. И всё же: почему это руководство для монашествующих читается как руководство для пишущих? Что в стихах самого Иоанна указывает на странничество, кеносис, упражнение в добродетелях?

Обратимся к стихотворению «Однажды ночью тёмной». Оно начинается так: *En una noche*

oscura, // con ansias, en amores inflamada // joh dichosa ventura!, // salí sin ser notada // estando ya mi casa sosegada. «Однажды ночью тёмной, в тревоге, воспламенённая любовью – о, дивное приключение! – я, не будучи замеченной, покинула уже уснувший (буквально: упокоенный) дом».

В комментарии к этой строфе Иоанн Креста говорит, в частности: «Душа скидывает с себя все природные силы, тем самым позволяя Богу обличить её немощь и обнажить всё, что не есть Бог по природе, для того чтобы заново одеть её, нагую и лишённую своего ветхого покрывала» [5, с. 641]. Когда Иоанн поясняет, что Бог обнажает душу, освобождая её ото всего, что не есть Он Сам, в его пояснениях нельзя видеть только риторическую фигуру, метафору, символ, потому что через этот образ он даёт аскетические указания своим ученикам. Опыт освобождения от ветхого человека – это конкретная аскетическая практика.

Что же происходит в стихотворении в этот момент? Ночь, жажда, любовное горение, незаметный выход на улицу, уснувший дом. Стоит обратить внимание на то, что первая строфа создаёт впечатление призрачности, наготы: человек незаметен, дом без света, ночь беспробудна, жажда не утолена. Однако речь идёт не просто о впечатлении призрачности и наготы – здесь сама языковая плоть стихотворения «обнажается» и «истощается». Сравним первую строфу с седьмой: *El aire de la almena, // cuando yo sus cabellos esparcía, // con su mano serena // en mi cuello hería // y todos mis sentidos suspendía.* «Ветерок на башне, когда я теребила его волосы, мягкой рукою ранил меня в шею и останавливал все мои чувства».

Какие плотные материальные образы: башня, копна волос, рука, шея! Если в первой строфе только один активный глагол (*вышла*) и три пассивных причастия (*воспламенённая, не замеченная, упокоенный*), то в седьмой строфе мы видим три определённых активных действия, нарушающих состояние вещей: *теребила, ранил, останавливал*.

От первой к предпоследней строфе стихотворение прошло через различные этапы своего рода «аскетического делания»: от истощения до насыщения божественным присутствием, через трансформацию звукового поля. Если подсчитать количество гласных в каждой строфе, то можно услышать значимую переключку трёх доминирующих звуков: *a, o* и *e*. *A* постоянно ассоциируется с любовью (*Amado con amada, // amada en el Amado transformada*), *o* – с ночью (см. процитированную выше первую строфу), *e* – со светом (см. седьмую строфу; хотя по-испански свет – *luz*, но *u* обычно связано с темнотой, как в слове *oscuro*). Так в 4-й строфе, где происходит изменение, на пять *o* приходится 17 *e*, в других строфах разница не превышает шести, а, как правило, остаётся в пределах трёх-четырёх гласных.

Исследователь Алдо Руффинаго предлагает такое прочтение акустического поля в «Духовной песни»: «При внимательном рассмотрении, можно увидеть, что знаковая стратегия обязывает возлюбленного играть в прятки, скрываясь в складках **речевой ткани** (выделено мной. – *М.И.*) первой строфы путём хитроумного рассеивания фонетических указателей в пространстве почти всей строфы. *Amado* («Возлюбленный») эксплицитно появляется лишь в начале второго стиха, однако он, этот Возлюбленный, уже просвечивает и в первом стихе, в наречии *adonde* («где») и глаголе *escondiste* («скрылся») и продолжает оставлять следы своего присутствия во втором стихе “*gemido*” («стон»), в четвёртом: “*habiéndome herido*” («ранив меня»), и, наконец, в пятом: очень ясно в “*clamando*” («звоя») и менее заметно в “*ido*” («ушёл»)» [9].

Интересно, что сам Иоанн Креста обращал внимание на значение звуков и междометий, например «о!» или «как!»: «Всякий раз, когда они звучат, они передают нечто внутреннее лучше, чем это делает язык (далее Иоанн объясняет, что речь идёт о молитве. – *М.И.*)» (*Canción 1, verso 1*) [4, с. 955].

Приведённые примеры показывают, что в стихах Иоанна не только лексический, но и грамматический, и звуковой строй испытывает изменения, соприродные описываемым состояниям. И ночь, и песнь кончаются покоем. Дамасо Алонсо пишет в комментарии к другому произведению, «Духовной песни», следующее: «Это изменение в самом внутреннем составе (*contextura*) поэмы совпадает с переходом от аскетического самоумерщвления (*mortificación*) и медитации (очистительный и просвещающий путь) к соединению с Богом» [1, с. 504]. Здесь исследователь указывает на тройственный путь духовной жизни, который был описан Бернардом Фонтовой (1390–1460) в «Духовном трактате о трёх путях: очищающем, просвещающем и единящем».

Итак, аскет остаётся им и тогда, когда пишет стихи. Этот факт тем более примечателен, что многие строфы были сочинены в монастырской тюрьме, в невыносимых условиях. Так, Иоанна в течение девяти месяцев не только держали в келье без света, впроголодь, в одной и той же одежде в суровую зиму и палящий зной, но и заставляли ежедневно обнажать спину в монастырской трапезной для «братского» бичевания плетью в течение одного *Miserere* (50-го псалма). Оставаясь наедине с Богом, он молился и сочинял стихи. Некоторые строфы ему удалось записать на бумаге лишь по прошествии шести месяцев, когда его новым охранником стал более добросердечный брат.

В результате побега Иоанн оказался у кармелиток, укрывших своего духовного руководителя. Когда он прочёл им стихи, написанные в неволе, монахини были так восхищены, что записали каждое слово: «Слушать его было небесным на-

слаждением». Со временем Иоанн дописал некоторые свои стихотворения и, по просьбе монахинь, истолковал их в прозе. Простота стихотворений и глубина их истолкований отдают гулом тюремных и монастырских стен.

Посмотрим на один пример такого истолкования в комментарии к стихотворению «Любви живое пламя». Оно начинается прямо с «пути соединения», *via unitativa*: «*Ya no eres esquivá*» («больше не убегаешь»). «Очистительный путь», *via purgativa*, остался в преддверии первой строфы. Иоанн поясняет в прологе к толкованию «Пламени», что речь идёт о самом совершенном состоянии души, которое хотя и совершенно, может трансформироваться «по направлению ко всё большему утверждению в любви» (*Llama de amor viva. Prólogo*) [4, с. 950]. Иными словами, стихотворение написано для более совершенных, для тех, кто уже укрепился в стремлении к святости. Исследователю важно учитывать этот контекст и стараться хотя бы теоретически понять смысл этого стихотворения с точки зрения его адресата.

В стихотворении Бог не упоминается, однако монах призван опознать Его действие в своей душе. Для тех же, кто только приближается к этому совершенству, написано разъяснение, на языке Иоанна Креста, «декларация»: *¡Oh cauterio suave! // ¡Oh regalada llaga! // ¡Oh mano blanda! // ¡Oh toque delicado, // que a vida eterna sabe, // y toda deuda paga! // Matando, muerte en vida la has trocado.* «О, ласковый плен! О, подаренная рана! О, мягкая рука! О, лёгкое касание, напоминающее о вечной жизни и воздающее за все муки! Убивая, ты обратило смерть в жизнь».

Иоанн комментирует: «В этой строфе душа объясняет, что божественный труд единения (с Богом. – *М.И.*) совершают три Лица Святой Троицы: Отец, Сын и Дух Святой. Таким образом, рука, плен и касание – по своей природе, одно и то же; душа нарекает их этими именами потому, что у каждого из них – своё действие. Плен – это Дух Святой, рука – Отец, а касание – Сын... “Подаренная рана” относится к Святому Духу, и поэтому Он называется “пленом”. Вкус вечной жизни относится к Сыну, и поэтому Он назван “лёгким прикосновением”. А плата, которую получает душа, относится к Отцу, и поэтому Он назван “рукою»» (*Llama de amor viva, Canción 2*) [4, с. 995].

Синтаксис этой строфы не позволяет так просто произвести эти сопоставления: «О лёгкое касание, напоминающее о вечной жизни и воздающее за все муки!». Первое определение относится к Сыну, а второе – к Отцу, в то время как в самом стихотворении оба они относятся к «касанию», то есть к Сыну. То есть не будь разъяснения Иоанна, вероятнее всего, тринитарный смысл этих образов остался бы непонятен. Точно так же «декларации» будут освещать и другие строфы.

Авторское разъяснение, не отменяя собственно текстологических возможностей интерпретации, создаёт дополнительный смысловой слой. Мы можем мысленно уподобиться той самой монахине Ане де ла Пеньялоса, которой были посвящены и эти стихи, и эта «декларация», и осознать, что сияние, мерцание пламени в стихотворении есть действие свыше, пронизывающее языковую плоть этих стихов. И здесь начнётся какое-то новое чтение, возможно, допускающее и те литературные критерии, которым Менендес-и-Пелайо отказывал в способности «измерить поэзию и прозу святого Хуана де ла Крус, поскольку сквозь них прошёл дух Божий, всё собой украшая и освящая» [8].

Моей задачей было показать, что вполне возможно изучать поэзию и богословие Иоанна Креста как единое органическое целое, ведь и для самого Иоанна и его адресатов – монахов и монахинь, духовным наставником которых он был, это были неразделимые понятия.

Мы видели на примере стихотворения «Однажды ночью тёмной», какой труд совершает монах-поэт, «одевая во вретисце» собственный текст для того, чтобы в нём совершилась необходимая трансформация: от наготы в мире – к нагоде в Боге, от ночи в мире – к ночи в Боге. Видели и то, как духовник, передавая стихи своим ученицам, пишет на их полях заметки, вытесняющие стихи из области поэзии в область богопознания. Кажется, это уникальный случай во всей истории поэзии, и занимающийся им исследователь может не раз воскликнуть словами Иоанна: *joh dichosa ventura!* «О, дивное приключение!».

Библиографический список

1. *Alonso Dámaso*. La poesía de San Juan de la Cruz // *Thesaurus*. – Т. IV. – Núm. 3 (1948). – P. 492–512.
2. *Alonso Dámaso*. La poesía de San Juan de la Cruz (Desde esta ladera). – Madrid: Aguilar, 1966. – 229 p.
3. *Baruzi J.* San Juan de la Cruz y el problema de la experiencia mística, Valladolid / ed. de la Consejería de Cultura y Turismo, 2002. – 742 p.
4. *Crisogono de Jesús Sacramentado*. Vida de San Juan de la Cruz. – Madrid, 1997. – 430 p.
5. *Cruz Juan de la*. Obras completas. – Monte Carmelo, 9na edición, 2014. – 1341 p.
6. *Cuevas Cristóbal*. Estudio literario // *Introducción a la lectura de San Juan de la Cruz*. Junta de Castilla y León, 1993. – P. 125–201.
7. *López Baralt, Luce*. San Juan de la Cruz y el Islam. – Madrid: Hiperión, 1990. – 440 p.
8. *Mancho Duque, María Jesús*. Creación poética y componente simbólico en la obra de San Juan de la Cruz. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/134481.pdf> (дата обращения: 31.03.2016).
9. Menéndez y Pelayo, Marcelino. De la poesía mística. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/discursos0/html/p0000001.htm> (дата обращения: 17.03.2016).
10. *Ruffinatto Aldo*. Bordaduras en torno a la semiótica filológica de Cesare Segre (El caso de la supuesta doble redacción del Cántico espiritual de San Juan) // *Artifara*. Revista de lenguas y literaturas ibéricas y latinoamericanas. – 2003. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cisi.unito.it/artifara/rivista3/testi/sanjuan.asp> (дата обращения: 2.04.2016).
11. Vega Garcia-Luengos, German. La poesia de San Juan de la Cruz. Fuego de las palabras // *Revista de espiritualidad*. – 1990. – №196–197. – P. 371–401.

Коровин Андрей Викторович

кандидат филологических наук, доцент
Институт мировой литературы РАН, г. Москва
avkorovin2002@mail.ru

РОМАНТИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛИСТИКА И НАЧАЛО ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЫ В ДАНИИ

В статье рассматривается вопрос о становлении детективной литературы в Дании в XIX веке. Романтическая новелла стала той литературной формой, в рамках которой и формировался детективный сюжет, связанный с преступлением и его расследованием. Первые датские авторы, в творчестве которых наблюдается формирование детективной прозы: Л. Крусе, Б.С. Ингеманн, С.С. Бликер. Их произведения появились раньше, чем новеллы Э.А. По, что говорит об их значимости для мировой литературы. Датская и скандинавская литература в целом тяготеет к психологическому детективу, хотя сам детектив как форма воспринимается скорее как нечто импортированное: слово «ditektiv» воспринимается как иностранное, более распространенным термином оказывается «kriminalgroman» (криминальный роман) или «krimi».

Ключевые слова: новеллы, романтизм, датская литература, детектив, сюжет, проза.

Становление детективной прозы в Дании происходит лишь в XX веке и связано с именем П.А.В. Росенкранца (Palle Adam Vilhelm Rosenkrantz, 1867–1941), чья книга «Что скрывало лесное озеро» (Hvad Skovsøen gemte, 1903) «по праву может считаться первым датским современным криминальным романом» [3]. В Дании учреждена премия имени Росенкранца, вручающаяся сочинителям детективов. Датская и скандинавская литература в целом тяготеет к психологическому детективу, хотя сам детектив как форма воспринимается скорее как нечто импортированное: слово «ditektiv» воспринимается как иностранное, более распространенным термином оказывается «kriminalgroman» (криминальный роман) или «krimi», что звучит совсем по-датски. Очевидно, что подобное словоупотребление может отражать и читательское ожидания от данного конкретного текста, если в англоязычной литературе (как и в русской) главным в детективе становится образ героя, ведущего расследование (детектива), то в датском восприятии гораздо важнее обстоятельства преступления, психологическая коллизия, исследование внутренних интенций персонажей.

Между тем мотив преступления и расследования появляется в датской и скандинавской литературе значительно раньше, чем новеллы Э.А. По о Дюпене, которые традиционно считаются положившими начало детективной прозе, или сочинения Э.Т.А. Гофмана. К. Букер, анализируя различные способы построения сюжета, прямо указывает на связь произведений По с новеллой Гофмана «Мадмуазель де Скюдери» [2, с.507], датированной 1818 г. В Дании еще в 1801 г. малоизвестный писатель Лауритс Крусе (Lauritz Kruse, 1778–1839) издает книгу «Эстетические изыскания» (Æsthetiske Forsøg), где помещается текст «Убийца с холодным разумом и еще человек, заслуживающий уважения. Психологическое исследование» (Morderen med kold Overlæg og dog en Mand, der fortjener Agtelse, et psykologisk Forsøg). В этом рассказе очевиден интерес автора к психологии героев, попытке разобраться в хитросплетениях

душевных переживаний, но не остается и без внимания событийная сторона повествования, что свидетельствует о явном тяготении к традиции готической литературы, делающей акцент на необычных, захватывающих происшествиях. В 1822–23 гг. он публикует сборник рассказов «Криминальные сцены» (Criminal-Acter), в котором содержатся истории уголовных преступлений. В сочинениях Крусе в основном идет речь именно о самих преступлениях, а не о том, как проходит расследование, авторский интерес более лежит в области психологии и необычной ситуации. Но сочинения Крусе оказались практически не востребованными в его время и в последующие эпохи.

Начиная с Крусе, именно в романтической новеллистике тема преступления – чаще убийства – получает весьма широкое распространение, что фактически закладывает основы национальной криминальной литературы (krimi). Детектив как особая литературная форма недаром зарождается именно в ту эпоху, когда романтизм с его тягой к необычному, загадочному является доминирующим направлением. Новелла же оказывается самым подходящим жанром, поскольку изначально характеризуется динамизмом повествования и необычным, эффектным финалом. Э.А. По также использует все возможности этого жанра, создавая свои произведения. Таинственность и непроясненность происходящих событий – наследие готической прозы – в датской романтической новелле становятся непременным атрибутом рассказа о преступлениях. Фактически к ней можно отнести слова Е.М. Мелетинского о новеллах Клейста: «Новелла как бы выходит за узкие рамки изолированного происшествия и в сферу личного сознания, и одновременно в большой мир, выражая присущее романтизму сочетание индивидуализации и универсализации» [4, с.170]. В конечном итоге все разъясняется, становятся явными причины преступления, а часто и само преступление, которое убийца тщательно скрывает. Конечно, сам процесс расследования пока не занимает центрального места в повествовании; предмет изображения – не-

понятная, зловещая ситуация, в которой оказались герои, а разрешение конфликта связано как раз с выявлением самого факта преступления, что дает ключ к пониманию происходящего.

Одним из первых датских авторов, экспериментировавших с подобного рода сюжетами, стал Бернхард Северин Ингеманн (Bernhard Severin Ingemann, 1789–1862), в чьих новеллах проявляется романтически раздвоенная личность, а все повествование строится на контрастах и сложных психологических коллизиях. М. Анкхей-Нильсен отмечала: «Через все его творчество от первых до последних текстов пробивается более зловещий свет, исходящий из демонических глубин жизни. Эта другая сторона Ингеманна особенно заметна в его сказках и рассказах и проявляется в раздвоенности человека и его фрагментарной реальности» [1, с. 223]. Уже в сборник «Сказки и рассказы» (Eventyr og Fortællinger, 1820) вошли новеллы с криминальным сюжетом: «Тетя Мария» (Moster Maria) и «Алтарный образ в Сорё» (Altartavlen i Sorø), где центральным событием становится выяснение обстоятельств загадочной смерти.

Особое место в развитии национальной «криминальной литературы» отводится Стену Стенсену Бликеру (Sten Stensen Blicher, 1782–1848) – одному из значительнейших писателей в Дании, чьи произведения характеризуются сочетанием общей романтической направленности с интересом к обычным простым людям и повседневной жизни, но практически все сюжеты строятся на экстраординарном событии, нарушающем обычное течение жизни. В целом ряде произведений таким событием становится убийство, что позволяет их соотносить с зарождающейся детективной литературой. Это согласуется со словами Г.К. Честертона: «Первое важнейшее достоинство детектива состоит в том, что это – самая ранняя и пока что единственная форма популярной литературы, в которой выразилось некое ощущение поэзии современной жизни» [5, с. 16].

Тема преступления не становится для писателя главной, в центре повествования всегда остается герой и его внутренний мир, переживания и страсти, что характерно в целом для романтической литературы, но герои Бликера – это не романтические герои в традиционном понимании, а скорее простые люди, которые поднимаются над окружающими, лишь испытав жестокие удары судьбы, столкнувшись с преступлением, смертью, имевших для них роковые последствия. Писатель привносит в свои новеллы элемент недосказанности, таинственности, разгадка тайны часто наступает спустя многие годы, что можно характеризовать как начало детективной прозы. В композиционном отношении внутреннее время большинства новелл обычно разделено на два пласта, отделенных друг от друга годами, а иногда и повествова-

телями. В статье «Новелла тайн» В. Шкловский указывает на «временную перестановку» как непременное условие создания произведения, где рассказывается так, «что происходящее будет непонятно, в рассказе окажутся “тайны”, потом только разрешаемые» [6, с. 125]. Новеллы Бликера по своей структуре вполне соответствуют типу «новеллы тайны», к которому Шкловский относит детективную новеллу. Первый из них, как правило, содержит завязку, а изложение разворачивающихся событий носит внешний характер, многое остается непроясненным, неизвестна дальнейшая судьба героев. Второй повествовательный пласт необходим, чтобы завершить историю, пролить свет на внутренние механизмы происшедшего: все таинственное и непонятное находит свое объяснение.

Еще одним из самых распространенных в литературе мотивов преступления является безумие персонажа, совершающего убийство. Задача детектива в этом случае значительно усложняется, поскольку необходимо постичь аномальную логику. У Бликера тема безумия тоже находит свое отражение, что в целом свойственно романтической литературе, но безумие у датского писателя страшно во всех своих проявлениях: это уход в иной мир, поскольку этот мир несовершенен, но далеко не избавление, героев преследуют тени прошлого, и нет конца их страданиям. Такова Сесилия, совершившая убийство, но не отдающая себе в этом отчета, в новелле «Галантерейщик» (Hosekremmeren, 1829). Убийство в этой новелле является центральным эпизодом, определившим необычность ситуации, но причины, к нему приведшие, выявляются только при сопоставлении событий, разделенных годами.

Самой знаменитой новеллой писателя, в которой усматривается сугубо детективная фабула, является «Пастор из Вайльбю. Криминальная история» (Præsten i Vejlbj. En Criminalhistorie, 1829). Она имеет подзаголовок «Криминальная история», что можно расценить и как некое жанровое обозначение. В ней излагается полная драматизма история пастора, несправедливо обвиненного в убийстве. В этом произведении уже есть мотив расследования как вполне самоценный компонент повествования. В новелле два временных пласта и два рассказчика – одному ведомо начало истории, а второму – ее конец. Один проводил дознание, а второй раскрыл тайну. В этой новелле присутствует традиционная для детективной литературы схема: убийство и расследование этого убийства, правда, следствие идет по ложному следу, поскольку опирается на недостоверные свидетельские показания. Невинный человек обречен на смерть, а настоящий преступник торжествует.

В датской романтической новелле наблюдаются тенденции, нашедшие отражение в мировой детективной литературе. Они содержат рассказ о событии, выходящем за рамки обычного течения

жизни, иногда таким событием становится убийство, где преступление совершается, когда его ничего не предвещает. Такие новеллы вполне могут быть названы «kriminalnoveller» (криминальными новеллами), что соотносится с современным представлением о детективной литературе.

Библиографический список

1. *Ankhøj Nielsen M. Efterskrift // Ingemann B.S. Fjorten Eventyr og Fortællinger / Ved M. Ankhøj Nielsen. – København: DSL/Borgen, 1989. – S. 223–249.*

2. *Booker Ch. The Seven Basic Plots: Why We Tell Stories. – New York: Bloomsbury, 2004. – 728 p.*

3. *Michaëlis B.T. Baronen som gik sine egne veje // Politiken. – 2003. – 8 nov.*

4. *Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: Наука, 1990. – 280 с.*

5. *Честертон Г.К. В защиту детективной литературы // Как сделать детектив / сост. А.Ф. Строев. – М.: Радуга, 1990. – С. 16–19.*

6. *Шкловский В. О теории прозы. – М.: Изд. Федерация, 1929. – 268 с.*

УДК 821.161.1.09"19/20"

Королева Вера Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
queenvera@yandex.ru

ГОФМАНОВСКИЙ ПЛАСТ «ЧУЖОГО СЛОВА» В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

В статье рассматривается гофмановский пласт «чужого слова» (на основе романа Гофмана «Эликсиры дьявола») в романе А. Белого «Петербург», находящий выражение в темах рока, двойничества и кукольности. В «Петербурге» Белого, как и у Гофмана, два мира: реальный и зеркально расположенный – ирреальный. Границы между ними стерты, поэтому персонажи романа двойственны: они обычные люди, но и они же фантомы, и граница между ними размыта. Важной составляющей романа Белого, как и ряда произведений Гофмана, является маскарадность, которая характеризуется тотальным смещением границ и выражается в присутствии масок домино и кукольности. Гофмановская стилистика проявляется у Белого в иронии и гротеске. Присущая роману Белого музыкальность играет значительную роль в «сцеплении» сюжета и имеет свои истоки в творчестве Э.Т.А. Гофмана.

Ключевые слова: А. Белый, роман «Петербург», Э.Т.А. Гофман, «чужое слово», двойничество, маскарад, кукольность, музыкальность, ирония и гротеск.

Роман А. Белого «Петербург» неоднократно привлекал внимание исследователей своей многогранностью, многоаспектностью проблематики и необычным стилем. Он сочетает в себе черты символистской, романтической, реалистической и футуристической поэтики.

Н. Пустыгина причину такой сложности «Петербурга» видит в том, что автор использует обилие цитат, реминисценций, аллюзий, которые создают многозначность образов и смыслов. Она полагает, что роман представляет собой некий «синтетический комплекс» «чужого слова», которое «переплавляется» в «Петербурге» в «свое», в слово А. Белого» [13, с. 80].

Н. Пустыгина считает, что организующая роль «сагирического смысла» в «Петербурге» проявляется в виде авторской «игры» с «чужим текстом» и предлагает разграничить использование цитат в романе и выделить «цитатность на уровне “чужой поэтики”» (связанная с тем, что А. Белый сам называл «свободой в формах искусства») и цитатность на уровне «чужого содержания» [13, с. 81].

В связи с этим становится очевидной проблема поиска источников этого синтеза в романе, одним из которых, на наш взгляд, является творчество Э.Т.А. Гофмана и, в частности, его роман «Эликсиры дьявола».

Н.А. Бердяев первым обратил внимание на близость романа Белого поэтике Гофмана: «В европейской литературе предшественником творческих

приемов А. Белого можно назвать Гофмана, в гениальной фантастике которого также нарушились все грани и все планы перемешивались, все двоилось и переходило в другое» [4, с. 43]. Среди русской литературы главными учителями А. Белого Н.А. Бердяев называет Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского: «А. Белый – прямой продолжатель Гоголя и Достоевского. Подобно Н.В. Гоголю видит он в человеческой жизни больше уродства и ужаса, чем красоты и подлинного, твердого бытия» [4, с. 43].

Как известно, Э.Т.А. Гофман оказал большое влияние на формирование творческого метода Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, поэтому можно говорить о двух источниках восприятия А. Белым Э.Т.А. Гофмана: непосредственно через его произведения и через творчество Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. О последнем факте свидетельствуют упоминания А. Белым имени Э.Т.А. Гофмана в своих критических работах «Трагедия творчества Достоевского и Толстого» и «Мастерство Гоголя».

А. Белый в мемуарах «На рубеже двух столетий», описывая процесс формирования своего творческого метода, также упоминает имя Гофмана: «Мы – постоянные импровизаторы, мифотворцы сюжетов, рисующие драматические борьбу света и тьмы (начала с концом), мифологические события, происходящие с нами и с нашими знакомыми... перелагая знакомых в свой миф, мы вырабатываем всякую фантастику в стиле Гофмана и Э. По: фантастику реализма» [4, с. 535–536].

При этом А. Белый подчеркивает, что в его задачу входит не возрождение романтизма, а его переосмысление: «нужна нам не сказка, не тридцатое царство: нам нужен Арбат», поэтому русскому символисту в большей степени становится близок роман «Эликсиры дьявола» Гофмана, а не его сказки [4, с. 535–536].

На наш взгляд, применительно к Э.Т.А. Гофману и А. Белому можно говорить о наличии сходных стилевых приемов, совпадении некоторых сюжетов и творческих принципов. Восприятие Гофмана Белым в первую очередь прослеживается в теме рока, которая отчасти была унаследована Гоголем, Достоевским из «Эликсиров дьявола» Гофмана. В центре романа немецкого романтика лежит проблема родового греха, который совершил художник Франческо, написав вместо лика святой Розалии образ языческой богини Венеры, а также искупление этого греха. Родовые связи Франческо и Медардуса накладывают обязательства на последнего, поэтому он против своей воли должен отвечать за грехи своего предка. Медардус пытается отстоять право на независимость от родового проклятья в разговоре с римским папой: «Если грешник, рожденный от грешника, не может не грешить, унаследовав свою порочную натуру, тогда нечего говорить о грехе» [7, т. 2, с. 242].

Исследователи творчества Гоголя и Достоевского тему рока в их произведениях связывают с петербургской темой, восходящей к «Медному всаднику» А.С. Пушкина. А. Белый продолжил эту традицию, создав фантазмагорические образы героев, ставших жертвой исторического Петербурга.

Н.А. Бердяев считал, что Белый, в отличие от своих предшественников, «погружает человека в космическую безмерность, отдает его на растерзание космическим вихрям, под которыми он подразумевает русскую бюрократию, эфемерное бытие, мозговую игру, в которой все составлено из прямых линий, кубов, квадратов». Говоря о разрушении Белым цельных органических образов, Бердяев проводил параллель с кубизмом П. Пикассо и подчеркивал, что это распыление обусловлено авторской историософской концепцией: «Медный всадник раздавил в Петербурге человека» [4, с. 45].

Действие в романе связано с революцией 1905 года. Эти события воспринимаются Белым как знамение конца, за которым последует возмездие. Он не видит в революции спасение России, поэтому красное домино, символизирующее революцию, находится в оппозиции белому домино – образу Христа, который олицетворяет духовное и нравственное очищение.

В «Петербурге» находит выражение тема двойничества, восходящая к Гофману и органически воспринятая в русской литературе Гоголем, Достоевским и др. Белый поднимает в романе тему единства отца и сына Аблеуховых, изображая их

как двойников, что в первую очередь проявляется в перекличке их имен, поэтому характеристика образа сенатора оказывается в то же время характеристикой и Аблеухова младшего. У Гофмана Франческо и Медардус похожи и внешне и внутренне, их мучают те же самые противоречия, кроме того, как и у Белого, в романе присутствует игра именами: предка художника звали Франческо, его потомок Медардус при рождении получает родовое имя Франциск.

В основе романа «Петербург» лежит конфликт между сенатором Аблеуховым и его сыном Николаем, подпавшим под влияние террористов. Проблематика отца и сына имеет символический и мифологический характер, так как воспроизводит евангельский миф – об Отце, пославшем Сына на страдание и мученичество. Подобная миссия предначертана и Медардусу: он должен искупить грехи своего предка через преступления и страдания. И для него, как и Христа, нет иного пути.

В образе Николая Аблеухова отразился любовный треугольник в жизни Белого: Николай Аблеухов – ангел Пери – Сергей Сергеевич, что напоминает взаимоотношения: А. Белый – Л.Д. Блок – А.А. Блок. На подобном треугольнике строится роман Гофмана. Сначала – это Франческо – Розалия – Венера, затем у его последнего потомка: Медардус – Аврелия – Евфимия.

В «Петербурге» Белого, как и у Гофмана, два мира: реальный и зеркально расположенный – ирреальный. Границы между ними стерты, поэтому персонажи романа двойственны: они обычные люди, но и они же фантомы, и граница между ними размыта.

Реальный герой преломляется в фантомном персонаже: Николай Аполлонович – красное домино, подпоручик Сергей Сергеевич – белое домино. Террорист Дудкин – черт Шиффнарфне. Двойниками наполнен весь роман Гофмана, которые имеют как реальную природу, так и инфермальную. У Медардуса в «Эликсирах дьявола» есть реальный двойник Викторин, отчасти его двойником является Белькампо, и в то же время в ряде эпизодов его преследует настоящий инфермальный двойник. Аврелия имеет в качестве двойника святую Розалию и Венеру – белую дьяволицу.

Исследователи романа Белого не раз указывали на его музыкальность, которая играет значительную роль в «сцеплении» сюжета в «Петербурге». Н. Пустыгина считает, что «музыкальный смысл романа выстроен в одном ритмическом ключе, а “разрывы” на смысловом уровне компенсируются “скрепами” на фонетическом, ритмическом и других уровнях» [13, с.81].

Идея синестезии – связи музыки и произведения литературы восходит к романтической эстетике, где Новалис воспринимал «мир как симфонию», а Ф. Шлегель говорил о «симфилософии».

Гофман считал себя в первую очередь композитором, а не писателем, поэтому большинство его произведений пропитаны идеей музыки и попыткой соединить в единое целое слово, ритм и звук, что, безусловно, отразилось во многих его произведениях. Так, создавая роман «Эликсиры дьявола», он продумывает ритм произведения, опираясь на музыкальные темпы: «роман начинается Grave sostenuto. Герой появляется на свет в монастыре святой Липы Восточной Пруссии – потом вступает *sestet piano* – жизнь в монастыре, где он был подстрижен, – из монастыря герой вступает в ярко-разноцветный мир – здесь начинается *Allegro forte*» [8, с. 222].

Гофман был одним из первых практиков синтетического искусства. Причина этого кроется, по мнению С.Н. Питиной, в том, что синтетичность составляла «органическую внутреннюю сущность его художественного мышления» [10, с.86]. Немецкий романтик считал, что искусство должно затронуть все струны человеческой души.

Гофмана в большей степени, чем других романтиков, интересовала возможность взаимопроникновения искусств, степень их слияния. По словам Н.А. Корзиной, «Гофман определяет зрение музыканта как внутренний слух, как бы указывая тем самым на соотношение в его сознании оптического и акустического, на слияние изобразительных и музыкальных впечатлений» [9, с.163–171].

На уровне персонажей в романе Белого «Петербург» и романе Гофмана «Эликсиры дьявола» также есть общие черты. Герои Белого отличаются тем, что сочетают в себе ряд необычных качеств: бесовское (дьявольское) начало, «двойничество», механистичность, марионеточность, призрачность. Также в романе Гофмана «Эликсиры дьявола» в душе главного героя Медардуса, борются добро и зло, гордыня и смирение. Он возомнил себя, как и его предок, художник Франческо, сверхчеловеком. Однако в ходе действия романа становится понятно, что он лишь марионетка, поступками которой управляют свыше, его сознание порождает двойников, что приводит к потере собственной цельности.

Николай Аполлонович близок к гофмановскому Медардусу своей противоречивостью. Его поступки нелепы, карикатурны, у него нет индивидуальности, он похож на марионетку. Другие персонажи романа тоже отличаются противоречивостью. Такая многогранность образов Белого создает игру разными смыслами, в результате возникает ирония, которая включает в себя такие полярные грани смеха, как карнавал, юродство и аллегория.

Важной составляющей романа Белого, как и ряда произведений Гофмана, является маскарадность, которая характеризуется тотальным смещением границ и выражается в присутствии масок домино и кукольности. Как известно, слово домино в качестве одежды имеет два значения: «плащ

с капюшоном – зимняя одежда католического духовенства» и «маскарадный костюм в виде длинного плаща с рукавами и капюшоном, а также человек, одетый в такой костюм» [14, с. 410]. Таким образом, костюм домино также отсылает нас к роману Гофмана, где монах Медардус меняет свой облик, переодеваясь из монашеской одежды в светскую, а Викторин, наоборот, планирует одеться в рясу монаха. Мотив переодевания в романе Гофмана создает ощущение иллюзорности происходящего.

Р. И. Барабаш связывает карнавальное начало в «Петербурге» с «мозговой игрой» автора, симптомы которой проецируются и на персонажей: «Мозговая игра – только маска; под этой маской совершается вторжение в мозг неизвестных нам сил: и пусть Аполлон Аполлонович соткан из нашего мозга, он сумеет всё-таки напугать иным, потрясающим бытием, наподдающим ночью. Атрибутами этого бытия наделена вся мозговая игра» [1, с. 11].

Призрачность, кукольность Петербурга в романе Белого подчеркивается маскарадностью: на улицах появляется красное домино, устраиваются маскарадные вечера. И в этом маскарадном городе реальность смешивается с бредом революционера-мистика, где бред кажется реальнее, чем явь. Именно такое ощущение испытывает Медардус, который, попав под власть рока, становится марионеткой в его руках. Стечения обстоятельств, присваивание ему чужих масок и чужих преступлений приводят его на грань безумия, так что он даже хочет покончить жизнь самоубийством, чтобы вырваться из этого порочного круга. Но даже это ему не удается.

Маскарадность петербургского мира романа Белого, как и у Гофмана, не веселая, не светлая, а тяжелая, гнетущая, где личность потеряна, расколота.

Основной стилиевой прием, который использует Белый в своем романе, – прием авторской иронии, которую он понимает и как универсальную мировоззренческую категорию, и как некий структурно-организующий принцип.

Однако ирония в романах Гофмана и Белого имеет отличия. Гофмановская ирония и романтический гротеск проявляются в образе Белькампо, который кривляется и паясничает. Но этот герой в гротескных речах высказывает глубокие мысли, тем самым выражая идею Гофмана о том, что романтическая ирония способна увести человека от пороков реальной действительности. У А. Белого ирония и гротеск становятся высшей формой насмешки над миром и самим собой, поэтому Николай Аполлонович превращается в романе в злую карикатуру. Месть Аплеухова не осуществилась: он падает, и вместо страха, который должен был последовать при появлении домино, он вызывает смех и жалость: «и обнаружили светло-зеленые панталонные штрипки и ужасный шут стал просто шутом жалким» [3, т. 1, с. 228]. С этого момента

все его унижают и называют «Лягушонок, урод – красный шут!», «красное домино – домино шутовское» [4, т. 1, с. 228].

В момент разоблачения Аслеухова герой утрачивает свое лицо и становится настоящей маской: «...богоподобное, бесстрастное существо отлетело куда-то; ...обугленный лик превратился в чёрную маску, а пекущие тело огни – в красный шёлк. Он теперь воистину стал шутком, безобразным и красным» [3, т. 1, с. 300].

Проблема утраты идентичности – одна из главных в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», где Медардус, меняя роли, в определенный момент осознает ужасную истину: «Я тот, за кого меня принимают, а принимают меня не за меня самого; непостижимая загадка: я – уже не я». [7, т. 2, с. 31].

По мнению Белого, творчество есть опыт преодоления художественного индивидуализма, он создает теургический идеал человека-творца. Для раскрытия этого начала А. Белый использует феномен сатирического смеха, который раскрывается в образе трагического арлекина, пророка-изгоя, а также в образе автора «Петербурга». Образ арлекина, трагического шута, нередко можно встретить и в лирике Белого, в таких стихотворениях, например, как «Маскарад» и «Вакханалии» (1906).

Отношение к поэту, художнику как к пророку-изгою у символистов восходит к эстетике романтизма. Так, в романе «Эликсиры дьявола» художник Франческо отступает от общепринятых канонов и тем самым обрекает себя на осуждение толпы. Его грех в том, что он поставил себя выше Бога, за что должен понести наказание. У Белого начальная ситуация сходна. Поэт уподобляется пророку, но остается непонятым, как в стихотворениях «Безумец» (1904), «Жертва вечерняя» (1903), «Мания» (1903), «В полях» (1907), «На буграх» (1908), «Полевой пророк» (1907) и др. Все его осуждают и воспринимают как юродивого, сумасшедшего, отчего сатирический смех становится трагическим.

Сознание самого Белого характеризуется как трагически расщепленное, раздробленное, что выражается, по словам О. М. Преснякова, «в сочетании ощущения безграничной свободы творчества (“свободы выражения внутренне полной жизни”) и одновременно его трагической несвободы (несвободы от содержания “я”, выступающего “тончайшим, но прочным материалом” для творений художника)» [11, с. 14]. Это проявляется в его творчестве в мотивах «разломов», «разрывов», «обломков», «кусков».

Этот разлад с самим собой восходит к эстетике романтизма. В сознании Гофмана происходило подобное расщепление. В его душе боролись стремление к идеалу, творчеству и проза реальной действительности. В результате большинство его героев переживают такое же состояние, как, на-

пример, музыкант Крейслер в романе «Житейские воззрения кота Мурра».

В образе Франческо в романе «Эликсиры дьявола» Гофман поднимает важную проблему – человек и искусство. В эпоху романтизма образ Художника и его творчество становятся ведущими в произведениях романтиков. Искусство дает человеку новый взгляд на мир и на самого себя, приобщает его к высшим истинам бытия, открывает дверь в иной мир, мир идеального. В результате образ Художника получает ведущую роль посредника между миром реальным и идеальным.

Художник Франческо живет и творит в эпоху Возрождения, которая привнесла в искусство творческую свободу. Теперь художник уже не мастер, а Творец, Демиург. Он чувствует в себе присутствие сверхдуха (Франческо «от природы имел независимый характер, был горд, своенравен» [7, т. 2, с. 225]), в результате чего он становится ареной борьбы добра и зла.

В большей степени сходство романа Белого с «Эликсирами дьявола» проявляется в использовании фантастики и реалистического гротеска. Гофмановская фантастика загадочна, необъяснима, так как, по словам А.Б. Ботниковой, «Фантастическое призвано закрепить мысль о принципиальной непознаваемости жизни во всей ее полноте» [6, с. 153].

В гофмановском стиле в «Петербурге» создан эпизод появления в каморке революционера Александра Ивановича Дудкина призрака самого Петра I: «...посередине дверного порога, из стен, пропускающих купоросного цвета пространства, – склонивши венчанную, позеленевшую голову и простирая тяжелую позеленевшую руку, стояло громадное тело, горящее фосфором. Встал Медный Петр. И этот распухший до невозможных размеров властитель города как бы вливается в Александра Ивановича, толкает его на поступок, которого у него и в мыслях не было, – на убийство провокатора Липпанченко» [3, т. 1, с. 421].

Петр – символ Петербурга, который он и создает, поэтому все его жители являются условно его потомками. Образ призрака-предка возникает и в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», где тень художника Франческо является своим потомкам в те моменты, когда они планируют преступление.

Мотив «проклятости» Петербурга, как и образ проклятого рода Франческо в романе Гофмана, проходит через весь роман А. Белого и проявляется в описании смерти: состоявшиеся и несостоявшиеся убийства, мертвая красота города, река, кишачая «смертельными бактериями».

Медный всадник, как рок в романе Гофмана, управляет поведением своих героев, заставляя их совершать поступки, о которых они даже не помышляли: «...Металлический Гость, раскалившийся под луною, сидел перед ним; опаляющий,

краснобагровый; вот он, прокалясь, побелел; и – протек на склоненного Александра Ивановича: пепелящим потоком: металлами – пролился в его жилы...» [3, т. 1, с. 423]. У Гофмана воплощением роковой силы является эликсир, выпив который Франческо, а затем и Медардус становятся одержимыми и совершают греховные поступки.

Александр Иванович под влиянием силы рока совершает убийство: «А утром вошли: но Липпанченки уже не было; была – лужа крови; был – труп; и – фигурка, смеющаяся белым лицом; у нее были усики; они вздернулись; странно: мужчина на мертвеца сел верхом; он сжимал в руке ножницы; руку простер он, а по лицу – через нос, по губам – уползло пятно таракана...» [3, т. 1, с. 488].

Этот эпизод убийства напоминает аналогичный в романе Гофмана, когда, одержимый идеей убийства Аврелии, сначала Медардус, а затем его двойник бросаются на нее с ножичком, впад в состояние безумия.

Н. Пустыгина, опираясь на идею о том, что роман Белого – это сплав нескольких текстов, выстраивается сложную «цепочку» генетических линий образа террориста Дудкина: «король испанский» – Поприщин – Петр I – Евгений из «Медного всадника» – террорист-эсер Неуловимый – «разночинец» («веховец») – Шатов и Кириллов из «Бесов» – Махайский-Вольский – Чартков из «Портрета» Гоголя – «человек из подполья» Достоевского – Раскольников из «Преступления и наказания» [13, с. 51] и т. д. В этот ряд можно включить и Медардуса из романа Гофмана.

Библиографический список

1. *Барабаш Р.И.* Творчество А. Белого и Вяч. Иванова в аспекте русской теургической эстетики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 18 с.

2. *Белый А.* На рубеже двух столетий. – М.: Худ. лит., 1989. – 813 с.

3. *Белый А.* Полн. собр. соч.: в 2 т. – М.: Альфа-Книга, 2011.

4. *Бердяев Н.А.* Астральный роман // Бердяев Н.А. Кризис искусства. – М.: Издательство Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – 48 с.

5. *Бердяев Н.А.* Кризис искусства. – М.: СП Интерпринт, 1990. – 48 с.

6. *Ботникова А.Б.* Немецкий романтизм: диалог художественных форм. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 352 с.

7. *Гофман Э.Т.А.* Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худ. лит., 1991–1999.

8. *Гюнцель К.* Э.Т.А. Гофман. Жизнь и творчество. Письма, высказывания и документы. – М.: Радуга, 1987. – 464 с.

9. *Корзина Н.А.* Некоторые вопросы синтетического искусства в эстетике и художественной практике Гофмана // Корзина Н.А. Вопросы романтического метода и стиля. – Калинин, 1978. – С. 163–171.

10. *Питина С.Н.* Э.Т.А. Гофман и его музыкальная деятельность // Питина С.Н. Музыка Австрии и Германии XIX века. – М.: Музыка, 1975. – Кн. 1. – 511 с.

11. *Пресняков О.М.* Стиль Андрея Белого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1997. – 18 с.

12. *Пронина Е.А.* Андрей Белый и Петербург в его творчестве // История Петербурга. – 2005. – №3/25. – С. 53–56.

13. *Пустыгина Н.* Цитатность в романе А. Белого «Петербург» // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXVIII. Литературоведение. – Тарту, 1977. – С. 80–97.

14. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 1600 с.

ОБРАЗ ПАНА В ТВОРЧЕСТВЕ Р.Л. СТИВЕНСОНА И КЕННЕТА ГРЭМА

В статье рассмотрен образ Пана в трех эпостомах: в эссе Р.Л. Стивенсона «Свирель Пана» и в двух произведениях Кеннета Грэма – в повести «Ветер в ивах» и в эссе «Сельский Пан». На рубеже XIX–XX вв. Пан обрел новую популярность в литературе: к нему обращались представители разных направлений – от декадентов и символистов до постромантиков, включая детских писателей. Тема противостояния индустриального общества и живой природы, мира «волшебной естественности», вытесняемой из человеческого мира коммерцией, вставала в викторианское время особенно остро. Не случайно эта тема прослеживается в двух эссе, созданных Стивенсоном и Грэмом. Образ Пана, древнего бога лесного и животного мира, получает дальнейшее развитие в повести Грэма «Ветер в ивах». Создавая сказочного Пана, Грэм оглядывается на традиции романтической школы и волшебной сказки – и вместе с тем принимает и впитывает веяния эскапизма, литературы «бегства от реальности», творящей иллюзорные миры, сторонящиеся зла и жестокости. Такое сочетание традиций позволяет автору, в контексте выбранного им жанра, создать образ, непохожий на других Панов английской литературы.

Ключевые слова: английская литература, Р.Л. Стивенсон, К. Грэм, образ Пана, звуковые образы, романтизация изображения, культ природы, сказочные мотивы.

К образу мифологического божества Пана на протяжении веков обращались многие авторы, представители самых различных школ и течений. Одни оплакивали смерть «великого бога Пана» (как это делал, например, Байрон в первой песни «Аристомена»), другие восхваляли его в гимнах (как Шелли и Китс). Евсевий Кесарийский выстраивал четкую дихотомию «Пан – Христос» и развивал теорию, согласно которой козлоногий бог (как и прочие демоны) погиб именно в связи с пришествием на землю Спасителя [см.: 6, т. 5, гл. XVII]. Рабле, напротив, отождествлял Иисуса и Пана, говоря, что последний – «наше Всё: всё, что мы собой представляем, чем мы живем, всё, что имеем, всё, на что надеемся, – это он» [4, с. 462]¹. Упоминает о Пани и Милтон, называя его в «Потерянном рае» «измышленным божеством» [3, с. 126].

Заинтересовал образ козлоногого бога и двух английских писателей – Р.Л. Стивенсона (1850–1894) и Кеннета Грэма (1859–1932), о которых здесь пойдет речь. Оба они родились в Эдинбурге в царствование королевы Виктории, оба любили и знали родной шотландский фольклор, оба создали произведения, вошедшие в золотой фонд детской мировой литературы. В творчестве Стивенсона и Грэма тяга к приключенчеству и описание живописной природы соседствуют с тем самым неоромантическим идеализмом и противлением злу, который Д.С. Мережковский угадал в драматургии Метерлинка, Гауптмана, Ибсена: «Недаром же многие критики обозначили это новое движение именем *неоромантизма*. В самом деле, то, что мы переживаем теперь, в конце века, многими чертами напоминает однородное движение в начале века, ровно 90 лет тому назад, наивный юношеский романтизм наших отцов и дедов, с тою разницею, что в те времена трагическим грандиозным фоном для таких же исканий, смятения, болезненно-страстных порывов к будущему, необъятных надежд

и мировой скорби служил не анархизм, а наполеоновские войны, не взрывы динамитных бомб, а грохот пушек» [2, с. 536].

В связи с возрождением интереса к образу Пана в литературе постромантизма и неоромантизма любопытно замечание Роберта Дингли, утверждающего, что причиной обращения к образу Пана оказался тот «вакуум, который породил Дарвин, отведя от мироздания Божью длань» [5, с. 47–59].

Стивенсон и Грэм обратились к образу древнего бога Пана, воспев его в прозе. Р.Л. Стивенсон написал эссе «Свирель Пана» («Pan's Pipes», 1878), а Кеннет Грэм – эссе «Сельский Пан» («The Rural Pan», 1893) и повесть «Ветер в ивах» («The Wind in the Willows», 1908). Во всех этих произведениях Пан – полусказочное существо, наделенное неповторимыми особенностями. Скажем об этом подробнее.

В 1878 году увидело свет эссе Стивенсона «Свирель Пана», входившее в состав сборника «“Для юношей и девушек” и прочие заметки» («Virginibus Puerisque and Other Papers»). В этом эссе автор изображает общество «прокопченных душ» – спокойных и самоуверенных людей, шествующих по жизни, «лихо заломив котелки набекрень» [12, с. 285]. Это общество без Бога, уверенное, что благодаря прогрессу правит миром и самой природой. Однако природу, олицетворением которой выступает Пан, подчинить совсем нелегко. Она может наказывать, очаровывать, пугать и губить самоуверенное человечество. Пан Стивенсона «то жутко топает копытом, обращая в бегство целые армии, то летним днем на лесной опушке весело наигрывает на свирели, околдовывая души и сердца пастухов» [12, с. 281]. Люди забыли о нем – пишет Стивенсон – и считают его мертвым, но он жив: Пан – в громовых раскатах и проливном дожде, в смертоносной молнии и разрушительном урагане, – и в любой роще можно услышать звуки его флейты [см.: 12, с. 281]. Пан Стивенсона, таким

образом, – вовсе не простой покровитель пастухов и стад, но «бог всего, что есть на свете».

В последние десятилетия XIX в. Кеннет Грэм тоже обращается к образу Пана и пишет эссе «Сельский Пан. Апрельское эссе» («Rural Pan. An April Essay»), которое позже вошло в состав его первого сборника – «Языческие заметки» – («Pagan Papers»), 1893). Его Пан, как и стивенсоновский, не может найти себе места в Лондоне XIX века. Он бежит из столицы и прячется в тени запруды. Там, вдали от жаркого светлого мира, облюбованного «торговцем Меркурием» и «щеголем Аполлоном», Пан чувствует себя спокойно и играет на флейте для своих друзей и «молочных братьев» – речной крысы и малой поганки. Однако этот «сельский Пан» едва ли олицетворяет всю природу. Он – ее неотъемлемая часть, но никак не владыка и не могучее божество. Пан Грэма – скорее добродушный бездельник, убегающий из кипучего котла английской столицы на лоно природы. Истинным же повелителем, своевольным и жестоким властелином этого мира является человек-коммерсант. Ему принадлежат поезда и скоростные автомобили, он «покрывает холмы штукатуркой и душит ручьи, заклиная их в камень» [7, с. 38]. Ему по силам изгнать Пана из своего мира. Это остается лишь вопросом времени.

Имеется у Грэма и другой Пан: могущественный помощник и защитник всех жителей леса и реки. В 1908 году издательство Methuen опубликовало книгу, на синей обложке которой был вытиснен золотой Пан, играющий на свирели. Это была сказочная повесть Кеннета Грэма «Ветер в ивах». В седьмой главе книги, «Свирель у порога зари»² («The Piper at the Gates of Dawn»), действительно появляется Пан. Главные герои, Крот и дядюшка Рэт (Водяная Крыса) отправляются ночью на поиски пропавшего выдренка Портли. Внезапно Рэт слышит мелодию и, словно очарованный, направляет лодку к островку посреди реки. Там-то друзья и встречают Пана, Друга и Защитника, доброго владыку речного берега – и склоняются перед ним в благоговейной молитве. Между тем занимается рассвет, Пан исчезает, а на месте, где он сидел, Крот и дядюшка Рэт обнаруживают мирно спящего Портли.

Известно, что Грэм добавил эту главу, когда книга была почти завершена [см.: 10, с. XV]. Неспешная, элегичная, она разительно выделяется на фоне быстрой череды происшествий и пикарескных «курбетов» другого персонажа книги – мистера Тоуда. (Не удивительно, что подготовители адаптированных детских изданий книги нередко эту главу сокращают.) Изначально глава называлась «Ветер в камышах» («The Wind in the Reeds») – и так же Грэм хотел озаглавить книгу. Исследователь Дэвид Рад указывает на центральность этой главы в рамках повести и называет Пана «главным связующим

элементом произведения» [11, с. 9]. Ветер в ивах, ветер в камышах – это еще одна ипостась волшебного Пана. Именно этот чарующий ветер пробудил у Крота «божественное необоримое желание»³ («divine discontent and longing») [8, с. 5] бросить весеннюю уборку и поспешить из норы наружу. Тогда ветерок поощрительно, «ласково обдул его разгоряченный лоб» [1, с. 11–12]. Так Крот, сам того не осознавая, впервые встречается с Паном, чтобы впоследствии научиться, «приникая ухом к тростниковым стеблям, <...> подслушивать, что <...> всё время нашептывает и нашептывает [ему] ветер» [1, с. 32]. Много позже Крот станет одним из двух «избранных», перед чьими очами явится «тот, кто играет на Свирели» [1, с. 159], – еще один облик Пана.

Несмотря на символичность и условность образа Пана, и Стивенсон, и Грэм предлагают читателю портреты, в которых этот «персонаж» почти что материализуется. Стивенсон обращает внимание на его «ликующий разъяренный взгляд» («gleeful and angry look»), «козлиные ноги» («goat-footed»). Его Пан топает копытом, в пальцах он держит флейту, наигрывая на ней губами.

Грэм в повести «Ветер в ивах» пишет еще более детальный портрет: кажется, что Пан действительно существует и до него можно дотронуться рукой: «<...> [Крот] ясно увидел кудри и крючковатый нос между добрыми глазами, которые смотрели на них ласково, а рот, спрятавшийся в бороде, приоткрылся в полуулыбке, увидел руку возле широкой груди и другую руку, которая держала свирель, только что отведенную от губ, видел крепкие ноги, прочно опирающиеся на дерн <...>» [1, с. 159]. Однако материализовавшийся при свете луны персонаж исчезает с восходом солнца. Грэм называет Пана «видением». Доказательством существования Пана служит только отпечаток копыта на свежей земле: «Какой-то... большой... зверь был тут» – говорит Рэт («some—great—animal has been here») [1, с. 161]. Реальные факты и призрачные видения сливаются вместе, мерцают друг через друга. На пересечении реального и призрачного выписан грэмовский образ Пана – особенность, присущая романтическим и неоромантическим образам.

Другая черта образа Пана, вдохновленная романтизмом, – его звуковая составляющая. У Грэма Пан взывает к своим подопечным зверям голосом поющего ветра. Стивенсоновский мир также наполнен музыкой. Ее слышат молодые ягнята – и скачут под нее, словно под звуки барабана. Подлаживается под эту мелодию и юная лондонская торговка, прыгающая в неуклюжем танце. Кажется, что мелодия Пана управляет миром – и гармонизирует его. Этот «грубый нелепый напев, пронизывающий всю ткань мироздания» («uncouth, outlandish strain through out the web of the world») [12, с. 279], руководит действиями и порывами всего, что ды-

шит и движется: «О чем поют птицы среди ветвей, когда приходит пора токования? Что кроется в шуме дождя, широкою пеленой накрывающего дальний лиственный лес? Под какую мелодию навсвистывает рыбак, когда тянет поутру свою сеть – и рыба, искристая, яркая, грудой ссыпается на дно его лодки? Всё это – музыка флейты Пана; это он, возрадовавшись душой, подул – и полетели ожившие звуки, направляемые его улыбчивыми губами и бойкими пальцами» [12, с. 281–282].

Мелодия грэмовского Пана не менее повелительна. Ср., например, эпитеты, которое использует автор: настойчивый, властный, дурманящий (букв. *imperious, dominant, intoxicating*). Звери беспрекословно повинуются этой мелодии, впадают в транс под ее влиянием. Красноречив выбор слов, предложенный в этой связи Грэмом: плененный, околдованный, обвороженный, зачарованный (букв. *entranced, spellbound, charmed, enchanted*). Неудивительно, что слова, которые дядюшка Рэт различает в шелесте камышей, на которых играет ветер, звучат как заклинание, эффект от которого усиливается рефреном «forget» («забуди»).

И Стивенсон, и Грэм называют мелодию Пана «танцевальной» (ср.: «dance-music» [8, с. 79]; «universal dance» [12, с. 283]). Проникнувшись этой мелодией, трудно не пуститься в пляс. Однако при этом находятся люди, «профессоры в очках» и «банкиры», которые созерцают жизнь, словно хмурые зрители, и не желают участвовать в общем веселье [12, с. 283], – и тогда разгневанный Пан насылает на них знаменитый «панический ужас», тот самый, что, согласно легендам, обратил вспять войска в битве при Маратоне.

Владения, где царит Пан, – мир природы, лесистые берега рек, роши – у Стивенсона и Грэма описаны не вполне одинаково: между картинками, созданными двумя авторами, имеется ряд различий. Стивенсон характеризует сельские и лесные уголья Пана как «залитые солнцем, исполненные вожделения и безжалостности» (букв. «It is a rustic world: sunshiny, lewd and cruel» [12, с. 281]). Грэм рисует владения Пана иначе. Это мир тенистый, хранящий торжественную тишину, успокаивающий и спасительный для животного мира.

Рассмотрим три основные характеристики Пана, относительно которых Стивенсон и Грэм не вполне едины во мнении.

1. Солнечный (*Sunshiny*).

У Стивенсона Солнце и Пан – это «лица» негодующей природы. Наивный человек верит в свое торжество над «огромным раскаленным светилом», в сравнении с мощностью которого «пожар, уничтоживший Рим, кажется лишь крохотной вспышкой» [12, с. 280]. Он приспособил его к своим нуждам, он смеет пить чай под его лучами – и это притом что солнце – совсем как Пан – может убить человека в любую секунду. Мир стивенсоновского солнца –

это вселенная «чертовых фейерверков, шумных, ревущих, враждебных всему живому» [12, с. 280].

У Грэма Солнце Речного берега вовсе не кажется злым и жестоким – напротив, оно источает тепло и несет свет. Недаром тонущий в Реке Крот воспринимает его лучи как символ ускользающей от него жизни: «каким добрым и родным казалось солнышко, когда он, отфыркиваясь и откашливаясь, выныривал на поверхность. И как черно было его отчаяние, когда он чувствовал, что погружается вновь» [1, с. 29]. Не будучи враждебны обитателям речного берега, Солнце и Пан, однако, плохо уживаются между собой⁴. Мир Пана тенист (ср.: неоднократно повторяющиеся слова «shady», «shadow», «shade»). Ветер противостоит жару солнца, обдувая разгоряченный лоб Крота или же принося «благословенную прохладу» на закате знойного дня [1, с. 152]. При этом Грэм косвенно отмечает превосходство мира Пана над миром солнца – например, когда описывает, как выглядят цветы на рассвете: «Солнце уже совсем взошло <...>, и цветы улыбались и кивали с обоих берегов, хотя они были не такими яркими, как, помнилось, они где-то недавно видели, сами не зная где» [1, с. 161].

2. Слостолюбивый (*Lewd*).

В стивенсоновском эссе миром управляет энергия страсти. Краски яркие, запахи пряны, цветы плодоносны, воздух напоен ароматами. Животные всё время возбуждены: лошади бьют копытом, ягнята скачут, недвусмысленно упомянута «пора токования». Повествование – если можно так сказать – то шумит и грохочет, то на секунду затихает и плавно скользит, чтобы взорваться грохотом с новой силой. Картины меняются со скоростью кадров в видеоклипе: «Грубое ликование чабана, чей хохот сотрясает долину, вышибая из скал звучное эхо; ноги, ритмично ступающие по освещенным городским улицам или мягко скользящие по паркету бального зала; огромные стада лошадей, что беспокойно взрывают копытами землю обширных пастбищ; песнь торопливых рек, синева ясного неба, улыбки, сердечные рукопожатия, голос всякого существа, его выразительный взгляд, дыхание, несущее новые чувства, – вот она, радостная мелодия, под которую вся планета стройно и слаженно печатает шаг» [12, с. 282]. Мир стивенсоновского Пана вечно бежит, исступленно стремится куда-то, увлекаемый извечной страстью, которой никто не в силах противиться. Недаром Стивенсон пишет, что «нет ни единого человека, чье сердце не трепетало бы при звуках Пановой флейты» [12, с. 283].

Мир грэмовского Пана столь же ярок и красочен, но при этом божественно тих; даже птицы не поют в предутренний час, когда «природа, окрашенная невероятным розовым цветом, примолкла, затаив дыхание» [1, с. 159]. Повествование у Грэма разворачивается неспешно и плавно; описание «внезапного» восхода солнца занимает у него це-

лых 5 строк [см.: 8, с. 77; ср.: 1, с. 160]. На фоне уже упомянутых походов Тоуда или, скажем, злоключений Крота в Дремучем Лесу глава «Свирель у порога зари» предстает удивительно спокойной и мирной. В ней нет вечного стремления нестись куда-то за горизонт, нет бурной энергии – но есть тишина.

3. Жестокий (*Cruel*).

У Стивенсона этот аспект четко отражен всего в одной фразе: «Отстранять руку от розы, опасаясь шипов, отстраняться от жизни, опасаясь смерти – вот что значит бояться Пана» [12, с. 285]. Пан Стивенсона не просто пугающ. Он воплощает собой сильнейший из человеческих страхов – страх перед смертью. Пан не только способен убить – он действительно убивает, или вернее сказать – собирает жатву («toll»). Его «ликующий разъяренный взгляд» – это взгляд языческого божества, торжествующего над безвольной покорностью подданных. Он – сама природа, хищная и кровожадная, «под ласковыми прикосновениями» которой «скрываются предательские когти». Убийственна в его мире даже любовь и ее плоды – ведь даже дитя слишком часто рождается на свет ценой материнской жизни [см.: 12, с. 284]. Повелительный и властный, Пан несет людям истину – если не через веселье, то через кару, не через радость – так через трепет [см.: 12, с. 286].

Мелодия грэмовского Пана также пугает (ср. определения «трепещущий» («trembling») [1, с. 156; 8, с. 75, 76]; «беспомощное создание» («helpless soul») [8, с. 76]; «испуганный» («cowed») [8, с. 76]; «дрожящий» («shaking») [8, с. 77]), однако правдивая мощь его призывов познается не благодаря страху – но вопреки ему: «[Крот] не мог не посмотреть [на Пана], даже если бы сама смерть мгновенно справедливо его поразила за то, что он взглянул смертными глазами на сокровенное, что должно оставаться в тайне» [1, с. 156].

Грэмовский Пан тоже повелителен – но он не таит в себе ничего зловещего. Если Пан Стивенсона – языческое божество с ликующим взглядом, то Пан Грэма – добрый и любящий Отец с ласковыми глазами, который заботится о своих заблудившихся – и заблудших – детях⁵, обезвреживая капканы и ловушки – буквальные и метафорические – чтобы зверьки не поранились (ср.: «Прихожу, чтоб не мучился ты | Я пружину капкана сломать» [1, с. 163]). Недаром Рэт ощущает себя так, словно кто-то «заклучил его, маленького, трепещущего, в свои сильные и мощные объятия» («happy infant in a strong sustaining grasp») [1, с. 156; 8, с. 75], а малыш Портли предстает после исчезновения Пана «как дитя, которое уснуло счастливым на руках у няни, и вдруг пробудилось в одиночестве и в незнакомом месте, и бежит по комнатам, ничего не узнавая, и отчаяние всё больше и больше овладевает его сердечком» [1, с. 161].

Подведем некоторые итоги. Создавая своих персонажей, Стивенсон и Грэм используют ряд сходных приемов. Оба автора противопоставляют мир города и коммерции миру природы (относя Пана к последнему). Оба культивируют «естественное» и отвергают искусственное. Мистическое у них пронизывает действительное, фантазия и мечта переплетаются с реальным миром, и в обыденную жизнь проникают сказочные и фольклорные мотивы. Оба писателя обильно используют звуковые образы (пусть и обладающие разной окраской).

Конечно, грэмовский Пан выписан мягче, чем Пан Стивенсона. Рассказчик скрадывает недружественные «цивилизованному» человеку черты Пана, приближает читателя к Пану благодаря особому приему: посредничеству сказочных персонажей – животных, которые повадками, мыслями, характерами и даже бытом напоминают людей.

Есть в грэмовском образе и не вполне характерные для козлоного бога черты. Пан Грэма не внушает панический ужас (ср.: «It was no panic terror» [8, с. 76]) – тот тяжелый невольный страх, который обычно связывают с именем его древнегреческого тезки. Пан Грэма не сластолюбец и не брызжет весельем. Крот и Крыс затрудняются описать эмоции, оставшиеся у них после встречи с Покровителем леса. Одному кажется, что эти переживания были все-таки на грани с легким испугом: «<...>мы испытали нечто удивительное и даже страшное», а другой чувствует скорее благой трепет: «Или что-то удивительное, и прекрасное, и красивое», – говорит он [1, с. 163].

Впрочем, подвести этого Пана под конкретную категорию тшачся не только обитатели Речного Берега, но и литературоведы. К примеру, Питер Грин выделил три основных типа портретов этого божества, встречающихся в английской литературе *fin de siècle*: 1) безудержно и бессмысленно жестокий Пан; 2) веселый и сластолюбивый волокита; 3) беззаветно любящий окружающих – Пан из «Ветра в ивах» [см.: 9, с. 161]. Как видим, Пан из «Ветра в ивах» занимает исключительное место в литературе своего времени. Он стоит особняком и пока еще остается не до конца разгаданной загадкой, вдохновляющей новых исследователей на изучение феномена английского неоромантизма.

Примечания

¹ Любопытно, что делая упор на слове «всё», Рабле обращается к этимологическим истокам имени Пана (ср. *греч. πάς* – «весь») и функции Пана как «божества всего, что есть в мире».

² Если не оговорено иначе, заглавия и цитаты из «Ветра в ивах» приводятся в переводе И. Токмаковой.

³ Здесь перевод мой. – Г.В. В версии И. Токмаковой слово «божественный» не фигурирует.

⁴ Противостояние это, возможно, восходит к «Апрельскому Пану», где солнце, пусть «шо-

кированное и возмущенное» [7, с. 38], но всё же освещало паровой катер Меркурия и лужайку, где возлежал Аполлон – тот самый мир, от которого убегал Пан.

⁵ Хант отмечает, что одним из черновых названий книги было «Дети Пана» («Children of Pan») [см.: 10, с. XV].

Библиографический список

1. Грэм К. Ветер в ивах / пер. с англ. И. Токмаковой. – М.: Детская литература, 1998. – 287 с., ил.
2. Мережковский Д.С. Неоромантизм в драме (1894) // Д.С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. – М.: Наука, 2007. (Сер. «Литературные памятники» РАН). – С. 535–562.
3. Милтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. – М.: Художественная литература, 1976. – 573 с.
4. Рабле Фр. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. Н.М. Любимова, Ю.Б. Корнеева. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 728 с., ил.
5. Dingley R. Meaning Everything: the Image of Pan at the Turn of the Century. Twentieth Century Fantasts: Essays on Culture, Society and Belief in Twentieth-Century Mythopoeic Literature // Twentieth-Century Fantasies / ed. Kath. Filmer. – L.: Macmillan, 1992. – P. 47–59.
6. Eusibius of Caesarea. Praeparatio Evangelica. V. XVII.
7. Grahame K. The Rural Pan (An April Essay) // Grahame K. Pagan Papers. – L.: E. Mathews and J. Lane, 1894. – P. 34–38.
8. Grahame K. Wind in the Willows / ed. P. Hunt. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – XLII + 176 p.
9. Green P. Kenneth Grahame, 1859–1932: A Study of his Life, Work and Times. – L.: J. Murray, 1959. – 400 p.
10. Hunt P. Introduction // Grahame K. The Wind in the Willows / edited with an Instruction and Notes by Peter Hunt. – N.Y.: Oxford University Press, 2010. – P.VII–XXXII, 146–170.
11. Rudd D. «Deus ex Natura or Non-Stick Pan?» Competing Discourses in Kenneth Grahame's *The Wind in the Willows* // Kenneth Grahame's *The Wind in the Willows: Children's Classics at 100* / ed. J. Horne and D.R. White. – Oxford: Scarecrow Press, 2010. – P. 3–21.
12. Stevenson R.L. Pan's Pipes // Stevenson R.L. *Virginibus Puerisque and Other Papers*. – L.: C. Kegan Paul & Co., 1881. – P. 279–287.

Лебедев Андрей Юрьевич

кандидат педагогических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

adrei.y.lebedev@gmail.com

ТВОРЧЕСТВО И СТИЛЬ «ЛИВЕРПУЛЬСКИХ ПОЭТОВ»

Статья представляет собой краткое введение в творчество «ливерпульских поэтов», группы молодых бит-поэтов из Ливерпуля: А. Генри, Р. Макгофа, Б. Паттена, популярных в Великобритании в 60-е годы XX века. Современники знаменитой «ливерпульской четверки», «ливерпульские поэты» получили признание не только благодаря чрезвычайной популярности Ливерпуля в молодежной среде по всему миру, но и благодаря собственным оригинальным экспериментам с устным поэтическим словом. Установка на непосредственный живой контакт с аудиторией во многом определила специфику их творческого метода. Элементами такого метода следует считать, во-первых, неформально-развлекательный, перформативный характер выступлений и перекрестное использование различных сценических приемов воздействия: музыкальное сопровождение, вокализация, распев, визуальная наглядность, костюмы, короткие драматические этюды-пародии. Во-вторых, акцент на разговорную тональность как выступлений, так и языка самих поэтических произведений. В-третьих, активное использование местных ливерпульских реалий и особенностей повседневной жизни рядового горожанина. В этом смысле, деятельность «ливерпульских поэтов» можно было бы считать провинциальной. С другой стороны, демонстративная провинциальность обычно включает в себе вызов истеблишменту. В данном случае, вызов столичному Лондону, традиционному законодателю мод, новых веяний и критических оценок. Ориентация на популярный массовый вкус позволяет критикам поместить «ливерпульских поэтов» в категорию поп-поэтов. Но если для какого-то поэта такая оценка может звучать смертельным приговором, то для ливерпульской тройки – это знак признания и успеха. В качестве иллюстрации в статье предлагается разбор стихотворения А. Генри.

Ключевые слова: ливерпульские поэты, идентичность, перформанс, перформативная поэзия, бит-поэт, поп-культура, художественная эклектика.

Знаменитое высказывание У. Уитмена, родоначальника современной американской поэзии, о том, что «to have great poets, there must be great audiences, too» [4], неизбежно породило диаметрально противоположные толкования в XX веке. С одной стороны, оно звучит решительным вызовом элитарной культуре и утверждает примат эгалитарности в художественном творчестве. С другой стороны, Уитмен говорит не о поэтах вообще, а о «великих» (great) поэтах, равно как и о «великих» читателях. Поэтому И. Бродский, например, перефразирует слова Уитмена: «Великая поэзия возможна только при наличии великих читателей» [5]. Разночтения возникают, до определенной степени, по причине полисемичности самого прилагательного «great», которое может обозначить как количество, так и качество предмета или явления. В результате, величие поэта (поэтов) можно объяснять наличием конгениальных читателей – элитарная установка. Но можно его объяснять и популярностью в широких кругах читательских масс – эгалитарная установка. Иначе говоря, не свита делает короля, а сам народ. Именно эта установка оформляет различные художественные эксперименты поп-культуры второй половины XX века. Под поп-культурой здесь понимается художественная разновидность массовой культуры с авангардистскими взглядами и практиками, направленными на преодоление застойности и косности официальной культуры. Одним таким художественным опытом можно считать деятельность группы ливерпульских поэтов в 1960-е годы, известных как «The Mersey Beat/Sound», а позднее как «Liverpool Poets».

На рок-радио «Франческа» Ливерпуль 1960-х живописно описывается как город, пропахший пивом, город работаг, дешёвых столовок и закопчённых стен, где «бит-группы прорастали из каждой щели, как шальные городские грибы. В начале шестидесятых в Ливерпуле было пятьсот групп, на их громкий, грязноватый звук выстраивались очереди. Это и был Merseybeat». [3] Конечно же, как и любое движение, «ливерпульских поэтов» несправедливо сводить к деятельности некоего постоянного объединения. Движение потому и движение, потому что оно изменчиво, эклектично и противоречиво. Тем не менее в центре ливерпульского эксперимента находится деятельность трех знаковых фигур – Адриана Генри (Adrian Henri), Роджера Макгофа (Roger MacGough) и Брайана Пэттена (Brian Patten). А. Генри (1937–2003) – художник по образованию и по источникам заработка, поэт, либреттист и шоумен по призванию. Р. Макгоф (род. 1937) – остроумный эстрадный поэт, шоумен, в дальнейшем радиоведущий, автор книг для детей и драматург. Б. Пэттен (род. 1946) – журналист, лирический поэт, талантливый шоумен. Бурный Mersey Zeitgeist ранних 60-х свел их вместе и способствовал появлению оригинальных совместных проектов, которые сейчас принято называть перформативной поэзией, где основной упор делается на живые музыкально-поэтические выступления на публике.

В 1960-е годы Ливерпуль – некогда мощный порт и индустриальный центр на северо-западном побережье Великобритании – пребывал в экономическом упадке. Сократилась торговля, продолжали закрываться доки, а кораблестроительные

компании уже не могли конкурировать с азиатскими производителями. Так, к 1980-м Ливерпуль стал первым городом в стране по количеству безработных. Однако в культурном отношении экономическая стагнация вызвала к жизни небывалый взлет творческой активности в молодежной среде, получившей название «ливерпульской эйфории». Неожиданно Лондон, традиционный культурный центр, законодатель мод и всяческих новых веяний, оказался в стороне. Главные культурные события происходили в провинциальном Ливерпуле. Самым значительным событием того времени, разумеется, можно считать стремительное международное признание ливерпульской бит-группы «The Beatles».

Понятно, что их успех не стоит объяснять всего лишь счастливым стечением обстоятельств и волей случая. «Битлз» появились в нужном месте, в нужное время, в нужной среде.

Важной отличительной особенностью этой среды является исторически тесная связь с американской культурой. В первую очередь, с американской массовой культурой.

Американская популярная музыка, американские журналы и комиксы, американское радио, американские фильмы, американская поэзия, американский образ жизни как таковой попадали в Англию прежде всего через портовый город Ливерпуль. Ливерпульские моряки, работавшие на трансатлантических судах на линиях «Gunard» или «Blue Star», регулярно привозили из Нью-Йорка и Нового Орлеана пластинки с записями современной музыки, американский ширпотреб и главное – американский образ мысли. Ливерпульская молодежь мгновенно впитывала американские влияния, сначала просто старательно копируя американские образцы, а затем творчески перерабатывая их, создавая свои собственные работы: музыкальные, поэтические, музыкально-поэтические и проч.

«Ливерпульские поэты» также активно американизовались. Об этом, в частности, говорят уже названия отдельных ранних стихов. А. Генри: «Tonight at Noon (for Charles Mingus and the Clayton Square)», «Adrian Henri's Talking After Christmas Blues», «Car Crash Blues», «Batpoem». Р. Макгоф: «Goodbat Nightman». Б. Пэттен: «Where are you now, Superman?» Более того, нередко «Ливерпульские поэты» представляют английской копией американских битников 1950-х А. Гинзберга, Дж. Керуака, Л. Ферлингетти и др. Тем более что Гинзберг лично посетил Ливерпуль в мае 1965 года, встречался с «ливерпульскими поэтами» и даже лестно отозвался о культурной жизни города как о «центре творческого мира» («center of the creative universe»). На самом деле, все гораздо проще и гораздо сложнее. «Ливерпульские поэты» никогда не отрицали внешние влияния, в том числе и влияние творчества битников на свое мировоззрение, но никогда и не отождествляли себя

с ними. Например, внешним влиянием А. Генри посвящает стихотворение «Me» («Про меня») [2, с. 68], представляющее собой ответ на вводный вопрос: «If you weren't you, who would you like to be?» Стихотворение состоит из ритмизированного перечня имен знаменитых людей прошлого и настоящего:

Paul McCartney Gustave Mahler
Alfred Jarry John Coltrane
Charlie Mingus Claud Debussy
Wordsworth Monet Bach and Blake (...)

Всего в стихотворении звучат имена тридцати поэтов и писателей, двадцати одного композитора и музыканта, десяти общественных деятелей, политиков и философов. Среди них несколько русских имени – Kropotkin, Bakunin, Trotsky, Stravinsky, Shostakovich, Dostoievsky, Mayakovsky. Причем фамилия Mayakovsky объединена со странным, на первый взгляд, именем Ernst, т.е. Ernst Maykovsky. По всей видимости, Генри имел в виду Эрнста Буша (1900–1980), немецкого актера и певца-антифашиста, записавшего на пластинку в 1957 году «Левый марш» Маяковского (в немецком переводе Хуго Хупперта «Linker Marsch») на музыку Ганса Эйслера.

Известно, что при работе над стихотворением Генри первоначально составил список своих культурных или даже культовых героев. При поверхностном знакомстве порядок перечисления имен в стихотворном варианте может показаться совершенно произвольным и эксцентричным. Иногда люди представлены полным именем, как, например, Paul McCartney и Gustave Mahler в первой строке. Но иногда только фамилией: Wordsworth Monet Bach and Blake. А иногда и просто первым именем: Leonardo (2-я строка второго четверостишия) или Ringo, George and John (4-я строка третьего четверостишия). Семантическая мотивировка сопологаемых имен кажется слабо выраженной или даже нулевой. Скажем, если тройка Ringo, George and John явно указывает на трех знаменитых битлов и дополняет названного ранее полным именем Пола Маккартни, то совсем неясно, почему в начале строки стоит Kropotkin.

Формально стихотворение организовано в шесть последовательных катренов, четыре терцета, и два заключительных катрена, с разбитой финальной строкой в последнем. В письменном варианте в нем прямо не прослеживаются ни сколь-либо заметный ритмический рисунок, ни ясная рифма. В первой половине стихотворения строчки в целом следуют силлабической схеме 8-7-8-7 слогов. Небольшое отклонение появляется в последней строке третьего катрена:

Belà Bartók Henri Rousseau
Rauschenberg and Jasper Johns
Lukas Cranach Shostakovich
Kropotkin Ringo George and John.

Здесь уже восемь слогов, которые, впрочем, легко подвергаются небольшой компрессии в устном выступлении, когда последние три слова превращаются в George'-n'-John. В дальнейшем, однако, количество строк и количество слогов в строке начинает варьироваться. Другими словами, традиционные формальные признаки стихотворения своим отсутствием или слабой выраженностью мало чем помогают в его экспликации. Тем не менее картина решительно преобразуется, если это стихотворение рассматривать как перформативный акт. Во всяком случае, именно таковым его видел сам А. Генри. На сохранившихся записях мы слышим, как автор распевно декламирует свой перечень имен на четыре музыкальных такта, с четырьмя сильными ударениями на строку. Стихотворение обретает выразительную ритмику плавного движения. В заключительном катрене, к моменту кульминации, строчки значительно удлиняются – 10–11 слогов каждая.

Настойчивое четырехкратное повторение «and» также подготавливает близкую развязку:

Stéphane Mallarmé and Alfred de Vigny
Ernst Mayakovsky and Nicolas de Staël
Hindemith Mick Jagger Dürer and Schwitters
Garcia Lorca
and
last of all
me.

То есть в последнюю очередь лирический субъект хотел бы быть самим собой. Курт Воннегут в романе «Mother Night» (1961) написал: «We are what we pretend to be, so we must be careful about what we pretend to be». Перечень имен в стихотворении Генри, по сути дела, и есть перечень тех ипостасей своего творческого 'Я', которые он, с одной стороны, в том или ином виде ощущает в себя, и с другой – провозглашает в качестве амбициозной программы саморазвития. Получилось своего рода символическое сочинение на тему культового в то время в англоязычной среде слогана А. Рэмбо: «I is another».

Наконец, помимо выразительной ритмической вокализации собственных имен, звучащее стихотворение отчетливо артикулирует и другие знакомые акустические эффекты, характерные для поэтического текста и обеспечивающие его звуковую спаянность. Такие, как ассонанс («Danilo Dolci Napoleon Solo»), обильная аллитерация («Bach and Blake», «Jasper John», «Bela Bartok») или консонанс («MacCartney, Mahler», «Kafka Camus», «George and John», «Ernst Stael», «Lukas Cranach Shostakovich»). Иными словами, мы имеем дело с законченным звуковым художественным произведением, имеющим вступление, движение вперед, или развитие, и кульминацию. По свидетельствам современников и очевидцев, в 1960-е А. Генри обязательно включал его в программу публичных

шоу-конcertов для исполнения на широкую народную аудиторию.

С самого начала «ливерпульские поэты» отмежевались от поэтических бит-групп, увлекавшихся поэтическими чтениями под музыку авангардного американского джаза и работавших на удовлетворение эстетических запросов образованного среднего класса. Вместо слепого подражания американской моде, они попытались синтезировать свой собственный перформативный стиль. Так их целевой аудиторией стал простой человек с улицы, рабочий класс – не слишком эрудированный, не особенно разбирающийся в поэзии или в музыке, но умеющий оценить хорошую шутку, веселый номер или смешную песню. Попросту говоря, «ливерпульские поэты» стали писать поп-поэзию для «пролетариата» и простого народа. И если приставка «pop-» обычно придает слову уничижительный смысл, то для «ливерпульских поэтов» она означала «the popular» («of the people»), то есть из народа и для народа. Выбранная доминанта определила и принципы их творческой деятельности. Среди важнейших следует назвать, во-первых, установку на предельно простой разговорный язык и легко узнаваемые аллюзии. Во-вторых, локализацию содержания стихотворных текстов в реалиях повседневной жизни Ливерпуля, экономической, политической, социально-культурной и проч. Соответствие слова объективной реальности, по Дж. Серлзу (word-to-world fit). В-третьих, выбор комплексных форм проведения шоу-конcertов, с привлечением различных музыкальных и аудиовизуальных средств и приемов воздействия и взаимодействия с публикой (cross-media). Способность вовлечь публику в процесс выступления считалась критерием успеха.

Отдельной концертной площадки для своих выступлений «ливерпульские поэты» никогда не имели. В основном их деятельность протекала в районе 'Liverpool 8' (по почтовому индексу), недалеко от центра города, где они проживали сами и где располагалось множество пабов, клубов, небольших кафе и прочих заведений. В этом тоже был свой принцип. Поэзия должна быть там, где трудовая общественность собирается, чтобы хорошо провести время – отдохнуть, поесть, выпить, потанцевать, посплетничать и т.д. Поэтому местом выступления обычно оказывался небольшой паб, кафе или бар. Примерно так же в свое время по Америке распространялся джаз, покоря сердца неуклонно растущего числа поклонников. Джаз был музыкой увлекательного досуга – good-time music. «Ливерпульские поэты», в свою очередь, предложили самобытную вариацию на тему good-time poetry.

Вернемся снова к стихотворению «Me» и посмотрим, как его мозаичное строение отражает названные выше принципы. По внешним при-

знакам, по-видимому, почти никак. Нет здесь ни разговорной речи, ни легко узнаваемых ливерпульских реалий, за исключением имен знаменитой четверки. С другой стороны, стихотворение наполнено именами иноязычных знаменитостей, явно не входящих в апперцептивную базу неприятельного жителя Ливерпуля, да и не только Ливерпуля. Взять хотя бы семь упоминаний разнокалиберных русских/советских исторических фигур: Kropotkin, Bakunin, Trotsky, Stravinsky, Shostakovich, Dostoevsky, Mayakovsky. Два революционера-анархиста, один революционный государственный деятель, два авангардных композитора, один писатель и один революционный поэт. И если для подготовленного русскоязычного читателя не составит труда найти общий знаменатель для русского перечня и объединить их в категорию, скажем, «революция» или «авангард», то для неподготовленного англоязычного читателя/слушателя даже эти нехитрые связи, скорее всего, далеко не так очевидны. В этом смысле, стихотворение «Me» носит ярко выраженный эксклюзивный характер, то есть ожидает от аудитории мгновенного узнавания всех этих людей и того, чем они известны. В то же время оно необходимо инклюзивно, поскольку для достижения нужного эффекта нуждается в участии публики в акте исполнения. Иначе говоря, от нее ожидается не просто знать звучащие имена, но и показать исполнителю, что они с ним на одной волне, что они понимают, о чем или о ком идет речь. Будь то одобрительный возглас, смех, кивок головой, выражение лица, мимика, жест и т.д. Как бы то ни было, публичное исполнение стихотворения, как известно, неизменно имело успех. Нужно полагать, что в данном случае суггестивные механизмы правильно выстроенного выступления успешно компенсировали наличие в тексте незнакомых звуковых комплексов.

Некоторые типичные приемы суггестии мы уже назвали: ритмизация, вокализация или голосовые модуляции. Назовем еще один – расстановка психологических «якорей» в тексте, позволяющих быстро захватить внимание аудитории и вызывать позитивное, эмпатическое отношение к выступающему. Например, Paul McCartney – очевидный «якорь». Первое имя в стихотворении и первое имя в строке. Все знают и любят Пола Маккартни, поэтому взрыв позитивных эмоций практически гарантирован. Gustave Mahler – значительно менее узнаваемое имя, но это теперь неважно. Уже одного того, что он идет следом за Маккартни, вполне достаточно, чтобы понять, что это должно быть достойный человек и заслуживает одобрения. В результате, Малер купается в лучах славы Маккартни. Переставь имена местами, и эффект будет утрачен. А. Генри размещает такие «якоря» по всему тексту. Некоторые из них обращены ко всей публике: Ringo John and Paul, Manfred Mann, Mick Jagger,

Roger McGough. Примеры «якорей» для читающей аудитории: James Joyce and Hemingway, William Burroughs, Ray Bradbury, D.H. Lawrence, Kafka, Dostoevsky, Rimbaud, T.S. Eliot, Wordsworth, Alfred, Lord Tennyson и др. Для поклонников авангардного джаза: John Coltrane, Charlie Mingus, Charlie Parker, Miles Davis, Thelonus Monk. Есть «якоря» для любителей классической музыки, для знатоков живописи, для ценителей оригинальных политических и философских идей. Никто не остается в стороне, каждому достается свой личный кусочек культурно значимого восторга: я знаю это имя, я тоже им восхищаюсь. Так устанавливается душевные взаимопонимания с залом, создается веселая, неформальная, душевная атмосфера мюзик-холла или балагана, в которой всем хорошо, и хочется, чтобы это состояние длилось. Good time poetry. Ну и, конечно же, Генри, педагог по совместительству, не мог упустить возможности лишней раз просветить свою аудиторию. Те, кому выступление запомнилось, наверняка захотят, по случаю, заглянуть в печатный текст стихотворения и, может, даже расширить свои культурные горизонты. Эксклюзивность и инклюзивность находят друг друга.

Стихотворение «Me» – своего рода визитная карточка А. Генри. Но имена его культурных героев периодически появляются и в других его работах. В частности, имена джазовых музыкантов. Одно известное стихотворение Генри называется «Tonight at Noon (for Charles Mingus and the Clayton Squares)» [2, с. 13]. Упоминаемая в посвящении ливерпульская R&B группа «The Clayton Squares» возникла в феврале 1964 по инициативе шестерки молодых энтузиастов джаза. «Ливерпульские поэты» периодически сотрудничали с ними на совместных перформативных проектах. Все это и многое другое – рабочий материал для «ливерпульских поэтов», писавших для широкой публики, для масс, для «great audience», по Уитмену. В нем они искали и находили свою идентичность.

Библиографический список

1. The Liverpool Scene / ed. by Edward Lucie-Smith. – Garden City, N.Y.: Doubleday & Co, 1968. – 127 p.
2. The Mersey Sound Revised / ed. by Henri, Adrian, McGough, Roger, Patten, Brian. – L.: Penguin Books, 1983. – 153 p.
3. Francesca Pirate Radio. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.franceska.fm/> (дата обращения: 10.04.2016).
4. Whitman W. Ventures, on an Old Theme' // Walt Whitman (1819–1892). Prose Works. 1892." [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bartleby.com/229/3003.html> (дата обращения: 10.04.2016).
5. Бродский И. Поэт и проза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_poetprosa.txt_Ascii.txt (дата обращения: 10.04.2016).

Денисова Тамара Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
tamaradenisova@yandex.ru

НЕМЕЦКАЯ КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ. НОВЫЕ ИМЕНА: НАДЯ АЙНЦМАНН

В немецкой литературе короткая история (в ее современной форме) получила широкое распространение после II Мировой войны. Понятие «Kurzgeschichte» является заимствованным из американской литературы. Но, в отличие от американского понятия «short story», в немецкой литературе короткий рассказ противопоставляется другим малым жанровым формам, таким как новелла, очерк, исторический анекдот. События процесса объединения Германии, последствия политических, экономических и социальных изменений в жизни страны отразились в темах и проблематике литературных произведений того времени. Молодое поколение немецких писателей второй половины XX – начала XXI века основное внимание в своих произведениях уделяет теме борьбы человека за выживание в современном технократическом мире. Современная немецкая короткая проза представлена текстами, в которых писатели делятся своим опытом, используя различные художественные приемы. К такой литературе относятся короткие истории немецкой писательницы – Нади Айнцманн. В своих произведениях она затрагивает актуальные темы современного общества. В них речь идет об отношениях между мужчиной и женщиной, между пожилыми и молодыми людьми, которые пытаются понять друг друга в различных ситуациях повседневной жизни, о возможностях найти собственное «я», о трудностях, возникающих на пути к достижению своих целей. Незамысловатые по сюжету короткие истории Н. Айнцманн заставляют читателя задуматься о собственном жизненном опыте и собственных проблемах.

Ключевые слова: Н. Айнцманн, немецкая короткая история, современная немецкая писательница, актуальные темы, сюжеты, художественные приемы.

В немецкой литературе короткая история (в ее современной форме) получила широкое распространение после II Мировой войны. Понятие «Kurzgeschichte» является заимствованным из американской литературы – «Short story». Возникновение этого жанра было связано с тем, что популярные с начала XIX века карманные литературные издания, альманахи, журналы способствовали развитию коротких, не связанных между собой по содержанию, рассказов.

Предшественниками короткого рассказа в XIX веке были: в Америке – Эдгар Алан По, во Франции – Ги де Мопассан, в России – Николай Гоголь. Это были преимущественно комические рассказы, детективные или любовные истории. В течение следующего столетия цель замысла рассказа передвинулась от происходящих событий к психологии фигур. Одновременно развивался интерес к утонченной и экономичной технике повествования. Искусное, мастерское описание последовательности событий, устранение избыточных деталей, тщательный подбор стилистических средств приобретали всё большее значение.

Начиная с 1900 года, ежегодно публикуется огромное количество коротких рассказов (многие из них в газетах и журналах) на разных языках. В Америке, как ни в одной другой стране мира, этот жанр получает всё более широкое распространение, появляется целая плеяда авторов короткого рассказа: Марк Твен, О’Генри, Томас Вольф, Эрнест Хемингуэй, Сомерсет Моэм. В Европе короткий рассказ получил своё распространение не только в Англии, но также и в Италии, Франции, России.

В послевоенной Германии рассказы Э. Хемингуэя, уделявшего большое внимание мельчайшим

деталю и раскрывавшего в тончайших нюансах духовную жизнь героев, стали ярким примером для творчества таких немецких авторов, как Вольфганг Борхерт, Генрих Бёлль, Гюнтер Вайзенборн, Мария Луиза Кашнитц, Ильза Айхингер, Петер Биксель, Гюнтер Кунерт, Герман Кант и др. [2].

Молодое поколение немецких писателей делало попытки найти новые формы, поскольку короткий рассказ послевоенного периода, тесно связанный с событиями этого времени, постепенно теряет свою актуальность. Авторы пытались уделять внимание той тематике, которая была ближе человеку второй половины XX века, – это темы взаимоотношений человека и современного урбанизированного общества, отцов и детей, одиночества. Благодаря лёгкой приспособляемости и жизнеспособности малой жанровой формы стало возможным отразить в ней весь стремительно меняющийся мир.

В 90-е годы XX столетия в стране происходили не только политические изменения, перемены касались и литературной жизни страны. События процесса объединения Германии, последствия политических, экономических и социальных изменений в жизни страны отразились в темах и проблематике литературных произведений того времени. В центре повествования стоит человек определяющийся, сомневающийся, мечтающий найти собственное место в жизни и смысл в ней. Герои произведений ощущают не только внешний раскол в обществе, но и внутреннюю потерянность.

К литературе этого поколения принадлежит антология «Liebe, Tod und Spiel» («Любовь, смерть и игра») [4]. Ее авторы Надя Айнцманн, Юдит Германн и Майке Ветцель родились в 70-е годы XX столетия. В начале двадцать первого века писательницы

успешно дебютировали с сериями своих произведений: Н. Айнцманн «Da kann ich nicht nein sagen» («Тогда я не смогу сказать нет») (2001), Ю. Германн «Sommerhaus, später» («Летний дом, позже») (1998) и М. Ветцель «Hochzeit» («Свадьба») (2000). Основными темами рассказов сборника являются проблемы личностной идентичности и взаимоотношения полов, любовь и смерть, неудовлетворенность жизнью и сожаление об упущенных возможностях. Проблематика произведений является объединяющим моментом в творчестве молодых авторов, описывающих в различной стилиевой манере мир с его повседневными проблемами.

Н. Айнцманн родилась в местечке Мальш недалеко от Карлсруе в 1974 году. Выросла в Гернсбахе и там же в 1993-м году окончила школу. Затем получила образование по специальностям «Германистика» и «История искусства» во Франкфурте-на-Майне, тогда же начала писать свои первые произведения.

Позже в литературных журналах и антологиях начинают появляться ее поэтические работы (сонеты, баллады). Некоторое время спустя ее рассказы публикуются крупным издательством «Фишер», там же печатается ее первый сборник «Da kann ich nicht nein sagen» («Тогда я не смогу сказать нет»). Дважды, в 1998-м и 2000-м годах, она становится лауреатом премии Молодежного Литературного Форума земель Гессен-Тюрингия. В настоящее время живет и работает во Франкфурте-на Майне.

Серия рассказов из сборника Нади Айнцманн «Da kann ich nicht nein sagen» («Тогда я не смогу сказать нет») включает в себя девять коротких историй, посвященных проблемам взаимоотношений людей, поиску смысла жизни. Особое внимание писательница уделяет героине-женщине, ее заблуждениям и надеждам.

Первая история посвящена теме одиночества, ожиданиям женщины счастья и гармонии. Заголовок «Da kann ich nicht nein sagen» («Тогда я не смогу сказать нет») не дает читателю конкретных представлений о ее содержании, но уже настраивает на определенный философский лад. Не обозначая место действия и не называя героиню истории, автор тем самым предоставляет читателю возможность самому оценить ситуацию, проникнуть в смысл жизненной истории.

Сюжет истории основывается на рассуждениях главной героини о любимом мужчине и ожидании его. При этом писательница дает понять, что не так важно, рассуждает ли героиня о реальном или выдуманном мужчине. Женщина ждет любимого мужчину и видит смысл жизни в ожидании и любви к нему. Когда она его встретит, она не сможет ему сказать «нет» или отдать другой женщине.

Тема ожидания единственного мужчины и надежды на счастье пронизывает все произведение. В то же время автор подчеркивает одиночество

и потерянность героини. Ключевым словом данного рассказа является существительное «Liebster» («любимый»), для героини оно является символом счастья всей жизни и повторяется в тексте неоднократно. Она с нетерпением и трепетом ожидает любимого мужчину, ей кажется, что с его приходом все вокруг, весь мир изменится, возможно, изменится и жизнь героини.

Следующая история «Tod oder nicht Tod» («Смерть или нет»), как и предыдущая, посвящена теме взаимоотношения полов, ожидания женского счастья и одиночества. Снова не обозначается место действия и не называются главные герои. Читатель лишь получает представление о том, что это мужчина и женщина. Абстрактность сюжета указывает на обобщенность образов и ситуации.

Автор описывает двух молодых людей, мужчину и женщину, идущих по ночному городу и думающих каждый о своем. Она и он одиноки и все, что связывает этих мужчину и женщину, – только желание совместно провести ночь. Особое внимание, как и во всех историях, Айнцманн уделяет женским переживаниям. Внутреннее состояние героини передает глагол «frieren» (мерзнуть), который и является своеобразным ключевым словом рассказа. «Sie friert, in ihrem dünnen Pullover friert sie, und er bietet nicht an, sie zu wärmen» [4, с. 12]. «Она мерзнет, она мерзнет в своем тонком свитере, а он не предлагает ее согреть» (здесь и далее перевод мой. – Т.Д.).

В этом предложении заключается вся боль одиночества и тоска по человеческому, мужскому теплу. А рассуждения главной героини о смерти и возможности существования и после нее только подтверждают идею рассказа – надежду на новую, счастливую жизнь.

Третья история называется «Hochzeiten» («Свадьбы»). Ее рассказывает девушка, сестра которой хочет выйти замуж. Это известие огорчает ее настолько, что она плачет всю ночь. Писательница не объясняет читателю причину, лишь в начале рассказа героиня признается, что хотела бы быть такой же, как сестра, так же, как она, улыбаться. Вероятно, причиной слез и печали стали сильная любовь к сестре, ревность и нежелание с ней расставаться.

На свадьбе героиня грустит, сидит в одиночестве вдали от всех, много пьет и наутро оказывается в постели с молодым человеком, который, вероятно, пожалел ее и попытался разделить с ней одиночество. В результате героиня тоже выходит замуж, но не по большой любви, а просто потому, что он оказался рядом и позаботился о ней. Счастлива ли героиня, решать читателю, но последние строки о том, что она даже не помнит, как прошла свадьба, заставляют сомневаться в этом: «Er ist nicht der Schlechteste. Er putzt mir die Schuhe und kocht. Es macht Spaß, mit ihm das Bett zu teilen. Aber

die Hochzeit fehlt, mir ist, als wäre keine gewesen» [4, с. 14]. («Он не самый плохой. Он чистит мою обувь и готовит еду. И в постели с ним хорошо. Но свадьбы я не помню, мне кажется, ее и не было».)

В очень лаконичной истории «Jeremy» («Джереми»), длиной всего лишь в 13,5 строки, героиня рассказывает о своем возлюбленном, довольно заурядном молодом человеке. Подруги же считают его очень надежным. Да, наверное, думает девушка, ведь он же утешает ее, когда она плачет. И вновь писательница предоставляет читателю возможность оценить ситуацию со стороны, а может быть, и примерить ее на себя.

Следующая история «Meine Cousinen» («Мои двоюродные сестры») – более оптимистична. Несмотря на то что две кузины запрещают героине, опять безымянной, встречаться с ее любимым, она делает все, чтобы быть с ним вместе. Хоть он и не очень мужественный и не очень красивый, девушка не променяет его на тех, с кем она была раньше – красивых, умных, общительных, так как только рядом с ним она чувствует себя счастливой и защищенной.

«Narzissen für über den Tag» («Нарциссы для следующего дня») – еще одна история о девушке, принявшей решение покинуть своего возлюбленного, то есть стать одинокой. Влюбившись однажды, она долго ждала, что он ответит ей взаимностью – писала ему нежные письма, делала сюрпризы и даже послала ему однажды вечером нарциссы в бутонах, чтобы утром, проснувшись, он увидел только что распустившиеся цветы.

Но все было напрасно, у него никогда не хватало времени ответить ей тем же или постараться доставить радость любимой девушке. Он много работал, был женат, и у его маленького сына резались зубки. Кроме того, он был очень забывчив и невнимателен к тому, что она ему о себе рассказывала: «Er ist vergesslich. Was sie ihm erzählt über sich, weiß er die Woche darauf nicht mehr. Und er bringt ihr Erdbeeren mit an einem Abend und ist sehr stolz darauf und weiß nicht mehr, dass sie dagegen allergisch ist» [4, с. 18]. («Он забывчив. Уже через неделю он не помнит того, что она ему рассказывает о себе. И вот он, довольный собой, приносит клубнику, совершенно забыв, что она у нее вызывает аллергию».)

Девушка решает быть сильной и больше не звонить ему. Ей жаль его, и она размышляет о том, что же он теперь будет делать: «Er wird sich eine andere suchen. Nicht daran denken! – Sie geht schneller. – Ja, das wird er» [4, с. 19]. («Он найдет себе другую. Не думать об этом! – Она ускоряет шаг. – Да, он найдет».) Внутренний монолог помогает понять душевное состояние героини, поставить себя на ее место и в то же время оценить ситуацию со стороны.

Единственная история, рассказанная мужчиной, называется «Etwas zu erzählen?» («Есть, что рассказать?»). Сюжет очень прост. За долгие годы

он привык к женщине, с которой жил, перестал уделять ей внимание, мало разговаривал с нею. Ему казалось, что все понятно и без слов. Когда она захотела пойти танцевать, он даже обрадовался, что сможет спокойно проводить время, читая книги. Но однажды она не вернулась, и он понял, как ему ее не хватает: «Nach Reden war mir selten zumute in den letzten Jahren, sie begriff vieles nicht, und ihr Körper bedeutete mir immer weniger in der Zeit. Aber sie musste um mich sein, ihr Atem die Luft meines Zimmers pflügen, dass mir Gedanken kamen und die Worte flossen. Ohne sie bin ich nichts» [4, с. 20]. («В последние годы у меня редко появлялось желание разговаривать, она многого не понимала, а ее тело стало значить со временем все меньше для меня. Но она должна была находиться рядом со мной, я должен был ощущать ее дыхание в своей комнате. Без нее я ничто».) Мужчина вспомнил, что она, почему-то, купила больше продуктов и угля и объяснила некоторые мелочи по хозяйству, о которых он раньше не задумывался. Он догадался, что она позаботилась о нем, но все-таки ушла, так как, вероятно, встретила новую любовь. Ему захотелось услышать ее голос и спросить, есть ли что-то интересное, чтобы ему рассказать, но было уже поздно.

История «Und bringt es ins Gespräch» («И начинает об этом разговор») повествует лишь об одном, но очень важном для отношений между женщиной и женщиной эпизоде. Он упрекает ее в том, что она слишком громко ходит по квартире, сравнивая ее со стадом антилоп. Она признает это и объясняет своему любимому, что ее вместе с пятью братьями и сестрами воспитала плохо слышавшая бабушка и поэтому она привыкла все делать громко. Его она, в свою очередь, упрекает в том, что он разбрасывает свои вещи – книги, записи, одежду. К счастью, взаимные упреки не приводят к разрыву отношений. Мужчина поступает мудро, предлагая обсудить ситуацию, что говорит о настоящих чувствах и желании преодолеть все трудности вместе.

Последняя история «Ein Hundeblick, so war er früher nicht» («Собачий взгляд, таким он раньше не был») также посвящена взаимоотношениям между женщиной и женщиной и описывает довольно сложную ситуацию. Он любит ее, она сводит его с ума, но он все время боится потерять ее. Женщина же играет с ним, открыто флиртуя с другими мужчинами и заявляя, что ей никто не нужен.

Они знакомы уже четыре года, жизнь его очень изменилась с тех пор, но, как сам признается, счастлив он только с ней, хотя и страдает безмерно. Какой же выход из этой ситуации? «Es ist eine Entscheidung. Das ist es. Und er hat sich entschieden. Lieber leiden und leben, als nicht leben, sagt er seinen Freunden. Und glaubt, was er sagt, und legt in seine Stimme eine Überheblichkeit, die ihm ein Anliegen ist. Er ist bleich geworden, das sagen ihm viele, und er

geht anders als früher» [4, с. 25]. («Это решение. Это так. Он принял окончательное решение. Лучше страдать и жить, чем не жить вообще, говорит он своим друзьям. И верит тому, что говорит, и в голосе его столько надменности. Он стал бледным, об этом ему многие говорят, и ходит он по-другому».)

Конечно, жаль героя, но и такая любовь имеет право на существование, ведь это его выбор. Читатель также имеет право выбирать – учиться ли ему на ошибках других или совершать похожие ошибки.

Незамысловатые по сюжету короткие истории Н. Айнцманн заставляют читателя задуматься о собственном жизненном опыте и собственных проблемах. Они очень пластичны, действие их происходит в наше время. Хотя писательница ни в одном рассказе не указывает ни на место, ни на время действия, большинство из них написано от первого лица и напоминают либо автопортрет, либо записи из дневника. Абстрактный характер повествования, безмянные герои с их мыслями и переживаниями вызывают интерес читателя, побуждают его к размышлению.

Жанр короткого рассказа подчиняется в целом общим тенденциям современной литературы. Прибегая к современным техникам повествования, он стремится провоцировать и активизировать читателя, удивлять и побуждать его занять определённую

позицию. Герои находятся в центре постоянно изменяющейся действительности, они конфронтируют с обществом, войной и её последствиями, а также техническими достижениями, которые ставят под угрозу их существование. Всё это находит своё выражение в лаконичной форме и сжатой композиции короткого рассказа, поэтому события внешнего плана произведения имеют глубокое, скрытое значение. Другими словами, автор короткого рассказа должен «в сжатом описании кратчайшего жизненного мгновения дать обзор целой жизни» [3, с. 179].

Библиографический список

1. История литературы ФРГ / под ред. И.М. Фрадкина. – М.: Наука, 1980. – 687 с.
2. Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: сб. ст. / Ивановский гос. архитектурно-строит. ун-т. – Иваново, 2006. – Вып. 4. – С. 127–129.
3. *Heinrich H.* Deutsche Literaturgeschichte. 62., aktualisierte Auflage. – Darmstadt: Winkler, 2002.
4. *Liebe, Tod und Spiel. Ausgewählte Erzählungen von N. Einzmann, J. Hermann und M. Wetzel.* – Hannover: Schroedel Verlag im Bildungshaus Diesterweg Bildungsmedien GmbH & Co. KG, 2003. – S. 144.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Процессы, происходящие в современной культуре и, в частности, литературе, рассматриваются в свете теории коммуникации. Это позволяет уяснить наиболее крупные явления художественной словесности рубежа XX–XXI веков по-новому. Материал постигается с точки зрения реализации в литературе внутриличностной, межличностной, групповой и массовой коммуникаций. Учитываются и возможные взаимодействия разных типов общения с читателями. Выделяются и осмысливаются коммуникативные практики, характерные для субкультур (в том числе элитарных), литературы массовой, а также миддл-литературы. Основным становится анализ взаимоотношений автора с адресатом. В произведениях тривиальных это не индивид, склонный к поискам и способный к духовному развитию, а реципиент более или менее типовой, который находится во власти стереотипов и ничуть не испытывает при этом дискомфорта. В элитарных проявлениях (особенно в поэтических рубриках журналов) отклик ожидается творцом лишь со стороны себе подобных. Беллетристика же представляет собой доступный меседж автора демократической публике, которую он хотел бы придонять на более высокую ступень понимания жизни и искусства. В концовке статьи коммуникативные стратегии современной литературы показаны на примере жанров.

Ключевые слова: медиатизация, уровни или типы коммуникации, коммуникативные стратегии, рецептивная эстетика, коммуникативные практики, субкультуры, массовая литература, миддл-литература.

Восприятие литературы как способа письменной речи, то есть обращения, меседжа, а также общения бытует с незапамятных времен. С другой стороны, читательские практики – тоже практики коммуникативные. Любой коммуникативный акт предполагает внятно создаваемый и адекватно воспринимаемый его участниками обмен знаками. Они должны и потенциально декодироваться читателем, зрителем, слушателем, пользователем, но и быть ему нужны. В литературе особенно заметно все это становится сегодня – в связи с общей медиатизацией жизни и, в частности, культуры. В результате очевидной экспансии средств массовой информации (и шире – коммуникации) они оказались ведущим социокультурным институтом, не просто отвоевавшим себе место в одном ряду с семьей, школой, церковью, общественными и политическими объединениями, а постепенно подминающим и подменяющим их. Поэтому появляется необходимость посмотреть на современный литературный процесс с точки зрения коммуникативной теории, что наверняка придаст пониманию явлений определенное и нечто проясняющее остранение.

Начнем с уровней или типов коммуникации. Обычно принято выделять четыре основных: внутриличностную, межличностную, групповую и массовую. Каждая из них извечно осуществляется и в литературной деятельности. А первая, которую называют также интраперсональной или аутокоммуникацией, как разговор с самим собой почти всегда является исходным психологическим импульсом творчества. Более того, отдельные его роды и жанры (такие, как лирика и дневники) могут быть закрытыми, самодостаточными, самоуглубленными – вплоть до аутизма. И недаром С.И. Чупринин посвятил этому феномену в своем словаре одну из статей [12, с. 35–36]. Alter ego – способ объектива-

ции собственного «я», поэтому внутренний монолог действительно организуется как общение.

Межличностная коммуникация предполагает уже диалог зримый. История мировой любовной и дружеской поэзии знает множество непосредственных адресатов тех или иных сокровенных строк. Однако фактом искусства они становились только тогда, когда эмоции там типизировались, задевали читателей и разделялись ими. В этом смысле показательна и легендарная резолюция И. Сталина на рукописи К. Симонова «С тобой и без тебя» («Издать. В двух экземплярах»), и решение высочайшего цензора напечатать заглавное стихотворение из этого сборника «Жди меня» в миллионнотиражной «Правде» (на подобную двойственность обращает внимание А. Нилин) [9, с. 9]. И, кажется, именно тот же самый случай имел в виду Н. Глазков, написав:

Рассчитывая на успех,
 Желая отразить эпоху,
 Поэт сложил стихи для всех,
 Жена прочла, сказала: – Плохо!

Тогда одной своей жене
 Поэт сложил стихи другие.
 И оказалось: всей стране
 Потребны именно такие! [4, с. 47].

Получается, что реальных коммуникативных уровней у литературы, где реализуются, как мы заметим позднее, не только тактики, но и коммуникативные стратегии, всего два: групповой и массовой, хотя в подоплеке нередко присутствуют и внутри-, и межличностные контакты. Неслучайно же представители рецептивной эстетики с самого начала выдвигали на передний план отнюдь не зримого собеседника, а его образ – «читателя воображаемого» [1, с. 100], то есть явленного именно «во образе», а О. Мандельштам еще решительнее настаивал на том, что настоящая «поэзия, как це-

лое, всегда направляется к более или менее далекому, неизвестному адресату» [7, т. 2, с. 150].

Ведущие коммуникативные практики представлены в современных условиях субкультурами и культурой массовой. На удивление, но подобное распределение не представляется слишком уж банальным. В легальном советском искусстве произведения для узких аудиторий и откровенная поппа выглядели бы за пределами крайностей, и поэтому фактически отсутствовали. Тогда властвовал просветительский мейнстрим: расчет был сделан на среднестатистического интеллигентного человека, остальных – через лектории общества «Знания», художественную политику прессы, радио и телевидения к этому уровню подтягивали. По крайней мере, задавался ориентир. Но на исходе затеянной как раз интеллигентами-просветителями перестройки культурные горизонты резко расширились в оба края. Вертикальная организация сменилась горизонтальной, единая культура и ее достаточно слитная аудитория раздробились: всё более огораживаясь, выделяются несколько разновидностей искусства элит или других обособленных групп, а, с другой стороны, стремительно начала разрастаться область культурного ширпотреба. Середина поначалу оказалась вымытой или, выражаясь мягче, вакантной.

Показательны в этом отношении «толстые» журналы, которые долго оставались флагманом художественного и даже идейного просветительства. С первой половины 1990-х годов созидательные страницы ежемесячников заполнились артистической прозой, филологическими романами, стилизациями, игровыми и экспериментальными стихами. Профилирующим предметом здесь стала филология, слово как таковое, литература как искусство, стиль и стиль индивидуальный, инновационный. Воспрял бывший андеграунд. Тогда появились суждения, что журналы превращаются в клубные издания, адресуемые литераторами друг другу, то есть в коммуникацию внутригрупповую, а – в обобщенном смысле – в своеобразную групповую аутокоммуникацию.

Произведения нетривиальные явно герметизировались, тиражи «толстых» журналов, превышавшие на исходе перестройки миллионную отметку, резко падали, а издательства приблизительно до 1999 года печатали исключительно коммерческую продукцию. Позднее положение несколько изменилось: они заметили и поддержали нарождающуюся к новому столетию миддл-литературу. Однако субкультуры из литературных коммуникативных практик при этом отнюдь не исчезли, и речь идет не только о таких уникалах, как гей-литература, киберпанк или фьюжн-литература, представленных в упомянутом словаре С.И. Чупринина [12, с. 57–59, 109–110, 339], но о любых текстах для избранных по какому бы то ни было признаку.

Подобная художественная коммуникация не обязательно элитарна, но обязательно принципиально ограничена в пределах какой-нибудь из социокультурных (молодежных, сексуальных, творческих) групп, и потому вероятный собеседник бывает достаточно четко локализован. Авторы обращаются к аудитории целевой, и этот тренд полностью вписывается в процесс демассификации СМК, когда так легко создаются специализированные сайты и ниши в социальных сетях. Но при этом сужаются и возможности: понимание с полуслова препятствует открытиям. Формулу большого искусства можно выразить словами Б. Пастернака: «Благодарствуй, Ты больше, чем просят, даешь» [10, т. 2, с. 28]. А в субкультурах потребность удовлетворяется подчас едва ли не полностью, но и без эстетического обогащения.

И здесь они парадоксально смыкаются с массовой культурой, которая дает ровно столько, сколько требуется. Привычные, клишированные ожидания публики удовлетворяются в ее продуктах неукоснительно: преобладает, как изящно высказался М. Науман, «произведение-плебей с повадками слуги, видящего в читателе Его Величество Клиента, коему непременно следует угодить» [8, с. 155]. Бестселлер и «мыльная опера» – продукты хорошо знакомые и усваиваемые, создаваемые не для дегустации, а для поглощения, быстрого и одноразового. В массовой культуре отношения принципиально недиалогичны: ее адресат – это не индивид, склонный к поискам и способный к духовному развитию, а реципиент более или менее типовой, который находится во власти стереотипов и ничуть не испытывает при этом дискомфорта. Коммуникация выстраивается так, что коллективный ремесленный производитель обращается к коллективному же потребителю. Тем не менее, подобная аудитория не абстрактна, напротив, она – величина досконально известная, расчисленная. Тривиальное искусство самоопределяется через постижение собственных и потенциальных для любого издательства, киноконцерна, студии звукозаписи читателей, зрителей, слушателей. Поэтому никто не жалеет денег на изучение и обработку реципиентов, используя самые разнообразные методы видео- и издательского маркетинга, культурологии и медиаметрии, литературной журналистики. Так выявляются рейтинги и стимулируются продажи.

Из имеющихся коммуникативных стратегий [3] массовая культура делает ставку на две: конвенцию и манипуляцию. Она, несомненно, находит общий язык с родственной для себя аудиторией, но и управляет ее реакциями, подогревая интерес к себе, самостоятельно организуя свои отношения с публикой на основах расчетливо исчисляемой рентабельности. Не случайно современную литературу, как и многое другое в СМК, невозможно постигать вне социологического и экономического

контекстов. Причем это касается не только кича – скандальной саморекламой и продвижением собственного имиджа активно занимались и занимаются и те, кто относится к писательской элите: покойный Д. Пригов или по-прежнему активный В. Сорокин. Антиподы опять-таки перекликаются, если не смыкаются.

Кое-кому кажется, что третьего и не дано. Недавний социологический опрос довольно продвинутой молодежи показал, что для части из них «современная литература или чисто коммерческая, или переусложненная, недоступная, непонятная (как выразился один из респондентов – «Или Донцова, или вынос мозга») [2, с. 34]. Однако это не вполне справедливо. Возродившийся в 1990-ые рынок заполнил телеэкраны сериалами, а книжные прилавки прежде всего паралитературой. И они буквально захватили население страны: заговорили даже об опрошении элит – о том, что «происходит сближение вкусов более подготовленной и менее подготовленной публики, общая массовизация культурного досуга» [5, с. 351]. Однако отдадим должное: вскоре фастфудом насытившись, немалая категория читателей отшатнулась от примитивных и бескрылых книжек, справедливо увидев в них зеркало собственной культурной деградации. Экономическая стабилизация начала нового века явно способствовала активному формированию в России так называемого среднего класса, вытеснявшего традиционную интеллигенцию. Эти люди: офис-менеджеры, пиармены, госслужащие – и создали запрос на соответствующую себе миддл-культуру.

Последняя обнаруживается и в кино, и в театре, и в живописи, и в журналистике, но объемнее всего – в художественной словесности. И начало миддл-литературе положил В. Пелевин, чей роман «Generation “П”» (1999), минуя журнальные страницы и выйдя отдельным изданием, сразу же выбился в лидеры продаж, отгесняя детективы и дамскую прозу. Этот писатель тоже не чурается, кстати, маркетинговых ходов, однако использует их, как правило, в качестве Пиара наоборотного: тщательно скрываясь и тем самым интригуя поклонников. В основном же представители миддл-литературы актуализируют третью из выделяемых Дацюком коммуникативных стратегий – презентацию, предлагая свои произведения активно, но менее навязчиво. Одновременно устанавливаются и конвенциональные отношения с читателями. Без этого в литературе обходиться трудно, ведь даже непримиримый Мандельштам мог (в наилучшие, правда, для себя и страны времена) искать «Читателя! советчика! врача!» [7, т. 1, с. 237].

Далее коммуникативные практики современной литературы попробуем показать на примере жанров, которые в качестве типов диалога субъекта с миром могут считаться средоточием литературной коммуникации и лучшим индикатором ее

состояний. Картину самую наглядную демонстрирует масскульт: в нем жанры исполняются неукоснительно, как задания. Ориентируясь на массовое сознание, тривиальная литература опирается на архетипы человеческого существования, а точнее – на типажи, к которым с облегчением сводится любая индивидуальность и неординарность. Именно поэтому здесь по-глобалистски легко стирается национальное своеобразие и именно поэтому весьма узок ее тематический круг: действие вращается вокруг обыденного и неизъяснимого, ледящих душу тайн жизни и смерти, столкновений добра и зла, острых перипетий судьбы и любви. Отсюда – одно из обозначений такой литературы как формульной [6, с. 37–41].

Действительно, узок и жанровый спектр (мелодрама, детектив, триллер, боевик, биография, историческое и фантастическое повествование), и жанровый формат (свое явное предпочтение кич отдает формам, продолжающимся чуть ли не до бесконечности – прежде всего роману и сериалу). И в этом опять-таки сказываются архетипическое, типовое постоянство, инстинкты изначальные и неискоренимые. Не только тривиальные жанры намертво привязаны к типажам и амплуа – реципиенты тоже играют в процессе восприятия одну из заданных усредненным существованием социально-психологических и коммуникативных ролей: «книжка гарантированно разойдется большим тиражом, потому что читатель желает и ждет новой встречи с лучшей частью своей натуры» [11, с. 165].

Герметичность элитарной литературы, напротив, выливается в отрицание традиционных жанров и форм. Даже в «толстых» журналах, которые большинством своих прозаических новинок пытаются контактировать теперь и со средним классом, широко представлено то, что определено нами выше как групповая аутокоммуникация. За незначительными исключениями это поэтическая рубрика. Журналы для ее авторов – чуть ли не единственная мало-мальски тиражная и авторитетная площадка, однако создается впечатление, что отклик ожидается лишь со стороны себе подобных. Впрочем, как чуждую воспринимают такую поэзию даже некоторые собратья по перу, причем наиболее квалифицированные – например, А. Кушнер: «В нашем языке – изгибы, как мягкая глина. А его уродуют, заставляют писать без рифмы, верлибрами <...> Иногда думаешь, если бы Твардовский жил сегодня (хотя это не самый мой любимый поэт), он бы за голову схватился, увидев то, что печатают в том же «Новом мире», и не только. Абсолютную абракадабру, ерунду» [13, с. 6].

В противовес этому, миддл-литература склоняется скорее к конвенции, чем к конфликтам. И все же она старается не только потакать. Беллетристика представляет собой доступный меседж автора демократической публике, которую он хотел бы

приподнять на более высокую ступень понимания жизни и творчества. Миддл-литература играет с читателями, способствует их саморазвитию, поэтому жанровые модели обязательно преобразуются: детективы создаются на историческом материале, фантастика обнаруживается в обыденности и высвечивает ее, а женские романы искрятся юмором. Разумеется, такие произведения далеки пока от тех, которые созданы на все времена и обращены «граду и миру». Однако в современной словесности именно такая коммуникативная практика представляется одной из наиболее перспективных.

Библиографический список

1. *Белецкий А.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки: (изучение истории читателя) // Наука на Украине. – 1922. – № 2. – С. 94–105.
2. *Борусяк Л.Ф.* Почему классики побеждают современников? // Литература. – 2016. – № 3. – С. 31–34.
3. *Дацюк С.* Коммуникативные стратегии // Центр гуманитарных технологий. 09.08.2006. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (дата обращения: 22.04.2016).
4. День поэзии: 1956–1981: Избранное. – М.: Сов. Писатель, 1982. – 272 с.
5. *Дубин Б.В.* Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
6. *Кавелти Дж.Г.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22. – С. 33–64.
7. *Мандельштам О.Э.* Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1990.
8. *Науман М.* Литературное произведение и история литературы: Сб. избр. работ. – М.: Радуга, 1984. – 424 с.
9. *Нилин А.* Аллея классиков: Из романа частной жизни // Знамя. – 2014. – № 9. – С. 6–48.
10. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989–1992.
11. *Славникова О.* Супергерои нашего времени // Знамя. – 1998. – № 12. – С. 162–168.
12. *Чупринин С.И.* Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. – М.: Время, 2007. – 768 с.
13. *Шемишученко В.* «Нобелевскую премию некому присудить» // Лит. газета. – 2016. – № 10–11. – 17–23 марта.

ЮРОДИВЫЙ ГЕРОЙ В ДИАЛОГЕ ДУХОВНЫХ ТИПОВ

В статье исследуется поэтика полифонического романа в аспекте связи принципа тройственной полифонии с разрабатываемой автором структурно-силовой теорией жанров. Впервые поэтика полифонического романа анализируется с точки зрения особенностей духовных типов персонажей, принимающих участие в тройственном диалоге. Выявляется ведущая роль духовного типа «божьего человека» в тройственном диалоге духовных типов. Поскольку тройственный диалог возникает в ситуации нравственного выбора, то эта роль заключается в отображении голоса-позиции Бога (Правды).

Тройственный диалог понимается как диалогическое взаимодействие трёх сил: силы Бога, силы Оппонента и силы Человека. Голос персонажа, совпадающий с нравственной позицией Бога (позицией Правды) называется голосом божьего человека. Голос персонажа, совпадающий с позицией оппонента Бога (позиция отрицания Правды), называется голосом оппонента Бога, или голосом (позицией) Оппонента. Голос персонажа, который занимает промежуточное, колеблющееся, положение между позицией Бога и позицией оппонента Бога, называется позицией Человека.

Ключевые слова: полифонический роман, голос-позиция, тройственный диалог, принцип тройственной полифонии, духовный тип юродивого героя, структурно-силовая теория жанров.

М.М. Бахтин, заложивший основы теории полифонического романа, не исследовал поэтику Ф.М. Достоевского с точки зрения её связи с образом юродивого героя, отметив лишь наличие эстетики феномена юродства: «Юродство <...> есть своего рода форма, своего рода эстетизм, но как бы с обратным знаком» [1, с. 397]. Говоря о юродстве, Бахтин рассуждал о «герое из подполья», который «старается пробиться <...> к духовной трезвости, но путь к ней лежит для него через цинизм и юродство» [1, с. 399].

Во второй из приведенных цитат Бахтин использовал термин «юродство» вместо термина «юродствование», принципиальное различие между которыми было описано позже [7, с. 6–29], поскольку герой из подполья не принадлежит к типу юродивого героя, являя собой тип юродствующего персонажа. То есть того, кто использует культуру юродства, не будучи юродивым, как это показали позже Д.С. Лихачев и А.М. Панченко. «Объюродившее» сознание некоторых древнерусских монахов (не юродивых) описывалось в житийных источниках [27, с. 29], на что позже было указано в моей работе [7, с. 14].

Бахтин писал также о связи «исповедального слова» у Достоевского с юродством: «Возможен богоборческий и человекоборческий момент в самоотчете-исповеди <...>. (Юродству почти всегда присущ человекоборческий элемент, циничский выверт юродства; вызывающая, дразнящая откровенность)» [2, с. 127–128]. И здесь он допускал неточность, поскольку богоборчество юродивого Христа ради носило внешний характер, имея сокровенное духовное содержание, скрытое в системе кодификации юродских жестов. Слишком широкое использование термина «юродство» и терминологическая неточность Бахтина понятны, поскольку феномен юродства был изучен полнее позже в работах Д.С. Лихачёва, А.М. Панченко и Н.В. Поньрко. Например, Лихачев описал юродствование Ивана

Грозного, в переписке называвшего себя Парфением Уродивым [18, с. 10–27; 19, с. 25–35]. Позже тема юродствования Грозного в его переписке получила ещё одну иллюстрацию: «К неназванным юродским жестам Грозного можно отнести и его письмо к Черниговским угодникам Михаилу и Федору, выдержанное в самоуничижительных тонах. Царь обращался к усопшим как к живым» [7, с. 12].

Что касается литературно-художественной адаптации феномена юродства: образа юродивого Христа ради, образа ложного юродивого, образа «природного» юродивого, а также системы юродского жеста и связи юродства со смеховой культурой, — то она подробно изучена мною на материале творчества Достоевского. При этом были изучены, описаны и учтены те изменения, которые привнесла в культурную традицию древнерусского юродства эпоха нового времени. Такова, например, тема сочетания шутовства и юродства, углубление которой помимо классических трудов Лихачева и Панченко учитывало ряд историко-культурных работ авторов XIX в. — Г. Бергсона, Н.В. Краинского, И.Г. Прыжова, А.С. Фаминцына и др. [7–15, 28, 29].

В настоящее время тип юродивого героя — литературно-художественная адаптация образа древнерусского юродивого Христа ради — подлежит дальнейшему рассмотрению. Участие юродивого героя в «большом диалоге» (Бахтин) полифонического романа по «принципу тройственной полифонии» (Иванов) [5, с. 135–138; 6, с. 64–67; 7, с. 134–205] связано с функцией выражения голоса-позиции Бога. Как убедительно показывают новейшие исследования М.В. Дубинской, принцип тройственной полифонии, описанный мною на материале творчества Достоевского, обнаруживается и на материале французской литературы двадцатого века в творчестве писателей-модернистов [14, с. 42–51; 15, с. 83–88]. Такое рассмотрение диалогической роли юродивого героя необходимо, поскольку оно позволит продвинуться дальше в развитии струк-

турно-силовой теории жанров. Если до настоящего времени эта теория объясняла диалогическое взаимодействие трёх сил, то сейчас необходимо понять, какие именно духовные типы человека представляют голоса-позиции участников тройственного диалога.

Напомню, что тройственный диалог полифонического произведения возникает в ситуации нравственного выбора. В этой ситуации в диалогическое взаимодействие вступают сила Бога, сила Человека и сила оппонента Бога (Оппонента), которые озвучиваются голосами разных персонажей. Число персонажей с их голосами не ограничено, однако с точки зрения отношения к нравственности по поводу того или иного конкретного конфликта морали с нравственным законом все они сводимы к трём голосам-позициям. Именно взаимодействие этих трёх сил отображает конфликт морали и нравственности, который, переходя на уровень поэтики, развивает действие, раскрывает характеры и оказывает существенное влияние на построение сюжетно-композиционной структуры полифонического произведения.

Исходя из проведенных мною ранее исследований творчества Достоевского, можно утверждать, что голос-позиция Бога в его произведениях выражается через «голос» духовного типа «божьего человека». А образ божьего человека у Достоевского восходит не к образу священника или монаха, а к житийному образу юродивого Христа ради Древней Руси: «По Достоевскому, юродство не болезнь и не глупость, а странность. Причем эта странность имеет своим психическим источником совесть в её устремлённости к христианским идеалам» [13, с. 284]. Юродивый герой Достоевского близок житийному юродивому Христа ради странностью своего поведения. Странны поступки Сони Мармеладовой, князя Мышкина и Алёши Карамазова. Например, в подготовительных материалах к роману «Идиот» Достоевский писал, работая над образом князя Мышкина: «Все: “Какой он странный”. Сын: “Да, но мне он не показался глупым. Странен, правда. Совсем юродивый”» [4, с. 163].

Странность поступков юродивого героя возникает как следствие акта пробуждённой совести. Например, окружающих поражает, что Идиот возвращает Дяде сумму в триста тысяч рублей, полученную им по закону [4, с. 161]. Такой акт пробуждённой совести И.А. Ильин назвал «совестным актом»: «Совестной акт <...> есть как бы некий ослепительный свет, озаряющий внутренние пространства души, от которого человек как бы мгновенно прозревает – ибо совесть есть состояние нравственной очевидности. И в этой очевидности есть некая сокровенная, божественная разумность» [16, с. 192].

Создавая образ юродивого героя, Достоевский опирается на существовавшую традицию изобра-

жения не только странного персонажа древнерусских житий, но и других источников духовной литературы, начиная с описаний «юродствования» пророков Ветхого Завета [22, с. 1267] и, особенно, юродства новозаветных апостолов. Например, апостол Павел неоднократно говорит о юродстве проповеди благовести: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых – сила Божия»; «Ибо, когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» [20, I: ст. 18, 21]. Павел указывает на сокровенный и сакральный характер «безумия» Христа ради: «Мы безумны Христа ради» [20, IV: ст. 10].

Эпитеты «безумие» и «юродство» проповеди описывают то, как выглядит совестный акт с точки зрения мирской «мудрости», противопоставленной нравственному закону проповеди Христа. В совестном акте голос-позиция юродивого героя совпадают с голосом-позицией Бога по тому же принципу действия пробуждённой совести, по которому звучала проповедь апостола. И здесь важно подчеркнуть, что странность образа юродивого героя художественной литературы восходит к странности юродивого-святого, к странности сакрального характера, поскольку А.М. Панченко, глубоко изучивший феноменологию древнерусского юродства, отмечал, что несколько десятков древнерусских юродивых были причислены Церковью к лику святых. Исследуя кодификацию «замумной» речи юродивых, Панченко писал: «Итак, юродивый кодирует речь особым образом. Однако юродивых множество. Не мог же каждый из 36 канонизированных подвижников создать индивидуальный язык» [19, с. 99]. Наличие в древнерусской духовной и культурной традиции тридцати шести юродивых-святых полностью исключает случайный характер бытования феномена юродства, что подтверждается и многовековой длительностью его бытования.

Юродивый герой Достоевского, как и юродивый Христа ради Древней Руси, следует той Правде, тому нравственному закону, который остался неизменным с эпохи античности. Ещё Л.П. Гроссман определял роман Достоевского как «шестивие к далекой и ускользающей правде сквозь сложные нагромождения столкнувшихся сомнений и верований» [3, с. 83]. Героиня трагедии Софокла «Антигона» готова умереть за Правду нравственного закона: «Прекрасна в деле этом / И смерть. В гробу лежать я буду, брату / Любимому любимая сестра, / Пав жертвою святого преступления» [23, с. 126]. Совпадение выражения Достоевского «святая грешница» о Соне Мармеладовой с выражением Софокла «святое преступление» о поступке Антигоны является следствием совпадения нравственной позиции той и другой героини. И обе они согласованы с голосом-позицией Бога, заявленным

и выраженным через голос-позицию (поступок) персонажа. Обе, Соня и Антигона, в ситуации нравственного выбора избирают власть не кесаря, но Бога. Они нарушают мораль, следуя вечному нравственному закону, поскольку для действия нравственного закона не существует ни временных, ни религиозных границ.

Панченко полагал, кроме того, наличие, как минимум, типологического сходства между юродством и древнегреческим кинизмом. Он писал, что юродство как форма интеллигентного и интеллектуального критицизма «опиралось на старинную традицию античного кинизма. <...> поэтому в кинизме и юродстве столь отчетлива полемическая заостренность против общепринятых норм поведения. В кинизме бросается в глаза момент эпатирования, а в юродстве – мотивы укора» [19, с. 80]. Другими словами, исторически изменчивая общественная мораль античности и христиан Древней Руси не согласуется с вечным нравственным законом, о чем похожим способом заявляют греческие киники и русские юродивые, поскольку в основе кинического эпатажа и юродивого укора лежит общее выражение позиции нравственного закона – позиции Бога (Правды). Отсюда ясно, что в основе диалога, в котором активное участие принимает божий человек, лежит утверждение нравственности вопреки возникшей позже морали: «Герой Достоевского пробивается к нравственности сквозь мораль» [29, с. 91].

Отсюда также ясно, что выражение «божий человек» (устойчивый эпитет древнерусского юродивого, по В. Далю) в его применении к тройственному полифоническому диалогу требует своего уточнения. И это уточнение применительно к художественной литературе сводится к расширению – любой человек, выражающий в ситуации нравственного выбора позицию Бога, является божьим человеком по определению. Юродивый герой Достоевского необязательно заимствует от древнерусского юродивого культуру юродского жеста, но он обязательно заимствует следование нравственному закону. Дело не в том, как часто он молится, осеняет себя крестным знаменем, как часто ходит в храм и как строго соблюдает пост. Например, князь Мышкин крайне редко посещает храм. Алеша Карамазов живет в монастыре, но не в качестве монаха, принявшего постриг. Дело даже не в том, какой именно религии обряды и обычаи соблюдает божий человек (мораль), главное, что в ситуации нравственного выбора его голос соответствует позиции Бога. Сама жизнь постоянно приводит нам примеры, говорящие о том, что внешне вполне религиозный человек может быть безнравственным. Но, с другой стороны, жизнь приводит нам примеры гонений святых людей, нравственных по определению, начиная с гонений на Христа и его апостолов, людьми вполне внешне религиозными.

Но если позицию Бога в художественной литературе отображает тип божьего человека, будь он юродивым героем, как у Достоевского, или поэтом, видящим «сны поэзии святой» [21, с. 116], как у Пушкина, или сестрой погибшего и не преданного земле брата, как у Софокла, то каковы духовные типы двух других участников диалога? Дело в том, что древнерусский юродивый Христа ради считал своим нравственным долгом наставление мирян, а наставление его обретало парадоксальную форму. Юродивый инициировал диалог, он был активным участником диалога, как писал Панченко: «Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, т. е. жить в миру, среди людей, обличая пороки сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и непременного условия юродства, причем юродивый не считается с условиями места и времени, “ругаясь миру” даже в божьем храме, во время церковной службы» [19, с. 79].

Юродивый герой, или, говоря шире, божий человек художественной литературы, вполне следует традиции юродивого в том, что касается активной позиции в диалоге. Это не значит, что, например, князь Мышкин обличает мир в точности так, как это делал юродивый Христа ради. Но нравственная позиция Мышкина сама по себе резко выделяет его из среды современных ему людей, перебивающихся правилами житейской морали. Если юродивого Христа ради могли бить и гнать в прямом смысле слова за его Правду, то насмешки над Мышкиным, на основе которых возникло прозвище Идиот, имеют ту же психологическую природу, что и насмешки над юродивым. Если нам ясна нравственно активная позиция духовного типа юродивого героя, то в чем состоит активность позиций других типов, других участников диалога?

Казахстанский и российский психолог В.К. Шабельников коснулся проблемы духовных типов человека с точки зрения психологии и назвал эти типы «психологическим мифом» [25, с. 3–56; 26]. Шабельников имел в виду известные индуистской и ведийской философии четыре духовных типа (четыре «варны») людей: брахманы, кшатрии, вайшья и шудру [30]. Правда, Шабельников перечислял эти типы в другой последовательности: брахманы, вайшья, кшатрии, шудру, видимо, полагая, что порядок их следования не имеет значения. На самом деле, для традиционной культуры индуизма и ведизма этот порядок определяется теми функциями, которые свойственны каждому типу. Для носителей этой культуры духовные типы людей являются не психологическим мифом, а духовной реальностью, а личная и общественная функция человека каждого типа определяется особенностями его духовной природы, врожденными способ-

ностями и склонностями к тому или иному роду деятельности.

Первым в традиционном перечне стоит тип человека брахманской варны, поскольку он духовно ближе других к Богу. По причине близости к Богу – это так называемый высший тип. По своим задаткам и склонностям – это тип жреца и духовного наставника, функцией которого является передача духовного знания и наставление в нравственном законе людей остальных трёх типов. Это значит, что брахман обучает людей других духовных типов их профессиональной деятельности таким образом, чтобы следование профессии и исполнение должностных обязанностей не противоречили требованиям нравственного закона. В своей религиозной практике человек первого типа использует все роды искусства – поэзию, музыку, танец, а также научное знание. Поэтому он человек знания и, одновременно, человек искусства. В силу врождённых способностей и предрасположения к своему роду деятельности, брахманы успешно усваивают названные знания и умения. В силу сказанного люди этого типа в традиционном обществе стоят во главе не только духовной, но и светской общины.

Тип кшатрия – это тип человека-воина, изначально призванный охранять и защищать людей брахманского типа в силу предрасположения к своему роду деятельности. Тип вайшья – тип ремесленника, финансиста, торговца и земледельца связан со склонностями и предрасположениями, которым соответствуют названные виды деятельности. А деятельность типа шудру – типа инженера и рабочего – связана со своими склонностями. То есть традиционное понимание системы духовных типов состоит в том, что не род занятий и профессия формирует духовный тип, а сам духовный тип формирует ту или иную варну людей с врождённой склонностью к её роду занятий и профессиям. Функция типа вайшья – создание общественного материального блага, отсюда возникает предпочтение к профессиям и должностям человека этого типа. Функция типа шудру – создание приспособлений, облегчающих физический труд, и участие в создании общественного материального блага при помощи технических средств. Этой функции соответствует предпочтение к другим профессиям и должностям.

Расстановка духовных типов, порядок их следования друг за другом в социальной пирамиде, тем самым, связана с необходимостью получения большего или меньшего духовного и научного знания, большего или меньшего умения в области науки и искусства. Правильным расположением духовных типов определяется устойчивость социальной пирамиды: выше всех, в соответствии с их функцией, находятся духовные наставники и руководители общества, численность людей этого типа невелика, они составляют вершину пирамиды.

Ниже находятся люди воинского призвания, защищающие носителей духовного знания и рискующие собственной жизнью в боях за отечество. Их относительно немного, но в несколько раз больше, чем людей первого типа. Далее – основные производители материальных благ по степени их вклада в общественный продукт. Вайшьи и, особенно, шудру составляют большинство населения, занимающая середину и основание социальной пирамиды. Эта схема управления и структура того общества, о котором Платон говорил, как об идеальном обществе будущего – обществе, управляемом мудрецами. Возможно, идея Платона возникла на основе подсознательного знания о существовании такого общества в прошлом.

Правильно было бы предположить, что забвение нравственного закона исторически возникло в тот момент, когда некоторое число людей древности решило, что система духовных типов (варновая система) является «психологическим мифом». Когда на должность жреца, духовного наставника, человека искусства и руководителя общества был избран человек не брахманской варны. Другими словами, кшатрий, вайшья или шудру, заняв место жреца, царя или полководца, не принадлежа к духовному типу брахмана, неизбежно, хотя и не по злему умыслу, начинал нарушать нравственный закон, что вызывало сначала нравственный упадок, а потом и упадок экономической и всей политической системы. Например, варновая система не знала рабов, а домашние слуги имели статус младших членов семьи. Но стоило к власти прийти людям не брахманской варны, как рабство начало входить в обычай. Бесплатный труд подневольных людей развращал их владельцев, и вся государственная система приходила в упадок, поскольку насилие всегда дает только внешний и только исторически кратковременный результат.

Когда моя монография [13] была сдана в печать, вышла в свет статья Шабельникова [25], в которой он пришёл к тем же представлениям, что и я, о том, что во все эпохи общество явно или сокровенно разделялось на варны: «Он совершенно верно уловил исторический процесс перехода власти от высших варн к более низким» [13, с. 287]. В русле своей темы исследования я писал тогда: «Юродивый – это “брахман” древнейшей Руси, его поведение алогично, страшно и загадочно для отпавших от древней веры шудр и даже самой знати, русско-го княжеского “кшатрийства”» [13, с. 287]. В стихотворении Рабиндраната Тагора «Колесница времени» индийцы разных сословий спорят о праве человека не брахманской варны на место брахмана: «Когда-то шудры вздумали сравняться / С жрецами, брахманами. Наглецы! / Такие же в то время были смуты, / И время стало. Замерли минуты. / Но Рама шудре голову отсек, / И снова воцарился мир в стране» [24, с. 261].

Комментарий к этому стихотворению включает в себя следующее рассуждение: «Известный индийский мыслитель Свами Вивекананда, как и Тагор, говорил, <...> что за властью вайшья – буржуазии – придет власть шудр – трудящихся, и с редкой прозорливостью предсказывал, что это прежде всего произойдет в России» [17, с. 532]. В настоящее время мой взгляд на проблему заключается в том, что тройственный диалог духовных типов исторически мог возникнуть и далее быть связанным именно с появлением ситуации нравственного выбора на основе притязаний человека одного духовного типа на место человека другого типа, как правило, более высокого в пирамиде варн. Позже конфликт духовных типов начала отображать художественная литература, поскольку сам процесс смешения функций людей различных духовных типов со временем только усиливался. Поэтому принцип тройственной полифонии, который находится в основе структурно-силовой теории жанров, знаком как трагедиям Древней Греции, Возрождения и классицизма, так и полифоническому роману нового времени.

Итак, если голос духовного типа божьего человека («брахмана») в тройственном диалоге полифонического романа согласован с позиций Бога (Правды), то верно ли думать, что голоса, противостоящие позиции Бога, всегда принадлежат человеку одного из трёх остальных типов? Нет, разумеется. Во-первых, человек одного из остальных трёх типов может быть согласным с позицией божьего человека. Во-вторых, его голос может совпадать с позицией Человека, колеблющегося между позицией Бога и оппонента Бога. И этот, последний вариант встречается у Достоевского чаще всего. Существенная часть творческого внимания писателя обращена к описанию внутренних мучительных диалогов и размышлений сомневающегося героя, как, например, Раскольникова. Раскольников принадлежит к духовному типу человека-воина, поэтому его попытка решения сложной нравственно-философской проблемы неправильным (воинским) способом стала его личной трагедией и трагедией окружающих: «кшатрий» попытался заместить «брахмана».

Достоевский показывает в образах «кшатрия» Раскольникова и «брахманки» Сони Мармеладовой нравственную правоту человека-брахмана. Как бы ни был образован человек воинского духовного типа (Раскольников – студент университета), а человек брахманского типа необразован (Соня не закончила даже гимназии), в области нравственного знания «брахман» остается наставником для людей всех остальных типов. Мы видим, что голос Раскольникова проходит стадии голоса-позиции Человека, голоса-позиции Оппонента, снова голоса-позиции Человека и, наконец, он примыкает к голосу-позиции Бога. Эти позиции соответству-

ют его колебаниям и сомнениям перед убийством и после убийства старухи и её сестры, самому преступлению и, под влиянием Сони (юрродство ее заразительно, говорит Раскольников), вступление на путь раскаяния.

Юродивый герой («христороподобный человек») является любимым героем Достоевского. Например, образ князя Мышкина стал ярким примером подробного художественного исследования человека данного духовного типа. Мышкин по отношению к детям швейцарской деревни выступает в роли настоящего духовного наставника, учителя милосердия и любви. Однако не меньшее внимание Достоевский уделяет подробному исследованию природы человеческих сомнений, возникающих по причине моральных блужданий – это Человек с его срединной позицией колебаний. Много внимания Достоевский обращал и на проблему человеческого сознания, явно вставшего на позицию оппонента Бога, чему наиболее ярким примером служит образ Великого инквизитора в романе «Братья Карамазовы».

Для поэтики полифонического произведения все три голоса-позиции одинаково важны – участие каждого голоса есть условие существования тройственного диалога, условие существования полифонического произведения.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; примеч. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
3. *Гроссман Л.П.* Путь Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. стат. и мат. / под ред. Л.П. Гроссмана. – Одесса, 1921. – С. 5–83.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 9: Вечный муж: повесть. Наброски и планы. 1867–1870. Рукописные редакции. Подготовительные материалы к роману «Идиот» / ред. тома Г.П. Голованова, Г.М. Фридендер. 1974. – 527 с.
5. *Дубинская М.В.* Полифонический принцип в симфонической структуре повести Андре Жида «Пасторальная симфония»: к теории жанра романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 5. – С. 135–138.
6. *Дубинская М.В.* «Голос» природы у Ф.М. Достоевского и Андре Жида: к поэтике принципа тройственной полифонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 2. – С. 64–67.
7. *Иванов В.В.* Безобразие красоты. Достоевский и русское юродство: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. – 152 с.

8. *Иванов В.В.* Юродский жест в поэтике Достоевского // Русская литература и культура нового времени: сб. науч. тр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН / под ред. А.М. Панченко. – СПб.: Наука, 1994. – С. 108–133.
9. *Иванов В.В.* Скоморохи и юродивые как привратники смерти в космосе Достоевского: сб. статей и рефератов Международного симпозиума «Скоморохи: Проблемы и перспективы изучения». 22–26.11.1994. – СПб.: Институт истории искусств РАН, 1994. – С. 160–170.
10. *Иванов В.В.* Юродивый герой в диалоге иерархий Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: сб. науч. трудов. – Вып. 1 / под ред. В.Н. Захарова. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. – С. 201–209.
11. *Иванов В.В.* Юродивый герой // Достоевский. Эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников. – Челябинск: ЧелГУ; Металл, 1997. – С. 130–131.
12. *Иванов В.В.* Шут (шутство) // Достоевский. Эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников. – Челябинск: ЧелГУ; Металл, 1997. – С. 243.
13. *Иванов В.В.* Сакральный Достоевский: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 520 с.
14. *Иванов В.В.* «Мой спутник странный»: к поэтике тройственной полифонии романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 1. – С. 42–51.
15. *Иванов В.В.* Поэтика стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: к структурно-силовой теории жанров // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 1. – С. 83–88.
16. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
17. *Комаров Э.* Великий индийский гуманист // Тагор Р. Избранное / пер. с бенг. А. Ибрагимова, А. Ревича. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 521–536.
18. *Лихачев Д.С.* Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. – Л.: Наука, 1972. – С. 10–27.
19. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
20. Первое послание св. ап. Павла к коринфянам // Новый завет Господа Нашего Иисуса Христа / с первоначального текста, изданного по благословению св. Синода с приложением книги Псалмов. – М., Б. г. – 598 с.
21. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 4-е. – Л.: Наука, 1977–1979. – Т. 5: Роман в стихах «Евгений Онегин». Драматические произведения. 1978. – 528 с.
22. Симфония, или Алфавитный указатель к Священному писанию / сост. В.Л. Жак, Я.И. Крекер. – Вернигероде, 1925. – 1277 с.
23. *Софокл.* Драмы / пер. Ф.Ф. Зелинского; изд. подготовили М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо; отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1990. – 606 с.
24. *Тагор Р.* Избранное / пер. с бенг. А. Ибрагимова, А. Ревича. – М.: Художественная литература, 1987. – 558 с.
25. *Шабельников В.К.* «Брахманы», «вайшья», «кшатрии», «шудру» – четыре психологических мифа в истории субъектности // Журнал практического психолога. – 2006. – № 1. – С. 3–56.
26. *Шабельников В.К.* История психологии. Психология души: учеб. для вузов. Изд. 2-е. – М.: Гаудемус, 2013. – 398 с.
27. *Яхонтов И.* Жития севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник: составлено по рукописи Соловецкой библиотеки. – Казань: Типография Императорского Университета, 1881. – 377 с.
28. *Ivanov Vasilij.* Jurodivyi Pohjois-Venäjän kansankulttuurissa [Юродивый в контексте культуры Русского Севера] // Carelia. – 1996. – № 3. – S. 89–92.
29. *Иванов В.В.* Мировое признание творчества Достоевского как диалога морали с нравственностью // Materiały XI Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Strategiczne pytania światowej nauki – 2015». – Vol. 13. Filologiczne nauki.: Przemysł. Nauka i studia. – 2015. – S. 89–91.
30. *Sir M. Monier-Williams.* A sanskrit-english dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with special reference to Cognate Indo-European Languages. – Delhi, 2005. – 1334 p.

ЖОРЖ САНД И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ:
К ВОПРОСУ ОБЩИХ ХАРАКТЕРИСТИК «ЮРОДИВОГО ГЕРОЯ»

Данная статья является продолжением ряда работ, посвященных проблеме взаимовлияний Ф.М. Достоевского и французских писателей. Автор статьи обнаруживает и впервые показывает наличие общих черт в образе «юродивого героя» князя Мышкина в романе русского писателя «Идиот» и образа главного героя романа Жорж Санд «Консуэло» – графа Рудольштадта.

Статья обосновывает предположение о влиянии образа графа Рудольштадта на создание образа князя Мышкина. Кроме того, в ней рассматриваются особенности образа бродячего певца Зденко с точки зрения традиции юродства. В соответствии с классификацией В.В. Иванова, автор статьи относит образ Зденко к сочетанию художественных адаптаций типа природного юродивого и типа юродивого Христа ради. Образ графа Рудольштадта автор статьи относит к художественной адаптации типа юродивого Христа ради. Образ Рудольштадта, как и образ Мышкина, испытал влияние христианской духовной литературы, влияние образа Христа.

Ключевые слова: юродство, юродивый герой, художественная адаптация типа «природного юродивого», художественная адаптация типа «юродивого Христа ради».

Житийный образ юродивого Древней Руси весьма подробно изучен и описан в работах Д.С. Лихачева, А.М. Панченко и Н.В. Поньрко [8]. Художественную адаптацию феномена юродства в русской литературе XIX века, прежде всего на материале творчества Ф.М. Достоевского, исследовал ученик А.М. Панченко В.В. Иванов, написав на эту тему большой ряд работ, из которых упомяну лишь некоторые [4; 5; 6, с. 270–373]. Впервые обнаруживая черты образа «юродивого героя» (термин В.В. Иванова) во французской литературе, я опираюсь на указанный научный опыт. Задачей статьи является попытка осмысления адаптации феномена юродства в более широком культурном контексте, чем культура христианской Греции, Византии и Древней Руси. Материал творчества французских романтиков Виктора Гюго и Жорж Санд представляется в данном случае наиболее подходящим. Здесь мое внимание обращено на сравнение черт юродивого героя Ж. Санд и Ф.М. Достоевского.

С творчеством Ж. Санд (настоящее имя Amandine Aurore Lucile Dupin, в замужестве Dudevan) Достоевский познакомился в ранней юности: «Мне было, я думаю, лет шестнадцать, когда я прочёл в первый раз её повесть “Ускок” – одно из прелестнейших первоначальных её произведений» [3, с. 33], – так впоследствии, в 1876 году, вспоминал уже немолодой писатель своё первое впечатление от знакомства с её творчеством. Но не только увлекательный приключенческий сюжет о храбром предводителе пиратов Ускоке привлёк внимание молодого Достоевского. Его, «ещё юношу», «поразила тогда эта целомудренная, высочайшая чистота типов и идеалов» [3, с. 33]. Впечатление это было настолько сильным, что через несколько лет Достоевский начал переводить роман Ж. Санд «La dernière Aldini» («Последняя Альдини»). Перевод названия романа привожу в соответствии со сложившейся в России традицией. Но,

на мой взгляд, более точным и, вместе с тем, более соответствующим поэтике романтизма вариантом перевода был бы: «Последняя из рода Альдини». Перевод этого романа – второй опыт Достоевского-переводчика после работы над потрясшим его романом Оноре де Бальзака «Eugénie Grandet». Перевод над «Альдини» близился к завершению, когда Достоевский, к своему отчаянию, узнал, что роман «La dernière Aldini» уже был переведён на русский язык вскоре после его публикации во Франции (1838). К сожалению для переводчиков и литературоведов-компаративистов, черновик незаконченного перевода был уничтожен расстроеным Достоевским.

Достоевский, как и «масса читателей» [3, с. 34] середины сороковых годов в России, внимательно следил за творчеством Ж. Санд, читая все её новые романы. Трудно установить, ознакомился ли он с произведениями писательницы в подлиннике или в переводе. Можно лишь отметить, что качество первых переводов произведений Ж. Санд, выполненных случайными переводчиками, занимавшимися переводом ради заработка, нередко оставляло желать лучшего. Именно поэтому, когда появилась потребность в качественном переводе, примерно через сорок лет некоторые романы, например, «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» (1842), были заново, на этот раз блестяще, переведены А.А. Бекетовой, матерью А. Блока. На мой взгляд, переводы Александры Андреевны Бекетовой в 1880-е – 1890-е годы можно считать образцовыми для прозы французского романтизма.

В 1876 году, узнав о смерти писательницы, Достоевский посвящает её творчеству статью «Несколько слов о Жорж Занде», где проникновенно говорит о высоком нравственном значении её произведений: «Она верила в личность человеческую безусловно <...> и тем самым совпадала и мыслию, и чувством своим с одной из самых основных идей христианства, то есть с признанием человеческой

личности и свободы её <...>. Что же до гордости её запросов, то <...> эта гордость никогда не исключала милосердия, прощения обиды, даже безграничного терпения, основанного на сострадании к самому обидчику» [3, с. 37]. Отметим ту особенность поэтики романтизма Ж. Санд, что носительницами высочайшей чистоты, по Достоевскому, у неё являются, прежде всего, женские персонажи: «Как женщина сама, она, естественно, более любила выставлять героинь, чем героев (выделено авт. – М.Д.)» [3, с. 35]. Вряд ли можно вполне согласиться с объяснением Фёдора Михайловича о том, что писательница более любила «выставлять героинь, чем героев». На наш взгляд, Ж. Санд в этом отношении объективно отображала реальную жизнь.

О её объективности свидетельствует и тот факт, что наряду с героинями у писательницы есть примеры исключительных в своей чистоте и возвышенности образов мужчин. Таковы герои уже упомянутой романной дилогии «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» – граф Альберт фон Рудольштадт и его друг – богемский крестьянин Зденко: «Зденко – неистощимый импровизатор и весьма искусный народный певец. Наши крестьяне очень любят его пение, а его почитают за святого, воображая, что его безумие – не прирождённое несчастье, а дар небес. <...> Все наперебой стремятся залучить его в свой дом: ведь считается, что он приносит счастье и удачу. <...> Но жить Зденко ни у кого не хочет. По натуре он бродяга и его тянет в чащу лесов. Ни разу за десять лет никто не видел, чтобы он вошёл под чей-либо кров; он утверждает, что во всех домах округи – его предки, и что ему запрещено показываться им на глаза. <...> Но так как он всегда трезв, пристоек и безобиден, то его можно считать скорее идиотом чем сумасшедшим. Наши крестьяне зовут его не иначе как “юродивый”», – характеризует Зденко баронесса Амалия в разговоре с Консуэло [11, с. 193–194].

В бережном отношении крестьян к Зденко проявляется та черта юродства (неприкосновенность), которая в западноевропейской, и, в частности, французской культурной традиции была свойственна шутам: «Еще Кретъен де Труа в “Персеваля” отметил две черты шута, которые попеременно приписываются юродивому – дар предвидения и неприкосновенность» [8, с. 81]. На французском языке прозвище Зденко *bienheureux*, буквально, «блаженный», самый распространённый эпитет юродивых Древней Руси и России XVIII–XIX веков. Другими словами, перевод прозвища Зденко даётся абсолютно точно, а его поступки соответствуют юродским жестам, подробно описанным в научной литературе. Это дар предвидения, неприкосновенность, страннический образ жизни. Песни Зденко полны загадок и намеков, что соответствует загадочным «словесам мутным» древнерусских юродивых. Необходимо уточнить, что

дар пророчества, согласно традиции житийной литературы, свойственен не только юродивым. Например, А.С. Пушкин подробно описал процесс пробуждения пророческого дара у святого, не принадлежащего юродству [7, с. 83–88].

Однако в литературе романтизма образы юродивых встречаются весьма редко. Насколько можно судить, образ бродячего певца Зденко у Ж. Санд – единственный пример. Лишь некоторые черты юродивого можно выявить в образе Жильятта – персонажа романа В. Гюго «Труженики моря», но рассмотрение творчества Гюго под этим углом зрения является отдельной темой.

В общепризнанных работах А.М. Панченко, Д.С. Лихачева и Н.В. Понырко принято считать, что культурный феномен юродства был распространён в странах с преобладающим православным населением – Греции, Византии и России. Спрашивается, откуда в произведениях Ж. Санд, выросшей в католической стране, появляется «юродивый» персонаж? Дело в том, что местом действия романов Ж. Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт» является славянская страна Богемия (часть нынешней Чехии). Правда, это страна католическая. Но в описываемую эпоху (около 1730-х – 1770-х гг.) Богемия находилась под властью Австрии и в ней нарастали протестные настроения. Эти настроения проявлялись, в том числе, и в отходе чешского населения Богемии от католичества и его приверженности неофициальной церкви Яна Гуса.

Именно гуситами были сам граф Альберт и его друг Зденко. Религиозные представления гуситов оказались близкими народной адаптации христианства, что является культурной параллелью близости древнерусского юродства народной адаптации христианства, в частности, традиции старообрядчества. Уточню, что Зденко не просто гусит, он в прошлом послушник католического монастыря, оставивший католичество и принявший учение Яна Гуса. Отметим, что гуситское движение в Богемии возникло в начале XV века, а действие романа происходит примерно в середине XVIII века. Тем не менее, католики по рождению, Альберт и Зденко возвращаются к вере своих праотцев. Приверженность вере предков также является отличительной чертой древнерусских юродивых, на которую указывал А.М. Панченко: «В XVII в. почти все юродивые примкнули к старообрядческой группировке» [8, с. 96].

С другой стороны, известна глубокая заинтересованность Ж. Санд славянской культурой, возникшая под влиянием дружбы писательницы с польским композитором-романтиком Фредериком Шопеном. Например, на территории Польши (ныне территория западной Беларуси) в ту эпоху находились целые деревни необычных людей. Они не были юродивыми в прямом смысле слова, но использовали некоторые поведенческие стереоти-

пы юродивых, например, их тягу к странничеству: «На границе Минской губернии с Полесьем в давние времена жили слепцы. Их было так много, что одна за другой начали появляться в той местности целые деревни, населенные слепыми жителями. Часто случалось, что в семьях незрячими были все: мать, отец и дети. <...> Однако полесские слепцы не нищенствовали, они обзаводились семьями, вели богоугодную жизнь. Часть времени они проводили в странствиях. Развлекались они пением духовных песен и игрой на бандурах. И как бы ни были убоги слепцы в силу своей болезни, всюду, где бы они не появлялись, становилось радостно и весело благодаря их чудесным музыкальным способностям» [10, с. 7]. Ж. Санд вполне могла быть наслышана о бродячих певцах Полесья от Шопена, интересовавшегося народной музыкой. Такой феномен не мог пройти мимо внимания Шопена. Возможно, именно поэтому герои Санд граф Альберт и Зденко наделены прекрасными музыкальными способностями. Альберт играет на скрипке, а Зденко сочиняет песни и сам исполняет их в своих странствиях по Богемии.

Руководствуясь классификацией юродивых героев у Достоевского, принадлежащей В.В. Иванову, Зденко нужно отнести к типу художественной адаптации древнерусского типа «природного юродивого». Одновременно образ Зденко также имеет некоторые признаки художественной адаптации типа «юродивого Христа ради», творчески преображенные Ж. Санд. Он также близок общеславянскому народному типу бродячего певца и музыканта. Полагаем, что именно своеобразие славянских культурных истоков, связанных с народной адаптацией христианства, пройдя сквозь горнило творческой мастерской французской писательницы, вобрав в себя романтические темы и образы, смогло привлечь к себе пристальное внимание великого русского писателя.

Нам представляется, что некоторые черты графа Альберта Рудольштадта могли повлиять на формирование образа князя Мышкина, главного героя романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Во-первых, имеет место сходство биографий. Оба героя – сироты и последние отпрыски знатных родов: «Мышкиных теперь и совсем нет, кроме меня; мне кажется, я последний» [2, с. 8], – говорит князь Мышкин о себе. Граф Альберт – «единственный сын и последний представитель рода» [11, с. 116]. Во-вторых, сходством сюжетных линий, связанных с резкими переходами от богатства к бедности и от бедности к богатству, можно считать утрату наследства графом Альбертом и получение наследства князем Мышкиным.

В-третьих, налицо сходство мотива одиночества. Это общие особенности судьбы романтического героя, предопределяющие его одиночество. Мать Альберта умерла при загадочных обстоя-

тельствах, когда тому не было и четырех лет. Воспитанием Рудольштада в детстве занимался аббат, который вместе с теткой героя пытались привить ребёнку поверхностную религиозность. Отец не вмешивался в его воспитание, на этапе юности предоставив его заботам гувернёра-иезуита. Тот же, опасаясь проявлений у Альберта-подростка скрытого душевного недуга, унаследованного от матери, «обращался с ним как с больным ребёнком, а не как с мужчиной» [11, с. 139]. Мышкин «остался после родителей ещё малым ребёнком» [2, с. 24]. Воспитателем утратившего память Мышкина-подростка также становится чужой человек – швейцарский профессор-психиатр Шнейдер, по чьей «особой системе» [2, с. 25] Мышкин и учился. Одновременно Шнейдер «долечивал» [2, с. 25] своего питомца.

В-четвертых, оба героя близки по возрасту: Мышкину в начале романа двадцать шесть лет, Альберту – двадцать девять. Оба страдают загадочной нервной болезнью, сопровождающейся у Мышкина приступами падучей, у Альберта – периодами каталептического сна. И тот, и другой могут отлично держаться в обществе и вызывают у окружающих неподдельный интерес. Правда, между князем Мышкиным и графом Альбертом нет внешнего сходства. Внешность первого ничем не примечательна, второй очень красив. Но у обоих героев отмечается сходство некоторых внешних черт типа романтического героя: бледность, худоба и странный взгляд. Оба наделены некоторыми особенностями. Мышкин чрезвычайно искренний, правдивый и тонко чувствующий человек. Его высказывания иногда носят пророческий характер, например, слова о том, что Рогожин, может быть, и женится, да потом зарежет Настасью Филипповну. Альберт как герой романтического произведения наделён не только даром предвидения, но и особой памятью. Известно, что дар предвидения был свойственен юродивому: «Черты, которые попеременно приписываются юродивому – дар предвидения и неприкосновенность» [8, с. 81].

Альберт уверяет, что помнит множество своих прошлых жизней. Оба героя исключительно добры и религиозны. Оба любят детей и не имеют сословных и моральных предрассудков. Мышкин в Швейцарии дружит с крестьянскими детьми и заступает за обесчещенную девушку Мари. Альберт Рудольштадт дружит с простым крестьянином Зденко. Будучи пятнадцатилетним юношей, Альберт помогает бедной цыганке, встреченной им на дороге, нести её ребёнка, приглашает её в свой замок и дарит гитару. Он проникается особым сочувствием к её ребёнку, девочке-цыганке: «Её ребёнок интересовал меня больше, чем она сама. Мне хотелось ещё посмотреть на девочку, позабавить её и даже совсем оставить у себя. Какое-то нежное чувство проснулось во мне к этому бедному, нуж-

дающемуся в заботе маленькому существу» [11, с. 246].

Заботливое отношение Вани, героя романа «Униженные и оскорблённые» Достоевского, к девочке Нелли и заботы Аркадия Долгорукого, героя романа Достоевского «Подросток», о девочке-младенце напоминают заботы Альберта о маленькой дочери цыганки. Обстоятельством предыдущего (в раннем детстве Консуэло) знакомства Ж. Санд объясняет подсознательное стремление взрослых героев друг к другу. Встретив Альберта через двадцать лет, Консуэло, бывшая той самой девочкой-цыганкой, признаётся: «При первом же взгляде я почувствовала странный трепет» [11, с. 247]. Альберт говорит: «Я был уверен, что уже видел тебя, любил, прижимал к своему сердцу, которое с той минуты, неведомо для меня самого, привязалось к твоему и слилось с ним на всю жизнь» [11, с. 247]. Тема «узнавания» возлюбленной при первом знакомстве присутствует и в романе Достоевского «Идиот»: «Я ваши глаза точно где-то видел... да этого быть не может!» [2, с. 90], – говорит князь Мышкин Настасье Филипповне. Барашковой князь тоже кажется знакомым: «Право, где-то я видела его лицо!» [2, с. 99]. У Достоевского, в отличие от Ж. Санд, «узнавание» незнакомого человека при встрече с ним никак рационально не объясняется. Как нам представляется, это может свидетельствовать о том, что некоторые особенности романтизма – такая, например, как присутствие в обычной жизни иррационального и мистического начала, Достоевскому ближе, чем Ж. Санд.

Речь князя Мышкина во время его сватовства к Настасье Филипповне, находящейся на содержании богача Тоцкого, очень напоминает ответ графа Альберта Рудольштадта его матери, которая спрашивает сына об отношении к Консуэло в том случае, если девушка стала любовницей короля Фридриха Прусского, как о том говорят слухи. Сравним: «Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про вас слова сказать, Настасья Филипповна... Если мы будем бедны, я работать буду, Настасья Филипповна» [2, с. 138], – говорит Мышкин. Граф Альберт отвечает матери: «Заблудшее создание, падший ангел вызвал бы во мне столько нежности и заботливости, что я посвятил бы всю жизнь тому, чтобы утешить его в его падении и защитить от презрения жестоких людей» [12, с. 423].

Мышкин, как и Альберт, влюбляется в удивительную по силе характера и чистоте души женщину более низкого происхождения, чем он сам. И Консуэло, и Настасья Филипповна, воплощающие собой тип бескорыстной героини, близкий романтической традиции, мечутся между искренней любовью и страхом принести возлюбленному несчастье, будучи представительницами социальных «низов». Консуэло бежит из замка графа и возвра-

щается туда, согласившись на брак, лишь после известия, что Альберт находится при смерти. После совершения свадебного обряда граф Альберт впадает в каталептический сон, который окружающие принимают за смерть, и в романе следует сцена ночного бдения Консуэло и Зденко у смертного одра Альберта, напоминающая сцену ночного бдения Мышкина и Рогожина у тела убитой Настасьи Филипповны.

После мнимой смерти супруга Консуэло отказывается от титула и состояния, по праву наследования принадлежащих ей, и вновь пускается в бесконечные странствия. И Настасья Филипповна страдает от внутреннего конфликта. Сначала она отказывается от предложения Мышкина и бежит от него, затем принимает его предложение, но перед венчанием вновь убегает. Ещё одно сходство состоит в том, что у обеих героинь появляются соперницы, чья роль возрастает по мере развития сюжета. Соперницей Консуэло становится баронесса Амалия, а соперницей Настасьи Филипповны – генеральская дочь Аглая Епанчина. Сложно не согласиться с мнением В.В. Иванова, который считал, что определенные черты юродствования (использование культуры юродства не юродивыми) можно наблюдать у Консуэло и Настасьи Филипповны. И это выражается в их самоуничижительных жестах отказа от своих возлюбленных.

Правда, в отличие от героев Достоевского, в романе Жорж Санд любящие молодые люди, надолго расставшись, позже вновь обретают друг друга, благодаря стремлению писательницы к торжеству добродетели в финале романа, соответствующему её романтическим взглядам. Но их встреча происходит уже во втором романе дилогии. В «Консуэло» граф Рудольштадт «умирает», чтобы «воскреснуть» в «Графине Рудольштадт».

Князь Мышкин в финале романа «Идиот» впадает в духовный сон, называемый профессором Шнейдером «совершенным повреждением умственных органов» [2, с. 508]. Художественным «воскрешением» Мышкина у Достоевского можно считать образ Алёши Карамазова в романе «Братья Карамазовы». Роман «Братья Карамазовы» можно считать соответствием второй книге о графе Рудольштадте «Графиня Рудольштадт». Восстав от каталептического сна, граф Рудольштадт поначалу ничего не помнит из тех событий, которые произошли с ним до болезни. Затем он вспоминает свою мать и Консуэло. Однако в том, что касается поведения, он изменяется до неузнаваемости, настолько, что встретив графа в маске, его не узнает даже Консуэло, не говоря о других персонажах. Алеша Карамазов, оставаясь по своему духовному типу тем же человеком, что и князь Мышкин, по своей внешности, манерам и жестикеляции изменён Достоевским до неузнаваемости. Но это всё тот же духовный тип «лучшей тысячи» рус-

ских людей, о котором говорит Версиров в романе «Подросток».

Что касается использования Ж. Санд мотива маски, то она прибегает в этом случае к народной трактовке этого мотива, когда маска, как пишет М.М. Бахтин, «связана с радостью смен и перевоплощений, с весёлой относительностью, с весёлым же отрицанием тождества и однозначности, с отрицанием тупого совпадения с самим собой: маска связана с переходами и метаморфозами» [1, с. 48].

Все сказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что Достоевский, создавая образ юродивого героя князя Мышкина, творчески воспринял и использовал ряд романтических черт образа главного героя романа Ж. Санд «Консуэло» Альберта Рудольштадта. Второй вывод состоит в том, что художественная адаптация образа житейного юродивого оказывалась возможной не только на культурной почве славянских и православных стран, но и в творчестве французской писательницы. Среди объяснений возможности появления образа литературного персонажа с чертами юродивого не на православной почве стоит указать на источник, значение которого невозможно переоценить. Это указание Нового Завета на «юродство проповеди» Христа, равно знакомое православным и католикам: «Ибо, когда мир *своею* мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоудно было Богу юродством проповеди спасти верующих» [9, I: ст. 21].

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 8. – Л.: Наука, 1973. – 512 с.
3. Достоевский Ф.М. Несколько слов о Жорж Занде // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23. – Л.: Наука, 1981. – С. 32–37.
4. Иванов В.В. Безобразие красоты. Достоевский и русское юродство: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1993. – 152 с.
5. Иванов В.В. Юродский жест в поэтике Достоевского // Русская литература и культура нового времени: Сб. науч. тр. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН / под ред. А.М. Панченко. – СПб.: Наука, 1994. – С. 108–133.
6. Иванов В.В. Сакральный Достоевский: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 520 с.
7. Иванов В.В. Поэтика стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: к структурно-силовой теории жанров // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 1. – С. 51–59.
8. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 296 с.
9. Первое послание св. ап. Павла к коринфянам // Новый завет / с первоначального текста, изданного по благословению св. Синода с приложением книги Псалмов. – М., Б. г. – 598 с.
10. Преданья старины красивой // Куклы в народных костюмах. Летний костюм Минской губернии. Вып. 8 / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и ООО «Этноконсалтинг». 2012. – С. 6–7.
11. Санд Жорж. Консуэло: роман: В 2 т. Т. 1 / пер. с фр. А.А. Бекетовой. – М.: Художественная литература, 1988. – 350 с.
12. Санд Жорж. Графиня Рудольштадт: роман / пер. с фр. Д. Лившиц. – Минск: Вышэйшая школа, 1990. – 573 с.

Смирнова Наталья Николаевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
nnsmirnova@mail.ruОТКРОВЕНИЕ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЬВА ШЕСТОВА
(Пушкинские образы: контексты, интерпретации)

В статье рассматривается воздействие пушкинских образов на философскую мысль Льва Шестова. Мышление философа имеет сходные черты с поэтическим, и ключевым здесь является образ невыразимого, неназываемого. И философ, и поэт пытаются найти для него средства выражения, и в этом смысле главная задача как философии, так и поэтического творчества одна и та же, а именно: выражение невыразимого. Мысль Льва Шестова проходит некоторую эволюцию: если в ранний период творчества он ищет твердых оснований для мысли, то в более поздние периоды творчества обращается к понятию беспочвенности. Лев Шестов настаивает на необходимости смены точек зрения ввиду изменчивости, текучести самой реальности как предмета изучения; также он меняет точку зрения и в рассмотрении пушкинских образов. Согласно Льву Шестову, эта изменчивость заложена в самой природе и поэтических образов, и истины в ее существовании. Пушкинские образы символизируют для философа связь с тайной откровения, свидетельствуют об истине бытия.

Ключевые слова: русская литература, русская философия, творчество Льва Шестова, пушкинские поэтические образы в философии, откровение поэзии.

Лев Шестов видел задачу философии, равно как и поэзии, в том, чтобы «выслеживать до конца судьбы отдельных людей» и «задавать такие вопросы, которые исключают всякую возможность каких-либо осмысленных ответов» [9, т. 1, с. 153], и его мысль постоянно возвращалась к «невыразимости главного» [1, т. 2, с. 106]. Поиск истины бытия философ начинает с поиска откровения в литературе. Творчество Пушкина занимает в этом ряду особое место. Л. Шестов не посвящал Пушкину специальных работ, за исключением ранней, не опубликованной при жизни статьи 1899 года «А.С. Пушкин», однако на протяжении всей жизни постоянно к нему обращался. Пушкинские мотивы и образы возникают в ключевых местах сочинений философа.

Несмотря на известное постоянство, с которым Л. Шестов всю жизнь задается важнейшими своими вопросами, – власть разума, истина философии и истина Откровения, дерзновение и покорность, свобода, – мысль его проходит значительную эволюцию; но эта эволюция направлялась единым, и столь же парадоксальным, устремлением мысли к поиску опоры, которой философ, если он не намерен оставаться в пределах истины науки, принципиально найти не может. Нужно выйти за пределы философии, чтобы увидеть неумозрительное постоянство мира.

В ранней статье 1899 года «А.С. Пушкин» Л. Шестов утверждает, что в русской литературе (а в итоге статьи видно, что вывод распространяется и на мировую литературу также) только Пушкин знал ответ на вопрос: «как можно быть идеалистом, оставаясь вместе с тем и реалистом, как можно, глядя на жизнь – верить в правду и добро?» [6, с. 334]. Творчество Пушкина означает для Л. Шестова не просто гармонию идеала и действительности, но и *утверждение* реальности идеала в жизни. Так, в образе Татьяны Лариной (ее вер-

ность супругу: «Но я другому отдана / Я буду век ему верна») Пушкин показывает, «что идеалы существуют на самом деле, что правда не всегда в лохмотьях ходит, и что наряженная в парчу неправда на самом деле, а не только в мечтах, склоняет свою надменную голову перед высшим идеалом добра» [6, с. 337]. В этом смысле Л. Шестов видит пушкинскую традицию в русской литературе: «Тургенев, Достоевский, Толстой – всем, что есть лучшего в их произведениях, <...> обязаны Пушкину» [6, с. 341].

В творчестве Пушкина Л. Шестов находит символ надежды – божественного откровения. Стихи из маленькой трагедии «Пир во время чумы» («Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном океане, / Средь грозных волн и бурной тьмы, / И в аравийском урагане, / И в дуновении Чумы. / Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслаждения – / Бессмертья, может быть, залог...») «звучат <...> точно откровение свыше. Они призывают к мужеству, к борьбе, к надежде – и в тот миг, когда люди обыкновенно теряют всякую надежду и в бессильном отчаянии опускают руки, Пушкин вдохновляется тем, что парализует всех других людей. <...> И в этом мужестве перед жизнью – назначение поэта; в этом – источник его вдохновения, в этом тайна его творчества, которые мы, обыкновенные люди, справедливо называем божественным – так далеко он от нас, так недоступен нам. Там, где мы рыдаем, рвем на себе волосы, отчаиваемся – там поэт сохраняет твердость и спокойствие, в вечной надежде, что стучащемуся откроется и ищущий – найдет» [6, с. 339].

В целом можно сказать, что Л. Шестов в этот период творчества находит в Пушкине идеал гармонии, надежное основание веры. «Опасности, бедствия, несчастья – не надламывают творчество русского писателя, а укрепляют его. Из каждого нового

испытания выходит он с обновленной верой» [6, с. 343], – таков смысл поэтического откровения.

Однако уже в «Апофеозе беспочвенности» (1905) можно видеть несколько иную картину. Нельзя сказать, что Л. Шестов кардинально изменил свой взгляд на творчество Пушкина, что слово поэта перестало быть откровенным для философа, и дело вовсе не в том, что в 1899 году «философ еще не определил свой экзистенциалистский негативизм и провокативный интеллектуальный стиль», как пишет современный исследователь (см.: [3, с. 484]). В новом видении Л. Шестова, прежде всего, отразилась перемена «точки зрения», «убеждения» философа в отношении смысла поиска устойчивости, надежной опоры мысли. Сам вопрос о прочном «убеждении», «мировоззрении», «точке зрения» для Л. Шестова перемещается в иную плоскость. Твердость убеждения – результат четкости и правильности логических посылок и выводов. Человек с убеждениями последователен постольку, поскольку он выводит их из непоколебимых оснований, но и вследствие этого его убеждения статичны, если не сказать, косны. Это и будет одной из постоянных и важнейших тем размышлений Л. Шестова. Логика *A равно A, но не B, не C* имеет смысл в определенных ограниченных рамках. Она ничего не скажет об изменчивости, текучести жизни. Вещи, живые организмы, – все может утратить свою четкую идентичность, если, например, вместо секунды вообразить тысячелетия, не говоря уже о том, чтобы допустить «возможность сверхъестественного вмешательства» [7, с. 109]. Таким образом, в подлинном вопрошании не дан готовый ответ; здесь школьная логика не поможет, так как нет четких посылок, и выводы не могут быть предопределены.

Можно думать, что в начавшийся период *беспочвенности* и связанной с этим постоянной сменой точек зрения, философ задается вопросом: как можно, утратив почву, не ужаснуться существующей в действительности гармонии? Но сомнение философа в том, что он видит – не отрицание, а залог поиска, продвижения «с одной вершины на другую». Вот что говорил об этом сам Л. Шестов: «Нужно усомниться не затем, чтобы потом снова вернуться к твердым убеждениям: это было бы бессмысленно; опыт показал, что такой процесс приводит только от одного заблуждения к другому, – в области последних вопросов, разумеется. **Нужно, чтобы сомнение стало постоянной творческой силой, пропитало бы собой самое существо нашей жизни.** Ибо твердое знание есть условие несовершенного восприятия» [7, с. 88].

В этот период философу уже мало только констатации, что «идеалы существуют на самом деле». Нельзя сказать, что они даже как будто бы теряют свою значимость, но они обрастают плотью, наполняются жизнью; переставая быть идеалами *во-*

обще, абстракциями, они все-таки остаются ими в конкретной действительности. Так, абстрактный идеал верности очень далек от его конкретных проявлений. Абстракция ничего не говорит чувствам, которые, напротив, вызываются конкретными поступками. И если в статье 1899 года Л. Шестов утверждает, что женские образы Тургенева – «это уже давно подмечено – имеют свой прототип в Татьяне Пушкина, и подобно ей являются нравственными судьями и светочами жизни» [6, с. 341], то в «Апофеозе беспочвенности» все выглядит иначе: «В нашей литературе упрочилось мнение, что тургеневские идеальные женщины (Наталья, Елена, Марианна) созданы по образцу и подобию пушкинской Татьяны. Едва ли это правильно: критиков обмануло внешнее сходство. У Пушкина Татьяна является весталкой, приставленной охранять священный огонь высокой нравственности, но исключительно потому, что это дело не пристало мужчине. <...> В том и смысл последних слов Татьяны: “Я другому отдана и буду век ему верна”. У Тургенева же женщина является судьей и наградой (а иногда и вдохновительницей) победителя-мужчины. Разница слишком велика» [7, с. 105]. Идеалам тоже свойственна изменчивость. Если иметь в виду не широкий горизонт, то и не существует женского идеала русской литературы вообще; объединять общей идеей образы Татьяны Лариной и тургеневских женщин – значит размывать, уничтожать идеал. (Ср.: «Кто вообще не увлекался тургеневскими женщинами! А между тем все они отдаются наиболее **сильному** мужчине. У “высших людей”, как у зверей: самцы борются меж собою, самка следит за их борьбой и по окончании ее признает себя рабой победителя» [7, с. 75].)

Точно так же сомнительно существование предзаданных «общеобязательных» (любимое слово Л. Шестова) критериев эстетического суждения. Например, тема – «поэт и толпа». Может ли быть здесь раз и навсегда предзадан критерий, степень независимости художника от аудитории и степень участия этой последней в судьбах искусства? Как утвердить или опровергнуть суждение, что «поэт должен и может быть сам судьей своего произведения» [7, с. 151]? Л. Шестов обращается к стихотворению «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») (1830). Что в реальности может означать ситуация, когда художник сам оценивает свое творение («Ты им доволен ли, взыскательный художник? / Доволен? Так пускай толпа его бранит...»)? Но Шекспир, размышляет философ, мог ли так сказать, мог ли благосклонный суд толпы быть сопоставлен даже с предполагаемым «довольством» Шекспира, например, «Гамлетом»? Если он и радовался благорасположению аудитории, то понимал: «его слезы годятся хоть на то, чтоб развлекать и поучать людей» [7, с. 151]. С другой стороны, декларативная отъединенность Пушкина от

толпы видится Л. Шестову в свете его «внутренней гармонии»: «Если человек хочет сохранить силу и веру в себя, он должен бросить великодушные мечты» – прислушиваться «к строгому суду совести» [7, с. 151], как, например, Шекспир, который «знал, что строгий суд отверг бы его произведения: в них так много страшных вопросов и ни одного удовлетворительного ответа. Неужели этим можно быть “довольным”!» [7, с. 151].

Гармония художника и его вера в себя в дальнейшем будут еще предметом настороженного внимания философа. Один из сквозных образов размышлений Л. Шестова – пушкинский поэт из одноименного стихотворения 1827 года («Пока не требует поэта...»). В этой связи возникает тема ничтожности художника «меж детей ничтожных мира» в противоположность гармонической и возвышенной личности поэта в духе Шиллера, в осмыслении философа далеко выходящая за пределы собственно поэзии.

Уже в «Апофеозе беспочвенности» возникает первая вариация темы Пушкин – Шиллер: боговдохновенное творчество поэта, осознающего себя погруженным в суету мира, в противоположность шиллеровской «благородной торжественности». Эта тема получает продолжение в статье «Вячеслав Великолепный» (1916), вошедшей позднее в книгу «Власть ключей» (1923). С одной стороны – «дифирамбический подъем» Шиллера, который так вдохновляет Вяч. Иванова, с другой – «так много страшных вопросов», мучивших Пушкина и не дававших ни малейшего повода ни к дифирамбическому восторгу, ни к назидательности. Л. Шестов останавливается на статье Вяч. Иванова из сборника «По звездам» (1909), посвященной пушкинскому стихотворению «Поэт и чернь»: «Покажется невероятным, но В. Иванов в тяжбе Пушкина с чернью берет сторону этой последней. Поэт не должен уходить от Черни. (В. Иванов пишет Чернь с прописной буквы.)» [9, т. 1, с. 251–252]. Далее следует поясняющая цитата из статьи Вяч. Иванова: «Истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве. Минует срок отъединения. Мы идем тропой символа к мифу. Большое искусство – искусство мифотворческое. Из символа вырастает искони существовавший в возможности миф, это образное раскрытие имманентной истины духовного самоутверждения народного и вселенского» (цит. по: [9, т. 1, с. 252]). Суть рассуждений Вяч. Иванова Л. Шестов выражает следующим образом: «От поэта мы вправе *требовать* врачевания и очищения в разрешающем восторге» [9, т. 1, с. 253].

Теперь тема поэта и толпы рассматривается философом с другой точки зрения. Не «дифирамбическим подъемом», разумеется, был «доволен» пушкинский поэт, а страшные вопросы никогда не смогут «примирить Поэта и Чернь в большом все-

народном искусстве». И если публика рукоплещет Шекспиру, а не немеет от ужаса, значит, не понимает или плохо понимает. Так, в «Апофеозе беспочвенности» Шестов пишет о Шекспире: «Он не мог не обвинить свое детище, – слава Богу, что хоть люди его оправдали. Оправдали, правда, потому, что не поняли или плохо поняли, но это уже не важно» [7, с. 151–152]. И действительно ли цель искусства, как и «последняя цель земной жизни человека», в очищении и разрешении страшных вопросов, в конце концов в том, чтобы «достигнуть такого состояния, когда можно провозгласить Осанну всему мирозданию» [9, т. 1, с. 154]? Или, может быть, задача искусства, равно как и философии, задавать эти вопросы, которые *исключают всякую возможность каких-либо осмысленных ответов?*

Пушкинские образы постоянно возвращают философа к таким вопросам. Образ поэта, осознающего свою ничтожность «меж детей ничтожных мира» в противоположность восторженному певцу дифирамбов неоднократно возникает в книге «Власть ключей». Л. Шестов никогда не рассматривал идеи вне связи с личной судьбой тех, кто их высказывал, так как знал, что у любого мыслителя (это была одна из постоянных тем его философии) есть *истина для себя* и *истина для других*. Есть идеи, которые философ, художник предъявляют миру, повторяя их громко и восторженно, и есть мысли, которые приходят на ум человеку, оставшемуся наедине с собой. Здесь восторг, дифирамбический подъем, дионисийское буйство, катарсис – неуместны. Здесь последние вопросы бытия имеют другой смысл и совсем необязательно получают удовлетворительный ответ. Скорее, даже и не могут его получить, потому что вопрос задает разум, а в ответе нуждается душа. Разум задает вопрос, который душе не внятен. Разум прибегает к логике, душу доказательства не убеждают. Разум убеждает, принимает или опровергает убеждения, он ищет истину по законам мышления. Высшая способность души – в пробуждении, когда ей раскрывается тайна. Разум овладевает истиной и учителевствует, проповедует от ее имени. Душа не властна над открывшейся ей тайной: пробудившись – она знает ее, заснув – забывает.

К какого рода истинам стремится философия, используя научные методы разыскания, и не остаются ли полученные таким образом истины лишь известными ответами, которые уже подразумевались в самих вопросах? Вторая часть книги «Власть ключей» открывается словами Плотина: «Что такое философия? Самое ценное». Л. Шестов рассматривает сквозь это утверждение принципы искания истины в истории философии. Этим принципам философ противопоставляет описанное Плотиним видение внезапно пробудившейся к Единому души. Говоря о *пробуждении* Плотина¹ (в статье «Неистовые речи» (1926), вошедшей затем в книгу

«На весах Иова» (1929)), Л. Шестов замечает: «Со всем как у Пушкина, который, конечно, Плотина не знал². *Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон* <...> Когда так говорил Пушкин, мы принимаем его слова за метафору. Или даже вслед за Аристотелем, повторяем про себя: много лгут поэты. Но Плотин ведь не поэт. Плотин – философ, и, как мы уже знаем, философ, которому даже наша современность отводит лучшее место в Пантеоне великих искателей последних истин. Что же, и о нем сказать – “много лгут”? Или сделать, как это нередко делают с Платоном, выкорчевать из него все такого рода признания и сохранить только “обоснованные”, доказанные положения? И пробуждение, о котором он так часто и так вдохновенно говорит, заменить каким-либо другим, менее рискованным словом?» [9, т. 2, с. 328].

По мысли Л. Шестова, для Плотина *самым ценным* было именно такое видение внезапно пробудившейся души, только «какое отношение к философии имеет все, о чем нам поведал Плотин? Есть ли это еще философия, или Плотин, не давая себе в том отчета <...> перелетел из области одного знания в область другого, на первое совсем и не похожего? <...> Ведь если прав Плотин, если философия есть самое ценное и если то, что мы привели из Плотина, есть философия (а вытравить *это* из Плотина – значит вытравить из него душу), – то по какому праву мы изгоняем из области философии Моцарта и Бетховена, Пушкина и Лермонтова, по какому праву Платон изгонял поэта из государства, и не пришлось бы Платону самому первому уйти из того государства, которое отказало бы в правах гражданства поэтам?» [9, т. 1, с. 163, 164].

Таким образом, не есть ли *самое ценное* в философии – боговдохновенная поэзия, тайна откровения, которую только с большой долей условности можно назвать истиной? С другой стороны, почему это самое ценное менее всего обращает на себя внимание в философии, а если и обращает, то его стремятся во что бы то ни стало вытравить и изгнать? Почему в итоге в распоряжении философии (да и искусства тоже) остаются «идеи» и «истины», не противоречащие разуму? Очевидно, потому что в философии они общеобязательны, а в сфере искусства – поражают публику пророческим пафосом и дифирамбическим подъемом. Родство между философией и искусством в том, что они равным образом могут отражать пробуждение души, но и в противоположном: они равным образом могут *убеждать* в своих «идеях» и «истинах», действуя на разум то неопровержимыми доказательствами, то возвышенными страстями.

В работах Л. Шестова, рядом с образом боговдохновенного философа Плотина, постоянно возникает образ пушкинского поэта, призванного Аполлоном. Пушкинскому поэту чужд пророческий пафос в духе Шиллера. Провозглашать

Осанну всему мирозданию можно, только будучи уверенным в общеобязательности своих слов: тот, кто обладает истиной, – тот учителствует. Но пробудившаяся душа не может учительствовать, потому что она *не знает* того, что ей открылось, *не обладает истиной*. Вследствие этого в творчестве и жизни философа и поэта всегда много примеров непоследовательности, с рациональной точки зрения, противоречий своим собственным идеям и убеждениям. С одной стороны, стремление Плотина к доказательности, к обоснованию разума как высшей ценности, с другой – недоверие к разуму в моменты духовного пробуждения. И это, как показал Л. Шестов, – не драма идей, а драма человеческой жизни и судьбы³. И не здесь ли подлинная разгадка тайны «внутренней гармонии» Пушкина, которой философ посвятил столько дум? В жизни и творчестве поэта, с одной стороны: «Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв», а с другой – «непрерывные житейские волнения, непрерывные мелкие стычки и вечные неизбывные заботы <...> Как жестоко посмеялась судьба над Пушкиным <...>! Ведь в битве он и погиб, в битве с пустым и жалким человеком, умевшим хорошо владеть пистолетом!» [9, т. 1, с. 60]. Жизнь философа и поэта во всей ее иррациональности и непоследовательности, являет пробуждения и откровения, которые недоступны разуму, и никак не могут составить «методического оправдания <...> верного понятия о судьбе» [5, с. 16]. «Есть вещи, – говорит Л. Шестов, – которые лучше не объяснять, не понимать» [9, т. 1, с. 60]⁴. Эта фраза в равной мере обращена и к поэзии, не чуждой пророческого пафоса, и к философии, пытающейся объяснить тайны судьбы поэта, к «всезнающей», «выдержанной и последовательной» философии, которая «хочет несомненности и уверенности в том, что два больше, чем один, и всегда хочет захватить два, чтоб быть сильнее того, у кого есть один. Бедный Пушкин со своими сладкими звуками и молитвами! <...> Разумная философия должна, конечно, взять сторону Дантеса, предположив, как всегда, своему волеизъявлению легионы благородных слов. Ибо философия, как Дантес, хочет бить наверняка, без промаха, ориентируясь по неподвижным звездам» [9, т. 1, с. 61]⁵.

Вновь к образу пушкинского поэта Л. Шестов обращается в книге «Афины и Иерусалим», над которой работает последние десять лет жизни. Темы знания и откровения, обладания истиной и посвящения в тайну сопряжены с откровением поэзии Пушкина: «“Посвященный” не есть “знающий” – т. е. человек, однажды навсегда овладевший “тайной”. Тайной нельзя овладеть однажды навсегда, как овладевают истиной. Тайна приходит и уходит: и, когда она уходит, посвященный оказывается самым ничтожным из ничтожных детей мира...» [9,

т. 1, с. 627]. Таким образом, истине познания, философии, опирающейся на научную методологию, четко и недвусмысленно противопоставляется тайна, которая сама избирает пути откровения, неподвластные разуму.

Л. Шестов напряженно размышляет о возможностях философии, отказавшейся от диктата разума, логики *A есть A*, закона противоречия (не может быть В, если имеет место А), наконец, диалектики. Какое может иметь отношение диалектика, искусство спора, выведения истины, к тайне откровения, никогда ни из чего не выводимой. Что скрывается за желанием «несомненности и уверенности в том, что два больше, чем один», какие ординарные, *слишком человеческие* потребности обслуживает философия, призванная видеть *самое ценное*? Если разум утверждает *с необходимостью* все эти общеобязательные истины, то отказаться от его услуг – значит обрести *свободу*, которая, по мысли философа, гораздо важнее в размышлении над последними вопросами бытия, чем правила диалектики. И судьба мыслителя может быть гораздо красноречивее добытых им рациональными методами истин. Пушкинский образ из стихотворения «Пророк» (1826) вдохновляет философа на предвидение возможностей мышления, свободного от диалектики и принудительных истин: «Мышление, учил Платон, есть неслышная беседа души с собой. Конечно, если мышление есть мышление диалектическое. Тогда, даже оставаясь наедине, человек не может молчать и продолжает разговаривать: ему все мерещится противник, которому нужно что-то доказать, которого нужно убедить, принудить, вырвать у него согласие. <...> Разве идея принуждающей необходимости, которой живет диалектика, так уже непреборима? <...> Мышление не есть беседа души с собой, мышление есть, вернее, может быть много большим, чем беседа, и обходиться без диалектики. Об этом сказано у Пушкина: Он вырвал грешный мой язык и празднословный и лукавый» [9, т. 1, с. 654].

Несомненно, у Л. Шестова был свой Пушкин. Образ и судьба Пушкина символизировали для философа связь с тайной откровения в самом ее существе. Нельзя сказать, что это было привнесено философом в образ поэта совершенно извне, без всяких на то оснований. И Пушкин, в свое время выступавший против рационализма литературной критики, обращался *к таким вопросам, которые исключают всякую возможность каких-либо осмысленных ответов*: «В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: “Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая*?”» [2, т. 7, с. 514]⁶.

Примечания

¹ «Эннеады» (IV, 8, 1, 1–6): «Часто, просыпаясь к самому себе из тела и отрывая свое внимание от внешних вещей, чтоб сосредоточиться на себе са-

мом, я вижу дивную и великую красоту и убеждаюсь твердо в том, что судьба предназначила меня к чему-то высшему; тогда я живу лучшей жизнью, отождествляясь с богом и, погружаясь в него, достигаю того, что возвышаюсь над всем умопостигаемым...» (Цит. по: [9, т. 2, с. 328]).

² Л. Шестов подчеркивает, что тайна Откровения не знает религиозных, конфессиональных границ: «Для Плотина, хотя он и жил в сравнительно позднюю эпоху, когда “свет с Востока” стал доступен всему Греко-римскому миру, Библия была, конечно, такая же книга, как и все другие книги: откровения он в ней видеть не мог. Значит это, что <...> он не чувствовал возможности таких источников познания, которые не доступны “естественному” разуму и дают истины, не мирящиеся с истинами, добываемыми нами “естественным” путем?» [9, т. 2, с. 327].

³ Этому отдельно посвящена незавершенная работа Л. Шестова о Плотине (см.: [8, с. 151–231]).

⁴ Речь идет о статье Вл. Соловьева «Судьба Пушкина».

⁵ В двух последних фразах – аллюзии к статьям Вл. Соловьева «Судьба Пушкина» (1897) и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899) и книге Вяч. Иванова «По звездам. Статьи и афоризмы» (1909), в которую входит статья «Поэт и Чернь».

⁶ И далее: «Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов 1830 года?» [2, т. 7, с. 514]. Пушкин напечатал эту заметку в № 12 «Литературной газеты» от 25 февраля 1830 г. Заметка эта была откликом на статью Н.И. Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии», опубликованную в журнале «Вестник Европы» № 1–2 (январь) за 1830 г. В этой статье Надеждин выступал против Пушкина, прямо его не называя (подробнее об этом: [4, с. 89–97]). Надеждин оценивал творчество Пушкина с точки зрения нормативной поэтики. Такой рационалистический подход был всегда чужд поэту.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н.А. О русской философии: в 2 т. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – Т.2. С. 104–108.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Т. VII. – М.: АН СССР, 1958.
3. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. / сост., вст. ст., библиографические справки Р.А. Гальцевой. – М.: Книга, 1990. – 527 с.
4. Смирнова Н.Н. «Гробовщик» А.С. Пушкина и некоторые эпизоды литературно-критической по-

лемики конца 1820-х – начала 1830-го года // Начало: сб. статей. – Вып. 5. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 89–97.

5. Соловьев Вл. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике. – М., 1990. – С. 15–41.

6. Шестов Лев. Умозрение и Откровение. – Париж: YMCA-PRESS, 1964. – 343 с.

7. Шестов Лев. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 216 с.

8. Шестов Лев. Роковое наследие. О мистическом опыте Плотина. (Публикация М. ван Губерген.) // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 9. – М.: Открытое общество «Феникс», 1992. – С. 151–231.

9. Шестов Лев. Соч.: в 2 т. – М.: Наука, 1993.

УДК 821.161.1.09"19"

Кустова Ольга Борисовна
Ивановский государственный университет
KustovaOB@yandex.ru

АРХЕТИП РЕБЕНКА, ВЫРАЖЕННЫЙ В СРАВНЕНИЯХ, В ОЧЕРКАХ ПУТЕШЕСТВИЯ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

В статье рассмотрен архетипический образ ребенка, отраженный в сравнениях, в книге очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», выявлена его роль в данном произведении и в контексте творчества писателя. Воплотившиеся в образных сравнениях представления Гончарова можно сблизить с размышлениями К. Юнга об архетипе ребенка. Его путешественник, лицо во многом автобиографическое, – духовный младенец, отправившийся в кругосветное путешествие, где обрел зрелость, сохранив при этом подлинный и живой интерес к миру. Младенческая вера, непосредственность, естественность чувств – вот самое главное, истинное в человеке, по Гончарову. В каждом своем произведении писатель так или иначе задает сакральный вопрос о том, как найти компромисс между естественностью детского мировосприятия и взрослением, развитием человека – социальным, интеллектуальным, цивилизационным, духовным. Потому так много его героев и сравнивается с детьми, что он лелеет их детскость, мечтая, тем не менее, о таком гармоничном развитии, чтобы человек или народы, цивилизации смогли сохранить лучшие черты, присущие их младенческому состоянию, и обогатиться новыми, положительными свойствами, приобретенными в процессе взросления.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Фрегат “Паллада”», архетип, сравнение, ребенок, младенец, дитя, инициация, путешествие, К.Г. Юнг.

«Фрегату “Паллада”» принадлежит особая роль в творческой судьбе И.А. Гончарова. Книга эта, по выражению автора, принесла ему «одно приятное, не причинив ни одного огорчения» [1, с. 232]. Между тем произведение представляет собой «сложное художественное единство, обладающее и особой композиционной организацией, и изысканным стилем» [6, с. 134]. Исследователями творчества писателя признана тесная связь «Фрегата...» с его романами¹. В очерках путешествия отражены характерные для гончаровского творчества эпичность мышления, психологизм, глубина философского осмысления действительности. Всем художественным произведениям Гончарова свойственны риторическая природа языка повествователя, орнаментовка тропами и разнообразными фигурами речи. Одним из наиболее частотных стилистических приемов является сравнение. Об этом писали, в частности, Н.И. Пруцков [11], Н.Л. Ермолаева [5], М.Б. Лоскутникова [9].

Особую роль в произведениях Гончарова играют сравнения, в которых появляются образы-архетипы, выводящие читателя в надбытийный план повествования². Большой мифологический потенциал обнаруживают и сравнения во «Фрегате...». «Путешественнику стыдно заниматься будничным делом: он должен посвящать себя преимущественно тому, чего нет давно, или тому, что, может быть, было, а может быть, и нет» [3, т. 2, с. 15], – вот один

из важнейших посылов первых страниц произведения. Надо полагать, само название корабля, на котором писатель отправляется в путь, – «Паллада» (а это одно из наименований древнегреческой богини Афины) – становится источником вдохновения для Гончарова-художника и мощным стимулом для мифологического осмысления им реальности. Ступив на борт фрегата 7 октября 1852 года, он выходит из конкретно-исторического времени в бытийное пространство, осознавая себя «ребенком», «героем», «путешественником», «новым аргонавтом», Улиссом, Энеем. Все эти архетипические образы писатель вводит через сравнения, как бы проводя мостик между миром реальным (секретарь адмирала Путягина) и ирреальным (герой мифа).

Анализируя фабулы романов Гончарова, исследовательница Н.К. Шутая отмечает, что все они строятся на том, что «герой покидает своё родовое гнездо и отправляется в большой мир» [14, с. 58]. «Фрегат “Паллада”» также вписывается в эту фабульную формулу. Выходя в море, становясь путешественником, повествователь повторяет архетипическое действие, присущее его любимым мифологическим героям – аргонавтам, Улиссу (Одиссею), Энею. Такое повторение действия-архетипа устраняет мирское время и осуществляет переход к времени мифологическому.

В качестве объекта сравнений у Гончарова в этом произведении особую роль играет архе-

тип ребенка. Его синоним появляется в первом же сравнении вместе с излюбленными Гончаровым мотивами судьбы и искусства (творчества): «Меня удивляет, как могли вы не получить моего... письма именно из тех мест, где об участии письма заботятся, как о судьбе новорожденного младенца» [3, т. 2, с. 8] (курсив везде мой. – О.К.). В данном случае письмо – это творческий акт писателя, свидетельство рождения первых страниц книги, замысел которой до конца не воплощён, и повествователю не известно, воплотится ли он. Затем архетип ребенка соотносится уже с образом путешественника. Испытывая мучительные сомнения перед отплытием, повествователь вздыхает: «...Только это и доставалось мне сделать при мысли, что я ещё два месяца буду ходить, как ребёнок, держась за юбку няньки» [3, т. 2, с. 12]. На следующих четырех страницах текста с образом повествователя окажутся соотнесены сравнения с «совершенным сиротой» («Приехав на фрегат, ещё с багажом, я не знал, куда ступить, и в незнакомой толпе остался совершенным сиротой»), «жертвой» («...на меня смотрели с болезненным любопытством, как на жертву, обреченную пытке») [3, т. 2, с. 9, 12, 17–18, 20].

Воплотившиеся в этих образах представления Гончарова можно сблизить с размышлениями К. Юнга об архетипе ребенка. Опираясь на мифологические представления разных народов, Юнг в своей работе «Душа и миф. Шесть архетипов» [16] выделяет следующие общие черты архетипического образа ребенка: это бог-младенец, обычно подкидыш, часто подвергающийся чрезвычайной опасности. Рассматривая образ бога Диониса, Юнг отмечал двусмысленную психофизическую ситуацию: с одной стороны, бог-младенец беспредельно одинок, сирота, с другой стороны, он, тем не менее, находится дома в первобытном мире, лелеемый богами. У героя Гончарова перед отплытием возникает необходимость сравнения себя с сиротой, что символизирует не только отрыв от «родного», «близкого», «своего», расставание с родиной, но и выход в «чужой» мир, полный неизвестности и опасностей. Для того чтобы приобщение путешественника во «Фрегате...» к новому миру состоялось, ему, как и мифологическому герою, необходимо пережить «исход – инициацию – возвращение». Прежде всего он приобщается к водной стихии, а затем к морской жизни («я, по младенчеству моему в морском деле...»), к миру человеческих взаимоотношений. Страшась опасностей морского путешествия («Робкий ум мальчика, родившегося среди материка и не видавшего никогда моря, цепенел перед ужасами и бедами, которыми наполнен путь пловцов» [3, т. 2, с. 10]), повествователь всё же не боится океана, осознавая его как родственное своей душе пространство. По Юнгу, Бог-младенец, прототип младенца-сироты, находится в глубоком родстве с первичной

стихией, и поэтому его сущность во всей полноте раскрывается тогда, когда лоном богоявления становится вода. Сознательно – или бессознательно – в душе Гончарова оживает эта архетипическая связь, и образы «младенца», «сироты» появляются именно на фоне взаимодействия с водной стихией, океаном, и шире – с Космосом: «Еще мучительнее прежнего хотелось взглянуть живыми глазами на живой космос. “Поддал бы я, – думалось мне, – доверчиво мудрецу руку, как дитя взрослому, стал бы внимательно слушать, и, если понял бы настолько, насколько ребенок понимает толкования дядьки, я был бы богат и этим скудным разумением”» [3, т. 2, с. 11]. Герой Гончарова словно ощущает ностальгию по мифическому правремени, повышая тем самым значимость метафизического бытия перед реальным.

Путешественник плывет по океану – прародителю всех вещей, колыбели человечества. Эта стихия представляется ему неукротимой и беспредельной, ей родственна сама тайная природа человека. В морском путешествии можно легко увидеть трансформацию древнего мотива переправы на другой берег и возвращения обратно в новом качестве. Таким образом, сюжет жизни Гончарова и сюжет его творения сходен с архетипическим сюжетом «преображения». Писатель, осмысляя своё путешествие в очерке «Два случая из морской жизни», рассматривает его как возможность скорого духовного преобразования человека, его духовного взросления: «...Тут человек в месяц вырастет в учёного мыслителя, географа, этнографа, филолога, естествоиспытателя или поэта, поклонника красот природы» [3, т. 3, с. 6]. Примечательно, что, приобщившись к жизни на корабле, повествователь сравнивает себя уже со «школьником», что отражает процесс духовного взросления героя. Проследить этот процесс можно, например, через оценочные сравнения, которые он дает кораблю. Сначала повествователь сопоставляет фрегат со «щепкой, корзинкой, эпиграммой на человеческую силу», затем с – «лебедем», «старой кокеткой» и, наконец, видит в нем человеческое, близкое, «свое»: «Если б вы знали, что за изящное, за благородное судно, что за люди на нём, так не удивились бы, что я скрепя сердце покидаю “Палладу”!» [3, т. 2, с. 6]. Так в процессе путешествия меняются ценностные ориентации героя, фрегат становится для него новым домом, частью «русского», «своего мира».

Осознание повествователем себя ребенком в начале путешествия, его размышления о духовном преобразении и взрослении во время морской жизни не случайны. В начале своего путешествия он ожидает, что ему предстоит увидеть мир, постичь его тайны, открыть первобытный Рай: «Нет, не в Париж хочу, – помните, твердил я вам, – не в Лондон, даже не в Италию, как звучно вы о ней ни пели, поэт, – хочу в Бразилию, в Индию, хочу

туда, где солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом превращает в камень всё, чего коснется своим огнем; где человек, как праотец наш, рвет несаяный плод, где рыщет лев, пресмыкается змей, где царствует вечное лето, – туда, в светлые чертоги Божьего мира, где природа, как баядерка, дышит сладострастием, где душно, страшно и обаятельно жить, где обессиленная фантазия немеет перед готовым созданием, где глаза не устанут смотреть, а сердце биться» [3, т. 2, с. 10–11]. Герой-путешественник стремится в Центр мира, в нечто абсолютно сакральное, в территорию абсолютной реальности. Эта трудная дорога полна опасностей, как полны опасностями были путешествия аргонавтов в поисках Золотого Руна или странствия Одиссея. Туда, в этот Центр, в этот Рай, нужно ещё добратся, прорваться к солнечному свету через мрак своих сознательных и бессознательных страхов. А для архетипа ребенка, по Юнгу, как раз и характерны деяния, смысл которых заключается в покорении тьмы. Несмотря на покинутость, брошенность на произвол судьбы, в этом архетипическом образе заложено в то же время божественное могущество: очень часто ничем не примечательное, весьма сомнительное начало венчает триумфальный конец. Архетип ребенка характеризуется особо острым переживанием сакральной реальности, обязательным наличием внутренних или внешних препятствий, давления сил судьбы. Это начальная точка, в которой определяется конечная ценность или ничтожность личности. Путешествие для Гончарова стало преодолением себя, победой над собой и, конечно же, открытием мира как земного шара и русского мира, к которому он приобщился на фрегате, а затем в Сибири. Благополучный исход экспедиции, посланной к берегам недружественной Японии, становится положительным ответом на главный архетипический экзистенциальный посыл, заложенный в сравнениях в начале «Фрегата...».

Детское мироощущение оживает вновь и вновь на страницах «Фрегата...», когда повествователь оказывается в пространстве, близком его представлению об идеальном. На острове Мадера он был подхвачен двумя «рослыми», «красивыми» людьми, о чем с юмором сообщает в книге: «Я ожидал, что они не поднимут меня, но они, как ребенка, вскинули меня с паланкином вверх и помчали по улицам» [3, т. 2, с. 91]. Далее он назовет паланкин колыбелью, усиливая тем самым предыдущее сравнение. Попав в страну обетованную, Японию, повествователь пишет: «В иную минуту казалось, что я *ребенок*, что няня рассказала мне чудную сказку о неслыханных людях, а я заснул у ней на руках и вижу всё это во сне» [3, т. 2, с. 458].

Интересно, что Юнг связывает архетип Младенца и с темой искусства. В пример он приводит культ Диониса на Лерне, где призываемый молящимися бог появляется из лона вод в образе маль-

чика с лирой. Не та ли лира и в руках Гончарова художника, в душе которого борются секретарь адмирала и великий писатель? Эта раздвоенность души создателя «Фрегата...» проявилась в жанровой неоднозначности и стилевой неоднородности произведения. Лирико-сентиментальные, романтические фрагменты, философские размышления, психологические прозрения соседствуют с попыткой создания географических научных описаний некоторых увиденных мест, с их обязательными бытовыми зарисовками.

Архетип ребенка прослеживается не только в сравнениях, связанных с образом главного героя-путешественника. Отца Аввакума, священника на фрегате, повествователь считает «просто примером ровного, покойного характера и кроткой, почти *младенческой души*» [3, т. 2, с. 729]. С юмором обрисован во «Фрегате...» матрос Фаддеев, вестовой Гончарова. Повествователь называет его «*младенцем* с исполинскими кулаками» [3, т. 2, с. 84], с добродушным смехом наблюдая за его непрощенностью.

Автор использует образ ребенка в качестве объекта сравнения и при описании природы («...небо захочет будто бы стемнеть, да вдруг опять засветлеет, *точно ребенок*, нахмурится: того и гляди, заплачет, а он вдруг засмеялся и пошёл опять играть!..» [3, т. 2, с. 523]; «речка потеряла веселый вид и опечалилась, как *печалится вдруг резвое и милое дитя*» [3, т. 2, с. 651]). По Гончарову, природа – вечный ребенок, капризный, непредсказуемый, но прелестный. Писатель активно олицетворяет не только природу, но и предметы: «Вот уж четвертый день ревет крепкий NW; у нас травят канат, шкуну взяли на бакштов, то есть она держится за поданный с фрегата канат, как *дитя за платье няньки*» [3, т. 2, с. 400]. «На песке у самого берега поставлена батарея, направо от нее верфь, *еще младенец*, с остовом нового судна, дальше целый лагерь палаток, две-три юрты, и между ними кочки болот. Вот и весь Аян» [3, т. 2, с. 632]. Вообще, Гончаров любит вещный мир не менее природного, и можно предположить, что сравнения неживых предметов с ребенком могут быть маркерами теплого отношения повествователя к субъектам изображения. Кроме того, вероятно, такое восприятие верфи связано с тем, что в Сибири, на Дальнем Востоке он увидит цивилизацию в младенческом состоянии.

Большое количество сравнений с ребенком (детьми) мы находим у художника при описании наций и народов, «*невозделанных детей* невозделанной природы», чьё современное состояние жизни он определяет как «*младенчество*». К таким народам он относит китайцев, японцев, корейцев, ликейцев, якутов. По отношению к японцам, например, Гончаров использует оксюморон «*младенчески старческая цивилизация*». Главной причиной такого состояния дел писатель считает отчуждение

островных государств от цивилизационного развития. Вот что, в частности, он пишет о японцах и Японии: «Они видят, что их система замкнутости и отчуждения, в которой одной они искали спасения, их ничему не научила, а только остановила их рост. Она, как школьная затея, мгновенно рушилась при появлении учителя. Они одни, без помощи; им ничего больше не остается, как удариться в слезы и сказать: “Виноваты, *мы дети!*” – и, *как детям*, отдаться под руководство старших» [3, т. 2, с. 353]; «Но пока им не растолковано и особенно не доказано, что им хотят добра, а не зла, они боятся перемен, хотя и желают, не доверяют чужим и ведут себя, *как дети*» [3, т. 2, с. 355]; Япония «одряхла в бессилии и мраке *жалкого детства*» [3, т. 2, с. 354]. Путешествие окажет на мировоззрение Гончарова огромное влияние. Впоследствии в письмах к А.Ф. Кони [4] и в публицистике он снова и снова будет обращаться к сопоставлению жизни человека с образами морской стихии и моряков.

Сравнения, объектом которых является образ ребенка, мы наблюдаем во всем романном творчестве Гончарова. Ещё И.Ф. Анненский в 1892 году в статье «Гончаров и его роман “Обломов”» называл романы писателя актами самосознания и самопроверки. [2, с. 253]. В «Обыкновенной истории» главный герой попадает в чуждый ему мир. Уехав из деревни, из теплого мира детства, «духовный младенец» Адуев оказывается в круговороте столичной жизни, где дядя ставит перед ним задачи, имеющие характер инициации. Всё то, что дядя не принимает в Александре и подобных ему романтиках, он пренебрежительно называет «ребячеством», нетерпеливо ожидая взросления своего племянника [5, с. 235–238]. И в финале романа Адуев-младший начинает уже мыслить категориями своего дяди, отрекаясь от себя прежнего: «это всё равно что ушибиться и потом ударить то место, о которое ушибся, *как делают дети* <...> Мечты, игрушки, обман – всё это годится для женщин и детей, а мужчине надо знать дело как оно есть» [3, т. 1, с. 418]; «Стыжусь вспомнить, как я, воображая себя страдальцем, проклинал свой жребий, жизнь. Проклинал! какое жалкое *ребячество* и неблагодарность!» [3, т. 1, с. 449]. Пройдя ряд жизненных испытаний, в финале романа герой отрекается от себя прежнего, «взрослеет» и органично вписывается в уклад жизни «каменного» Петербурга.

В начале одноименного романа Обломов радуется, «что лежит он, беззаботен, *как новорожденный младенец*, что не разбрасывается, не продает ничего...» [3, т. 4, с. 29]. Приметы детскости в облике героя не раз увидит автор. Штольц видит ребенка не только в Илье Ильиче, но и в Ольге («очаровательное *дитя*»). Перед ним Ольга – действительно дитя, но перед Обломовым она – взрослая женщина: «Ты знаешь, *я уж не дитя* и меня не так легко смутить вздором...» [3, т. 4, с. 149], – скажет она

герою. Именно в «Обломове» Гончаров высказывает важную мысль об иррациональной природе детского мировосприятия: «Может быть, когда *дитя* еще едва выговаривало слова, а может быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрело на всё тем пристальным *немым детским взглядом*, который взрослые называют тупым, оно уж видело и угадывало значение и связь явлений окружающей его сферы, да только не признавалось в этом ни себе, ни другим» [3, т. 4, с. 120].

Образ «простой, *младенческой души*» мы встретим и в романе «Обрыв». Так характеризует Райский учителя Леонтия Козлова, увлеченного ученого и одновременно «*недогадливого младенца*»: «Редко где встретишь теперь небритых, нечесаных ученых, с неподвижным и вечно задумчивым взглядом, с одною, вертящуюся около науки речью, с односторонним, ушедшим в науку умом, иногда и здравым смыслом, неловких, стыдливых, убегающих женщин, глубокомысленных, с забавною рассеянностью и с умильной *младенческой простотой*, – этих мучеников, рыцарей и жертв науки [12, т. 7, с. 187]. С ребенком Гончаров сравнивает и героиню этого романа: «*божний младенец*» Марфинька, в которой Райский ощутил «*детское, херувимское дыхание свежести*» [3, т. 7, с. 287]; первая возлюбленная Райского Наташа: «Для нее любить – значило дышать, жить; не любить – перестать дышать и жить. На вопросы его: “Любишь ли? Как?” – она, сжав ему крепко шею и стиснув зубы, *по-детски* отвечала: “Вот так!”» [3, т. 7, с. 140]; и даже о Вере Райский говорит *как о младенце, «но с титанической силой»* [3, т. 7, с. 360].

Младенческая вера, непосредственность, естественность чувств – вот самое главное, истинное в человеке, по Гончарову. И в каждом своем произведении писатель так или иначе задает сакральный вопрос о том, как найти компромисс между естественностью детского мировосприятия и взрослением, развитием человека – социальным, интеллектуальным, цивилизационным, духовным. Как без существенных потерь перейти от младенчества к зрелости? Потому так много его героев и сравнивается с детьми, что он лелеет их детскость, мечтая, тем не менее, о таком гармоничном развитии, чтобы человек или народы, цивилизации смогли сохранить лучшие черты, присущие их младенческому состоянию, и обогатиться новыми, положительными свойствами, приобретенными в процессе взросления. Потеря детства (детскости) внутри себя грозит потерей духовного равновесия, отсутствием интереса к жизни. И очень важно, что во «Фрегате...» духовный младенец, отправившийся в кругосветное путешествие, обрел зрелость, сохранив при этом подлинный и живой интерес к миру.

Архетип ребенка в сравнениях будет возникать в творчестве Гончарова каждый раз перед открытием его героями нового, на пороге важного решения

или при подведении жизненных итогов, отражая авторские представления об идеальном мироустройстве. Известно, что в художественном тексте осуществляется категоризация и эстетическая концептуализация мира, эксплицируется индивидуально-авторский опыт способа его восприятия и интерпретации. Сравнения во «Фрегате», являясь стилистической доминантой произведения, в большей мере способствуют этому, позволяя автору осмыслить жизнь в её целостности, соединить мир реальный и идеальный.

Примечания

1. О связи «Фрегата...» с романами писателя говорилось уже в первых отзывах читателей и в прижизненной критике (Н.А. Добролюбова, И.И. Лиховского, Д.И. Писарева и др.). Советские литературоведы поставили под сомнение признанную современниками Гончарова художественность книги. Порой в серьезном исследовании о творчестве Гончарова «Фрегат...» упоминается лишь вскользь (статья Л.М. Лотман в четырехтомнике «История русской литературы») [7]. Однако особняком стоят работы Б.М. Энгельгардта [15], И.А. Цейтлина [13], в которых много внимания уделено стилю «Фрегата...», сложности его жанровой структуры. В 1993 году вышла статья В.А. Недзвецкого «Фрегат “Паллада” И.А. Гончарова: загадка жанра» [10]. В ней учёный обращает внимание на связь этого произведения с романским творчеством писателя и определяет его жанр как «географический роман».

2. Понятие «архетип» (от греч.: *arche* – «начало» и *typos* – «образец») – одно из важнейших в феноменологии культуры. Идея архетипа предполагает внутренний образ, через который человеческое сознание обращается к своим изначальным, мифологическим формам. Термин «архетип» введен К.Г. Юнгом, подчеркивавшим важность знания мифологии для прояснения смыслов архетипов. Интерес Юнга к мифологическим первообразам был подхвачен как западными (М. Элиаде, Д. Кэмпбелл и др.), так и отечественными учеными (О.М. Фрейдберг, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, С.С. Аверинцев, И.П. Смирнов, А.М. Панченко и др.). Современное гончароведение активно исследует приобщенность к мифу сознания Гончарова-художника. Так, Ю.М. Лоциц, характеризуя метод писателя, вводит образное определение «мифологический реализм» [8, с. 193]; Н.Л. Ермолаева считает, что «мифологизированность авторского сознания отражается в поэтике всех произведений Гончарова, его писем и даже критических статей» [5, с. 235]; И.В. Пырков рассматривает гомеровские мотивы, мотив света в прозе Гончарова [13]; в ряде статей других филологов исследуются мифологема огня

(В.А. Звиняцковский), русальский миф (А.А. Фаустов) и другие архетипические образы и мотивы.

Библиографический список

1. Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. – М; Л.: Наука, 1960. – 366 с.
2. Анненский И.Ф. Гончаров и его роман «Обломов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 02.03.2016).
3. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – СПб.: Наука, 1997.
4. Гончаров И.А. Письма А.Ф. Кони. 1879–1891 // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. (Лит. наследство; Т. 102). – С. 434–534.
5. Ермолаева Н.Л. Эпическое мышление И.А. Гончарова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – 324 с.
6. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. – СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 492 с.
7. Лотман Л.М. И.А. Гончаров // История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982. – Т. 3: Расцвет реализма. – С. 160–202.
8. Лоциц Ю.М. Гончаров. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 352 с.
9. Лоскутникова М.Б. Композиционно-стилистические особенности романов И.А. Гончарова // Материалы V Междунар. науч. конф., посв. 200-лет. И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. – С. 37–48.
10. Недзвецкий В.А. «Фрегат «Паллада»» И.А. Гончарова: загадка жанра // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1993. – Т. 52. – № 2. – С. 43–55.
11. Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 230 с.
12. Пырков И.В. «Сон Обломова» и «Щит Ахилла» (Гомеровские мотивы в поэтике И.А. Гончарова) // И.А. Гончаров. Материалы междунар. конф., посв. 190-лет. со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск, 2003. – С. 66–72.
13. Цейтлин А.Г. И.А. Гончаров. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 492 с.
14. Шутая Н.К. Дорога к усадьбе (на материале романов И.А. Гончарова) // Материалы междунар. конф., посв. 200-лет. со дня рожд. И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. – С. 58–65.
15. Энгельгардт Б.М. «Путешествие вокруг света И. Обломова»: Главы из неизданной монографии // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования (Лит. наследство. Т. 102). – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – С. 15–73.
16. Юнг К.Г. Душа и шесть архетипов. – Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ АЛЕКСЕЯ АНТИПОВИЧА ПОТЕХИНА

Статья посвящена изучению отличительных особенностей жанра этнографического очерка на примере творчества А.А. Потехина. Впервые в литературоведении предпринята попытка представить литератора не только как драматурга, а очеркиста-бытописателя. В статье рассмотрена и проанализирована серия этнографических очерков писателя 1850-х – начала 1860-х годов, появившихся после его путешествий по Волге с целью изучения культуры и быта местных жителей («Путь по Волге», «Уездный городок Кинешма», «Лов красной рыбы в Саратовской губернии», «Река Керженец», «С Ветлуги», «На ночлеге»). Обращается внимание не только на условия быта, занятия и материальное положение представителей русского этноса и других народов, а также отмечается своеобразие народных характеров, раскрытых писателем. Подчеркивается, что немаловажное значение в структуре этнографического очерка играет фольклор, записи которого были выполнены самим очеркистом (народная лирика, легенды, предания, поверья).

Ключевые слова: А.А. Потехин, этнографический очерк, фольклор, этнография, быт, культура, народ.

Очерковая литература, как правило, совмещает характерные черты художественного и публицистического стилей, в чем и заключается специфика этого жанра. В очерке вымысел представляет меньшее значение, чем в других литературных жанрах, а сюжет в нем ослаблен, или его нет совсем. Очеркист нередко переключается от одного описываемого события к другому, а также вмещивается в развитие событий от первого лица. Это позволяет ему добровольно группировать факты, проводить различные сравнения и соответствия. В жанре очерка значительную роль играют научные обобщения и публицистические рассуждения, а иногда и статистический материал.

В 1850-е годы появляются очерки, описывающие быт народа с яркой этнографической направленностью. «Нравоописательные очерки этой поры приобретают большую степень эмпиричности: автор свободно говорит о разных явлениях, шире пользуется средствами диалога и особенно жанровой сценки. Старая, в известной мере догматическая форма “физиологии”, утрачивает свою популярность, и очеркисты нового типа ею почти не пользуются» [8, с. 313].

Так зародился этнографический очерк. Его формирование относится к 50-м годам XIX века и связано с развитием революционной обстановки (1859–1861) и отменой крепостного права в России. В этот период в России в известных журналах того времени печатаются этнографические очерки («Современник», «Отечественные записки», «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Сын отечества»). Основная функция таких очерков заключалась в выявлении типологических черт и отличительных особенностей русской культуры и быта.

Целый ряд писателей 1850-х – 60-х годов отдали дань этому жанру. Первые же этнографические очерки были созданы В. Далем, И. Тургеневым, Д. Григоровичем и др. «Эта беллетристика распространяла интерес к народному быту, раскрывала

иные его стороны, именно нравственно-бытовое настроение народа» [3, с. 52].

Без сомнения, фольклор и этнография в литературе представленного периода входят в одну область – народознание. Новое направление, как считал А.Н. Пыпин, объединяло писателей, столь непохожих друг на друга, но, несмотря на это, имевших общие особенности творчества. Все их произведения этнографически точны и верны в описании быта, в чем и видел исследователь преимущество нового литературного течения.

По мнению А.Л. Фокеева, «этнографический очерк как основной жанр этнографической прозы отличается известной идейно-художественной определенностью. Внимание автора сосредоточено на внешней реальности этнографического типа (географической, социальной, экономической, культурологической этнографии); событийный ряд также связан с фольклорно-этнографическими элементами, доминирующими в описании» [7, с. 111].

Важно отметить, что жанр этнографического очерка в теоретическом аспекте в современной науке не разработан, в чем и состоит актуальность и новизна данной статьи. Задача, стоящая перед ее автором, – выявить отличительные особенности жанра этнографического очерка на примере творчества А.А. Потехина.

А.А. Потехин (1834–1896) известен в русской литературе как писатель своими драмами, рассказами, романами и очерками. На его творчество обратили внимание такие современные ученые, как П.М. Тамаев, Е.А. Потехина, С.В. Касторский и др. В своих работах они установили творческие связи Потехина с писателями-современниками [6], проанализировали его драматургию [2], обратились к рассмотрению его «мужичьих» пьес [5], в поле исследований попали и краеведческие вопросы [1].

Однако все научные труды ограничиваются либо биографическими фактами, либо изучением творчества Потехина в контексте драматургии, и о нем практически ничего не написано как об исследователе-этнографе. Думается, что это на-

прямо связано с малой изученностью жанра этнографического очерка. Тем не менее в творческом наследии Потехина имеется целый ряд этнографических очерков, которые и станут предметом нашей работы.

Так, в период с 1852 по 1861 годы в печати появляются следующие этнографические очерки Потехина: «Путь по Волге», «Уездный городок Кинешма» (1852), «Лов красной рыбы в Саратовской губернии», «Река Керженец» (1857), «С Ветлуги», «На ночлеге» (1861). Все эти произведения были созданы писателем в результате исследования волжских территорий, по которым он путешествовал с целью изучения культуры и быта местных жителей.

Рассмотрим отличительные черты каждого из этих очерков, в результате чего попытаемся выявить структуру самого жанра этнографического очерка.

Одним из важных элементов очерков Потехина является подробное описание населенных пунктов, в которых побывал автор, а также бытового уклада населения (мебель, утварь и др.)

В очерке «Путь по Волге» Потехин так описывает вид деревни с Волги: «Мимо вас несется деревня с дымящимися трубами, с горящим отражением солнца стеклами окон, и ярко блестящим крестом сельской колокольни. По плоскому скату берега, покрытому густой зеленью травы, в картинном беспорядке бродит стадо, жадно поглощая увлажненную росой зелень...» [4, с. 19].

Автор не обходит вниманием и внешний вид Костромы: «Главное украшение Костромы, если смотреть на нее с Волги, – это прекрасное, величественное здание собора с его изящною колокольней, позлащенными главами и высокими каменными стенами, служившими некогда украшением: построенный на самом высоком и видном месте берега, собор Костромской царствует, так сказать, над всем городом...» [4, с. 21].

А вот описание крестьянской избы деревни Костромской губернии: «Не хитра и не богата ее наружность: сложенная из толстых бревен, покрытая соломой, иногда с черной печью, она только тремя маленькими окошечками, в которые с трудом пролезет курица, смотрит на мир Божий» [4, с. 31]. Изба, на первый взгляд, выглядит нищей, однако писатель рассеивает наше первое впечатление и замечает, что за этими стенами скрывается «мирное довольство» и «спокойная жизнь». Автор очень подробно описывает избу с внутренней стороны, в поле его внимания попадает каждая мелочь: и кухонная посуда, и свеча желтого воска и размеры дверных проходов (нужно низко кланяться, чтобы зайти в эти двери, иначе можно удариться головой).

В очерке «Река Керженец» при описании одной из деревень Потехин также акцентирует свое внимание на внешнем виде и внутреннем убранстве избы: «Избы в здешних местах снаружи очень ненарядны: три маленькие окошка, из которых сред-

нее больше крайних, соломенная крыша и никаких резных украшений, ни вычурных затейливых полотенцев под крышей, ни резного гребня по коню, ни кочетов, ни резьбы на воротах; зато лес пошел на постройку крепкий, массивный, и внутри, в избе, простор и приволье» [4, с. 124]. В этом же очерке писатель подробно описывает внутренний вид и устройство зимницы (землянки, где всю зиму жили бурлаки, пока валили лес и строили плоты) и удивляется терпению и выносливости русского человека: «И в этом дыму, в этой тесноте, грязи и копоти может жить русский человек большую половину жизни!...» [4, с. 139].

С особой скрупулезностью этнограф описывает женский скит Лыковской волости, который он посетил с целью осмотреть устройство обители и снять ее план. В итоге стало известно, из каких помещений состоит скит (келья, келья игуменьи, сени, келарня, чулан, моленная, печь) и в какой последовательности и с какой целью было построено каждое из них.

В очерке «Уездный городок Кинешма» писатель также обращается к описанию обители: «Архитектура его напоминает вам обыкновенную деревенскую часовню, но в самом деле она весьма оригинальна и своеобразна. Здание это весьма уже ветхо; стены его кругом исписаны разными стихами и изречениями, преимущественно направленными против раскольников» [4, с. 48]. Помимо описания внешнего вида обители и ее архитектуры, автор показывает и современное состояние городской гостиницы.

В очерках «Лов красной рыбы в Саратовской губернии», «С Ветлуги» и «На ночлеге» отсутствуют описания архитектурных особенностей, что можно объяснить местностью, которая входит в объект исследования (берега Волги, где люди занимаются рыбным промыслом или рубкой леса и живут обособленно в отдалении от своих домов и семей).

От внешних описаний исследуемых населенных пунктов Потехин переходит к занятиям и интересам местных жителей, что является неотъемлемым условием этнографического очерка.

Так, в очерке «Путь по Волге» писатель говорит о профессиях, связанных с речными ресурсами (лоцман, бурлак). На Волге это самые основные способы заработать на жизнь, именно поэтому они пользуются такой популярностью. Автор здесь обращает внимание на такие детали, как виды лодок, плата бурлакам, отношение бурлаков к пароходству.

Этнограф считает, что появление пароходов не лучшим образом сказалось на материальном благополучии бурлаков. Он отмечает, что для русского человека всегда трудно даются новые условия, поэтому и «переход от одного ремесла к другому, от старой привычки к новой, будет довольно труден для бурлака, но он совершится не вдруг, не повсеместно, и потому без особенных усилий» [4, с. 12].

Описывая быт жителей Костромы, Потехин говорит о таких промыслах, как рыболовство и обмен лошадой (занятия мужчин), прядение и бегание ниток, которые потом продаются в городе (занятия женщин).

В очерке «Уездный городок Кинешма» писатель обращает внимание на любимое занятие местных жителей – проведение ярмарок, на которых они могут продать промышленные продукты (полотняное производство), а также изделия, сделанные своими руками (полотна, различные виды посуды, фарфоровые фигурки и т.д.).

Этнограф обращает внимание на первое воскресенье ярмарки, которое называется *гулящим*: «На этот праздник крестьяне съезжаются в город весьма издалека, и вся площадь, все пространство, занятое ярмарочными зданиями, наполняется народом – веселым, счастливым, беззаботным, Русским народом, который хочет повеселиться на славу. Всякий мужичок, всякая баба захватывают с собою из дому какое-нибудь произведение своих трудолюбивых рук с тем, чтобы продать его, и на вырученные деньги – погулять, а потому в этот день можно купить все чрезвычайно дешево» [4, с. 79].

В очерке «Река Керженец» писатель говорит о таких занятиях жителей Лыковской волости, как рубка леса и охота, причем рубка леса является для них основным промыслом: «В своем единственном промысле они дошли до совершенства, и хотя, по-видимому, не много нужно искусства, чтобы срубить и обтесать дерево, но нельзя не полюбоваться, с какой необыкновенной чистотой, посредством одного топора, снимается кора с дерева: поверхность его остается так гладка, как у восковой свечи, ни зарубки, ни затесинки, – все бревно как будто отполировано» [4, с. 123].

В очерке «С Ветлуги» Потехин пишет о малоизвестном городке Семенове, в котором жители занимаются, помимо вырубке леса, выделкой деревянных ложек, а также изготовлением лодок. Эти занятия приносят им прибыль. А вот ловля рыбы и охота на медведя – своего рода развлечение для здешнего населения.

Неслучайно этнограф так скрупулезно описывает в своих очерках занятия местных жителей: от этого напрямую зависят особенности их одежды, быта, а также характеры. Все эти черты являются существенными в определении жанра этнографического очерка.

Какие детали одежды и внешности местных жителей отмечает Потехин? Так, описывая близкое соседство костромских горожан и жителей Татарской слободы, писатель отмечает следующие детали в изображении внешнего вида татар: «... резко выдается скулистая, большею частью рябоватая, с маленькими глазами и приплюснутым носом, фигура, в белом кафтане, среди открытых, белых

чистых лиц русского человека, обыкновенно в синей одежде. Также резко бросаются в глаза физиономия и оригинальный костюм татарки, свободно прогуливающейся в базарный день на толкучем рынке среди русских торговки» [4, с. 23].

Изображая ярмарочные *гулящие* дни, автор не упускает возможности показать характерные особенности костюмов жителей Кинешмы: «...муж в своей синей чуйке, подвязанной красным кушаком, жена в самом лучшем штофном сарафане, в шелковой душегрейке, в кокошнике, который покрывается на золоте платком, или просто повязанная французским двуличневым платом» [4, с. 63].

Однако внешность и костюм, пожалуй, имеют не такую большую значимость для писателя-этнографа. От описания этнографических реалий автор переходит к изображению характеров героев очерков, что помогает ему глубинно исследовать культуру и быт народа. Причем Потехин умеет точно и тонко подметить психологические особенности не только какого-то конкретного человека, но и всего русского народа в целом. Так, о некоторых негативных тенденциях русского национального характера он пишет: «Напрасно говорят, что русский человек умеет только подражать. Напротив, мы, кажется, богато одарены и способностью изобретения, но мы не довоспитались еще до умения прилагать наши изобретения к делу; к тому же мы от природы очень ленивы и вследствие того склонны к рутине; наконец, мы слишком самоуверенны, высокомерны и в то же время стыдливы и боязливы к насмешке при неудаче, как дети...» [4, с. 177].

Рассуждая о характере русского человека, писатель приходит к выводу о том, что «русский человек, куда его ни поставь, везде одинаков и везде верен своему характеру» [4, с. 134]. Стоит добавить, что Потехин говорит о русском человеке с трепетом и любовью, что свидетельствует о глубоких патриотических чувствах писателя. Так, изображая танец подвыпившего черемиса, автор и здесь не преминул заметить о нраве русского человека: «Он плясал долго и искусно, выкидывал ногами, но той удали и молодцеватости, того упоения, с которым пляшет русский человек, в его пляске не было и тени» [4, с. 185].

От типических обобщенных черт русской нации Потехин идет к изображению характера отдельного человека, конкретной личности, делая акцент на профессиональных качествах. Так, он пишет о лоцмане: «Если это человек угрюмый с виду, неразговорчивый, с повелительной и важной физиономией, значит, он давно уже занимается своим делом и искусен в нем – на него вы можете смело положиться: он знает Волгу от Твери до Астрахани, не ошибется ни на одной мели, не натолкнется ни на гряду, ни на камень» [4, с. 9]. Вероятно, профессия наложила такой отпечаток на этих людей: осознавая важность своей профессии

и опираясь на собственные навыки и умения, они и ведут себя подобным образом.

В очерке «Лов красной рыбы в Саратовской губернии» Потехин рассказывает о ловце рыбы Дементьеве, по приказанию хозяина отправившемся в непогоду проверять рыбу в снастях вместе со своим сыном-гребцом: «Только спокойствие духа, смелость и опытность спасают ловца. Он пристает к берегу, быстро выскакивает и держит обеими руками лодку, чтобы не отшибло ее волной, пока мальчик ставит мачту и разматывает бечеву. А потом они еще бредут к своему стану, мокрые и измученные, таща за собою лодку. И не высохши, не обогревшись, завертываются в шубы и спят крепким сном, тотчас же позабыв об опасности, как только она миновалась» [4, с. 102].

Человеческие характеры важны для Потехина как этнографа: не зная их, в полной мере не понять и не осознать культуру и быт населения той или иной территории.

Фольклорные элементы – важная составляющая этнографического очерка, служащая средством раскрытия характера героев. С этой целью Потехин приводит легенды, пословицы, обычаи, предания, поверья, бурлацкие песни, песни черемисок и др. Причем фольклор он дает в собственных записях.

Так, описывая труд бурлаков, писатель обращает внимание на то, что каждый их взмах весел сопровождается простым напевом:

«Вот раз,
Еще раз,
Раз первой,
Раз другой,
У-ухнем,
Да ухнем!..
Вот еще, еще
Раз первой,
Раз другой и т.д.» [4, с. 14].

Подобная бурлацкая песня приведена уже в более поздний период композитором М. Балакиревым в Нижнем Новгороде в книге «Сборник русских народных лирических песен Н.М. Лопатина и В.П. Прокунина» в 1889 году. В этих песнях есть определенное сходство:

«Еще разик, еще раз!
Эй, ухнем, эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!
Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву,
Ай да, да, ай да!» [9].

Отличительные особенности данных песен заключаются, скорее всего, в областных тенденциях.

Тяжелому труду бурлаков всегда вторит песня, от того работа становится легче и веселее. Все их песни поются хором и часто варьируются в словах:

«Пора нам, хозяйюшка,
Завестися домиком,
Купим коровушку,
Коровушка: мык, мык!

Купим мы телушку,
Телушка то: брык, брык!..» [4, с. 25].

В очерках «На ночлеге» и «Река Керженец» автор повествует об интересных народных обычаях, а также поверьях местных жителей о колдунах, бегах, приворотях.

Использование фольклора в данных очерках позволяет писателю в полной мере понять жизненный уклад местных жителей, уровень их культуры и просвещенности, а также подметить такие особенности русского национального характера, как суеверие и почти фанатичная вера в Бога.

Итак, проанализировав этнографические очерки Потехина, можно выделить их типологическое сходство: особое внимание уделяется занятиям, профессиям местных жителей, их одежде, внешности, характеру, а также окружающей среде, в которой они проживают, архитектурным и фольклорно-этнографическим элементам.

Структура этнографического очерка выглядит следующим образом: от внешнего описания исследуемых населенных пунктов автор переходит к самим героям, акцентируя внимание на их образе жизни, профессиях и занятиях, после чего в поле зрения автора попадает их внешний вид, особенности одежды. Все эти составляющие помогают дать общее представление о русской нации в целом. Затем писатель в своих наблюдениях приходит к конкретным героям, используя для их анализа не только определенные жизненные ситуации, но и фольклор как средство раскрытия их характеров.

Все это необходимо Потехину как автору этнографических очерков не только для удовлетворения возросшего интереса читательской публики к народу в связи с ухудшением положения народных масс и нарастающей революционной обстановкой в стране, но и для точного и верного описания культуры и быта людей, в чем он и видел свою основную задачу.

Библиографический список

1. А.А. Потехин и Кинешма: сб. / А.А. Потехин, Е.А. Потехина, П.М. Тамаев; вступ. сл. Е.А. Потехиной. – Иваново: Референт, 2009. – 560 с.
2. *Касторский С.В.* Писатель-драматург А.А. Потехин // Из истории русских литературных отношений XVIII–XX вв. – М.; Л.: Изд-во Акад. мед. наук СССР, 1959. – С. 177–198.
3. *Пытин А.Н.* История русской этнографии: в 4 т. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890–1892. – Т. 2. – 434 с.
4. Сочинения А.А. Потехина. Этнографические очерки, отрывки, неоконченные рассказы и воспоминания: в 12 т. – СПб.: Просвещение, 1873–1874. – Т. 12. – 349 с.
5. *Тамаев П.М.* «Мужицкие пьесы» А.А. Потехина в контексте русской драматургии середины XIX века. – Иваново: Изд-во Ивановского ун-та, 1991. – 44 с.

6. Тамаев П.М. Островский и Потехин: начало жизненных и творческих отношений // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. – Шуя, 2006. – С. 169–177.

7. Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типология. – М.: Народный учитель, 2002. – 516 с.

8. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (Русский физиологический очерк). – М.: Наука, 1965. – 322 с.

9. Харитонов Л.М. Песнь бурлака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.leonidharitonov.ru/articles/arts/pesn-burlaka> (дата обращения: 25.11.2015).

УДК 821.161.1.09"18/19"

Антипина Анастасия Сергеевна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск
antipina.anastasija41@yandex.ru

АРХАНГЕЛЬСК В ПУТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВАРИАНТЫ АВТОРСКОГО ВОСПРИЯТИЯ МЕСТНОСТИ

В статье предпринята попытка анализа образа Архангельска в путевой литературе XVIII–XIX веков с позиции исследования городских текстов, в том числе с использованием методологии Н.П. Анциферова. Архангельск, будучи, с одной стороны, городом-портом, а с другой – воспринимаемый как глубокая провинция, может быть описан как с использованием устойчивых элементов Петербургского текста, так и посредством актуализации провинциального литературного кода. Кроме того, на характер изображения города в произведении накладываются отпечаток личность автора и его эстетическая позиция. Так, в сочинении П.И. Челищева «Путешествие по Северу России в 1791 году» находят отражение просветительские идеалы автора, в книге «Год на Севере» С.В. Максимова повествование носит характер физиологического очерка с его интересом к социальным темам, К.К. Случевский в его «По Северу России» рассматривает край с государственных позиций, а автор-рассказчик «По Северу дикому» Н.А. Лейкина, выступая как частное лицо, создает тем самым яркий пример «туристического» описания города.

Ключевые слова: литература путешествий, городской текст, локальный текст, Северный текст русской литературы, русская литература XVIII века, русская литература XIX века.

Путевые записки зарубежных и русских авторов о Севере европейской части России самым фактом своего существования маркируют описываемое пространство как незнакомое, труднодоступное и нуждающееся в создании нарратива о себе. Закономерно возникает вопрос о том, чем пространство Русского Севера могло привлекать путешественников, что подвигало их зафиксировать увиденное на бумаге и каким Север и город Архангельск как его центр были представлены читателю. Сфокусируем внимание именно на Архангельске как центральном локусе местности и рассмотрим, в чем состояли особенности и функции этого города в текстах путевых записок о Русском Севере.

Мы уже отметили географическую труднодоступность и неизведанность местности как важные факторы создания путевой литературы о ней; характерно, что путевые тексты об Архангельске создавались, начиная с первых экспедиций европейцев в XVI веке вплоть до рубежа XIX–XX веков, а если учесть написанный Ю. Казаковым в 1960–1972 годах его «Северный дневник» – произведение синтетического жанра, родственное в том числе путевым запискам, – то окажется, что архангельский Север обладал способностью порождать путевые тексты на протяжении почти всего периода развития новой европейской литературы. Действительно, проблема отсутствия или затрудненности дорожных коммуникаций, связи Архан-

гельска и Русского Севера в целом с национальными центрами является актуальной и по сей день. Эта особенность обусловила определенную изолированность региона от общероссийского пространства, способствовала консервации здесь местного диалекта, фольклора, специфических черт жизненного уклада. С другой стороны, приморское положение Архангельска, его роль международного порта позволили городу создать и поддерживать свои собственные связи с Западной Европой, обрести статус стратегического и экономического центра региона, расценивать самого себя именно как центр, а не провинцию.

Как мы отметили выше, поначалу Архангельский Север становится объектом литературного описания зарубежных путешественников, и уже в первых подобных текстах наблюдаются особенности, встречающиеся затем в записках более позднего времени и формирующие определенную традицию описания города. Д. Николаев во введении к сборнику «Северные ворота России» указывает на лаконичность описаний местности как на общую особенность этих текстов. Как отмечает Д. Николаев, неразвернутость изображения местности является следствием освоенности локуса, который становится уже знакомым, «своим» для англичан. Русские авторы-путешественники сохраняют в своих текстах общий принцип построения, последовательно перечисляя населенные пункты, их экономику, социальный состав населения и проч., но

для них эта местность так и не становится «своей». Как для П. Челищева, оставившего первый русский травелог о Севере, так и для его последователей – Максимова, Случевского, Лейкина, даже Пришвина и Казакова – Север остается далеким и непознанным, непохожим на привычную им Русь.

Архангельск часто сосредоточивает в себе специфические черты края, становится его общим репрезентантом, центром северорусских земель и морскими воротами, но, с другой стороны, городское пространство может остаться не вычлененным окончательно из пространства окрестностей. Архангельск часто лишен яркого урбанического начала, границы его размыты, он слит с природным ландшафтом, всем деревенским Поморьем, не создавая той оппозиции, которую, например, создал в литературе Петербург по отношению к окружающей его природе, России, миру.

Первым хрестоматийным произведением, положившим начало традиции изображения и характеристики Архангельского города в русской литературе путешествий, можно считать «Путешествие по Северу России в 1791 году», написанное Петром Ивановичем Челищевым. Челищев в описании своей поездки стремится к документальной точности, приводит все доступные ему статистические данные о населении, количестве храмов и прочих строений, производствах. Вслед за путешественником читатель получает возможность окинуть взглядом весь город, причем подчеркивается, что он вытянут вдоль Северной Двины длинной и узкой полосой и разделен на три части. Отмечены и наиболее крупные строения – архитектурные доминанты города: Архангельский монастырь, госпиталь, гостинный двор, соломбальское адмиралтейство.

Элементы облика и жизнеустройства города, такие как полуразрушенный гостинный двор, сохранение старообрядчества, недостаточное развитие производства, служат автору-просветителю поводом для обращения к читателю с целью сопоставить реальность с просветительским идеалом. Например, о гостинном дворе Челищев говорит следующее: «...но ныне начальники, прилепившись больше к блестящему, нежели к полезному, изломали большую часть сей твердой громады, а из остальной сделали тесный дворик, где кой-как приметным образом засоренный Архангельский торг производится, с видимым упадком российской пользы, вопреки казенных ведомостей» [7, с. 98–99]. В целом же Архангельск для автора – экономически важный для страны центр, и экономическое процветание – это первостепенная задача для города и управляющих им: «В России из первых торговых мест должен почтяться город Архангельск» [7, с. 105].

Архангельск показан Челищевым как город, находящийся на пересечении европейских торговых путей, это отнюдь не захолустье, более того – не провинция. Даже жители глухих деревень покупа-

ют для промысловых нужд в Архангельске «гишпанскую» соль. Архангельск, каким видит его Челищев, – город многонациональный, многоконфессиональный, «порт многочисленных кораблей». Когда Челищев сравнивает Архангельск с городами Голландии, то возникает ассоциация с личностью Петра Первого, который именно Голландию брал за образец новой России и по примеру Амстердама с его архитектурой и каналами строил свой город – Петербург. Архангельск, видимо, является для Челищева таким же отражением петровского замысла, как и российская столица, и этот город достоин того, чтобы развиваться наравне с европейскими городами. Однако не только Архангельск, но и все северорусское пространство для Челищева носит память о пребывании Петра, поэтому нельзя сказать, что архангелогородский локус имеет исключительное значение в этом отношении. Являясь, несомненно, главным морским портом региона и точкой его роста, Архангельск в целом не выделен как особая пространственная доминанта в путешествии Челищева, а проходит в ряду прочих посещенных им мест, каждое из которых выступает иллюстрацией идеи автора-просветителя.

Если причина, побудившая П.И. Челищева отправиться в одиночку путешествовать по Северу, остается до конца не ясной, то С.В. Максимов объезжал Поморье «по казенной надобности» [4, с. 22]; результатом этой поездки стала книга «Год на Севере» (1859). Главными задачами для молодого литератора было описание специфики местности, исследование деталей промыслов, поморского быта, экономических условий.

Первое описание Архангельска в книге «Год на Севере» содержит характеристику погоды, а не облика города: «Архангельский май 1856 года против ожидания оказался совершенно весенним месяцем, хотя, конечно, в своем роде: быстро зеленела трава, промытая вешней водой, быстро пробирались ручьи с гор в овраги и низменности» [3, с. 51]. Как видим, в первом пассаже, посвященном городу, нет ни одного собственно урбанистического объекта; далее довольно большой отрывок посвящен изменению облика Северной Двины, вызванного весенним таянием льдов. Именно река определяет сезонный облик города, детерминирует поведение горожан: «Сутки стояла вода в селении, потешая добродушных обитателей карнавальскими играми в карбасах и лодках» [3, с. 51]. Переходя от описания ледохода к зарисовкам раннего лета в Архангельске, Максимов сохраняет природную доминанту при создании образа города, упоминая затем жителей, поведение которых снова определяется климатическими изменениями: «Местное население высыпало в городской сад, приучаясь отдыхать под обаянием обновленной и просветлевшей природы...» [3, с. 52]. Н.П. Анциферов считал, что знакомство с городом лучше всего начинать с обзора общей панорамы.

Такое знакомство позволяет не только оценить величину и облик города, но и увидеть его в природном окружении. Во фрагментах «Года на Севере», приведенных выше, мы видим не просто город «в природной раме», но поглощенность города природой, урбанистическое как таковое не вычленено, не отделено от природного космоса.

Рассказчик сравнивает Архангельск – новый для него город – с привычными ему поволжскими городами: новое («чужое») пространство осваивается через знакомое («свое»). В облике Архангельска он выделяет признаки, типичные для любого русского города: доминирование церковной архитектуры и ее разнообразие, контрастное смешение деревянной одноэтажной и каменной двухэтажной застройки города, цветовое сочетание бело-желтых зданий с зеленью городских садов. Но Архангельск может быть выделен из ряда подобных ему городов с помощью архитектурных доминант: «...разница состоит в том, что вся эта группа городских строений тянется на трехверстном пространстве, замкнутом с правой стороны монастырем Архангельским, слева – собором Соломбалы. В середине красиво разнообразят весь ландшафт развалины так называемого немецкого двора...» [3, с. 53]. Главное же отличие Архангельска – его форма: город вытянут узкой полосой вдоль реки, и Максимов присваивает ему постоянный эпитет в своем произведении: «длинный», вариант – «бестолково-длинный». Эпитет актуализирует некоторую неорганизованность пространства, стихийность образования и роста города, этой характеристике соответствует и образ Архангельска – торгового порта, большого рынка, ярмарки.

Архангельск, как и любой другой город, по мере своего развития расширялся, вбирал в себя пригороды. Соломбалу Максимов выносит за черту города, но, с другой стороны, именно с Соломбалой связана история создания Петром Первым флота в Архангельске, это одна из важнейших точек роста в городе. Архангельск, будучи международным портом, далеко не всегда характеризуется и изображается писателями и путешественниками как провинциальный город; в описании Соломбалы у Максимова – напротив, черты типичного для русской литературы провинциального городка проступают, на наш взгляд, очень ярко и при изображении матросских домов (рассказчик показывает нам «нижний этаж дома, заставленный горшками герани»), и в звукообразе, рисующих неторопливо-скудный быт офицерского гарнизона с потугами на своеобразный аристократизм: «Из верхних этажей услышишь и унылые, словно надорванные звуки разбитых, дешевеньких клавиноид. Подчас вырвется оттуда и дребезжанье гитары, и визг скрипки...» [3, с. 518].

Однако стоит повествователю обратиться к описанию именно портовой функции Архангельска, немедленно появляется фигура Петра Первого, исто-

рическая ретроспекция, связанная с темой развития архангельского порта и эпизодом появления соломбальской верфи при Петре, и это в корне меняет модальность текста. Изменяется основной эпитет, характеризующий организацию местной жизни: это уже не «бестолковый, бесхарактерный базарный говор», а «разумно-сосредоточенная деятельность»; «Восстает живым образ Петра, опять-таки первого основателя заграничной торговли в таком обширном и шумном размере, и снова останавливаешься на воспоминаниях о нем» [3, с. 522].

Вслед за Максимовым традицию литературного путешествия на Север продолжил К.К. Случевский, автор сочинения «По Северу России» (1886–1888). Случевский, будучи членом свиты великого князя, не волен был определять маршрут и характер своего путешествия, положение автора изменило акцент изображения: в фокусе авторского взгляда не местность и ее жители, а фигура князя, его деятельность и интересы, которые были, прежде всего и почти исключительно, интересами государственными. В целом образ места репрезентируется в тексте тремя путями: через описание ликующей толпы, встречающей и провожающей князя и свиту; через описание главного храма, с помощью введения исторического материала, легенд и преданий.

Случевским, как и Максимовым, рассматривается преемственная связь между Холмогорами, Архангельском и Петербургом: именно в такой последовательности города «передавали» друг другу главенствующее значение торгово-экономического и культурного центра края. Таким образом, мотив соперничества этой триады городов в литературе становится сквозным, когда речь заходит о государственной роли Архангельска, первоначальном повышении его статуса как международного порта, а затем резком упадке, вызванном появлением Санкт-Петербурга и политикой Петра в отношении международной торговли. Петр Первый характеризуется Случевским как ключевая фигура в истории Архангельска, первый расцвет которого, как и становление русского флота, – результат «славных дел Петра».

Первое описание Архангельска в «Путешествии» Случевского – это вид с реки, что традиционно для путевых записок, поскольку именно по Северной Двине чаще всего прибывали сюда путешественники: «14 июня, часу в десятом утра, увидели купола и колокольни столицы севера – Архангельска; для крестьян нашего севера Архангельск попросту “город”» [6, с. 279]. Рассказчик довольно подробно описывает открывающуюся путешественникам панораму Архангельска с ее храмами и монастырем, гостиним двором, складами, отмечает множество судов у архангельской пристани, упоминает острова. Автор обращает особое внимание на государственное значение и мощь, выраженные в облике местности, с помощью таких эпитетов, как

«исторический», «громadнейший», «замечательная», частотного определения «казенный»; автор подчеркивает принадлежность изображаемого объекта государству везде, где это возможно.

Основной идеологический акцент сделан автором на идее единства и могущества Российской Империи; первое выражается в местоимениях «наш», «мы»: «наш Север», «наше море». Идея могущества выражена не только имплицитно, через эпитеты, но и явно: автор рассуждает об этом, подчеркивая исключительную важность Архангельска как северных морских ворот государства: «Архангельск, несомненно, город будущего; к нему тянут водные пути России, к нему пойдет железная дорога по очень простой причине: Северное море – наше море, которое нам запретить не могут, а мы без открытого, незапираемого моря существовать не можем и не должны. К нему должны тянуться не только северные окраины, к нему должна тянуться Россия» [6, с. 281].

Подобно прочим путешественникам, Случевский подчеркивает особый статус Соломбалы: на этом острове «воочию совершались все судьбы города» [6, с. 281]. В произведении Случевского, таким образом, город выделен из окружающей его местности, но не из-за ярко выраженного урбанистического начала, а благодаря особому ракурсу изображения места. Автор, будучи не только писателем, но и высокопоставленным чиновником, оценивает город в первую очередь с точки зрения государства, поэтому Архангельск для него – это прежде всего административный и экономический центр региона, и в этом случае наличие у местности каких-то особых урбанистических черт не нужно: статус города уже присвоен местности априори.

Случевский стремится наполнить свой текст максимальным количеством доступной ему информации, сделать его предельно содержательным, насыщенным необходимыми сведениями об Архангельске; его текст наполнен цитатами и пересказами истории и легенд местности, что порой загораживает от читателя визуальный, современный автору облик города. На наш взгляд, для автора наиболее важна глубинная культурно-историческая составляющая топоса; анциферовская «душа города» для Случевского скрыта именно в его истории, и именно история придает месту значимость, прежде всего государственную. Помогает оценить важность города и экономическая статистика, которую приводит Случевский с такой же скрупулезностью, как в свое время это делал просветитель Челищев.

Для бытописателя и журналиста Николая Лейкина, оставившего путевые записки под названием «По Северу дикому» (1899), Архангельск стал конечной точкой маршрута, и к моменту прибытия сюда атмосфера неизвестности (успеют ли туристы добраться до Соловков) накалилась, главный

вопрос путешествия не был решен, все внимание автора направлено на поиск возможности продолжения пути. Вероятно, именно поэтому мы не видим подробного описания речной панорамы Архангельска, общего вида города, упоминаются лишь «виднеющиеся вдали зеленые купола», «набережная, заставленная мачтовыми судами» и не обсаженная деревьями, а также «древний Архангельский монастырь». Характерно, что ремарка об отсутствии деревьев на набережной явилась следствием рассуждения об огромном количестве комаров: в фокус повествования попадает лишь то, что непосредственно касается путешественника. Поражает его воображение и белая ночь: «Но ночь была только по времени, на самом деле сиял день, неяркий, но с каким-то розоватым отливом. Видеть можно было все на далекое расстояние, читать можно было самую мелкую печать» [2, с. 147].

Мотив чужого пространства подчеркивается постоянным фигурированием в произведении «Путеводителя по Северу России», который становится главным источником информации о крае и неоднократно цитируется; знакомство автора с местностью становится во многом проверкой печатного текста и регламентируется им: «Осматривать в Архангельске что-либо мало-мальски замечательное достаточно для меня было и четырех часов. Я объездил весь город в это время и побывал всюду, на что указывал “Путеводитель” как на выдающееся» [2, с. 157]. На эту особенность восприятия местности через текст как на признак туристического дискурса указывает А. Шенле [8]; по сути, книга Лейкина – первый туристический текст среди записок путешественников о Русском Севере. Он смотрит на все именно взглядом туриста, выделяя и описывая лишь то, что вызывает его любопытство или касается условий (удобств/неудобств) его путешествия. В его книге нет ни челищевских размышлений просветителя, ни этнографической дотошности и обстоятельности Максимова, ни государственного подхода Случевского. Его туристическая поездка – сугубо частное предприятие и никаких других интересов, кроме личных, не преследует.

Природа так или иначе входит в пространство города, однако функции пейзажа в описаниях Архангельска у разных авторов-путешественников различаются. Если у Максимова урбанистическое и природное пространства объединены единым природным временем и составляют единый хронотоп, то у Лейкина же пейзаж в пространстве города декоративен, рукотворен, он является частью культурного ландшафта города: «Насколько мне пришлось заметить, самые красивые дома с нерусскими фамилиями на воротах. При некоторых имеются опрятно содержащиеся садики... Меня удивляло, отчего я там в садах лиственницы не встретил. Она красиво растет и не вымерзает» [2, с. 156]. Естественные

природные ландшафты остаются за границами городского пространства, не сливаются с ним.

Архангельск прямо назван Лейкиным провинциальным городом, но при этом сразу же подчеркиваются его отличия от остальной, типичной русской провинции. Своими исключительными особенностями, как считает автор, город обязан своей интернациональностью: из-за «доброй трети» иностранцев, населяющих Архангельск, город отличает чистота улиц, «опрятные садики», множество колониальных магазинов. Некоторые особенности города обусловлены его географическим положением, причем автор замечает либо то, чего не ожидал встретить на Севере («Как это ни странно покажется, но здесь, на Крайнем Севере, некоторые мужчины были в костюмах из чесучи и парусины» [2, с. 160]), либо то, что отличает Север от привычной герою России («Архангельск, кажется, единственный губернский город, состоятельные обыватели которого не выезжают на дачи. Некуда выехать» [2, с. 160]). Место переживается героем как чужое настолько, что его удивляет в нем и «ненормальное» (непривычное), и «нормальное» (характерное для других городов и местностей). Можно сказать, что тема освоения северного пространства как в определенной степени экзотического и является основной смысловой доминантой произведения Н. Лейкина.

Итак, анализ путевой литературы об Архангельске выявляет специфику бытования Архангельска в литературе как городского локуса: этот город чаще всего неотделим от своего природного и – шире – пространственного окружения: бескрайних лесов и болот, обширного водного пространства Северной Двины и Белого моря, от всего Русского Севера как далекой окраины России. С другой стороны, иногда, в связи с авторскими задачами и жанровыми особенностями произведений, в текстах может актуализироваться противоположная тенденция, а именно выделение в образе Архангельска урбанистического начала, связанного с его ролью порта и образом Петра, что преобразует Архангельск в некий аналог Петербурга. Эти противоположные тенденции в отношении авторского восприятия Архангельска как городского локуса приводят к использованию различных писательских стратегий, к следованию разным литературным традициям городских описаний. Как мы видели на примере максимовского фрагмента о Соломбале, провинциальный статус местности требует от автора обращения к сформированному русской литературой особому провинциальному коду, где провинция понимается как «яма», пустое и глухое место [1]. В случае же функционирования в метафорическом пространстве Архангельска образа Петра-реформатора, описания Архангельска могут строиться с использованием элементов Петербургского текста русской литературы. Однако, заимствуя у Пе-

тербургского текста некоторые элементы и культ Петра в его роли устроителя пространства, произведения, посвященные архангелогородскому локусу, не перенимают эсхатологию Петербургского текста. Например, никто из авторов-путешественников, отмечая прижатость Архангельска к берегу реки из-за раскинувшегося за городом болота, не проводит параллели с аналогичной ситуацией, характерной для Петербурга и нашедшей отражение в Петербургском тексте (миф о неминуемом затоплении Петербурга). Ни в северном фольклоре, ни в литературе об Архангельске не заложен конфликт городского и природного начала, возможные противоречия сглаживаются благодаря естественности возникновения и роста города, вырастания его из окружающего негородского пространства. Не только путевая, но и художественная литература об Архангельске в целом сохраняет эту тенденцию неразделенности города и окружающей природы и в XX веке, особенно в творчестве таких представителей большой русской литературы, как Б. Шергин, М. Пришвин, Ю. Казаков.

Библиографический список

1. *Жадовская С.А.* Литература севернорусского провинциального города: текст, форма, традиция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/literatura-severnorusskogo-provintsialnogo-goroda-tekst-forma-traditsiya> (дата обращения: 24.02.2016).
2. Лейкин Николай (1841–1906). По северу дикому / авт. проекта, сост., подбор ил.: Ю.А. Барашков. – Архангельск: Барашков Ю.А. [продюс.], 2007. – 181 с.: ил., цв. ил.
3. *Максимов С.В.* Год на Севере / вст. ст., подгот. текста и примеч. С. Плеханова. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 607 с., портр.
4. *Мартынова А.Н.* Бытописатель земли русской. Культурно-исторический очерк о писателе, ученом-этнографе Сергее Васильевиче Максимова. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 79 с.
5. Северные ворота России. Сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии / сост., вст. ст., примеч. Д. Николаева. – М.: ОГИ, 2009. – 224 с.
6. *Случевский К.К.* По Северу России. – М.: Ломоносовская библиотека, 2008. – 304 с.
7. *Челищев П.И.* Путешествие по Северу России в 1791 году. – М.: Ломоносовская библиотека, 2008. – 304 с.: ил.
8. *Шенле Андреас.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840 / пер. с англ. Д. Соловьева – СПб.: Академический проект, 2004 – 272 с. (Современная западная русистика, т. 51).
9. *Щербакова М.И.* С.В. Максимов (очерк творчества). – М: Прометей, 1996. – 200 с.

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В «СТРАШНЫХ» НОВЕЛЛАХ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье рассматриваются основные черты хронотопа в *horror*-новеллах авторов Серебряного века. Выделяются три характерные черты: инверсия, перверсия и телесность. Первая проявляется в том, что привычные вещи переворачиваются, встают с ног на голову. Это происходит как на уровне сюжета, так и на уровне образа. Вторая черта характеризуется извращением, искажением привычного мира и ценностей. Последняя проявляется в том, как авторы акцентируют внимание на описании физических страданий, сцен разложения или смерти.

Делаются выводы о том, что для литературы «ужасов» того времени чаще всего использовались сюжеты с материальным воплощением предмета страха. Они больше касаются граней разума, искаженной реальности, особенностей восприятия бытия, в отличие от хронотопа готического романа, где главную роль играет мистическое пространство и наложение реальностей – прошлого с его тайнами и настоящего, когда происходит действие романа. В обоих случаях писатели создают атмосферу страха. В первом случае это возникает от таинственности локуса и ощущения неизвестности и неуверенности героя в мире, а во втором – от понимания хрупкости реальности и человеческого тела и разума.

Ключевые слова: хоррор, серебряный век, новеллы, хронотоп, телесность, инверсия, перверсия.

Сравнивая фантастику и хоррор, отметим, что общая черта, характерная для обоих жанров, – искажение реальности. Но если в первом случае реальность изменяется при помощи чудесного, то во втором она становится перверсивной. В этом, предположительно, главная особенность, характеризующая хронотоп литературы ужасов. Сначала в произведении мы можем наблюдать традиционный хронотоп, характерный для мировосприятия героя. Затем, ввиду каких-либо событий, привычные вещи рушатся, искажаются. И хронотоп становится перверсивным.

При анализе литературы ужасов Серебряного века, мы можем выделить характерные признаки:

1. *Инверсия*. Привычные вещи переворачиваются, встают с ног на голову. Это происходит и на уровне персонажа («оборотень-наоборот»).

2. *Перверсия*. Привычные вещи, ценности и мир извращаются. Убийство и пытки приносят главному герою наслаждение, смерть становится единственным благом, живой мертвец существует рядом с нормальными людьми, а они этого не замечают.

3. *Телесность*. Авторы описывают не космический ужас, а делают акцент на описании физических страданий, сцен разложения или смерти.

В «страшных» новеллах Серебряного века пространство и время крайне разнообразны – от космического мира («Ночное путешествие» Брюсова) до будущего («Красный смех» Андреева, «Республика Южного Креста» Брюсова). Но в каждой из них мы находим эти три общие черты. Разберем по порядку:

1. *Инверсия*.

Переворачивается всё – даже наука вместо двигателя прогресса превращается в орудие дьявола («Студный бог» Брюсова): «Наука, зависящая от черепков и бумажек, наука, которой угрожают пожары и наводнения! Жалкая наука!» [4, с. 41]. Наука обвиняется в бессилии и несостоятельности. Она слишком зависит от объективных факторов, которые нужно интерпретировать. Брюсов, жи-

вущий в эпоху развития технического прогресса, устами героя обвиняет науку в слабости, зависимости от материального мира. Она оказывается не фундаментальной силой, движущей мир вперед, а хрупкой структурой, загнанной в рамки материи и веществ. Кроме переворачивания функций науки, наблюдается её ориентация на материальность, вещественность, т.е. на телесность.

Инверсия явно проявляется в новелле Брюсова «В зеркале». Зазеркальный двойник захватывает тело героини, которая вынуждена обитать в призрачном мире. Её органы чувств работают только тогда, когда в зеркало смотрит её враг: «Нас было много в этом зеркале, темных душ, дремлющих сознаний. Мы не могли говорить одна с другой, но чувствовали близость, любили друг друга. Мы ничего не видели, слышали смутно, и наше бытие было подобно изнеможению от невозможности дышать» [2, с. 57].

Миг жизни испытывает отражение, только сталкиваясь с живым человеком – по сути, пришельцем из зазеркального мира: «Только когда существо из мира людей подходило к зеркалу, мы, внезапно восприняв его облик, могли взглянуть в мир, различить голоса, вздохнуть всей грудью» [2, с. 57]. Такое существование сравнивается с существованием душ после смерти телесной оболочки. И, возможно, ожившие разумные зеркальные двойники возникают из неуспокоенных душ: «Я думаю, что такова жизнь мертвых – неясное сознание своего “я”, смутная память о прошлом и томительная жажда хотя бы на миг воплотиться вновь, увидеть, услышать, сказать...» [2, с. 57]. Это похоже на особый вид сюжета о призраке. Но у Брюсова призрак проникает в реальность через отражение и жаждет не упокоения, а новой жизни.

В «страшных» новеллах Серебряного века переворачивается традиционный, вышедший из мифологии, образ оборотня («Черный Дик» Гумилева, «Собака» Сологуба). Теперь уже он представ-

ляется не как человек, одержимый зверем, а как зверь, вынужденный носить облик человека. Все относится к этому по-разному. У Гумилева в новелле «Черный Дик» оборотень является практически демоном, наслаждающимся проявлениями животной натуры в себе. При этом он умудряется не стать изгоем в своей деревне, а наоборот, вести за собой людей. У Сологуба в новелле «Собака» оборотничество и сумасшествие – почти синонимы. Совершенно неясно: то ли героиню свели с ума насмешки, то ли она действительно превращалась в собаку. Странно и то, что её безумие материально и проникает в окружающий мир. И два мужика, наблюдающие за странной фигурой, сами становятся похожими на собак.

При этом почти во всех героях Сологуба есть черты животных и птиц. Появляется зловещая старуха, похожая на ворону: «Александра Ивановна села рядом с нею, на ступеньки крыльца. Смотрела на старуху сбоку. Большой, загнутый старухин нос казался ей клювом старой птицы. “Ворона?” – подумала Александра Ивановна» [11, с. 380]. Эта «ворона» выполняет свою функцию – «каркает» беду:

«Старуха вдруг широко взмахнула руками и резким голосом крикнула дважды:

– Кар, кар!

Александра Ивановна дрогнула. Спросила:

– Бабушка, кому каркаешь? Ответила старая:

– Тебе, красавица, тебе» [11, с. 382].

Так постепенно и выходит, что Александра Ивановна, только подумав про себя как про собаку, меняет мир, и все персонажи становятся оборотнями.

Мы видим еще одну из характерных черт творчества и философии Сологуба – солипсизм. Мир, который существует, не объективен, а субъективен. Всё, что есть, – порождение разума. И спастись от этого можно только после смерти.

Мир будущего также инвертируется. Вместо обещанных научной фантастикой картин технического прогресса читатели видят перед собой образы умирающего человечества. Прогресс оказывается губительным. Людей уничтожают либо машины («Восстание машин» Брюсова), либо оторванность от природы, которую создает небесный купол, закрывающий солнце («Республика Южного Креста» Брюсова). Уничтожить людей может и эпидемия, вызывающая приступы безумия («Республика Южного Креста», «Красный смех» Андреева). Будущее не несет в себе света, оно губительно. Человечество преодолело проблемы голода и выживания, но не учло того, что сама людская природа разрушительна и приводит всё живое только к гибели.

Образы живого и мертвого переплетаются, объединяются, а иногда и меняются местами. Мертвые двигаются («В толпе» Сологуба, «Красный смех» Андреева), ведут себя, как живые («Жертва» Ремизова). В «Жертве» оживший мертвец не только ест и спит, но еще и смеется, шутит и имеет привычки,

похожие на привычки живого человека. Он является живым трупом, тогда как дети его, наоборот, хоть живы, но изначально обречены. Их смерти отвлечь не получается. В новелле Сологуба «В толпе» также мертвые появляются среди живых, но их множество – огромная толпа, которая всё растет. Каждый живой, попадающий в неё, обречен на смерть. Самое страшное, что толпа идет на праздник, и всё это действие похоже на вакханалию мертвых.

Даже роль дьявола меняется. В новелле Брюсова «Ночное путешествие» не дьявол обманывает человека, а человеку хватает хитрости обмануть дьявола и, самое главное, избежать отмщения. Роль дьявола здесь принижается. Он становится всего лишь проводником. Но сами вид и способ путешествия крайне экзотичны. Герой отправляется в космос на другие планеты не с помощью космического корабля и научных разработок, а с легкой руки дьявола, который не только показывает герою другие миры, но и рассказывает про них. Мы видим, что, как и в «Студном божестве», в «Ночном путешествии» Брюсов вновь возвращается к теме дьявольского происхождения науки.

2. Перверсия.

Перверсия и инверсия в контексте жанра ужасов – понятия близкие. Всё, что перевернуто с ног на голову, еще искажается. Изменяются не только традиционные формы изображения типичных героев жанра ужасов, меняется суть многих привычных вещей, взгляды на мир. Извращен смысл науки и прогресса. Прогресс ведет человечество к гибели («Республика Южного Креста» Брюсов). Наука оказывается беспомощной и служит орудием дьявола.

Извращаются законы природы – мертвые идут вместе с живыми. Мертвец ест, спит, разговаривает, словно живой человек («Жертва» Ремизова, «В толпе» Сологуба), тогда как живые, наоборот, мечтают о смерти. У Сологуба практически все герои стараются сбежать от реальности – но не по романтическому канону в мир фантазий, а в загробный мир, где не будет серой, опустыленной жизни. Большая часть таких героев – дети. Некоторые из них погибают случайно, не различая реальность и игру («Баранчик»), некоторые настолько впечатлительны, что верят всему, что говорят им взрослые и погибают от страха («Червяк»). В новелле «Белая березка» ребенок загадывает желание, прося волшебную березу о «мгновении»: «Только мгновения! Темен быт, и тяжки оковы существования, – о, дай мне только одно пламенное мгновение» [10, с. 6]. Какое именно мгновение хотел испытать маленький Сережа, не ясно, возможно, это сам момент смерти, как ярчайший миг его жизни, миг очищения и освобождения, ведь после этого он умирает: «Мгновенною молниєю восторга вспыхнуло все тонкое тело белой березки. И с воплем безумного счастья упали на землю, умирая, два тонкие, два трепетно-холодеющие тела» [10, с. 6].

Благодаря инстинктам, страх смерти для человека – один из самых древних и сильных. Но Сологуб всё меняет, превращая смерть в самое долгожданное мгновение, а жизнь – в череду мучительных дней ожидания.

Жанр научной фантастики в начале XX века еще не сформировался до конца, но примерные его черты уже были очевидны – это были истории о будущем, технологиях и научном прогрессе. Брюсов иронизирует над этим в новелле «Космическое путешествие», где герой отправляется в космос не с помощью достижений науки, а посредством оккультизма. Он вызывает дьявола, который вынужден отправить его в космос. Для этого не нужны ни космические корабли, ни специальная подготовка, ведь в путешествие отправляется лишь астральное тело человека, что убергает его от всех опасностей.

Перверсируются мечты и грезы – человек во сне создает свой мир, который становится страной пыток и боли («Теперь, когда я проснулся» Брюсова). Герои Сологуба мечтают о смерти как о самом ярком миге жизни, как об освобождении от реальности. Безумие в будущем становится заразной болезнью («Красный смех» Андреева, «Республика Южного Креста» Брюсова). Человечество страшится не болезнью плоти, а болезнью разума. Чем больше развито общество, тем сильнее оторванность от природы и хрупче разум.

Пространство практически всегда замкнуто – то в рамках одного разума («Теперь, когда я проснулся» Брюсова), то внутри зеркала («В зеркале» Брюсова), то в одном доме, постепенно перемещаясь в отдельную комнату, в которой действие то происходит в реальности, то в голове героя («Сестры» Брюсова). Иногда из замкнутого пространства нельзя выйти в одно мгновение по объективным причинам (например, купе поезда в «Студном боге»), иногда сам человек не хочет покидать плен своего разума. Даже поле может стать замкнутым пространством, когда вокруг места действия собирается толпа («Красный смех» Андреева, «В толпе» Сологуба). Над большим чудесным городом есть купол («Республика Южного Креста» Брюсова). Несмотря на то, что этот город огромен, а вокруг него построена железная дорога, достаточно отрезать возможность из него уехать, как пространство становится замкнутым.

Так мы видим, как реальность постепенно искажается, подстраиваясь под законы жанра. Это может быть вызвано объективными и реалистичными причинами, когда герой просто физически не может сойти с поезда, и субъективными, когда реальность и фантазия путаются или мир вокруг преобразуется в кошмар.

Перверсируется и изначальное значение некоторых персонажей. Дьявол больше не романтический герой. Он – то слуга человека («Ночное путешествие»), то двигатель прогресса и науки

(«Студный бог»), одновременно создатель и губитель искусства («Скрипка Страдивариуса» Гумилева), оборотень или безумец («Собака» Сологуба), зверочеловек, ставящий себя выше других (Гумилев «Черный Дик»). Даже вампириша – не просто нежить, а Лилит – первая жена Адама.

Безумие больше не находится внутри человека. Оно проецируется во внешний мир, видоизменяя его («Собака» Сологуба, «Теперь, когда я проснулся» Брюсова). Нет больше ни намека на романтизацию безумия. Мир безумен, потому что безумны люди. А мир – всего лишь проекция их мыслей.

3. Телесность.

В отличие от литературы романтизма, в литературе ужасов Серебряного века появляются некоторые черты, которые станут ведущими в хорроре конца XX в. Это телесность. Данное понятие возникло на стыке социологии, литературоведения, психологии, философии и культурологии. В литературоведении часто выделяют «телесность», противопоставляя её духовности (И.С. Руднева, Т.А. Дикун, А.М. Обжорин, С.Л. Бельская). Также зачастую она рассматривается в лирике, нежеле в прозе (А.А. Хадынская, А.А. Боровская, М.А. Степанищева). И.А. Муратова выделяет телесность как доминирующий фактор в культуре постмодерна: «Определяющую роль в формировании особенностей культуры постмодерна играет фактор телесности. В процессе познания человеком XX века самого себя, мир стал пониматься как сконструированный по образу и подобию тела, посредством форм желания – сексуальности и языка. Идея безусловного приоритета внутреннего, духовного в человеке потеряла свою актуальность, уступив место телесности, аффекту, сексуальности, желанию» [6, с. 143].

В Серебряном веке данная категория хоть и не является ведущей, но начинает активно проявляться. Это отмечает А.А. Хадынская, анализируя телесность в символизме и акмеизме: «Символизм создает свой образ телесности, “растянутый” на двух точках между акцентом на его материальности, “плотскости” и констатацией его распада, “развешествления”, “растворении” в трансцендентном... В контексте акмеистического мировидения телесность как культурный феномен становится особенно важной семиотической характеристикой. Акмеизм, в отличие от символизма, имел другие исходные позиции, акцентируя принципиально иное отношение к вещному миру и, следовательно, к телесности» [13, с. 81].

Брюсов в новелле «Теперь, когда я проснулся» подробно описывает пытки и смерть жены героя: «Я видел, как она вся вздрогнула, вытянулась, все еще не могла крикнуть, но глаза ее наполнились слезами боли и отчаянья, и слезы покатались по ее щекам. А по моей руке, державшей кинжал, потекла липкая и тепловатая кровь. Я стал медленно

наносить удары, сорвал одеяло с лежавшей и колотил ее, обнаженную, порывавшуюся закрыться, встать, ползти... Наконец, схватив жену за голову, я воткнул кинжал ей в шею, насквозь, позади сонной артерии, напряг все свои силы и перервал горло. Кровь заклокотала, потому что умирающая пыталась дышать; руки ее неопределенно хотели что-то схватить или смахнуть» [2, с. 50]. Еще далеко до гипертрофированных описаний насилия, которые появятся в хорроре конца XX в., но некоторые намеки на это есть.

Ремизов заходит дальше Брюсова, акцентируя внимание на отвратительных подробностях разложения: «Старик, дрогнув, присел на корточки, весь осунулся. Все в нем – нос, рот, уши, все собралось в жирные складки и, пунув, поплыло. И плыла липкая кашка, чисто очищая от дряни белые кости. Голый, безглазый череп, такой смешливый, ощериваясь, белый, как сахар, череп стал в луче лампы» [7, с. 56].

Акцент сделан не просто на телесности, но еще и на переживании характерных страхов. У Брюсова мы видим страх перед пытками, членовредительством, у Ремизова – перед гниением и разложением.

В новелле Сологуба «В толпе» подчеркнута ощущение ужаса перед ожившими мертвецами и беспомощностью. Писатель использует множество описаний телесных повреждений: «Две бабы сцепились. Молча, угрюмо. Одна залезла пальцами в рот другой и рвала ей рот. Видна была кровь» [8, с. 271]. Сологуб показывает, как страшно оказаться живым в толпе мертвецов и ждать своей смерти, наблюдая за тем, как зомби убивают других. Создание состояния «ужаса» – вот то, что демонстрирует автор в тексте.

Важно отметить, что в «страшных» новеллах Серебряного века почти нет классического для готического романа сюжета о духах и призраках. Единственное упоминание – зеркальный двойник в новелле Брюсова «В зеркале» – двойник, который имеет некое сходство со злым духом. Духи, призраки нематериальны, тогда как монстры и люди «переполнены» телесностью.

Рассмотрим примерный список чудовищ, чаще всего досаждающих героям новелл Серебряного века: вампиры, живые мертвецы, оборотни, маньяки. Сюда же можно отнести эпидемии безумия, поражающие города. Оборотень – видоизмененное тело человека. Вампир – существо, пьющее кровь. Живой мертвец – двигающийся труп без души. Эпидемии, пусть даже затрагивающие разум, приравниваются к болезням, которые являются нормой в реальном мире. Все эти существа и явления, если и не реальны, фантастичны, но вполне материальны, осязаемы. Сцены насилия, смерти или разложения детальны и многочисленны.

В новелле Брюсова «Сестры» герой, заболев, начинает в бреду путать реальность и фантазии:

«...Комната стала наполняться маленькими, голенькими телами мертвых детей, бескровными, скорченными, отвратительными» [3, с. 170].

Видения, посещающие героя, ужасны и отвратительны. Но жуткие картины существуют не только в воображении. Герою кажется, что вокруг морг с мертвыми детьми, а на самом деле рядом с ним – мертвые тела его возлюбленных: «На диване лежало два тела. То были Лидия и Кэт. Обе были мертвы. Кровь стояла темно-красными лужами на полу, пятнала громадными кругами обивку дивана. Запах крови наполнял всю комнату» [3, с. 170]. Снова акцент сделан не на переживании героя, а на картине смерти. Образ крови не только визуализируется через пятна, он распространяется и с помощью других органов чувств, в частности обоняния.

Похожий прием использует Андреев в «Красном смехе». В описаниях задействуются разные органы чувств читателя.

Обоняние: «Вы слышите, как пахнет гарью. В театре пожар» [1, с. 194].

Зрение и слух: «Но я скоро ясно различил отдаленный гул голосов, крики, трески чего-то падающего и хохот. Звуки заметно увеличивались в силе. Я посмотрел на небо: оно было багровое и быстро бежало» [1, с. 206]. Настоящий ужас создается через атмосферу, которая, в свою очередь, возникает из обращения к органам чувств читателя. Для этого и нужна телесность, материальность. Нужно всем телом ощутить ужас.

Брюсов много внимания уделяет шокирующим случаям и смертям, особенно в рассказах, описывающих будущее: «...врач, заболевший “противоречием”, прописал одной девушке средство, безусловно смертельное для нее, и его пациентка умерла... Затем две няньки в городском детском саду, в припадке “противоречия”, перерезали горло сорок одному ребенку...» [2, с. 82]. Такими случаями переполнен город, охваченный «эпидемией противоречия» в «Республике Южного Креста» Брюсова.

В новелле Сологуба «Баранчик» буднично описано то, как девочка, думая, что играет, перерезала своему брату горло: «Полоснула Аниска ножом по Сенькину горлу. Затрепыхался Сенька, захрипел. Кровь, – широкая, красная, – хлынула на его белую рубашонку и на Анискины руки. Кровь была теплая да липкая, Сенька затих» [11, с. 42]. Сологуб здесь не раз описывает кровь, характеризуя её как «широкую», «красную», «теплую». Она подобна реке, сопровождающей детей в загробный мир.

В новелле «Червяк» взрослые пугают девочку байкой про паразита, который заползет к ней вовнутрь через горло и убьет: «Вползет червяк прямо в глотку, ясен колпак! Так по языку и поползет. Он тебе все чрево расколукает!» [12, с. 291]. Рассказано это с устрашающими подробностями, заставляющими девочку поверить в реальность «червяка». Она до того боится, что начинается чувствовать

у себя внутри его шевеление: «Тогда почувствовала она, как будто что-то постороннее ползет по ее языку, около самого его корня, что-то тягучее и противное...» [12, с. 293]. Ощущения настолько реальные, что тут же заставляют девочку поверить в существование зловещего червя, который может заползти в рот и съесть человека изнутри.

Сологуб создает в своем тексте сюжеты и мотивы, в середине и конце XX века использованные многими писателями-беллетристами, пишущими новеллы и романы ужасов. Например, активен сюжет о человеке, которого изнутри поглощает паразит (фильмы «Чужой» Ридли Скотта, «Кукловоды» Стюарта Орма, «Факультет» Роберта Родригеса; роман «Ловец снов» Стивена Кинга и др.). Но если в классических фильмах или романах ужаса паразит вполне реален (обычно это пришелец из космоса), то у Сологуба он является только отражением переживаний Ванды, которые настолько сильны, что воплощаются в реальном мире, заставляя её чувствовать «паразита». Пространство делится на объективную реальность взрослых, которые пугают ребенка таинственным «червяком», но знают, что его не существует, и субъективные ощущения Ванды, её переживания, постепенно переходящие из разума в реальный мир.

Е.Ю. Козьмина пишет, что на готическую фантастику повлияла одна особенность мениппеи – «морально-психологическое экспериментирование»: «Оно включает “изображение необычных, ненормальных морально-психических состояний человека – безумий всякого рода (маниакальная тематика), раздвоения личности, необузданной мечтательности, необычных снов, страстей, граничащих с безумием, самоубийств и т.п.”...» [5, с. 99]. Автор отмечает, что данная черта характерна для готической фантастики: «Эта особенность повлияла на формирование так называемой “готической фантастики”, в которой сверхъестественное событие не может быть объяснено однозначно (рационально или мистически), оно всегда допускает возможность равнозначной его оценки в том или ином ключе...» [5, с. 99]. Действительно колебание в определении было ли сверхъестественное событие присуще романтическим новеллам. В то же время мы можем увидеть, как в Серебряном веке «моральное экспериментирование» выходит на иной уровень – теперь авторы акцентируют внимание на «маниакальности» и необычных страстях.

Особенности хронотопа «страшных» новелл Серебряного века больше касаются граней разума, искаженной реальности, особенностей восприятия бытия в отличие от хронотопа готического романа, где главную роль играет пространство (например, таинственный замок) и наложение реальностей – прошлого с его тайнами и настоящего, когда происходит действие романа. В обоих случаях писатели создают атмосферу страха. В первом случае это возникает от таинственности локуса и ощущения неизвестности и неуверенности героя в мире, а во втором – от понимания хрупкости реальности и человеческого тела и разума.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1988. – 336 с.
2. Брюсов В.Я. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1983. – 368 с.
3. Брюсов В.Я. Сестры // Огненный ангел. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – С. 166–178.
4. Брюсов В.Я. Студный бог // Киммерийская болезнь. – М.: Терра-Букс, 2011. – С. 39–47.
5. Козьмина Е.Ю. Авантюрно-философская фантастика XX века и философская повесть // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 5. – С. 96–100.
6. Муратова И.А. Телесность как доминанта культуры постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1. – С. 143–146.
7. Ремизов А.М. Жертва // Весы. – 1909. – № 1. – С. 42–56.
8. Сологуб Ф.К. В толпе // Русский жестокий рассказ. – М.: АСТ, 2014. – С. 245–289.
9. Сологуб Ф.К. Жало смерти. Истлевающие личины. – СПб.: Навьи чары, 2001. – 464 с.
10. Сологуб Ф.К. Книга стремлений. Неутолимое. Рассказы. – СПб.: Навьи Чары, 2002. – 592 с.
11. Сологуб Ф.К. Собр. соч. в 6 т. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Т. 2. – 624 с.
12. Сологуб Ф.К. Червяк // Мелкий бес. – М.: Правда, 1989. – С. 281–302.
13. Хадынская А.А. Поэтика телесности в лирике Георгия Иванова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 2. – С. 80–87.

**К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ
МЛАДОЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
«ОБМАН» Ю. ФЕЛЬЗЕНА И «МАШЕНЬКА» В.В. НАБОКОВА**

В данной статье проводится сопоставление проблематики и поэтики двух дебютных романов: «Машеньки» В. Набокова и «Обмана» Ю. Фельзена. Доказывается, что в этих произведениях во многом отразились особенности творческого самоопределения писателей-младоэмигрантов в целом, столкнувшихся с проблемой культурной самоидентификации. В то же время в работе подчёркивается, что в «Машеньке» Набокова и «Обмане» Фельзена уже обозначились приметы индивидуального стиля обоих авторов и отчасти определились принципы их эстетики.

В статье показывается, что в своих первых романах Набоков и Фельзен обратились к общей для всех авторов-эмигрантов проблеме духовно-творческой самореализации личности, художественно воплотив её в перекликающихся сюжетно-образных вариациях. Оба автора проследили своеобразное «пробуждение» творческого сознания, находящегося на границах двух миров: внешнего мира реальности и внутреннего мира, созданного воображением героя.

Делается вывод о том, что дебютные произведения Набокова и Фельзена стали первым этапом в создании крупных прозаических целостностей, заложив основы тематики и поэтики будущих циклов. Но Фельзен развил свой цикл, продолжив конкретный сюжет, а Набоков – развил исходную тему с помощью разных сюжетов.

Выявляется, что оба автора существенно обновляют жанровую форму романа. Набоков в «Машеньке», конструируя классическую систему двоемирия, сознательно размывает границы повествовательных «миров», меняя их ценностную иерархию. А Фельзен уводит фокус повествования внутрь сознания персонажа, представляя его с помощью «камерных» форм: дневника, внутреннего монолога, письма.

Ключевые слова: Ю. Фельзен, В. Набоков, младоэмигрантская проза, дебютный роман, обновление жанровой формы.

Как известно, литература первой волны русской эмиграции была разделена на два творческих поколения: «старшее» и «младшее». Одной из наиболее универсальных проблем, к которым обращались в своих произведениях как «младшие», так и «старшие» писатели-эмигранты, была проблема духовно-творческой самореализации личности, представленной в разных сюжетно-образных вариациях.

Плодотворную разработку данной проблемы мы можем увидеть в крупных, итоговых произведениях таких авторов, как И.А. Бунин («Жизнь Арсеньева»), Б.К. Зайцев («Путешествие Глеба»), И.С. Шмелёв («Лето Господне») и др. В прозе писателей-эмигрантов, сформировавшихся как художники ещё до отъезда из России, проблема духовно-творческой самореализации личности осмыслялась преимущественно в традиционном ключе. Эти авторы главным образом ориентировались на продолжение и развитие линии классической русской литературы. Как правило, герой, задействованный в произведениях представителей «старшего» поколения эмиграции, проходил символическую инициацию. Молодой человек, познавая окружающий русский мир во всех его мелочах и вникая в фундаментальные вопросы бытия (от любви до смерти), в конечном итоге обретал свою духовную сущность, иногда реализуя себя как художник, творец («Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина).

Несколько по-другому обстояло дело у авторов-младоэмигрантов. Не имея достаточного жизненного опыта и большого запаса впечатлений, полученных в период пребывания на родине, эти писатели теряли неиссякающие источники творчества, под-

питывавшие художественные искания писателей-эмигрантов старшего поколения. Поэтому часто местом действия в их произведениях становились основные центры «русского рассеянья»: Париж и Берлин. У младоэмигрантов уже не было укрепляющего чувства неразрывной связи с русской культурной традицией, что затрудняло их творческую самоидентификацию. Кроме того, ситуация была осложнена тем, что, уехав из России в Европу, молодые художники слова оказались на перепутье самых разных эстетических программ и литературных течений. Творчески «раздвигаясь» между реализмом и модернизмом, они искали пути обновления жанровой и повествовательной формы. Однако, формально принадлежа к одному писательскому поколению и обращаясь к сходной проблематике, к аналогичным сюжетам, младоэмигранты выбирали для себя индивидуальные творческие стратегии, исходя из принадлежности к литературной группе, симпатии к художественному течению, а также – из собственных эстетических взглядов.

В данной статье мы сопоставим два дебютных романа писателей-младоэмигрантов: «Машеньку» Владимира Набокова и «Обман» Юрия Фельзена. Попытаемся охарактеризовать особенности проблематики и поэтики этих произведений, во многом транслирующих пути творческого самоопределения представителей «младшего» литературного поколения русского зарубежья в целом. Сравнительный анализ «Машеньки» Набокова и «Обмана» Фельзена позволит также выявить черты индивидуального стиля обоих авторов, которые остаются скрытыми, когда они рассматриваются просто как члены «незамеченного поколения»

русской литературы, как их принято называть, по определению Владимира Варшавского [3, с. 29].

Первый рассматриваемый роман «Машенька» (1926) был написан Владимиром Набоковым – тонким стилистом, признанным впоследствии мастером художественного слова. Сам Набоков не считал «Машеньку» зрелым и законченным произведением. Желая подчеркнуть, что его первый роман далек от совершенства, надписывая подарочные экземпляры книги, писатель, как не раз упоминали исследователи, «рисовал на титульном листе не бабочку, а куколку, личинку – эмблему творческой незрелости» [5, с. 28]. Судя по всему, такое отношение Набокова к своему творению было порождено обнажённостью в романе автобиографического начала. Это будет совершенно несвойственно набоковским произведениям зрелого периода. Однако если взглянуть на образ «куколки» с другой стороны, то без труда можно заметить в «Машеньке» в зачаточном состоянии все элементы поэтики позднего Набокова: обилие аллюзий и реминисценций, намёк на мистическое двоемие и большое количество вещных деталей.

Второй рассматриваемый роман – «Обман» (1930). Он вышел из-под пера Юрия Фельзена, писателя, которого, кстати, Набоков знал и чью прозу ценил. Он так отзывался о творчестве Фельзена: «<...> это, конечно, настоящая литература, чистая и честная» [6, с. 284]. Несмотря на высокую оценку Набокова, Юрий Фельзен в настоящий момент менее известен, чем автор «Машеньки». Хотя в своё время он был значительной фигурой в младоэмигрантской литературе. Его талант был высоко оценён как многими писателями, так и литературными критиками.

Очень важно отметить то, что «Машенька» и «Обман» являются дебютным опытом авторов в крупной прозаической форме. До этого Фельзен и Набоковым было создано некоторое количество рассказов, в которых они словно искали свой писательский «голос», пробуя различные сюжетные схемы, экспериментируя с повествовательными техниками и художественными приёмами. Анализируемые в настоящей работе дебютные романы стали для них своеобразными произведениями-манифестами, в которых во всей полноте выразились их эстетические принципы. Ещё одной сближающей чертой является то, что в романах «Машенька» и «Обман» Набоков и Фельзен в разных повествовательных формах обратились к стержневой для всех авторов-эмигрантов проблеме духовно-творческой самореализации личности, художественно воплотив её в перекликающихся сюжетно-образных вариациях. Оба автора, по сути, проследили своеобразное «пробуждение» творческого сознания, находящегося на границах двух миров: внешнего мира реальности и внутреннего мира, созданного воображением героя.

Завязка обоих романов довольно проста: и в том, и в другом произведениях русский эмигрант узнаёт о приезде молодой девушки. «У меня, большое счастье: жена из России приезжает» [7, с. 45], – радостно сообщает главному герою «Машеньки» Ганину его сосед по пансиону Алфёров. В «Обмане» же главный герой узнаёт, «читая письмо одной берлинской знакомой, Екатерины Викторовны Н., что приезжает в Париж ее племянница Леля Герд» [8, с. 52]. Услышанное известие о приезде героини и у Набокова, и у Фельзена дополняется визуальным компонентом – фотографией героини, с которой судьба словно намеренно сталкивает героев романов. Очень важно отметить одну деталь: сходные реакции на фотографическое изображение девушки, которые проявляют набоковский Ганин и фельзенский Володя. «А вот это Машенька, жена моя. Плохая фотография, но все-таки похоже. <...> Стойте... Куда вы, Лев Глебович? Посидите ещё» [7, с. 63–64], – после этой фразы Алфёрова Ганин узнаёт в его жене свою первую любовь и стремительно убегает из его комнаты. Володя в «Обмане», несмотря на наличие фотографий девушки, отказывается на неё смотреть. Он намеренно «придумал (курсив наш. – А.К.) изображение Лели Герд, ослепительно белокурой, хрупкой, с умом ищущим и утонченным, уязвимым и в то же время смелым, принимающим по-зрячему всякий неуспех» [8, с. 52]. В данных поступках героев Набокова и Фельзена можно найти определённое сходство: намеренный отказ от фотографического, точного образа в пользу плодотворной и безграничной силы воображения и воспоминания. После заочной встречи с героиней главные персонажи Набокова и Фельзена проходят цепочку других (внешних и внутренних) событий, в итоге обретая «творческое зрение», научаясь различать два мира: мир обыденный и мир инобытия, сотканный из воспоминаний и отрефлектированных образов. На этом сюжетное сходство романов заканчивается, поэтому нам важно будет проследить, каким оказывается путь к обретению этого «творческого зрения» и какой ценой его обретает герой у Набокова и у Фельзена.

Несмотря на то что романы «Обман» и «Машенька» являются дебютными романами со сходным сюжетом, они различаются по месту и значению в творчестве авторов. «Машенька» Владимира Набокова является единым законченным произведением и прямого сюжетного продолжения не имеет (исключая тот факт, что сама Машенька и её муж фигурируют в другом романе Набокова – «Защита Лужина»). Таким образом, «Машенька» – это завершённое художественное произведение. Совершенно по-другому обстоит дело с романом Фельзена. «Обман» был лишь стартовой точкой единого художественного повествования, частицей целостного мира, в котором появились главные герои: мо-

лодой человек Володя и его возлюбленная Леля. За этим последовало ещё семь рассказов и два романа, которые вместе образуют задуманный Фельзенем прозаический цикл «Повторение пройденного». В нём путём «поступательного наращивания своих произведений в единое целое Фельзен намеревался создать психологический роман-эпопею о творческом созревании русского писателя-эмигранта по модели, предложенной Марселем Прустом» [2, с. 4], объединив эту прустинскую линию с творческой традицией «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Поэтому сразу становится объяснимой кажущаяся художественная незавершённость данного романа: ведь он лишь приоткрывал дверь в будущее, был лишь одним из элементов масштабного цельного повествования.

Если посмотреть на творчество каждого из двух авторов в совокупности, то станет заметным ещё один нюанс, который ретроспективно проясняет место дебютного романа в их творчестве. Проблема, заложенная Набоковым в «Машеньке», – творящее (творческое) сознание в нетворческом мире – была разработана им в различных *вариациях* во всех остальных романах. Последующие произведения представляли собой самостоятельные с точки зрения сюжета целостности, объединённые общей темой. У Фельзена же всё продолжилось не по принципу развития вариаций одной темы, а по принципу развёртывания одного конкретного сюжета: все его художественные произведения после 1926 года были объединены как тематически, так и событийно, представляя собой единый масштабный цикл, который, к сожалению, автору не удалось завершить. Таким образом, и у Набокова, и у Фельзена эти произведения входят в состав более крупных художественных целостностей, своеобразных циклов. Но связь произведений внутри этих циклов выражена по-разному (имплицитно, тематически у Набокова и эксплицитно, сюжетно у Фельзена), вследствие чего циклы имеют разную художественную природу, по-разному организованы.

Являясь в определённой степени наследниками русской литературы, Набоков и Фельзен находят различные формы обновления жанра романа. Несмотря на то что в «Обмане» мы слышим в основном речь одного персонажа (монолог), текст является диалогизированным по двум причинам. Во-первых, – из-за отсутствия явного авторского голоса, который бы возвышался над голосами героев. Во-вторых, потому, что каждое слово в романе-дневнике написано с оглядкой на потенциального адресата и читателя – на его возлюбленную Лелю: «<...> не могу избавиться от всегдашней тщеславной надежды, что записи мои (помимо меня и как бы мне в награду) будут кем-то внимательно прочтены, и, заранее по-детски растроганный, верю в читательницу, понятливую и добрую, и жду, когда наконец “она” (Леля или же следу-

ющая и последняя) найдется и мы оба заслужим чудо взаимного доверия, и вот для “нее”, не осведомленной о прежней моей жизни, надо всё добросовестно приготовить, как бы это ни казалось пустым и обидно-ненужным» [8, с. 89].

«Машенька» Набокова, в свою очередь, в определённой мере продолжает традиции русского монологического романа. Писатель использует классическую для романа сюжетную точку отсчёта – пансион, в котором размещает представителей различных социальных типов, облекая всё это в форму авторского повествования. Тем не менее многочисленные детали и сравнения персонажей с безвольными и беспомощными существами («складывалась как тряпичная кукла» [7, с. 49]; «сидел не шевелясь перед столом и не мог решить, что ему делать» [7, с. 58]; «равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» [7, с. 61]) выдают в художественном мышлении Набокова модернистские черты и трансформирует реалистический образ автора, заставляя его не просто следовать за персонажами, а полностью контролировать и изменять их жизнь по своей воле. Ценностный центр в романе явно смещён на автора, который, как всемогущий демиург-«кукловод», иронически разыгрывает «шахматную партию» персонажей. В этой связи заслуживает доверия высказывание Ю.И. Левина: «Стоящая за текстом модель мира двойственна: воссозданный в романе уголок “русского Берлина” и русской жизни оборачивается лишь материалом, вводящим в заблуждение своей добротной осязаемостью, – для игровых построений, за которыми стоит совсем иная творческая и жизненная философия, нежели кажется на первый взгляд (“эмигрантская беспочвенность”, “ностальгия” и т. д.)» [1, с. 279].

У Фельзена же реализуется совершенно иная повествовательная ситуация. Во-первых, главный герой у него очень близок к автору, его речь, составляющая основную ткань романа, насквозь диалогична, всегда нацелена на невидимого собеседника, который, судя по всему, выше, чем его возлюбленная Леля. Володя в «Обмане» хочет не просто записать свои впечатления в дневник, его цель – выговориться перед кем-то или исповедоваться: «Я перестаю думать о благожелательной любящей женщине, которая одна удостоится прочесть и понять, нет, предвижу читателя, равнодушного, беспристрастного, и, конечно, предвижу его презрительное недоумение: ведь стараясь добросовестно, без плутовства, что-то свое изобразить, я как бы это свое предаю – выискиваю в нем дурное, обычно людьми скрываемое (часто и от себя), и невольно стыжусь выигрышного» [8, с. 137].

Подобный подход писателей к соотношению автора и героя обусловил наличие повествовательных ситуаций, которые используют расматриваемые авторы в своих произведениях.

Юрий Фельзен в «Обмане» использует ситуацию Я-повествования [4, с. 442], осложнённую, как уже говорилось выше, внешней композиционной формой дневника. Такой выбор обусловлен, в частности, тем, что Фельзен принадлежал к группе писателей, объединявшихся вокруг журнала «Числа». Одна из эстетических установок данной группы состояла в требовании: превратить художественное произведение в документальное повествование, основанное на реальных фактах и отражающее лишь душевные движения самого автора. Конечно, Фельзен не принимал строго данные постулаты, но, тем не менее, они оказали определённое влияние на его поэтику. Именно поэтому для Фельзена было очень важно психологически достоверно передать путь духовного становления своего героя. Второй момент, обусловивший ситуацию Я-повествования в «Обмане», связан с тем, что Фельзен был большим поклонником Марселя Пруста, автора многотомного цикла «В поисках утраченного времени» и М.Ю. Лермонтова, автора романа «Герой нашего времени». В этих произведениях Пруст и Лермонтов проследили сложный, извилистый путь духовных исканий молодого человека, используя повествование от первого лица. Своей целью Фельзен так же, как и его литературные кумиры, избрал психологическое изображение личности, вектор его художественного исследования направлен внутрь сознания героя. Поэтому Фельзен раскрывает психологию персонажа, а точнее жизнь его души со всеми подробностями и нюансами. Читателю не нужно догадываться о чертах характера или настроениях героя по деталям и намёкам, поскольку сам персонаж откровенно и подробно рассказывает о них в дневнике.

Набоков в «Машеньке» использует аукториальную повествовательную ситуацию [4, с. 435–436], которая, по сути, является антиподом Я-повествования, позволяя стереоскопично, подробно и достоверно изображать происходящее, одновременно проникая внутрь сознания персонажей, доходя до очень глубоких слоёв (скрупулёзное воспроизведение воспоминаний Ганина). В «Машеньке» у Набокова вектор художественного исследования направлен, как и у Фельзена, внутрь познающего сознания. Ему интересно постигать особое эмигрантское двоемирие: сосуществование мира повседневной действительности и волшебного мира воспоминания, в котором реальность пересотворяется, обретая одновременно яркие образы и зыбкие черты. Именно поэтому так незаметна граница между двумя слоями повествования в «Машеньке»: рассказом о жизни эмигрантского пансиона госпожи Дорн и воспоминаниями Ганина о своём дачном детстве. Вследствие этого нельзя сказать, что действительная реальность выше и важнее реальности воспоминания. Даже наоборот: автором всячески подчёркивается ис-

кусственность, иллюзорность эмигрантской реальности, напоминающей бессмысленную игру, некий мираж, съёмку бездарного фильма. До какого-то момента Ганин чувствует себя безвольным обитателем царства «теней», актёром, статистом, играющим навязанную ему роль. Так, Набоков пишет: «<...> он лег в постель и слушал поезда, насквозь проходившие через этот унылый дом, где жило семь русских потерянных теней, – вся жизнь ему представилась той же съёмкой, во время которой равнодушный статист не ведает, в какой картине он участвует» [7, с. 61].

Несмотря на то что оба романа содержат около десятка персонажей, основными действующими лицами и у Фельзена, и у Набокова являются двое героев, пара: мужчина и женщина. Но у Фельзена женщина существует в настоящем и даёт нам сквозь призму непосредственного восприятия главного героя Володи. А в «Машеньке» героиня – это лишь образ из прошлого, и поэтому она существует только внутри воспоминаний главного героя Ганина, а также её нынешнего мужа Алфёрова. Таким образом, ни в одном романе автор не проникает во внутренний мир героини, не исследует её психологию. Мы всегда воспринимаем образ героини лишь в контексте сознания героя, а в случае с Машенькой – образ образа. Зато герои выглядят довольно убедительно и психологически достоверно. Авторы сталкивают их с большим количеством событий и персонажей, чтобы в описаниях различных ситуаций и взаимоотношений с разными людьми раскрыть их характер и мироощущение. Остальные персонажи в романах не имеют столь серьёзного значения либо потому, что изображены как куклы (Набоков), либо потому, что не попадают в фокус сознания главного героя (Фельзен).

Однако Фельзен и Набоков по-разному раскрывают и трактуют главный женский образ. В Машеньке во многом сконцентрированы и обобщены черты наиболее ярких и узнаваемых женских образов, созданных в произведениях русских классиков XIX века (например, А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова). Главная героиня у Набокова являет собой во многом символический образ, одно из значений которого – метафора России. Иначе женский образ интерпретируется у Фельзена. Героиня у него связана с Россией гораздо слабее, скорее наоборот, её характер во многом определяется атмосферой Парижа. Леля неотрывна от европейского стиля жизни: вольного и свободного. Об этом говорит её переменчивый и ветреный характер, который расстраивает Володю: «Леля противилась, как могла, нашей прежней взаимной внимательности и, чтобы ее исключить, сделать законно-невозможной, не оставалась со мною вдвоем <...> и я опять поневоле сравнивал, как раньше она стремилась непременно побыть вдвоем, считала посторонних врагами и дорожила, краснея от удоволь-

ствия, всяким признанием безукоризненной ее ко мне деликатности, внимания и доброты» [8, с. 94]. Тем не менее Леля играет важную роль в сюжетной структуре романа «Обман»: именно она выводит мир Володи из равновесия, заставляя его испытать всю гамму чувств – от нежной влюбленности до жгучей ревности. Все эмоциональные переживания и потрясения, связанные с Лелей, перерастают у Володи в рефлексию, которая и становится своеобразным толчком для пробуждения творческого сознания героя, в конечном счёте обретающего духовное зрение.

В финале романов герои подходят к ключевому этапу своей духовно-творческой эволюции в рамках конкретного произведения. Авторы нигде не указывают прямо, что герой становится писателем, но художественные детали-намёки у Набокова и монологи персонажа у Фельзена подсказывают нам, что будущее героя в каком-то смысле уже предопределено.

У Набокова «пробуждение» (именно такое слово использует повествователь) выглядит так: «И то, что он все замечал с какой-то свежей любовью, – и тележки, что катили на базар, и тонкие, ещё сморщенные листики, и разноцветные рекламы, которые человек в фартуке клеил по окату будки, – это и было тайным поворотом, *пробуждением* (курсив наш. – А.К.) его» [7, с. 126]. Авторский намёк на пробуждение в душе Ганина творческого начала художественно зашифрован в эпизоде случайной встречи героя со строителями. Казалось бы, рабочие просто покрывают крышу новой черепицей, но трижды упомянутое при их описании слово «переплёт» и один раз слово «книга» ясно дают понять, что в них Ганин видит одновременно своё нынешнее состояние и прообраз будущей судьбы: «Эта ленивая, ровная передача действовала успокоительно, этот желтый блеск свежего дерева был живее самой живой мечты о минувшем. Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда» [7, с. 126–127].

Володя в «Обмане» находит источник творческой энергии в неразделённой любви, которая питает его как писателя: «Долго стесняемое вдохновение (вернее, тот неопределенный душевный двигатель, который нам дается чудом, из пустоты, но разрастается, безмерно растягивается от причин, совсем не случайных – от всего, нас кровно задевшего или с нами сроднившегося) – такая неповоротливая сила, после стараний и неудач, мною как бы пущена в ход и меня переводит в особое – напряженно-горячее, внимательное к мелочам, самое плодотворное и вконец изнемогающее – состояние, вдвойне беспокойное еще и от страха что-то навсегда упустить. В таком состоянии я усерднее всматриваюсь во всё со мной происходящее, яснее его вижу и нередко исправляю

ошибки восторженных, преувеличивающих своих часов» [8, с. 171–172]. Главный герой Фельзена сознательно избирает путь претворения собственной жизни со всеми её радостями и горестями в текст, в котором хочет выразить всё точно и беспощадно, не утаив при этом ничего. В отличие от «Машеньки» Набокова, образ героини здесь не изгоняется как бесплотное воспоминание. Напротив, образ Лели становится главной силой, подпитывающей вдохновение героя-рассказчика, толкающей его к творчеству. Володя открыто предпочитает этот призрачный образ реальной Леле: «<...> так сложилось, что не дано мне другой вершины, кроме любви, и нет другой любви, кроме Лели, и пускай любовь и всякая вершина – обман, и в Леле – обман, и пускай сегодня – без соперников, наедине, в минуту самой страстной моей надежды – Леля бесповоротно меня оттолкнула, я никуда не убегу и ничего не буду в себе подавлять, я подставлю уже убывающие свои силы плодотворно-жестокую веянию любовного божества, не покинувшего меня и не требующего моей победы» [8, с. 173].

В целом, у двух прозаиков обнаруживаются следующие точки творческого притяжения-отталкивания. Во-первых, данные дебютные произведения стали первым этапом в создании крупных прозаических целостностей, заложив основы тематики и поэтики будущих циклов. Но Фельзен развил свой цикл, продолжив конкретный сюжет, а Набоков – развил исходную тему с помощью разных сюжетов. Во-вторых, оба романа представляют собой серьёзное обновление жанровой формы романа, объединяющее традиции русской классической литературы с новыми модернистскими подходами. В-третьих, у Фельзена мы наблюдаем диалогическое построение текста, в котором нет абсолютного ценностного центра. А у Набокова повествование организовано по принципу монолога, в котором по-модернистски всемогущий автор «играет» персонажами по своей воле. В-четвёртых, авторы используют совершенно разные повествовательные ситуации. У Фельзена мы наблюдаем Я-повествование, осложнённое формой дневника. Благодаря выбору такой ситуации персонаж крайне убедительно раскрывается изнутри, обнажая все движения своей души. У Набокова задействована аукториальная повествовательная ситуация, использование которой позволяет проникнуть во все уголки мира произведения: от сюжетных событий до давних воспоминаний. Благодаря использованию такой ситуации автор достигает своей цели, размывая границы и уничтожая иерархию между внешней реальностью и реальностью воспоминания.

Главные герои в романах Фельзена и Набокова весьма похожи друг на друга и имеют много точек соприкосновения. Их судьбы поставлены в центр повествования. И в «Обмане», и в «Машеньке»

главный акцент сделан на духовной эволюции героя, показан его путь к обретению «творческого зрения». Но истоки и трактовка женских образов в произведениях Фельзена и Набокова различны. Если образ Машеньки в конечном счёте перерастает в символ России, то облик и характер Лели никак не связан с русским культурным пространством и менталитетом: она скорее воплощает тип эмансипированной и легкомысленной европейки, является олицетворением женского кокетства и непостоянства вообще.

Соотношение двух дебютных романов писателей-младоземigrants помогает взглянуть на литературу и культуру русского зарубежья стереоскопично, увидеть путь становления творческого человека, изображённый поколенчески близкими, но эстетически далёкими авторами. За счёт такого сопоставления выявляются черты сходства и различия в прозе Юрия Фельзена и Владимира Набокова, добавляются новые факты, которые ещё предстоит осмыслить исследователям творчества этих интересных русских писателей.

Библиографический список

1. Левин Ю.И. О Машеньке // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 279–287.
2. Ливак Л. «Роман с писателем» Юрия Фельзена // Фельзен Юрий. Собр. соч.: в 2 т. – Т. 1 / сост., подг. текста, вст. статья и примеч. Л. Ливака. – М.: Водолей, 2012. – С. 3–44.
3. Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / отв. ред. Б.В. Аверин, Н.А. Карпов, С.Д. Титаренко. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 848 с.
4. Манн Ю.В. Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П.А. Гринцер. – М.: Наследие, 1994. – С. 431–480.
5. Мельников Н.Г. Машенька. – Берлин: Слово, 1926 // Мельников Н.Г. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / под общ. ред. Н.Г. Мельникова; сост., подг. текста Н.Г. Мельникова, О.А. Коростелева; предисл., преамбулы, комм., подбор иллюстраций Н.Г. Мельникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 26–28.
6. Набоков В.В. Литературный смотр. Свободный сборник. Париж, 1939 // Современные записки. – 1940. – № 70. – С. 284.
7. Набоков В.В. Машенька // Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: в 5 т. / сост. Н. Артеменко-Толстой; предисл. А. Долинина; прим. М. Маликовой, В. Полищук, О. Сконечной, Ю. Левинга, Р. Тименчика. – СПб.: Симпозиум, 2009. – Т. 1. – С. 42–127.
8. Фельзен Ю. Обман // Фельзен Ю. Собр. соч.: в 2 т. / сост., подг. текста, вст. статья и примеч. Л. Ливака. – М.: Водолей, 2012. – Т. 1. – С. 51–173.

СПЕЦИФИКА ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ В СБОРНИКЕ Б. ПАСТЕРНАКА «БЛИЗНЕЦ В ТУЧАХ» (1913 г.)

В статье предпринята попытка рассмотреть особенность звуко-образной организации ранних поэтических текстов Б. Пастернака, в основе которой находится «музыкальное мышление» поэта. Автобиографические произведения и письма автора дают основания говорить о значительности звукового (=аудиального) компонента и в художественном мышлении, и в восприятии окружающего мира. «Мышление звуками» может выражаться на самых разных уровнях текста, включая звукопись, ритмику, композицию, однако в центр работы попадает именно звуко-образная организация текста. Аудиальное восприятие окружающего мира и его специфическая реализация в творчестве позволяют выявить «звуковое» начало в художественном мышлении Пастернака, что становится неотъемлемой частью его поэтики. На примере ряда стихотворений («Лесное», «Мне снилась осень в полусвете стекол...», «Венеция», «Зима» и др.) подчеркивается значимость звукового наполнения текстов Б. Пастернака; показано, что звуковой образ по-особому характеризует и описывает поэтическое пространство текста, выступая в роли опорных знаков, репрезентирующих внешний мир. Также звуковое начало способно усиливать / определять значение основных образов текста, нередко влияя на его содержание. Помимо звуковой составляющей не менее важной в некоторых текстах оказывается и тишина как первоисточник звучания или же его заключительная фаза.

Ключевые слова: Б.Л. Пастернак, звуковой образ, звучание, тишина, лирический герой.

Изучение музыкального начала и его роли в творчестве Б. Пастернака – вопрос для пастернаковедения не новый [5, с. 293]. В рамках настоящей статьи мы попытаемся подойти к теме звука в поэтическом мире Пастернака с принципиально другой стороны, взяв за основу музыкальное мышление поэта, которое заключается в особом, аудиальном, восприятии окружающего мира и специфической его реализации в художественном творчестве. Звуковые ассоциации, рождающиеся параллельно с размышлениями и саморефлексией (см., например, особенность раскрытия образа Марбурга в «Охранной грамоте», переписку с М. Цветаевой) [7, с. 242], явно указывают на значительность звукового (=аудиального) компонента и в художественном мышлении поэта, и в его восприятии окружающего мира.

«Мышление звуками» может выражаться на самых разных уровнях текста, включая звукопись, ритмику, композицию, однако в центр статьи попадает именно звуко-образная организация текста, которая реализуется на образном уровне поэтики. Звуковой образ в стихотворениях Пастернака, наряду с художественным, по-особому характеризует и описывает поэтическое пространство текста; усиливает значение основных образов текста, нередко определяя его содержание. Но, помимо звуковой составляющей, не менее важной в некоторых случаях оказывается и тишина как первоисточник звучания или же его заключительная фаза.

Традиционно в сборнике «Близнец в тучах» исследователями выделяется несколько основных мотивов: мотивы творческого призвания, сна (сновидения), смерти и бессмертия, любви. Учитывая это и опираясь на комментарий к данному сборнику М.Л. Гаспарова и К.М. Поливанова [1], появляется возможность говорить и об особом функционировании звуковых образов в текстах «Близнеца

в тучах». Кроме того, в сборнике значимая роль отводится мотивам звучания и тишины, которые являются одними из ключевых, обретая статус постоянных.

В стихотворении «Лесное» основной темой становится попытка поэта выразить в словесной форме голос немой, безгласной природы. Более того, многократным повторением личного местоимения «я» подчеркивается, что этим голосом, олицетворением звуков природы является сам поэт: «Я – уст безвестных разговор»; «Я – речь безгласного их края, / Я – их лесного слова дар» [3, с. 327], то есть лирическое «я» трансформируется в звуковую форму, субъект начинает отождествляться с источником звука и/или его формой (разговор, речь); «я» везде выступает порождающим звуки (голос) природы или самим звуком/звучанием. Лирическое «я» «стягивает» на себя образы природы, являясь главным «выразителем» естественного (природного) звукового начала: «Я – речь безгласного их края, / Я – их лесного слова дар. // О, прослезивший туч раскаты. / Отважный, отроческий ствол! / Ты – перед вечностью ходатай. / Блуждающий – я твой глагол» [3, с. 327].

В то же время заметна и открытая антитеза, усиленная постоянными типами: лирическое «я», наделенное голосом, противопоставляет себя немолчащей (т.е. хранящей молчание) природе.

Текст построен таким образом, что в каждой строфе существительные, имеющие в своем значении сему «звук», расположены в порядке нарастающего усиления и масштабного абстрагирования: разговор – речь – дар слова – глагол – столп диалектов. То есть смысловым стержнем произведения становится именно этот лексический ряд, вокруг которого Пастернак и выстраивает весь текст.

Следующим стихотворением, где мотивы звучания и тишины выходят на первый план, соединяясь

с ведущими мотивами сна (как отсылка к прошлому) и разлуки, является текст «Мне снилась осень в полусвете стекол»: «Припомню ль сон, я вижу эти стекла / С кровавым плачем, плачем сентября; / В речах гостей непроходимо гложла / Гостиная ненастьем пустыря» [3, с. 327–328].

На первый план в этом стихотворении выходит любовная тематика, тесным образом переплетаясь с мотивом смерти, который реализуется в данном тексте через сон: «Мне снилась осень в полусвете стекол, / Терялась ты в снедающей гурьбе. / Но, как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руку к тебе. // Припомню ль сон, я вижу эти стекла / С кровавым плачем, плачем сентября; / В речах гостей непроходимо гложла / Гостиная ненастьем пустыря» [3, с. 327–328].

Подкрепляет мотив расставания и выраженный метонимически (через стекло) образ окна как границы двух пространств (миров): *полусвет стекол, стекла с кровавым плачем сентября*. Помимо этого текст насыщен звуковыми образами, которые выводят основную тему стихотворения на поверхность: «В речах гостей непроходимо гложла / Гостиная ненастьем пустыря» и «Ты раньше всех, любимая, затихла, / А за тобой и самый сон умолк».

Первое, что обращает на себя внимание, – описание гостиной, которая «гложла в речах гостей», то есть окружающий шум заглушал все остальное. Более того, в начале третьей строфы одинаковое построение первых двух строк, где глагол «таял» может приобретать значение «растворяться в людском шуме», но лирический герой замечает, что любимая затихает «раньше всех» («Терялась ты в снедающей гурьбе» – «Ты раньше всех, любимая, затихла»). Смысловая часть заканчивается постепенным затуханием звуков («гложла») и образом пустыря, что подводит и звуковую границу текста. Стихотворение во многом перекликается с лермонтовским текстом «Сон» (отчетливее это выступает в редакции 1928 года, где Пастернак выбирает абсолютно то же название) и на образном, и на композиционном уровнях, воспроизводя романтическое противопоставление поэт / мир (гурьба, гости, гостиная и т.п.). Но если Лермонтов передает конфликт через смерть поэта, то у Пастернака смерть трактуется как *расставание* с героиней, теряющейся среди гостей и оказывающейся недоступной поэту; то есть угасание звуков воспринимается как знак расставания (смерти).

Следующая строфа – метафорическое «растворение» предметов и окончательное исчезновение звуков: «В ней таял снег своей лавиной рыхлой / И таял кресел выцветавший шелк, / Ты раньше всех, любимая, затихла, / А за тобой и самый сон умолк» [3, с. 328].

Тишина, таким образом, выступает здесь и как знак разлуки, расставания, и как символ иного пространства. В двух заключительных строфах

пространство сна сменяется на реальное, однако все оно наделяется образами, так или иначе связанными с потусторонним миром: «За сном, как след роняемых *соломин*» (солома, как указывает Е. Фарыно [4, с. 320], – отсылка к царству мертвых, в этом же контексте подобное значение очевидно); «Отсталое падение берез». Усиливает степень проявления иного мира и «летейская гребля», в даль которой смотрит лирический герой. Заканчивается же текст «посвистом трясин», и «посвист» в данном случае, скорее всего, имеет особое значение – конец одного временного отрезка и начало другого. Кроме смысловой наполненности звуковых образов, в этом тексте можно выделить и звуковую организацию, аккомпанирующую основной теме стихотворения: «Мне снилась осень в полусвете стекло, / Терялась ты в снедающей гурьбе. / Но, как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руку к тебе».

Схожий мотив «затухания» звука становится одним из центральных и в тексте «Не подняться дню в усилиях светилен...», в смысловой центр которого встраивается повествование о разлуке с возлюбленной. По мере развертывания лирического сюжета постепенно усиливается и драматизм состояния лирического героя, что достигает своей высшей точки во второй строфе и плавно переходит в спокойное русло в третьей: «Далеко не тот, которого вы знали. / Кто я, как не встречи краткая стрела? / А теперь – в зимовий гложнущем забрале – / Широта разлуки, пепельная мгла. // А теперь и я недрогнувшей портьерой / Тяжко погребу усопшее окно, / Спи же, спи же, мальчик, и во сне уверуй, / Что с тобой, бывлым, я, нынешний, – одно» [3, с. 333].

В приведенных строках обращает на себя внимание сразу несколько ключевых элементов: *цвет*, *звук* (точнее, его медленное угасание) и вновь появляющийся *образ окна*. Однако более любопытными становятся две последние строки второй строфы: «А теперь – в зимовий гложнущем забрале – / Широта разлуки, пепельная мгла», где «гложнущий забрал зимовий» напрямую соотносится с расставанием (в то же время перекликаясь со смолкающим сном из стихотворения «Мне снилась осень в полусвете стекол...»). Более того, в данном случае «гложнущее забрало» способно трактоваться как некая граница между прошлым и настоящим. Усиливает этот смысловой пласт и образ окна, так же, как и в предыдущем тексте, связывающий два временных промежутка. На примере двух последних стихотворений становится очевидным, что звуковые образы вплетаются в содержание текста, находясь на одном уровне с основными образами, тем самым усиливая или даже определяя их значение.

Следующими стихотворениями, в образной структуре которых мотив звучания также имеет одно из ключевых значений, являются «Венеция» и схожий с ним «Лирический простор».

В первой строфе «Венеции» снова возникает окно, метонимически замещенное образом «мутного стекла», однако в этом случае окно выступает не как граница прошлое / настоящее, а как разделение внутреннего и внешнего пространств: «Я был разбужен спозаранку / Бряцаньем мутного стекла. / Повисло сонною стоянкой. / Безлюдье висло от весла» [3, с. 332].

Здесь пробуждение героя от звука стекла является завязкой всего текста, что определяет дальнейшее описание впечатлений. По сути, центральный звуковой образ, ассоциирующийся с Венецией, замещает собой сам город; ключевыми словами в первой строфе становятся «я», «безлюдье», «громко одинок аккорд», на которых и ложится вся смысловая нагрузка. В первой же строфе встречаем и атрибуты «низа», и, начиная со второй строфы, пространство постепенно расширяется вверх: «Висел созвучьем Скорпиона / Трезубец вымерших гитар, / Еще морского небосклона / Чадающий не касался шар; // В краях, подвластных зодиакам, / Был громко одинок аккорд. / Трехжальным не встревожен знаком, / Вершил свои туманы порт» [3, с. 332].

Звук, источник которого находился, в представлении лирического субъекта, сверху, явился *отзвуком*. Разбуженный «одиноким аккордом» лирический герой глядит в небо, стремясь уловить звук. В отличие от предыдущих стихотворений, здесь следует заметить, что, во-первых, источник звучания – музыкальный инструмент и, во-вторых, его образ переносится в вышину, а уже затем звук переносится на землю: «В краях, подвластных зодиакам, / Был громко одинок аккорд». Вероятно, это объясняется и самим названием сборника, и наличием в нем ряда стихотворений с образами близнецов, вознесенных в небесную высь; вместе с этим тема вознесения также одна из ключевых в сборнике (ср.: «Я рос, меня, как Ганимеда...»). Л. Гервер, комментируя подобные художественные приемы, отмечает: «Как и в архаические времена, музыкальные инструменты отождествляются с небесными светилами, что закрепляет их местоположение в мировой вертикали» [2, с. 56]. Помимо указанного, стоит отметить и такую особенность создания образов в «Венеции», как *переход звучащего начала в визуальное* («Висел созвучьем Скорпиона / Трезубец вымерших гитар»).

В один ряд с «Венецией» можно поставить стихотворение «Лирический простор», основная тема которого – вдохновение, охватывающее поэта, и творческое самовыражение как итог этого состояния. Пространство текста разворачивается снизу вверх, что олицетворяет собой вознесение поэта, творческий полет. Ключевые слова первых двух строф *плененье – вырываются; напутствуют, прощаются*, выражают основную тему стихотворения – тему поэтического вдохновения: «Что ни

утро, в плененье барьера. / Непогод обезбрезжив брезент, / Чердаки и кресты монгольфьера / Вырываются в брезжущий тент. // Их напутствуют знаком беспальным, / Возвестившим пожар каланче, / И прощаются дали с опалом / На твоей догоревшей свече» [3, с. 337].

Помимо этого в тексте возникает образ музыкального инструмента – альта – закрепленного в вышине: «Утончаются взвитые скрепы, / Струнно высится стонущий альт; / Не накатом стократно го sklepa. / Парусиною вздулся асфальт».

Обращает на себя внимание причастие *стонущий*, содержащее в себе, помимо всего, и особое звуковое наполнение. Л. Флейшман, комментируя этот образ, пишет: «Лексеме *стонущий* может быть предложена “мотивировка”: струны отделены от альта, т.е. стон может быть объяснен как стон об отделении. Этот момент “отделения” (в высоте от альта только струны) совпадает с процессом “утончения” (в 1-м стихе строфы). Вместе с тем символика стихотворения переключается в новый план: пение, звучание (стон струн) *высится*, отдельно от инструмента, т.е. “реализуется” метонимическая подстановка действия вместо агента» [6, с. 559–560]. Сходный прием (отделение звучания от самого инструмента) обнаруживается и в стихотворении «Венеция»: «В краях, подвластных зодиакам, / Был громко одинок аккорд». В тексте также заметно постепенное восхождение как лирического «я» («Окрыленно вспыхнешь ты один»), так и самого отзвука альта.

Отдельное место в сборнике с точки зрения звукового начала занимает стихотворение «Зима», где звуки не только организуют художественное пространство, но в то же время являются и *опорными знаками*, характеризующими внешний мир. Текст представляет собой описание того, как лирический герой, засыпая зимней ночью, прислушивается к окружающему шуму. Слух лирического «я» улавливает разнообразные звуки, которые попадают во внутреннее пространство из внешнего мира: «Прижимаюсь щекою к улитке / Вкруг себя перевитой зимы: / Полношумны раздумия в свитке / Котловинной, бугорчатой тьмы. // Это раковины ли сказанье, / Или слуха покорная сонь, / Замечтавшись, слагает пыланье / С камелька изразцовый огонь» [3, с. 338].

Кроме того, в процитированных строфах метафорично зашифрованы два образа: *улитка, раковина* могут трактоваться и как морская раковина (тогда все посторонние звуки ассоциируются именно с шумом, издаваемым ею), и как ушная раковина, улавливающая тот же зимний гул. Одновременно с этим и ночь уподобляется шумящей морской раковине по звуковому соответствию. В первых двух строфах указанные звуковые начала будто сливаются, совпадая в тональностях: «Это раковины ли сказанье, / Или слуха покорная сонь». Также заметно, что описание в этих четверостишиях касается

исключительно внутреннего, домашнего пространства, тогда как выход за его пределы обозначается только в третьей строфе, на что указывает вторая строчка: «Под горячей щекой я нащупал / За подворья отброшенный шаг. / Разве нынче и полночи купол – / Не разросшийся гомон в ушах?» [3, с. 339].

Последние две строки – снова вопрос-сомнение героя, не понимающего, откуда возникает путающий его «гомон». В данной строфе обращает на себя внимание глагол «нащупал». Поскольку постижение героем окружающего мира в тексте передано исключительно через звуковое начало, более привычно в этом месте было бы сказать «услышал». Однако выбрано именно «нащупал», что говорит о некоторой степени *материальности* звука (шаг за пределами подворья оказывается «нащупанным», а не «услышанным»). Далее заметно плавное нагнетание звуковых образов, которое доходит до высшей точки в четвертой строфе: «Подымаются вздохи отдушин, / Одинок заклятье: “Распрячь!” / Черным храпом карет перекушен / За подвал подтекающий плач» [3, с. 339].

Все, что происходит на улице, передается исключительно с помощью звуковых образов, к тому же окрашенных эмоционально: *вздохи отдушин, заклятье «Распрячь!», храпом карет перекушен плач*. В двух заключительных строчках заметна и «звуковая наполненность» образа: черный храп карет. Скорее всего, *черный* здесь относится к лошадям, то есть цвет (окрас) лошадей переносится на храп, который они издадут. Вместе с тем *черный, храп* на лексическом уровне актуализируют и время происходящего – ночь. Кареты же, по видимому, замещают в этом образе лошадей, потому и остается только *черный храп карет*.

Предпоследняя строфа отчасти проясняет смысл первой строфы и по-своему подводит итог всему, о чем говорилось выше: «Это – жуткие всё прибаутки / И назревшие невдалеке. / Их зима из ракушечьей будки / Нашептала горячей щеке» [3, с. 339].

Заключительным стихотворением, где звуковой мотив также играет одну из ведущих ролей в организации текста, является «Хор». В этом произведении заголовок выступает сразу в нескольких значениях: хор – это и музыкальная пьеса, в которой каждая вокальная партия исполняется несколькими голосами; кроме того, хор – это и группа певцов, исполняющих музыкальное произведение (сюда же отнесем и церковный хор); и наконец, хор – как многоголосная песня. Последнее из перечисленных значений и находит свое отражение в данном тексте (но, помимо этого, хор и как своеобразное олицетворение творчества). Отметим и авторский эпиграф, обобщенно формулирующий основную тему стихотворения – вознесение и следующее за ним растворение поэта в пучине ораторий: «Жду, скоро ли с лесов дитя, / Вершиной в снежном хоре, / Падет, главою очертя, / В пучину ораторий» [3, с. 340].

Пространство текста разворачивается снизу вверх, постепенно, от строфы к строфе: «Уступами восходит хор. <...> / Сначала – дол, потом – простор. // Сперва – плетень, над ним – леса, <...> / Рассветно строясь, голоса / Уходят в потолок» [3, с. 340].

Описываемое действие происходит утром, что совпадает и с общим началом восхождения звуков хора, а вместе с тем и вознесением над миром поэта; «утреннее» вознесение подкреплено и строкой в третьей строфе «возводится восток», понимаемой как восход солнца. Далее на первый план выходит непосредственно образ поэта, представленный в стихотворении через противопоставление *дитя – певчие* (окрепший голос поэта уже преобладает над остальными): «Но будут певчие молчать. / Как станет звать дитя. / Сорвется хоровая рать, / Главою очертя».

Две последующие строфы также актуализируют противопоставление «я» – «хоры городов», что опять ставит образ поэта в смысловой центр: «О, разве сам я не таков. / Не внятно одинок? / И разве хоры городов / Не певчими у ног?»

Хоры городов «подчиняются» поэту, оказываясь лишь «певчими» у его ног. Итоговая строфа – развернутый риторический вопрос, выделяющий самоценность поэта на фоне остальных: «Когда, оглядываясь вспять, / Дворцы мне стих сдадут, / Не мне ль тогда по ним ступать / Стопами самогуд?» [3, с. 341].

Подводя итоги нашему исследованию, подчеркнем значимость звукового наполнения текстов Б. Пастернака и отметим особенность функционирования звуковых образов в его поэтике: во-первых, звуки организуют художественное пространство, являясь опорными знаками, характеризующими внешний мир («Зима»); во-вторых, звуковое начало усиливает / определяет значение основных образов текста («Не подняться дню в усилиях светилен...»). Кроме того, звуковые образы выводят на первый план основную тему стихотворения («Мне снилась осень в полусвете стекол...»); угасание звука выступает как знак расставания, а звук, переходящий в тишину, также знаменует собой разлуку или расставание. Источником звучания в текстах сборника может быть музыкальный инструмент («Венеция», «Лирический простор»); в ряде же стихотворений звук имеет ярко выраженное творческое начало: «Лесное» (где лирический герой – поэт – «отождествляет» себя с источниками звука), «Хор».

Библиографический список

1. *Гаспаров М.Л., Поливанов К.М.* «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 143 с.
2. *Гервер Л.Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). – М.: Индрик, 2001. – 248 с.

3. Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. – М.: Слово, 2003. – Т. 1. – 578 с.

4. Фарыно Е. Введение в литературоведение: учеб. пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.

5. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 400 с.

6. Флейшман Л.С. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 784 с.

7. Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Души начинают видеть: письма 1922–1936 гг. – М.: Вагриус, 2004. – 720 с.

УДК 821.161.1.09"20"

Рейнбах Ольга Евгеньевна

Шуйский филиал Ивановского государственного университета
oreinbah@list.ru

РУКОПИСЬ «НАШЕДШЕГО ПОДКОВУ» О. МАНДЕЛЬШТАМА И ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ТЕКСТА

Публикации стихов в периодических изданиях – один из важнейших текстологических источников. Часто только благодаря таковым сохраняется существенное из наследия поэта. Однако нередко и то, что в ходе подготовки текста к публикации в журнале или газете искажается авторская воля: если сравнивать периодику и сборники стихов, то при втором из названных видов изданий автор имеет больше доступа к самоличной корректуре текста. В настоящей статье выявлены типографские погрешности, случившиеся при подготовке к печати стихотворения «Нашедший подкову» в газете «Накануне» и в журнале «Красная новь».

В то же время публикации стихотворения в периодических изданиях позволяют выявить важнейшие нюансы динамики авторской воли и движения текста на первых этапах его существования. И, что особенно важно, именно эти несоответствия между опубликованными текстами и волей автора вызвали реакцию О. Мандельштама, отражившуюся на бумаге. Правки рукой поэта по тексту «Нашедшего подкову» в «Красной нови» дошли до современных текстологов (они были авторизованы и относились к наборной рукописи для «Второй книги» О. Мандельштама) и стали важнейшим ключом к выявлению авторского текста.

Ключевые слова: О. Мандельштам, «Нашедший подкову», текст, история текста, рукопись, периодические издания, авторская воля, стихи.

Две первые публикации «Нашедшего подкову» принадлежали периодическим изданиям: журналу «Красная новь» [1] (вышел в марте-апреле 1923 года) и литературному приложению к газете «Накануне» [2] (7 октября, 1923 г.). Тексты стихотворения в названных органах печати отличаются как друг от друга, так и от рукописи. До появления «Пиндарического отрывка» в сборниках стихов О. Мандельштама текст произведения был максимально неустойчивым и подверженным изменениям со стороны автора.

В «Накануне» «Нашедший подкову» представляет собой повествование в прозе с пронумерованными абзацами – как в рукописи; этот текст можно считать её печатным воспроизведением с некоторым числом погрешностей. Нумерация абзацев полностью совпадает с рукописью: строф в стихотворении на первоначальном этапе было именно девять, и каждая начинается так же, как в автографе, то есть структурно варианты текста полностью совпадают. В остальном есть ряд отличий.

В «Накануне» «Нашедший подкову» начинается с «Глядим на лес и говорим – это лес корабельный, мачтовый». Вместо «вот» – «это». Частицу и местоимение можно счесть синонимичными – и то, и то относится к разряду указательных. Но полных синонимов не существует в природе. Утвердительно «это» (говорящие утверждают «ко-

рабельность» леса; можно передать смысл формулировкой «этот лес предназначен для постройки кораблей и мачт») с самых первых строк подрезает поэтичность Слова, устремлённого вбирать в себя больше, чем сказано. А «вот лес корабельный» – гармонично, оно прямая речь, исходящая от некоего размышляющего «мы», оно – менее определённое и более эпическое, «тягучее», оно предполагает не просто указание и утверждение, не просто характеристику, а некое развитие – оно «риторично», оно ждёт «развёртывания», в нём – будущее и свершения, в нём – больше.

Дальше: вместо «пятою» в газете – «пятой», вместо «песнь» – «песню», вместо «среди» – «среди», вместо «уж» – «уже», вместо «название» – «название». «Пятой», «песню», «среди» и т.д. – обычные, правильные грамматические формы слов. «Среди», «песнь», «пятою» – тоже правильные с грамматической точки зрения формы, но формы – именно стихотворные, часто их употребляют в русской поэзии при необходимости сократить или увеличить количество слогов в строке, что, как правило, вызвано необходимостью соблюдать ритм; регулярно появляясь в поэзии, такие словоформы стали придавать возвышенную коннотацию понятиям, их звучание не нейтрально, они не употребляются в обычной разговорной речи только для того, чтобы назвать или обозначить предмет/явление.

Вместо «слаженные» в «Накануне» употреблено «сложенные»: «любую на доски, заклёпанные, сложенные в переборки, не вишневским мирным плотником, а другим...». Это слово вполне логично вписывается в предложение: доски сложены (обращаем внимание на страдательный залог) в стенки, находящиеся внутри корпуса судна. Но поэтическая образность из словосочетания уходит. Здесь слаженность досок есть приведение их другом моряка к упорядоченности, согласованности, стройности. В этом Слове – снова больше.

В печатном тексте «Эра звенит» вместо рукописного «звенела». В стихотворении «Нашедший подкову» – характерный для Мандельштама (особенно для Мандельштама периода 1921–1925 гг.) хронотоп: смешение всех времён (грамматических, человеческих) и их одновременность, слияние, синкретизм. Отношение ко времени у поэта – особое. В конкретном случае настоящее время глагола неуместно ни ритмически (сравним: чеканное, укороченное «эра звенит, как шар золотой» и долгое, «тягучее» «эра звенела» (обращаем внимание: здесь очень близкое к рифме созвучие «эра» – «ела»); кроме того, «эра звенела, как шар золотой» – чистый дактиль), ни грамматически, ни по смыслу. Смотрим на контекст: «Я сам ошибся. Я сбился, запутался в счёте. Эра звенела», как шар золотой, полая, литая, никем не поддерживаемая, на всякое прикосновение отвечающая «да» и «нет»; так ребенок отвечает: «я дам тебе яблоко» или: «я не дам тебе яблоко», и лицо его точный слепок с голоса, котор^{ый} произносит эти слова». И дальше (следующий абзац/строфа): «Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла». То есть эра звенела тогда, а звук ещё звенит, хотя его причина – эра – исчезла. Здесь Мандельштам использует именно прошедшее время, и прошедшее несовершенного вида: не «отзвенела», а «звенела», и этот звук не перестал существовать.

Устремление к синтаксически, а не поэтически удобным формам усматривается в исправлении слов «розовые сосны до самой верхушки свободные от мохнатой ноши...» на «розовые сосны до самой верхушки свободны от мохнатой ноши...» – двусоставное предложение вместо назывного – назывного описательного, рисующего, утверждающего существование.

Кроме прочего, в тексте «Нашедшего подкову», опубликованном в газете, пропущены слова «обшивку», «шерсти», «упругую» и выкинут целый кусок из девятой строфы: «Одни / на монетах изображают льва, / Другие / – голову». Если первое, второе и третье упущения могли быть вызваны невнимательностью при наборе или невозможностью разобрать слово в списке, то относительно последнего можно предположить, что искажение текста повлечёт – банально – недостаток места на бумаге.

Если в рукописи из текста вычеркнуто «Я сбился», то в публикации оно вернулось на своё место

и в прижизненных изданиях стихотворения уже не исчезало. Также прижилась введённая в текст «Нашедшего подкову» при публикации грамматическая форма «яблоко» (вместо «яблока»). Авторская это воля или нет – сказать сложно. Эти незначительные, на первый взгляд, эпизоды могли быть упущены и из внимания автора.

Итак, список, подготовленный для публикации в «Накануне», вероятно всего, составлялся по рукописи, поскольку структурные элементы полностью соблюдены. Но те несоответствия автографу, которые мы обнаружили, очевидно, стремились сделать текст менее поэтичным по сравнению с изначальным.

Неизвестно, когда в рукописи были сделаны автором пометы-чёрточки, обозначающие стихораздел или внутрестиховые паузы. Возможно, он проставил их при составлении списка для следующего печатного органа. Факт только в том, что здесь, на публикации в «Накануне», обрывается существование «Нашедшего подкову» как «стихотворения в прозе».

В публикации «Нашедшего подкову» в «Красной нови», «толстом» литературном и научно-публицистическом журнале, уже есть вторичные признаки стихотворного текста: есть разделение на стихи и строфы, и каждая новая строка – как положено – начинается с прописной буквы. Здесь форма «Нашедшего подкову» превращается из «стихотворения в прозе» в «свободные стихи».

В «Красной нови» сложно разобрать количество строф в стихотворении (что связано с переходами с одной страницы на другую): их либо семь (если со слов «Так, / Нашедший подкову / Сдувает с неё пыль» начинается не только новая страница, но и следующая строфа), либо шесть (если переход на следующую страницу не подразумевает разделения строфы). В любом случае, членение на строфы в «Красной нови» уже не совпадает с тем, что мы видим в рукописи и в «Накануне». Сходятся по начальным словам только первая, вторая и третья. Четвёртая же в «Красной нови» начинается со слов «Воздух бывает тёмным, как вода...», а в газете это был уже пятый «абзац», четвёртый начинался предложением «Трижды блажен, кто введёт в песню имя». В журнале пятая строфа начинается со слов «Звук ещё звенит...», а последняя (шестая или седьмая) – с «Человеческие губы». Тогда как в «Накануне» были ещё «абзацы» со слов «Шорох пробегаёт...», «Так...», «То, что я сейчас говорю».

Кое-что из газетной версии перебралось в журнал: например, формы слов «названием», «среди», «яблоко»; осталось в «Красной нови», как и в «Накануне», вычеркнутое из рукописи «я сбился». Но заметим, что в большинстве случаев публикация в «Красной Нови» как будто исправляет несоответствия текста «Нашедшего подкову» в «Накануне» тексту рукописи: вернулись в стихотворение слова «вот» (вместо «это»), «свободные» (вместо «сво-

бодны»), «слаженные», «пятою», «песнь», «уж». Эра в журнале, как и в автографе, «звенела» и «отвечала». Кроме того, снова на своё место встали слова «обшивку», «шерсти», «упругую», которые в «Накануне» вовсе были потеряны. Вернулось и целое «четверостишие» про монеты. Правда, добавилось нечто новое, чего ни в рукописи, ни в газете не было.

Если в «Накануне» текст заполняли «нестихотворные» формы «пятой», «среди», «уже» и т.д., то в «Красной нови» это в некоторых случаях повторялось, в некоторых «исправлялось», а в некоторых – поэтическое звучание приобретали и такие слова, звучание которых в рукописи было нейтрально: здесь не «солёной пятою», а «солёною пятою»; не «уже не хватает себя самого», как в автографе и в газете, а «уж не хватает...». Кроме того, удивительным образом в строфе про слаженные в корабль доски вместо словосочетания «другом моряка» появляется «другом морехода». Слово «моряк» поэт часто использовал в своих стихах, а «мореплаватель» и «мореход» – только в прозе (см. статью «О собеседнике»). Однако второе, звучащее по-античному возвышенно, здесь вписывается в настроение «Нашедшего подкову» как величественной, трагической и эпической оды о Времени. Впервые появившись в тексте стихотворения в «Красной нови», оно осталось в нём навсегда.

В рукописи и газете вторая строфа начиналась с союза «а», а в «Красной нови» – с «и». И в строках про одуряющий запах в рукописи и «Накануне» было «Будь то близость мужчины», тогда как в журнале вместо «будь то» – «будто».

Если бы не было известно, что газетная публикация «Нашедшего подкову» вышла позднее, чем журнальная, могла оказаться весомой гипотеза о том, что список для напечатания в «Красной нови» готовился по «Накануне» (слишком много отличий между вариантами текста «пиндарического отрывка» в периодических изданиях связано именно с тем, что в журнале слова и словосочетания «исправлялись» на первые варианты, существовавшие в рукописи). Факт таких вроде бы очевидных поправок, нацеленных на возврат к изначальному авторскому, остаётся на настоящий момент совпадением. И можно только строить догадки, каким образом так вышло. Но форма «Нашедшего подкову» в «Накануне» как «стихотворения в прозе» – с учётом того, что в рукописи мы тоже наблюдаем прозаический по форме текст – наверняка не просто пустая беспочвенная оплошность редакции. Разделение на строфы в «Красной нови» – самое главное отличие от газетной публикации – становится определяющим фактором для того, чтобы предполагать, что сначала текст

был предоставлен для газеты, а затем работа автора над «Нашедшим подкову» продолжилась (возможно, О. Мандельштам проставил чёрточки-паузы уже после того, как предоставил рукопись в газету) и вылилась в новый список – уже для журнала. При этом поэт мог внести дополнительные изменения в текст: например, заменить «моряка» на «морехода». Что же касается «Будь то» и «будто», а также союза «и» в начале второй строфы – то и они могли стать примером авторской воли, вторгшейся в текст через существенный промежуток времени, но – не стали. Говорить о том, что и это воля автора, не приходится: в Институте мировой литературы им. А.М. Горького сохранились правки автора по напечатанному в «Красной нови» тексту – уникальный источник исследования авторской воли [3]. В них он зачёркивает «будто» и меняет на «будь то», а «и» на «а». «Морехода» же он не трогает. Эти правки относились к наборной рукописи для напечатания стихотворения в сборнике стихов «Вторая книга» Осипа Мандельштама и стали следующим обновлением написанного. Так работа над текстом продолжалась. В правках к наборной рукописи текст «Нашедшего подкову» не совпал ни с газетным вариантом, ни с журнальным, ни с рукописным. Что ещё раз свидетельствует о том, что авторская воля не статична, а динамична и в данном случае.

Некоторые ходы авторской мысли и движения самого текста прослеживаются уже на этапе подготовки текста к публикации в периодических изданиях. Что же касается инородных вторжений, то сравнение с рукописью показало, как редакции «Накануне» и «Красной нови» устремляли текст к более прозаичному и как авторская воля этому противостояла.

Библиографический список

1. Мандельштам О.Э. Нашедший подкову // Красная новь. – 1923. – №2. – С.135–137.
2. Мандельштам О.Э. Нашедший подкову // Накануне. – 1923. – 7 окт. – С. 7.
3. Мандельштам О.Э. Нашедший подкову // Оттиск из «Красной нови» с авт. правкой. – ИМЛИ. – Ф. 225. – Оп. 1. – Ед. хр. 12.
4. Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время. Анализ текстов. – СПб.: Гиперион, 2005. – 288 с.
5. Рейсер С.А. Основы текстологии. – Л.: Просвещение, 1978. – 176 с.
6. Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама / сост. С.В. Василенко, П. Нерлер. – М.: Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. – 144 с.
7. Чудакова О.М. Рукопись и книга. – М.: Просвещение, 1986. – 176 с.

ПОЭТИКА ЦВЕТА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Н.И. ТРЯПКИНА

Цель работы – проанализировать состав и структуру «цветового поля» в лирике Н.И. Тряпкина. «Цветовое поле» поэта состоит из 8 микрополей: красного, синего, зелёного, золотого, коричневого, белого, серого, чёрного; самым объёмным является микрополе золотого цвета; самые частотные цветообозначения – золотой, белый, красный, чёрный. В целом цветообозначения в поэзии Тряпкина сохраняют общезыковое значение, однако качественное цветовое значение лексемы может дополняться символическим значением.

Поэтическое творчество Тряпкина ориентировано на народную традицию. И в фольклорных текстах, и в стихотворениях Тряпкина можно встретить белый свет, красную горку, белую лебедь – все эти эпитетические формулы-фразеологизмы, сложившиеся в глубокой древности, создали неотразимый народно-цветовой колорит стихотворений поэта. Причем цвет в стихах Тряпкина не нейтрален, как не нейтрален он и в фольклоре. Цветопись является своеобразным ключом сюжетного действия в поэтическом тексте, придавая ему разные оттенки – грусти, радости, тревоги. В каждом стихотворении мы видим преобладающий колорит, указывающий на определенную цветовую направленность стихотворения.

Ключевые слова: цвет, цветовое поле, архилексема, колорема, поэтика, частотность, стихотворение, Н.И. Тряпкин.

Цветовая картина мира Н.И. Тряпкина имеет свои яркие индивидуальные особенности, что обусловлено своеобразием художественного мировоззрения поэта. Цветопись стала одним из отличительных признаков целого ряда стихотворений: «Ах, речка моя! Ах, лодка моя! / Ах, песня моя – пирога! / Раскрасшу тебя, излажу тебя / У хатки моей – у порога [10, с. 415]; «У тебя изба расхваленная – / Да на ста золотых столбах, / Да на ста столбах да на тысяче, / Семицветный скат под резьбой. / Только песенки, только причеты / Да с калиточки расписной» [10, с. 149]. О том, какую роль может играть тот или иной цвет в поэтическом произведении, Тряпкин написал так: «Есть у каждого цвета / Свой желанный удел» [7, с. 176].

Поэт использует достаточно большое количество красок. Путём сплошной выборки было выявлено 534 цветообозначения, составляющие лексико-семантическое цветовое поле. Под лексико-семантическим цветовым полем (ЛСП) понимается группа слов, обозначающих цвет, обладающих высокой степенью организованности и образующих систему. Интегральным признаком, присущим каждому члену системы, является значение цвета. Архилексемой ЛСП цвета является сема *цвет* – общая сема родового значения ЛСП. Это объединяющий элемент, входящий в семантический набор каждого из членов поля. В данной работе в качестве исходной составной единицы ЛСП цвета рассматривается колорема – двуплановая знаковая категория, характеризующаяся как определённой цветового значения, так и определённой его выражения с помощью конкретной лексической морфемы [12, с. 13]. Самыми частотными цветообозначениями в лирике Тряпкина являются *золотой, белый, красный, чёрный, зелёный, голубой, синий*.

Традиционно все цвета делятся на хроматические и ахроматические. В основе этого деления

лежат такие признаки, как цветовой тон, насыщенность и светлота. Для хроматических цветов обязательным качеством является цветовой тон (красный, жёлтый, зелёный, синий и т.д.). Ряд ахроматических цветов составляет переход от белого через серый к чёрному.

Из ряда хроматических цветов в лирике Тряпкина доминантами микрополей являются цветообозначения *красный, синий, зелёный, жёлтый*, так как они обладают важнейшим признаком доминантных лексем – невозможностью определения их лексического значения через другие цветообозначения. Особенностью поэзии Тряпкина является то, что в его поле цвета наиболее активной и частотной является колорема *золотой*. Цветообозначение *золотой* образует собственный словообразовательный ряд: *золотой – златой – золотистый*.

В устном народном творчестве *золотой* цвет обладает особой силой. Золото, его красочное сияние связано с поклонением древних людей солнцу. Золотым предметам свойственно возгорание, светоизлучение (ср. «Сказку об Иване-царевиче, жарптице и сером волке», «Сивку-Бурку» и др.). То же встречается в стихотворениях Тряпкина: «*золотая бадейка луны*» («Ночная песня», 1949), «*златые струи*» «А я пойду опять к Восходу» (1971), «Зачерпну-ка я ковшом» (1971), «*золотая солома – такая лучистая вдруг*» («Первые воспоминания», 1982).

Золотому цвету придается значение могущества, благосостояния: «*век золотой*» («Дай мне, земля, в эти громкие годы», 1948), «*золотое лукошко*» («Исцеление Муромца», 1958), «*златые врата*» («За каким там холмом и заставою», 1973), «*золотой терем*» («И великое пламя над миром прошло», 1979), «*золотой год*» («Встреча», 1982), «*золотая пила, золотые весенние дрели*» («Мой отец был столяр», 1982), «*золотой поднебесный убор*» («Песнь о российском храме», 1985).

В стихотворениях «Другу» (1952), «Никаких таких раки» (1968), «Лотошино» (1982), «Дорогая моя столица!» (1993) значение эпитета *золотой* метафорическое. В первом двух стихотворениях золотой цвет применяется по отношению к родным, близким людям, в стихотворениях 80–90-х годов при описании городской темы.

Тряпкин использует золотой цвет при описании природы: «*золотая Весна*» «*золотой урожаем*», («Дай мне, земля, в эти громкие годы», 1948), «*на полях золотых*» («Песнь о хлебе», 1949), «Ай лю...» (1949), «*золотой одуванчик*» («Где вы, стены, одетые в тес?» 1953), «*золотые сучки*» («Журавли», 1955), «*золотые ометы*» («Осень», 1956), «*денек золотой*» («Весенняя прибауска», 1962), «*золотая кукушка*» («Завивайся, березка», 1963), «*золотистый хмель*» («Виноградие да зеленое», 1966), «*злат листопад*» («Листья дубовые...», 1971).

Также золотой цвет выступает в значении фантастического, нечеловеческого могущества, недаром эпитет золотой может относиться к животным, способным помогать людям (у Тряпкина «Ах ты, рыжий космач! Золотой мой чумазый дружище!» («Песнь о лучшей собаке», 1982).

Рассмотренные примеры говорят о популярности и многозначности золотого цвета в стихотворениях Тряпкина. Все прочие цвета находятся по отношению к нему в некотором подчинении.

Ассоциативно к золотому цвету близок **желтый** цвет – один из семи основных тонов хроматического ряда, спектра солнечного света, обладающий большой экспрессивностью [2, с. 632]. Желтый цвет представлен прилагательными *желтый* (*желтенький*, *желтолистый*) и глаголом *пожелтел*. Желтый цвет – это цвет осени, соломы, жнивья:

Прозрачная осень.
Спокойные желтые жнивы.
Грачи на ометах.
И голос, далекий, как детство.

Прозрачная осень.
Машины, идущие с хлебом.
И пахнет печеной картошкой
Костер у дороги [8, с.115].

Прилагательное *желтый* характеризует свет, блеск, блики, производимые различными источниками света. «Равны права у небес и земли. / Желтые блики на сердце легли», – пишет Тряпкин в стихотворении «Свет ты мой робкий, таинственный свет» (1969). Также в лирике поэта желтый цвет – цвет болезненного состояния человека: *желтые взгляды* («Легенда», 1953), *желтые руки* («На груди твоей желтые руки», 1954), *желтые зубы* («Две элегии», 1960).

Очень символичен **серебряный** цвет – цвет справедливости, единства, открытости. Он выражает стремление к свободе и попытку преодолеть все ограничения. В поэтическом творчестве Тряпкина серебряный цвет указывает на то, что человек лю-

бит фантазировать (стихотворения «А я пойду опять к Восходу», 1971; «В самом сердце оконного ромба», 1981; «Стихи о кастальском источнике», 1981).

В легендах и сказаниях многих народов душа и тело человека связаны тончайшей серебряной нитью. У Тряпкина – «И гремят знамена листопадов Жаркие, в серебряную нить... / Дай ты мне во все твои прохлады / Душу-песню шире пораскрыть» [7, с. 207].

Издревле серебряный цвет ассоциировался с луной, светом надежды, мудростью, не эмоциональностью, таинственностью [4, с. 164.]. Поэт не выходит за рамки указанных понятий: у него на первом месте сочетание *серебряного цвета* со светом луны, дороги, травы, воздуха, воды – действие в ряде стихотворений разворачивается на фоне «серебристой природы»:

Что ни ночь, то луна. До рассветной звезды
По окрестным лугам серебрятся пруды.
Серебрятся пруды.

Где-то крикнет петух. Где-то скок табуна,
А в заснувшем пруду серебрится луна.
Серебрится луна [7, с. 296].

Широко использует Тряпкин **белый** цвет, «абсолютный цвет света и поэтому – символ чистоты, истины, невинности и жертвенности или божественности. Хотя он имеет и некоторые негативные значения – страх, трусость, капитуляция, холодность, пустота и бледность смерти, белый – позитивная сторона антитезы “черное-белое” во всех символических системах» [6, с. 23]. Значение белого цвета в русском народном творчестве таково: 1. прямое значение цвета (белый снег, белый лебедь, белый конь); 2. «сияющий, сверкающий» (белый день, белый камень, белый месяц, белая заря), 3. красивый» (белая грудь, белое лицо, белое тело, белая шея) [3, с. 29]. В лирике Тряпкина из указанных значений используются первые два: *белый снег* («Горизонт», 1946; «Победоносцы в фартуках весны!», 1958); *белый камень* («Горизонт», 1946; «Ходит ветер в чистом поле», 1965); *белые туманы* «Белая ночь» (1954); *белые росы* «Только зорька-заряница» (1959); *белая береза* («Девушка зарницу поджидала», 1962); *белый конь* («Как у тех у ворот столько всяких бород!», 1966); *белый свет* («Ходит ветер в чистом поле», 1965; «Среди государства русского», 1982); *белая лебедь* («Юность», 1972). В целом семантика белого цвета в лирике Тряпкина имеет позитивный оттенок, в большинстве случаев ассоциирующийся с картинами природы, ее торжественности, праздничности и красоты:

Первый снег, первый снег у ворот!
Не колышется провод лохматый.
В белый-белый зашла огород
В белой шубке отцовская хата [7, с. 79].

В то же время в ряде стихотворений белый цвет играет отрицательную роль – это цвет осеннего увядания (*белые листья капусты* («Прозрачная

осень», 1958); *белая капуста* («Песня о веселом заморозке», 1962); *забелеют кусты на лугу* («Два письма», 1960), старости (*побелеет русая головка моя* – «Лето, мое лето», 1959), несчастья (*белые палаты* военного госпиталя – «Песня о безногом солдате», 1957).

Говоря об использовании **красного** цвета в стихотворениях Тряпкина, необходимо указать на его двоякое значение, «в своей символике он подвергался самым разнообразным толкованиям» [1, с. 131]. Он может играть как положительную роль по отношению к добру, красоте, здоровью, так и отрицательную (цвет ада, дьявола).

В народе красный цвет считался самым лучшим, ярким, праздничным. На праздник парни надевали вышитые красные рубахи, а девушки – красные сарафаны и ленты. Персонажи Тряпкина носят *красные рубахи* («В стороне лесного гула», 1958; «За речками, за кочками», 1981), у которых *красные* рукава («Только на плечи накинула», 1981), *красный полушалок* («Старт», 1962), *красную шапку* («Стихи о героях», 1982). Красный цвет говорит о стыдливости: «краснею поневоле» («Песенка», 1946), «засмеялась калина, краснея счастливо» («Засмеялась калина, краснея счастливо», 1947), «краснеть у тына» («Я построю дом сосновый», 1953). А отсутствие стыдливости указывает внутреннее уродство, холодный эгоизм. Например, в «Стихах о печенеггах» (1982) поэт, размышляя о духовном состоянии советского общества, пишет о «лихачах», которые воруя «и тачки, и цемент, и жесь» не стыдятся и не краснеют [10, с. 371].

У Тряпкина красный – это цвет природы, чувств, захватывающих его при виде осеннего *красного леса* («Письмо», 1953; «Песня о деревне Белавенки, 1966) и *красных боров* («Песня о деревне Белавенки», 1966; «Пусть где-то есть там город Занзибар» (1966), *красных гор* («За синие своды», 1957), *красных зорь* («Гимн», 1957), *красных туманов* («Я уйду за красные туманы», 1962), *красенькой лисицы* («Снег да вечер», 1964), восхищения красотой природного мира, например:

С красной клюквой в кузовке
Ходит солнышко лесное.
В золотом березняке
Столько света и покоя! [7, с. 212].

Красный – это не только цвет лица героев, цвет их одежды, образов из мира природы, это еще и цвет революции (революционного импульса, эмоций). Такое значение красного цвета в стихотворениях Тряпкина преобладает: *красная звезда* «Я родился при Советской власти» (1981), *Красная Куба* («Две романтические оды», 1961; «Песнь о красных чайках», 1961), *красное знамя* («Песенка про Африку», 1961; «Стихи о Востоке», 1961), *красный флаг* («Через годы, через броды», 1960; «Умерить пыл...», 1962), *красные птицы* («Две романтические оды», 1961; «Песнь о красных чайках», 1961), *красный Союз* («Вербная песня»,

1994), красные петлички и лычки – отличительные знаки одежды красноармейцев («Встреча», 1962).

Кроме того, красный цвет – это цвет крови, который является ярким имплицитным цветообозначением. «В традиционном христианском искусстве красный цвет был цветом жертвенной крови Христа» [1, с. 131]. Кровь является прототипом красного цвета, хотя в художественной литературе функционируют и другие цветовые характеристики крови (чёрный, голубой). Кровь – символ жизни, любви, но существует и противоположное значение (смерти, войны, битвы): «*кровь боевая*» («Старый погост», 1945), «*кровь моя крепнет*» («Прозрачная осень», 1958), «*в кровях у нас прослежены*» («Приглашение», 1981), «*все кровавые цари*» («Прогнали иродов-царей», 1981), «*текла уже кровь под рукой*» («Стихи о земных переменных», 1982), «*кровоавое солнце*» («Стихи о первом совхозе», 1982), «*не спускай своих кровных ран*» («Стихи о печенеггах», 1982). Образ крови играет большую роль в лирике Тряпкина (как и цветообозначение кровавый).

Зеленый цвет повсеместно ассоциируется с жизнью растений (в более широком смысле с весной, молодостью, плодородием) [6, с. 108], в народных представлениях символизирует прежде всего надежду [6, с. 93]. В стихотворениях Тряпкина зеленый цвет в основном имеет позитивный смысл, ассоциируется с жизнью растений, весной, молодостью, обновлением. Обычно упоминания этого цвета мы видим в сочетаниях со словами, обозначающими растительные и природные объекты. *Зеленый* выступает в качестве традиционной характеристики леса, луга, травы: «Пускай без страха любит человек / Зеленую траву и белый снег...» [7, с. 37]. В то же время найдены примеры негативного аспекта функционирования зеленого цвета, имеющего оттенок незрелости, угнетенности, безнадежности (*зеленый пьяница* («Дело было летом», 1957); *зеленое вино* («Не сердись на меня, молодница», 1971); «дочери наши, как в тлене *зеленые мухи*» («Рапсодия», 1996).

Синий цвет, цвет ясного неба и моря, представляет высоту, глубину; постоянство, преданность, правосудие, совершенство и мир [12, с. 352]. В народном творчестве синий цвет распространен, в основном связан с характеристикой моря, реже – неба. Значение синего цвета в фольклоре однозначно. Это символ спокойствия, глубины морского простора, молодости и скромности, возвышенности и одухотворенности. Тряпкин скуп на краски, описывающие морские картины. Только в одном стихотворении («Море», 1961) при описании морского пейзажа подчеркивается *не морская, а лесная бесконечная синева*. Чаще всего Тряпкин употребляет *синий цвет* для обозначения воды: «Ах, синей рекою по вольным краям! / Пусть солнце ударит по всем якорям!» [9, с. 240]; «льется синяя вода» [7,

с. 144]; «зацвела ромашка над синим ручьем» [8, с. 105], «Победоносцы в фартуках весны! / Мы си-невою рек освежены» [7, с. 37].

Голубой цвет, близкий по значению синему, в стихотворениях Тряпкина характеризует раз-нородные понятия: поэт вводит этот цвет при описа-нии *молний* («Запев», 1940), *воды* («По городу Рже-ву», 1953; «Размочило, развело», 1955; «Юность», 1972), *земли* («Голубень», 1982); *мостов* («Голу-бели у изб карнизы», 1982), *ночи* («Прибаски», 1972-1977), *окон* («Бабка», 1982), *растительности* (*голубые покосы* «В долинах пестрели», 1962; голу-бой кипарис «Радуга», 1971; *голубой мезонин* «То ли было, не знаю», 1984). Кроме того, многие по-нятия, не соотносящиеся в реальности с голубым цветом, в поэзии Тряпкина также находят с ним сочетание: *голубое тепло* («Чернокрылый прокар-кал», 1944), *голубела зорька* («Голубень», 1982), *голубая советская Русь* («Снова запах весенних проталин», 1993).

Также голубой цвет ассоциируется с королев-ской властью и благородством происхождения. «Эпитет *голубая кровь* для людей высокого про-исхождения произошел из убеждения, что вены у испанских аристократов “более синие”» [11, с. 352] (У Тряпкина – «кровь моя – не голубая!» [7, с. 541]). Истинно голубой цвет подчеркивает пре-данность, исходя из того, что истинную предан-ность может выказать человек аристократического происхождения.

В русской поэзии голубой цвет традиционно исполнен смысла. Как считает Д. Псурцев, *голу-бой цвет* – «это уже не былинный, а лирический цвет, заряженный символизмом поэтического пре-ображения действительности в тонах светлой но-стальгии, возвышенной, просветленной грусти, есенинский *цвет былых молодых надежд*» [5]. Не случайно одно из стихотворений Тряпкина на-зывается «Голубень» (1982), эпиграфом которому послужили строки из одноименного стихотворе-ния С. Есенина, написанного поэтом в 1916 году: «Опять передо мною голубое поле» [7, с. 533].

Серый цвет часто используется в пейзажных зарисовках (*серый дождик* «Распутица», 1946; *се-рая дубрава* «Снова беркут над серой дубравой», 1952), при описании животных и птиц: (*серень-кая птичка подь-полоть* «Если синий-синий свет и зори», 1947; *серые гуси* «Уже не густы листопа-ды», 1961; *серая кукушка* «Девушка зарницу под-жидала», 1962; *серая птаха* «Девочка с книжкой», 1963), предметов одежды (*серые шинели* «Я только вспомню те названья», 1966). В стихотворениях «В магазине “Тысяча мелочей”» (1981), «Рапсо-дия» (1981) серый цвет символизирует признак ду-ховного истощения:

А вы, мои распрекрасные
Серенькие соседи!
Любите вы неопасные
Дорожки к своей победе.

С похвальнейшею привычкою
Хлопочете о всемирном,
А сами – пред каждой лычкою
Встаете по стойке «смирно» [10, с. 307].

Значение **черного** цвета в творчестве Тряпкина также совпадает с народным отношением к нему. Это символ несчастья, печали. Черный цвет может предвещать беду, связываться с дурными мыслями героя:

Только с милым по любви
Проживешь с охотой.
Все же стирку не зови
Черною работой [7, с. 110].

Черный цвет – цвет несвободы, войны: чер-ный дым («Ночная песня», 1942), черные темни-цы («Сколько трав под чужими подковами», 1944), черные пожарища войны («Как эта стая молодых скворцов», 1957). Эпитет *черный* используется при описании внешности человека, его цвета кожи (*черная копоть лица* («Лирика», 1971), *черные рабы* («Стихи о Востоке», 1961), образов природы и природных явлений: *пня* («Речная нота», 1960), *тайги* («Черная печорская тайга», 1961), *трясей* («Лесные задривки», 1961), *земли* («Я выхожу на школьный двор», 1962), *неба* («Где-то звонко сту-чали зенитки», 1971), *скал* («Поэт», 1982).

Для фольклорных текстов характерны посто-янные эпитеты: *черный ворон*, *черная ночь*, *черная земля*, характеризующие животных и явления в при-роде. Тряпкин использует этот прием при описании птиц: *червонные соколы* («Возвращение Разина», 1945), *черные скворцы* («Воскресенье», 1946).

У поэта не наблюдается позитивных характе-ристик черного цвета. Вместе с тем, когда черный «выступает в паре» с белым цветом или светом, его давление слабеет, и картины, рисуемые поэтом, уже не столь печальны и драматичны: «И я кладу мой черный хлеб / На эти белые страницы» («Рожде-ние», 1958), «Бабочка белая с черненьким носиком!» («Бабочка белая! Бабочка белая!», 1960), «Скользит, несмелый, / Скользит – несмелый – / То облак бе-лый, / То черный пень» («Речная нота, 1960).

В лексико-семантическом поле цвета русского языка выделяется ещё одно микрополе, члены ко-торого объединяются вокруг колоремы **коричне-вый**, которая обладает всеми релевантными при-знаками доминантных лексем. Коричневый цвет встречается единожды (стихотворение «Сколько выпито горячих самоваров», 1971) и выполняет смысловую функцию: коричневая кожанка – сви-детельство ее поношенности:

Сколько топано в коричневой кожанке
Да с гармоникой за правое плечо!
И кричали нам все ярмарки-гражданки,
То на «чи» они кричали, то на «чо» [7, с. 429].

Необходимо заметить, что в 30 стихотворе-ниях разные цвета сочетаются в пределах одного предложения, что создает образы двух взаимодей-ствующих цветовых стихий: «В голубых долинах

Нила / Жили черные рабы», «Чайки алые восхода, / Птицы розовой зари!» («Песенка про Африку», 1961), «белая ромашка над синим ручьем» («Зацвела ромашка, 1962), «Зашумит зеленая макушка, / Закукует серая кукушка («Девушка зарницу поджидала», 1962), «Виноградие да зеленое, / Красноспелое, всё в кистях» («Виноградие да зеленое», 1966), «Желтый Тибет и серебристые Анды» («В самом сердце оконного ромба», 1981), «Ах ты, рыжий космач! Золотой мой чумазый дружище!» («Песнь о лучшей собаке», 1982), «Из-за синих рек, из-за белых гор» («Из-за синих рек, из-за белых гор», 1993).

У Тряпкина можно найти примеры повторяющихся определений одного и того же предмета, снег, туманы и гречка у него *белые*, дуб, ветла, трава – *зеленые*, струя – *золотая*, флаг – *красный*, борода, виски – *седые*, дорога, путь – *серебряные*, дождь – *синий*, а ветер и лед – *черные*, что указывает на традиционное использование поэтом фольклорной модели, воспринятой им как часть фольклорной поэтической традиции.

Иногда поэт использует индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения: *белый агитпункт зимы* («Пред этим днем», 1946), *раскроется море кругом – голубое дворище* «Где вы, стены, одетые в тес» (1953), *белая полянка блокнота* («Рейд», 1954), *красный звон дуги* «Радость» (1959), *зеленую песню поет огород* («Чу! Колосья ржаные», 1964). Таким образом, метафоры, сравнения, эпитеты, способствуя усилению выразительности, в каждом стихотворении создают своего рода миниатюру.

Поэтический мир Н.И. Тряпкина – многоцветный. Основными цветами в нем являются белый, золотой, красный, желтый, зеленый, синий и черный, составляющие более 50% от всех колоритов. В стихотворениях раскрывается многозначный характер этих цветов. Им присущ как реальный, так и символический смысл. Красный цвет, показатель присутствия в человеке жизненных сил, жизненной энергии, – это реальное значение цвета. А символическое значение цвета – цвет Революции. Реальное значение белого цвета – цвет безжизненности, призрачности. Символический смысл белого цвета проясняется в контрасте с черным цветом. Реальное значение желтого цвета у Тряпкина совпадает с традиционным его пониманием. Желтый – это цвет болезненного состояния

человека или состояния увядания природы. Символический смысл золотого цвета – это цвет солнца, питающего солнечной энергией все живое вокруг. Реальный смысл синего цвета совпадает также с традиционным пониманием. Это цвет воды. Зеленый цвет – цвет природы (полей лугов, травы). Все цвета в произведениях Тряпкина взаимодействуют друг с другом. Одни контрастируют, другие сочетаются, третьи преобразуются один в другой. Многие эпитеты, сравнения, метафоры построены на цвете. И в целом многие произведения основываются на ключевом для поэта понятии – понятии о цвете.

Библиографический список

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
2. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. Т. III. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 752 с.
3. Москалева А.Г., Воробьева Е.А. Цвет в сказках А.С. Пушкина // Начальная школа. – 2003. – № 7. – С. 27–31.
4. Перельгин В.П. Цветопись как элемент идиостиля автора. На материале поэзии С. Есенина и Н. Рубцова // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып. 1 (57). – С. 161–166.
5. Псурцев Д. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина) // Интернет-журнал «Национальные образы мира» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm (дата обращения: 12.04.16)
6. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1994. – 448 с.
7. Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения. – М.: Худ. лит, 1984. – 560 с.
8. Тряпкин Н.И. Краснополье. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 152 с.
9. Тряпкин Н.И. Скрип моей колыбели. – М.: Сов. писатель, 1978. – 288 с.
10. Тряпкин Н.И. Стихотворения. – М.: Современник, 1989. – 431 с.
11. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. – М.: Вече, АСТ, 1996. – 432 с.
12. Чумак-Жуль И.И. Лексико-семантическое поле цвета в языке поэзии И.А. Бунина: состав и структура, функционирование: дис ... канд. филол. наук. – Киев, 1996. – 187 с.

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА ВО ВЬЕТНАМЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА И ИЗУЧЕНИЯ ПРОЗЫ

Для такой страны Юго-Восточной Азии, как Вьетнам, творчество великого русского поэта А.С. Пушкина занимает особое место в культурном пространстве. Во вьетнамском литературоведении и истории литературы сложилось отдельное направление, которое вполне можно назвать «вьетнамская пушкинистика», цель которой – перевод произведений, биографических материалов А.С. Пушкина, а также изучение его творчества.

В статье исследуются разные периоды восприятия прозы Пушкина во Вьетнаме, отмечаются трудности, возникающие при переводе произведений русского поэта на вьетнамский язык.

В процессе становления современного вьетнамского литературного языка огромную роль сыграли произведения Пушкина («Дубровский», «Капитанская дочка»), в которых звучал протест против социального угнетения. Первые переводы прозаических произведений Пушкина во Вьетнаме имели в своей основе перевод-посредник. Профессиональные переводчики – вьетнамские студенты, выпускники советских вузов – постепенно отказывались от переводов-посредников и обращались непосредственно к оригинальным текстам. Вьетнамские исследователи не только подтверждают, высоко оценивают пушкинский талант, но и пытаются объяснить сущность этого таланта.

В восприятии пушкинской прозы во Вьетнаме мы выделяем несколько этапов. Сложилась переводческая школа, несколько поколений пушкинистов выработали принципы перевода и постижения творчества русского писателя. Результаты их усилий сказались в подготовке научных издании сочинений Пушкина, а также в написании монографических работ, нацеленных на осмысление поэзии, драматургии и прозы русского писателя.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, проза, вьетнамская пушкинистика, перевод, изучение, стиль, талант.

Одним из наиболее действенных и продуктивных путей к достижению цели сближения таких далеких в географическом расстоянии стран, как Россия и Вьетнам, должна быть названа литература. Русская классическая литература вошла во Вьетнам – страну Юго-Восточной Азии – в конце 20-х – начале 30-х годов XX века с переводами произведений Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького и других писателей. А период ознакомления вьетнамского читателя с прозой А.С. Пушкина начался в конце 50-х годов XX века, когда была переведена пушкинская повесть «Гробовщик» (переводчик Чу Хак) [6, с. 122]. Первые переводы отдельных произведений Пушкина во Вьетнаме носили случайный характер. Они имели в своей основе перевод-посредник, французский или китайский.

В 1960 году через французский язык были осуществлены переводы двух произведений Пушкина: «Дубровский» и «Капитанская дочка» [6, с. 122]. Это – первый вьетнамский однотомник пушкинской прозы. Автором этих переводов был Као Суан Хао, выдающийся лингвист, внесший большой вклад в развитие вьетнамского языка. История переводческого искусства в странах Востока показывает, что основным критерием при выборе текста для перевода была эстетическая и идеологическая потребность принимающей литературы. Сам переводчик «Дубровского» и «Капитанской дочки» подчеркивал идейно-политическую актуальность для Вьетнама этих произведений Пушкина, их связь с крестьянскими выступлениями против гнета помещиков. Ведь в то время во вьетнамской деревне земельная реформа ликвидировала феодальное землевладение, помещичий произвол и тиранию. Поэтому постижение национальной сущности

творчества Пушкина способствовало росту национального и патриотического самосознания.

В 1961 году был издан на вьетнамском языке второй том пушкинской прозы, в который вошли «Арап Петра Великого», «Египетские ночи», «Пиковая дама», «Рославлев» и «Повести Белкина» [6, с. 122]. Особенно высоко оценил переводчик Као Суан Хао «Повести Белкина». Вьетнамский филолог в предисловии к этому изданию определил цикл повестей пушкинской прозы как явление феноменальное.

Что касается проблемы перевода на вьетнамский язык шедевров Пушкина, трудности возникли при передаче как личных местоимений «ты» и «вы», употребленных для выражения самых сложных человеческих отношений, так и фразеологизмов, пословиц, поговорок, воплощающих русский национальный характер, мудрость русского народа. Одной из важных проблем практического перевода художественной литературы является проблема адекватного воспроизведения другим языком сложности человеческих отношений, тем более во вьетнамском языке, где нет развитой системы ономастики. Но в данном случае и вступает особая система личных местоимений вьетнамского языка, которая помогает отобразить запутанные и противоречивые человеческие отношения в духе пушкинской манеры. Своеобразная поэтическая тонкость заметна в стиле Пушкина в употреблении личных местоимений. Так, местоимение я в зависимости от контекста переводится на вьетнамский язык Ta (ta), Tao (tao), Anh (anh), а местоимение ты имеет такие аналоги, как Mai (mày), Em (em), Ngai (ngài) [1, с. 70–74].

Следует отметить разницу в переводческой практике пушкинской поэзии и прозы. Пушкина в

разных странах обычно узнают и оценивают сначала как прозаика, а потом как поэта. Среди причин этого в первую очередь следует упомянуть особые трудности перевода пушкинской поэзии. Говоря об этих трудностях, вьетнамский поэт Хоанг Чунг Тхонг, один из переводчиков Пушкина, отмечает: «...поэзия Пушкина непереводаема. Отнюдь не только наши литераторы, но и многие зарубежные переводчики поэзии признают свое бессилие, когда речь идет о переводе гениальной поэзии Пушкина, нерасторжимо связанной с русской душой, при переводе которой на другой язык улетучивается почти вся чудесная и неброская ее красота» [3, с. 117]. Это суждение вьетнамского филолога базируется на его собственном опыте переводческой работы над пушкинской поэзией. Другая причина непереводаемости пушкинской поэзии заключается, по мнению литературоведа Хоанг Ван Кана, в том, что «перевод затруднен простотой поэтического языка Пушкина, чуждавшегося изысканных тропов. Переводчику иногда попросту не за что “уцепиться”. Пропадает очарование поэзии, стихотворение превращается и рифмованную прозу» [5, с. 261].

Исследование Хоанг Ван Кана важно для нас теми методологическими принципами и методическими приемами художественного перевода, которые он не только сформулировал, но и продемонстрировал в своей работе. Вьетнамский филолог убежден, что «перевод, в идеале, – не эхо, которое поневоле скрадывает богатство звуков. Это диалог. Диалог не автора (который уже “не слышит”) – переводчика, а двух культур, так как иноязычному читателю “немая” до тех пор культура должна ответить, стать понятной. Однако текстовой мир художественного произведения должен восприниматься все же как иная, хотя и вполне понятная культура» [5, с. 257]. Диалог в процессе перевода может состояться в том случае, если переводчик находит соответствия в своей и чужой культуре: «Переводчик, не искажая подлинник, обязан найти в своем языке те сигналы, которые будут вняты новому читателю, его культурному кругозору» [5, с. 261]. Такие «сигналы» могут быть обнаружены в творчестве писателей, опирающихся в своих исканиях на народные традиции: «В каждой национальной литературе различается особая топика, связанная с природой страны, ее бытом, художественной традицией, уходящей в глубь веков, и с национальными повериями. Наиболее отчетливо эти устойчивые мотивы и образы наполняют народную поэзию и возрождаются в творчестве профессиональных поэтов» [5, с. 259]. Фольклор – это творчество, которое принадлежит всем и вместе с тем – никому в отдельности, поэтому здесь более где-либо обнаруживаются удивительные совпадения далеких культур. По нашему мнению, может оказаться перспективным поиск соответ-

ствий в пословичном жанре, так как жизнь русского и вьетнамского крестьянина отразилась в этой форме народной поэзии.

Одновременно с переводческой деятельностью во Вьетнаме продолжалось и продолжается, непрерывно развиваясь и вширь и вглубь, изучение прозы Пушкина, в котором принимают участие ученые и литераторы. В 1950-е – 1980-е годы главной целью исследователей явилось создание биографии Пушкина и осмысление его творческой деятельности. Переводчики постепенно отказывались от переводов-посредников и обращались непосредственно к оригинальным текстам. Профессиональными переводчиками стали вьетнамские студенты, выпускники советских вузов. Творчество великого поэта освещалось в таких учебных пособиях для вузов, как «История русской литературы XIX века» в трех частях (1959, редактор Хоанг Суан Ни), «История русской литературы XIX века» (1966, главный редактор Нгуен Хай Ха). Большое внимание исследователи уделяли художественному методу Пушкина-прозаика, простоте и чистоте языка. Первым значительным исследованием творчества Пушкина во Вьетнаме считается монография доцента, кандидата филологических наук До Хонг Чунга «Пушкин – великий поэт» (1979). Автор монографии подчеркивает, что творчество Пушкина соединило прошлое, настоящее и будущее русской литературы. До Хонг Чунг подробно анализирует содержание и художественные достоинства прозаических произведений Пушкина от «Арапа Петра Великого» до «Капитанской дочки». Исследователь подчеркивает важную роль Пушкина – «писателя действительности» – для развития русской прозы. Высоко оценивая язык Пушкина, До Хонг Чунг считает язык пушкинской прозы «изумительным, закладывающим фундамент для развития русского языка» [2, с. 191].

В начале 1990-х годов после распада СССР в связи с бурными переменами в политической и экономической жизни обоих государств, Вьетнама и России, и во взаимосвязях между ними русская литература потеряла свое место и роль как в культурном восприятии, так и на книжном рынке Вьетнама. Это десятилетие не ознаменовано новыми переводами произведений Пушкина, исследовательские усилия почти сходят на нет. Новый этап вьетнамской пушкинистики намечился в конце 1990-х годов – начале XXI века. Интерес к русской литературе во Вьетнаме постепенно возрождался в связи с укреплением взаимосвязей между двумя государствами. Переводы прозы Пушкина были переизданы большими тиражами наряду с его лирикой, поэмами, трагедиями. Широко отмечалось 200-летие поэта, которое было ознаменовано выходом в свет собрания сочинений Пушкина в пяти томах. Отдельный том составили переводы прозаических произведений.

Проза Пушкина привлекла к себе внимание нового поколения вьетнамских исследователей. В статье «Роман Пушкина “Капитанская дочка” во вьетнамском переводе» (1997) доцент, кандидат филологических наук Хоанг Ван Кан отмечает ключевые проблемы и трудности перевода пушкинской «Капитанской дочки» на вьетнамский язык: адекватный художественный перевод в восприятии исторических событий, колорит национального быта, стилистическая адекватность при переводе русской ономастики и шире – воссоздания привычных в беседе обращений [4, с. 42–51]. Простота пушкинского стиля, художественное мастерство Пушкина-прозаика, его писательская манера внимательно изучались в разных исследованиях: «Пушкин – родоначальник русской реалистической прозы XIX века» (Нгуен Ким Динь, 1999), «Вклад прозы А.С. Пушкина в развитие русской литературы начала XIX века» (Ха Ван Лонг, 2009), «Некоторые проблемы поэтики Пушкина в романе Капитанская дочка» (Зыонг Ань Туэт, 2009), «Повествовательное мастерство в прозе А.С. Пушкина» (Тхань Дык Хонг Ха, 2011). Исследователи подчеркивают определяющее место Пушкина в истории русской литературы как «начало всех начал» и подчеркивают его особую роль в становлении и развитии русской прозы. Глубоко анализируются такие характерные черты пушкинской прозы, как историзм, народность, проявляющиеся в тесной связи с национальностью. Наряду с научными статьями были созданы монографии, посвященные жизненному и творческому пути Пушкина: «А.С. Пушкин – солнце русской поэзии» (Фам Тхи Фыонг, 2002), «Авторы и произведения зарубежной литературы в школе: А.С. Пушкин»

(Ле Нгуен Кан и Тхань Дык Хонг Ха, 2006), «Рассказываем о Пушкине» (Хоанг Тхюи Тоан и Нгуен Хыу Зуи, 2007), «А. Пушкин и “Я вас любил”» (Ха Тхи Хоа, 2008).

Завершим наши наблюдения суждением литературоведа Хоанг Ван Кана, которое и подводит итоги, и намечает перспективы вьетнамской пушкистики: «Несмотря на то, что творчество Пушкина ныне представлено во Вьетнаме достаточно широко, разными его жанрами, мы отчетливо сознаем, что в этом направлении, по сути дела, приняты лишь первые шаги» [5, с. 262].

Библиографический список

1. *Ву Тхыонг Линь*. Проблема перевода русских личных местоимений на вьетнамский язык // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 5. – С. 70–74.
2. *До Хонг Чунг*. Пушкин – великий поэт. – Ханой: Институт и техникум, 1979. – С. 171–236.
3. *Никулин Н.И.* Произведения Пушкина во Вьетнаме // Пушкин в странах зарубежного Востока: сб. статей / АН СССР, Ин-т востоковедения; [редкол.: Е.П. Чельшев (пред.) и др.]. – М.: Наука, 1979. – 228 с.
4. *Хоанг Ван Кан*. Роман Пушкина «Капитанская дочка» во вьетнамском переводе // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 42–51.
5. *Хоанг Ван Кан*. Лирика Пушкина во вьетнамских переводах // Русская литература. – 1997. – № 1. – С. 257–262.
6. *Хоанг Тхюи Тоан*. Русский поэт А.С. Пушкин во Вьетнаме // Русская тройка: сб. статей и записок о русско-вьетнамской культурной коммуникации. – Ханой: Литература, 1994.

Ермакова Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор
Педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
Тюменский государственный университет, г. Тобольск
ermakova25@yandex.ru

Проконова Майя Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал)
Тюменский государственный университет, г. Тобольск
maya-vladi@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ СМИ: ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКА СПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА

В статье рассматриваются процессы трансформации в сфере фразеологии, становящиеся все более активными и значимыми в современном русском языке. Наиболее ярко проявляются индивидуально-авторские изменения в текстах СМИ, так как в них отражаются наиболее распространённые языковые явления современности.

Процессы создания трансформированных фразеологических единиц имеют ярко выраженную прагматическую направленность, «творец» текста, трансформируя имеющуюся в языке единицу, стремится этим усилить оценочность, экспрессию высказывания, выделить, подчеркнуть и передать сущность своего восприятия. Следовательно, использование новообразований в первую очередь связано с формированием такой языковой системы, которая удовлетворяет растущие потребности в новых обозначениях. После своего «появления» трансформированная единица может остаться принадлежностью индивидуального языка, а может утратить такую индивидуальность и перейти в статус узуальной. Заполняя лакуны языковой системы, инновации раскрывают и новые возможности в сфере фразеологического современного русского языка.

Ключевые слова: фразеологическая трансформация, фразеологизм, трансформированный фразеологизм, приемы трансформации, функции фразеотворчества.

Изучение языковых инноваций является одним из приоритетных направлений современной отечественной лингвистики. Массовая культура в этом случае выступает наиболее продуктивным материалом для исследования, так как, отвечая запросам самой широкой аудитории, она отражает наиболее распространённые языковые явления современности. В частности, различные процессы, наблюдаемые в текстах СМИ, позволяют судить об основных тенденциях массовой речевой коммуникации рубежа XX–XXI веков, прогнозировать маршруты происходящих в языке изменений.

Довольно динамично, по нашим наблюдениям, развивается фразеосистема языка: в настоящее время набирает силу тенденция семантических и стилистических преобразований фразеологических единиц. Разного рода преобразования языковых единиц обеспечивают динамизм языка.

В отношении фразеологических единиц сложилось мнение, что эти единицы устойчивые, застывшие в своём развитии. Исследования фразеологизма и его природы позволили ученым подойти к выводу о том, что фразеологический состав языка, как и язык в целом, подвержен изменениям, а значит, находится в постоянном развитии [2, с. 116]. Преобразовательный потенциал фразеологизмов зависит от их структурно-семантических особенностей, образного характера, специфики внутренней формы, расчлененности грамматической структуры.

Любое (фонетическое, лексическое, синтаксическое и др.) отклонение от общепринятой нормы, способность к семантическому и структурному преобразованию, в целом не нарушающему устойчивость и семантическую тождественность единицы самой себе, импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях квалифицируется как *фразеологическая трансформация* [1, с. 6].

Называют и причины трансформации фразеологизмов, одна из основных причин заключается в том, что преобразование фразеологизмов позволяет вернуть эффект неожиданности и свежесть восприятия, вновь выделить устойчивые образные выражения в контексте обыденной речи [3, с. 272].

Способы индивидуально-авторской трансформации фразеологических единиц изучали многие фразеологи: Е.В. Блинова, Н.А. Божко, В.Н. Вакуров, Н.Н. Данченко, Е.М. Дубинский, И.В. Дубинский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, А.С. Начисчионе, И.Ю. Третьякова, А.Л. Холодная и другие.

Поскольку в большинстве случаев фразеологические единицы, в том числе трансформированные, служат выражению повышенной экспрессии, большое количество трансформов наблюдается в одном из самых эмоционально заряженных жанров теле- и радиозфера – спортивном комментарии.

Коммуникативной целью спортивного комментария является не столько информирование о ходе спортивного события, столько трансляция эмоций, сообщение слушателю душевного напряжения,

накала страстей. Комментатор выступает, с одной стороны, проводником эмоций от непосредственных участников события к потребителю телешоу, а с другой стороны, сам является источником эмоций. Передача эмоционального состояния комментатора возможна только при условии использования индивидуально-авторских языковых средств. При этом наиболее эффективным инструментом речи становится, на наш взгляд, трансформация фразеологических единиц.

В языке спортивного комментария как текста с характерными жанровыми признаками реализуются два типа фразеологических трансформаций: первый тип – случайное отклонение от нормы в силу высокого темпа речи комментатора, дефицита времени на обдумывание фразы, отклонение, которое часто воспринимается адресатом как речевая ошибка; второй тип – мотивированное и сознательное отступление от узуальной формы фразеологической единицы, имеющее целью при экономии речевых усилий выразить личное отношение к предмету комментирования – уважение, иронию, осуждение, похвалу. Во втором случае нередко образуются окказиональные фразеологизмы, уникальные по своему составу и эффективные в плане эмоционального воздействия.

Одним из самых креативных в языковом плане и потому самых цитируемых российских спортивных комментаторов является Дмитрий Губерниев.

Наиболее частотны в комментариях Дмитрия Губерниева структурно-семантические преобразования, которые представляют собой смысловые модификации, сопряжённые с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ. Преобразования такого типа достигаются с помощью изменения компонентного состава ФЕ.

Так, имеет место расширение компонентного состава фразеологизмов, например: *был разбор полётов с тренером*. Здесь узуальная фразеологическая единица *разбор полётов* расширяется за счёт включения компонента-конкретизатора «с тренером», что придаёт всему выражению более определённое значение, соответствующее комментируемой ситуации.

Довольно распространённым приёмом трансформации в комментариях Дмитрия Губерниева является замена одного или нескольких компонентов фразеологизма другой лексемой или словосочетанием, например: *отставание уже смерти подобно* – компонент узуального фразеологизма «промедление» (*промедление смерти подобно*) заменён лексемой «отставание», в большей степени принадлежащей спортивному дискурсу, после чего трансформ приобретает возможность точнее отразить суть конкретной спортивной ситуации: на соревнованиях по биатлону спортсмен *отстаёт* от своих соперников, что неминуемо приведёт его к проигрышу.

В реплике *цирк уехал, а комментаторы остались* замена узуального компонента «клоуны» на окказиональный «комментаторы», помимо совершенно очевидной функции конкретизации ситуации, приводит также к достижению эффекта самоиронии (клоун – тот, кто развлекает, над кем смеются) и, кроме того, сообщает финалу комментария оттенок лёгкой грусти, придаёт всему тексту сугубо личный характер.

Ещё один пример: *героическая во всех отношениях олимпиада*. В данном случае происходит замена нескольких компонентов: в узуальном фразеологизме *дама приятная во всех отношениях* заменены компонент «дама» (на компонент «олимпиада») и компонент «приятная» на компонент героическая, благодаря чему значение выражения кардинально меняется.

В следующем примере комментатор заменяет в известном выражении *выдавливает из себя по капле раба* компонент *раба* новыми: *В такой ситуации надо выдавливать из себя всё, что осталось*, благодаря чему достигается нравоучительный, хотя и несколько комический эффект: в спорте ради победы приходится выжимать из себя не только чрезмерное преклонение перед авторитетами (что соответствует узуальному значению), но и вообще всё, использовать все физические и духовные возможности, все силы. Таким образом, замена компонента приводит к тому, что фразеологизм-трансформ приобретает другое значение и становится синонимичным иным (узуальным) выражениям: *выжимать все соки, работать до седьмого пота* и т. д.

Ещё один способ фразеологических преобразований, активный в языке Дмитрия Губерниева, – контаминация, то есть объединение частей двух или более фразеологизмов, в результате которого возникает новая ФЕ. Например, говоря о спортсменке Дарье Домрачевой и желая подчеркнуть её вклад в спортивные достижения национальной сборной, комментатор объединяет два узуальных фразеологизма *пасть ниц* и *встать на колени*, имеющие общую семантику: «оказать предельное почтение, наивысшее уважение»: *О, великая Дарья! Пасть перед ней ниц, встать на колени...* Этот приём усиливает ядерное значение обоих выражений и сообщает новой единице повышенную экспрессию. Рассмотрим другой пример: *Тёмная лошадка тоже может выстрелить*. В данной ФЕ соединены два узуальных фразеологизма: *тёмная лошадка* и *даже незаряженное ружьё может выстрелить*. Основанием для их объединения является общий оттенок значения – неожиданность, непредсказуемость какого-либо действия, участия. Получившееся значение окказионального фразеологизма можно сформулировать следующим образом: неизвестный спортивной общественности участник, на первый взгляд неперспективный, может из-

менить результаты соревнований. Многословность, тяжеловесность построенной нами формулировки демонстрирует преимущества фразеологических трансформов в тексте спортивного комментария, достоинством которого является прежде всего быстрота эмоциональной реакции.

Более редкими, но не менее эффектными приёмами выступают в прозе Дмитрия Губерниева конверсия ситуации, отражённой в ФЕ: *Он, возможно, думает, что журавль в руке лучше, чем синица в небе*. В данном случае целью трансформации является ироническое подчёркивание спортивных успехов спортсмена: ему нет нужды выбирать между большим (хотя и потенциальным) и скромным, но уже вполне реальным достижением, его удачное положение в турнирной таблице соревнований вполне прочно и надёжно: журавль (весомый успех) уже у него в руках.

Дмитрий Губерниев нередко сочетает различные виды фразеологических трансформаций для достижения необходимого эмоционального эффекта. Так, в следующем примере: *Она была в одну точку, но мимо* комментатор использует, с одной стороны, приём расширения компонентного состава узуального фразеологизма *бить в одну точку* со значением «проявлять упорство», включая в его состав компонент *мимо*, с другой стороны, данная замена приводит к обнажению внутренней формы фразеологизма: спортсменка-биатлонистка действительно бьёт (стреляет) в одну и ту же точку мишени, не попадая при этом в желаемую цель.

Способ образования ФЕ по модели также не чужд творчеству Дмитрия Губерниева: трансформ *Кто не играет, того не бьют* построен на основе выражения *кто не рискует, тот не пьёт шампанское*. С другой стороны, семантика окказиональной фразеологической единицы скорее обратна узуальной: участие в рискованных действиях остаётся без заслуженного вознаграждения. Между тем основную функцию данная трансформация выполняет: внимание слушателей, безусловно, привлечено.

Ещё одним способом преобразований в текстах-комментариях Дмитрия Губерниева высту-

пают авторские афоризмы, которые основываются на фразеологических единицах языка, при этом комментатор актуализирует и их семантику, и их форму: *Царь-батюшка – Александр Легков! И эта шапка Мономаха ему идет!* В данном примере желание комментатора словесно поощрить спортсмена-победителя приводит к появлению новой авторской фразеологической единицы: он «увенчивает» спортсмена шапкой Мономаха – символом превосходства, царственности, особого положения, при этом стирая из значения узуального фразеологизма оттенок тяжести, непосильности такого положения (*тяжела ты, шапка Мономаха*) и, напротив, акцентируя мотив заслуженности и оправданности такого вознаграждения – шапка Мономаха *идёт* герою комментария, так как соответствует его статусу победителя.

Таким образом, фразеотворческая деятельность спортивного комментатора выполняет несколько функций: аттрактивную – привлечение внимания зрителя, фатическую – установление со зрителем непринужденного контакта, эмоционально-эстетическую – создание оригинального текста, востребованного в рамках массовой культуры словесного продукта, отражающего речевую индивидуальность и стиль автора.

Библиографический список

1. Божко Н.А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой): автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Тюмень, 2015. – 24 с.
2. Ермакова Е.Н. Проблема деривационного пространства во фразеологии // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 4. – С. 116–120.
3. Ермакова, Е.Н., Прокопова М.В. Трансформация фразеологических единиц как языковая стратегия массовой литературы (на материале цикла Б. Акунина «Нефритовые четки») // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3 – С. 271–281.

Бабаян Владимир Николаевич

доктор филологических наук, доцент
Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
vladimirbabayan@rambler.ru

Круглова Светлана Львовна

кандидат филологических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
skruglova@list.ru

ОСНОВНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ДИАЛОГОВ И ДИАЛОГИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ-РЕПЛИК

Статья посвящена проблеме классификации диалогов и диалогических единств (и их реплик-высказываний) в современной российской и зарубежной социолингвистике, психолингвистике и лингвистике по различным аспектам и роли всех участников акта коммуникации в создаваемом ими речевом диалогическом произведении. Авторы в данной статье попытались рассмотреть этот сложный вопрос, поскольку по проблеме классификации диалогов и диалогических единств до сих пор не существует единого мнения.

Диалог, как известно, является первичной формой общения и устной речи. Многие ученые в своих работах затрагивали данную тему, выдвигая различные принципы классификаций диалогов. В данной статье рассматриваются следующие принципы: по видам модальности, по характеру протекания диалога в целом, по вкладу каждого участника коммуникативного акта в развитие темы и установление семантической связности во время общения в диалоге, по прагматическому признаку, а также по типу конвенционального общения.

Проблема, обсуждаемая в статье, представляется актуальной. Авторы приводят и свои классификации различных видов общения. Результаты статьи могут быть широко использованы в учебных пособиях, лекционных курсах по языкознанию, лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: диалог, диалогическое единство, реплика-высказывание, классификация, общение, коммуникативный акт, коммуникант, диада, триада.

Диалог – первичная форма устной речи. Основные особенности диалогической речи состоят, как известно, в том, что диалог эмоционально окрашен, реплики в нем кратки, неполны (эллипсис), широко распространена вопросно-ответная форма. Диалог происходит в обстановке непосредственного живого общения людей, также его оформляют экстралингвистические средства и неречевые моменты. Для диалога важно указание на ситуацию речевого общения.

Для изучения всех вышеуказанных и других специфических для диалога свойств представляется важным рассмотреть вопрос о его классификации исследователями языка с различных позиций. Следует заметить, что точки зрения ученых в некоторых моментах рассмотрения этого сложного вопроса совпадают, а во многих расходятся. Приведем наиболее интересные точки зрения отечественных и зарубежных исследователей на рассматриваемую проблему.

Ю.В. Рождественский приводит следующую классификацию высказываний-реплик в диалоге **по видам модальности:**

- высказывание-реплика – *побуждение*;
- высказывание-реплика – *вопрос*;
- высказывание-реплика – *повествование*.

Следует заметить, что эта классификация предполагает наличие или отсутствие ответа на полученный текст словом или действием. В этих формах речи высказывание всегда предполагает второе лицо в виде конкретного адресата – участника речевого общения, находящегося вместе с говорящим в одном пространстве и времени.

Ю.В. Рождественский [8, с. 28] учитывает также и реакцию партнера по общению, подчеркивая идею о том, что устное сообщение ставит его получателя перед следующим выбором ответов:

- 1) ответ (словесный) с новым содержанием,
- 2) действие,
- 3) пересказ,
- 4) умолчание или отсутствие действия.

При этом получивший сообщение коммуникант должен различать разнородность последствий в зависимости от избранного действия. Это умение считается правильным поведением с точки зрения получившего сообщения.

Немецкий исследователь Г. Ипсен [12] в статье «Gesprach und Sprachform» выделяет **три типа диалога:**

- 1) диалог, в котором вопрос и ответ дополняют друг друга и создают единое высказывание о предмете;
- 2) диалог, в котором ответ выступает как возражение на первоначальное высказывание;
- 3) диалог, в котором вопрос и ответ разъясняют исходное утверждение.

Опираясь на **внешнюю форму диалога и характер его протекания** в целом (см. классификацию диалога Г. Ипсена), М.К. Бородулина и Н.М. Минина делят законченные диалогические высказывания на четыре типа:

- 1) расспрос,
- 2) беседу,
- 3) диспут или дискуссию;
- 4) разновидность дискуссии или беседы – спор [4, с. 113–114].

В первом типе диалога – *расспросе* – основной формой реплик являются вопрос и ответ. Обычно в естественном диалоге эти реплики чередуются. Следует иметь в виду, что в некоторых ситуациях роли спрашивающего и отвечающего не меняются. В диалоге-расспросе каждый вопрос имеет целью получить информацию, вопросы несут основную языковую и логическую нагрузку. Ответ служит реакцией на вопрос и ему подчиняется.

Относительно второго типа диалога – *беседы* – следует заметить, что в нем реплики носят характер довольно развернутых высказываний. Вопрос играет здесь большую, но не решающую роль. Ответ на вопрос не стоит в центре внимания второго партнера, большее значение приобретает здесь комментирование и выражение собственного мнения. В этом типе диалога увеличивается роль реплик-оценок и реплик, меняющих ход разговора.

Третий вид диалога – *диспут/дискуссия* – наиболее тесно связан с монологическим высказыванием, которое несет основную логическую нагрузку, диалогические элементы придают высказыванию эмоциональный характер.

Исследуя вклад каждого участника коммуникативного акта в развитие темы и установление семантической связности в диалоге, М.Я. Блох и С.М. Поляков выделяют три большие группы диалогических единств (ДЕ):

1) *сложное ДЕ*, оба (все) активных члена которого активно участвуют в развитии темы единства (диалога. – В. Б., С. Л.);

2) *сложное ДЕ*, тема которого развивается в компонентах лишь одного коммуниканта («диалог с односторонней организацией», по М.Я. Блоху. – В. Б., С. Л.);

3) *квазидиалог* – полное несоответствие тематических планов коммуникантов [3, с. 40–41].

На основе анализа довольно большого языкового материала М.Я. Блох и С.М. Поляков выделяют следующие композиционно-речевые формы диалогических единств с односторонней организацией: диалог-повествование, диалог-описание, диалог-объяснение, диалог-извещение, диалог-побуждение, диалог-вопрос, диалог-спор, смешанный диалог.

Основным признаком повествования является последовательное изображение действий, поступков или событий в настоящем, прошедшем и будущем реальном времени. Текст-повествование носит ярко выраженный хронологический характер.

Есть все основания для выделения особой композиционно-речевой формы диалога с односторонней организацией, которую М.Я. Блох и С.М. Поляков называют *диалог-повествование*.

Описание как коммуникативная форма текста представляет более или менее полное изображение разных сторон одного предмета, явления, процесса. Описательный тип речи складывается из пере-

числения признаков объекта мысли и речи, причем, как подчеркивают авторы, эти признаки являются суждениями и имеют форму предложений.

Диалог-объяснение, по М.Я. Блоху и С.М. Полякову, можно определить как композиционно-речевую форму диалогического текста, каждый тематический компонент которого либо вытекает из предшествующего, либо вызывает последующий, устанавливая причину, смысл, закономерность высказываний всего единства. Главной отличительной чертой диалога-объяснения является то, что его элементы находятся в причинно-следственных отношениях между собой [3, с. 107–108].

Следующим типом является *диалог-извещение*. Под термином «извещение» авторы понимают текст, представляющий «краткое информационное сообщение», несколько напоминающее объявление о каком-либо событии или факте. Композиционно-речевая форма текста «диалог-извещение» выделяется по признаку количества передаваемой интеллектуальной информации. Если диалог-повествование и диалог-описание содержат характеристики ряда последовательных событий или явлений или описание нескольких сторон одного явления или процесса, то диалог-извещение представляет собой одно высказывание, расчлененное вставочной репликой партнера или выраженное двумя трансформами одного и того же предложения.

Под *диалогом-побуждением* М.Я. Блох и С.М. Поляков понимают единство, в тематических компонентах которого выражается некоторое волеизъявление (*просьба, инструкция, приказ*). Эти семантические подсистемы побуждения различаются разной степенью повелительности.

В диалогах встречаются и *вопросительные* конструкции. Иногда они содержатся в репликах нескольких коммуникантов. Чаще всего вопросительные конструкции выражают запрос информации, иногда же запроса информации в них не выражается (риторический вопрос). Функцию запроса информации в диалогах выполняют верификативные, идентифицирующие вопросы, переспросы-уточнения и эмоционально-вопросительные высказывания.

Как отмечают М.Я. Блох и С.М. Поляков, в реальных условиях живого общения часто происходит соединение различных коммуникативных типов диалога в рамках одного сложного ДЕ, которое может быть начато как повествование и продолжено как побуждение, вопрос и т. д. В результате могут иметь место различные вариации смешанных диалогов: *повествование-описание, повествование-объяснение, описание-повествование, повествование-побуждение, побуждение-объяснение, вопрос-извещение, извещение-вопрос, вопрос-извещение-побуждение* и др. [3, с. 95–131].

С.Л. Круглова в своей диссертации [8] рассматривает два прагматических типа общения с учётом роли участников общения в акте коммуника-

ции. Исследователь выделяет такие типы речевого общения, как:

- 1) с *ведущим* или *организатором*;
- 2) *без ведущего* или *организатора*.

В связи с этим диалоги, по мнению С.Л. Кругловой, могут образовываться или управляться *физически* или *тематически*. Как отмечает исследователь, в некоторых диалогах ведущее лицо выделить невозможно, диалог в этом случае создаётся целиком вокруг определенной темы, то есть диалог здесь управляется не физически (лицом), а тематически.

Представляется уместным в случае, если все члены конкретного коммуникативного акта проявляют более или менее одинаковую степень участия в развитии разговора, выделить такой тип общения, который можно назвать *диалогом-обсуждением* (см. далее).

В зависимости от вида конвенционального общения Л.А. Азнабаева выделяет следующие два типа диалогов:

- 1) *информативно-воздействующий диалог*;
- 2) *фатический диалог* [1, с. 40–44].

В первом типе диалогического общения коммуникатор воздействует на адресата благодаря когнитивной информации, во втором доминирует обмен индексической информацией. В случае *информативно-воздействующего конвенционального общения* адресат реагирует на информативное сообщение, оценочное утверждение или какое-то побуждение коммуникатора, исходя из этической установки *желательности* согласия. Многие речевые акты говорящего уже по своей форме непосредственно рассчитаны на эту этическую позитивность адресата. Необходимость учёта влияния иллюзии говорящего на речевую тактику и вербализацию согласия приводит к тому, что здесь за исходную точку анализа берется речевой акт коммуникатора, с которым соглашается адресат.

Л.А. Азнабаевой выделены следующие речевые акты говорящего, предполагающие согласие адресата в конвенциональном общении: приглашение, просьба, приказ, запрос о разрешении, некоторые виды общего вопроса, при этом такие речевые акты часто могут быть выражены имплицитно.

Наиболее отчётливо максима позитивного отношения проявляется в *фатическом общении*. Диадное фатическое общение, как правило, имеет форму *унисонного* диалога, где высказывание коммуникатора подтверждается и/или дополняется адресатом. Согласно И.Н. Борисовой, характеристиками унисонного диалога являются: согласованность коммуникативных интенций, кооперативность поведения, солидарность модально-оценочных смыслов речевых действий, унисонность тональности общения и др. [7, с. 112].

Немецкий исследователь В. Франке говорит, что *обсуждение* в диалогах может носить (**по при-**

знаку цели) характер *комплементарного*, *координативного* или *компетитивного*. *Комплементарный* – это диалог, характеризующийся дефицитом информации, эмоций и т. п. у одного из партнеров и его намерением восполнить имеющийся дефицит, то есть цель – информирование. *Координативный* – это диалог с целью координировать действия коммуникантов по решению каких-либо проблем. *Компетитивный* – это диалог с конкуренцией мнений и стремлений партнеров и намерением каждого из них одержать верх в этой борьбе [11, с. 89]. Встречаются и комбинированные типы диалогов, например *комплементарно-компетитивные*, когда диалог начинается как *комплементарный*, но затем приобретает характер *компетитивного*.

Исходя из соотношения **социальных предписаний поведения** и **индивидуальных интенций коммуникантов**, английский лингвист Дж. Лич выделяет следующие **четыре типа диалога**:

- 1) *конкурирующий* – приказы, требования, просьбы;
- 2) *совпадающие* – предложения, приглашения, благодарности, поздравления;
- 3) *индифферентные* – утверждения, объявления, инструктирование;
- 4) *конфликтующие* – угрозы, обвинения, оскорбления, выговоры [6, с. 76].

Как замечает В.И. Карасик, социальные предписания, касающиеся поведения, требуют, чтобы общение было приятным для его участников, индивидуальные интенции могут образовывать противоречие у говорящего между желанием достичь определенной цели и сохранением взаимной доброжелательности между коммуникантами.

В.Н. Бабаян классифицирует диалоги **по количеству (активных и пассивных, эксплицитных и имплицитных) участников** на два основных типа:

- 1) **диалог в диаде**, то есть с двумя коммуникантами;
- 2) **диалог в триаде (триадный диалог)**, то есть разговор двух активных члена триады в присутствии третьего (так называемого пассивного) члена триады, молчащего наблюдателя (МН), оказывающего влияние на речевое и неречевое поведение коммуникантов, их терциарную речь. В.Н. Бабаян выделяет 16 типов триад с различной ролью эксплицитного и имплицитного МН [2, с. 120–155].

Британский исследователь Д. Кристал классифицирует диалоги на *симметричные* и *асимметричные по степени вовлеченности АЧТ в процесс ведения диалога*. Он указывает на то, что языковой вклад каждого из участников в конкретный диалог может также отличаться во временном аспекте. Нормой в ведении диалога является, когда в нем участвуют два собеседника, говорящие последовательно (поочередно один за другим), но с определенным количеством ожидаемых наложений (*англ. overlapping*) реплик/слов одного говоря-

щего на реплики/слова другого. Однако эта норма довольно часто нарушается, и в результате возникают *симметричные* и *асимметричные* диалоги.

Кроме того, Д. Кристал говорит, что в *симметричном диалоге* обязательно наличие как минимум двух (а может быть и более двух) общающихся. При этом коммуниканты могут говорить одновременно, создавая внешнюю видимость диалога, но с очень малой вероятностью следования общей идее/мысли (то есть с нарушением принципа кооперации). Речь в таком случае становится неразборчивой. Например, на званых обедах (более двух человек) можно наблюдать некоторые интересные случаи, где человек может одновременно принимать участие в двух беседах – вводя свои ремарки (реплики) в каждый из двух диалогов поочередно, одновременно слушая обоих собеседников. Д. Кристал поясняет, что «It is something which succeeds only when one is either very sober or very drunk» – *Это имеет место, когда коммуникант либо слишком рассудительный, либо сильно пьяный* [10, с. 297].

Далее Д. Кристал приводит довольно интересную классификацию диалогов, вводя в эту форму дискурса третье лицо. Д. Кристал выделяет несколько типов диалогов. Во-первых, это диалог, который *зависит от третьего лица или посредника/медиатора* (англ. *intermediary*). Обычным примером этого служит перевод с иностранного языка или на него, где некто *A* говорит с *B* через *C*. В рамках одного языка примером может являться случай, когда один человек (или группа людей) говорит с другим через официальное лицо или кулу-чревоушателя.

Интересным типом диалога, по мнению Д. Кристалла, является диалог, который *состоит из высказываний третьего лица*. Так, например, человек с громким голосом в ресторане может заставить пару, сидящую за другим столом, давать свои комментарии (вполголоса) к тому, что им сказано, создавая этим свой собственный (продолжающийся) диалог, стимулируемый высказываниями постороннего (третьего) лица.

К *асимметричным* диалогам исследователь относит диалоги *с одним участником*, говорящим с воображаемым (имплицитным) партнером. Это, по Д. Кристаллу, самые необычные диалоги из всех существующих типов, так как они создаются только одним «очевидным» (англ. *apparent*) человеком (в отсутствии каких-либо других лиц). Слово «очевидный» здесь важно, так как такой диалог имеет место, когда говорящий воображает, что кроме него присутствует кто-то еще. В некоторых случаях отсутствующий человек и есть тот, кто должен начать беседу – как в случае спиритического сеанса, где люди сидят и ждут, когда с ними кто-то заговорит. В других случаях отсутствующий – это тот, кто должен отвечать, как в случае, когда мы

кричим в ночи неизвестно кому: «Здесь кто-нибудь есть?».

Д. Кристал выделяет ещё один тип диалога – так называемый *мультилог* (англ. *multilogue*), поясняя, что если некто *A* говорит с одним человеком *B* – это диалог. Если же *A* говорит с несколькими людьми одновременно (*B*, *C* и т. д.) или если несколько человек говорят с *A*, то термин «диалог», по Д. Кристаллу, вряд ли уместен. Поскольку каждый отдельный обмен репликами является самостоятельным и автономным от других обменов репликами, то такой разговор можно было бы понимать как ряд (серию) *минидиалогов*. Но в случае, если в этом целом речевом обмене наблюдается полная согласованность между собеседниками (смысловая, содержательная и др., то есть наблюдается целостность и связность. – *B. Б.*), то есть, как говорит исследователь, «коммуниканты действуют в унисон», то в этом случае мы имеем дело с *мультилогом* [10, с. 297].

В устной речи такие ситуации могут иметь место в церкви (чтение молитвы в унисон), на общественных собраниях (*We want Bill! – Мы за Законопроект!*), на спортплощадке (*Come On The Royals! – Давай! Вперед!*) и в театре пантомимы (*Oh yes he is! – О да! Ну, он даем!*).

В отличие от Д. Кристалла, такие отечественные исследователи диалога, как В.И. Карасик и И.А. Стернин, под терминами «симметричный диалог» и «асимметричный диалог» подразумевают такой тип речевого обмена, при котором, во-первых, обязательно наличие как минимум двух непосредственно общающихся коммуникантов, а во-вторых, диалог может считаться *симметричным*, если он продуцируется участниками с равными правами в выборе темы, высказывания своей точки зрения, выборе форм выражения мысли в силу равного служебного, профессионального, возрастного положения, пола или других факторов. Другими словами, симметричным можно назвать диалоги, построенные по принципу сотрудничества или кооперации. И, соответственно, нарушение всего перечисленного выше ведёт к созданию *асимметричного* диалога, то есть асимметричный диалог – это диалог, участниками и создателями которого являются собеседники неравного социального и другого положения; это, скорее всего, диалоги, построенные по принципу конфронтации [5; 9]. Так, например, асимметричный характер носят диалоги типа *учитель – ученик, начальник – подчиненный, преподаватель – студент, врач – пациент, служащий – клиент* и др.

Из определений *симметричного* и *асимметричного диалогов* в понимании В.И. Карасика и И.А. Стернина приходим к выводу, что в основу этой типологии положен **признак равного или неравного положения участников коммуникативного акта в продуцировании диалога**.

Необходимо отметить, что общающиеся между собой люди, как правило, стремятся к симметричным (по терминологии отечественных языковедов В.И. Карасика и И.А. Стернина) коммуникативным отношениям (диалогам), что служит принципам эффективного общения.

По степени проявления личности в диалоге И.А. Стернин выделяет *обезличенное* и *личностное, глубокое* общение. Так, при *обезличенном диалоге* человек не раскрывает себя как личность, не выступает как индивидуальность, функционируя лишь как некоторая социальная роль – покупатель, клиент, продавец и др. Он, по словам И.А. Стернина, не «читает» собеседника, и собеседник не «читает» его – то есть не выделяет его индивидуальные черты, не фиксирует в своем сознании какие-либо отличительные, индивидуальные качества собеседника, просто не обращает на них внимания. Так, к примеру, обычно разговаривают с кассиром в кино, с информатором справочного бюро, с прохожим, у которого спрашивают дорогу или номер дома. *Личностный диалог* предполагает выявление в ходе общения личности человека, проявление интереса к нему как индивидуальности, выделение его из окружающих. Степень глубины такого общения может быть различной. Такой диалог можно наблюдать при общении с другом, новым знакомым, который понравился, с любимым человеком и др. [9, с. 19–20].

Итак, при выделении всех перечисленных выше типов диалога принимается во внимание позиция каждого из участников коммуникативного акта и степень их участия в диалогическом общении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как отечественные, так и зарубежные исследователи диалога приводят различные типы данной формы речевого общения, рассматривая диалог с различных позиций: 1) *внешней формы диалога и характера его протекания* (G. Ipsen, М.К. Бородулина и Н.М. Минина); 2) *вклада участников в развитие темы и установление семантической связности в диалоге* (М.Я. Блох, С.М. Поляков); 3) *композиционно-речевых форм диалогических единств* (М.Я. Блох, С.М. Поляков); 4) *учёта роли участников общения в конкретном коммуникативном акте* (С.Л. Круглова); 5) *вида конвенционального общения* (Л.А. Азнабаева); 6) *соотношения*

социальных предписаний поведения и индивидуальных интенций говорящего (W. Franke, G. Leech); 7) *количества участников диалога и их активной / пассивной роли в процессе акта коммуникации* (В.Н. Бабаян); 8) *вовлеченности коммуникантов в процесс ведения диалога* (D. Crystal); 9) *равного / неравного положения участников коммуникативного акта в продуцировании диалога* (В.И. Карасик, И.А. Стернин); 10) *степени проявления личности в диалоге* (И.А. Стернин).

Библиографический список

1. Азнабаева Л.А. Принцип экспликации отношения в конвенциональном речевом поведении адресата // Филологические науки. – М., 2002. – № 3. – С. 40–49.
2. Бабаян В.Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Психолингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, 2011. – 385 p.
3. Блох М.Я., Поляков С.М. Строй диалогической речи. – М.: Прометей, 1992. – 153 с.
4. Бородулина М.К., Минина Н.М. Основы преподавания иностранных языков в языковом вузе. – М.: Высшая школа, 1968. – 118 с.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // Вопросы языкознания. – М., 2004. – № 6. – С. 100–115.
8. Круглова С.Л. Полилогическая речь (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 1997. – 173 с.
9. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. – 252 с.
10. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 499 p.
11. Franke W. Taxonomie der Dialogtypen: eine Skizze // Dialoganalyse. Referate der 1. Arbeitstagung. – Munster, 1986. – S. 86–101.
12. Ipsen G. Gespräch und Sprachform // Blätter für deutsche Philosophie. – 1932. – Bd. 6.

Лебедева Ирина Вадимовна

кандидат филологических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

ilebedevakos@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ СЛОВ С КОРНЕМ **ЗЫБ-** В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

Статья посвящена словам с корнем **зыб-**, зафиксированным в этимологических, толковых и диалектных словарях.

В статье рассматриваются особенности семантики лексем с корнем **зыб-**, имеющим довольно сложную семантическую структуру. В результате анализа выделяются несколько групп, входящих в разные словообразовательные гнезда. Определяется инвариантная сема и устанавливается иерархическая структура лексического значения слов с корнем **зыб-**. В каждой группе представлен богатый иллюстративный материал. Отмечается семантическая характеристика лексем, указываются некоторые словообразовательные особенности диалектизмов, выявляются системные отношения. Значительное внимание уделяется диалектным наименованиям Костромской области.

Статья предназначена для широкого круга читателей – любителей русской словесности, преподавателей вузов, научных работников, краеведов, особенно студентов и школьников, так как молодое поколение должно знать историю родного языка, ориентироваться на тот язык, который развивался «стихийно», не был стеснен строго зафиксированными правилами и кодификацией в словарях, передавался из уст в уста, определял характер речи его носителей в той или иной местности.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексикология, костромские говоры, семантика диалектного слова, лексическая семантика, словообразовательные особенности, системные отношения диалектизмов.

В русских народных говорах слова с корнем **зыб-** имеют весьма разветвленную семантическую структуру. Основная цель данного исследования – определить множественность семантики у слов с корнем **зыб-**, вычленив общую сему в семантической структуре диалектизмов и отметить особенности представления диалектных вариантов, зафиксированных в разных областных словарях.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер зафиксировал слово **зыбь** и отметил его употребление в древнерусском языке: «Зыбь ж., зыбать, зыблю “качать”, зыбка “колыбель”, укр. зибати, блр. зыбаць, др.-русс. Зыбь “зыбкое место, трясина”, зыбежь ж. “смятение, восстание”. Сравнение с алб. Djer м., djere ж. “колыбель” (Г. Майер, Alb. Wb. 69) совершенно ненадежно в фонетическом отношении» [1, с. 109]. А.В. Семёнов в «Этимологическом словаре русского языка. Русский язык от А до Я» пишет, что слово **зыбь** в значении ‘зыбкое место, трясина’ древнерусское, производное от общеславянского глагола *zubyati*, который употреблялся в значении ‘качать’, а слово **зыбка** означало ‘колыбель, люльку’; в русском языке слово в значении ‘трясина, болото’ появилось с XV века. Это указывает на то, что значение, связанное с глаголом *качать* первичное, а значение ‘зыбкое место, трясина, болото’ более позднего образования.

Рассмотрим словообразовательные единицы с корнем **зыб-**, которые представлены в Словаре русских народных говоров. Следует заметить, что корень **зыб-** является многозначным и характеризуется омонимичностью. Разные по семантике наименования с данным корнем образуют словообразовательные гнезда, включающие слова многих лексико-грамматических классов.

В первое словообразовательное гнездо с корнем **зыб-** входят лексические единицы со значениями

‘качать, раскачивать, трясти’, а также с производным значением ‘колыбель, люлька, которую качали, раскачивали, трясли’: **зыба** ‘колыбель, люлька’ (Моск., Беломор.); **зыбалка, зыбалка** ‘колыбель, люлька’ (Пск., Север., Ряз.); **зыбалка** ‘жердь, к которой привешивается детская колыбель’ (Пск.); **зыбалка** ‘качель на столбах’ (Пск.); **зыбание, зыбанье, зыбанье** ‘качание (например, на качелях)’ (Пск., Олон.); **зыбать, зыбить** 1. ‘качать, раскачивать’ (Арх., Новг., Сев.-Двин., Волог., Нижегород., Перм., Урал., Том., Южн.-Сиб., Краснояр.); 2. ‘укачивать ребёнка (в колыбели, зыбке)’ (повсеместно); 3. ‘трясти, колебать, расшатывать’ (Новг., Волог.); 4. ‘качаться, раскачиваться’ (Яросл., Волог., Новг.); 5. ‘трястись, дрожать, сотрясаться’ (Костром., Яросл.); **зыбаться, зыбиться** 1. ‘качаться, раскачиваться’; 2. ‘колебаться, раскачиваться (на ветру)’ (Пск.); 3. ‘дрожать, шататься, быть неустойчивым’ (Арх., Новг., Перм., Вят., Костром., Смол.); **зыбей** ‘кобылель, люлька’ (Север.); **зыбель** ‘качели, круговой или кручевой зыбель – качель веревочная на столбах’ (Олон., Арх.) и ‘колыбель, люлька’ (Онеж.); **зыбенька** ‘колыбель, люлька’ (Арх.); **зыбильно** ‘деревянный шест, к которому подвешивается детская колыбель – зыбка’ (Костром., Ср. Урал.); **зыбка** 1. ‘детская колыбель (обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине)’ (Твер., Новг., Яросл., Пск. и др.); 2. ‘гамак’ (Калин.); 3. ‘висячий помост для подъёма на определённую высоту рабочего; люлька’ (Перм.); 4. ‘ящик канатной переправы’ (Горно-Алт.); 5. ‘коляска мотоцикла’ (Ряз.); 6. ‘качели’ (Пск.); **зыбать, зыбнуть** ‘качать, колыхать’ (Перм.); **зыбить** ‘качать’ (Волог., Арх.); **зыбиться** ‘трястись, дрожать, сотрясаться’ (Пенз.); **зыбник** ‘мальчик лет семи-восьми, который качает колыбель, когда старшие члены семьи уходят в поле’ (Волог.); **зыбок** ‘прикреплённый к потолку деревянный шест, на который вешают детскую колыбель и род качелей, для

сиденья или прыганья на доске' (Даль); **зыбом** *нареч.* 'дрожа, сотрясаясь, качаясь' (Вят.); **зыбонька** 'детская колыбель' (Олон.); **зыбочка** 'детская колыбель' (повсеместно), 'качели' (Орл., Петрогр.), 'прикреплённый к потолку шест, на который вешают детскую колыбель' (Смол.); **зыбочник** 'младенец, который лежит ещё в колыбели' (Нижегор.), 'леший, который живёт в лесах и качается на деревьях' (Олон., Арх.); **зыбочница** 'при крепостном праве – крестьянка, выходящая в страду на полевые работы с грудным ребёнком' (Твер.); **зыбочный** 'о грудном ребёнке' (Олон., Арх.); **зыбулька** 'колыбель, люлька' (Вят.); **зыбуля** 'качели' (Южн.-Сиб.); **зыбушка** 'детская колыбель' (Олон.) и 'качель' (Пск.); **зыбущий** 'зыбкий, шаткий, качающийся' (Твер.); **зыбыльно** 'прикрепляемый к потолку шест, на который вешают детскую колыбель – зыбку' (Яросл.). Данные лексемы позволяют выделить сему 'путём раскачивания придавать предмету *неустойчивое, шаткое* положение'.

Во второе словообразовательное гнездо с корнем *зыб-* входят лексические единицы с общим значением 'зыбкое место, топь, трясина': **зыб** 'топь, трясина' (Том.), **зыба** 'топь, трясина' (Пск.); **зыбать, зыбаться** 'проваливаться в трясины, уходить из-под ног (о болотистой почве, трясине)' (Том., Пск., Яросл.); **зыбелина** 'топь, трясина' (Пск.); **зыбелица** 'топь, трясина' (Твер., Пск.); **зыбель, зыбель** 'топь, трясина' (Твер., Пск., Волог., Яросл., Влад.); 'топкий покос, луг' (Яросл.); **зыбельник, зыбельник** 'топь, трясина' (Твер., Яросл.), 'болото, покрытое мхом' (Яросл.); **зыбина** 'топь, трясина' (Влад.); **зыбняк** 'топь, трясина' (Том.); **зыбок** 'болотистое место, болотина'; **зыбочный** 'топкий, зыбкий' (Том.); **зыбуль** 'земля, поросшая мохом и болотными растениями, из-под которой проступает вода; трясина, зыбун' (Арх.); **зыбунина** 'занимающий большую площадь почвенно-растительный слой на поверхности болота, большой зыбун' (Урал); **зыбунистый** 'топкий, болотистый' (Том.); **зыбунуватый** 'топкий, болотистый, с зыбунами' (Том.); **зыбуха** 'топь, трясина, зыбун' (Пск.); **зыбь** 'топь, трясина' (Пск., Арх., Ср. Урал.), 'ил, тина' (Новг.). Все представленные наименования позволяют вычленить сему 'вязкое, *неустойчивое* место, с *ненадёжным* поверхностным натяжением, при котором любой предмет не удерживается на поверхности длительное время и постепенно проваливается вглубь'.

В третье словообразовательное гнездо с корнем *зыб-* входят лексические единицы с общим значением 'волнение, рябь, зыбь': **зыб** 'зыбь, волнение (на реке, море)' (Дон.); **зыбать** *перех. безл.* 'сильно покачивать (на волнах), бросать из стороны в сторону' (Новг., Олон.); **зыбать** *неперех.* 1. 'слегка покачиваться (на волнах)' (Помор.); 2. 'с трудом выгребать на вёслах против течения' (Помор.); **зыбо** *нареч., безл. сказ.* 'о сильном волнении, зыби на

воде' (Новг.); **зыбок** 'волна (на реке, море) без ветра или несоразмерная с ним' (Черномор.); **зыбь** 'волна (на море, озере)' (Калин.). Здесь можно отметить наличие семы 'волнение, колебание, непостоянство, *неустойчивость* нетвёрдой поверхности'.

Следующее словообразовательное гнездо включает лексемы с общим значением 'сильно стучать, колотить': **зыбать** 1. 'сильно стучать, колотить во что-либо; стучаться' (Новг., Перм., Урал., Бурят. АССР., Краснояр.); 2. 'ударять, бить чем-либо' (Перм., Том.); 3. 'колотить, тузить кого-либо' (Перм., Якут.); **зыбаться** 'стучаться': *Он долго шибко зыбался в ворота, думала – не уйдет, нет – ушёл* (Ср. Урал.); **зыбануть** *сов., перех. и неперех.* 'ударить, стукнуть' *безл.*: *Тут его зыбануло* (Том.). На первый взгляд кажется, что данные лексемы по значению мало связаны с предыдущими словообразовательными гнездами, однако можно заметить, что при сильных ударах одного предмета о другой возникает колебание, неустойчивость, шаткость предмета, поэтому и здесь мы могли бы выделить сему '*неустойчивости, шаткости* предмета, приведение его в колебание путем сильного воздействия'.

Таким образом, у большинства слов в корнем *зыб-*, имеющих разные лексические значения, можно отметить наличие общей семы '*неустойчивости, шаткости, ненадёжности*'. В связи с этим вполне обоснованным может быть предположение о том, что у слов с корнем *зыб-* первичным было значение, связанное с глаголом **зыбать** 'качать, трясти', на базе которого развивается значение 'предмет, связанный с глаголом **зыбать**' (**зыба, зыбка, зыбалка, зыбей, зыбенька, зыбильно** и др.) и 'основной признак, присущий предметам, которые связаны с глаголом **зыбать**'. Впоследствии стали возникать другие значения, известные в говорах, – 'зыбкое место, трясина, топь, болото', а также всевозможные значения, появившиеся на основе переноса главного свойства глагола **зыбать** – придание предмету неустойчивости, шаткости, колыхания, колебания.

В Словаре русских народных говоров зафиксированы и омонимичные словообразовательные гнезда, включающие слова с корнем *зыб-*: **во-первых**, лексические единицы с общим значением 'человек высокого роста, дылда': **зыбала** 'человек высокого роста, дылда' (Твер., Даль); **зыбало** 'человек высокого роста, дылда' (Твер.); **во-вторых**, наименования со значением 'корзинка': **зыбейка** 'корзинка' (Волог.); **зыбёнка** 'корзинка': *Повесим зыбёнку каку-нибудь, из ей зерно рукой и разбрасываем* (Новосиб.); **зыбенька** 'небольшая плетёная корзинка' (Волог.); **зыбка** 'продолговатая корзина из лучины для собирания ягод в саду' (Петерб.), 'корзина для рыбы, плетёная из дранок' (Пск.); **зыбочка** 'корзинка' (Новг.); **в-третьих**, лексема со значением 'есть, кушать': **зыбать** 'есть, кушать' (Перм., Смол.) и др.

В материалах словаря «Живое костромское слово» (составители Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова) с корнем *зыб-* представлены 4 словарные статьи. Зафиксирован многозначный глагол **зыбать** 1. ‘качать зыбку, ребёнка’: *Вот надо было сразу робёнка-то зыбать! Топерь и не успокоишь никак* (Антроп., Вохом., Остров.); 2. *Безл.* ‘колыхаться, шататься, прогибаться под ногами’: *На болоте-то как: уж если зыбать-то начало, лучше не ходи дальше* (Буйск., Галич., Кадыйск., Кологр., Костр., Мантур., Нейск., Судисл., Красн., Макар.), *Лёд-от осенью ещё тонок, под ногами зыбает* (Нерехт.), *Плясали так, что половицы зыбали* (Сусан., Солиг., Чухлом.); омонимичный глагол **зыбать** ‘надсадно кашлять’: *Болею я, зыбаю по целой ночи* (Костр.); многозначные существительные: **зыбка** 1. ‘детская колыбелька – качалка, сделанная из коры вяза, липы, сшитая лыком, часто с полотняным дном, которую привязывают к гибкой жерди, вставленной в кольцо в потолке’ (Вохом., Макар., Кологр., Красн., Мантур., Межев., Нейск., Нерехт.); 2. ‘деревянная кроватка – качалка на изогнутых ползьях’ (Павин.), а также лексема **zybун** 1. ‘топкое место, трясина на болоте’ (Галич., Парф., Мантур., Макар., Нейск.); 2. ‘болото’ (Павин. Солиг., Шарьин) [2, с. 132–134].

«Областной словарь вятских говоров» лексема с корнем *зыб-* представляет в 17 словарных статьях с грамматическими и семантическими пометами. Здесь приводятся многозначные лексема: **зыбать** и **зыбить**, у которых отмечается два значения: 1. ‘качать’ и 2. *Безл.* ‘о топком месте, трясине’, а также указывается грамматическая помета *несов.* Ниже дано в качестве омонимичного глагола слово **зыбать** в значении ‘стучать’. С грамматическими пометами *несов.* и *возвр. к зыбать* указан глагол **зыбаться** в значениях ‘качаться’:

Айда на качелях зыбаться, ‘быть неустойчивым’: *Ой, доска сильно зыблется* и омоним со значением ‘стучаться’: *Опять кто-то в двери зыбаётся*. Данный словарь зафиксировал 6 существительных с корнем *зыб-*: наименования **зыбель**, **зыблица**, **зыбельник**, которые сначала перечислены в одной словарной статье, а далее слова-синонимы определяются отсылкой к этой статье; многозначная лексема **зыбка** со значениями: 1. ‘колыбель, обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине’; 2. ‘подъёмный мост для белильщиков при белении церквей’; слова **зыбулька** ‘зыбка’ (однако отсылка к более распространённому варианту **зыбка** в словаре отсутствует) и **зыбь** ‘болото’. Достаточно широко представлены прилагательные **зыбельный**, **зыбочный**, **зыбунистый**, **зыбучий**, одно наречие **зыбом** ‘дрожа, сотрясаясь, качаясь’, а также с пометой *безл.-предикат.* отмечено слово категории состояния **зыбельно** ‘топко’. В «Областном словаре вятских говоров» приводится и фразеологизм **идти зыбом**, к которому даётся иллюстрация Николая Михайловича Васнецова из «Материалов для областного объяснительного словаря вятского говора» (Вятка, 1908 г.): «*Летом по праздникам в больших сёлах девушки с песнями ходят по улицам; и вот когда девушки идут, так говорится “девки идут зыбом”*» [3, с. 209–210].

Библиографический список

1. Фасмер М. Этимологический словарь. Т. 2. – М., 1964. – С. 109.
2. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова. – Кострома, 2006. – С. 132–134.
3. Областной словарь вятских говоров. Вып. 4 / под ред. З.В. Сметаниной. – Киров, 2006. – С. 209–210.

Качинская Ирина Борисовна

кандидат филологических наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

kacza@yandex.ru

ТЕРМИНЫ СВОЙСТВА В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ: ЖЕНА СЫНА – НЕВЕСТКА, СНОХА, МОЛОДКА*

Для обозначения 'жены сына' в архангельских говорах обычно используются термины *невестка, сноха, молодка* и их дериваты. В пределах одного говора одновременно может сосуществовать несколько номинаций. Различаются в номинации жены старшего и младшего сыновей. Термины свойства с протозначением 'жена сына' употребляются не только в номинативной, но и в вокативной функциях. В последнее время термин свойства в качестве вокатива не используется, жену сына обычно называют ее собственным именем, но раньше ее могли называть по имени мужа (*Стёпиха, Васиха*) или с использованием имени мужа (*Полька Ванькина, Марья Васькина*). Однословные термины заменяются аналитическими, т.е. словосочетаниями: *жена сына, сынова жена, у сына жён-ка* и др. Наблюдается диффузность терминов, когда помимо указания на 'жену сына' те же термины употребляются для наименования 'жены брата', 'жены дяди', 'жены брата мужа', 'сестры мужа'; *невестками, снохами* и *молодками* также оказываются жены братьев по отношению друг к другу. Проникновение лексем, обозначающих свойство, в другие области происходит намного реже, чем это характерно для терминов кровного родства, тем не менее у слов с протозначением 'жена сына' отмечаются новые предметные значения, образованные по принципу метонимического переноса: *молодуха, молодичка, молодушка* – платок или косынка, которую надевала молодая замужняя женщина. Рассмотрен образ жены сына – *невестки* – в фольклоре, где он подается в том же негативном ключе, что и образы остальных свойственников, отражая типологическое разделение на «своих» (родных, кровных) и «чужих».

Ключевые слова: русская диалектология, северные говоры, термины родства, термины свойства.

Номинация. В литературном языке для названия жены сына используются термины *невестка* и *сноха*. Значение их идентично, хотя порой утверждается, что между ними имеются некоторые гендерные несоответствия: *невесткой* будет 'жена сына' со стороны его матери и отца, а *снохой* – 'жена сына' лишь со стороны его отца (см. словарную статью *сноха* в: [10, с. 326]). В Словаре Даля такого разделения не наблюдается (см.: [3, с. 1324; 4, с. 327]). Нет фиксации разницы этих значений и в архангельских говорах: *Свёкор невестку называл снохой. Сноха, я ей свекровь. Молодка для той матери – сноха. У меня у ребят – жёны, а мне они снохи. Я по отношению к свекрови сноха. Сноха и невестка, всяко (называют). И молодичка, и молодка, и сноха – и всё тутюка. Я к ним привораживаю цясто, так она (свекровь) меня сношенькой зовёт. Свёкор звал меня молодая, а свекровка молодичка.*

Для номинации 'жены сына' чаще всего используются термины с корнями *невест-*, *снох-*/*снош-*, *молод-*:

Невест- (*невестка, невестушка, невеста*): *Доци нет, а невестка невестка и есть, цюжой целовек. Я всё не ладила с невестушкой. У меня невестушка была хороша. Молодичка, невеста-то, короцьку унесёт скоту, да там сама и съист.*

Снох-/снош- (*сноха, сношенька, сношище, сношка, сношонка, сношонко*): *Моево сына-то жена – сноха. Олешки-то нету живого, со снохой живёт (свекровь). А ко мне опять сношенька приехала. У меня-то молодичька, сношишишо-то, ткёт – три дня локоток, а моё-то рожёно дитет-*

ко – токоток-токоток, деветь дён локоток. Раньше мать плохо держали, так она сношкю кляла, кляла. Така хороша была сношка, добра, Лидка, хороша жёночка. А сношонка в больнице лежит. У меня сношонко из Мезени.

Самыми частотными являются дериваты от корня *молод-* (*молодая, молодайка, молодичка, молодиченька, молодичка, молодка, молодница, молодуха, молодушечка, молодушка*): *Молода велела и сын велел рассказывать про старинку. У миня молодайка тожо Света. Молодичка, сыновня-то жёнка, портниха у нас. Раньше как приведут молодичу, так разное имя дадут. Или молодичка, или молодичька. Молодка у тех-то, свёкр и свекровка всегда зовут молодка. Пришли на молодичу смотреть. Выйдет девцёнка взамуж, дак ей молодуха зовут. Сын молодуху привёл.*

Молодой, молодушкой, молодичей и т. п. называли невестку в первые годы брака. Однако номинации с этим корнем вытеснили остальные – *молодичей, молодушкой* продолжают называть женщину вне зависимости от возраста и давности совершения брака: *Мою маму всё до смерти молодичей звали. Молодичка уж на пенсии у его, а ты всё молодушка. Молодушка на пенсии – так она ходит (в магазин), сама-то (свекровь) не ходит.*

Для номинации 'жены сына' использовались и другие корни: **баб-** (*баба, бабочка*): *Сыновья не спускают да баба. Хорошая баба у нас. Такая шумкая бабоцька, молоденькая, не умеет для свёкра и свекровки; свой-* (*своя*): *Своя-то ругатлива.*

В пределах одного говора часто сосуществует несколько номинаций для жены сына: *У их-то не-*

* Исследование проведено на материале архангельских говоров. Используются изданные выпуски «Архангельского областного словаря», картотека Словаря и собственные полевые записи автора.

вестка скажут, а у нас сноха. А котора сноха, котора невесткой зовёт. Сноха, ну, невестка. Мне невестка-то, сношка, говорит. Это сноха, молодница моя. Молодница-то была, сношка. И молодница, и молодка, и сноха – и всё тутюка. Та сноха называется, а ещё молодой зовут: молода, молодка. По добру дак молодка, а по злу – сноха, молодуха. Молодка – молода, буде постаре – дак невестка.

Иногда отмечается, что термин *сноха* или *невестка* для данного говора оказывается новым: *Жена сына – это вот была сноха, а невестка – это уже вот по-вашему, по-городскому. У вас-то ведь в городе не молодница, а невестка. Молодница или молодка – чужой, свои – невесткой. Снохой свои-те не зовут, а молодницима.*

Иногда разница в номинации зависит от эпохи: *У нас раньше звали молодницами, а сейчас невестками. У нас невесткой не звали, сё молодкой. Это нынче молодками стали звать, а тогда невестками. Нынче невестками зовут, а раньше сноха. Потеперешному невестка, а раньше сноха. Невесткой некогда не звали, всё сноха.*

Словосочетания. Для обозначения невестки часто используются словосочетания: *сынова (сыновина, сыновьева, сыновня, сыновья) жена (жёнка), (у) сына жёнка, молодая хозяйка.* Иногда эти сочетания являются пояснением термина: *Это сноха-то, сынова жена. Невестка болела – сыновня жена. То молодка, сыновья жена. А молодка у меня, сыновина жена, Галя, тут сидела. Приехала погостить к молодухе – от сына жена. Молодница, сыновня-то жёнка, портниха у нас.* Такие словосочетания можно назвать описательными, аналитическими. В истории языка многие однословные термины свойства уже утратились и заменились другими терминами или словосочетаниями (*ятровь* = 'жена брата мужа' = *невестка*; *стрый* = 'дядя по отцу'). Синтаксические модели, по которым они образованы, достаточно регулярны. Так как все термины, обозначающие 'жену сына', являются многозначными (см. далее п. 4), появляются сочетания, которые можно было бы назвать тавтологичными: *сыновья невестка, сыновнина сношка, сыновья молодка (молодница), молодница сына.* Здесь везде речь идет о 'жене родного сына', а вовсе не о 'жене внука со стороны сына' – возможно, для лучшего различения с 'женой родного брата' или 'женой брата мужа, деверя': *Это от сына, сыновьей невестки. Сношка сыновнина. Молодница она сыновня. Молодкам по платьям подано, сыновьиным молодкам.*

Сочетания используются не только как пояснения, но и как самостоятельные термины: *Сыновня жёнка придёт. Сыновьева жёнка приехала. У сына жёнка учительша. Своё-то полотенце я отдала молоднице сына. Коровушку сдала молодой хозяйке, сама пользуюсь готовеньким.* Наблюдается переход от однословного термина к аналитической конструкции.

Могли различать в номинации жен старшего и младшего сына. Жена старшего сына – *большуха, большая (старшая) сноха*, младшего – *меньшуха, малая (вторая) сноха*: *Котора старше молодка, большуха её звали, а младше – меньшуха. У нас в семье большуха-то сноха была, она старшая была. Братья мужа с жёнами жили вместе с большухой – это старшая сноха. Я старша была сноха. Потом остарие (свекровь), заменяет её сноха, она называется большуха. Большуха обряжается у стола, молодуха. Меньшуха – молодка. Большая сноха пошла на Климовську, а мала сноха кол понесла. Сноха-то привела: мальчик и девочка от второй снохи. Всё вторую сноху спихой, лодырей звала.*

Первой, старшей, второй снохой (невесткой) могли называть также жену родного брата.

Обращение. Есть термины свойства, которые используются только в номинации, но не встречаются в обращении (*свекровь, свёкор*). Термины, обозначающие 'жену сына', могли употребляться не только в номинации, но и в качестве обращения: *Раньше-то не по имени звали, а молодой. Свёкор всё меня молода звал. Всё звали молода, никогда меня не звали на имя. И не сноха, а невестка: невестка, ты сходи там.*

В картотеке «Архангельского областного словаря» зафиксировано достаточно много примеров обращения к невестке с использованием терминов свойства: *Невёстка, иди домой! Я говорю: Молода, здравствуй! Умирать стала: Ой, молодниценька, возьми руку! Молодниценька, умойся, молодниценька, умойся. Молодка, бежи туда-то, – так свёкр скажет. Молодка, поди коней поить. Не видела веретёшко, молодуха? Седь с нами, молодуха, кушать. Сказала бы матушка (свекровь): Молода, возьми кусок, долго ещё до обеда. Молодница, пойдём полоскать белья. Сношка ты моя дорогая, вот взглянула бы я на тебя, как ты доживёшь до моих годов. Меня свёкор, меня свёкор, свёкор-батько не спустился... «Гуляй, сноха, гуляй, сноха, гуляй, сноха, невестка, недолго, ай недолго, недолго, недолго, до поры...» (фольк.).*

Так как в одном доме могло быть несколько невесток, их различали по именам, используя сочетания термина с именем: *Молодка там Иринья ле вот Марья – так и звали молодка. А Алевтина невестка села в углы. У Вали молодницы только свадьба ныне отошла. Вчера молодница Нинка полну корзину набрала. Сношке спасибо, Оленьке. Лизаветушка сношка писала: тебе, бабушка, надо отдыхать. Юбка с прорешками (разрезом) назаде у Тани молодки. Манька-то молодуха.*

Собственное имя невестки могло вовсе не употребляться: для ее номинации или обращения к ней использовалось имя ее мужа: *Жёнок по мужикам звали.* Новое имя невестки строилось по модели «личное имя мужа (полное или уменьшительное) +

суффикс *-их*»: *Вышла замуж за Степана – Степанхой зовут, если ловко, Фёдориха, Икуниха, Изосимиха, Гурьяниха или Гуриха. А у нас в Лобане жёнок всё по мужьям звали. Мужик был Сима – вот её всё Симихой звали. Муж был Степан, вот её всё звали Стёпиха, не звали Татьяна, а всё Стёпиха. Катюха-то Спириха звали, муж был Спиридон; Спириха, Васиха. Не знаю, сноха-то у нас, Колиха-то, издила нынь на проверку, дак всё, grit, хорошо, сказали, штё всё хорошо.*

В качестве имени по мужу использовалось и притяжательное прилагательное от имени мужа (полного или уменьшительного): *Её по хозяину звали, Пелагею-то, – Полька Ванькина. Молодицька-то Колина побранила. Вообще по мужикам всё зовут: Мишкина, Ортюгина, Сенькина, Ванькина. Марья-то Ортюгина идёт. Маша Игнашкина. Марья Васькина.*

В настоящее время термин родства в обращении повсеместно заменяется именем: *Молодками звали раньше-то. Молодичами. Как она выдет замуж – так молодича зовут. А там поживут – и по имени: Насъта ли там ли. Не полюбила, что молодой зову, нать по имени. Раньше молодками звали, теперя именами зовут. По-за глаз зовём молодой, а в глаза-ти нет, а в глаза-ти только по имени. Нет, я ей Надей, сношку Надей зовут, всё Надя. Дедко (свёкор) меня, я пришла: Как тебя звать-то, молодой ле Тонькой ле как ле? Я грю: Как хош зови. – Я буду по имени звать, хоть розругамсе, всё будеш Тонька. Я грю: Мене всё равно. Как хотите зовите.*

Диффузность терминов. *Невесткой, снохой или молодой молодая женщина, пришедшая жить в дом к мужу, была не только для свекра и свекрови, но и для всей остальной родни мужа: его братьев, сестер, теток, дядей, племянников и т. д. Отсюда регулярное использование тех же терминов для номинации и обращения к жене брата, жене деверя, сестре мужа, жене дяди.*

Постоянно термин, имеющий протозначение 'жена сына', употребляется для номинации 'жены брата': *Это моя невестка за братом, с Котажки она. От родного брата жёнка – невестушка, и от двоюродного так же зовут. Золовку сноха «сестрицей» зовёт, а они ей – невестка. Это баба брата, сноха мне будёт. Сноха за братом была, сношка это. Сноха – это братня жёнка. Снохаша мне, за моим за старшим братом была. Она мне за братом, так молодича. Если брат женился, то молодка, молодича-то.*

Иногда встречается попытка как-то разграничить термины: *Молодка она, свекровы – невестка, а ему (брату мужа) – молодка. Брату – молодка, свекровы – невестка.* Но в реальном узусе этого разграничения не происходит: *Жена брата мне молодка, и сыновьева тоже молодка. Если брат женился, то молодка, молодича-то; свекровь её молодой-то тоже зовёт.*

Так как пришедшая в большую семью женщина часто выступала как крестная мать младших братьев и/или племянников мужа, она также оказывалась *божаткой, божатой* – и не только для своего крестника (деверя или племянников), но и для их жен: *А божатка – это раньше вот это, по-деревенски называли сноху божаткой. Так ему-то она-то божатой бует, деду-то (мужу) моему. Я со снохой жила, так я её божаткой всё звала. А я со снохой жила, дак божаткой звала, а не крестила вроде меня, а всё божаткой звала.* В архангельских говорах *божаткой* обычно называют 'крестную мать'.

'Жену родного дяди' в архангельских говорах принято называть *деденка*, а также *дедня, дейна, дедешка, дедюшка, дядина* и проч. (см.: [1, с. 421 и далее]). Но взрослые начинают называть свою родственницу *по детям* (т. е. так же, как их дети), и тогда *невестка* тоже оказывается *деденкой*: *Брат мой жонился – я должна называть её дединка. Еённые ребята должны звать её деденкой. Деденка – это невестка. Ишио дядина была, тоже несельница. Дядина – это жёнка брата.*

Для номинации 'жены дяди' вместо термина *дединка* также может использоваться термин *невестка*: *Вот деденка, например, моему дяде жена, моей мамы брат, и вот мне она деденка. Невестка моя, деденка. Невестка – жена дяди.*

Сестра мужа – *золовка* – так же может называться *невесткой*: *Невестка – сестра мужика. Как девка-то, золовка, мужу-ту сестра – то невестушкой (называют), а та ей – сестрицей.* Хотя в обычном случае положено называть наоборот: *Раз у тя золовка есть, она тя должна невестушкой звать, а ты ё – сестрица.* Сестра мужа (*золовка*) может быть названа и *свойкой*: *У мужиной сестры есть брат, он свояка, а сестра-то свояка. Свойка – это сестра мужику. А это свойки – это эти, золовки.* Хотя обычно *свойкой, свояченицей* именуют сестру жены (а не сестру мужа). Сестра жены также может быть названа *невесткой*: *Егова сестра будет тебе золова, а твоя сестра им будет невестка.*

Будут в отношении друг к другу *невестками, снохами, молодками, свойками* женщины, находящиеся замужем за братьями: *Мы с тобой были бы за братьями, так были невестки. Братья мужики, дак мы снохи. Жёны двух братьев – невестки, а нынче снохой зовут. Два брата, у ево жена да у ево жена – вот они снохи за братьями-то, сношельницы. Мы с той старухой сношеньки, мужики брата были. Они молодки, за братьями, от один брат, другой брат, от жёны их. Молодка – за деверем, за братаном. Виш, две свойки идут, мужики – брата.*

Термины, используемые для обозначения свойства, могут употребляться и по отношению к неродственникам. Девушка, достигшая брачного воз-

раста, не только *невеста*, но и *невестка*: *К тебе невестки пришли, я тебе невест привела*. Лексема *невестка* оказывается синонимом лексеме *невеста* во многих значениях. Молодая девушка, умершая незамужней, – *христова невеста* или *невестка*: *Христовой невесткой* называют, кто умрёт молодой. И *невестой*, и *невесткой* называют девушку во время свадебного обряда: *Невестка жениха не знает. Невестка пойдёт со стороны прощаться*.

Молодица, молодка, молодуха – не только 'жена сына' или 'жена сына в первый год брака, как правило, до рождения первенца', но и 'молодая женщина, девушка': *Девки, да ребята, да старушки, да молодухи. Спасибо, девушка-молодушка. Старухи поют и молодухи, стары песни длинные. Попову-то Тамару понаведывайте, песят четвёртый год, она тоже не молодуха*.

Для терминов кровного родства характерно проникновение лексем в другие области, где они приобретают другие значения. В терминах кровного родства переосмысливается свойство (свекровь принято называть *матушкой*, свекра – *батюшкой*) духовное родство (у ребенка при крещении появляются *крестная мать* и *крестный отец*), заместительное родство (*мачеху* и *отчима* принято называть так же, как *мать* и *отца*). Эти же термины проецируются на «внешний» мир: они регулярно встречаются в названиях растений (*мать-и-мачеха*), в абстрактных понятиях (*лень-матушка, правда-матка*), в названии предметов; используются как антропонимы и микропонимы, оказываются междометиями или входят в их состав (*батюшки! матушки мои!*) (подробнее об этом см.: [5; 6; 7; 8; 11; 2]).

Подобный перенос у терминов свойства осуществляется, но гораздо реже: есть несколько растений с названием *тёщин язык* – обычно это растения с длинными узкими листьями, иногда колючими (сансевиера, алоэ); часть русской печи – *свёкор*, вышитая юбка, которую невеста на свадьбе дарит свекрови, – *свекровница*, вышитое полотенце, которое невеста на свадьбе дарит свекрови, – *свекровочник* (*Я сама свекровке вышивала утиральник, свекровочник назывался*) (см. об этом: [9, с. 231]).

У слов с протозначением 'жена сына' новые предметные значения образуются по принципу метонимического переноса. Так, платок или косынка, которую надевала молодая замужняя женщина, – *молодуха, молодичка, молодуха*: *Замуж выйти – надо молодухой подвязаться, красный плат. Молодицкой опояжется. Молодушкой опоязываются, носят эк. Жаркой день, се молодухой, кто постарше – те платом опоязывается*.

Образ невестки в фольклоре. Образ жены сына – *невестки* – в фольклоре обычно подается в том же негативном ключе, что и образы остальных свойственников (тёщи, свекрови, свёкра,

братьев и сестер мужа – *деверей* и *золовок*), отражая типологическое разделение на «своих» (родных, кровных) и «чужих». В свадебных корильных песнях невестку часто называют разными обидными прозвищами: *А свекровка говорит: людоильницу везут. Людоильница – это как лютая змея. А деверья говорят, да что безряху к нам везут... Деверья говорят, что разгониху к нам везут. Свёкор говорит: медведицу везут, а свекровка говорит: людоедицу везут, во цюжу деревню молодую везут*. Впрочем, нехорошими словами невестку могли называть не только в фольклоре: *Свекровка звала постоялкой ей. Не невестку привёл, а постоялку*. В то же время *невестка* заранее готовится отстаивать свои права в новой семье: *Охи-охи-охи-ха, чья же буду я сноха? Кто же будет мой жених? Повоюю я у них*.

Часто присутствует *невестка* в пословицах и поговорках: *Каждая мать свою дочку хвалит, а молодуху хулит. Мать заболела, сын-от запаха на печь, а невестка ницё. Сын хороший у меня, матюга я не слыхала, невестка что – у сношки холодны ножки* (т. е. у плохой невестки свекровь будет мерзнуть). *Невестка, говорят, – соседка* (т. е. чужой человек). *Она тебе как невестка на отместку. Видишь, как свекровы невестка на отместку. Над молодухой три года лапоть смеется. Три года лапоть смеется над молодухой*. Саркастическое замечание сыну: *От, посади молодую на божницу да молись!* Самой невестке часто тяжело жилось в чужом доме: *Кошку ругают, а сношке наветки дают. Ее плохо кормили. Невестку привели, дак она бы робить-то робила, да йись-то не ела дак. Но, с точки зрения новых родителей, невестка всегда ест очень много: Эта невестка всё трескат, мёд – и тот жрёт. Наша невестка всё трескат, мёд – и тот ждрёт. Но бывало и наоборот: Молодушка, кушай не стыдись да робь (работай) не ленись*.

Библиографический список

1. Архангельский областной словарь. Вып. 1–16 / под ред. О.Г. Гецовой (с 13 вып. под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой). – М.: Наука, 1999. – Вып. 10. – 479 с.
2. Березович Е.Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – С. 257–259.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 4. – М.: Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994.
5. Качинская И.Б. Термины родства и растительный мир (по материалам архангельских говоров) // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв.

ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. – Вып. 12. – С. 83–96.

6. Качинская И.Б. Зима-матушка, война-матушка... Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров) // *Palaeoslavica*. XXIII. – Cambridge – Massachusetts. – 2015. – № 1. – Р. 129–143.

7. Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. III (IX) / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М.: Наука, 2008. – С. 265–283.

8. Качинская И.Б. Термины кровного родства и междометие (по материалам архангельских го-

воров) // *Alexandro P'usino septuagenario oblata* (Новые материалы и исследования по истории русской культуры). – М.: Новое издательство, 2011. – Вып. 8. – С. 143–162.

9. Качинская И.Б. Свекровь и теща: термины свойства в архангельских говорах // *Севернорусские говоры*. – СПб.: Нестор-История, 2015. – Вып. 14. – С. 218–233.

10. Толковый словарь русского языка. Т. 3 / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1940.

11. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе: (вместо предисловия) // *Категория родства в языке и культуре* / отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2009. – С. 7–22.

Киреева Елена Закировна

кандидат филологических наук, доцент

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

L89107032507@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРА ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКУМЕНТА ОБ АДРЕСАТЕ (на материале регионального законодательства)

Статья посвящена проблеме адресата в официальном документе. Предпосылкой послужили положения Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, М.М. Бахтина о значимости этой фигуры в процессе речевого взаимодействия. Учет фактора адресата при подготовке документов нормативно закреплён. Требования юридической техники соотносятся с постулатами П. Грайса. Круг адресатов разделяется на две группы: юридические лица и физические лица (граждане). В количественном отношении выделяются следующие категории граждан: граждане региона в целом или жители какого-либо муниципального образования; категории граждан, выделяемые по социальному, профессиональному, возрастному и другим признакам. Гражданин рассматривается как биологическое существо и социальная личность. В распорядительных документах учитывается фактор двойного адресата. Автор также принимает во внимание качественные характеристики адресата: правовые, социальные и когнитивные. К правовым и социальным характеристикам относятся система базовых ценностей – права, свободы, законные интересы; правовой статус адресата, его ролевое поведение и предполагаемые социальные действия; дистанция между автором и адресатом. С когнитивными характеристиками адресата соотносятся его прагматические presuppositions; интересы, мнения, взгляды, интеллектуальный уровень. Адресат предстает как достойная уважения личность с достаточным интеллектуальным уровнем и предсказуемой реакцией, которая уполномочила автора представлять ее права и законные интересы. Адресат вправе участвовать в процессе создания документа; его мнения, интересы, взгляды учитываются автором на этапе подготовки документа. Ролевое поведение адресата также отражается в предполагаемых речевых действиях, которые воссоздаются в формах документов.

Ключевые слова: адресат, официальный документ, подзаконный акт, двойной адресат, граждане, правовые, социальные и когнитивные характеристики.

Цель статьи – определить, каким видит автор документа своего адресата; выделить характеристики, которые влияют на речевое поведение автора. Под автором официального документа понимается орган власти, принимающий правовые решения. Актуальность работы обусловлена фрагментарностью изучения фактора адресата в подзаконных актах, функция которых – управление обществом путем подзаконного правотворчества, реализация законов. Материалом послужили документы регионального законодательства, включенные в справочно-правовую систему «КонсультантПлюс». Методические рекомендации по составлению документов едины для всех регионов. Таким образом соблюдается преемственность законодательства.

Вслед за Н.Д. Арутюновой применим термин *адресат* к получателю речи, «подчеркивая этим сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или неконкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой» [1, с. 358].

Документный текст подчеркнута антропоцентричен – он создается человеком, для человека и о человеке – и жестко адресован. Модальность должностования и директивные речевые акты (далее РА) – системообразующие в подзаконном дискурсе – предполагают результат, который должен быть осуществлен именно адресатом в виде исполнения предписания или нормативного поведения. Автор не моделирует образ типового адресата (как,

например, в публицистическом, научном и художественном дискурсе), а четко представляет реального адресата.

Личность адресата в документе не менее значима, чем личность автора. Для последнего важно быть понятным и понятым: эффективность власти определяется исполняемостью ее предписаний. Замечание Н.Д. Арутюновой о том, что постулаты П. Грайса (применяемые к диалогу) «сформулированы под углом зрения именно адресата и представляют собой охранную грамоту, оберегающую коммуникативные интересы потребителя речи от попирания их говорящим» [1, с. 358], в полной мере может быть отнесено к документу. Постулаты, эти «коммуникативные обязанности говорящего по отношению к адресату» [1, с. 358], отражаются в принципах и правилах подготовки официальных документов, называемых юридической (законодательной) техникой.

Это демонстрирует фрагмент методических рекомендаций по подготовке проектов нормативных правовых актов:

7. Основными требованиями (принципами) законодательной техники являются:

– точность и определенность юридической формы: формулировок, выражений и отдельных терминов;

– ясность и доступность языка закона для адресатов, на которых он распространяет свое действие;

– полнота регулирования соответствующей сферы отношений, отсутствие в нем пробелов и упущений;

– конкретность регулирования, четкое определение всех его необходимых элементов, борьба с декларативностью норм;

– максимальная экономичность, оптимальная емкость, компактность законодательных формул;

– системное построение права, т. е. цельность, сбалансированность, внутренняя связь и взаимозависимость всех частей правовой системы, логическая последовательность изложения мысли законодателя;

– унификация, единообразие формы и структуры законодательных актов, способов изложения правовых предписаний. («Методические рекомендации по подготовке проектов нормативных правовых актов»: Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 30.05.2000 № 270-р).

Согласно Г.П. Грайсу [6, с. 223], для реализации целей речевого общения должны выполняться определённые постулаты, которые можно разделить на категории. Применительно к приведенному выше распоряжению категория «Количество» соблюдается в требовании: *полнота регулирования соответствующей сферы отношений, отсутствие в нем пробелов и упущений*. В требовании соблюдать конкретность регулирования, четкое определение всех его необходимых элементов, бороться с декларативностью норм автор документа следует постулату релевантности «не отклоняйся от темы», который связан с категорией «Отношения». В остальных требованиях соблюдаются постулаты: «выражайся ясно», «избегай непонятных выражений», «избегай неоднозначности», «будь краток», «будь организован», которые относятся к категории «Способ» [6, с. 223]. Не отражаются в юридической технике требования к постулатам, отнесенным к категории «Качество», поскольку их соблюдение предполагается по умолчанию. Постулат «твое высказывание должно быть истинным» видоизменяется в документах в «твое высказывание должно быть искренним, то есть выполнимым», так как предписания не могут быть охарактеризованы по признаку *истинность – ложность*. Таким образом, в принципах и правилах подготовки документов акцент делается в первую очередь не на том, что сказать, а о том, как это сказать: «...обработка речи происходит под давлением фактора адресата» [1, с. 358].

Каковы представления автора об адресате? Так же как и автор, адресат «вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующем аспекту говорящего» [1, с. 358]. Его характеристики являются проекцией характеристик автора документа. Результатом исследования будет обобщенное представление об адресате, поскольку каждый РА [1, с. 358], каждый жанр [3, с. 467] рассчитан на определенную модель адресата.

Круг адресатов разделяется на две группы: 1) юридические лица, к которым относятся орга-

ны государственной власти и местного самоуправления, предприятия, организации и учреждения; должностные лица как представители юридических лиц; 2) физические лица (граждане). Наибольший интерес представляет вторая группа, поскольку цель законодательства – благо для граждан.

В количественном отношении выделяются следующие категории граждан:

– граждане региона в целом или жители какого-либо муниципального образования. Так, для всех жителей области устанавливается величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения (трудоспособное население: мужчины, женщины, пенсионеры, дети); по каждому муниципальному образованию устанавливается норматив стоимости одного квадратного метра общей площади жилья для расчета размера социальных выплат молодым семьям;

– категории граждан, выделяемые по социальному, профессиональному, возрастному и др. признакам: государственные служащие, инвалиды, пенсионеры, дети и др. Адресность документа, как правило, отражена в его названии. Граждане рассматриваются как:

а) биологические существа, которые имеют врожденные права: на жизнь, свободу, собственность;

б) социальные личности, которые имеют приобретенные права, в которые государство должно вкладывать ресурсы: на труд, образование, охрану здоровья, на информацию, экологические права. Заметим, что социальная личность включает в свою структуру биологическую и социальную составляющие. Круг адресатов представлен в таблице.

Автор создает документ, всегда ориентируясь на граждан или их отдельные категории, даже если текст прямо им не адресован. Так, в распорядительных документах, содержащих директивы исполнителям – органам или должностным лицам – учитывается фактор двойного адресата (термин Т.Г. Винокура, см.: [5, с. 115]). Сквозь исполнителя – прямого адресата – «просвечивает» другой адресат – тот, ради которого и в интересах которого создается директива: граждане региона или их отдельные категории. Цель обращений автора документа к вышестоящим органам (например, в депутатском запросе, обращении депутатов) – защита прав и законных интересов граждан. Сообщая информацию об итогах работы перед органом, представителем (руководителем) которого он является, автор отчитывается также перед гражданами. Именно поэтому органы власти называются гласными. Термин *аудитория* ‘слушатели (читатели), кроме адресата, существенно влияющие на речевое событие’, предложенный Д. Хаймсом [10], не отражает сути двойной адресованности документа, поскольку граждане могут и не читать текст документа, но исполнять его посредством законопос-

Круг адресатов и характер их взаимодействия с автором

Адресат	Характер взаимодействия с автором
<i>Юридические лица</i>	
Органы государственной власти федерального уровня (вышестоящие органы) и их представители	Руководство по вопросам общей компетенции
Органы власти одного уровня и их представители	Сотрудничество
Неподведомственные, неподчиненные и неподотчетные государственные органы (МВД, Министерство обороны)	Содействие в вопросах их компетенции
Предприятия, организации, учреждения и их представители	
Должностные лица как представители подчиненных властных структур	Подчинение
<i>Физические лица</i>	
Граждане как социальные личности	Подчинение в виде исполнения директивы или нормативного поведения
Граждане как биологические существа	
Гражданин как социальная личность	

лушного поведения обязаны (например, оплата счетов по новым нормативам, получение выплат, льгот и др.).

К характеристикам адресата относятся самоидентификация; элементы, репрезентирующие картину мира; элементы, характеризующие стиль жизни и социальный статус; ориентация на речевой опыт аудитории [7], степень внимания к речи; степень искренности в ее оценке; этическое отношение к говорящему, аксиологическая оценка речи; оценка слушающего по степени предсказуемости его реакции или отзыва [4], владение языком, который предполагается использовать; культурный и образовательный уровень адресата [9].

Сообразуясь со спецификой институционального взаимодействия, автор принимает во внимание следующие характеристики адресата.

Учитываются количественные характеристики. Как было показано выше, круг адресатов неоднороден. Сфера права и администрирования конфликтногенна, и правовые решения могут болезненно отзываться на адресате. Так, распределение материальных ресурсов является объектом интереса широкого круга лиц: как физических, так и юридических, а повышение тарифов, отмена льгот задевает интересы разных категорий граждан. Директива – это всегда мера принуждения. Быть «над схваткой» интересов разных сторон автору позволяет объективность изложения.

К качественным характеристикам адресата мы относим его социальные, правовые и когнитивные характеристики.

В социальные и правовые характеристики включается:

а) система базовых ценностей адресата – права, свободы гражданина (ст. 2 и глава 2 Конституции РФ), его законные интересы. В своих действиях автор ориентируется на них, поскольку является

выразителем интересов адресата. Власть призвана заботиться о своих гражданах, оберегать их духовное и физическое здоровье;

б) правовой статус адресата. Термин *социальный статус* (адресата) [8] для описания ситуации взаимодействия граждан и государства не может быть признан корректным, ведь перед законом равны все. Народ является источником власти в условиях демократического режима (ст. 2, глава 2 Конституции РФ). Подчинение граждан органам власти добровольное, поскольку на выборах граждане сами уполномочивают органы власти представлять их права, свободы и законные интересы. В своей деятельности (речевой в том числе) орган власти руководствуется законами (в первую очередь Конституцией), определяющими его властные полномочия. На этом основании он реализует «поведенческие акты, ограничивающие свободу человека» и предопределяющие его будущие действия (например, приказы) путем «прямого выражения смысла без смягчающих средств» [8].

Статус адресата может быть выше статуса автора (например, представители вышестоящих органов власти), но такие документы в общем массиве регионального законодательства не играют определяющей роли;

в) дистанция между автором и адресатом. Социальная дистанция может варьироваться в зависимости от отношений субординации. Так, в распорядительных документах отдавать директивы и быть уверенным в их исполнении можно подчиненным, неподведомственным, подотчетным органам и должностным лицам; степень близости между автором и неподчиненными структурами меньше: им он может только рекомендовать выполнение директивы или просить о нем;

г) ролевое поведение адресата. Оно отражается в предполагаемых речевых действиях, которые

воссоздаются в формах документов. Так, адресат реализует интенцию просьбы в заявлении, заявке, представлении, претензии, предложении, ходатайстве, согласии, жалобе, исковом заявлении и под.;

д) предполагаемые социальные действия адресата (ожидаемое поведение). Ответная реакция адресата по признаку *согласие – несогласие* с содержанием документа должна быть известна заранее. Автор должен учитывать «активную ответную позицию адресата» [3, с. 437]. Позитивная реакция (единственно допустимая, с точки зрения автора) – это исполнение предписания должностным лицом и применение / соблюдение правовой нормы любым гражданином, то есть законопослушное поведение. Этому предшествует подготовительная работа по созданию документа. Негативной реакцией может быть неисполнение предписания и отказ от применения / соблюдения правовой нормы (что наказуемо) или оспаривание содержания документа в суде.

С когнитивными характеристиками адресата соотносятся:

е) прагматические пресуппозиции как фонд общих или фоновых знаний: «Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важных условий его (речевого акта. – Е. К.) эффективности» [1, с. 358];

ж) интересы, мнения, взгляды адресата (на этапе проекта документа);

з) интеллектуальный уровень адресата. Подзаконные акты рассчитаны на широкий круг лиц, поэтому доступность изложения является одним из требований юридической техники. Однако в зависимости от тематики документа, его содержания и характеристик адресата (граждане, должностные лица, специалисты разных отраслей) требования к уровню его знаний могут варьироваться. Так, текст Постановления Правительства Тульской области от 26.02.2016 № 74 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения по Тульской области за IV квартал 2015 года» ориентирован на любого человека, владеющего русским языком:

...правительство Тульской области постановляет:

1. Установить величину прожиточного минимума по Тульской области за IV квартал 2015 года: на душу населения в размере 8 626 рублей, для трудоспособного населения – 9 250 рублей, пенсионеров – 7 427 рублей, детей – 8 416 рублей.

Применить методику балльной оценки показателей эффективности деятельности государственного учреждения по оказанию государственных услуг (выполнению работ), качества услуг (работ) и финансового менеджмента, произвести расчет эффективности выполнения государственного задания могут только квалифицированные специ-

алисты («Об утверждении Методики оценки...»: Постановление правительства Тульской области от 27.12.2012 № 777). Уровень адресата – это уровень подготовленного читателя, обладающего знаниями в своей предметной области.

Автор предполагает интеллектуальный уровень адресата равным себе: «Объективно-нейтральные стили предполагают как бы тождество адресата с говорящим, единство их точек зрения, но эти одинаковость и единство покупаются ценою почти полного отказа от экспрессии» [3, с. 470]. Все же абсолютного совпадения когнитивной и эмоционально-личностной сферы автора и адресата нет. Так, в документах даются определения терминов (юридических, технических, медицинских и пр.), если «проектируемый акт рассчитывается на широкое применение и касается обширного круга должностных лиц или многих граждан» («Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке проектов нормативных правовых актов»: Распоряжение Правительства Удмуртской Республики от 30.05.2000 № 270-р, п. 16). Цели и мотивы принятия правового акта разъясняются в преамбуле распорядительного документа, в части «Обоснование проблемы и ее решение программно-целевым методом» в программных документах. Такие требования юридической техники, как точность формулировок и доступность изложения, могут оказываться несовместимыми. В этих случаях автор жертвует доступностью ради точности.

Итак, личность адресата в документе не менее значима, чем личность автора. Это объясняется подчеркнутой антропоцентричностью текста – он создается человеком, для человека и о человеке – и жесткой адресованностью. Учет фактора адресата при подготовке документов регламентирован и нормативно закреплён в методических документах. Содержащиеся в них требования юридической техники соотносятся с постулатами П. Грайса. Круг адресатов количественно неоднороден. В документах учитывается фактор двойного адресата. Автор также принимает во внимание качественные характеристики адресата: правовые, социальные и когнитивные. К правовым и социальным характеристикам относятся система базовых ценностей – права, свободы, законные интересы; правовой статус адресата, его ролевое поведение и предполагаемые социальные действия; дистанция между автором и адресатом. С когнитивными характеристиками адресата соотносятся его прагматические пресуппозиции, интересы, мнения, взгляды (на этапе проекта документа), интеллектуальный уровень.

Абстрагируясь, можно представить адресата подзаконного акта как достойного уважения человека с достаточным интеллектуальным уровнем и предсказуемой реакцией, который уполномочил автора представлять его права и законные интересы,

регулировать и регламентировать его жизнь. Он вправе участвовать в процессе создания документа; его мнения, интересы, взгляды учитываются автором на этапе подготовки документа. Его ролевое поведение также отражается в предполагаемых речевых действиях, которые воссоздаются в формах документов.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1995. – № 1. – С. 37–68.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.
4. Блох М.Я. Фактор слушающего в диалогической и монологической речи // Вестник НВГУ. – 2008. – № 4. – С. 3–7.
5. Винокур О.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
7. Каминская Т.Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2009. – 45 с.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. – 495 с.
9. Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#_top (дата обращения: 20.02.2016).
10. Hymes D. Toward ethnography of communicative events // Language and Social Context. Ed. by P. P. Giglioli. – Harmondsworth, 1972. – P. 21–44.

ИМИДЖ КАК ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье развиваются основные положения лингвоимиджелогии, изучающей языковые механизмы создания имиджа. В рамках лингвокогнитивного подхода имидж рассматривается как прототипическая категория, анализ которой предполагает определение прототипа неязыковой категории (предмета референции) и прототипических средств репрезентации когнитивных компонентов имиджа в языке. Особенностью процесса вербального моделирования имиджа является прагматическая установка на эффективное речевое воздействие как эксплицитного, так и имплицитного характера. Данное исследование осуществляется на примере отраслевого имиджа австралийского образования. Автором представлены структурные компоненты данного имиджа как ментальной и лингвистической моделей, их соотношение и способы проектирования.

Ключевые слова: имидж, лингвоимиджелогия, прототип, прототипическое средство, ментальная модель, знаковая модель, речевое воздействие.

Многогранность имиджа как научного понятия обуславливает интегративный характер имиджелогии, объединяющей данные психологии, социологии, политологии, экономики, коммуникативистики, лингвистики и других гуманитарных областей. В фокусе формирующегося научного направления, лингвоимиджелогии, находятся языковые механизмы создания имиджа. В рамках современной научной парадигмы на первый план выдвигается лингвокогнитивный аспект процесса формирования имиджа (например, речевого имиджа политика, корпоративного имиджа компании, международного имиджа вуза и др.).

Данная статья посвящена рассмотрению категории имиджа через призму теории прототипов. Имидж как средство категоризации действительности обладает определенными особенностями. Задачей предпринятого исследования является выявление характера корреляции предмета референции, ментальной структуры имиджа и способов ее вербальной актуализации.

Современной когнитивной наукой выделяются различные уровни категоризации: высший (суперординантный), средний (базовый) и низший (субординантный). Кроме того, отмечается необходимость разграничивать прототип категорий неязыковых (естественных) объектов, прототип языковой категории и прототип (прототипическое средство) репрезентации знаний в языке. При определении тех элементов языка, которые выступают в качестве «когнитивных точек референции» (термин Э. Рош) в процессах формирования и передачи смысла, предполагается, что названия категорий базового уровня способны выполнять роль прототипов в процессе языковой репрезентации знаний [2].

Очевидным представляется положение о том, что прототип естественной категории (объекта) обуславливает содержание имиджа как когнитивной категории, моделирующей имиджируемый объект. При этом компоненты имиджа детерминируют

ся как реалиями существования и деятельности социального / экономического / политического объекта, так и параметрами восприятия имиджируемого объекта, интенционально формируемыми в ходе имидж-коммуникации. В плане когнитивного представления имидж классифицируется как мысленная модель, в то время как вербальная репрезентация данной ментальной единицы, или вербализованный имидж, в силу знаковой природы языка является знаковым видом модели.

Рассмотрим механизм моделирования имиджа на примере отраслевого имиджа австралийского образования.

Имиджелогия в сфере образования активно развивается как теоретико-прикладная дисциплина маркетинга образования (О.Л. Ксенофонтова, Л.Г. Миляева, С.Н. Павлов, А.П. Панкрухин, Д.А. Шевченко и др.). Обладая определенными специфическими свойствами, имидж вуза / образовательной отрасли функционирует в соответствии с базовыми закономерностями существования категории имиджа в социально-психологическом и экономическом аспектах. Общепринят постулат о взаимозависимости всех субъектов современной глобальной экономики и мирового сообщества. Роль эффективного имидж-мейкинга в этих процессах сложно переоценить. В частности, с одной стороны, общественное мнение формирует имидж, с другой стороны, имидж формирует общественное мнение [7].

Отражение информации о компонентах имиджа образовательной отрасли в текстах СМИ и акцентирование внимания на них PR-службами отрасли в целом и учебных заведений в частности является основным содержанием целенаправленной деятельности по формированию эффективного имиджа образовательной отрасли страны.

Как отмечается исследователями, коммуникация имеет взаимообусловленный характер, так как «потребитель информации видит то, на что он настроен» [8, с. 27]. Другими словами, потребитель информации определяет, что является для него бо-

лее существенным, то есть для принятия решения ему необходим именно данный набор характеристик объекта, выражаемых имиджем.

Поскольку «потребитель, в первую очередь, ждет информацию, которая не противоречит его миропониманию и верит именно ей» [9, с. 21], а значит, «лучше воспринимается то сообщение, которого ждут» [5], в лингвоимиджелогии необходимость соотнесения всех текстовых элементов с ожиданиями и особенностями восприятия адресата значительно возрастает, что обусловлено стратегической целью формирования понятного и близкого целевой аудитории имиджа.

В нашем случае потребитель – потенциальный иностранный студент австралийского образовательного учреждения. В ходе оценивания, что хорошо/плохо, он исходит из своего жизненного опыта и тех социальных стереотипов, которые, с одной стороны, формируются стихийно в процессе взаимодействия с различными социальными субъектами и, с другой, намеренно создаются обществом в человеческом сознании, в том числе благодаря интерпретативной и воздействующей функциям текстов СМИ.

Анализ медиатекстов, посвященных теме австралийского образования, показал, что модель вербализованного имиджа австралийского образования структурируется компонентами: «бизнес-индустрия», «качество», «стабильность», «развитие», «международное сотрудничество» [6].

Итак, за основу имиджевого образа австралийского образования принимается прототип бизнес-индустрии как естественной категории. Типичные, а точнее стереотипные, характеристики данной категории становятся прототипами компонентов, структурирующих имидж: качество, развитие, стабильность, международное сотрудничество.

Основными вербальными средствами объективации данных когнитивных элементов в составе ментального образа австралийского образования являются следующие лексемы и словосочетания, используемые адресантами текстов СМИ:

«бизнес-индустрия» – business, education sector, provider, economical and social importance, investment, productivity, competition и др.;

«качество» – quality, high-quality, a great quality education, best, world leader in education и др.;

«развитие» – reform, education revolution, improve, better, a future of lifelong learning, increased productivity и др.;

«стабильность» – stability, sustainability, long-term improvements, strong international education sector, long-term productivity strategy, lasting benefits и др.;

«международное сотрудничество» – international education, overseas student industry, choice for foreign students, close partnerships with foreign schools and universities и др.

В результате реализации речевоздействующего потенциала вербализованного имиджа в текстах СМИ, их адресаты должны, по замыслу инициаторов имидж-коммуникации, категоризовать австралийское образование как объект, принадлежащий к категории бизнес-индустрии, которая обладает соответствующими прототипическими характеристиками. С прагматической точки зрения за счет вербального моделирования имиджа осуществляется изменение отношения массовой целевой аудитории к носителю имиджа, что потенциально ведет к дальнейшей коррекции поведения адресатов в сторону желаемого для адресантов выбора и принятия решения в пользу того или иного товара или услуги или другого социального объекта.

Иначе, языковая репрезентация имиджа нацелена на изменение и формирование социальных стереотипов восприятия и поведения людей. Собственно имидж как когнитивную категорию правильно считать стереотип, который понимается как «форма обработки информации и состояния знаний» [4, с. 74]. Вербализованный имидж логично связать с концепцией языковых стереотипов Х. Патнама [17]. В рамках данного направления теории прототипов постулируется, что признаки и атрибуты, содержащиеся в языковых стереотипах, используются говорящими для оценки отнесенности предметов к тому или иному классу на основе «семейных сходств» [4, с. 75].

Выводы о прототипических средствах языковой репрезентации согласуются с данным положением. Прототипические средства языковой репрезентации моделируемых компонентов имиджа соответствуют названиям категорий базового уровня, представляющих прототипические признаки естественной категории бизнес-индустрии, то есть business-industry, quality, development, stability, international cooperation. Перечисленные выше лексемы и словосочетания, объективирующие компоненты имиджа, являются членами данных групп средств репрезентации знаний в языке и, согласно прототипической теории, находятся в отношении фамильного сходства с прототипическими единицами business-industry, quality, development, stability, international cooperation, в большинстве случаев с ним не совпадая.

Понятно, что названные лексемы и словосочетания реализуют свои значения наиболее полно на уровне текста, участвуя в речевой вербализации смыслов, актуализирующих прототипические компоненты имиджа австралийского образования.

Под речевым смыслом (смыслом высказывания и смыслом целостного текста) понимается та «информация, которая передается говорящим (пишущим) и воспринимается слушающим (читающим) на основе выражаемого языковыми средствами содержания (плана содержания текста), взаимодействующего с контекстом и речевой ситуацией,

с существенными в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), со всем тем, что входит в понятие дискурса» [3]. Следовательно, при выявлении смысла текста необходимо интерпретировать как языковое содержание текста, так и контекстуальную, ситуативную и энциклопедическую информацию, а также прагматический аспект дискурса, так как данные конститuentы существенны для передаваемого и воспринимаемого смыслового содержания.

Планируемым результатом речевого воздействия посредством сетевых медиатекстов об австралийском образовании видится убеждение адресатов текстов в наличии определенных признаков австралийского образования, соответствующих компонентам моделируемого имиджа. В связи с этим прагматический анализ текстов будет, в том числе, включать выявление их аргументативной структуры, то есть определение аргументативного статуса (тезиса, аргумента или основания) того или иного высказывания в составе текста (аргументативного речевого акта).

Обратимся к примеру текста из национального сетевого издания «The Australian»: *THE pool of international students qualified to enter English-language universities is smaller than thought, higher education consultant Daniel Guhr has warned... "In international education, predictive forecasting is virtually absent," he said. "What has been common is business development-based planning."* [12].

В данном сетевом тексте речь идет о проблеме нехватки иностранных студентов, которые обладали бы достаточным уровнем знания английского языка, необходимым для поступления в австралийские вузы. Консультант в сфере высшего образования предлагает учитывать этот факт при планировании развития международного сектора. Данному сектору свойственно бизнес-планирование (*business development-based planning*), что обосновывает имплицитный тезис об образовательной системе, организованной на принципах бизнеса.

Кроме того, признание проблемы нехватки хорошо подготовленных потенциальных студентов (*international students qualified to enter*) основано на пресуппозиции наличия определенных требований, предъявляемых к поступающим иностранцам, и их достаточно высоком уровне. Из данного положения следует вывод о качестве, свойственном услугам австралийских образовательных учреждений.

Вербализация компонентов имиджа может осуществляться неполными актами аргументации, где аргументы к заявляемым положениям не эксплицитованы и сводятся к подразумеваемым основаниям. Рассмотрим следующий пример: *Second, and also importantly, (b1) we will be supporting a six green star-rated teaching and research facility at Griffith University's Nathan Campus. (a1) An emphasis of*

our Education Investment Funds projects has been on sustainability. (a2) Obviously, by definition, our universities are home to some of our best and brightest Australians and we are working with those best and brightest Australians to tackle the various challenges of climate change [11].

Тезис (a1) данного аргументативного акта, имеющего иллюкативной целью убедить аудиторию в наличии имиджевого признака стабильности образования, обосновывается аргументом (b1), в котором приведен демонстрирующий пример твердого намерения (*will be*) и в дальнейшем поддерживать преподавание и исследования в университете Гриффита.

Помимо этого, федеральный министр Дж. Гиллард в данном высказывании прибегает к приему акцентуализации с целью внедрения в сознание аудитории представления о стабильности австралийской системы образования (*An emphasis... has been on sustainability*). Таким образом, проецируется такой признак имиджируемого объекта, как «стабильность».

Тезис (a2) иллюстрирует реализацию тактики гиперболизации в рамках аргументативной стратегии, применяемой для моделирования имиджа австралийского образования. Наречие *obviously* и словосочетание *by definition* эксплицитуют стремление автора к объективности и генерализации выражаемого значения, заложенного в утверждении *our universities are home to some of our best and brightest Australians*.

Стилистические приемы гиперболы *obviously, by definition, best and brightest* и повтора *best and brightest* усиливают прагматический эффект убеждения адресанта в том, что университеты Австралии являются одними из наиболее престижных. Значит, тезис (a2) имеет мотивационное основание потребности обучающихся получать образование в лучшем учебном заведении. Согласно сложившемуся стереотипу уровень престижа и репутация образовательного института являются параметрами, косвенно подтверждающими стабильность университета, колледжа или школы.

Таким образом, в данном фрагменте мы видим сочетание рациональной и иррациональной (ценностной) аргументации, которое усиливает прагматическую эффективность текста, направленную на вербализацию компонента «стабильность» имиджа австралийского образования.

Рассмотренная ниже цитата композиционно и логически завершает текст правительственного пресс-релиза, в котором сообщается о визите австралийской делегации в Китай с целью поддержания сотрудиических отношений в сфере образования: *"I am keen to personally underline the message that Australia welcomes international students and remains a world leader in education", Senator Evans said* [13].

В приведенном примере сенатор Эванс прибегает к эмфатической конструкции (*I am keen to personally underline the message that*) с тем, чтобы выделить следующее далее положение (*Australia welcomes international students and remains a world leader in education*) среди других тезисов, включенных в структуру аргументации всего сетевого текста.

Личная причастность высокопоставленного чиновника к тезису, выраженная при помощи наречия *personally*, постулирует факт наличия гарантий со стороны правительства Австралии относительно открытости австралийских образовательных институтов для иностранцев. Анализируемое утверждение получает особую прагматическую нагрузку в экстралингвистическом контексте жесткой миграционной политики Австралии.

В данном тезисе использован аргументативный прием навязывания пресуппозиции (термин А.Н. Баранова). Основанием для его реализации является семантика предиката *remains*, имплицитного утверждение, что Австралия и ранее считалась лидером на международном уровне образования. В действительности Австралия занимает следующую за США и Великобританией позицию по объему экспорта образовательных услуг. Для потенциальных иностранных обучающихся в австралийских учреждениях, не всегда хорошо информированных об истинном положении дел, очевидным становится следующий смысл, передаваемый данным высказыванием: «Австралия – лидер в образовании».

Финальная позиция цитаты в медиа-релизе придает ей резюмирующую функцию в целостной композиции текста. Интенция адресанта данного текста сводится к достижению прагматического эффекта убеждения в том, что австралийское образование популярно во всем мире и открыто для иностранцев. Иначе, в сетевом тексте моделируется компонент «международное сотрудничество» имиджа австралийского образования.

Актуализация признака «развитие» в текстах об образовании Австралии также характеризуется имплицитной объективацией данного компонента имиджа, а также в некоторых случаях сложностью разграничения элементов аргументативного акта. Одним из типичных примеров, иллюстрирующих эти особенности, является следующий фрагмент речи премьер-министра Дж. Гиллард: *When the global financial crisis threatened we did what had to be done. As a result, our nation has emerged stronger than most... And each and every day we go about creating a better future by continuing to deliver our education revolution* [11].

Рассуждая о мерах правительства по борьбе с последствиями финансового кризиса, адресант говорит о верности предпринятых действий (*we did what had to be done*). Аргументом в пользу дан-

ного тезиса является оценка нынешнего состояния страны как более благополучного и устойчивого, чем раньше (*stronger than most*). Далее следует перечисление основных направлений в рамках обозначенного процесса развития, одним из пунктов в котором называется реформа образования (*our education revolution*). Тезис о положительном развитии образовательной системы (*we go about creating a better future*) обосновывается дескриптивным аргументом факта о продолжающейся реализации реформы (*continuing to deliver our education revolution*). Таким образом, вербализуется компонент «развитие», выделяемый в содержании имиджа австралийского образования.

Убедительным аргументом обычно являются цифры. Апелляция к фактам, обосновывающим правомерность аргументативных суждений, использована и в следующем отрывке выступления премьер-министра Австралии. (a) *We are delivering the infrastructure for 21st century learning, (b1) through the Computers in Schools program – which delivered its 300,000th computer last week – and Building the Education Revolution. (b2) Our Trades Training Centres program is equipping secondary schools to provide the tools and workshops for the next generation of skilled workers* [14].

Тезис (a) характеризует инфраструктуру австралийских образовательных учреждений как развитую и современную посредством ее оценки при помощи сложного атрибутива *for 21st century learning*, индуцирующего положительную оценку. Данное положение поддерживается фактологическими аргументами (b1) и (b2), отражающими содержание конкретных инвестиционных программ по техническому оснащению учебных заведений, где отдельно акцентируется количественная составляющая осуществляемых изменений (*delivered its 300,000th computer*). Обстоятельство времени *last week* подчеркивает актуальность, новизну приводимых статистических данных, что способствует приращению прагматического эффекта убеждения аудитории в развивающемся характере австралийского образования. Подтверждением этой идеи служит также словосочетание *the next generation*, употребляемое адресантом при описании целевой направленности *Trades Training Centres program*. Аргументы апеллируют к потребностям целевой аудитории в хорошем материальном обеспечении образовательного процесса (b1) и высоком качестве приобретаемых трудовых навыков (b2). Ценностное отношение к этим потребностям основано на абсолютных стереотипных оценках: «компьютерные технологии – это хорошо» и «профессиональная компетентность – это хорошо».

В анализируемом фрагменте лексические единицы оценочной семантики *next* и *21st century* не находятся в предикативной позиции в рамках оценочных конструкций. На необходимость такого

положения для признания конструкции оценочной указывает М.Я. Блох [1], в то время как некоторые исследователи придерживаются более широкого понимания оценочных высказываний. Так, мы поддерживаем мнение Ю.С. Старостиной, которая отмечает, что ведущим фактором при выделении оценочных суждений является их коммуникативная цель, смысловой центр [10].

Таким образом, данный пример иллюстрирует особенности имплицитной вербализации компонента «развитие» моделируемого имиджа австралийского образования в рамках оценочного аргументативного акта.

В анализируемом ниже примере соответствие «образование – бизнес» вербализовано эксплицитно адресантом – журналистом, специализирующемся на аналитических статьях о высшем образовании Австралии: (а) *For many providers tertiary education is a business* and (б) *the investigative, monitoring and disciplinary powers (в) needed to regulate any other business with vulnerable consumers have become necessary* [16].

Эквивалентное соотношение «*tertiary education is a business*» носит оценочный характер, индуцируемый контекстом, в котором упоминается коллективный субъект оценки. Введение в контекст субъекта *for many providers* смещает фокус с дескрипции с целью констатации факта на выражение отношения к этому факту. Значит, здесь мы имеем дело с собственно оценочным суждением. Номинирующая субъект единица, употребляемая для его обозначения, также принадлежит к пласту экономической лексики, так как *provider* – «*someone whose business is to supply a particular service or commodity*» [18].

Итак, изначально квалификативная оценка приобретает прагматическую характеристику, связывающую объект оценки *tertiary education* с оценочной сферой «хорошо – плохо». Оценочный тезис (а) в структуре суждения подкрепляется аргументом (б) о необходимости введения контролируемых мер в данной индустрии, которая обосновывается апелляцией к традиционной практике подобной регуляции бизнеса, составляющей основание (в) данного аргументативного акта.

Некоторый оттенок отрицательной оценочности контекста аргументации обусловлен дескрипцией *vulnerable consumers*, которая в данном случае призвана имплицитно обозначить необходимость заботы о потребителях, а факт осуществления регулирующих действий в отношении образовательного бизнеса подтверждает стремление правительства обеспечить прозрачность и эффективность данной сферы социально-экономической деятельности государства. В результате совокупная иллюкутивная сила данного оценочного аргументативного акта представляет собой интенцию убедить целевую аудиторию в том, что система высшего образова-

ния Австралии – это ответственный и прозрачный бизнес.

Очевидно, что если номинативные средства репрезентации имиджа в разной степени эксплицитуют те или иные признаки австралийского образования, то выраженные в текстах пропозиции и обуславливающие их пресуппозиции в основном имплицитуют смыслы, моделирующие структуру имиджа.

Имидж как прототипическая категория предстает в виде ментальной модели социального объекта, которая структурируется совокупностью когнитивных компонентов, отражающих стереотипные признаки естественной категории (социального объекта действительности). Иначе, типичные стереотипные характеристики данной категории (в нашем случае это бизнес-индустрия) становятся прототипами компонентов, структурирующих имидж, а именно: качество, развитие, стабильность, международное сотрудничество.

Прототипические средства языковой репрезентации вербализованного имиджа как знаковой модели соответствуют названиям категорий базового уровня, представляющих прототипические признаки естественной категории бизнес-индустрии, то есть *business-industry, quality, development, stability, international cooperation*. Данные языковые единицы являются прототипами эксплицитруемых и имплицитруемых смыслов, выражаемых номинативными единицами (лексемами и словосочетаниями) и синтаксическими единицами (высказываниями и текстами), которые используются адресантами медиатекстов при формировании и внедрении имиджевого образа в массовое сознание целевой аудитории.

Таким образом, рассмотрение имиджа как прототипической категории представляется перспективным с точки зрения углубления знаний, накопленных лингвоимиджелогией, а также в целях расширения теоретических положений прототипической концепции в рамках когнитивной лингвистики.

Библиографический список

1. Блох М.Я. Структура и семантика оценочной конструкции / М.Я. Блох, Н.В. Ильина // Функциональная семантика синтаксических структур: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГПИ, 1986. – С. 14–23.
2. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/183.pdf> (дата обращения: 20.09.2015).
3. Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 4–13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru> (дата обращения: 23.02.2012).

4. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / отв. редактор Е.С. Кубрякова. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 32–86.
5. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
6. Катинская М.В. Лингвистическое моделирование имиджа: моногр. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. – 168 с.
7. Павлов С.Н. Управление информацией и общественными связями для создания эффективного имиджа вуза. – М.: Изд-во «Академия Естествознания», 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rae.ru/monographs/130> (дата обращения: 23.02.2016).
8. Почепцов Г.Г. Имиджология. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. – 574 с.
9. Рожков И.Я. Бренды и имиджы / И.Я. Рожков, В.Г. Кисмерешкин. – М.: РИП-холдинг, 2006. – 256 с.
10. Старостина Ю.С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений // Вестник СамГУ. – Самара, 2007. – № 3 (53). – С. 232–241.
11. Keynote Address: ‘Australia’s Productivity Challenge: A Key Role for Education’ Julia Gillard MP Deputy Prime Minister [Electronic resource]: транскрипт / Gillard_a. – 2010. – Режим доступа: http://www.deewr.gov.au/Ministers/Gillard/Media/Speeches/Pages/Article_100610_130719.aspx (дата обращения: 10.06.2010).
12. Lane B. Forecast for fewer qualified students [Electronic resource] / B. Lane // The Australian. – 2011. – Режим доступа: <http://www.theaustralian.com.au/higher-education/forecast-for-fewer-qualified-students/story> (дата обращения: 21.06.2011).
13. Media release [Electronic resource]: медиа-релиз / Evans. – 2010. – Режим доступа: http://www.deewr.gov.au/ministers/evans/media/releases/pages/article_101027_162408.aspx (дата обращения: 10.08.2011).
14. Media release [Electronic resource]: медиа-релиз / Gillard_b. – 2010. – Режим доступа: http://www.deewr.gov.au/Ministers/Gillard/Media/Transcripts/Pages/Article_100617_161909.aspx (дата обращения 05.06.2011).
15. Meriam’s Webster Learners Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.learnersdictionary.com/> (дата обращения: 20.11.2011).
16. Moodie G. Sweeping powers for VET regulator [Electronic resource] / G. Moodie // The Australian. – 2011. – Режим доступа: <http://www.theaustralian.com.au/higher-education/opinion-analysis/sweeping-powers-for-vet-regulator/story> (дата обращения: 28.02.2011).
17. Putnam H. Mind, Language and Reality: Philosophical Papers. V. 2 / H. Putman. – Cambridge etc., 1975. – XVII. – 457 p.
18. Webster's Revised Unabridged Dictionary [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://www.websters-online-dictionary.org/> (дата обращения: 20.11.2011).

СОВРЕМЕННАЯ ЭРГОНИМИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ИГРЫ

Актуальные исследования русской эргонимии указывают на то, что современное ономастическое пространство города характеризуется существованием нескольких тенденций, которые связаны с особенностями графического оформления названий комплексных городских объектов, к которым относятся магазины, рестораны, кафе, фабрики, организации и мн. др. В стремлении создать оригинальный и запоминающийся эргоним неймеры используют различные приемы графической игры. Некоторые из этих приемов употребляются настолько часто, что стали уже тенденцией. Изучив ономастическое пространство Краснодара, автор приходит к выводу, что одной из тенденций в современной эргонимике является ретро-номинация, или привлечение архаичных графем (употребление графем дореформенной кириллицы, в первую очередь Ъ и Ь), которое используется для архаизации эргонима. Еще одним из распространенных приемов графического оформления эргонимов является использование интернет-символов (в том числе хэш-символа (#), коммерческого at (@), доменов ru, com, net), возникшее под влиянием компьютерных технологий. В данной статье предлагается анализ и подробное описание этих основных приемов графической игры, которые используются в возникающих сегодня названиях комплексных городских объектов, объединенных понятием «эргоним».

Ключевые слова: эргоним, эргонимика, ономастическое пространство, графическая игра, ретро-номинация, графема, символ.

Именования комплексных городских объектов в последнее время все чаще становятся объектом исследования современных ономастологов, доказательством чему являются последние работы в данной области [1; 3; 4]. Это можно объяснить тем, что ономастическое пространство города становится сегодня все более эффективным, ярким, вызывающим за счет существования оригинальных и самобытных названий и является интересным материалом для лингвистического исследования.

Одним из первых лингвистов, указавших на необходимость изучения лингвистического облика города, стал Б.А. Ларин. В статье «О лингвистическом изучении города» (1928) он отметил, что лингвистов постоянно интересуют только две области – письменный литературный язык, фиксирующий нормы словоупотребления, и устный диалект. Тем не менее между ними остается небольшой промежуток, «зазор», в который входит речь горожан и который Б.А. Ларин назвал «языком города» [2]. Вслед за Б.А. Лариным под языком города мы понимаем конгломерат литературной речи и живой разговорной речи. На пересечении сфер влияния этих областей формируется ономастическое пространство города, включающего обширный пласт наименований различных объектов – как официальных, так и разговорно-бытовых. Данные наименования объединяются понятием «ономастическое пространство», которое в широком смысле понимается как совокупность имен собственных, употребляющихся для именования объектов и их отдельных состояний, воспринимаемых предметно [5]. Ономастическое пространство всегда конкретно и в зависимости от эпохи, стран, культур заполнено неодинаково, то есть, с одной стороны, оно определяется существующей в реальное время моделью мира, но, с другой стороны, в нем всегда сохраняются элементы прежних эпох. В данной

статье также используется понятие «городское ономастическое пространство» – это совокупность и система наименований городских комплексных объектов с учетом их пространственных характеристик, устройства и статуса.

Важнейшим элементом городского ономастического пространства является эргонимы – наименования городских объектов (организаций, фирм, предприятий и т. д.). Объект исследования данной статьи – эргонимическая система Краснодарского края. Целью исследования является выявление наиболее распространенных приемов графической игры в современной эргонимике.

Наиболее эффективным способом номинации городских объектов является использование приема графической игры. Мы рассмотрели основные способы оформления эргонимов при помощи графических средств языка. Графическая игра – это трансформация формы эргонима для привлечения внимания. Следуя языковой моде, номинаторы стараются создать необычное название, используя при этом различные способы слово- и формообразования, а также символику, заимствованную из различных социальных сфер.

В ходе нашего исследования были выявлены два основных приема графической игры: с одной стороны, это привлечение архаичных графем, или ретро-номинация, с другой – включение в эргоним символов новейшего времени. Рассмотрим оба приема подробнее.

Под ретро-номинацией мы понимаем такую графическую трансформацию эргонима, при которой используются модификации и разного рода обыгрывания кириллических знаков. Наиболее распространенным способом является включение в надписи графем дореформенной кириллицы – букв Ъ, Ь и др.

Наиболее часто в эргонимике используется Ъ («ер»). Причина подобной популярности обуслов-

ливается историей графемы. Появившись в IX веке, Ъ в течение нескольких веков обозначал редуцированный гласный, а после падения редуцированных перестал означать какой-либо звук в русском языке и в позднейшей письменности употреблялся по традиции (чаще всего на конце слова). В 1918 году литеры и матрицы буквы были изъяты из типографских касс. В результате в качестве разделительного знака распространилось суррогатное обозначение с помощью апострофа (ад'ютант, под'ём). Вскоре Ъ вернули, и сегодня в русском языке он используется в качестве разделительного твердого знака. Несмотря на то, что Ъ все еще существует в русском алфавите, графема уже утратила первоначальную функцию и, что гораздо важнее, утратила имя.

Сейчас графема Ъ активно используется в наименованиях городских объектов Краснодара различной направленности. Среди них кафе и рестораны (*ПарковЪ, ДуханЪ, ТрактирЪ, СамогонЪ*), продовольственные магазины (*ЕстЪ, ПродмагЪ*), салоны мебели (*СентябревЪ, СаквоажЪ*), гостиницы (*БестужевЪ, ЧичиковЪ*) и мн. др.

Следует заметить, что в качестве наименований преимущественно выступают исторические и литературные реалии прошлых веков: гостиница *ЧичиковЪ* названа в честь главного героя поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», слова «трактир» и «духан» являются устаревшими, фамилию «Бестужев» носили многие известные русские деятели XVIII–XIX веков. В рекламе отеля приводится следующая информация: «Бестужевы – очень известная дворянская фамилия, целая династия замечательных людей, плеяда талантливых писателей, критиков, изобретателей, художников, декабристов и государственных деятелей. Знаменитая фамилия и старинная Ъ на конце в названии отеля во многом определили его стиль и правила. Такому названию и соответствует достойный уровень». Из этого описания можно сделать вывод, что номинаторы используют графему Ъ осознанно, а не в качестве культурного артефакта.

Помимо Ъ в названиях городских объектов используются графема Ђ («ять»). В современной эргонимике подобный элемент встречается крайне редко, мы нашли всего один эргоним – наименование славянского салона эзотерики *ВЪГА*. Непродуктивность использования графемы связана с тем, что Ђ перестала употребляться еще в начале XX века, а реформой 1917–1918 гг. была устранена из русского алфавита в связи с тем, что была фонетически идентична «е». Сегодня литера Ђ известна далеко не всем, поэтому верно прочесть слово, содержащее Ђ, среднему носителю языка сложно, так как графически она напоминает Ь («мягкий знак»). Оценить значения, заложенные номинатором в эргоним *ВЪГА*, сможет не каждый, а значит, у подавляющего большинства адресатов он не вызовет ассоциаций.

Тем не менее, графему Ђ часто называют «самой русской буквой». Определенному социуму – филологам, историкам, славистам – эта графема знакома, поэтому у них она ассоциируется с дореформенным алфавитом, с историей языка. Поэтому ее использование позволяет создать эргоним, создающий определенные положительные ассоциации.

Реже встречаются другие архаичные литеры. Так, название одного из магазинов мебельной сети Краснодара, *СентябревЪ*, номинаторы намеренно архаизировали, для чего использовали не только конечный Ђ, но и графему «юс малый» (Ѣ) вместо Я. В целом вся запись стилизована под петровский устав. Подобная запись сложна для восприятия даже подготовленного горожанина, поэтому, несмотря на оригинальность графической записи, удачной ее назвать нельзя.

При создании подобных эргонимов неймеры используют устаревшие слова, исторические или литературные реалии, то есть архаичные литеры являются уже не только графемой – они становятся лингвокультурным символом.

В то же время современная языковая ситуация в сфере эргонимии характеризуется еще одной тенденцией – непрерывным процессом заимствования символов из интернет-сферы. Это объясняется тем, что номинаторы стремятся создавать актуальные эргонимы. Компьютеризация общества приводит к увеличению спроса на использование интернет-символов в повседневной жизни, кроме того, эти символы активно участвуют в нейминге. Рассмотрим основные примеры их употребления при образовании эргонимов.

Наряду с уже повсеместно используемыми символами: @ («at commercial», или «собака»), символом первого браузера Internet Explorer *e* и др. (интернет-кафе *Internet*, магазин *3@nuвON* и *ЗакусON*, буфет *СтолOFFка*), сегодня наиболее частотными стоит признать элементы – названия доменов: *ru, com, net*. Использование домена в эргониме позволяет актуализировать любой компонент названия, так как весь эргоним приобретает форму доменного имени: магазины *VETRA.NET, Алкоголик.net, Юбка.ru, Prazdnikmaster.ru, PINZAR.RU*, кафе *Pizza.ru*, салон автомобилей напрокат *nepeshkom.ru*. Кроме того, домен *net* выступает и как семантизированный элемент, так как он омонимичен русскому слову «нет». К примеру, *VETRA.NET* может быть прочитан как «ветра нет» (что указывает на назначение объекта продаж предприятия – верхней одежды). Домен *ru* также может выступать семантизированным элементом, но реже (интернет-кафе *Кенгу.ru*).

Технологии Apple настолько популярны, что их отличительная черта – начальный элемент *I* в наименовании бренда (iPhone, iPod, iPad) – активно используются в образовании эргонимов, передаваемых как кириллицей (магазин *Ибутик*, сервис

ный салон *Иломал*), так и латиницей (магазины *i-Flagman*, *iPhonoff.net*, пиццерия *iLike pizza*, кафе *iCafe*, клуб *iLocked*).

Однако наиболее популярным в последние несколько лет стало введение такого элемента графической игры, как хэш-символ (#), преобразующий эргоним в хэштег: лофт **#ПРОСТРАНСТВО**, кофейни **#кофекофе**, **#вафлявафля**, пивная **#бир_рум**, магазин **#шефмаркет** и мн. др. Хэштег является сравнительно новым явлением, он возник в социальных сетях в 2009 году. Тем не менее он уже активно используется в образовании эргонимов, что говорит о его популярности в нейминге. Используя хэштег, номинаторы оформляют его в соответствии со всеми особенностями элемента: слова пишутся без пробелов и строчными буквами (редко используется капитализация).

Таким образом, в современной эргонимии наблюдается две основные тенденции. С одной стороны, употребление литер дореформенной кириллицы в эргонимах позволяет стилизовать наименования, придать им с помощью только одной графемы архаичный вид, что чаще всего ассоциируется с надежностью, незыблемостью традиций. С точки зрения графического оформления эргонима, **Ъ** и **Ѣ** выделяются на фоне других кириллических букв, становятся символом исконных русских традиций, но в то же время не затрудняют восприятие наименования. С другой стороны, причиной частого использования интернет-символов в эргонимике стало влияние компьютерных технологий и сети Интернет. Так появились эргонимы, в которых использованы хэш-символ, обозначения доменных зон (*ru*, *com*, *net*), элементы и символы, заимствованные номинаторами из сферы компьютерных технологий и сети Интернет. Несмотря на

то, что чаще всего графическое оформление названий не выделяет их смысловые доминанты, оно обеспечивает возможность для нескольких взаимодополняющих прочтений названия, создает прецедентный образ, чем влияет на оценку и восприятие эргонима.

Другими словами, две основные тенденции графического оформления в эргонимике несут противоположную смысловую нагрузку, но именно они характеризуют общее направление современного нейминга. Несмотря на то, что номинаторы зачастую стремятся создать эргоним, являющийся символом нового времени, по-прежнему актуально использование архаичных графем, символизирующих русские традиции.

Библиографический список

1. Бутакова Е.С., Щитова, О.Г. Эргонимы иноязычного происхождения: аспекты варьирования // Фундаментальные исследования. Филологические науки. – 2014. – № 12. – Ч. 2. – С. 411–415.
2. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
3. Пономаренко И.Н. Эргоним в современном социокультурном пространстве // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы V Международной научной конференции (14–17 октября 2015 г.). – Краснодар, 2015. – С. 84–85.
4. Прокофьева Т.О. Типы гибридных образований в эргонимии // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Язык. Познание. Культура. – 2015. – № 4 (144). – С. 1–9.
5. Топоров В.Н. Из области теоретической ономастики // Вопросы языкознания. – 1962. – № 6. – С. 6–12.

Дреева Джанетта Мурзабековна

доктор филологических наук

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ

Dshanetta@mail.ru

Биджелова Берта Альбертовна

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ

bertabidzhelova@mail.ru

ЭЛЛИПСИС В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (на материале стихотворных произведений Ф.Г. Клопштока и И.В. Гёте и их переводов на русский и осетинский языки)

В настоящей статье, посвященной проблеме структурной организации поэтической формы речи, предпринимается попытка рассмотреть эллиптические конструкции (являющиеся специфическим средством поэтического синтаксиса, способным имплицитно передавать информацию) в свободном стихе немецкого типа в аспекте художественного перевода. На примере анализа поэтических произведений Ф.Г. Клопштока и И.В. Гёте, написанных свободными ритмами, и их переводов на русский и осетинский языки рассматривается лингвопоэтическая функция эллипсиса, способствующего концентрации поэтической информации в стихотворном тексте. Приводятся данные сравнительно-сопоставительного анализа структурных типов эллипсисов в свободных ритмах обоих авторов и в текстах переводов анализируемых стихотворных произведений на русский и осетинский языки, а также данные о частотности употребления эллипсиса в текстах оригинала и перевода. В результате проведенного исследования делается вывод об эллипсисе как характерной черте поэтического синтаксиса, в том числе и свободноритмического; о стремлении переводчиков сохранить в переводе функциональный потенциал эллиптических конструкций, выражающийся в экономии языкового материала в поэтическом тексте, создании его лаконичности, формировании особого ритма свободного стиха и, как следствие, об обязательном статусе данного синтаксического приема в стихах, лишенных рифмы и метрической схемы.

Ключевые слова: поэтический текст, структурная организация, поэтический синтаксис, свободные ритмы, художественный перевод, эллипсис, лингвопоэтическая функция, лаконичность, сравнительно-сопоставительный анализ.

Эффективность эллипсиса как синтаксического средства имплицитной передачи информации и его активное использование в устной и письменной речи обуславливает непреходящий интерес к его изучению как одной из самых «древних» (К. Бюлер) и наиболее дискуссионных проблем синтаксиса на протяжении всей истории развития науки о языке. Исследование эллиптических конструкций продолжается с античного периода, однако до сих пор многие их аспекты либо вовсе не изучены, либо изучены недостаточно.

В античной риторике *эллипсис* известен как фигура, производящая эффект «интеллектуальной неожиданности», основанный на контрасте синтаксиса и семантики, который возникает из структурной неполноты конструкции, ее открытости к домысливанию [8, с. 49]. Структурная неполнота проявляется чаще всего в выпадении строевых (семантически пустых) элементов конструкции, например вспомогательного глагола, а также в опущении полнозначных лексических элементов.

Следует отметить, что эллипсис, влияющий на объем высказывания посредством опущения одних членов синтаксических конструкций с целью усиления роли других, относится к традиционным поэтическим приемам, активно используемым поэтами для создания экспрессивности синтаксиса.

В поэтическом произведении автор выражает свои личные эмоции и переживания, в которых всегда остается некоторая недосказанность вслед-

ствие ограниченного объема произведения. В сжатом тексте стихотворного произведения эллипсис служит «компрессии» поэтического выражения, оставляя простор для интерпретации авторских интенций и выполняя таким образом особую лингвопоэтическую функцию в стихе.

В настоящей статье обсуждаются следующие два вопроса: 1) о специфике употребления эллипсиса в свободных ритмах как особом типе стиха, отличительной чертой которого является отсутствие четкого ритмического рисунка текста; 2) об особенностях перевода эллипсиса на русский и осетинский языки.

В свободных ритмах, лишенных твердо фиксированной, определенной правилами стиховой конвенции, метрической схемы, а также рифменных созвучий в конце стихотворных строк, и представляющих собой свободный стих немецкого типа [5, с. 42–43], отчетливо проявляется противоречие между синтаксисом и метром: «естественное и “вольное” движение синтаксиса в свободных ритмах сдерживается членением на строки, которые не дают дисметрическому верлибру превратиться в прозу» [4, с. 381]. Оставаясь стихом, но вбирая в себя синтаксическое богатство прозы, свободные ритмы являются «наиболее динамичной и выразительной формой, фокусом, в котором сходятся общие поэтические закономерности стиха и прозы» [3, с. 4].

В свободных ритмах особо важную роль приобретает лаконичность поэтической речи, вытека-

ющая из требований языковой точности и чистоты, умения подбирать и сочетать слова, придавать значение каждому отдельному слову, отказываться от всего лишнего с целью создания языковой компрессии. С нашей точки зрения, под лаконичностью следует подразумевать предельную отточенность поэтической мысли, что, в свою очередь, означает максимально возможную концентрацию языковых средств, необходимую для достижения краткости высказывания без потери в его выразительности [5, с. 110–111].

В качестве одного из таких синтаксических средств, способствующих концентрации поэтической информации в стихотворном тексте, выступают эллиптические конструкции, которые, являясь средством создания экспрессивности синтаксиса, находят в свободных ритмах благодатную почву для реализации своей особой лингвопоэтической функции – экономии языкового материала, с одной стороны, и выделения наиболее важного, по мнению автора, момента текста, с другой.

И действительно, из анализа эмпирического материала, в качестве которого использовались стихотворные произведения двух величайших представителей немецкой поэзии XVIII века Ф.Г. Клопштока и И.В. Гёте, явствует, что синтаксис в свободных ритмах рассматриваемых авторов изобилует эллиптическими конструкциями, которые в целом, как правило, сохраняются и в текстах переводов.

Следует подчеркнуть, что статистический анализ обнаруженных в ходе исследования эллипсисов в оригинальных и переводных текстах, результаты которого представлены в нижеследующей таблице, свидетельствует о стремлении авторов-переводчиков сохранить при передаче на язык перевода эллиптируемые элементы, что подтверждает исходное для предпринятого исследования положение о предельной концентрации поэтической мысли в свободных ритмах и указывает, на наш взгляд, на обязательный статус данного приема в условиях рассматриваемой художественной системы.

Как явствует из таблицы, на 185 стихотворных строк оригинального текста Ф.Г. Клопштока приходится 12 случаев использования эллипсиса; на такое же количество строк русского перевода – 13 примеров эллиптических конструкций.

Таким образом, коэффициенты частотности употребления данного приема в оригинальном тексте Ф.Г. Клопштока и его переводов на русский язык практически полностью совпадают. Аналогичная закономерность выявляется и при сравнении оригинального текста И.В. Гёте и его переводов на русский и осетинский языки.

Что касается качественной характеристики эллиптических конструкций, то сравнительно-сопоставительный анализ структурных типов эллипсисов в свободных ритмах обоих авторов и в текстах переводов анализируемых стихотворных произведений на русский и осетинский языки позволяет говорить об имеющихся в ряде случаев переводческих потерях.

Рассмотрим в качестве примера следующий отрывок из стихотворения И.В. Гёте «Wanderers Sturmlied» («Песнь странника», 1772):

Soll der zurückkehren,
Der kleine, schwarze, feurige Bauer?
Soll der zurückkehren, erwartend
Nur deine Gaben, Vater Bromius,
Und helleuchtend umwärmend Feuer?
Der kehren mutig? [9, с. 54]

Как видим, первая и последняя строки приведенного отрывка представляют собой конструкцию из двух параллельных структур, образующих неполный дистантный синтаксический параллелизм с распространением [см. об этом: 6, с. 54]. При этом во второй параллельной структуре, вследствие ввода в ее состав обстоятельства образа действия, выраженного прилагательным *mutig* и не имеющего соответствия в первой параллельной структуре, опускается модальный глагол *sollen*, и она являет собой, следовательно, эллиптическую конструкцию.

Таким образом, категория долженствования, выражающаяся как в немецком, так и в русском языках, как правило, модальными глаголами и представленная в оригинальном тексте в первой строке рассматриваемого отрывка модальным глаголом *sollen*, эллиптируется в последней строке.

Что касается приведенных ниже переводов анализируемого отрывка на русский и осетинский языки, то в русском переводе в качестве эллиптируемого элемента выступает не модальный глагол, а обстоятельство образа действия, выраженное прилагательным *mutig*, поскольку здесь составное

Таблица

Употребление эллиптических конструкций

Автор	Всего стихотворных строк	Количество эллипсисов	Коэффициент частотности (эллипсисы/строки)
Ф.Г. Клопшток (оригинал)	185	12	1/15
Ф.Г. Клопшток (перев. на рус. яз.)	185	13	1/14
И.В. Гёте (оригинал)	319	26	1/12
И.В. Гёте (перев. на рус. яз.)	319	27	1/12
И.В. Гёте (перев. на осет. яз.)	108	10	1/11

глагольное сказуемое *zurückkehren sollen*, содержащее в своем составе модальный глагол и выражающее таким образом долженствование (в тексте: *soll zurückkehren – должен вернуться*), изначально, то есть уже в первой строке фрагмента, лишается оттенка долженствования, будучи преобразованным в простое глагольное сказуемое, выраженное формой 3-го лица единственного числа будущего времени глагола *возвращаться* (в тексте: *вернется*). Ср.:

И он – вернется,
Тот поселянин, черный, горячий?
И он вернется, вновь доверясь
Твоей опеке, Бромий-праотец,
И теплу очага родного?

Вернется – смелый? [1, с. 82]

Подобное переводческое решение следует, на наш взгляд, расценивать как очевидную переводческую потерю, прежде всего, на лексическом уровне организации поэтического текста и, как следствие, на уровне смысла поэтического высказывания, несмотря на стремление переводчика минимизировать смысловые потери посредством ввода в состав второй параллельной структуры подлежащего *смелый*, выраженного субстантивированным прилагательным.

В осетинском переводе оттенок долженствования передается на лексическом уровне номинацией со значением модальности (*хъуамæ – должно, возможно, очевидно*), повторяющейся в обеих рассматриваемых параллельных конструкциях, и таким образом модальность сохраняется в тексте перевода:

Хъуамæ 'рыздаха фæстама,
Уцы гыщыл, сау, сыгъд зæхкусæг?
Хъуамæ 'рыздаха æрмæст
Дæ лæвæрттæм æнхъæлмæ кæсгæ, Фыд Бромий,
Æмæ дæ ирд судзгæ, хъарм дæттаг артмæ?

Хъуамæ æрцæуа хъæбатырæй? [2]

В качестве эллиптируемого элемента автор перевода на осетинский язык выбирает подлежащее, которое опускается как в первой, так и последней строках отрывка, образующих таким образом, так же как и в тексте подлинника, вариативный (неполный) синтаксический параллелизм, но не с распространением, как в оригинале, а с несовпадением синтаксических функций.

Следовательно, эллиipsis как результат преобразования синтаксической структуры можно рассматривать в качестве маркера перераспределения информации в рамках поэтического высказывания.

В большинстве же зафиксированных случаев употребления эллиптических конструкций в свободных ритмах рассматриваемых авторов структурные особенности синтаксиса подлинника при переводе сохраняются. Так, в нижеследующем отрывке из эпической поэмы Ф.Г. Клопштока «Der Messias» («Мессиада», 1773), обнаруживающем неполный параллелизм синтаксического по-

строения предложений в смежных стиховых рядах, во втором предложении, занимающем часть второй и третью строки, опускаются подлежащее *ich* и глагольный компонент устойчивого глагольно-именного сочетания *teil haben*, выраженный глаголом *haben* (в тексте: *habe kein Theil – не участвую*). В переводе на русский язык, на фоне используемой переводчиком трансформации глагольно-именного словосочетания (*Theil haben – принимать участие*) в имя существительное (*участник*), наблюдается аналогичная эллиптическая конструкция, в которой в качестве эллиптируемого элемента, так же как и в подлиннике, выступает подлежащее *я*, и тем самым выделяется наиболее важный фрагмент стихового высказывания. Ср.:

*Ich habe kein Theil an dir, ewiger Sünder,
Gottesleugner! kein Theil, an deiner finstern Entschliebung,
Gott den Messias zu tödten.* [10]

<...>

Я в безумстве твоём не участник.

*Нет, не участник в твоих замысленьях
восстать на Мессию!* [7]

Такого рода эллипсисы, которые систематически встречаются в свободных ритмах исследуемых авторов, играют важную организующую роль – они создают в подобных стихотворных произведениях особого вида ритм – часто смысловой, способствуя посредством экономии языковых средств не только достижению лаконичности, но и созданию живого доверительного диалога с читателем.

Эллиптические конструкции используются авторами и для того, чтобы наиболее реалистично изобразить на письме свою речь и передать тем самым свое эмоциональное состояние. Создаваемый тем самым подчеркнутый разговорный характер свободных ритмов устанавливает тесный контакт с читателем и создает доверительную атмосферу повествования, как в приведенном ниже пассаже из произведения И.В. Гёте «Ganymed» («Ганимед», 1774), состоящем из одних эллипсисов:

Mir! Mir!	Мне! Мне!
In eurem Schoße	На вашем лоне –
Aufwärts,	В выси!
Umfängend umfängen!	Объятый! обнимать!
Aufwärts	В выси, к самому сердцу
An deinen Busen,	Отца всеблагого! [2, с. 93]
Allliebender Vater! [9, с. 58]	

Итак, эллипсисы являются характерной чертой поэтического синтаксиса, в том числе и свободноритмического, в котором благодаря структурной неполноте эллиптических конструкций, экономящих место в сжатом поэтическом тексте и способствующих формированию его лаконичности, создается особое ритмическое оформление данного вида стиха. Эллипсисы, выражая эмоции и личные переживания автора, побуждая читателя к домысливанию и интерпретации авторских интенций, подчеркивают экспрессивный смысл всего высказывания, то есть участвуют в формировании

эмоционально-смысловой доминанты поэтического текста.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно констатировать, что при переводе свободных ритмов переводчики стремятся сохранить исходный лингвопоэтический потенциал эллиптических конструкций, а именно – создание языковой компрессии и лаконичности стихового высказывания, что в целом способствует передаче оригинальной эмоционально-смысловой доминанты поэтического произведения и сохранению в тексте перевода особого ритма свободного стиха.

Библиографический список

1. *Гёте И.В.* Избранные сочинения: в 3 т. Т. 1. Лирика. Западно-восточный диван: стихотворения: пер. с нем. / вступ. ст. Н. Вильмонта; коммент. М. Анкиста, Б. Акимова. – М.: Литература: Мир книги, 2005. – 480 с.
2. *Гёте И.В.* Бæлццонь тыхдымгайы зарæг / пер. на осетинский яз. А. Гусовой, 2016.
3. *Гончарова М.В.* Синтаксис свободных ритмов Р.М. Рильке как наследника классической традиции Ф. Клопштока – И.В. Гёте – Ф. Гельдерлина (на материале «Дуинских элегий» Р.М. Рильке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2011. – 22 с.
4. *Гучинская Н.О.* Хрестоматия по немецкой литературе XIX века: учеб. пособие для студ. пед. интов по спец. 2103 «Иностранный язык». – М.: Просвещение, 1984. – 335 с.
5. *Дреева Дж.М.* Феномен свободных ритмов в немецкоязычной поэзии XVIII–XXI вв.: генезис, становление, языковые особенности / под ред. О.В. Александровой. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2012. – 215 с.
6. *Дреева Дж.М.* Синтаксический параллелизм в немецких свободных ритмах XIX–XX веков (К вопросу об изосинтаксизме верлибра) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – Вып. 4. – С. 51–59.
7. *Клопшток Ф.Г.* Аббадона. Из поэмы «Мессиада» / пер. В.А. Жуковского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.proza.ru.
8. *Кострова О.А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие для вузов по спец. 033200 «Иностранный язык» / О.А. Кострова; Рос. акад. образования, Моск. психолого-соц. ин-т. – М.: Флинта, 2004. – 240 с.
9. *Goethe J.W.* Gedichte. – М.: Progress, 1980. – 502 S.
10. *Klopstock F.G.* Der Messias [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.versalia.de/archiv/klopstock/Messias_1_-_Erster_Gesang_1343.html.

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТОНАЦИОННЫХ ПАРАМЕТРОВ РЕЧИ ОРАТОРОВ В ПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОГО ПРОДУКТА (на материале устных презентаций американских предпринимателей Стива Джобса, Билла Гейтса и Марка Цукерберга)

В настоящем исследовании была предпринята попытка проанализировать мелодическое оформление речей ораторов в презентации нового продукта и выявить мелодические параметры, которые в наибольшей степени способствуют реализации функции убеждения. В ходе исследования автор сравнивает два вида речи: речь-презентацию и речь-интервью. Анализ мелодического контура проводился по трём параметрам: шкале, терминальному тону, скорости воспроизведения. В результате исследования автор приходит к выводу, что употребление постепенно нисходящей ступенчатой шкалы, шкалы со специальным подъёмом и мелодической конфигурации с элементами различных шкал является одной из ярких отличительных характеристик презентации нового продукта. Преобладающие терминальные тоны – простые нисходящие и простые восходящие. Замедление темпа является осознанным прагматическим средством реализации функции убеждения. Сопоставление полученных экспериментальных данных по двум видам речи между собой, а также с ранее установленными характерными номенклатурами шкал, ядерных тонов, величинами среднего количества слов позволили выявить специфику мелодической организации речи презентации нового продукта.

Ключевые слова: мелодика, аргументация, невербальная коммуникация, презентация, интервью.

Процесс глобализации, расширение делового сотрудничества и контактов, общедоступность информации создают необходимость детального изучения условий успешной коммуникации. В современной лингвистике существует тенденция изучения взаимосвязи просодии, лексики, синтаксиса и прагматики речевого общения.

В рамках настоящей темы представляется важным рассмотрение общих характеристик просодических средств оптимизации речевого сообщения в презентации нового продукта.

Устная форма презентации является специфическим жанром публичных выступлений, так как представляет собой результат сочетания двух разновидностей языка – устной и письменной. Более того, абсолютное большинство устных презентаций, проводимых в настоящее время, сопровождается фото- и/или видеорядом, что, несомненно, оказывает дополнительное воздействие на аудиторию. В настоящее время представляется необходимым выявление средств воздействия каждой из имеющихся разновидностей языка (устной и письменной) в сочетании с экстралингвистическими факторами.

Огромную роль в передаче информации играет невербальный канал общения, включающий не только кинетические действия, но и звуковую оболочку публичной речи, а именно её просодические средства реализации (тоновость, динамика звука, темп речи). Так, невыразительное использование тоновых и динамических возможностей, преувеличенно громкая речь, не соотносящаяся с размерами помещения, а также техническими средствами, опосредующими общение, слишком быстрый темп речи, равно как и форсированное акцентирование, замедленный темп речи – всё это не только свиде-

тельствует о неумении оратора говорить публично, но и мешает восприятию смысла его слов слушателем. Это особенно актуально для ораторского выступления, так как говорящий виден во весь рост, и при этом хорошо прослеживается его невербальное поведение.

Звук речи также сигнализирует об эмоциональном состоянии, в котором находится оратор в момент речи, что весьма существенно для интерпретации её смысла. Вполне естественно, что в публичном выступлении уместны лишь управляемые и стилизованные эмоции, причём степень их использования должна соответствовать как жанру публичного выступления, так и общепринятым для данного времени меркам [1, с. 336].

В одну из задач нашего исследования входит определение тех мелодических характеристик, которые в наибольшей степени способствуют реализации функции убеждения. С этой целью был проведён аудиторский анализ монологических высказываний ораторов во время презентации нового продукта. Речь-презентация является подготовленной и отрепетированной. Является закономерным тот факт, что именно во время речи-презентации оратор использует всё своё мастерство и умение для того, чтобы оказать наибольшее влияние на аудиторию. Для того чтобы наиболее полно раскрыть комплекс мелодических средств, направленных на реализацию функции убеждения, нам представляется необходимым сравнить подготовленную речь оратора (речь-презентацию) с менее подготовленной **речью-интервью** того же выступающего. Следует заметить, что в ходе интервью оратор также имеет цель в наиболее выгодном свете представить продукт своей компании, а следовательно, будет стараться использовать средства достижения функции убеждения. Он также может

предугадать часть вопросов, которые будут заданы в интервью, а значит, подготовиться к ним. В то же время ему приходится отвечать на вопросы, большая часть из которых заранее неизвестна, некоторые из них могут быть даже неожиданными, а значит, его речь нельзя назвать полностью подготовленной, поэтому мы будем её называть квазиспонтанной. Так как целью презентации нового продукта несомненно является стремление убедить аудиторию в его неоспоримом достоинстве и превосходстве, то, сравнивая просодические особенности подготовленной и квазиспонтанной речи, представляется возможным выявить те мелодические характеристики речи, которые в наибольшей степени оказывают влияние на слушателя в презентации нового продукта.

Основным материалом исследования послужили видеозаписи презентаций и интервью трёх американских бизнесменов-предпринимателей – носителей американского варианта английского языка. В корпус исследования вошли речи Стива Джобса, Марка Цукерберга и Билла Гейтса (Steve Jobs, Mark Zuckerberg, Bill Gates). С помощью носителя американского варианта английского языка были составлены письменные транскрипты этих выступлений. Анализу были подвергнуты тексты и записи двух речей каждого оратора, речь-презентация нового продукта и речь, произнесённая в ходе интервью. Общее время звучания всех речей составило 2 часа 47 минут 58 секунд. Узкий корпус исследования составил 12 минут 54 секунды.

Более подробная информация об ораторах, их презентациях и интервью представлена в таблице 1.

На *первом этапе* исследования была предпринята попытка определить **ключевые слова**, или слова-маркеры, используемые ораторами для презентации нового продукта в наиболее выгодном свете, а также те слова, которые оказывают наиболее сильное воздействие на слушателя. На данном этапе анализа аудиторам, пяти образованным американцам, было предложено прочитать вербальные тексты тех презентаций и интервью, которые

впоследствии были подвергнуты аудиторскому анализу, и подчеркнуть в них те слова и словосочетания, которые, на их взгляд, призваны представить продукт в наиболее выгодном свете и оказывают наиболее сильное воздействие на слушателя. Приведем отрывок из текста с выделенными в нём аудитором ключевыми словами:

This is a day I've been looking forward to for two-and-a-half years. Every once in a while, a **revolutionary** product comes along that **changes** everything. And Apple has been – well, first of all, one's very **fortunate** if you get to work on just one of these in your career. Apple's been very **fortunate**. It's been able to **introduce** a few of these into the world. 1984, introduced the Macintosh. It didn't just **change** Apple. It **changed** the whole computer industry. In 2001, we **introduced** the first iPod, and it didn't just **change** the way we all listen to music, it **changed** the entire music industry. Well, today, we're **introducing** three **revolutionary** products of this class. The first one is a widescreen iPod with touch controls. The second is a **revolutionary** mobile phone. And the third is a **breakthrough** Internet communications device. So, three things: a widescreen iPod with touch controls; a **revolutionary** mobile phone; and a **breakthrough** Internet communications device. An iPod, a phone, and an Internet communicator. An iPod, a phone... are you getting it? These are not three separate devices, this is one device, and we are calling it iPhone. Today, Apple is going to **reinvent** the phone, and here it is (Стив Джобс. iPhone Presentation, 2007).

После обработки всех данных, представленных пятью аудитором, автором были получены вербальные тексты всех выступлений. В них были выделены те ключевые слова, которые в своих вариантах текстов отметили двое и более аудиторов.

Далее методом сплошной выборки из презентаций были отобраны те участки речи (синтагмы), в которых присутствуют ключевые слова. Под синтагмой понимается фонетическое единство, характеризующее относительной смысловой завершенностью и функционирующее как самостоятельная

Таблица 1

Информация об ораторах, их презентация и интервью

Оратор	Общая информация об ораторе (возраст, образование, должность)	Название презентации и интервью	Год выступления
Стив Джобс	Годы жизни: 1955–2011. Образование: Рид-колледж, штат Орегон. Род деятельности: предприниматель, сооснователь и CEO компаний Apple , NeXT и Pixar	«iPhone Presentation», «Steve Jobs TV interview about iPhone»	2007
Марк Цукерберг	Возраст: 31 год. Образование: Гарвардский университет. Род деятельности: президент, генеральный директор компании Facebook	«Keynote on Timeline», «Fireside chat with Mark Zuckerberg»	2011
Билл Гейтс	Возраст: 59 лет. Образование: Вашингтонский государственный университет. Род деятельности: председатель совета директоров Microsoft	«Keynote on Windows Vista», «Bill Gates interview on Windows Vista»	2007

структурная единица. Общий объём звучания полученного таким образом малого корпуса составил 6 минут 47 секунд. Затем аналогичным образом нами были обработаны речи-интервью, которые мы рассматривали как квазиспонтанную речь. В результате были отобраны синтагмы, в которых также присутствуют ключевые слова.

Отобранные синтагмы были подвергнуты аудиторскому анализу, в ходе которого анализировались такие параметры, как **шкала, терминальный тон, скорость произнесения.**

Шкалы

На данном этапе аудиторского анализа изучению подвергался инвентарь шкал, для которых устанавливалась частотность употребления в каждой реализации (в %). В речи ораторов были выявлены следующие типы шкал: постепенно нисходящая ступенчатая, постепенно восходящая ступенчатая, высокая ровная, низкая ровная, постепенно нисходящая скользкая, постепенно восходящая скользкая, постепенно нисходящая скандентная, постепенно восходящая скандентная, шкала со специальным подъёмом. Мелодическая конфигурация фразы может также сочетать элементы различных шкал.

Результаты проведённого анализа презентаций показывают, что в предтерминальной части контура самое характерное явление речи ораторов – постепенно нисходящая ступенчатая шкала. Её частотность составляет в среднем 22 %, далее следует мелодическая конфигурация с элементами различных шкал (20,5 %), затем постепенно нисходящая скандентная (15 %) и шкала со специальным подъёмом (15 %). Менее употребимы постепенно восходящая ступенчатая шкала (14 %), постепенно восходящая скользкая (5,5 %), постепенно восходящая скандентная (4 %), высокая ровная (3 %), постепенно нисходящая скользкая (1 %). Низкая ровная шкала в нашем материале не была обнаружена (см. таблицу 2).

Сравнивая мелодические изменения в предтерминальной части контура в презентациях и интервью (подготовленной и квазиспонтанной речи), была обнаружена следующая тенденция: если в подготовленной речи презентаций лидирующими шкалами являются постепенно нисходящая ступенчатая (22 %) и мелодическая конфигурация с элементами различных шкал (20,5 %), то в квазиспонтанной речи наблюдается более равномерное распределение употребления различных шкал. Существенным различием также является тот факт,

Таблица 2

Частотность употребления шкал в речи ораторов (на материале устных презентаций), %

Ораторы	Шкалы	Стив Джобс	Билл Гейтс	Марк Цукерберг	Средн.
	Постепенно нисходящая ступенчатая	53	9	27	22
	Постепенно восходящая ступенчатая	14	19	0	14
	Высокая ровная	0	5	0	3
	Низкая ровная	0	0	0	0
	Постепенно нисходящая скользкая	0	0	7	1
	Постепенно восходящая скользкая	0	8	0	5,5
	Постепенно нисходящая скандентная	0	14	32	15
	Постепенно восходящая скандентная	0	7	0	4
	Шкала со специальным подъёмом	0	19	20	15
	Мелодическая конфигурация с элементами различных шкал	33	19	14	20,5

Таблица 3

Частотность употребления шкал в речи ораторов (на материале интервью), %

Ораторы	Шкалы	Стив Джобс	Билл Гейтс	Марк Цукерберг	Средн.
	Постепенно нисходящая ступенчатая	10	6	17	8,5
	Постепенно восходящая ступенчатая	0	21	17	16
	Высокая ровная	0	14	25	12
	Низкая ровная	16	5	0	7
	Постепенно нисходящая скользкая	0	10	8	7
	Постепенно восходящая скользкая	27	6	8	11
	Постепенно нисходящая скандентная	16	19	17	18
	Постепенно восходящая скандентная	10	0	0	2,5
	Шкала со специальным подъёмом	0	0	0	0
	Мелодическая конфигурация с элементами различных шкал	21	19	8	18

что процент употребления шкал со специальным подъёмом в презентационной речи составляет 15 %, в то время как данный тип шкал совсем не употребляется в речи-интервью. Учитывая то, что устная презентация является подготовленным видом речи, можно сделать вывод, что шкала со специальным подъёмом является одним из инструментов, используемых ораторами для достижения персуасивного эффекта. Следует также заметить, что в квазиспонтанной речи процент употребления различных видов восходящих шкал значительно выше, чем в подготовленной речи презентаций (см. таблицу 3).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что употребление постепенно нисходящей ступенчатой шкалы, шкалы со специальным подъёмом и мелодической конфигурации с элементами различных шкал является одной из ярких отличительных характеристик презентации нового продукта.

Терминальные тоны

Следующий этап аудиторского анализа был посвящён изучению мелодических изменений в терминальной части контура. Анализируя частотность употребления терминальных тонов в синтагмах, приходим к выводу, что номенклатура тонов, характерная для американского варианта английского языка, представлена почти полностью. Проанализировав данные публичных выступлений трёх ораторов в ходе презентаций, можно констатировать, что в их речи преобладают нисходящие тоны разного рода конфигураций и уровней, их показатель в целом – 59 %, среди них лидирующее положение занимает низкий нисходящий тон – 32 %, далее следует высокий нисходящий – 18 %, затем идёт средний нисходящий – 7 %, а на высокий нисходящий с начальным повышением приходится 2 %. На втором месте по частотности употребления после нисходящих тонов находится ровный тон – 7 %.

Таблица 4

Частотность употребления терминальных тонов в речи ораторов (на материале презентаций), %

Тон*	Билл Гейтс	Стив Джобс	Марк Цукерберг	Средн.
вН	27	10	10	18
вН с нач. повыш.	5			2
срН	7	7	5	7
нН	33	20	45	32
вНВ			5	2
ср/нНВ				
вВ	2			1
срВ	4	3	5	4
нВ	7		10	5
вВН		3		1
ср/нВН			5	1
нН + нВ		7		2
вН + нВ				
вН + вВ		3		1
вН + нН		13	5	5
нВ + нН		10	10	5
нВ + вН	2	7		3
вВ + нН		13		4
вВ + нНВ				
вВНВ				
Р	13	4		7

* *Примечание.* Тоны: вН – высокий нисходящий, вН с нач. повыш. – высокий нисходящий с начальным повышением, срН – средний нисходящий, нН – низкий нисходящий, вНВ – высокий нисходяще-восходящий, ср/н НВ – средний/низкий нисходяще-восходящий, вВ – высокий восходящий, срВ – средний восходящий, нВ – низкий восходящий, вВН – высокий восходяще-нисходящий, ср/н ВН – средний/низкий восходяще-восходящий, нН + нВ – низкий нисходящий + низкий восходящий, вН + нВ – высокий нисходящий + низкий восходящий, вН + вВ – высокий нисходящий + высокий восходящий, вН + нН – высокий нисходящий + низкий нисходящий, нВ + нН – низкий восходящий + низкий нисходящий, нВ + вН – высокий восходящий + высокий нисходящий, вВ + нН – высокий восходящий + низкий нисходящий, вВ + нНВ – высокий восходящий + низкий нисходяще-восходящий, вВНВ – высокий восходяще-нисходяще-восходящий, Р – ровный.

Далее идут низкий восходящий, высокий нисходящий + низкий нисходящий и низкий восходящий + низкий нисходящий – по 5 % каждый. Частотность использования остальных тонов составляет от 1 до 4 %, включая большой спектр сложных и составных тонов (см. таблицу 4).

В начале исследования было сделано предположение, что важное место в выделении ключевых слов будет играть нисходяще-восходящий тон. Многие авторы отмечают, что этот тон, отражая сложный, непрямолинейный ход мысли говорящего, поощряет и мыслительную деятельность реципиента, который должен понять, что сравнивает и подразумевает говорящий [2, с. 157]. Однако по результатам нашего исследования нисходяще-восходящий тон занимает очень скромное место – всего 2 %.

Высокий нисходящий тон вносит в речь говорящего элемент заинтересованности, придаёт выразительность его речи.

Наиболее типичным тоном, по результатам настоящего исследования, является низкий/средний нисходящий тон. Данный тон используется для передачи информации на более законченных по смыслу участках текста. Также было отмечено, что данный тон используется, когда оратор желает быть наиболее убедительным и считает произнесённое либо догматичным, либо статистически доказанным. Употребление нисходящих тонов в этом случае представляется логичным, так как в целях достижения функции убеждения ораторы часто

ссылаются на статистические данные, опыт известных людей, результаты научных исследований.

Незаконченность мысли, большая степень зависимости данного сегмента от других выражается также с помощью восходящего и ровного тонов. Употребление восходящих тонов наиболее вероятно в перечислениях, а также, помимо этого, привносит оттенок динамизма при описании ситуации. Исследователи отмечают, что в разговорной монологической речи американского варианта английского языка доминирует ровный тон [2, с. 154; 3, с. 98]. Данные нашего исследования показали, что данный тон не является доминирующим, однако занимает третье место среди номенклатуры тонов, характерных для речи презентации.

Рассмотрим частотность употребления терминальных тонов ораторами во время интервью. Данные показывают, что лидирующими являются нисходящие тоны – 62,5 %, из них низкий нисходящий тон – 28 %, высокий нисходящий – 19 %, средний нисходящий – 12 %, высокий нисходящий с начальным повышением – 3,5 %. Далее следует ровный тон – 20 %. На долю восходящих тонов приходится 8 % – низкий восходящий тон. Частотность использования остальных тонов составляет от 1 до 3,5 %, включая спектр сложных и составных тонов (см. таблицу 5).

Вслед за Д. Болинджером, одним из сторонников универсальной природы просодии, мы считаем, что просодия имеет прямую связь с долигви-

Таблица 5

Частотность употребления терминальных тонов в речи ораторов (на материале интервью), %

Тон	Билл Гейтс	Стив Джобс	Марк Цукерберг	Средн.
вН	18	17	25	19
вН с нач. повыш.	4	5		3,5
срН	17	5		12
нН	24,5	48	25	28
вНВ				
ср/нНВ				
вВ		5		1
срВ	6			3,5
нВ	4	5	33	8
вВН				
ср/нВН				
нН + нВ			17	2,5
вН + нВ				
вН + вВ				
вН + нН				
нВ + нН				
нВ + вН	2	5		2,5
вВ + нН				
вВ + нНВ				
вВНВ				
Р	24,5	10		20

Таблица 6

Количество слов, произнесённых в минуту в речи-презентации

Ораторы	Билл Гейтс	Стив Джобс	Марк Цукерберг	Среднее
Количество слов	170	80	157	135,7

Таблица 7

Количество слов, произнесённых в минуту в речи-интервью

Ораторы	Билл Гейтс	Стив Джобс	Марк Цукерберг	Среднее
Количество слов	157	185	184	175,4

стическим использованием мелодики для передачи эмоционального состояния – в форме фундаментальной мелодической оппозиции: подъем (интерес, возбуждение, незавершенность) – падение (отсутствие интереса, расслабленность, завершенность) [4].

Итак, можно сделать вывод о том, что преобладающими терминальными тонами в презентации нового продукта являются простые нисходящие и простые восходящие тоны, более скромные позиции занимает ровный тон. Ораторы избегают употреблять сложные тоны.

Скорость произнесения

Успешное восприятие речи во многом зависит от скорости произнесения высказывания. Одним из параметров в данном отношении выступает количество слов, произнесённых за минуту. В связи с этим на следующем этапе проведённого анализа были определены показатели данного параметра в речи ораторов, произносящих речь-презентацию и речь-интервью (см. таблицу 6).

Нами было обнаружено, что количество произнесённых ораторами слов в минуту во время презентации в среднем по трём ораторам составляет 135,7. Это значительно ниже нормы, специфичной для говорения, которая равна 200–220 слов в минуту, как указано в специальной литературе [5]. 150–180 слов в минуту являются нормой, характерной для чтения. Интересно заметить, что речь третьего оратора, Стива Джобса, который считается одним из наиболее выдающихся ораторов XXI века, характеризуется максимально низким темпом – 80 слов в минуту. Очевидно, что этот показатель не является физиологической особенностью данного оратора, так как из таблицы 7 мы видим, что среднее количество слов, произнесённых им во время интервью, составляет 185 слов в минуту. Показатели двух других ораторов во время речей-презентаций также отстают от нормы, специфичной для говорения. Это даёт нам основание утверждать, что замедление темпа речи во время презентации

является одним из просодических средств достижения персуасивного эффекта в презентации нового продукта.

Средний показатель скорости произнесения речи-интервью на 39,7 % выше среднего показателя речи-презентации. Даже учитывая тот факт, что исследуемые интервью носят квазиспонтанный характер, в них отдельные куски много раз проговорены, отработаны и произносятся на одном дыхании, данный показатель значительно превышает средний показатель по речам-презентациям. Это позволяет говорить о том, что замедление темпа является осознанным прагматическим средством реализации функции убеждения.

Таким образом, сопоставление полученных экспериментальных данных по двум видам речи между собой, а также с ранее установленными характерными номенклатурами шкал, ядерных тонов, величинами среднего количества слов позволили выявить специфику мелодической организации речи презентации нового продукта.

Библиографический список

1. Крчмова М. Участие звукового уровня текста в формировании стиля современных ораторских выступлений // Встречи этнических культур в зеркале языка: в сопоставительном лингвокультурном аспекте. – М., 2002. – С. 329–341.
2. Сибилёва Л.Н. Просодические средства прагматического воздействия в речи бизнесменов (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2009. – 254 с.
3. Углова Н.Г. Специфика мелодики и темпа дикторской речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале информационных программ американского телевидения): дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГЛУ, 2006. – 168 с.
4. Bolinger D. A theory of pitch accent in English // Word. – 1978. – № 4. – P. 109–149.
5. Laver J. Principles of phonetics. – Cambridge, 1994. – 707 p.

Каплина Маргарита Михайловнакандидат филологических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
kaplinamm@mail.ru**Жезлова Светлана Александровна**кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
zhezlova11@gmail.com

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются вопросы развития языковых и культурных контактов двух ведущих европейских государств: Франции и Германии. Географическое положение двух стран, история сотрудничества в области политики, экономики, науки и культуры неизбежно приводили к взаимному лингвистическому проникновению, что выражалось в совместных заимствованиях, пополнивших словарные составы языков. Французский язык обогатил немецкий понятиями из сферы моды и гастрономии, а во французский из немецкого языка пришли лексические единицы, связанные с военным делом, наукой и техникой. В настоящее время языковая ситуация в Европе кардинально изменилась. Многостороннее сотрудничество двух ведущих европейских держав практически не приводит к взаимному языковому обмену. Этот процесс уступил место монопольному распространению английского языка, его широкому внедрению в лексику рассматриваемых языков. Принципы языкового многообразия, провозглашенные ЕС, разрушаются через экспансию английского языка. Чрезмерное распространение английских заимствований представляет собой опасную тенденцию для французского и немецкого языков и их культур. В статье анализируются факторы, способствующие развитию данной ситуации, а именно: главенствующая позиция США в мировой политике, влияние средств массовой информации на язык моды, рекламы и молодежный жаргон; приводятся примеры заимствований из английского, успешно функционирующих в немецком и французском языках.

Ключевые слова: заимствования, галлицизмы, германизмы, языковые и культурные контакты, языковая экспансия.

В современном мире все чаще говорят о глобализации, общих тенденциях в развитии разных стран в области политики, экономики и культуры. Этот процесс отчетливо прослеживается в регионах, где в течение веков различные государства соседствуют географически и исторически. Карта Европы неоднократно перекраивалась, менялись границы, объединялись и распадались государства, это способствовало взаимопрокинновению культур, возникновению общего исторического и культурного наследия. Эта мировая тенденция достаточно явно прослеживается и в языке. «Соприкосновение языков, как писал Ж. Вандриес, является исторической необходимостью, и соприкосновение это неизбежно несет за собой их взаимопрокинновение» [1, с. 257].

Преподавание иностранных языков на современном этапе невозможно без учета проблем межкультурной коммуникации. Студенты должны воспринимать явления чужих культур, понимать и сравнивать феномены собственной и чужой культуры, неотъемлемой частью которой является язык народа. Знания значений слов и правил грамматик, отмечает С.Г. Тер-Минасова, явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо как можно глубже знать мир изучаемого языка.

В процессе преподавания мы сталкиваемся с заимствованиями в языках, аналогиями в истории стран, и это позволяет сделать вывод о том, что границы между странами и их культурами становятся размытыми. Так, немецкий и французский языки на первый взгляд имеют мало общего, они

даже относятся к разным группам (германский и романский соответственно), однако под влиянием вышеперечисленных тенденций взаимообогащаются и проникают друг в друга благодаря политике, экономике, науке, культуре.

В настоящее время можно говорить о едином социокультурном пространстве в Европе, а Франция и Германия в значительной мере определяют такое единое пространство и влияют на его формирование. Франция и Германия – два европейских государства, которые на протяжении веков являлись то союзниками, то врагами, а в настоящее время их взаимоотношения определяет диалог двух народов, имеющих общие корни, но отличающихся менталитетом и культурным наследием. Во времена империи Каролингов эти страны имели общую историю, а в эпоху правления Карла Великого входили в единую империю, имели одну религию, что и объясняет многочисленные совпадения в их языках и культурах [2, с. 14–15].

Многие исторические области сегодняшней Франции неоднократно переходили от одного государства к другому. Такие пограничные провинции, как Эльзас (Elsaß/Alsace) и Лотарингия (Lothringen/Lorraine), в результате войн переходили под покровительство то Франции, то Германии, о чем свидетельствуют названия ряда населенных пунктов этой приграничной зоны. Сегодня эта территория является примером диалога и взаимопрокинновения культур, большинство жителей владеют двумя языками, а географические названия дублируются на немецком и французском языках: Weisßenburg/Wissembourg, Hagenau/Haguénau, Metz/Montigny,

Mühlhausen/Mulhous, Zabern/Saverne, Straßburg/Strasbourg, Schlettstadt/Selestat.

В течение веков французы и немцы вели войны друг с другом, этим можно объяснить сложные отношения между данными народами. В немецком языке очень долго активно использовалось понятие «заклятый враг француз» (Erbfeind Franzose). Потепление во франко-германских отношениях началось с 60-х годов XX века, когда был подписан договор о дружбе и сотрудничестве, однако существовавшие столетиями предрассудки невозможно искоренить за несколько десятилетий. Французы и сегодня смотрят на своих восточных соседей свысока и соблюдают определённую дистанцию в отношениях с ними. Немцы ценят вклад Франции в развитие европейской цивилизации, богатую французскую историю, но не одобряют слишком легкомысленное отношение к жизни, хотя так называемый «французский стиль жизни» очень ценится среди немцев, живущих в приграничных областях. Не случайно в немецком языке существует поговорка, в полной мере отражающая отношение немцев к французам: «wie Gott in Frankreich leben».

Политические, экономические и ментальные преобразования в обеих странах повлияли на изменения в словарном составе языков. Проследить это можно по заимствованиям, то есть «процессу перемещения различных элементов из одного языка в другой» [4, с. 24].

Особенно сильное влияние французского языка на немецкий отмечено в XII, XIII и XVII веках. Галлицизмы обогатили немецкий язык рядом характерных лексических единиц из области моды, светской жизни, развлечений и этикета, наименованиями костюма, домашней обстановки, предметов роскоши, кулинарии и т. п., получивших международное хождение. Например, Mode, Toilette, Möbel, Korsett, Hotel, Omelette, elegant, Kompliment.

В области моды сохранились номинации французского происхождения, которые используются и в настоящее время: Garnasche, Culotte, Dessous Plissee, Robe, Silhouette, transparent, türkis, Tütü. Галлицизмы занимают особое место в словарном составе немецкого языка в целом и в немецком лексиконе моды в частности, что объясняется ведущим положением Франции в области индустрии моды и всего, что с ней связано (im Couture-Stil, elegante Ergänzung, extravagante Details).

Еще одна сфера, где галлицизмы широко представлены – это гастрономия. Немецкий язык охотно использует номинации реалий французского происхождения, в меню ресторанов они встречаются довольно часто, например: a la carte, Fondue, Baguette, Crêpe, Croissant, Pürre.

Ряд понятий политической и культурной жизни тоже являются собой заимствования из французского, некоторые из них используются в немецком языке достаточно долго, иные пришли в язык не-

давно, но благодаря средствам массовой информации довольно активно используются: Niveau, Engagement, Kampagne, Visier, Dossier, Milieu, Ingenieur, apropos, monströs.

Немецкий язык в свою очередь обогатил словарь современного французского языка большим количеством терминов военного дела, что было связано с религиозными войнами XVI века, Тридцатилетней войной XVIII века, войнами во время буржуазной революции 1789 года и двумя мировыми войнами XX века: bivouac, bunker, ersatz, parabellum, putsch. Развитие в Германии естественных наук способствовало привнесению во французский язык целого ряда научных терминов в области минералогии – cobalt, gangue, nickel; химии – protergol, aspirine; физики – quanta; биологии – gene, plasma. Широкое применение получили слова из сферы музыки – accordeon, harmonica, leitmotiv, valse; повседневной жизни – album, chape, poudre, landau, rosse.

Вторая половина XX века и начало XXI века демонстрируют кардинальные изменения языковой ситуации в европейском культурном пространстве. Франция и Германия, являясь двумя мощными экономическими державами, постоянно развивают двухстороннее сотрудничество в области бизнеса, образования, коммуникативных технологий. Политические и экономические соглашения двух стран остаются ключевыми в контексте объединенной Европы. Следует хотя бы назвать такие крупные совместные проекты, как Европейское космическое агентство, совместное предприятие по ядерной возобновляемой энергии (Areba), фармацевтическая компания «Aventis». Работа франко-немецкого культурного канала, создание совместной истории «Histoire – Geschichte» в 2006 году, публикация «La Gazette de Berlin» способствуют укреплению позиций французского и немецкого языков в обеих странах. Однако следует признать, что тесные экономические и культурные контакты двух соседних европейских держав практически не приводят к взаимному языковому обмену. Этот процесс уступил место монопольному распространению английского языка во всем мире, в том числе и в Европе, что привело к появлению термина «языковая экспансия». Среди факторов, поддерживающих данную ситуацию, можно выделить следующие:

- четверть населения Земли (примерно 1,5 млрд) пользуются английским языком;
- доминирующая позиция США на мировой арене;
- приоритетное изучение английского языка как иностранного;
- расширение английского языка как языка-посредника в правовой, академической и массмедийной сферах.

Основными источниками появления англицизмов являются реклама, интернет, музыка, кине-

магограф, спортивная сфера, косметическая индустрия. Германия и Франция широко реализуют образовательные программы на английском языке. Язык СМИ и разговорная речь сегодня представляют собой некую языковую разновидность, в основе которой лежит американский вариант английского языка. И во французском, и в немецком языках на сегодняшний день постоянно используются такие английские заимствования, как: chat, e-book, update, account, news, online, mail (интернет и коммуникация); cocktail, big mac, brunch, fast food, sandwich, lunch (гастрономия); body lotion, peeling, fitness, brushing, lifting (косметика); designer, outlet, dress code, ethno-look, shirt, shop, piercing, string, top model, look (модная индустрия); airbus, business class, jet, inter city (транспорт); superman, VIP, playboy, queen, star, single, bachelor, all inclusive, city, happy, lovestory, song, wow, cool, top, fun (молодежный жаргон).

Анализируя языковую ситуацию в Европе, исследователи приходят к выводу: «Инстанции ЕС, с одной стороны, провозглашают высокие идеалы языкового многообразия, а с другой – молчаливо соглашаются с экспансией английского языка. Такая позиция, безусловно, является двусмысленной. Однако она отражает двойственное отношение к этой проблеме самих европейцев, которые чисто житейски стремятся извлечь выгоду из наличия единого языка общения, но при этом сопротивляются официальному закреплению фактического статуса английского языка. Таким образом, лицемерие помогает скрывать разницу между реальным языковым поведением и декларируемыми принципами.

Тем временем распространение английского языка продолжается и его трудно остановить, поскольку оно происходит не в результате политических решений, а в результате добровольного выбора миллионов граждан, осуществляемого по чисто прагматическим соображениям» [5, с. 17–18].

Чрезмерная экспансия английских заимствований представляет собой опасную тенденцию для французского и немецкого языков и их культур. В Германии против массового включения английских слов в немецкий язык выступают такие многочисленные общественные организации и объединения, как Общество друзей немецкого языка, Союз немецкого языка и т. д. Сопротивляясь глобализации, французский язык объединяет

вокруг себя другие культуры в рамках франкофонии. Парламент Франции принял закон об использовании французского языка, известный как закон Ж. Тубона, где подчеркивается необходимость сохранения языка как «национального сокровища». Однако, как отмечают исследователи, «в условиях либерализации и глобализации государственные директивы не играют такой важной роли, как прежде; более эффективно действует всеобщий закон свободного развития языков под действием речевой практики обычных пользователей и специалистов» [3, с. 33].

Известно, что язык является хранителем национальной культуры. «Именно язык реализует, вербализует национальную культурную картину» [6, с. 55].

В сложившейся ситуации проблема сохранения языка должна решаться на национальном уровне. От решения данного вопроса зависит не только образ самой страны, но и будущее ее нации. Первостепенное значение приобретает также преподавание французского и немецкого языков в стране изучаемых языков и за их пределами. Преподаватель становится не только носителем языковой культуры, но и гарантом сохранения языка для будущих поколений.

Библиографический список

1. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 409 с.
2. Краткая история Германии / У. Дитмайер, А. Гестрих, У. Хермаанн и др. – СПб.: Евразия, 2008. – 542 с.
3. *Клоков В.Т.* Современный взгляд на языковую политику Франции // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2009. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 45–49.
4. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
5. *Крючкова Т.Б.* Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. – 2010. – № 1/34. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journal.mosinyaz.com/page30_34; в оригинале см.: *De Swaan A.* The language predicament of the EU since the enlargements // Sociolinguistica. – 2007. – № 21. – P. 17–18.
6. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

Макарова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет
makarovaen@mail.ru

ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются особенности интонационной системы испанского языка, в том числе вопрос о роли интонационных средств в выражении компонентов коммуникативной организации высказывания. Данная тема в современной испанистике активно дискутируется. Представлен анализ современных отечественных и зарубежных работ, посвящённых описанию интонационных характеристик испанской речи. Особое внимание уделено реализации различных видов испанского фразового ударения, проблеме его функциональной нагрузки и факторов, определяющих его позицию. Показано, что обсуждаемая проблема роли фразового ударения в выделении наиболее коммуникативно значимого элемента в испанском высказывании является дискуссионной и слабо освещена в современной лингвистической литературе. Рассмотрены особенности акцентного рисунка испанской фразы, в том числе обсуждается наиболее распространённая точка зрения на позицию главноударного слова: как в независимых от контекста высказываниях, так и в контекстно-зависимых высказываниях испанское фразовое ударение, как правило, реализовано на последнем слове.

В статье также представлены данные по фонетическим характеристикам фразового ударения в испанском языке, в том числе описана роль мелодического компонента, интенсивности и длительности в интонационном оформлении так называемого информативного ядра. Данные характеристики могут достигать на этом участке испанской синтагмы максимальных значений.

Ключевые слова: интонация испанского языка, фразовое ударение, фонетическая выделенность слова.

Испанский язык бедно представлен в отечественной лингвистической литературе: данных по испанской интонации и ее роли в реализации коммуникативного намерения говорящего мало. Полное и подробное описание интонационной системы испанского языка отсутствует. Разделы, посвященные описанию испанской интонации, есть в хорошо известных учебных пособиях по фонетике испанского языка Н.П. Карпова [3] и М.А. Баршака [2]. Анализ испанской интонационной системы, представленный в этих работах, выполнен в аспекте сопоставления с русским языком, поскольку пособия предназначены для обучения испанскому языку русскоязычных учащихся.

Фонетические характеристики испанской речи описаны в отечественных диссертационных исследованиях по испанской интонации, написанных в XX веке. В работах У. Обрегона Муньоса [6] и Л.З. Мазиной [5] на основе инструментального анализа рассматриваются особенности интонационной системы испанского языка, в том числе мелодический компонент и параметр интенсивности в высказываниях, принадлежащих к различным коммуникативным типам. Для указанных работ характерен сопоставительный подход – описание особенностей испанской интонации дается в сравнении с соответствующими характеристиками интонационной системы русского языка.

Поскольку интерес к исследованию испанского языка и его интонации растет, появляются новые работы по данной тематике. Характерной чертой современных исследований является обращение к разным функциональным стилям испанской речи, а также расширение спектра исследуемых национальных вариантов испанского языка: от пи-

ренейского до лагиноамериканских. Неизменным остается сопоставительный характер большинства работ, в которых сравнительному анализу подвергаются различные интонационные явления. Среди относительно новых работ можно назвать следующие: диссертационное исследование О.В. Абакумовой [1] с описанием ритмико-интонационных параметров детской речи в испанском и русском языках; диссертацию И.А. Кобяковой [4], посвященную изучению черт просодического варьирования речи, обращенной к детям; работу Е.В. Петровой [7], содержащую описание интонационных средств выражения вопросительности в испанском и русском языках; работу В.Е. Сибатрова [8] с анализом фонетических характеристик рекламных текстов на радио и М.В. Стехиной [9], представившую комплексный акустический анализ просодических особенностей испанского языка.

В зарубежном языкознании в последние годы испанскому языку уделяется большое внимание. Это объясняется и достаточно широкой распространенностью испанского языка в мире, и растущим интересом к его изучению в качестве иностранного. Однако работ, посвященных исследованию испанской интонационной системы и фразового ударения как одного из ее компонентов, не так много.

Изучение испанской интонации традиционно связывают с именем Т. Наварро Томаса, создавшего основу для изучения интонации испанского языка [15]. Зарубежные работы по интонации испанского языка выполнены на материале разных его вариантов. Кастильский диалект рассматривается в работах Т. Фейса [13], Э. Эстебаса-Вилапланы и П. Прието [12]. В ряде работ представлены данные по интонационным особенностям лагиноа-

риканских национальных вариантов. Предпринята попытка выявить интонационные характеристики, общие для различных вариантов современного испанского языка [10].

В последнее десятилетие отмечается интерес к изучению функциональных возможностей интонационных средств испанского языка, в том числе их участия в выражении коммуникативной организации высказывания. Обзор литературы по испанской интонологии позволяет говорить о том, что фразовая акцентуация испанского языка довольно долгое время оставалась вне исследовательских интересов. В немногочисленных отечественных работах по испанской интонации проблема функциональной нагрузки фразового ударения и факторов, определяющих его позицию, практически не затрагивается. Исключение составляют фрагментарные данные о просодических характеристиках выделенности слов в испанском высказывании. Вопрос о роли интонационных средств в выражении компонентов коммуникативной организации высказывания в испанском языке остается нерешенным и активно дискутируется.

В испанистике существует несколько терминов для обозначения наиболее выделенного в высказывании слова. При описании испанской синтагмы в работах середины XX века используется термин *тонема*. Принято считать, что впервые он встречается в работе Т. Наварро Томаса [15]. Вслед за испанским исследователем М.А. Баршак называет тонему, которой является последний ударный слог синтагмы и следующие за ним безударные, самой важной ее частью, поскольку «в большинстве случаев именно она определяет коммуникативный тип предложения, указывает на завершенность/незавершенность высказывания, подчеркивает смысловые центры» [2, с. 70]. В диссертационном исследовании Е.В. Петровой [7] также говорится о фонологической значимости именно завершающей части испанского высказывания, поскольку смысловозначительную функцию несет отрезок, включающий в себя последний ударный слог и безударные.

В современных работах испанских и латиноамериканских исследователей термин *тонема* заменен на термин *ядро* (*nucleus*), под которым понимается самый фонетически выделенный отрезок интонационного контура, который в испанском высказывании чаще всего совпадает с ударным слогом последнего слова. Термин *фразовое ударение* также активно используется в современных отечественных работах по испанскому языку.

Остановимся подробнее на позиции фразового ударения в испанской синтагме и определяющих ее факторах. Наиболее распространена следующая точка зрения: в независимых от контекста высказываниях фразовое ударение всегда реализовано на последнем слове, которое в подавляющем большинстве случаев является ремой.

Подробное описание интонационных характеристик основных коммуникативных типов высказывания в испанском языке с анализом конфигурации финальных базовых ядерных тонов представлено в нескольких работах [11; 15]. В некоторых зарубежных исследованиях по испанской интонации частота основного тона названа наиболее важным акустическим коррелятом как при воспроизведении, так и при восприятии речевых отрезков [13]. По мнению многих исследователей, именно мелодика определяет специфику испанских повествовательных высказываний. Их финальный лексический элемент, как правило, оформлен нисходящим тоном.

Особенностью испанской повествовательной синтагмы, в том числе по сравнению с русской, является ее мелодическая структура: «...нет существенной разницы между ударными и неударными слогами внутри синтагмы, в частности, нет резкого и значительного понижения тона на последнем слоге» [3, с. 137].

Вместе с тем многие испанисты, признавая важную роль мелодического компонента, отмечают, что для фонетической реализации фразового ударения также значимы интенсивность и длительность. М. Канеллада и Дж. Мадсен, анализируя фонетические характеристики так называемого информативного ядра (*núcleo informativo*), указывают, что при его оформлении в речи могут участвовать частота основного тона, интенсивность и длительность, которые могут достигать на этом участке максимальных значений [11].

Финальная позиция характерна не только для ремы в изолированных от контекста фразах, но и для элементов «нового» в контекстно-зависимых высказываниях.

В отечественной литературе встречаются фрагментарные упоминания о возможности фонетической выделенности слова в неконечной позиции. Так, Н.П. Карпов использует для обозначения способа выделения элементов внутри фразы термины *логическое ударение* и *эмоциональное (эмфатическое) ударение* [3, с. 194]. М.А. Баршак пишет о тонемах логического и эмфатического выделения, которые не тождественны «тонемам, являющимся заключительным тоном», одновременно употребляя термин *логическое ударение*, которое используется для подчеркивания оттенков мыслей и выделения важных частей суждений. Автор приводит пример такого подчеркивания, причиной которого является внефразовое противопоставление: *Esta vez te perdonamos (pero otra, no)* [2, с. 75] – *На этот раз мы прощаем тебя (а в другой – нет)*.

В зарубежной литературе также можно встретить данные о том, что в испанском языке нефинальный коммуникативный центр может выделяться исключительно интонационными средствами без изменения словопорядка. Речь

чаще всего идет о выделении элемента противопоставления. Т. Фейс [13] пишет о реализации фразового ударения на подлежащем, которое является элементом контраста, в односинтагменных высказываниях со структурой SVO.

По данным Т. Фейса, в таких случаях частота основного тона достигает максимума на ударном слоге элемента контраста вне зависимости от его позиции.

Анализ результатов исследований по испанской интонации показывает, что во многих национальных вариантах испанского языка нефинальный элемент противопоставления, на котором реализовано ударение контраста, характеризуется не только максимальным значением частоты основного тона и расширением диапазона, но и увеличением длительности ударного слога.

Сведения о выделенности фразовым ударением нефинального слова, не являющегося элементом противопоставления, чрезвычайно скудны. Такие случаи зафиксированы в ряде работ [14], однако детально не исследованы.

Анализ работ по интонации испанского языка свидетельствует, что в национальных вариантах испанского языка Латинской Америки много общего. Еще Т. Наварро Томас писал, что, несмотря на имеющиеся различия, интонационные характеристики латиноамериканских вариантов имеют общие черты [15]. Это подтверждают данные по десяти национальным вариантам испанского языка, представленные в сборнике «Транскрипция интонации испанского языка» под редакцией П. Прието и П. Розеано [16].

Ни в одной из работ нет информации о специфике позиции фразового ударения в каком-либо из изученных вариантов. Выявление возможных особенностей реализации фразового ударения в различных вариантах испанского языка представляется интересной для исследования задачей.

Библиографический список

1. *Абакумова О.В.* Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи: на материале русской и испанской детской речи: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000. – 283 с.
2. *Баршак М.А.* Испанский язык. Практическая фонетика. – М.: Высшая школа, 1989. – 223 с.

3. *Карпов Н.П.* Фонетика испанского языка. – М.: Высшая школа, 1969. – 235 с.

4. *Кобякова И.А.* Типологический аспект просодии речи, обращенной к детям (экспериментально-фонетическое исследование на материале рус. и исп. яз.): дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 170 с.

5. *Мазина Л.З.* Методика обучения студентов-иностранцев интонации русского языка (начальный этап контакта испанского языка с русским): дис. ... канд. пед. наук. – М., 1984. – 257 с.

6. *Обрегон Муньос У.* Смыслоразличительные возможности интонации испанского языка в сопоставлении с интонацией русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 174 с.

7. *Петрова Е.В.* Дифференциальный признак вопросительности в интонационной системе испанского языка (в сопоставлении с русским): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 195 с.

8. *Сибатров В.Е.* Лингвистические особенности испанской рекламы на радио: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 172 с.

9. *Стехина М.В.* Системная организация просодического пространства в современном испанском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2009. – 155 с.

10. *Beckman M.E.* Intonation across Spanish, in the Tones and Break Indices framework / M.E. Beckman, M. Díaz-Campos, J.T. McGory // *Probus*. – 2002. – Vol. 14, iss. 1. – P. 9–36.

11. *Canellada M.J.* Pronunciación del español. Lengua hablada y literaria / M.J. Canellada, J. Madsen. – Madrid: Castalia, 1987. – 254 p.

12. *Estebas-Vilaplana E.* La notación prosódica del español: una revisión del Sp_ToBI / E. Estebas-Vilaplana, P. Prieto // *Estudios de fonética experimental*. – 2008. – Vol. 17. – P. 263–283.

13. *Face T.L.* El foco y la altura tonal en español // *Boletín de lingüística (Universidad Central de Venezuela)*. – 2002. – Vol. 17. – P. 30–52.

14. *Labastia L.O.* Prosodic prominence in Argentinean Spanish // *Journal of Pragmatics*. – 2006. – Vol. 38, iss. 10. – P. 1677–1705.

15. *Navarro Tomás T.* Manual de entonación española. – Madrid: Guadarrama, 1948. – 239 p.

16. *Prieto P.* Transcription of intonation of the Spanish language / P. Prieto, P. Roseano. – München: LINCOM Europa, 2010. – 363 p.

Переверзева Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный университет физической культуры,
спорта, молодежи и туризма, г. Москва
natalja.pereverseva@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКОГО И МЕТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Теоретический подход к рассмотрению проблемы создания метафор и метонимий в немецком языке осуществляется через перенос значения как лексико-семантического словообразования, занимающего одно из ведущих мест в обогащении коллоквиального словарного состава немецкого языка. В обиходно-разговорном лексиконе зафиксировано большое количество основных единиц, в семантике которых выбор признаков для переосмысления лежит на виду. Это и внешний вид головы, и ее функции как органа мышления. Лексико-семантическое словообразование в немецком языке представлено образованием новых лексических единиц путем переноса значения с одного понятия на другое. Как правило, это переносы метафорического и метонимического характера с их разновидностями. Метафора представляет собой неиссякаемый источник пополнения словарного состава языка. Метонимия, создавая образ, при расшифровке сохраняет его, в метафоре же расшифровка образа фактически уничтожает, разрушает этот образ. И метафоры, и метонимии делятся на языковые и речевые. Вопросы метафоризации и метонимизации являются предметом разных научных дисциплин, преимущественно стилистики и лексикологии. При этом стилистика рассматривает эти два вида переноса как тропы, как стилистические средства повышения образности. В лингвистике существуют определенные различия в определении самих этих понятий. Метафора и метонимия – не только ресурс образной речи, но и экономный способ смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры – лексическом, синтаксическом и морфемном, путь качественного обогащения лексикона – от обиходно-разговорного до научно-терминологического. Такое понимание метафоры и метонимии дает ключ к более глубокому пониманию сущности деперсонификации человека на базе лексико-семантического способа словообразования. Деперсонификация служит для прямой и косвенной номинации человека в обиходной сфере с обязательной опорой на контекст речевого акта.

Ключевые слова: лексико-семантическое словообразование, персонификация, деперсонификация, человек, метафора, метонимия, контекст, обиходно-разговорная речь.

Вопросы лексико-семантического словообразования до сих пор не нашли более или менее полного освящения, несмотря на то, что в последнем столетии появился ряд исследований образования новых лексических единиц неморфологическим путем. Лексико-семантическое словообразование в немецком языке представлено образованием новых лексических единиц путем переноса значения с одного понятия на другое. Главным образом, это переносы метафорического и метонимического характера. Вопросы метафоризации и метонимизации являются предметом разных научных дисциплин, где делается попытка решения некоторых проблем, затрагиваемых в дальнейшем, к которым относятся метафора и метонимия как готовое метафорическое или метонимическое значение. Метафора и метонимия являются способами создания языковых образов мира, возникающих в результате когнитивного манипулирования существующими в языке значениями для создания новых концептов в тех сферах отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении, и некоторых других.

Термин метафора греческого происхождения (*metaphora*), что означает «перенос». Подразумевается перенос наименования с одного предмета на другой, если этот перенос оправдан какими-либо критериями. Во-первых, это может быть перенос между обоими понятиями, то есть между понятием, с которого переносится наименование (основ-

ное понятие) и тем, на которое переносится наименование (переносное понятие). Оба понятия в этом случае должны иметь что-то общее, связывающее, что оправдывает этот перенос. Это может быть внешняя схожесть предметов (реже – внешний контраст) или внутренняя схожесть, сходство функций.

Метафора представляет собой неиссякаемый источник пополнения словарного состава языка. Благодаря ей возникают как новые словарные единицы, так и синонимы к уже существующим единицам основного словарного фонда.

С помощью метафоры какие-либо новые предметы или явления могут получить объективно обусловленное и становящееся узуальным наименование. При этом очень часто этимология такого узуального наименования настолько затемнена, что мало кто может объяснить, почему что-то называется так, а не иначе. Так, *der Rücken* (спина) ведет свое «происхождение» от *Krummholz* (коряга), *Kreuz* (крест). Не связано ли с последним русское «крестец» (поясница)? В индоевропейских языках *Schultz* имело значение «предмет для копки, лопата». Может быть, именно поэтому немецкое *Schulterblatt* имеет русское соответствие «лопатка» – спинная часть скелета.

Узуальными стали в немецком и русском языке многие медицинские термины, обозначающие какую-то часть тела, организма человека. Обычно это композиты, но есть и корневые сло-

ва: *Mandel* – миндалина, *Zement* – цемент зуба, *Krone* – коронка зуба, *Linse* – линза (в глазу), *Blase* – волдырь, *Becken* – таз, *Lymphknoten* – лимфатический узел, *Adamsapfel* – адамово яблоко, *Rachenhöhle* – полость рта, *Augapfel* – глазное яблоко, *Glaskörper* – стекловидное тело, *Lungenflügel* – крыло легкого, *Nierenkelch* – почечная лоханка, *Herzklappe* – сердечный клапан, *Hodensack* – мошонка, *Knochengerüst* – скелет, *Schlüsselbein* – ключица, *Nasen-, Keilbein-, Stimhöhle* – полость носа, *Brustkorb* – грудная клетка. Только с органами слуха связано несколько метафор: *Ohrmuschel* – ушная раковина, *Ohrläppchen* – мочка уха, *Gehörgang* – слуховой проход, *Trommelfell* – барабанная перепонка, *Hammer* – молот, *Labyrinth* – лабиринт, *Eustachische Röhre* – евстахиева труба и т.д.

В известной мере наличие такого большого количества узуальных метафор, относящихся к человеку, могло повлиять на стремление носителей языка и дальше образовывать метафоры для номинации денотата человека и его лексико-семантического поля словами неодушевленной направленности.

С помощью метафоризации иногда возникают длинные ряды синонимов временного (стилистического, поэтического) или длительного характера (как результат лексико-семантического словообразования). Это имеет место тогда, когда перенос основного понятия на другое, уже имеющее свое наименование, существующее объективно в лексиконе, происходит по каким-то объективным или субъективным причинам. Если первая функция служит созданию новых основных понятий, то вторая функция создает новые парные к основным словам слова-заменители, уточнители временного или постоянного характера, которые часто отражают определенное отношение говорящего к предмету разговора, к денотату. Это отношение носит в метафоре оценивающий характер. В каждом высказывании всякий элемент не только значит, но и оценивает. Эта оценка не только формирует предметное значение, ей принадлежит творческая роль в изменении значений и приращении смыслов.

В качестве иллюстрации к вопросу о синонимии на базе метафоры можно взять существительное *Kopf* (голова). Это существительное входит сейчас в основной словарный фонд, являясь в диахроническом плане метафорой: *Kopf* значило «чаша, сосуд» (*Trinkschale, Becher*). Возможно, что свою роль сыграло уже существовавшее *Hirnschale* (резервный сосуд), но все это остается в рамках затемненной этимологии. Итак, в своем основном стилистически нейтральном значении *Kopf* – это голова, то есть важнейшая часть живого организма, вместилище мозга. Именно поэтому, видимо, это понятие часто участвует в метафоризации существующих наименований во многих языках, в тех случаях, когда нужно назвать что-то важное, выдающееся, центральное. Так, в русском языке

об умном, инициативном человеке говорят: «он голова», «он светлая, умная голова» и т.п. Важность хлеба как продукта питания подчеркивается в поговорке «хлеб всему голова». Идея разума, ума, важности, первоначности заложена во многих употреблениях этого существительного или его формы «голова»: городской голова, глава города, головной институт и т.п.

В немецком языке *Kopf* как часть человеческого тела может быть также перенесено на самого ее владельца: *er ist ein kluger Kopf* (Он – умная голова). Это существительное может официально метонимически употребляться как синоним к «человеку»: *pro Kopf der Bevölkerung* (на душу населения). Неодушевленные предметы, напоминающие по форме голову, могут именовать счетные единицы (*drei Köpfe Wirsing*), что часто соответствует русскому «голова сахара», «головка лука» и т.п. Это существительное входит в переносном значении во многие композиты: *Pfeifenkopf* (голова трубки), *Brückenkopf* (голова моста), *Schraubenkopf* (голова винта) и т.п. Известный обратный словарь Э. Матера содержит 85 композитов с основным словом *Kopf*, обозначающих неодушевленные предметы, то есть *Kopf* (голова) как объект номинации дает практически неограниченные возможности для создания новых слов [8, с. 69].

В обиходно-разговорном лексиконе зафиксировано большое количество основных единиц, в семантике которых выбор признаков для переосмысления лежит на виду. Это и внешний вид головы, и ее функции как органа мышления. Основную роль здесь играет восприятие работы мозга как деятельности. Являясь вместилищем мозга, голова воспринимается как своего рода «тара». Отсюда метафоры *Gehirnkasten* (чепенок), *Grützkasten* (голова, ум, смекалка), *Hirnkasten* (чепенушка), *Verstandskasten* (баушка), *Karton* (тара) и т.п. По внешнему виду и местоположению голова характеризуется как *Birne, Dach, Deckel, Giebel, Globus, Kohlrabi, Kürbis, Rübe, Keks, Nuss, Tomate, Wirsing* и др.

Если основная масса коллоквиальной метафоризированной лексики содержит в своем значении уничижительную коннотацию, в лексико-семантическом поле «голова человека» есть метафора положительной и даже высокой оценки. Это *Gedankengenerator* (голова, мозг), *Gedankencondensator* (голова, мозг), *Batterie* (голова, мозг), и др.

Само собой разумеется, что являясь своего рода омонимичной формой, однословная метафора требует для своей реализации контекст, в котором компоненты сочетания выступают только в одном предложенном значении, уточняя то слово, которое несет двойное значение – метафору. Иногда же метафора не ограничивается одним образом, а реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым ство-

лом. Такая метафора называется развернутой. Так, человека невысокого роста называют *eine halbe Portion* или *ein abgebrochener Riese*. Стержневыми словами являются в обоих случаях метафоры существительные. Связи дополнительных образов с центральными, по мнению И.Р. Гальперина, можно назвать метонимическими связями развернутой метафоры [1, с. 126].

Создание новых слов и значений путем метафоры – процесс не простой, в нем есть промежуточная стадия, когда нового слова еще нет, но его употребление уже стало привычным, начинает входить в норму. Появляется «языковая» метафора в отличие от «речевой», которую называют еще «поэтической». Речевая метафора обычно оригинальна, свежа, а языковая приобретает признаки штампованности. Языковая метафора представляет собой результат действия тенденции к экономии языковых средств выражения, типичной для обиходно-разговорной и известной в германистике как «закон бережливости» этих средств (*Ausdruckssparsamkeit* – экономия выражения), исследованием которых занимались многие германисты, видевшие большую «экономичность» лексико-семантического словообразования по сравнению с морфологическим. И именно здесь создатель слов опирается не на чувственно воспринимаемую структуру, систему родственных связей, а на абстрактный принцип сходства, смежности, аналогии. И, конечно же, большую роль при этом играет языковая традиция – компонент контекста, под которым понимается информация, не выраженная языковыми знаками, но существующая в реальной действительности [4, с. 27–38].

В конечном счете метафоризация и метонимизация приводят к созданию нового понятийного инвентаря на основе ассоциативных связей, сквозь которые окружающая действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме и таким образом принимает участие в создании языковой картины мира, которая навязывает носителю языка специфический взгляд на окружающее, присущий данному национально-культурному социуму, взгляд, являющийся результатом того, что метафора и метонимия вплетаются в концептуальную систему отражения мира, «окрашивают» ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом. [5, с. 154].

Базовые для метафоры и метонимии ассоциации представляют субъекту речи широкий спектр для интерпретации обозначаемого и для отображения любого количества «оттенков» смысла. Создавая мощные ассоциативные поля с помощью ограниченного количества средств выразительности, метафора и метонимия служат средством получения нового значения, возникающего в результате взаимодействия трех составляющих успеха:

мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в коммуникации, получающего языковую окраску в виде различного рода более или менее устойчивых коннотаций, которые указывают на языковой источник формирования гносеологического образа, «прикрепляя» его тем самым к данному языку [2, с. 46; 3, с. 19–21].

Язык фиксирует все, что принято считать национально-культурным достоянием народа. Поэтому включение языка в отображение действительности оказывается как возможным, так и в равной степени необходимым, ибо язык и вместилище нашей памяти. А метафора и метонимия выполняют роль призм, так как они способны обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде языковых единиц.

Такой взгляд на метафору и метонимию не возможен без участия в их создании человека, который и позволяет синтезировать в них этническую, социо- и психолингвистическую стороны, как результат синтеза конкретного и абстрактного, логику первого и второго порядка, гипотетичность и реальность, репродуктивно-ассоциативное и творческое (креативное) мышление. Таким образом, вслед за В.Н. Телией мы рассматриваем метафору, а с нею и метонимию, как модель смыслопреобразования [6, с. 188–189; 7, с. 196–204]. Человек использует при создании метафоры и метонимии уже существующие понятия, поэтому мы можем говорить о вторичной номинации каких-то объектов окружающей действительности.

Занимаясь проблемами метафоры и метонимии, лингвисты по непонятной причине много внимания уделяли персонификации и совершенно не занимались обратным явлением, когда значение наименования неодушевленного предмета переносится на одушевленный, переименовывая его в вещь. Имеется достаточно полное исследование переноса наименований животных на человека, которое получило терминологическое наименование «анимализация». Нам представляется возможным перенос понятий из сферы неодушевленной природы на человека называть «деперсонификацией» и если словари лингвистических терминов трактуют персонификацию используя немецкий термин *Beseelung*, то деперсонификацию можно терминализировать на немецкий язык как *Entseelung* или *Vergegenständlichung* (овеществление, опредмечивание).

Возникая в силу особенностей человеческого мышления, метафора и метонимия широко используются для создания языковой картины мира и служат средством получения знания о нем. Метафора и метонимия – не только ресурс образной речи, но и экономный и очень продуктивный способ смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры – лексическом, синтаксическом и морфемном, путь качественного обогащения лексикона – от обиходно-разговорного до науч-

но-терминологического. Такое цельное понимание метафоры и метонимии как объекта познания и лингвистического понятия дает ключ к более глубокому пониманию сущности деперсонификации человека на базе лексико-семантического способа словообразования.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд. литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Махова И.Н. Анимализация человека в коллоквиальной лексике современного немецкого языка: дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1999.
3. Малинин Б.А. Языком о языке. Университетские чтения – 2004. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – С. 19–21.

4. Модebaдзе Э.А. Метафора и метонимия. Русский язык в национальной школе. – М., 1977. – № 2. – С. 27–38.

5. Павлѐнис Р.И. Проблемы смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

6. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 186–196.

7. Телия В.Н. Номинативно-функциональные типы метафор и их роль в языковой картине мира. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 196–204.

8. Mater E. Rucklaufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1965. – 695 p.

УДК 81'42:81'373.612.2

Белова Татьяна Мухорамовна

кандидат филологических наук, доцент
Кемеровский государственный университет
tatbel42@mail.ru

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБОТРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ (на материале стихотворения «Congo» Л.С. Сенгора)

Метафора занимает одно из лидирующих мест в таких областях знания, как лингвистика, литературоведение, психология, философия. Понятие метафоры меняется с трансформацией представлений о человеке и окружающем мире. Индивидуально-авторская метафора представляет собой нечто большее, чем фигура по аналогии, она выражает точку зрения на мир, или еще точнее, создает с самого начала лингвистическую репрезентацию, основанную на персональном восприятии и вступающую в противоречие с общим восприятием. Материалом нашего исследования послужило стихотворение «Congo» Леопольда Седара Сенгора из поэтического сборника «Ethiopiennes». Предметом исследования являются все индивидуально-авторские метафоры, представляющие собой основную составляющую в организации индивидуально-авторской картины мира Леопольда Седара Сенгора. Авторские метафорические номинации, репрезентированные в данном поэтическом тексте, отчетливо выражают неповторимость и своеобразие африканской культуры, в которой доминируют чувственность, таинственность, символичность, отображают единение поэта с этой культурой и помогают понять особенности его мировосприятия.

Индивидуальная метафорическая картина мира Леопольда Седара Сенгора реализуется через совокупность взаимобусловленных авторских метафор, смысл которых выявляется на основе механизмов концептуализации значений, что позволяет поэту познавать окружающую действительность, делиться своими знаниями и опытом об окружающем мире.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, индивидуально-авторская метафора, индивидуальная картина мира, поэзия, метафорическое поле, лексико-семантическое поле.

Словесные образы, в том числе метафора, изучаются с давних времен. Самый факт существования метафоры обнаружен еще во времена господства греко-римской риторики. О метафоре много написано, и она продолжает занимать одно из лидирующих мест в таких областях знания, как лингвистика, литературоведение, психология, философия.

Среди ученых, внесших свой вклад в исследование данного феномена, следует упомянуть таких исследователей и мыслителей, как Аристотель, М. Блэк, К. Детри, М. Джонсон, Дж. Лаккофф, М. Квинтилиан, П. Фонтанье, М. Цицерон, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов, Н.А. Туралина и др.

Постепенно метафора занимает лидирующую позицию в науках о языке. В семантике, начиная с Бреала, метафора рассматривается через призму индивидуального воздействия личности на язык: любой язык, таким образом, состоит из бесконечного множества метафор, составляющих нашу повседневную речь. И сегодня прагматика видит в метафоре основной механизм речеобразования. Такая фигура, как метафора, не довольствуется функцией украшения речи. Она есть предпочтительное средство говорящего, который очень надеется быть услышанным через нее [3, с. 4].

В своей работе «Проблемы метафоры» французские лингвисты Ж. Молино, Ф. Соблен, Ж. Тамин характеризуют главные вехи в истории разви-

тия метафоры. Представления о человеке и мире меняются, и метафора приобретает новый смысл. В зависимости от культурной традиции, эпохи, личности ученого, метафора частично меняет границы, форму и смысл [8, с. 6].

Поль Фонтанье, французский литератор XVII века, подчеркивает, что метафора предусматривает выражение одной идеи через другую идею, более яркую и более известную, которая, впрочем, связана с первой идеей только некоторым соответствием или аналогией. Установленная форма метафоры, в основном, изученная лингвистами и риториками, это следующая форма: *Cet home est un lion*. Этот человек – лев [5, с. 99].

В лингвистической науке, начиная с середины XX века, при анализе метафорических номинаций исследователи опираются в большей степени на понятия, разработанные Дж. Лакофф и М. Джонсон.

Во-первых, на *gestalt expérientielle* (опытный гештальт), суть которого заключается в последовательной организации нашего опыта. Во-вторых, на метафорическую концептуализацию, которая позволяет воспринять новые ситуации, благодаря понятийным моделям, выражающимся через другие структуры нашей концептуальной системы, моделям, позволяющим нам понять абсолютно новую ситуацию и представить ее.

Метафоризация, основной целью которой является объяснение мироустройства, основанного на соотношении опыта, выступает как индикатор способа, при помощи которого говорящий воспринимает окружающий его мир. Говоря о метафорических процессах, Лакофф и Джонсон выделяют 2 типа. Либо они выражают восприятие мира, опираясь на простой физический опыт, моторику, оппозицию внутри/снаружи, понятие содержания и т.д., результатом в данном случае является онтологическая или ориентационная метафора, позволяющая нам общаться и делать заключения [6, с. 70]. Либо метафоризация заключается в применении одной концептуальной структуры к другой реальности: речь идет о структурных метафорах. В качестве иллюстрации здесь можно привести один из французских романов XVIII века «Опасные связи» Шодерло де Лакло, где отношения между полами рассматриваются через термины войны [2].

Обратимся к конкретным примерам из текста:

«*Mes lettres memes sont le sujet d'une petite guerre: non contente de n'y répondre, elle refuse de les recevoir*». – Сами мои письма являются предметом маленькой войны: не желая на них отвечать, она отказывается их получать.

«*J'ajoute que le moindre obstacle mis de votre part sera pris de la mienne pour une véritable déclaration de guerre*». – Я добавляю, что малейшее препятствие с вашей стороны, будет воспринято мною как настоящее объявление войны.

Слова, обозначающие действующих лиц, употребляются в метафорическом значении. Из 19 случаев употребления в тексте слова *un ennemi(e)* ни одно не обозначает противника в конфликте между государствами: все выражают отношения мужчина/женщина. Например, «<...> *de ce meme jour je serai ou votre amant ou votre ennemi*». – [...] с этого дня я буду или вашим любовником, или вашим другом.

Как видно из примеров, структурные метафоры накладывают свои собственные модели на наш опыт и, следовательно, его видоизменяют и формируют.

На самом деле, метафорическая концептуализация предлагает модель понимания реальности, опирающуюся на чувственные, двигательные, культурные практики в соответствии со словами, которые эти практики передают, на практику вещей, наполняющую их смыслом и трансформирующую их в понятия для читателя (слушателя).

Итак, теоретический анализ научной литературы по данному вопросу позволяет предположить, что традиционные определения метафорических высказываний базируются на том, что адресату необходимо осуществлять пояснительную работу, чтобы сократить то, что ему кажется неуместным на семантическом плане.

Эти подходы, по мнению французского лингвиста Катрин Детри, не задаются в достаточной степени вопросом ни в отношении того, кто производит метафорическое высказывание, ни о реальности, которую он пытается представить посредством этой номинации. Метафора представляет собой нечто большее, чем фигура по аналогии, она выражает точку зрения на мир, создает с самого начала лингвистическую репрезентацию, основанную на персональном восприятии и вступающую в противоречия с общим восприятием [4, с. 232]. Индивидуальный почерк автора, его слог проявляются уже в самом факте избирательности, предпочтительности определенных лексических средств, значений, которые становятся базой формирования образов [1].

Вслед за Н.А. Тураниной мы считаем, что индивидуально-авторская метафора является составной частью языковой картины мира и позволяет понять, с одной стороны, взаимообусловленность языковой и индивидуально-авторской метафор, с другой – специфику индивидуально-авторской метафоры, которая помогает глубже познать конкретную языковую личность и особенности ее миропонимания [1].

В настоящее время индивидуально-авторская метафора, механизмы ее формирования являются предметом многих лингвистических исследований. Полное и многоаспектное описание всего состава метафор в творчестве В. Маяковского, С. Есенина и А. Блока сделано в работе Н.А. Ту-

раниной (2000 г.); проблемы перевода оригинальной метафоры в художественном тексте и явление интерференции, сопровождающее этот процесс, отражены в работе Е.В. Бабуриной (2001 г.); особенности индивидуально-поэтической сочетаемости лексических средств в индивидуальной метафоре М.И. Цветаевой рассмотрены в работе Т.В. Лапутиной (2011 г.); языковые способы объективации индивидуально-авторских концептов Рэя Брэдбери находятся в центре внимания В.В. Литвиновой (2009 г.), композиционная роль метафоры в поэтическом тексте на материале сборника О.Э. Мандельштама «Камень» проанализирована в труде С.Ю. Феофилактовой (2008 г.).

Материалом нашего исследования послужило стихотворение «Congo» из поэтического сборника «Ethiopiennes» сенегальского поэта и философа Леопольда Седара Сенгора [9, с. 65–66]. Особый интерес к творчеству данного писателя вызван, во-первых, тем фактом, что Леопольд Седар Сенгор был первым черным писателем, избранным в 1983 году во Французскую Академию. Во-вторых, он является основателем теории «негритюда» – учения о неповторимом и совершенно особом характере негро-африканской цивилизации и культуры. В-третьих, поэт удостоен высшей степени французского Ордена Искусств и литературы за вклад в распространение искусства и литературы во Франции и в мире.

Внедренный посредством колонизации на африканский континент, французский язык в настоящее время занимает особое положение и выполняет важные коммуникативные функции. Он играет ведущую роль в обучении детей и, следовательно, в переходе Африки от устного способа передачи информации к письменному способу. С середины XX века французский язык становится языком современной африканской литературы.

Предметом данного исследования являются все авторские метафорические наименования, актуализированные в данном тексте и представляющие собой основную образформирующую составляющую в организации индивидуальной метафорической картины мира Леопольда Сенгора.

Поэзия Леопольда Сенгора характеризуется двойственностью, в основе которой лежат, с одной стороны, его происхождение – он уроженец Сенегала (страна западной Африки, бывшая французская колония), с другой стороны, его французское образование. Несмотря на сознание, сформированное французским колониальным господством, поэт сохраняет глубокие связи со своими корнями, африканской культурой, и все его творчество является этому подтверждением.

Обратимся к тексту произведения.

С самых первых строк автор погружает читателя в африканскую реальность, используя для этого такие лексические единицы, как: **kôras** – музыкальный

инструмент в Западной Африке, подобный арфе; **Congo** – самая большая река в Центральной Африке и самая многоводная река земного шара после Амазонки; **crécelles des cauris** – раковины, служившие монетой в Африке; **alizé** – сухой тропический ветер, дующий от тропиков к экватору; **lamantins** – крупные морские млекопитающие из рода сирен; **iguanes** – крупная ящерица; **P'impaludée** – зараженный малярией; **bambous** – бамбук; **Joal** – деревня к юго-востоку от Дакара; **panthère** – пантера.

Подзаголовок стихотворения «**Guimm pour trios kôras et un balafong**» подчеркивает важность слога для африканской поэзии и напоминает, что она, в основном, имеет устную форму и связана с песней. Сам поэт говорит следующее: «Слово – основной инструмент мысли, эмоции и действия. <...> Ритм – это архитектура личности, внутренний динамизм, дающий ей форму, волны, которые исходят от неё к Другим. Именно ритм дает слову наибольшую эффективность, которое трансформирует его в речь. Лучше всего можно ощутить сущность негритянского африканского ритма в стихотворении» [7, с. 204].

Река Конго является символом страны Конго. Используя многочисленные повторения – *rythmez* (6), *délivre-moi* (3), *amante* (2), *oho* (3), *femme* (4), *mère* (2), *pirogue* (3), *tam-tam* (2), *Congo* (2), *nuit* (5), *main* (2), *ventre* (2) и чередуя медленный и быстрый темп стихотворения, поэт оттеняет картину этой реки с её безмятежностью, быстротой и стремительностью одновременно.

Данное стихотворение представляет собой бесконечное множество авторских метафорических номинаций, объединенных вокруг таких метафорических полей как «Женщина», «Жидкость».

Итак, это – Женщина в различных ипостасях:

- властительница: *reine de l'Afrique domptée* (королева покоренной Африки);
- защитница: *mère de toutes choses* (мать всего);
- кормилица: *mère des crues nourrice des moissons* (мать паводков, кормилица урожая);
- любовница: *mon amante* (моя возлюбленная);
- богиня: *calme déesse* (спокойная богиня);
- спасительница: *délivre moi* (освободи меня).

Говоря о её внешнем облике, Леопольд Сенгор употребляет такие «живые» метафоры, как *fleurs sereins de tes cheveux* (безмятежные цветы твоих волос), *pétales si blancs de ta bouche* (такие белые лепестки твоего рта).

Метафорическое поле «Жидкость» представлено через следующие авторские метафоры:

- *corps d'huile* (масляное тело);
- *couchée dans ton lit de forêts* (лежащая в ложе лесов);
- *à l'appel irrécusable du gouffre* (на неопровержимый зов бездны);
- *surrection de mon sang* (воздымание моей крови);
- *nuit de mon sang* (ночь моей крови);

– les bruissements des Grandes Eaux (журчание Больших Вод);

– sur la crête de l'exultation (на волне ликования).

В данном поэтическом произведении наиболее широко репрезентированы лексико-семантическое поле «Эротизм» – lit (кровать), phallus (фаллос), amante (любовница), cuisses furieuses (сильные бедра), sexe (лоно, чресла), sein (грудь) и лексико-семантическое поле «Тело» – phallus (фаллос), langue (язык), tête (голова), ventre (живот), narines (ноздри), cuisses (бедра), bras (рука), corps (тело), peau (кожа), sang (кровь), sein (грудь), cheveux (волосы), bouche (рот), flanc (бок).

Анализ стихотворения «Congo» позволяет сделать вывод о том, страна Конго является для автора чем-то очень личным. Флору, фауну, топонимику страны, ее колорит поэт передает через индивидуально-авторские метафоры, а также посредством обращения к историческому и этнологическому контексту.

Таким образом, можно заключить, что авторские метафорические номинации, представленные в данном поэтическом тексте, отчетливо выражают неповторимость африканской культуры, в которой доминируют чувственность, таинственность, символичность, отображают единение поэта с этой культурой и помогают понять особенности его мировосприятия. Индивидуальная метафорическая картина мира Леопольда Седара Сенгора реализуется через совокупность взаимообусловленных индивидуально-авторских метафор, смысл которых выявляется на основе механизмов концептуализации значений.

Библиографический список

1. Туранина Н.А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/imennaya-metafora-v-russkoi-poezii-nachala-xx-veka> (дата обращения: 07.06.2016).
2. Choderlos de Laclos P. Les Liaisons dangereuses. – Paris: Flammarion, 1996. – 549 p.
3. Christophe Bruno. La Machine à Images. Stéréotypes et métaphores. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.youscribe.com/catalogue/ressources-pedagogiques/education/etudes-superieures/christophe-bruno-m2-langage-et-semiologie-ustv-ufr-lettres-sciences-1665614> (дата обращения: 25.01.2016).
4. Détrie Catherine. Du sens dans le processus métaphorique. – Editions Champion. Paris, 2001. – 300 p.
5. Fontanier P. Les figures du discours, Flammarion. – Paris, 1968.
6. Lakoff G. et Johnson M. Les Métaphores dans la vie quotidienne. – Éditions de Minuit. Paris, 1985. – 250 p.
7. Littérature Francophone. Anthologie. – Groupe de la Cité international Création-Diffusion. Paris, 1992. – 448 p.
8. Molino Jean, Soublin Françoise, Tamine Joëlle. Présentation: Problèmes de la métaphore. In: Langages, 1979. Lamétaphore. pp. 5–40.
9. Vurm Petr. Anthologie de la littérature francophone. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digilib.phil.muni.cz/data/.../monography.pdf> (дата обращения: 01.02.2016).

ВЫДУМАННЫЕ ЯЗЫКИ В ТВОРЧЕСТВЕ СТЕФАНО БЕННИ (на материале романа «Stranalandia» и рассказа «Il marziano innamorato» из сборника «Il bar sotto il mare»)

В статье ставится задача описать особенности выдуманных языков в работах современного итальянского писателя Стефано Бенни. Значительное внимание уделяется истории развития идеи создания искусственного международного языка, в том числе и на базе итальянского языка и диалектов (прежде всего венецианского диалекта, по проекту Анджело Фаччиоли). В статье приводится обобщенная характеристика самых ярких примеров международных языков, таких как волапюк, нейтраль и логлан. Идеи создания единого международного языка заключались чаще всего в поиске языка логически обоснованного. Так логлан был разработан для общения с искусственным интеллектом, а нейтраль объединил грамматику 7 языков. Приводится также и классификация выдуманных языков итальянского лингвиста А. Баузани, разделившего их на сакральные и не сакральные. Вторым критерием классификации является степень продуманности грамматики и фонетики языка. Основная часть статьи посвящена описанию и комментированию авторских языков Стефано Бенни, представляющих собой часть фантастических миров, созданных писателем. Это освальдесе, язык острова Страналандия, и марсианский язык. Нужно отметить, что выдуманные языки Стефано Бенни имеют комический характер, так как часто основываются на принципах языковой шутки. На освальдесе, например, говорит всего один человек, что позволяет ему интерпретировать названия дней недели согласно произошедшим событиям. Кроме того, в статье приводятся варианты расшифровки некоторых авторских неологизмов, при создании которых Стефано Бенни использовал итальянские диалекты. Изучение выдуманных языков, прежде всего, позволяет увидеть потенциал исходного языка.

Ключевые слова: выдуманные языки, языковая игра, неологизм, комическое, итальянская литература, Стефано Бенни, диалектизм.

Человека нельзя назвать пассивным пользователем языка. Мы непрерывно его преобразуем, по большей части бессознательно, в процессе ежедневной коммуникации. Можно вспомнить, например, такое явление, как языковая шутка – удачное соединение слов и смыслов, обычно привязанное к конкретной ситуации и живущее лишь короткий промежуток времени. Такие примеры языковой игры, нередко яркие и оригинальные, имеют чаще всего недолгий срок жизни или же существуют в рамках определенного сообщества (компании друзей, людей одной профессии и т.д.). Однако лингвисты и люди, серьезно относящиеся к языку, подходят к процессу языковорчества с особым вниманием.

Идея создания единого языка для межкультурного общения уже очень давно увлекает человечество. Такой язык навсегда бы разрушил противопоставление «свой – чужой», ведь чужой для нас – это, прежде всего, человек, не говорящий на нашем языке, немой, непонятный, враждебный. Все искусственно сконструированные языки направлены на нейтрализацию этого отчуждения, оптимизацию общения. В немалой степени это бунт против последствий Вавилонского столпотворения, в результате которого единый язык был утрачен.

Одним из первых выдуманных языков в литературе можно назвать язык лягушек и птиц в комедиях Аристофана («Лягушки» 405 г.до н.э. и «Птицы» 414 г. д.н.э.). Эти языки, конечно, были звукоподражательные.

Можно также упомянуть знаменитый волапюк (Volapük), прародитель эсперанто, разработанный немецким священником Иоганном Мартином

Шлейером. Название volapük состоит из двух слов: «vol» – мир и «pük» – язык. Нужно отметить, что И.М. Шлейер был полиглотом, знал около 80 языков и владел универсальным алфавитом для передачи звуков всех существующих языков. Фонетическая сторона языка изначально задумывалась как максимально простая. Например, практически отсутствовал звук [p], чтобы облегчить освоение волапюка детьми. Со временем популярность волапюка резко упадет из-за сложной грамматики.

Непростую и интересную историю имеет эсперанто, который сейчас некоторые исследователи больше не относят к разряду выдуманных языков: уже растет поколение людей с эсперанто в качестве родного языка. В СССР, например, эсперанто изучали как язык революции, а в 1920-х годах были выдвинуты предложения сделать эсперанто рабочим языком Лиги Наций. Людвиг Заменгоф выдвинул тезис «одна буква, один звук», стремясь упростить фонетическую сторону языка, и указал, что за модель произношения можно взять итальянский.

Менее известный, но в свое время завоевавший любовь немалого числа людей во всем мире, нейтраль, искусственный язык, созданный Академией волапюка в 1893–1898 годах под руководством В.К. Розенбергера (Санкт-Петербург). Это апосторный язык, его создание было основано на выявлении общих грамматических схем и лексем из 7 языков: немецкого, испанского, английского, французского, итальянского, русского и латыни. В результате Розенберг выявил около 11000 международных лексем.

Отдельного внимания заслуживает и знаменитый логлан, разработанный Джеймсом Куком

Брауном как экспериментальный язык для проверки гипотезы лингвистической относительности Сепфира-Уорфа, которая утверждает, что язык определяет мышление и способ познания реальности. Название языка – это аббревиатура Logical Language. Язык предполагает абсолютную точность и ясность, отсутствие неточностей естественных языков и изначально задумывался как язык для общения с искусственным интеллектом. Работы над созданием языка начались в 1955 году, а первые встречи говорящих на нем людей прошли в 1970-х годах.

Уникальная и сложнейшая работа была проделана составителями словаря выдуманных языков *Aga Magéra Difúra* – Паоло Альбани и Берлингиери Буонаротти [5]. По словам Умберто Эко, «чтение этого полезнейшего словаря – это как мысленно бродить по атласу или представлять, будто говоришь с марсианами или представителями звезды Сириус» (*«leggere questo godibilissimo dizionario sarà come navigare con la fantasia sull'atlante, o immaginare di conversare con marziani o siriani»*) [10, с. 242].

Паоло Альбани и Берлингиери Буонаротти собрали большой корпус выдуманных языков, с описанием и примерами. Во вступительной статье они, опираясь на работу Алессандро Баузани [6], приводят полную и аргументированную классификацию ВЯ (здесь и далее: *выдуманных языков*). Вслед за Алессандро Баузани авторы разделяют языки на сакральные, то есть созданные для общения с божеством или иными потусторонними силами, и не сакральные, имеющие чаще всего социальный контекст (или языки, придуманные писателями для воссоздания атмосферы литературного произведения). Это разграничение очень важно для понимания проблематики создания искусственных языков.

Паоло Альбани и Берлингиери Буонаротти также отмечают, что большую роль играет степень разработанности ВЯ. В некоторых случаях автор ограничивается созданием новой лексики или синтаксиса, оставив совершенно без внимания морфологию, которая как бы переносится из естественного языка на новую почву. Другой вариант, когда морфология и лексика придуманы, а фонетика целиком и полностью выдает родной язык автора.

Наконец, существует немало примеров столь совершенного замысла нового языка, когда не только продумывается грамматика и лексика, но и новая система письма. Например, сольресоль – искусственный язык, изобретенный Жаном Франсуа Сюдром в 1817 году на основе семи нот диатонической гаммы. Всего в этом языке примерно 3000 слов (односложные, двусложные, трехсложные и четырехсложные). Слова объединены по смысловым категориям: все, которые начинаются с «соль», относятся к наукам и искусству (*soldoremi* – театр, *sollasila* – математика), начинающиеся на «сольсоль» – к медицине и анато-

мии (*solsoldomi* – нерв). Синонимы в сольресоле отсутствуют. Идея антонимии передается путем перестановки слогов: *misol* – добро, *solmi* – зло [5, с. 382–383].

Согласно статистике, современные создатели выдуманных языков чаще бывают математиками, адвокатами, учителями, священниками и врачами, а вовсе не обязательно учеными-лингвистами. Создание языков в настоящее время приобретает невиданный масштаб, поскольку все больше входят в моду искусственные миры, которые ВЯ и призваны обслуживать (миры фантастических книг, фильмов, компьютерных игр и т.д.).

Роман-бестиарий «Страналандия» современно-го итальянского писателя Стефано Бенни дает нам прекрасную возможность изучить модель создания нового языка на базе итальянского. В литературе контекстом создания ВЯ нередко становится жанр травелога, ведь описывая обнаруженную, неизвестную до сих пор землю, естественно представить новый необычный язык, на котором там говорят.

По сюжету романа два ученых-биолога Кумбертус и Люпус после страшного шторма оказываются на таинственном острове. Основная часть романа – это своеобразный бестиарий, описывающий удивительных существ, населяющих остров Страналандия (*Stranalandia*). Ученые в том числе составляют и описание местного языка, который называется «освальдским» (*osvaldese*), по имени единственного жителя острова, Освальдо. Само наличие у него собственного языка в таких неблагоприятных с точки зрения коммуникации условиях сразу же создает комический эффект: общаться ему на этом языке совершенно не с кем.

Освальдесе появляется в первой же главе романа, когда мы знакомимся с Освальдо. Интересно, что исследователи сразу указывают на внутреннюю логику языка как на основной определяющий фактор. Классик языкознания Вильгельм фон Гумбольдт писал, что различия между языками «... суть нечто большее, чем просто знаковые различия, что слова и формы слов образуют и определяют понятия и что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [1, с. 370].

Одиночество аборигена на острове Страналандия играет важнейшую роль для становления его языка. Освальдо в буквальном смысле сам для себя становится мерой всех вещей: «освальдо» – это единственная единица измерения в его мире (см. табл. 1).

Имя Освальдо участвует также и в создании неологизмов: *osvaldo* – *amico* (освальдо – друг), *nosvaldo* – *nemico* (*no*+ *osvaldo* – враг), *chisvaldo* – *un tipo poco chiaro* (*chi*+ *osvaldo* – незнакомец) [1, с. 130].

Таблица 1

Единицы измерения острова Страналандия

Цитата	Перевод
Osvaldo è alto un <i>osvaldo</i> , un albero è alto tre <i>osvaldi</i> , il mare è profondo all'incirca dieci <i>osvaldi</i> .	Освальдо ростом в один <i>освальдо</i> , высота дерева – три <i>освальда</i> , глубина моря – примерно десять <i>освальдов</i> .
Ho preso un pesce che era almeno due <i>osvaldi</i> .	Я поймал рыбу весом, по крайней мере, два <i>освальда</i> .
Ieri c'erano almeno venti <i>osvaldi</i> all'ombra.	Вчера было, по крайней мере, двадцать <i>освальдов</i> в тени.

Таблица 2

Дни недели на острове Страналандия

День недели	Расшифровка от автора	Комментарий
<i>Luvedì</i> <i>Lucidì</i>	<i>Giorno in cui Osvaldo raccoglie l'uva</i> День, в который Освальд собирает виноград. <i>Lucidare il pavimento di casa.</i> Начистить полы в доме.	<i>Lunedì</i> + <i>uva</i> – понедельник + виноград. <i>Lunedì</i> + <i>lucidare</i> – понедельник + натирать, чистить.
<i>Maredì</i>	<i>Passeggiata con Maria Delfina.</i> Прогулка с Марией Дельфиной.	<i>Martedì</i> + <i>Maria</i> – вторник + Мария.
<i>Mermedì</i> <i>Merdedì</i>	<i>Osvaldo fa le marmellate.</i> Освальдо варит джем. <i>Brutto tempo, giorno di depressione.</i> Плохой, депрессивный день.	<i>Martedì</i> + <i>marmellata</i> – среда + джем. <i>Martedì</i> + <i>merda</i> – среда + дерьмо.
<i>Giochedì</i>	<i>Giorno da poker con Lupus, Kumbertus e Biro.</i> День покера с Люпусом, Кумбетусом и Биро.	<i>Giovedì</i> + <i>giocare</i> – четверг + играть.
<i>Vermedì</i> <i>Volpedì</i>	<i>Alla ricerca di vermini per la pesca.</i> В поиске червей для рыбалки. <i>Vista una volpe sulla collina.</i> На холме видели лису.	<i>Venerdì</i> + <i>verme</i> – пятница + червяк. <i>Venerdì</i> + <i>volpe</i> – пятница + лисица.
<i>Sarago</i> <i>Sambato</i>	<i>Tutto il giorno a pescare.</i> Весь день на рыбалке. <i>Suonato tutto il giorno il samba.</i> Весь день исполняем самбу.	<i>Sabato</i> + <i>sarago</i> – суббота + большой морской карась. <i>Sabato</i> + <i>samba</i> – суббота + самба.
<i>Domanica</i> <i>Doremica</i>	<i>Giorno di riposo in cui si rimanda tutto a domani.</i> День отдыха, все откладываем на завтра. <i>Ancora musica tutto il giorno.</i> И снова музыка целый день. [7, с. 77].	<i>Domenica</i> + <i>domani</i> – воскресенье + завтра. <i>Domenica</i> + <i>do re mi</i> – воскресенье + ноты до ре ми.

Стефано Бенни известен в Италии и Европе, прежде всего, как писатель с великолепно развитым воображением: язык его рассказов и романов за оригинальность и изобилие неологизмов получил название «*bennilingua*» («язык Бенни»). Именно безграничные возможности писательского воображения расширяют границы языка, выявляют его скрытые ресурсы. Такие лингвистические эксперименты и являются языковой игрой. По словам И.В. Данилевской, «чаще всего языковая игра связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать «свежий, новый образ» [2, с. 657].

В процессе создания языка острова Страналандия Стефано Бенни не отошел от своих любимых приемов. Одним из них является расчленение словоформы с дальнейшим шутивным обыгрыванием получившихся частей. Этот прием называют также шутивной этимологией, его часто используют в анекдотах. Немало примеров такой этимологии приводит Б.Ю. Норман в книге «Язык: знакомый незнакомец» (графин – муж графини, фаталистка – невеста и так далее) [3].

В освальдесе глагол *avere* (иметь, обладать) имеет следующую парадигму:

O (stupore) – О (удивление)

Ahi (dolore) – Ай (боль)

Aha (risata) – Аха (смех)

Amo (con una mano sul cuore) – Люблю (с рукой у сердца)

A te (con un pernacchio) – Тебе (неприличный жест рукой)

Ah, no! (indignato) – Ах, нет! (с негодованием)

Комическое заключается в том, что обыгрываются глагольные формы и окончания итальянского языка, которые по звучанию совпадают с междометиями («о» – удивление, «ай» – боль, «аха» – смех), с другой глагольной формой («*amo*» – я тебя люблю) или со словосочетанием («*a te*» – тебе).

В парадигме глагола *essere* (быть, являться) также есть пример такой языковой игры: форма на 2 лицо множественно число (в итальянском – *siete*) в освальдесе соответствует – *ho sete* (в переводе – «хочу пить»), а 3 лицо множественно числа (в итальянском – *sono*) – *ho sonno* («хочу спать») [7, с. 77].

Еще один способ формирования авторских неологизмов – контаминация (или *«parola macedonia»*). Это сращение в одно новообразование слов, близких по строению, звучанию или значению (от лат. *contaminatio* смешение). В освальдесе по этому принципу образованы названия дней недели. По словам Освальдо, он не использует конкретное слово для каждого дня недели, все зависит от того, что в этот день произойдет, именно на этом и основывается языковая игра (табл. 2). Названия дней недели на итальянском соединяются как с существительными, так и с глаголами, а вторник обыгрывается с именем собственным. Стефано Бенни очень часто дает непосредственно в тексте объяснения неологизмов, в данном случае это обусловлено жанром романа – псевдонаучное описание фантастической страны (табл. 2).

Числительные в освальдесе являются звуковым переосмыслением английских и строятся по модели римских числительных: *uank* – 1, *uank uank* – 2, *uank uank uank* – 3, *suank* – 4, *suank uank* – 5 («*uank*» от английского «*one*») [7, с. 78].

Кроме освальдесе в других произведениях Стефано Бенни также встречаются фрагменты искусственных языков, например, марсианский язык в рассказе «Влюбленный марсианин» («*Il marziano innamorato*») из сборника «Бар под морем» («*Il bar sotto il mare*» 1987 г.). В рассказе встречается слово *lazigàr*. По контексту легко догадаться, что это глагол «плакать». Словарь диалектизмов подтверждает, что в регионе Венето используется глагол *zigàr* именно в этом значении [9]. Можно также предположить, первый слог этого глагола заимствован от слова «*lacrima*» («слеза»).

Цитата: *Ma avvenne che una notte, mentre <...> guardavamo le mille stelle dell'Universo, lei si strinse a me e cominciò a lazigàr* [6, с. 66].

Перевод: Но однажды ночью, когда мы <...> любовались на тысячи звезд Вселенной, она прижалась ко мне и расплакалась.

В этом же рассказе только что прибывший на Землю марсианин обращается к землянину с такой фразой: «*Zukunnuk dastrunavi baghazzaz minkemullu mekkanikuz!*» [6, с. 64]. Этот бессмысленный на первый взгляд поток звуков, передающий фантастическую речь инопланетной цивилизации, при внимательном рассмотрении обнаруживает измененные итальянские и диалектальные слова. Кроме относительно очевидных «*astronave*» («*dastrunavi*») и «*meccanico*» («*mekkanikuz*»), можно предположить, например, что «*minkemullu*» восходит к «*minchia molle*», сицилийскому ругательству [9]. Многократное употребление «*u*» вновь отсылает нас к южным итальянским диалектам.

Стефано Бенни часто использует диалектальные слова при создании неологизмов, поскольку диалектизмы изначально несут ярко выраженную эмоциональную окраску.

Бенни не первый обратил внимание на выразительный потенциал диалектов. Отдельную и весьма интересную тему для исследования представляют собой выдуманные языки, созданные как раз на базе итальянского языка и диалектов. Например, «*Italiano moderno* \ *Lingua de Nazioni*» – проект универсального языка 1931 года Анджело Фаччиоли, который взял за основу венецианский диалект. По мнению Фаччиоли, лучший язык – это язык, который находится в гармонии с законами искусства и логики, творение человеческого разума и души, язык простой и живой. Венецианский диалект характеризуется практически полным упразднением артикля, отсутствием удвоений, легкостью произношения. Кроме того, в данном языке нет *passato remoto*, самого неправильного и сложного времени итальянских глаголов («*il piu' irregolare e difficile tempo dei verbi italiani*») [5, с. 11].

Возвращаясь к приведенной ранее классификации ВЯ, мы можем констатировать, что языки Стефано Бенни не являются сакральными, поскольку используются автором для описания вымышленного мира литературного произведения. Все изобразительные средства языка, неологизмы направлены на создание комического эффекта. В данном случае фонетика остается итальянской, авторская языковая игра основана как раз на созвучии естественным формам с наполнением неожиданным значением.

Нужно отметить, что ВЯ на современном этапе их развития чаще всего доходят до широких масс через фантастические фильмы, в которых персонажи получают возможность говорить на этих странных языках. В таких случаях создатели получают возможность разработать звукоподражательный аспект ВЯ, подчеркивая его непохожесть на знакомые языки. Например, клингонский язык, созданный для популярного сериала «Звездный путь», характеризуется максимально непривычными для нас звуками (гортанными смычками и т.д.). Дотракийский язык, чей фонетический аспект был специально разработан для сериала «Игра престолов» (в книге все ВЯ передаются английским языком), схож по звучанию с эстонским, русским, турецким и суахили.

Выдуманные языки в контексте художественного произведения являются важнейшим стилистическим компонентом, а лингвистам предоставляют уникальную возможность рассмотреть потенциал исходного языка, поскольку нередко неологизмы образуются по конкретным словообразовательным моделям. Подробно с особенностями неологии в творчестве Стефано Бенни можно ознакомиться в статье «Авторский неологизм как одна из составляющих языковой игры (на материале романа Стефано Бенни «Баол. Одна спокойная ночь времен режима»)» [4]. Так выдуманные языки Стефано Бенни дают нам представление о семантике и словообразовательном потенциале итальянского языка.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 448 с.
2. Данилевская Н.В. Языковая игра. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М., 2003. – С. 657– 660.
3. Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. – Минск, 1987. – 222 с.
4. Свиридова Е.Е. Авторский неологизм как одна из составляющих языковой игры (на материале романа Стефано Бенни «Баол. Одна спокойная ночь времен режима») // Scripta manent: сборник статей ученых-филологов / отв. ред. М.П. Тихонова, ред. Е.Ю. Кожина, А.З. Тавасиева. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2015. – Вып. XXI. – С. 163–170.
5. Albani P., Buonarotti B. Aga Magéra Difúra: dizionario delle lingue immaginarie. – Zanichelli, Bologna, 1994. – 480 p.
6. Bausani A. Le lingue inventate. Linguaggi artificiali. Linguaggi segreti. Linguaggi universali. – Roma: Ubaldini Editore, 1974. – 156 p.
7. Benni S. Il bar sotto il mare. – Milano, Feltrinelli, 1989. – 196 p.
8. Benni S. Stranalandia. – Feltrinelli, 1989. – 112 p.
9. Dizionario dei dialetti d'Italia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.dialettando.com/dizionario/hitlist_new.lasso](http://www.dialettando.com/dizionario/hitlist_new.lasso?saltarec=25&results_curpage=2&parola=piangere&campo=Italiano&parola_italiano=piangere&parola_dialetto=&localita=®ione;)
10. Eco U. KUABRIS DEFRA BAX REXULON UKZAAB (Aga Magéra Difúra. O no?) // L'Espresso. – 1994. – 4 novembre. – С. 242.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.53

Веселов Игорь Геннадьевич

Правовое управление Аппарата Государственной Думы ФС РФ, г. Москва
veselov@duma.gov.ru

Комаров Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва
SVKomarov2008@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИИ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ЧАСТЬ 1)

В статье излагаются особенности правового мониторинга как одной из наиболее значимых юридических технологий в законотворческой деятельности, обосновывается задача институционализации правового мониторинга как юридической технологии по экспертному обеспечению законодательной деятельности Государственной Думы.

В статье отстаивается идея о том, что сущность правового мониторинга составляет систематическая оценка не только норм действующих нормативных правовых актов, но и практики их применения, что позволяет от бессистемного и в целом ряде случаев «популистского» внесения изменений в действующее законодательство перейти к его научно обоснованному совершенствованию на основе своевременного выявления имеющихся недостатков в правовом регулировании.

Специальное внимание уделяется использованию разработанных юридической наукой приемов и способов, направленных на повышение качества принимаемых законодательных актов, а также эффективности их реализации и современных юридических технологий. Обращается внимание на содержательный опыт регламентации осуществления правового мониторинга законодательными (представительными) органами государственной власти, накопленный в субъектах Российской Федерации.

Проведение правовой экспертизы законов в рамках осуществления их правового мониторинга Государственной Думой позволит оценить текущее состояние законодательства, определить его правовую актуальность.

Ключевые слова: правовой мониторинг, Государственная Дума, правовые технологии, законодательство, экспертиза, парламентский контроль.

Пожалуй, ни для кого не секрет, что многие принимаемые Государственной Думой Федерального Собрания РФ законодательные акты страдают различными содержательными недостатками, среди которых выделяется большой объем юридических коллизий между нормами одного закона, нормами разных законов и подзаконными актами, множественность нормативных актов, загромождающих массив действующего законодательства, необоснованность введения новых терминов [6, с. 332]. Отметим также и недостаточную адекватность правового регулирования реальными общественными потребностями, пробельность, либо наоборот, избыточность нормативной регламентации, правовые, юридико-технические, и лингвистические погрешности. Следствием этого является непрекращающийся поток изменений в действующее федеральное законодательство, обесценивающий его нормы и нарушающий конституционный принцип поддержания доверия к закону и действиям государства. Отсюда проблема качества федерального законодательства по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Для решения данной проблемы, которая отнюдь не нова в современной российской действительности, необходимо в первую очередь использовать весь разработанный юридической наукой арсенал

приемов и методов, направленных на повышение качества принимаемых законодательных актов, а также эффективности их реализации и современных юридических технологий. При этом необходимо чтобы эти технологии применялись, прежде всего, самим законодателем поскольку, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, указанный выше принцип предполагает ответственность законодателя за качество принимаемых им решений [12].

Требуется создание условий, при которых принятие законодательного акта федеральным законодателем, налагало бы на него обязанность контролировать реализацию закона и при необходимости оперативно вносить в него изменения. Недопустима ситуация изолированного законотворчества, при которой принятие законодательным органом законов не сопряжено с оценкой качества и эффективности действующего законодательного регулирования и реальных общественных потребностей.

Одной из наиболее значимых юридических технологий в законотворческой деятельности является правовой мониторинг, тема которого широко разрабатывается в последнее десятилетие в отечественной научной и юридической литературе, ей посвящено значительное количество научных работ. В них ясно виден плюрализм мнений в части

определения правового мониторинга (система наблюдений, оценок, прогноза состояния и динамики правовых процессов [21, с. 502], научно и методически обоснованная система комплексной оценки форм, содержания и реализации нормативных правовых актов [2, с. 10], комплексный институт информационно-оценочного характера, обеспечивающий систематическое, последовательное наблюдение для проведения анализа законодательства [8, с. 253–254].

Нам представляется, что сущность правового мониторинга составляет систематическая оценка не только норм действующих нормативных правовых актов, но и практики их применения, что позволяет от бессистемного и в целом ряде случаев «популистского» внесения изменений в действующее законодательство перейти к его *научно обоснованному совершенствованию* на основе своевременного выявления имеющихся недостатков в правовом регулировании.

Мониторинг правоприменения на федеральном уровне осуществляется на основании Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657, которым утверждено Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации [10]. В соответствии с этим документом мониторинг предусматривает комплексную и плановую деятельность, осуществляемую федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) различных нормативных правовых актов.

Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации не предусмотрено участие в его осуществлении палат Федерального Собрания Российской Федерации и, в частности, Государственной Думы, что нельзя признать обоснованным по целому ряду причин и, в первую очередь, потому, что не поступление или несвоевременное поступление федеральному законодателю аналитической информации о качестве принятых им законодательных актов и эффективности их применения, превращает Государственную Думу в орган, осуществляющий только лишь техническую функцию по принятию законопроектов, разрабатываемых и вносимых субъектами права законодательной инициативы.

В юридической литературе по проблемам правового мониторинга обоснованно отмечается, что парламент как элемент механизма государства имеет возможность осуществлять правовой мониторинг до правовой регламентации общественных отношений, в процессе создания законов и после их принятия [13, с. 107].

В настоящее время значительный содержательный опыт регламентации осуществления правового

мониторинга законодательными (представительными) органами государственной власти накоплен в субъектах Российской Федерации. Анализ соответствующего регионального законодательства показывает, что выделяют следующие цели и задачи правового мониторинга, осуществляемого законодательным (представительным) органом государственной власти: совершенствование законодательства и правовой системы в целом; анализ и оценка правотворческой деятельности, качества действующего законодательства; укрепление законности; получение объективной информации о потребностях в правовом регулировании; анализ и оценка соответствия практики реализации нормативных правовых актов планируемому результату правового регулирования; определение эффективности действия нормативных правовых актов; формирование перспективных направлений законотворческой деятельности; контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов; выявление дефектных правовых норм и коррупциогенных факторов; изучение мнения субъектов правоотношений; взаимодействие между органами государственной власти и правоприменителями [15].

Институционализация правового мониторинга как юридической технологии по экспертному обеспечению законодательной деятельности Государственной Думы, помимо определения целей и задач правового мониторинга, требует установления его объектов, порядка организации и проведения, определения субъектов и иных участников правового мониторинга, конкретизацию их полномочий и порядка взаимодействия в процессе осуществления правового мониторинга, а также нормативное закрепление показателей, по которым должна оцениваться информация о принятых Государственной Думой законодательных актах и практике их реализации, полученная в ходе осуществления мониторинга.

На федеральном уровне такие показатели установлены Методикой осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694. В число этих показателей входят наиболее общие показатели, характеризующие в том числе и правовое качество закона. В силу своей универсальности и абстрактности эти показатели могут использоваться при оценке содержания и практики применения любого нормативного правового акта. Мы присоединяемся к позиции о том, что методическое обеспечение оценки эффективности нормативных правовых актов в процессе правового мониторинга должно базироваться на использовании как общих критериев, так и специальных верифицируемых показателей, отражающих параметры реализации нормативных предписаний [14, с. 118–119].

Представляется, что такие показатели должны определяться с учетом специфики предмета регулирования конкретного закона и заявленных при его разработке целей, позволять измерять уровень эффективности его действия, отдельных положений или совокупности законодательных актов (в случае, если они имеют схожий предмет правового регулирования) с точки зрения достижения поставленных целей. Целесообразно также введение и использование социологических показателей эффективности, к которым относятся показатели, характеризующие степень удовлетворенности населения качеством образования, здравоохранения, предоставления других государственных услуг, качеством работы органов публичной власти, правоохранительной системы и т.д.

Для организации контроля за эффективностью реализации законодательных актов в рамках осуществления правового мониторинга Государственной Думой целесообразно конкретизировать соответствующие положения Регламента Государственной Думы в части содержания пояснительной записки к законопроекту и нормативно закрепить обязанность ясного и недвусмысленного указания целей законопроекта в этом документе, так как на практике из его содержания не всегда можно однозначно уяснить предмет регулирования и конечную цель проектируемого закона. Формулировка цели закона должна быть конкретной, исключать возможность двусмысленного толкования или неоднозначной трактовки предполагаемого результата правового воздействия, включать в себя в качестве самостоятельного элемента предлагаемые средства достижения конечной цели и сроки ее достижения.

Целесообразно также закрепить и обязанность разработчика законопроекта указывать в пояснительной записке к нему критерии оценки эффективности реализации проектируемого законодательного акта, на основе которых впоследствии могут быть составлены специальные показатели оценки эффективности его действия. Как представляется, в данном случае федеральным законодателем может быть заимствован опыт подготовки и реализации органами исполнительной власти федеральных программ, в которых четко определяются цели и задачи соответствующей программы, содержится специальный раздел с ожидаемыми результатами реализации программы, устанавливаются целевые индикаторы и показатели программы, исходя из достижения которых оценивается уровень эффективности ее реализации [16].

Особое значение имеет определение показателей эффективности и осуществления на их основе правового мониторинга применительно к кодифицированным законодательным актам, так как частые и необоснованные их изменения (зачастую осуществляемые до надлежащего анализа эффек-

тивности действия нормативных предписаний и, как правило, в режиме законотворческой спешки) могут приводить к переходу количества в качество и нарушению изначальной концепции кодекса. Достаточно привести пример Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в который за период, прошедший со времени его введения в действие в 2002 году, внесено более 450 изменений.

Обозначенные выше меры, как представляется, с одной стороны, в значительной степени способствовали бы отсеиванию из законопроектного портфеля Государственной Думы политических, декларативных и иных законодательных инициатив, недостаточно обоснованных и (или) качественно проработанных, а с другой – ориентировали федерального законодателя на принятие законодательных актов, лишенных недостатков свойственных так называемым «компромиссным законам», когда в результате достигнутого политического согласия по поводу принятия закона его содержание выхолащивается таким образом, что закон в лучшем случае становится неэффективным.

Совокупность показателей оценки качества принятого Государственной Думой законодательного акта и эффективности его реализации, а также иные существенные условия, связанные с осуществлением этой оценки, могли бы утверждаться постановлением Государственной Думы. Это может быть как специальное постановление об осуществлении правового мониторинга ранее принятого палатой и вступившего в силу федерального конституционного или федерального закона, так и постановление о принятии законопроекта в третьем чтении (т.е. в качестве федерального закона).

Посредством принятия соответствующего постановления Государственная Дума давала бы поручение своим органами (профильным комитетам) и структурным подразделениям Аппарата Государственной Думы осуществлять правовой мониторинг принятого закона, определять порядок и сроки его осуществления, требования к содержанию итоговых материалов по результатам мониторинга. При оценке эффективности действия норм законодательного акта важно не ограничиваться исключительно формальным определением соответствия результата правового регулирования заявленным ранее целям (пусть даже и на основе определенных показателей), но и осуществлять анализ всей совокупности факторов, влияющих на достижение этого результата, выявлять негативные факторы, препятствующие эффективной реализации закона. Очевидно, что для достижения этих целей необходимо проведение серьезной аналитической работы, позволяющей, в том числе, выделить результат правового воздействия из совокупности других факторов, найти оптимальное соотношение между действием правовой нормы и иными факторами,

направленными на достижение намеченного результата.

В конечном итоге такая деятельность есть не что иное, как анализ социального поля, реальных общественных отношений, регулируемых правовыми нормами. Как обоснованно замечает по этому поводу В.М. Сырых, для измерения эффективности норм права вполне достаточно знания их целей и достигнутых результатов, но этих знаний явно недостаточно для объяснения причин выявленного в ходе исследования уровня эффективности. <...> Фактически объектом исследования придется взять как полученные результаты действия норм права, так и социальный правовой механизм их действия, и в первую очередь факторы-условия юридической и социальной эффективности норм права [20, с. 369].

Изложенное лишней раз свидетельствует о целесообразности создания при парламенте Российской Федерации научной организации, которая могла бы осуществлять научно-экспертное обеспечение деятельности палат Федерального Собрания РФ, включая экспертное сопровождение осуществления Государственной Думой правового мониторинга, и обеспечивать полноценную интеллектуальную независимость федерального законодателя от органов исполнительной власти.

Не так давно на федеральном уровне осуществлял свою деятельность Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики (центр мониторинга права) при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, который оказывал аналитическое и методическое содействие в организации работы по осуществлению правового мониторинга в субъектах Российской Федерации. В настоящее время целесообразно создание подобной структуры на базе Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации, образованного в 2012 году при палатах Федерального Собрания Российской Федерации. Осуществление правового мониторинга соотносится с основными задачами этого органа [17], позволило бы внести координирующие начала в организацию осуществления правового мониторинга законодательными (представительными) органами государственной власти на федеральном и региональном уровне, обеспечить ведение единой информационной базы указанного мониторинга и его методическое сопровождение, разрабатывать приоритетные направления осуществления правового мониторинга.

Как показывает анализ нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, регулирующих осуществление законодательным (представительным) органом государственной власти правового мониторинга, нуждаются в упорядочении имеющиеся подходы к его организации, в том числе используемые методики осуществления пра-

вового мониторинга, включая показатели оценки эффективности действия нормативных правовых актов, состав субъектов правового мониторинга, порядок его инициирования и осуществления.

При нормативной институционализации правового мониторинга в Государственной Думе необходимо использовать имеющийся опыт его регламентации и осуществления в законодательных (представительных) органах государственной власти в субъектах Российской Федерации. Например, осуществление правового мониторинга в Московской областной Думе, нормативным правовым актом которой четко регламентировано содержание постановления Московской областной Думы о проведении правового мониторинга нормативного правового акта. Для осуществления правового мониторинга создан специальный орган, координирующий и контролирующий работу иных структур законодательного органа и подразделений его аппарата по осуществлению мониторинга. Представляется целесообразным образование для этих целей в Государственной Думе **Совета по осуществлению правового мониторинга**, членами которого могли бы являться руководство палаты, председатели ее комитетов, представители федеральных органов исполнительной власти, в том числе Министерства юстиции Российской Федерации, на которое возложены функции осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, научных, экспертных и общественных организаций, а также структур гражданского общества.

Указанный Совет, обеспечение деятельности которого целесообразно возложить на структурное подразделение Аппарата Государственной Думы, в задачи которого входит аналитическое сопровождение законодательной деятельности, мог бы выполнять координирующую и контрольную функцию по осуществлению Государственной Думой правового мониторинга в отношении ее органов и структурных подразделений Аппарата, обеспечивать необходимое взаимодействие в процессе проведения правового мониторинга с органами исполнительной власти, научным и экспертным сообществом, представителями структур гражданского общества, осуществлять подготовку проектов планов проведения мониторинга и рассматривать его итоговые результаты [9, с. 236]. Целесообразно также разделение указанного Совета на секции по отраслям законодательства, возглавлять которые могли бы председатели соответствующих профильных комитетов Государственной Думы, что способствовало бы повышению эффективности работы Совета.

В юридической литературе достаточно давно отмечалась целесообразность осуществления правового мониторинга профильными комитетами Государственной Думы [1, с. 73]. К их задачам

следует отнести сбор, накопление, систематизацию и анализ информации об объекте правового мониторинга по вопросам своего ведения и в соответствии с нормативно установленным порядком, оценку этой информации на основе определенных показателей в целях определения качества нормативных предписаний законодательного акта (его отдельных положений и (или) совокупности законодательных актов в определенной сфере регулирования), а также оценку эффективности реализации закона на основе анализа его правоприменительной практики, подготовку в нормативно установленные сроки аналитических материалов по итогам проведения правового мониторинга, а также использование его результатов в своей законодательной работе.

Следует отметить, что в настоящее время Регламент Государственной Думы (ст. 19) относит к полномочиям комитетов Государственной Думы проведение во взаимодействии с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по проведению мониторинга правоприменения в Российской Федерации, анализ практики применения законодательства. Вместе с тем говорить об осуществлении комитетами Государственной Думы именно правового мониторинга, на наш взгляд, нет оснований, так как не определены его обязательные элементы (процедура инициирования и проведения, показатели мониторинга, подготовка по его итогам аналитических материалов и т.д.).

Осуществление Государственной Думой правового мониторинга требует активного участия в этой работе и аналитической службы аппарата, штатная численность и состав специалистов которой должен соответствовать западным аналогам. Например, штатная численность аналитиков в Библиотеке Конгресса США насчитывает около 800 специалистов. Примечательно, что к задачам Аналитического управления Аппарата Совета Федерации отнесено осуществление анализа и прогноза эффективности законодательного процесса, мониторинг правоприменительной практики, в то время как в нормативном правовом акте, регламентирующим работу Аналитического управления Аппарата Государственной Думы соответствующая обязанность отсутствует.

Круг участников осуществляемого Государственной Думой правового мониторинга не может ограничиваться только лишь внутренними субъектами научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы (ее комитетами и структурными подразделениями Аппарата). Необходимо привлечение к участию в работе по осуществлению Государственной Думой правового мониторинга широкого круга внешних субъектов – государственных органов, научных, экспертных, общественных организаций, их отдельных специалистов, авторитетных ученых

в области права. В конечном счете, требуется выстраивание такого организационного механизма осуществления правового мониторинга, который позволил бы федеральному законодателю получить всестороннюю (включая статистические и аналитические данные, а также мнения экспертов) информацию по объекту мониторинга для наиболее всесторонней и комплексной оценки его качества и эффективности реализации.

Системный анализ правоприменительной практики федерального законодательства не возможен без эффективного взаимодействия с государственными органами, осуществляющими правоприменение и надзор за исполнением законов. В этой связи, прежде всего, необходима нормативная институционализация организационного взаимодействия при осуществлении Государственной Думой правового мониторинга с судебными органами и органами прокуратуры Российской Федерации. Участниками II научно-практической конференции на тему: «Современная представительная демократия: открытость законодательного процесса, повышение роли экспертизы и качества юридической техники» отмечалось, что в последние годы в органы прокуратуры поступают значительное количество обращений граждан, общественных организаций и независимых экспертов по поводу совершенствования действующих правовых норм [4, с. 184].

Кроме того, проводимый органами прокуратуры анализ федерального законодательства в соответствии с возложенными на них полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов позволяет выявить их содержательные недостатки и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства. Представляется, что в отсутствие у органов прокуратуры Российской Федерации права законодательной инициативы на федеральном уровне такая информация должна предоставляться в Государственную Думу в рамках осуществления ими правового мониторинга. Следует поддержать позицию о том, что правовой мониторинг законодательства и правоприменительной практики – это самостоятельная, возложенная на прокуратуру функция, которая должна быть обособлена в ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [5, с. 40].

Существенная аналитическая работа по оценке качества действующего законодательства проводится иными государственными органами и уполномоченными должностными лицами. Например, в части своей компетенции, установленной Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», мониторинг законодательства и правоприменительной практики осуществляется Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. Счетная палата РФ, Центральный

банк РФ (Банк России), Центральная избирательная комиссия также в части своей компетенции осуществляют указанный мониторинг.

Оценка качества действующего законодательства осуществляется также в научных организациях и образовательных организациях высшего образования. Так, например, в Московском государственном юридическом университете (МГЮА) им. О.Е. Кутафина создан Центр мониторинга законодательства и правоприменения (Ситуационный центр), осуществляющий мониторинг действующего законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики. Одной из основных функций указанного Центра является осуществление деятельности по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о действующем законодательстве, практики его применения, законопроектных предложениях для обеспечения научного сопровождения процессов принятия (издания) изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Российской Федерации [18].

Представляется, что такого рода экспертные структуры должны привлекаться к участию в работе по правовому мониторингу, осуществляемому Государственной Думой, также как и отдельные специалисты научных и иных организаций на основе гражданско-правовых договоров об оказании соответствующих услуг. На этой же основе необходимо и вовлечение в эту работу научных организаций Российской академии наук, так как одной из целей ее деятельности является экспертное научное обеспечение деятельности государственных органов и организаций [19]. Одним из принципов осуществления Государственной Думой правового мониторинга должно являться максимальное использование в этой работе экспертного потенциала сторонних органов и организаций.

Составным элементом осуществления правового мониторинга, позволяющим оценить содержание нормативного правового акта, является экспертиза. В юридической литературе высказывалось мнение о том, что правовая экспертиза является самостоятельным элементом законодательного процесса, не имеющим отношения к правовому мониторингу [3, с. 157]. Не ставя под сомнение значение правовой экспертизы как самостоятельной юридической технологии, направленной на экспертное обеспечение законотворческого процесса, вместе с тем следует поддержать позицию о том, что «соотношение функций и целей экспертизы и мониторинга нормативных правовых актов позволяет установить единую правовую природу этих двух вспомогательных элементов правотворчества» [7, с. 123]. Проведение правовой экспертизы принятых и вступивших в силу федеральных конституционных и федеральных законов в рамках осуществления их правового мониторинга Государственной Думой позволит оценить текущее юридическое качество законодательства, определить его правовую актуальность (соответствие правовым позициям Конституционного Суда РФ, согласованность с иными актами федерального законодательства, полнота подзаконного регулирования и т.п.).

Региональный опыт осуществления правового мониторинга законодательными (представительными) органами государственной власти показывает, что в некоторых субъектах Российской Федерации правовая экспертиза используется в качестве его составных элементов. Например, мониторинг правовых актов Парламента Кабардино-Балкарской Республики осуществляет правовое управление аппарата этого законодательного органа [11]. В структуре Государственно-правового управления Аппарата Московской городской Думы имеется отдел мониторинга законодательства, главной задачей которого является систематизация мер по анализу практики действия законов города Москвы, выявлению норм, противоречащих федеральному законодательству, фактически действующих либо допускающих возможность неоднозначного толкования и применения.

Представляется, что применительно к правовому мониторингу, осуществляемому Государственной Думой, проведение правовой экспертизы должно также обеспечивать реализацию предусмотренного Федеральным законом «О парламентском контроле» контрольного полномочия палат по осуществлению контроля за обеспечением соблюдения Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти установленных сроков принятия нормативных правовых актов, разработка и принятие которых предусмотрены федеральными законами, а также за полнотой регулирования соответствующих правоотношений в целях выявления соответствующих пробелов [22].

Представляется, что применительно к правовому мониторингу, осуществляемому Государственной Думой, проведение правовой экспертизы должно также обеспечивать реализацию предусмотренного Федеральным законом «О парламентском контроле» контрольного полномочия палат по осуществлению контроля за обеспечением соблюдения Правительством Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти установленных сроков принятия нормативных правовых актов, разработка и принятие которых предусмотрены федеральными законами, а также за полнотой регулирования соответствующих правоотношений в целях выявления соответствующих пробелов [22].

Библиографический список

1. *Абрамова А.И.* Законодательный процесс в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития. Научно-практич. пособие. – М., 2005. – 139 с.
2. *Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е.* Концепция мониторинга нормативных правовых актов. – М., 2011. – 200 с.
3. *Еремина О.Ю.* О правовом мониторинге // Журнал российского права. – 2006. – № 3. – С. 157–160.
4. К 20-летию Конституции России: институты правового государства, гражданское общество и законотворческий процесс. Материалы II научно-практической конференции. г. Москва, 26–27 сентября 2013 г. – М.: Издание Государственной Думы (электронное), 2014. – С. 184 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duma.gov>.

ru/analytics /publication-of-legal-department/50_20-
letie_Konstitucii_2.pdf

5. *Казарина А.Х.* Правовой мониторинг как новая функция прокуратуры Российской Федерации // *Личность, право, власть в современной России: сб. материалов VIII Всероссийской науч.-практ. конф. / сост. В.В. Груздев. Т. 1. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 40.*

6. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учеб. – СПб., 2012. – 608 с.

7. *Мониторинг в правотворчестве: теория и методология / Ю.Г. Арзамасов, Я.Е. Наконечный. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 160 с.*

8. *Парламентское право России: монография / А.И. Абрамова, В.А. Витушкин, Н.А. Власенко и др.: под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Издание Государственной Думы, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. – 400 с.*

9. *Парламентское право Российской Федерации: курс лекций / И.В. Гранкин. – М., 2013. – 304 с.*

10. *Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 21. – Ст. 2930.*

11. *Положение о мониторинге правовых актов Парламента Кабардино-Балкарской Республики, п. 4 раздела 4 / Распоряжение Председателя Парламента КБР от 3 июля 2009 г. № 54-Р-Пр.*

12. *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 18-П «По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 28. – Ст. 4335.*

13. *Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / А.Н. Адрианов, В.Б. Болдырев, С.В. Бошно и др. / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. – М.: Юриспруденция, 2009. – 416 с.*

14. *Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / под ред. Н.Н. Черногора. – М., 2010. – 232 с.*

15. Ст. 4 Закона Московской области от 4 мая 2012 г. № 46/2012-ОЗ «О правовом мониторинге в Московской области»; ст. 2 Закона Калужской области от 28 марта 2013 г. № 407-ОЗ «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов

Калужской области»; ст. 2 Закона Калининградской области от 10 июня 2014 г. № 326 «О мониторинге правоприменения в Калининградской области»; ст. 3 Закона Свердловской области от 17 октября 2013 г. № 84-ОЗ «О мониторинге законодательства Свердловской области и мониторинге практики его применения»; ст. 2 Закона Орловской области от 7 декабря 2012 г. № 1434-ОЗ «О мониторинге правоприменения в Орловской области»; ст. 3 Закона Воронежской области от 24 января 2011 г. N 16-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Воронежской области» // СПС «Консультант Плюс: Сводное региональное законодательство.

16. *Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)», утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 № 261 / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 11. – Ст. 1277.*

17. П. 5 Положения о Совете законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://szrf.km.duma.gov.ru/site.xp/051051051124051053056.html>

18. П. 2.2.1. Положения о Центре мониторинга законодательства и правоприменения (Ситуационный центр) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный юридический Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://msal.ru/common/upload/Pologenia/TSEnter_monitor_zakonod._i_pravoprим_Situatsionnom_tsentre.pdf.

19. Ст. 6 Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 30.09.2013. – № 39. – Ст. 4883.

20. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки: учебник. – М., 2013. – 464 с.

21. *Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю.* Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 2001. – 927 с.

22. *Федеральный закон «О парламентском контроле», ч. 2. ст. 6 // СЗ РФ. – 13.05.2013. – № 19. – Ст. 2304.*

ОРГАНЫ ЮСТИЦИИ (ПРАВОСУДИЯ): СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ – НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Целью настоящей статьи является рассмотрение современного состояния, проблем и перспектив взаимодействия судебных и правоохранительных органов как основных звеньев юстиции (правосудия) в широком смысле. Анализируя указанные вопросы, автор приходит к выводу о тесной взаимосвязи суда, прокуратуры и адвокатуры в процессе осуществления функций, возложенных на них государством. Подчеркивается, что сегодня целесообразно рассматривать прокуратуру (публичное обвинение) и адвокатуру (публичную защиту) как составляющие судопроизводства в системе правосудия. Отдавая дань суду как единственному органу государственной власти, наделенному правом вершить правосудие, следует помнить, что в системе состязательного судопроизводства сама по себе судебная система является «бессильной» и не в состоянии осуществлять свои функции без привлечения других участников процесса.

Также автор предлагает разработать и внедрить единые унифицированные критерии подготовки, требования к моральным и деловым качествам, а также порядок привлечения к юридической ответственности судей, прокуроров и адвокатов.

Ключевые слова: суд, адвокатура, прокуратура, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, судебное право, правосудие.

*Там, где судят человеческие пороки, – будь прокурором,
а там, где судят человека, – будь адвокатом*

Бауржан Тойшибеков

Деятельность юристов, работающих в сфере юстиции, прежде всего, судей, адвокатов и прокуроров, обеспечивает утверждение верховенства права, законности и правопорядка в государстве. Представители основных звеньев юридических профессий должны быть образцом безупречного поведения, принципиальности и справедливости. Ведь от их авторитета зависит уровень доверия граждан к органам правосудия, правозащитной и правоохранительной деятельности.

Теоретическим и практическим проблемам деятельности представителей указанных профессий посвящено немало статей, отдельных работ и весомых научных трудов ученых стран постсоветского пространства. В этой связи нельзя обойти вниманием работы таких российских правоведов, как К. Гуценко, В. Кашепов, М. Ковалев, Э. Мурадян, В. Шевцов, И. Петрухин, С. Савюк, а также украинских ученых Т. Варфоломеевой, Л. Москвич, С. Прилуцкого, С. Подкопаева, А. Святоцкого, П. Хотенца и др. Однако несмотря на большое количество публикаций, далеко не все вопросы сегодня решены. Поэтому в аспекте данной работы мы наиболее подробно коснемся проблем взаимодействия органов, осуществляющих правосудие и обеспечивающих его осуществление.

Итак, для разрешения основной цели статьи – анализа взаимодействия судебных и правоохранительных органов (прокуратуры и адвокатуры), как основных звеньев юстиции (правосудия) в широком понимании – рассмотрим саму сущность данного понятия.

Так, понятие «правосудие» чаще всего в юридической литературе рассматривается в двух смыслах.

В учебниках по праву преимущественно приводится узкий аспект рассматриваемой дефиниции. Так, по мнению В.В. Комарова, правосудие – одна из форм государственного управления, средство выполнения государством внутренней функции охраны правопорядка, собственности, прав и свобод граждан путем разрешения специальным органом государственной власти – судом – гражданских и уголовных дел в порядке, предусмотренном гражданским и уголовным процессуальным законодательством [4].

Российские ученые М. Шапкин, Ю. Дмитриев и Ю. Шумилов также считают, что осуществление правосудия выступает в качестве основной формы реализации судебной власти. При этом авторы подчеркивают, что правосудие отличается от других форм государственной правоохранительной деятельности по кругу реализуемых задач; кругу государственных органов и должностных лиц, осуществляющих эту деятельность; процедуре реализации правосудия; характеру принимаемых решений, которые являются обязательными для исполнения всеми без исключения должностными лицами, органами, физическими и юридическими лицами; статусу лиц, участвующих в отправлении правосудия [15].

А. Васильев и Е. Стрельцов «правосудие» понимают как одно из направлений правоохранительной деятельности, одно из важнейших полномочий, осуществление которого связано с функционированием судебной власти. Однако развивая мысль, ученые конкретизируют, что под правосудием в первую очередь понимается деятельность судов по рассмотрению и разрешению судебных дел [22, с. 38, 41].

Более широкая трактовка анализируемой дефиниции содержится в философских источниках, где осуществление правосудия представляется в виде исполняемого ритуала (акта, действия), направленного на приобретение законной силы применения права при разрешении каких-либо споров. Так, в исследованиях по истории суда и юстиции последняя понимается и как правосудие, и как система судебных учреждений. При этом правосудие рассматривается как форма государственной деятельности по рассмотрению и разрешению судом уголовных и гражданских дел [27, с. 557], а органы юстиции различаются по видам (конституционные, административные, международные, военные, гражданские, международные и др.) [14, с. 3].

Интересна и энциклопедическая трактовка данной дефиниции. Так, В. Даль раскрывает понятие «правосудие» как «правый суд, решение по закону, по совести... правда» [6, с. 380]. С. Ожегов определяет данную дефиницию как деятельность судебных органов, отождествляя ее с понятием «юстиция» [13, с. 511]. В толковом словаре Д. Ушакова под правосудием понимается как деятельность судебных органов, основанная на законе, так и судебная деятельность государства (юстиции) в целом [23].

Наиболее широко понятие «правосудие» трактуют последователи теории судебного права, которые в своих фундаментальных научных трудах под данной дефиницией понимают всю сферу юстиции. Так, идею единства судебной власти и целостности механизмов правосудия в свое время поддерживали дореволюционные ученые И. Фойницкий, А. Кони, И. Михайловский, В. Рязановский, Е. Васьковский, М. Розин [11; 20; 21; 25], в последствии – такие знаменитые советские правоведы, как Н. Полянский, М. Строгович, В. Савицкий, М. Шифман [19] и др. Позже теория судебного права получила свое развитие в трудах именитых российских и украинских ученых Э. Мурадян, А. Гуськовой, М. Клеандрова, В. Кашепова, О. Скакун, В. Брынцева, С. Прилуцкого, С. Шевчука и др. [8; 12; 18; 26].

Наш современник, украинский ученый С. Прилуцкий, анализируя и развивая теорию судебной власти, отмечает, что основой юстиции (правосудия) являются суд, прокуратура и адвокатура [16, с. 42].

Такую позицию разделяют и многие российские деятели науки. Например, А. Изварина, исследуя профессионально-личностную характеристику судьи – носителя судебной власти, подчеркивает, что прокуратура, адвокатура и органы предварительного расследования активно привлекаются судом при осуществлении правосудия. Причем автор отмечает, что от правильно организованной деятельности, производимых действий и принимаемых решений сотрудников данных структур, участвующих в судопроизводстве, зависит как будет работать судебная система, какие конечные результаты она будет иметь при осуществлении защиты

прав и законных интересов граждан в ответ на затраченные усилия [7, с. 34].

Необходимость большего взаимодействия между судами и прокуратурой с целью повышения качества судебных решений отмечал и В. Бессарабов, будучи заместителем директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре. По его мнению, неправы те, кто считает, что правозащитная деятельность прокуратуры «подменяет право граждан на судью». В демократическом обществе должна быть многоканальная система охраны и защиты прав человека. Обращение в суд нельзя признавать единственной формой такой защиты [2, с. 16–17].

Профессор В. Крюков также отмечает значимость статуса прокурора, «подвижного как по горизонтали, так и по вертикали», как специального представителя государства в системе судопроизводства. При этом среди задач прокурора в уголовном судопроизводстве автор выделяет следующие: содействие правосудию в целях обеспечения законности, обоснованности и справедливости вынесенных судами первой инстанции судебных решений, особенно по тем категориям дел, которые не были обжалованы участниками уголовного судопроизводства, чьи интересы были затронуты судебными актами; создание правовых предпосылок к тому, чтобы не допускалось обращение к исполнению незаконных, необоснованных и несправедливых приговоров, чтобы каждый исполненный приговор был правосудным и соответствовал назначению уголовного судопроизводства и целям правосудия; содействие правосудию по осуществлению надзора за судебной деятельностью со стороны вышестоящих судов посредством инициирования апелляционного, кассационного, надзорного производств и производства в виду новых или вновь открывшихся обстоятельств; обеспечение прав и законных интересов личности, государства, общества при рассмотрении судами уголовных дел на проверочных стадиях уголовного судопроизводства, в части проверки правосудности судебных актов, которыми по результатам разрешения данных дел по существу затрагиваются конституционные права и свободы человека и гражданина, а также исполняются конституционные обязательства государства перед гражданами и обществом; создание правовых гарантий своевременной проверки правосудности судебных актов по уголовным делам, что обеспечивает в целом режим законности в уголовном судопроизводстве и служит укреплению законности и правопорядка в государстве [10, с. 104–105].

Особую роль прокуратуры в системе правоохранительных органов, подчеркивая ее значение в государственном механизме защиты прав и интересов граждан, отмечают и практики. Так, по мнению экс-заместителя прокурора Владимирской области А.Ю. Гулягина, одной из важнейших

функциональных составляющих роли прокуратуры в системе государственных органов является обращение в различные суды для отстаивания интересов граждан и государства [5, с. 46].

Прокуратура, как центральный орган в системе уголовного судопроизводства, является неотъемлемой составляющей системы правосудия. «Осуществляя государственное обвинение в суде, прокурор прежде всего обеспечивает реализацию судебной власти, правосудия», – отмечает С. Прилуцкий [17, с. 290]. Прокуратура занимает важное значение в процессе отправления судопроизводства. «Судебная реформа не может быть эффективной без активного участия прокуратуры в судебном процессе», – отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на Всероссийском совещании прокуроров [3].

Что же касается адвокатуры, ее часто ассоциируют с предпринимательской деятельностью, поскольку представители данной профессии получают оплату за свою работу (гонорар) в первую очередь за счет лиц, обращающихся за юридической помощью. Однако, с другой стороны, адвокатура является независимым публичным институтом гражданского общества, который на законодательном уровне призван принимать участие в осуществлении правосудия и на профессиональной основе предоставлять квалифицированную правовую помощь, осуществляя своеобразный контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Последнее позволяет нам говорить о данном институте, как о целостном, организационно-самостоятельном, самоуправляемом объединении профессиональных правозащитников.

Следует отметить и роль адвокатуры как правоохранительного органа и важнейшего звена в государственном механизме охраны прав и свобод человека и гражданина. Российский правовед В. Буробин подчеркивает, что сегодня она (адвокатура) является не только одним из основных институтов правовой системы, но и юридическим механизмом, который содействует укреплению законности, демократизации и гуманизации правосудия [1]. В аспекте взаимодействия судебных и правоохранительных органов интересно мнение А. Федькович, которая, анализируя основные направления совершенствования органов юстиции Украины, отметила необходимость развития тенденций, направленных на приближение профессий судьи, прокурора, следователя и адвоката [24, с. 55].

Таким образом, сам собой напрашивается вывод о тесной связи судебных и правоохранительных органов. Действительно, указанные институты выполняют свои задачи не изолированно, а во взаимодействии друг с другом и имеют немало общих проблем и задач. Деятельность судей, адвокатов и прокуроров, которая имеет публично-правовой характер, является важной составляю-

щей функции государства по защите прав человека и гражданина. Поэтому вполне логичным выглядит желание многих ученых приблизить эти профессии друг к другу, сформировав целостную, надежную и независимую систему органов юстиции, в которую бы входили представители всех основных юридических профессий, принимающих непосредственное участие в осуществлении правосудия или содействующих его осуществлению.

В качестве промежуточных выводов подчеркнем, что основой для сближения суда, адвокатуры и прокуратуры, как основных столпов правосудия, является, во-первых, теория судебной власти (судебного права), обосновывающая единство судебной власти и целостности механизмов правосудия, а также формирование комплексного подхода к организации и деятельности суда и связанных с ним правоохранительных институций, содействующих осуществлению правосудия [17], а во-вторых, требования законодателя, который на самом высоком (конституционном) уровне возложил на суд обязанность по осуществлению правосудия, на прокуратуру – обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства, на адвокатуру – оказание квалифицированной юридической помощи. Основы организации и порядка осуществления данной деятельности закреплены в соответствующих нормативных правовых актах. Наиболее полно взаимодействие суда, адвокатуры и прокуратуры, на наш взгляд, регулируется уголовным процессуальным законодательством.

Так, согласно ст. 37 УПК РФ, прокурор – должностное лицо, уполномоченное осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. В соответствии с п. 5 ст. 37 УПК РФ он вправе давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, п. 8 данной статьи наделяет прокурора правом участвовать в судебных заседаниях, а п. 13 – утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу.

Участие адвоката в уголовном судопроизводстве регламентируется ст. 49 УПК РФ, согласно которой защитник – лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитника допускаются адвокаты и, наряду с ними, иные лица, участие которых предусмотрено законом.

Согласно ст. 53 УПК РФ, защитник имеет право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном законодательством; участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном указанным Кодексом; заявлять ходатайства и отводы; участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, а также в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора и др.

И это только малая доля аспектов взаимодействия органов правоохраны и суда в процессе осуществления правосудия, которую мы можем осветить в рамках настоящего исследования.

Однако и рассмотренных фактов достаточно, чтобы понять: стремление к гармонизации суда, адвокатуры и прокуратуры обусловлено общностью целей по обеспечению ими надежной защиты законных прав, свобод, интересов государства, общества, юридических и физических лиц. В процессе своей профессиональной деятельности представители этих профессий постоянно вступают в определенные взаимосвязи друг с другом. Более того, нередко юристы по разным причинам меняют направления своей деятельности, находясь сначала в должности прокурора, затем – судьи, а заканчивают свою трудовую деятельность, работая адвокатом, или наоборот [9, с. 110–111].

Проведенный анализ функционирования основных звеньев системы юстиции (суда, прокуратуры и адвокатуры) в процессе осуществления профессиональной деятельности позволяет нам выделить несколько подходов к организации их взаимодействия:

1) суд является независимым государственным арбитром в споре (состязательном процессе) двух сторон с равными процессуальными правами, но противоположными материально-правовыми интересами;

2) суд в процессе реализации основных задач судопроизводства активно взаимодействует с обвинением (прокурором) и защитой (адвокатом), которые являются его активными помощниками (советниками) и, осуществляя возложенные на них законодательством функции, помогают установить истину по делу;

3) суд, реализуя государственную власть посредством осуществления правосудия, является одним из участников (составляющим звеном) судопроизводства, наряду с обвинением (прокурором) и защитой (адвокатом).

На наш взгляд, целесообразно рассматривать прокуратуру (публичное обвинение) и адвокатуру (публичную защиту) как составляющие судопроиз-

водства в системе правосудия, при этом отдавая дань суду как единственному органу государственной власти, наделенному правом вершить правосудие, а иначе сказать – ставить точку в споре двух равнозначных субъектов. В этой связи считаем своевременным процитировать профессора С. Прилуцкого, который очень четко и емко отразил взаимосвязь органов юстиции в широком смысле: «Судебная власть “оживает” только в процессе судопроизводства, когда в действие включены все ее главные участники. В системе состязательного судопроизводства сами по себе суды, судьи, судебная система в целом являются “бессильными” и не в состоянии осуществлять судебную власть» [17, с. 290].

Таким образом, взаимосвязь указанных органов в процессе осуществления правосудия для большей наглядности можно представить в виде треугольника, в котором каждый из углов основания занимают стороны, наделенные законодателем равными процессуальными правами и имеющие противоположные материально-правовые интересы (публичное обвинение и публичная защита), а суду (судье) отводится верхний, но равнозначный угол процессуального равностороннего треугольника. Данный тезис влечет за собой необходимость утверждения концепции единства судебной власти и смежных правоохранительных органов, содействующих осуществлению правосудия, а также постановки вопроса о разработке и внедрении единых унифицированных критериев относительно подготовки, моральных и деловых качеств, а также порядка привлечения к юридической ответственности судей, прокуроров и адвокатов, как представителей органов судебной власти и правоохранительных институций, содействующих осуществлению правосудия. Проведение дальнейших исследований в данном направлении, на наш взгляд, позволит вывести указанные правовые институты на новый более совершенный уровень.

Библиографический список

1. Адвокатская деятельность: учебно-практическое пособие / под общ. ред. канд. юр. наук В.Н. Бурбина. – М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003.
2. Бессарабов В.Г. Прокуратура Российской Федерации и состояние законности в стране // Журнал российского права. – 2003. – № 9. – С. 16–17.
3. Выступление Президента РФ В.В. Путина на Всероссийском совещании прокуроров // Российская газета. – 2001. – 13 янв.
4. Гражданский процесс: учебник / под ред. проф. В.В. Комарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/134/592.php> (дата обращения: 18.02.2016).
5. Гулягин А.Ю. Прокуратура как государственно-правовой институт и ее положение в системе правоохраны // Журнал российского права. – 2011. – № 7. – С. 46.

6. *Даль В.И.* Толковый словарь Живого великорусского языка. – М.: Цитадель, 1998. – Т. III. – С. 380.
7. *Изварина А.Ф.* Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования: монография. – М.: Проспект, 2015. – С. 34.
8. *Кашепов В.П.* О теории судебной власти, судебных реформах и проблемах развития судебной системы. – М.: Юриспруденция, 2010. – 22 с.
9. *Коваленко Т.С.* Дисциплінарна відповідальність адвокатів: дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2010. – С. 110–111.
10. *Крюков В.Ф.* Прокурор и его назначение на проверочных стадиях уголовного процесса // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 104–105.
11. *Михайловский И.В.* Судебное право как самостоятельная юридическая наука. – СПб., 1908.
12. *Мурадьян Э.М.* Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). – М.: Проспект, 2003.
13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1984.
14. Органы и учреждения юстиции России: история становления и развития / И.М. Железко; под общ. ред. П.П. Сергуна. – М.; Саратов: РПА Минюста России, 2009. – С. 3.
15. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Издательство «Омега-Л», 2009. – 381 с.
16. *Прилуцкий С.В.* Кримінальна юстиція в Україні: правова природа, шлях реформи та відродження // Судова апеляція. – 2007. – № 2 (7). – С. 42.
17. *Прилуцкий С.В.* Вступ до теорії судової влади (Суспільство. Правосуддя. Держава): Монографія. – К.: Інститут держави і права ім. В.М. Коцького НАН України, 2012. – 317 с.
18. *Прилуцкий С.В.* Судове право // Юридична енциклопедія: в 6 т. – К.: Укр. енцикл., 2003. – Т. 5 (П-С). – С. 707.
19. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников; под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1983.
20. *Розин Н.Н.* Процесс как юридическая наука // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – С. 24–26.
21. *Рязановский В.А.* Единство процесса. – М.: Городец, 2005. – 80 с.
22. Судебные и правоохранительные органы Украины: учебное пособие / под ред. проф. А.С. Васильева, проф. Е.Л. Стрельцова. – Х.: «Одиссей», 2004. – С. 38–41.
23. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос ин-т Сов. энцикл., ОГИЗ, Гос изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940.
24. *Федькович О.* Інтеграційна функція органів юстиції у справі формування основних юридичних професій в Україні // Право України. – 2005. – № 9. – С. 55.
25. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 1. – 552 с.
26. *Шевчук С.В.* Судова правотворчість: світовий досвід і перспективи в Україні. – К.: Реферат, 2007. – 640 с.
27. Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 557.

Сиверская Людмила Анатольевна*кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
LSiverskaya@yandex.ru.***Смирнова Наталья Александровна***Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
NSmirnof1971@mail.ru*

СООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В данной статье авторами рассматривается сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, как ключевое понятие института возбуждения уголовного дела в российском досудебном судопроизводстве. Раскрывается его нормативное, доктринальное, терминологическое понятие, анализируются сущность, значение и содержание сообщения о преступлении как повода к уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве с учетом различных научных подходов, позиций, мнений. Определяются признаки сообщения о преступлении как источника информации, дается его определение в авторской формулировке, вырабатываются критерии, позволяющие отграничить его от смежных понятий, в частности, от сообщения о происшествии.

В связи с повсеместным применением информационных технологий в деятельности правоохранительных органов, приемом и регистрацией сообщений о преступлении в электронном виде, авторы полагают, что в настоящее время объективно существует необходимость правового регулирования отношений по приему и регистрации сообщений о преступлениях в электронном виде, придания законодательного статуса правовому понятию «электронное сообщение о преступлении» и его нормативного закрепления в УПК РФ и предлагают пути решения этого вопроса.

Ключевые слова: *досудебное производство, стадия возбуждения уголовного дела, сообщение о преступлении, информационно-коммуникационные технологии, электронный документ.*

Одним из элементов системы прав, составляющих конституционно-правовой статус человека и гражданина, является его право на обращение в государственные органы [13]. Работа с обращениями граждан является неотъемлемой частью правозащитной деятельности правоохранительных органов, которые, разрешая уголовно-правовые конфликты, создают реальные условия, обеспечивают гарантии и механизмы защиты и восстановления нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, в том числе и на доступ к правосудию. Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении – одно из средств его реализации. Ему корреспондирует обязанность органов принять, зарегистрировать, проверить обращение и принять обоснованное, законное решение, уведомить об этом заявителя.

Уголовно-процессуальное понятие «сообщение о преступлении» нормативно закреплено в УПК РФ. В соответствии с п. 43 ст. 5 УПК РФ таковым является: заявление о преступлении, явка с повинной, рапорт об обнаружении преступления.

Заявление о преступлении представляет собой обращение физического лица, в котором в устной или письменной форме содержится информация о совершенном или готовящемся преступлении, направленное в орган, уполномоченный его рассматривать.

Заявление о явке с повинной – добровольное личное обращение физического лица, сделанное в устном или письменном виде, содержащее сведения о совершенном им преступлении, направленное в орган, уполномоченный его рассматривать.

Рапорт об обнаружении признаков преступления, согласно ст. 143 УПК РФ, это документально

оформленное официальное обращение должностного лица органа, уполномоченного рассматривать сообщения о преступлении, о его принятии и содержащее информацию о совершенном или готовящемся преступлении, полученную им непосредственно или от источника таковой.

Таким образом, законодатель объединяет под одним понятием «сообщение о преступлении» три различных по форме обращения. Полагаем, что это не случайно, поскольку они имеют следующие общие признаки.

Заявление о преступлении, явка с повинной и сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из иных источников, служат не только поводами для возбуждения уголовного дела, но и для начала уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении.

Этимологически «повод» понимается как «обстоятельство, способное быть основанием для чего-нибудь» [8, с. 428]. Как философская категория, «повод» означает «событие, обстоятельство, дающее побудительный толчок для наступления других последствий» [14, с. 346]. Иными словами, повод представляет собой фактическое обстоятельство, которое дает начало последующим действиям, последствиям. Сообщение о преступлении является поводом для начала уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве, которое согласно п. 9 ст. 5 УПК РФ начинается с момента его получения. Кроме того, сообщение о преступлении выступает законодательно определенным условием, побуждающим уполномоченные органы выполнить обязанность осуществить уголовно - процессуальные действия (ч. 1 ст. 144

УПК РФ) и фактическим обстоятельством, порождающим уголовно-процессуальные отношения. Общая теория права подобные обстоятельства относит к юридическим фактам, с которыми связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений [1, с. 163]. Таковыми и являются заявление о преступлении, заявление о явке с повинной и сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Подобную позицию отстаивают Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, рассматривая повод как юридический факт, порождающий указанные в законе права и обязанности, складывающиеся из них отношения [4, с. 92].

Кроме того, сообщение о преступлении является для уполномоченных органов источником информации о совершенном или готовящемся преступлении. Если слово «сообщение» определяется как передача известий, уведомление кого-нибудь о чем-нибудь, доведение до кого-нибудь сведений [8, с. 610], то буквальное толкование словосочетания «сообщение о преступлении» означает доведение сведений (информации) о виновно совершенном общественно опасном деянии, запрещенном уголовным законом под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ). В этом случае уместно сослаться на научное определение повода, данного авторами комментария к УПК РФ под редакцией В.Т. Томина, как информационного источника, из которого компетентные органы получают сведения о наличии данных о признаках преступления, а также сигнала об обязательности проведения проверки наличия таких признаков [5]. Аналогичную точку зрения имеет и П.А. Лупинская [6, с. 186]. Подобную позицию разделяют Р.Д. Рахунов [10, с. 31], А.П. Рыжиков [11], Б.Т. Безлепкин [2, с. 199] и другие ученые.

Сообщение о преступлении направляется в адрес органа, в чью компетенцию входит осуществление уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве и рассматривается уполномоченным на то должностными лицами. Оно должно быть оформлено в письменном виде, иметь предусмотренные законом реквизиты, процессуальную форму и рассматриваться в процессуальном порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.

Исходя из вышеизложенного полагаем, что *сообщение о преступлении* – заявление о преступлении, заявление о явке с повинной и рапорт об обнаружении признаков преступления, оформленные в соответствии с требованиями ст. 141–143 УПК РФ, адресованные органу, уполномоченному осуществлять уголовно-процессуальную деятельность в досудебном производстве, содержащие сведения о совершенном или готовящемся преступлении и подлежащие рассмотрению в порядке ст. 144 УПК РФ.

Вышеперечисленные признаки, характеризующие сообщение о преступлении, позволяют отграничить его от понятия «сообщение о происше-

ствии», которое также поступает в уполномоченные органы. В межведомственных и ведомственных нормативных правовых актах, устанавливающих единый порядок организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, данное понятие не определено. Исключением является Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденная Приказом МВД России № 736 от 29.08.2014 года (далее Инструкция МВД России), в которой под сообщением о происшествии понимается письменное заявление о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, в том числе о несчастных случаях, дорожно-транспортных происшествиях, авариях, катастрофах, чрезвычайных происшествиях, массовых отравлениях людей, стихийных бедствиях, в отношении которых требуется проведение проверочных действий с целью обнаружения возможных признаков преступления или административного правонарушения (п. 2.1.3. Инструкции МВД России).

Данная Инструкция предусматривает единый для всех сообщений порядок их приема и регистрации, однако проверка сообщения о происшествии имеет существенные отличия. Так, срок рассмотрения определяется руководителем (начальником) территориального органа МВД России с учетом требований ч. 3 ст. 8 и статьи 12 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Проверка сообщения о происшествии имеет целью обнаружение возможных признаков преступления, проводится не уголовно-процессуальными, а административными средствами. Различны и решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о происшествии и срок их принятия.

Изучение практики показывает, что в настоящее время в органах внутренних дел применяются различные формы приема сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Так, во всех регионах страны создана единая сеть дежурно-диспетчерских служб для вызова экстренных подразделений через единый телефонный номер «112» [9], в территориальных органах МВД России по субъектам федерации круглосуточно работает система «Горячей линии МВД России». В 2014 году МВД России разработано и внедрено приложение для смартфонов и планшетов, работающих на операционных системах Android и iOS, которое позволяет гражданам экстренно связаться с органами полиции в любом месте России в режиме реального времени и сообщить о преступлении [7]. На базе интернет-портала официальных сайтов МВД России и УМВД по субъектам Российской Федерации функционирует комплексный информационный

ресурс с использованием «он-лайн» коммуникационных систем. Интерактивные сервисы раздела «Прием заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях» обеспечивают гражданам возможность получить информацию по вопросам рассмотрения сообщений, подать его в электронном виде.

Результаты практической деятельности правоохранительных органов убедительно свидетельствуют о том, что привлечение информационных технологий в деятельность правоохранительных органов и использование системы электронного обеспечения в уголовно-процессуальной деятельности облегчает доступ граждан к правосудию, упрощает правоприменительные процессы, сокращает их сроки и затраты, ведет к сбережению ресурсов, способствует открытости информации, ее полноте и достоверности, существенно повышает результативность и эффективность уголовно-процессуальной деятельности.

В связи с тем, что в настоящее время для приема и регистрации сообщений о преступлении имеются реальные условия, правовые основания и технологические возможности, объективно существует необходимость правового регулирования отношений по приему и регистрации сообщений о преступлениях в электронном виде, придания законодательного статуса правовому понятию «электронное сообщение о преступлении» и его нормативного закрепления в УПК РФ.

Для формулирования правового понятия «электронное сообщение о преступлении», его признаков, формы и содержания необходимо обратиться к доктринальному и нормативному определению электронного документа.

До настоящего времени наукой не выработано однозначного определения данного понятия. М.В. Горелов полагает, что электронный документ – это информация, зафиксированная на электронном носителе, имеющая реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подтверждающая обстоятельства, имеющие правовое значение [3, с. 21]. По мнению С.И. Семилетова, таковым является документ, созданный при помощи электронных аппаратно-технических (ЭВМ) и программных средств, фиксируемый в цифровом коде в форме идентифицируемого именованного файла или записи в файле базы данных, доступный для последующей обработки в информационных системах, использования, воспроизведения и визуального восприятия, а также для передачи и получения по телекоммуникационным каналам связи [12, с. 101]. Данное определение представляется нам более точным.

Законодательное определение электронного документа содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данный закон выделяет две разновидности

электронного документа: электронное сообщение, как информацию, переданную или полученную пользователем информационно-телекоммуникационной сети (п. 10 ст. 2 Закона) и электронный документ, как документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2 Закона).

Полагаем, что сообщения о преступлении, полученные в электронной форме, следует рассматривать как электронный документ. Как носитель первичной информации о преступлении, он поступает в информационную систему с использованием электронных средств связи, автоматически включается в единый документооборот, становится элементом электронного взаимодействия, фиксируется с использованием технических средств в базе данных. Это позволяет в дальнейшем обрабатывать сообщение: автоматически регистрировать, отправлять подтверждение о получении, обмениваться информацией, извлекать и хранить ее, использовать в учетных документах и поисковых системах.

Электронное сообщение о преступлении может поступать в уполномоченные органы по различным информационно-коммуникационным каналам, однако формы такого сообщения существенно отличаются. Так, при приеме сообщения посредством сети Интернет через универсальную электронную карту, мобильное приложение для смартфонов и планшетов, официальные сайты правоохранительных органов, электронные терминалы, сообщение имеет единую унифицированную форму, содержащую реквизиты, предусмотренные УПК РФ для письменной формы сообщения. Кроме этого, сообщение о преступлении может поступать и через другие каналы информации: социальные сети, электронную почту, ISQ, Skype, факсимильную связь. Несмотря на то, что оно не имеет официально установленной формы, в нем содержится идентификационно-удостоверительный механизм источника информации.

Ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, обязывают должностных лиц принимать их вне зависимости от места и времени совершения преступного деяния, полноты сообщаемых сведений и формы представления.

Поскольку «сообщение о преступлении» представляет собой три различных по форме обращения, необходимо определить, какие из них могут быть поданы в электронном виде. На наш взгляд, к таковым следует отнести письменное заявление о преступлении и рапорт об обнаружении при-

знаков преступления. Согласно ст. 141 и 143 УПК РФ, они подаются в простой письменной форме, соблюдение которой в электронном виде обеспечивается предоставлением информации по единой унифицированной форме, доступной для последующего использования, а требование закона о наличии подписи лица, удовлетворяется идентификационно-удостоверительным механизмом.

Простую письменную форму имеет и заявление о явке с повинной, удостоверенное подписью, однако полагаем, что в электронном виде оно принято быть не может. Явка с повинной предполагает личное, добровольное и инициативное обращение лица с информацией о совершенном им преступлении непосредственно в органы и к должностным лицам, уполномоченным осуществлять уголовное преследование. В словаре С.И. Ожегова терминологическое понятие слова «явка» рассматривается в двух значениях: как место, где происходит встреча и как действие, означающее приход куда-нибудь по официальной надобности [8, с. 746]. Законодатель, используя термин «явка» в названии статьи, однозначно определяет свою позицию – лицо должно явиться (прийти) в компетентный орган и устно или письменно сообщить о совершенном им преступлении. Кроме того, личное обращение с заявлением позволит минимизировать возможность самоговора и злоупотребления со стороны должностных лиц.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что электронное сообщение о преступлении – заявление о преступлении, рапорт об обнаружении признаков преступления, полученные посредством факсимильной электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Полагаем, что законодательное закрепление процессуальных отношений с использованием информационных технологий возможно путем дополнения п. 43 ст. 5 УПК РФ; ч. 1 ст. 141 и ст. 143 УПК РФ словосочетанием «посредством факсимильной, электронной или иной связи, а также с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет». В окончательном варианте диспозиция п. 43 ст. 5 УПК РФ будет следующей: «сообщение о преступлении – заявление о преступлении, рапорт об обнаружении преступления, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, а также с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет»; явка с повинной; ч. 1 ст. 141 УПК РФ «Заявление о преступлении может быть сделано в устном или письменном виде, в том числе посредством факсимильной, электронной или иной

связи, а также с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а ст. 143 УПК РФ – «Сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, чем указанные в статьях 141 и 142 настоящего Кодекса, принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления, в том числе посредством факсимильной, электронной или иной связи, а также с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
2. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебник. – М.: ТК Велби, 2003. – 480 с.
3. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 21 с.
4. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. – М.: Госюриздат, 1961. – 206 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. – М.: Юрайт, 2001. – 815 с.
6. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право. – М.: Юрист, 2005. – 815 с.
7. Мобильное приложение МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/apps/> (дата обращения: 20.05.2014).
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд. – М.: Рус. яз. – 1989. – 750 с.
9. О системе обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112»: постановление Правительства РФ № 958 от 21.11.2011 // СПС «Консультант Плюс».
10. Рахунов Р.Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1954. – 88 с.
11. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».
12. Семилетов С.И. Электронный документ как продукт технологического процесса документирования информации и объект правового регулирования // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 92–102.
13. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
14. Философский словарь. 6-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.

ПРАВОВАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ ДАННЫХ В ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМАХ МВД РФ С ИНФОРМАЦИЕЙ ИЗ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматривается правовая и практическая возможность объединения данных в информационно-поисковых системах МВД РФ с информацией из сети Интернет. Рассмотрено законодательство в сфере получения данных в информационно-поисковых системах МВД РФ и информации, которая находится в сети Интернет. Проанализированы современные технологии обработки данных и предложен механизм парсинга, позволяющей получать данные из Интернета. Это имеет важное теоретическое и практическое значение для исследования возможностей объединения данных в информационно-поисковых системах полиции МВД РФ с информацией из сети Интернет.

Актуальность работы определяется тем, что информационные поисковые системы, как неотъемлемая составляющая полиции МВД РФ, лишь незначительно претерпевала изменения с момента ее создания как на законодательном, так и техническом уровне.

Авторами статьи выявлен и законодательно обоснован механизм обработки, объединения и анализа данных путем парсинга. На основе проведенного исследования автором предлагается внести дополнение в статью 17 закона РФ «О полиции».

Ключевые слова: банк данных, Интернет, поисковые системы, социальные сети, ВКонтакте, индексация сайта, контент, парсинг.

XXI век предстал эрой компьютерных технологий. Компьютерная среда затронула практически все отрасли жизнедеятельности человечества. Имея компьютер и доступ к глобальной сети Интернет, можно получить желаемую информацию без помощи посторонних лиц за доли секунды. Очень быстро компьютерные технологии стали необходимыми помощниками в повседневной жизни человека, в том числе, и на службе сотрудников правоохранительных органов. Компьютеризация в органах внутренних дел (ОВД) Российской Федерации привела к созданию государственных информационно-поисковых систем или Банков данных.

Основной задачей Банков данных в органах внутренних дел является оперативное предоставление информации при расследовании и раскрытии преступлений.

Формирование и ведение федеральных учетов, баз данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, статистической и иной информации – одна из функций МВД России, предусмотренной п. 8 ч. 13 Положения № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации», утвержденного Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г [5].

Уже сейчас в органах внутренних дел России созданы и функционируют региональные, межрегиональные и федеральные автоматизированные Банки данных информации.

Условно все многообразие Банков данных можно разделить на шесть типов:

- 1) информационно-справочные системы;
- 2) автоматизированные рабочие места;
- 3) экспертные, экспертно-консультирующие системы;
- 4) расчетно-аналитические системы;
- 5) автоматизированные обучающие системы;

6) автоматизированные системы обработки изображений.

Перечень лиц, о которых разрешено собирать сведения в Банки данных МВД, закреплен в ст. 17 Закона РФ «О полиции». В первом пункте статьи также указано, что полиция имеет право обрабатывать данные о гражданах, необходимые для выполнения возложенных на нее обязанностей, с последующим внесением полученной информации в Банки данных [6, с. 900].

Анализируя статью, можно сделать вывод, что целью таких Банков в МВД РФ зачастую является накопление информации о лицах и о деяниях, которые они совершили ранее.

В свою очередь органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность для решения возложенных на них задач, могут создавать и использовать информационные системы на основании ст. 10 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7].

На практике вся информация о лице заносится в Банки данных в ручном режиме и только после того, как лицо совершило некое деяние. Зачастую источником информации о действии лица является лишь заведенная на него карточка. Впоследствии информация, которая была занесена в Банк данных сотрудником органа внутренних дел, может не пополняться годами из-за отсутствия источника получения информации. В связи с устаревшими данными в Банках данных МВД при раскрытии и расследовании преступлений оперативный сотрудник ОВД вынужден прибегать к поиску альтернативных источников для получения актуальной оперативно значимой информации.

Очень часто при раскрытии и расследовании преступлений сотрудником ОВД РФ, альтернативными источниками получения оперативно значи-

мой информации выступают не только Банки данных в системе МВД, но и Интернет-сайты.

По данным сайта Liveinternet.ru, по состоянию на 26.12.2015 самыми посещаемыми ресурсами в сети Интернет являются социальные сети, такие как ok.com («Одноклассники»), vk.com («ВКонтакте»).

Только на сайте «Одноклассники» на указанную дату зарегистрировано 154 757 393 пользователей, а в этот день его посетило 45 030 868 пользователей. Соответственно на сайте «ВКонтакте» зарегистрировано 118 766 902 пользователей, в день его посетило около 48 304 727 пользователей [3].

Очень часто сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности активно прибегают к помощи такой социальной сети как «ВКонтакте». Так, например, в социальной сети «ВКонтакте» сотрудниками ОВД создана и функционирует группа «Омская полиция». Она является открытой для вступления всех пользователей и максимально доступной для выражения собственного мнения, добавления своего видео-, аудио-, фотоматериала. На ленту новостей УМВД Омской области ежедневно загружается различная информация, сопровождаемая, как правило, фото- или видеоматериалами, ведь «...чем внимательнее человек отнесется к информации, тем лучше он ее запомнит. Главное условие – представление события должно быть неординарным, отличающимся от других». Посетителям группы предложены визуальные изображения статистических данных о происшествиях, работе полиции по противодействию правонарушениям [4, с. 8]. Зачастую данные, полученные из социальных сетей, сотрудникам ОВД приходится в ручном режиме сопоставлять и анализировать с данными, которые накоплены в Банках данных МВД РФ. Этот процесс усложняется и тем, что сотрудникам полиции зачастую не хватает времени и навыков для анализа и обработки информации, которую предоставляет Интернет.

Из вышеуказанного следует, что проблема автоматического наполнения оперативными данными о гражданине в Банках данных ОВД и сравнительный анализ полученной информации из различных Интернет-источников является актуальной в связи с развитием социальной популярности данной отрасли. Поэтому актуализация поиска новых информационных источников, создание механизмов получения данных и автоматический анализ информации является основанием не только для того, чтобы наполнить Банки данных ОВД информацией о лице, но и для нахождения и предотвращения преступлений.

Автоматизации при наполнении Банков данных ОВД РФ оперативно значимой информацией из сети Интернет возможно достичь путем решения следующих задач:

– анализа существующих современных технологий при автоматизации обмена информацией;

– анализа действующего законодательства на предмет получения и использования данных из альтернативных источников для занесения в Банки данных ОВД РФ;

– возможности правового и практического применения данных при объединении Банков данных ОВД и Интернет-сайтов.

Примером механизма поиска информации в сети Интернет могут послужить поисковые системы с мировым именем, такие как Google, Яндекс, Mail.ru и т.д.

Для того чтобы поисковая система занесла в свою базу данных информацию об Интернет-ресурсах и в дальнейшем отображала его содержимое при запросе необходима регистрация в поисковой системе, добавление доменного имени ресурса с целью поиска, индексации и выдачи размещенного на ресурсе контента пользователю при запросе.

Контентом чаще всего являются статьи, ссылки, документы, также могут индексироваться изображения, аудио и видеозаписи, и т. д. В связи с тем, что сайт состоит не только из контента, но и языков программирования, для того, чтобы получить только контент, применяется механизм парсинга.

Парсинг сайтов – последовательный синтаксический анализ информации, размещенной на Интернет-ресурсах, позволяющий выделить контент.

По сравнению с человеком, компьютерная программа-парсер:

- быстро обойдет тысячи веб-страниц;
- отделил техническую информацию (языки программирования) от «человеческой»;
- безошибочно отберет нужное и отбросит лишнее;
- эффективно упакует конечные данные в необходимом виде.

Полученный в ходе парсинга результат представляется в виде базы данных или электронной таблицы [1].

Как видим, возможности современных технологий позволяют получать общедоступные персональные данные о пользователях в автоматическом режиме, но остается не решенным вопрос законности использования такой информации и не раскрыты возможные механизмы получения этих данных из Интернета.

Частично социальные сети берут на себя правовое обязательство на ограничение использования персональных данных пользователем путем принятия Пользовательского соглашения.

Например, при регистрации на сайте «ВКонтакте» согласно пункту 5.5. Пользовательского соглашения указано, что после предоставления информации, пользователю необходимо пройти ряд удостоверяющих процедур, а именно, а) подтвердить регистрацию путем распознавания автоматизированного теста, предназначенного

для различия компьютеров и людей; б) подтвердить свою регистрацию путем активации персональной страницы через сообщение, отправленное администрацией сайта на электронную почту пользователя; в) подтвердить регистрацию путем введения в соответствующую форму на сайте кода, полученного пользователем в виде sms-сообщения от администрации сайта на мобильный телефон пользователя, номер которого предоставляется самим пользователем. В случае верного последовательного выполнения всех регистрационных действий на сайте создается персональная страница пользователя, имеющая сетевой адрес вида: [http://vk.com/id\[номер\]](http://vk.com/id[номер]). Пользователь вправе присвоить персональной странице короткое (поддоменное) имя, заменяющее порядковый номер id при адресации в сети Интернет. Также в пункте 7.1.3. Правил говорится о том, что пользователь, размещая на сайте принадлежащий ему на законных основаниях контент, предоставляет другим пользователям неисключительное право на его использование путем просмотра, воспроизведения (в том числе копирования) и иные права исключительно с целью личного некоммерческого использования, кроме случаев, когда такое использование причиняет или может причинить вред охраняемым законом интересам правообладателя [2].

Мы предполагаем, что персональные данные, которые пользователь после регистрации самостоятельно оставил на том или ином Интернет-ресурсе, являются общедоступными персональными данными. В свою очередь в соответствии со ст. 3 Федерального закона РФ от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» Общедоступные персональные данные – персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен с согласия субъекта персональных данных или на которые в соответствии с федеральными законами не распространяется требование соблюдения конфиденциальности [8].

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что любой зарегистрированный и авторизованный пользователь имеет право просматривать контент другого зарегистрированного пользователя, а также осуществить поиск путем ввода анкетных данных в поисковое поле на сайте «ВКонтакте» или при помощи ввода id, зарегистрированного на сайте пользователя в адресную строку браузера.

С целью автоматизированного пополнения Банка данных МВД автор предлагает получать и обрабатывать информацию из сети Интернет путем рассмотренного выше механизма-парсинга. То есть программа-парсер будет выступать от имени зарегистрированного пользователя и в автоматическом режиме сопоставлять информацию, которая находится в Банках данных МВД РФ с информацией, которая хранится в сети Интернет, и в случае сходства данных будет объединять их.

Уже сейчас существует множество программ-парсеров, основной функцией которых является парсинг страниц Интернета. Одной из таких программ является VK Parser. Программа позволяет собрать информацию о подписчиках группы или публичной страницы.

Благодаря удобному интерфейсу пользоваться программой может даже не опытный человек. К примеру, введя ссылку на интересующее сообщество, «VK Parser» в автоматическом режиме соберет информацию о подписчиках из поиска «ВКонтакте».

«VK Parser» собирает следующую информацию о каждом подписчике:

- страна;
- город проживания;
- пол;
- дата рождения;
- возраст;
- количество друзей;
- принимает ли пользователь сообщения;
- семейное положение;
- мобильный телефон, Skype;
- сбор подписчиков групп по нужным критериям.

Используя возможности «VK Parser», можно отфильтровать запрос, выбрав точную дату рождения или возраст в диапазоне, семейное положение и ВУЗ, выбрать анкеты, где указан только номер телефона [9].

Такой метод как парсинг наглядно демонстрируют, что уже сейчас существует возможность получения из Интернет-ресурсов общедоступной информации в автоматическом режиме, которая в свою очередь может выступать как оперативно значимая при раскрытии и расследовании преступлений. Например, используя определенные алгоритмы при объединении информации Банков данных МВД и данных, полученных в ходе парсинга, можно получить следующие результаты:

– после постановки лица на учет в Банке данных МВД как без вести пропавшего или разыскиваемого, программа-парсер автоматически в определенный период времени будет обращаться к id-странице вышеуказанного лица и проверять, были ли изменения, совершенные пользователем на его странице. Если таковые действия имели место, то об этом поступит уведомление;

– по заданным критериям при помощи парсинга, автоматически будет осуществляться поиск слов или словосочетаний, которые могут послужить основанием для выявления готовящегося преступления, о чем также будет поступать уведомление;

– сопоставлять данные о месте проживания потерпевшего, анализировать круг лиц, которые проживают рядом с местом совершения преступления, получить данные о том, находилось ли лицо на момент совершения преступления онлайн возле

места совершаемого преступления, с целью получения от него информации как от возможного очевидца правонарушения.

Мы предполагаем, что это может стать возможным благодаря продуманной системе организации работы органов внутренних дел, создания законных оснований и усовершенствования механизма функционирования Банков данных МВД РФ. Для оперативного реагирования, своевременного раскрытия и качественного расследования преступлений с применением Банков данных МВД и Интернет-ресурсов необходимо надлежащее взаимодействие между подразделениями и службами органов внутренних дел в ходе расследования, а также создание специализированных информационно-аналитических групп из числа лиц, которые обладают аналитическими возможностями, умением программировать и создавать базы данных для объединения Банков данных МВД и Интернет-сайтов.

На основании вышеизложенного с целью законного использования информации, полученной из Интернет-ресурсов, целесообразно дополнить ст. 17 Закона РФ «О полиции» пунктом следующего содержания: «Полиция имеет право дополнять существующую информацию о лицах, занесенных в Банки данных МВД, и использовать в своей деятельности данные, полученные из сети Интернет».

Это даст возможность на законодательном уровне автоматизировать объединение данные, которые уже имеются в Банках данных МВД РФ с информацией, которая находится на сайтах сети Интернет. Увеличится объем дополнительной, динамически обновляемой информации о лице, которую пользователь будет самостоятельно редактировать и наполнять. Объединение данных даст возможность не только автоматизировать процесс наполнения информацией Банков данных МВД РФ, но и постоянно отслеживать деятельность лица, подозреваемого в совершении преступления, расширит

представление о его преступных связях, позволит предотвратить готовящееся преступление.

Библиографический список

1. Парсинг: Что? Зачем? Как? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parsing.valemak.com/> (дата обращения 26.12.2015).
2. Правила пользования Сайтом «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/terms> (дата обращения 26.12.2015).
3. Рейтинг сайтов liveinternet [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/rating/ru/> (дата обращения 26.12.2015).
4. Тимко С.А., Жайворонок А.В. Информационное сопровождение деятельности полиции посредством СМИ на региональном уровне (на примере Омской области) // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – Выпуск № 3 (62) – С. 8.
5. Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 01.03.2011 № 248 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_111139/ (дата обращения 26.12.2015).
6. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства – 14.02.2011. – № 7.
7. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=181943> (дата обращения 26.12.2015).
8. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 26.12.2015).
9. VK Parser и его друзья [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vkparser.ru/> (дата обращения 26.12.2015).

АНАЛИЗ КАТЕГОРИЙ «СУЩЕСТВЕННОСТЬ» И «НРАВСТВЕННЫЕ СТРАДАНИЯ», ПРИМЕНЯЕМЫЕ СУДАМИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В статье раскрывается сущность терминов *существенность* и *нравственные страдания* при оценке судами размера компенсации морального вреда, причиненного гражданам; показаны основания для пересмотра таких решений вышестоящими судебными инстанциями. Исследованы основные признаки и свойства, которые приводят к качественной защите прав, свобод и законных интересов граждан.

По мнению автора для более глубокого анализа дефиниции *существенность* следует использовать метод системно-информационного анализа, разработанный немецким ученым Куртом Геделем. Автор глубоко убежден в том, что *существенность* есть производная от сущности (сути), т.е. более тонкого интегративного построения (структуры), выражающей преобладающее качество – свободу как условие снятия неопределенности с понятия «существенности».

Рассматривая категорию *нравственные страдания*, автор анализирует мнение Зигмунда Фрейда, который в своих работах исследует 3 основных источника страданий: превосходящие силы природы, бренность человеческого тела и недостатки интуиций, регулирующих взаимоотношения людей в семье, обществе и государстве. Автор придерживается мнения, что страдание можно разделить на *соматическое, висцеральное и нравственное* и анализирует каждое из них. В статье исследовано так называемое психогенное страдание (галлюцинация, невроз, психоз и т.д.), которое не подлежит компенсации как моральный вред. В заключение автор приходит к выводу, что страдание – это товар, который имеет, как и любой товар, определенную стоимость.

Ключевые слова: *существенность, нравственные страдания, соматическое, висцеральное страдание, источники страданий, компенсация морального вреда.*

Статья 2 Конституции РФ закрепляет важное положение, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Государство же обязуется защищать эти права и свободы. Как справедливо указывает А.А. Григоров, процедура осуществления судебной защиты достаточно полно и широко урегулирована нормами действующего законодательства. Процессуальные вопросы судебной защиты в судах общей юрисдикции урегулированы нормами Гражданско-процессуального кодекса РФ [1, с. 215].

При оценке судами размера компенсации морального вреда, причиненного гражданам, часто возникают спорные вопросы, как в теоретическом, так и в практическом плане. Нередко необоснованность судебных решений определяется существенными нарушениями норм материального или процессуального права (ст. 387 Гражданско-процессуального кодекса РФ). Основаниями для пересмотра таких решений вышестоящими судебными инстанциями являются существенные для дела обстоятельства (п. 1 ч. 2 ст. 392 Гражданско-процессуального кодекса РФ). В таких случаях размер компенсации морального вреда определяется критериями, среди которых существенными являются следующие: характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины человека, причинившего вред, разумность, справедливость, фактические обстоятельства дела, индивидуальные особенности потерпевшего (ч. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса РФ).

В связи с этим возникает вопрос: что означает понятие «существенность»? В настоящее время

установление существенности нарушения норм процессуального права являются правила ст. 364 Гражданско-процессуального кодекса РФ, а нарушением норм материального права являются правила ст. 363 Гражданско-процессуального кодекса РФ. Существенность этих нарушений оценивается с учетом конкретных обстоятельств и значимости последствий нарушений прав, свобод и законных интересов для лица, что нельзя признать достаточным.

По нашему мнению, существенность, как критерий правосудности судебных актов, определяется наличием признаков и свойств, которые приводят к сверхсуммарной или качественно новой защите прав, свобод и законных интересов, предусмотренных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. (с изм., внесенными Протоколом от 13.05.2004 № 14) [3] и в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. [2; 3].

Автор убежден в том, что для более глубокого анализа дефиниции *существенность* следует использовать метод системно-информационного анализа, разработанный немецким ученым Куртом Геделем в двух теоремах о неполноте формальных систем. Первая теорема доказывает, что в содержательных формальных системах имеются неразрешимые предложения, т.е. предложения, которые недоказуемы и одновременно непроверяемы. Вторая теорема содержит положение о невозможности доказать непротиворечивость формальной системы средствами самой системы. То есть чтобы доказать непротиворечивость формальной судебной системы, в рамках которой формулируется

дефиниция «существенность», надо применить более сильные методы, в частности метод системно-информационного анализа [7, с. 173].

Другой способ выражения существенности через суть, т.е. через характеристику основной фактуры и структуры построения, обладающей фундаментальными данными (базы знаний) для осуществления полноценного процесса прогрессивного развития, в результате которого личность получает ряд трансформативных изменений, т.е. прогрессирует путем чувственного и логического отражения реальности со способностью проникать в сущность вещей и явлений согласно закону обратной зависимости понятий «существенность» и его сущность, то есть чем больше объем понятия, тем меньше его сущность. Из этого вытекает, что существенность есть производная от сущности (сути), т.е. более тонкого интегративного построения (структуры), выражающего преобладающее качество – свободу как условие снятия неопределенности с понятия «существенности». Судебная система, по оценке многих средств массовой информации не свободна в оценке данных, поэтому не может снять неопределенность с данного понятия. Поэтому для полной реализации принципа, закрепленного в ст. 10 Конституции РФ ее необходимо наполнить прогрессивным содержанием, что будет соответствовать идеалам демократического правового государства.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. (в ред. от 06.02.2007 г.), «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (пп. 6, 8, 9) [5], нравственные страдания определяются переживаниями: утратой родных, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением порочащих сведений, ограничением прав и свобод, несчастным случаем и др. Часто нравственные страдания приводят к заболеваниям. Зигмунд Фрейд указывал 3 основных источника страданий: превосходящие силы природы, брэнность человеческого тела и недостатки интуиций, регулирующих взаимоотношения людей в семье, обществе и государстве. Он определял нравственность как регулирующую функцию человеческого поведения, связав ее сущность с ограничением влечений [6, с. 245]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что физическое благополучие, как целое, может быть нарушено как физической травмой, так и нравственными переживаниями, от которых можно заболеть. В словаре русского языка С.И. Ожегова страдание определяется как физическая или нравственная боль, т.е. две части морального вреда связаны между собой через боль [4, с. 723].

Страдание дает сведения об окружающем мире, отражает внешние или внутренние опасности, грозящие человеку. Тем самым оно позволяет

приспособиться к миру и необходимо для жизни. Следовательно, страдание повышает наши шансы на выживание. По многим своим физиологическим свойствам оно сравнимо с ними, хотя и имеет особенности. Чтобы компенсировать страдание необходимо понимать эти особенности. Страдание – это физическое или нравственное переживание в пространстве и времени, связанное с истинным или потенциальным повреждением здоровья или представляемое в терминах такого повреждения, в общем виде как вред сознанию и его носителю и как форма представления о мире. Из этого вытекает, что страдание – это нечто большее, чем просто ощущение, поскольку сопровождается эффективным переживанием, требующим существенных затрат энергии. Страдание в полной мере ощущается тогда, когда его источник создает опасность здоровью и может быть ограничено в информационном плане (чем больше информации об источнике страданий и самом страдании, тем последнее меньше). Хотя страдание и связано в конечном итоге с ухудшением здоровья или с риском такового, для его ощущения неважно, происходит ли это ухудшение на самом деле. Важной особенностью страдания является то, что оно представляет в окружающий мир. В некоторых случаях страдание может быть приятным, при которых его компенсация не производится (например, страдания влюбленного человека). Следовательно, речь идет о неприятных страданиях, требующих для его снижения соответствующей компенсации.

Страдание можно разделить на *соматическое*, *висцеральное* и *нравственное*. *Соматическое страдание* может быть поверхностным и глубоким, вызывающим трату энергии. Поверхностное страдание – это ярко и легко определяемое локальное ощущение, которое с прекращением источника воздействия быстро угасает или переходит в более трудно локализуемое продолженное ноюще-тупое ощущение (состояние). Глубокое соматическое страдание – это тупое и трудно локализуемое подповерхностное ощущение, имеющую тенденцию к иррадиации в окружающем пространстве.

Висцеральное страдание связано с деформацией внутренних систем или их частей. *Нравственное страдание* – это дисгармония внутри системы и тоже трата энергии. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что страдание – это по существу неконструктивная трата энергии при отсутствии трения компенсаторов или недостаточности информации в системе и как бездействие. Информация – это то, что ограничивает энергию страдания. Введение в систему информации тормозит эскалацию страдания и снижает его уровень и связи, т.е. изменяет структуру энтропии. Страдание – это существенный представительный элемент хаоса в системе, тормозящей ее развитие. По существу весь окружающий мир – это прояв-

ленное или неосознаваемое страдание и представление через него о нем. Время как интервал между представлениями есть потенциальная связь между элементами страдания. Острое страдание обычно ограничено повреждением существенной части системы, оно указывает на грозящее или уже произошедшее повреждение системы и поэтому обладает четкой сигнальной и предупреждающей функцией, после устранения повреждения системы (компенсации) оно быстро исчезает. Если страдание сохраняется или регулярно повторяется, то оно является хроническим. В этом случае не наблюдается прямой связи между интенсивностью страдания и степенью органического повреждения системы. В пределе оно может быть вообще независимым (автономным) от источника страданий (внешнего или внутреннего) и проявляться как отдельное индивидуальное данное, отличное от острого страдания. Обычно хроническому страданию нельзя приписать какой-либо физиологической функции. В этом отношении оно бессмысленно и его не нужно компенсировать. Однако игнорировать это бессмысленное страдание нельзя, т.к. хроническое страдание может иметь социальную функцию, которая грозит разрушить социальную структуру, например, семью или коллектив, в котором живет и работает страдающий человек. Иногда внешнюю причину (источник) хронического страдания найти невозможно. Это так называемый случай психогенного страдания (галлюцинация, невроз, психоз ит.д.). Характерное свойство такого страдания – то, что функция части системы не нарушена, даже когда человек сильно страдает. В данном случае у него налицо неосознаваемый психический конфликт, который он способен преодолеть как физический феномен без компенсации. Внешняя компенсация (мировое соглашение, решение суда) за данный интервал времени есть перевод страдания в удовольствие (удовлетворение), как смена направления движения в системе с усилением его информационной составляющей. Получается, что обобщенными единицами измерения страдания служат единицы измерения энергии – информации или мощности страдания и времени страдания, которые переводятся в денежный эквивалент.

В современных условиях рыночной экономики страдание – это товар, который имеет, как и лю-

бой товар, определенную стоимость. Компенсация за данный товар нестабильна, т.к. удовольствие (удовлетворение) также приносит страдание, хотя и внутреннее, и тогда вновь возникает движение, необходимое для избегания страдания, но уже за счет внутренней компенсации, какой может стать прощение или извинение. Таким образом, все вышеизложенное учитывает все критерии расчета компенсации морального вреда, приведенные в ч. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса РФ, что позволит ограничить судебское усмотрение и научно и обоснованно назначать размер компенсации морального вреда.

Библиографический список

1. Григоров А.А. Механизм самозащиты // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 215–219.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.
3. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. (в ред. от 06.02.2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (пп. 6, 8, 9) // Российская газета. – 1995. – 8 февраля.
6. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. – М.: Харвест, 2004. – 432 с.
7. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für mathematik und physik. – 1931. – Т. 38. – №. 1. – С. 173–198.

РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1998 ГОДА № 52-ФЗ

Федеральный закон от 28 февраля 1998 года № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», применяемый длительное время, совершенствуется законодателем, в него вносятся изменения и дополнения. При этом достаточно обширная судебная практика указывает на то, что по-прежнему имеются спорные вопросы, возникающие при применении названного Федерального закона. Причем наличие некоторых из них обусловлено именно новыми положениями закона. Ряд проблем, связанных с правоприменением в данной области, и возможные пути их разрешения обозначены в настоящей статье. Так, нами проанализированы ситуации, когда имеется неопределенность в вопросе, кто является страховщиком по наступившему страховому случаю: та страховая компания, с которой заключался договор страхования во время прохождения застрахованным службы, или та, с которой заключен новый договор страхования уже после увольнения застрахованного со службы, но в период действия договора страхования с которой была установлена инвалидность. Также исследован вопрос о применении закона при определении размера страховой выплаты. В статье приведено правовое обоснование момента, с которого следует начинать исчисление штрафа, предусмотренного пунктом 4 статьи 11 Федерального закона № 52-ФЗ.

Ключевые слова: обязательное государственное страхование жизни и здоровья сотрудников, разрешение судами споров, гражданские дела.

При разрешении судами дел, связанных с применением Федерального закона от 28 февраля 1998 года № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» [10], суды сталкивались с ситуацией, когда страховщик отказывал в выплате страхового возмещения по той причине, что страховая организация не является страховщиком по договору обязательного государственного страхования.

Так, при рассмотрении Ленинским районным судом г. Костромы гражданского дела по иску П. о взыскании страхового возмещения, страховая компания «Согласие», к которой первоначально был предъявлен иск, не признавая исковых требований, полагала, что страховое возмещение подлежит выплате страховой компанией, с которой УМВД России по Костромской области заключен государственный контракт о страховании сотрудников органов внутренних дел на 2012 год, поскольку страховой случай П., уволенного из органов внутренних дел в 2011 году, наступил в 2012 году, а действие контракта, заключенного между СК «Согласие» и УМВД России по области, истекло 31.12.2011 года. Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования в полном объеме с ООО Страховая компания «ВТБ Стра-

хование». При этом исходил из того, что действие государственного контракта, заключенного с ООО СК «Согласие», закончилось 31.12.2011 года, и оснований для возложения на данного ответчика обязанности по выплате страхового возмещения не имеется. Страховой случай наступил в период действия государственного контракта, заключенного с ООО СК «ВТБ Страхование», которое и является надлежащим ответчиком по делу [2].

Однако имеется и иная судебная практика по данному вопросу, обусловленная, на наш взгляд, не только положениями действующего в исследуемой области законодательства, но и условиями государственного контракта, заключенного между страховщиком и страхователем.

Так, при рассмотрении гражданского дела по иску С. судом было установлено, что С. проходил службу в органах внутренних дел. 4 марта 2011 г. между Главным управлением внутренних дел по Краснодарскому краю (страхователь) и ЗАО Страховая компания «Мегарусс – Д» (страховщик) был заключен государственный контракт № 12 обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников. На основании пункта 3.1.2 этого контракта осуществление страховых выплат уволенным лицам при наступлении страховых случаев в течение года после увольнения производится страховщиком, у которого эти лица были застрахованы на время увольнения. Приказом от 28 ноября 2011 г. № 744 л/с С. был уволен со службы из органов внутренних дел по п. «ж» ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел РФ, утв. постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (по болезни). Согласно справке МСЭ от 20

марта 2012 г., заболевание истца признано полученным в период прохождения военной службы, и ему установлена III группа инвалидности.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассматривая гражданское дело по кассационной жалобе С. на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 21 мая 2013 г., которым было отменено решение Октябрьского районного суда г. Краснодара от 28 февраля 2013 г. о частичном удовлетворении иска, пришла к выводу о том, что, определяя надлежащего ответчика по иску С. о взыскании суммы страхового возмещения, суд первой инстанции правомерно исходил из того, что страховой случай наступил 20 марта 2012 г., то есть в течение одного года после увольнения истца со службы, следовательно, на С. распространяется действие государственного контракта от 4 марта 2011 г., заключенного между ГУВД по Краснодарскому краю и ЗАО Страховая компания «МегаРусс – Д», которым предусмотрена выплата страхового возмещения при установлении застрахованному лицу инвалидности в период прохождения службы, либо до истечения одного года после увольнения со службы [5].

В связи с изложенным имеются достаточные основания полагать, что названные споры возникают по той причине, что подлежащие применению нормы материального права допускают неопределенность в вопросе о том, кто является страховщиком по наступившему страховому случаю.

Так, согласно п. 2 ст. 6 названного выше Федерального закона договор страхования заключается в письменной форме сроком не менее чем на один календарный год. Страховщик несет обязанность по выплате страховых сумм по страховым случаям, которые предусмотрены ст. 4 настоящего Федерального закона и наступили в период действия договора страхования.

При этом в силу ст. 4 установление застрахованному лицу инвалидности до истечения одного года после увольнения с военной службы, со службы после отчисления с военных сборов или окончания военных сборов вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в период прохождения военной службы, службы, военных сборов относится к числу страховых случаев.

Таким образом, возникает необходимость выплаты выгодоприобретателям страховых сумм и после истечения срока действия договора страхования и не вполне ясно, какая страховая компания это должна сделать: та, с которой заключался договор страхования во время прохождения застрахованным службы, или та, с которой заключен новый договор страхования уже после увольнения застрахованного со службы, но в период действия договора страхования с которой была установлена инвалидность?

Представляется, что если в Федеральном законе № 52-ФЗ будет более определенно указана страховая компания, которая должна произвести выплату, то условия обязательного государственного страхования сотрудников окажутся четко регламентированными, что позволит избежать неясностей в отношениях между участниками правоотношений по страхованию, уменьшит число неурегулированных разногласий между ними.

Судами также рассматривались дела, связанные с оспариванием застрахованным лицом размера страховой выплаты. При определении размера страховой выплаты суд исходил из положений п. 2 ст. 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ в редакции, действовавшей на момент наступления страхового случая, а не на момент увольнения застрахованного лица со службы.

Так, Димитровским районным судом г. Костромы 16.01.2013 г. было рассмотрено гражданское дело по искам Б. и Б. к ОАО «Росгосстрах» о взыскании недополученного страхового возмещения и штрафа. Как усматривается из материалов дела, истцам, которые проходили службу в органах внутренних дел, в течение года после увольнения была установлена III-я группа инвалидности в связи с заболеванием, полученным в период военной службы. При увольнении со службы страховой компанией было перечислено страховое возмещение в размере 25-ти окладов.

Право истцов на получение страхового возмещения ответчиком не оспаривалось, предметом спора являлся размер указанной выплаты. В ст. 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ в редакции, действовавшей до 01.01.2012г., размер выплаты определялся 25 окладами, в редакции, действовавшей с 01.01.2012г. – 500 тыс. руб.

Разрешая спор, суд указал, что право на получение страховой выплаты обусловлено наступлением страхового случая, т.е. установлением инвалидности. Группа инвалидности истцам была установлена в 2012 г., истцы обратились за получением страхового возмещения в 2012 г., т.е. в период действия новой редакции закона, соответственно выплата им страхового возмещения в размере 25 окладов и применение закона в редакции, действовавшей до 2012 г. на момент их увольнения со службы, является незаконным.

Суд посчитал, что с ответчика в пользу истцов подлежит взысканию недоплаченное страховое возмещение в размере разницы между 500 тыс. руб. и выплаченными истцам суммами. Решение суда ответчик не обжаловал [1].

Позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу является вполне определенной. Проверяя законность вынесенных нижестоящими судами решений по гражданским делам, Верховный Суд РФ считает, что при определении размера подлежащей выплате страхо-

вой суммы по страховым случаям, наступившим с 01.01.2012 года, применяются положения ст. 5 ФЗ от 28.03.1998 г. № 52-ФЗ в ред. ФЗ от 08.11.2011 г. № 309-ФЗ, что при расчете размера страховой выплаты следует руководствоваться не нормами закона, действующего на момент увольнения истца со службы, а нормами закона, действующего на момент наступления страхового случая [6; 7].

Также судами разрешались споры, касающиеся взыскания штрафа, предусмотренного п. 4 ст. 11 названного Федерального закона. Данная правовая норма предусматривает, что выплата страховых сумм производится страховщиком в 15-дневный срок со дня получения документов, необходимых для принятия решения об указанной выплате. В случае необоснованной задержки страховщиком выплаты страховых сумм страховщик из собственных средств выплачивает выгодоприобретателю неустойку в размере 1% страховой суммы за каждый день просрочки.

Рассматривая упомянутое выше гражданское дело и отказывая во взыскании штрафа, Дмитровский районный суд г. Костромы указывал, что по смыслу п. 4 ст. 11 ФЗ № 52-ФЗ от 28.03.1998 г., предусматривающего выплату штрафа, обязанность уплаты штрафа у страховщика возникает при невыплате им в установленный срок назначенных сумм возмещения вреда. Однако из материалов дела видно, что страховые выплаты в назначенном страховщиком размере 25 окладов были произведены истцам в установленный законом срок, выплаты в большем размере страховщиком не назначались в связи с наличием между сторонами спора по этому вопросу [1].

Очевидно, что определенную роль в таком правоприменении сыграла позиция Верховного Суда РФ, заключающаяся в том, что в случае возникновения спора о праве на назначение страховых выплат неустойка начисляется с момента неисполнения ответчиком вступившего в силу решения суда о назначении страхового возмещения, поскольку именно с момента вступления решения суда в силу субъекту страхования становится известно о том, что он должен производить названные выплаты [4].

Представляется, что в настоящее время позиция судов в вопросе реализации права на взыскание штрафа претерпела изменения.

Так, Верховный Суд РФ в «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан» отметил, что анализ судебной практики по спорам, связанным с добровольным страхованием имущества, показал, что у судов Российской Федерации нет однозначного подхода к решению вопроса, с какого именно времени начисляются проценты за пользование чужими денежными средствами. Некоторые суды полагают, что проценты за пользование чужими денежными средствами следует на-

числять с момента вступления решения суда о присуждении сумм страхового возмещения в законную силу. Более правильной является позиция других судов, которые полагают, что проценты за пользование чужими денежными средствами следует начислять с момента отказа страховщика в выплате страхового возмещения или его выплаты не в полном объеме [3].

В п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» предусмотрено следующее: «В силу п. 1 ст. 314 ГК РФ, если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения или период времени, в течение которого оно должно быть исполнено, обязательство подлежит исполнению в этот день или в любой момент в пределах такого периода. На этом основании проценты за пользование чужими денежными средствами следует начислять с момента отказа страховщика в выплате страхового возмещения, его выплаты не в полном объеме или с момента истечения срока выплаты страхового возмещения, предусмотренного законом или договором страхования» [8].

Поскольку в данных актах Верховного Суда РФ идет речь о правовых последствиях того же нарушения, что и в п. 4 ст. 11 Федерального закона № 52-ФЗ, т.е. действий (бездействия), повлекших задержку выплаты при отсутствии должных к тому оснований, то они могут быть применены и к вопросам взыскания штрафа за необоснованную задержку выплаты, предусмотренного пунктом 4 статьи 11 Федерального закона № 52-ФЗ.

Аналогичным образом вопрос о взыскании неустойки за несвоевременную выплату разрешен и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 29.01.2015 г. В п. 55 данного постановления разъяснено: «Размер неустойки за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты или возмещения причиненного вреда в натуральной форме определяется в размере 1 процента за каждый день просрочки от суммы страхового возмещения, подлежащего выплате потерпевшему по конкретному страховому случаю, за вычетом сумм, выплаченных страховой компанией в добровольном порядке в сроки, установленные ст. 12 Закона об ОСАГО (абзац второй п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО). Неустойка исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору» [9].

Таким образом, имеющий неустойчивую природу штраф, предусмотренный п. 4 ст. 11 Федераль-

ного закона № 52-ФЗ, являющийся по сути пеней, должен исчисляться со дня, следующего за днем, установленным для выплаты страхового возмещения, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по выплате.

Библиографический список

1. Архив Димитровского районного суда г. Костромы. – Гражданское дело № 2-85/2013.
2. Архив Ленинского районного суда г. Костромы. – Гражданское дело № 2-1263/2012.
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан, утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30.01.2013 г. – Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 5.
4. Определение Верховного суда РФ от 13.05.2011 г. № 23-В11-3. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». – Раздел «Судебная практика».
5. Определение Верховного Суда РФ от 06.10.2014 г. № 18-КГ14-120. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». – Раздел «судебная практика».
6. Определение Верховного Суда РФ от 02.03.2015 г. № 39-КГ14-3. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». – Раздел «Судебная практика».
7. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2015 г. № 31-КГ14-7 – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс». – Раздел «Судебная практика».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан». – Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 29.01.2015 г. – Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 3.
10. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» с изм. от 06.04.2015 г. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»: раздел «Законодательство».

СПОСОБЫ САМОЗАЩИТЫ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются отдельные способы применения самозащиты в области семейных правоотношений с присущими им особенностями, выявлен законодательный пробел в области применения самозащиты права и предлагаются изменения действующего законодательства. Автор полагает, что несмотря на наличие «ограничения» в применении способов защиты, которые должны быть прямо предусмотрены законом, и отсутствие в Семейном кодексе РФ прямой нормы, разрешающей применение «самозащиты», у субъектов правоотношений все же имеется возможность применить отдельные специальные способы самозащиты путем осуществления субъективного права. Данное обстоятельство указывает на несовершенство юридической техники законодателя и говорит об «ограниченности» осуществления защиты семейных прав. Применяемые субъектом права способы самозащиты зависят от личных неимущественных или имущественных правоотношений, составляющих предмет семейного права.

Ключевые слова: самозащита права, семейные правоотношения, способ самозащиты, права ребенка, формы защиты, охраняемый законом интерес, реализация права.

В соответствии со ст. 45 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Правовая норма ч. 2 ст. 45 Конституции РФ нашла свое развитие в ст. 12 и 14 Гражданского кодекса РФ, согласно которым самозащита, как один из способов защиты гражданских прав, допускается при условии, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Ст. 14 Гражданского кодекса РФ содержит общее правило о применении самозащиты, которое, по нашему мнению, можно распространить при применении самозащиты в большинстве отраслей частного права.

Дав официальное толкование указанным выше правовым нормам, Пленум Верховного суда РФ в п. 10 Постановления указал, что *лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения (ст. 14 ГК РФ).*

По смыслу ст. 1 и 14 ГК РФ самозащита гражданских прав может выражаться, в том числе, в воздействии лица на свое собственное или находящееся в его законном владении имущество. Самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае, если она обладает признаками необходимой обороны (ст. 1066 ГК РФ) или совершена в состоянии крайней необходимости (ст. 1067 ГК РФ). [13, с. 4].

Кроме того в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в ранее действующей редакции (до 23.06.2015 г.) указывалось, что *при разрешении споров, возникших в связи с защитой принадлежащих гражданам или юридическим лицам гражданских прав*

путем самозащиты (ст. 12 и 14), следует учитывать, что самозащита не может быть признака правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения и причиненный (возможный) вред является более значительным, чем предотвращенный [14, с. 2].

На эмпирическом уровне категории «самозащиты» уделяется достаточно большое внимание. Изучению данной категории посвящены диссертации, монографии, статьи. Однако среди ученых, занимающихся данной проблемой, также нет единого мнения относительно определения категории «самозащита», признаках, которыми обладает данная категория и условий ее применения.

По нашему мнению, самозащиту можно определить как *совершаемые в качестве ответных мер на нарушение прав лица, самостоятельно, обладающие соразмерностью последствиям данного нарушения, прямо не запрещенные законом, действия (бездействие) физических или юридических лиц, направленные на предупреждение, пресечение и восстановление нарушений своих субъективных прав, реализация которых влечет приобретение (достижение) охраняемых законом интересов, при условии не превышения установленных законом пределов* [5, с. 30].

Предложенное определение самозащиты, на наш взгляд, является наиболее емким и универсальным, поскольку содержит в себе все существующие признаки самозащиты права, а также показывает связь самозащиты с одной из форм реализации права – использование (осуществление) права – через категорию «охраняемый законом интерес». Указанное выше определение категории «самозащита» с присущими ей признаками вполне можно распространить и на семейные правоотношения.

В отличие от норм гражданского законодательства в области семейных правоотношений законодателем прямо не предусматривается возможность применения самозащиты. Однако следует отметить, что в соответствии со ст. 3 Семейного кодекса РФ, *Семейное законодательство состоит из*

Семейного кодекса, принимаемых в соответствии с ним других федеральных законов, а также законов субъектов Российской Федерации.

Ст. 4 Семейного кодекса РФ указывает, что *применительно к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированными семейным законодательством, применимы нормы гражданского законодательства, поскольку это не противоречит существу семейных отношений.*

В связи с этим в юридической доктрине справедливо отмечается, что данная правовая норма является предпосылкой применения норм о самозащите (ст. 12 и 14 ГК РФ) к семейным правоотношениям [8, с. 1; 3, с. 106; 7 с. 68].

Самозащита в области семейных правоотношений представляет собой защиту нарушенного права самими участниками семейных правоотношений. Такая форма допустима в случаях, когда субъект семейного правоотношения располагает возможностями правомерного воздействия на нарушителя без помощи суда или государственных органов. Важно подчеркнуть, что такие действия должны быть правомерными, соответствовать признакам самозащиты и не выходить за рамки соответствующих условий правомерности ее осуществления. Самозащита также может сочетаться с другими формами защиты семейных прав. Так, для подтверждения права, гражданин может обратиться в суд или административный орган.

В ст. 8 Семейного кодекса, следуя буквальному ее толкованию, можно выделить только две формы защиты: судебную и юрисдикционную. При этом отмечается, что способы защиты, которые допустимо применять, могут быть предусмотрены как статьями Семейного кодекса РФ, так иными федеральными законами. Соответствующие изменения в Семейный кодекс РФ о возможности применения защиты способами, предусмотренными иными законами, были внесены п. 2 ст. 2 Федерального закона от 30.12.2015 № 457-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Таким образом, законодатель, хотя прямо и не предусматривает применение самозащиты к семейным правоотношениям, но все же допускает возможность защищать свои права иными способами, предусмотренными законом, в том числе способами, относящимися к самозащите, которые должны быть прямо предусмотрены законом или Семейным кодексом РФ.

В юридической литературе подчеркивается, что самозащита в области семейного права допустима и является правомерным действием [16, с. 60; 6; 9, с. 50].

На наш взгляд, факт отсутствия в семейном кодексе норм, устанавливающих условия самозащиты, регулирующих порядок ее осуществления,

а также определяющих особенности, характерные применительно для семейных правоотношений, является недоработкой законодателя и указывает на необходимость внесения изменений в ст. 8 данного нормативного правового акта. В связи с этим целесообразно дополнить данную статью частью Третьей, изложив ее в следующей редакции: «3. Допускается самозащита гражданских прав, способы которой должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения».

Однако в ходе анализа норм семейного кодекса можно выделить ряд способов самозащиты, которые хотя прямо и не предусмотрены законом, но возможность их применения, как реализация субъективных прав, вытекает из положений действующего законодательства. Следует отметить, что применение данных способов обуславливается предметом регулирования семейных правоотношений. А именно: применяемые способы самозащиты должны зависеть от того, какие именно отношения подлежат защите: имущественные или личные неимущественные.

Безусловно, что имущественные отношения, урегулированные нормами семейного права, имеют определенное сходство с имущественными гражданско-правовыми отношениями. В связи с этим применительно к имущественным отношениям вполне применимы все способы самозащиты, используемые в гражданском праве (как иные способы, предусмотренные законом): **удержание; приостановление исполнения встречных обязательств, например, в случае неисполнения другим супругом встречных обязательств по брачному договору; действия в состоянии крайней необходимости, например, при спасении дорогостоящей коллекции старинных монет, относящихся к совместной собственности супругов, от стихийного бедствия приходит в негодность автомобиль, являющийся индивидуальной собственностью другого супруга.**

Несмотря на это, в нормах Семейного кодекса РФ прослеживается ряд специфических способов самозащиты, свойственных исключительно для защиты семейно-правовых отношений, применение которых основывается на использовании (осуществлении) субъективных прав, таких, как формы реализации права.

Одним из способов самозащиты, используемом исключительно в семейном праве, является **отказ в даче согласия одним из супругов на продажу недвижимости**, которая относится к общему совместному имуществу (ч. 3 ст. 35 СК РФ).

Другим способом самозащиты, применимым, пожалуй, только в области семейного права, является **заключение брачного договора между супругами или соглашения о разделе имущества, для изменения режима общей совместной собствен-**

ности в отношении определенного имущества супругов на режим индивидуальной собственности одного из супругов, с целью того, что бы на данное имущество не было обращено взыскание со стороны кредитора при удовлетворении судом иска о взыскании задолженности с супруга-должника. При этом следует помнить положения ст. 46 СК РФ, возлагающей обязанность на супруга-должника, уведомить своего кредитора о фактах заключения, изменения и расторжения брачного договора и о последствиях, наступающих при невыполнении данной обязанности в виде наступления полной ответственности по обязательству, независимо от содержания брачного договора. Кредитору же супруга-должника предоставлено право требовать изменения условий или расторжения брачного договора в порядке, предусмотренном ст. 451–453 ГК РФ. Кроме того, он вправе оспорить соглашение о разделе имущества по установленным законом основаниям. Данный способ самозащиты применим при защите принадлежащего супругам имущества от наложения на него взыскания.

Институт Брачного договора, закрепленный в главе 8 Семейного кодекса РФ, направлен на регулирование имущественных прав и обязанностей супругов, состоящих в браке и (или) в случае его расторжения. При этом в силу ч. 2 ст. 48 в брачный договор могут быть включены любые положения, касающиеся имущественных отношений супругов. Таким образом, супругом, также предоставлено право закрепить (оговорить) отдельные способы самозащиты имущества от действий второго супруга. Данные способы должны полностью соответствовать признакам самозащиты и не выходить за пределы условий правомерности ее применения.

Личные **неимущественные права и обязанности**, по нашему мнению, также возможно защищать самостоятельно, т.е. применять самозащиту.

Одним из способов самозащиты является **предоставление в компетентные органы пограничного контроля соответствующего заявления о несогласии на выезд ребенка за пределы РФ**. Подача такого рода заявления, согласно разъяснениям, содержащимся в информационном письме Управления пограничного контроля организационного департамента Пограничной службы ФСБ РФ от 27 июня 2007 года №21/1/7/3/ на основании Постановления Правительства РФ от 12.05.2003 № 273 «Об утверждении Правил подачи заявления о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации», является основанием для запрета в выезде ребенка за пределы РФ. Указанный способ самозащиты, несмотря на его закрепление в ином нормативном акте, основывается исключительно на принципе равенства прав и обязанностей родителей (ст. 61 СК РФ), является специфическим способом и свойственен исключительно семейно-

му праву. При этом, по нашему мнению, данное право будет являться способом самозащиты только в случае, если выезд ребенка за границу будет существенно нарушать родительские права одного из супругов, либо создаст реальную угрозу для нарушения (ущемления) этих прав. (Например, права на участие в воспитании ребенка, права на общение с ребенком). Не следует забывать, что даже при осуществлении такого рода самозащиты родитель в первую очередь должен действовать исключительно в интересах несовершеннолетнего ребенка. Только в этом случае указанный способ самозащиты будет соответствовать всем признакам и условиям правомерности ее осуществления. Если же реальная угроза или факт нарушения родительских прав отсутствуют, а родитель своим поведением пытается досадить другому родителю и действует не в интересах несовершеннолетнего ребенка, налицо факт неправомерного деяния, называемого самоуправством в широком смысле слова, поскольку превышаются установленные условия правомерности самозащиты.

Другим способом самозащиты прав несовершеннолетнего ребенка может выступать **изменение места жительства родителя, с которым проживает ребенок**. Так, в целях ограждения ребенка от негативно влияющего на него родителя, второй родитель, с которым проживает ребенок, может сменить место жительства, переехав, например, в другой регион. Такого рода самозащита допустима только в том случае, если общение ребенка с одним из родителей негативно сказывается на ребенке и, по сути, является первичной мерой. В случае если при осуществлении родительских прав имеют место быть случаи причинения физического или психического вреда здоровью ребенка, данные факты являются основанием для привлечения виновного родителя к соответствующей ответственности (уголовной, административной) и лишению (ограничению) родительских прав. При этом следует отметить, что один родитель не вправе самовольно запретить другому осуществлять свои родительские права.

Таким образом, при осуществлении самозащиты личных неимущественных родительских прав в первую очередь необходимо учитывать интересы ребенка. Данный принцип прослеживается в большинстве норм семейного кодекса (ст. 61–68 и др.), полностью соответствует конституционным принципам приоритета интересов ребенка, сохранения ему достоянного уровня жизни (ч. 2 ст. 7 и ч. 1 и 2 ст. 38 Конституции РФ) и неуклонно должен соблюдаться при осуществлении самозащиты.

Анализ норм Семейного кодекса показывает, что глава 11 целиком посвящена правам несовершеннолетних детей, которые необходимо соблюдать, охранять и защищать. В связи с этим в юридической литературе высказано мнение, что в *целях реализации*

требований Конвенции о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года) нуждаются в дополнительной проработке и рассмотрении государственными органами и общественными организациями предложения о введении в семейное законодательство Российской Федерации специальной нормы, которая регулировала бы порядок осуществления самозащиты ребенка, поскольку ее отсутствие может привести к ограничению реализации ребенком в полном объеме своего права на самозащиту, включая выбор ее возможных форм [2, с. 81; 17, с. 15].

В итоге можно заключить, что, несмотря на «ограничения в способах защиты (которые должны быть предусмотрены законом)», установленные положениями ч. 2 ст. 8 СК РФ, в нормах Семейного кодекса РФ и иных нормативных актах, относящихся к семейному законодательству (ст. 3 СК РФ), все же присутствуют отдельные способы самозащиты, которые имеют различную правовую природу и зависят от общественных отношений (имущественных или личных неимущественных), являющихся предметом семейного права [18, с. 7]. Такого рода «ограничение» в применении способов защиты, которые должны быть прямо предусмотрены законом и отсутствие упоминания о возможности применения «самозащиты», при наличии отдельных специальных способов самозащиты, указывает на несовершенство юридической техники законодателя и говорит об «ограниченности» осуществления защиты семейных прав. Наука семейного права оправдывает применение самозащиты наличием аналогии закона, распространяющей нормы гражданского законодательства на отношения, не урегулированные семейно-правовыми нормами. Принцип «защиты интересов ребенка» является основным принципом, который также должен учитываться при осуществлении самозащиты, чтобы она не переросла в «самоуправство» или «злоупотребление правом», как наказуемые деяния.

Библиографический список

1. Алексеева О.Г., Заец Л.В., Звягинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. С.А. Степанова. – Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2010. – 330 с.
2. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. – Владимир, 2000. – С. 81–135.
3. Геворгян М.А. Некоторые теоретические аспекты самозащиты как способа защиты семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 4. – С. 102–110.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. От 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (в ред. от 31.01.2015 г.) // СПС ГАРАНТ.
5. Григоров А.А. Самозащита: понятие и признаки // Вестник Костромского государственного

технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики. – 2011. – № 1. – С. 30–34.

6. Гувев А.Н. Постатейный комментарий к Семейному кодексу РФ – Система ГАРАНТ 2009 // Информационные ресурсы СПС ГАРАНТ.

7. Казакова Е.Б. Актуальные вопросы самозащиты в различных отраслях российского права в современных условиях // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 67–69.

8. Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Тамбов, 2006. – 24 с.

9. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. – М., 2008. – 548 с.

10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989). Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13.06.1990 № 1559-1. // СПС Консультант Плюс.

11. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

12. Письмо ФСБ России от 27.06.2007 № 21/1/7/3 «О необходимости наличия нотариально оформленного согласия на выезд ребенка за границу» // СПС Консультант Плюс.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 30.06.2015. – № 140. – С. 4–5.

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 13.08.1996. – № 152. – С. 2

15. Постановление Правительства РФ от 12.05.2003 № 273 «Об утверждении Правил подачи заявления о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 19.05.2003. – № 20. – Ст. 1902.

16. Пчелинцева Л.М. Комментарий к семейному кодексу РФ. – М.: Норма, 2006. – 808 с.

17. Пчелинцева Л.М. Обеспечение безопасности несовершеннолетних граждан семейно-правовыми средствами // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 15–18.

18. Семейное право: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2016. – 270 с.

19. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // СПС Консультант Плюс.

Мартынова Татьяна Николаевна

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
martynova.info@mail.ru

Сгибнева Ольга Валериевна

кандидат юридических наук
Московский государственный машиностроительный университет
sgibneva.info@mail.ru

ГАРАНТИЙНЫЕ И КОМПЕНСАЦИОННЫЕ ВЫПЛАТЫ РАБОТНИКАМ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Настоящая статья посвящена проблемам терминологии, касающейся гарантийных и компенсационных выплат работникам в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации и доктриной трудового права. Трудовое законодательство, регулирующее гарантии и компенсации работникам, не проводит четкой границы между основаниями предоставления материальных (имущественных) гарантий и компенсаций, предоставляемых работникам, зачастую смешивая либо не разделяя данные понятия, не выделяя материальных и нематериальных (процедурных) гарантий, что приводит к трудностям в применении их работодателями.

Авторами выявляются основания разграничения понятий материальных гарантий и компенсаций. Так, основной целью гарантий материального характера является сохранение за работником среднемесячной заработной платы (полностью или частично) за то время, когда работник не исполнял свои трудовые обязанности (исполнял не полном объеме) либо отсутствовал на работе по уважительным причинам. Материальные гарантии традиционно принято делить на гарантийные доплаты и выплаты. В свою очередь компенсациями являются денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами.

Ключевые слова: гарантии и компенсации работникам, гарантийные и компенсационные выплаты работникам, материальные (имущественные) гарантии и компенсации работника, трудовое право, трудовое законодательство.

Одной из мер защиты прав работников является предоставление работникам гарантий и компенсаций при осуществлении ими трудовой деятельности.

Принимая трудовое законодательство, государство преследовало следующие цели: создать благоприятные условия труда, осуществить защиту прав и интересов работников и работодателей и, в том числе, установить государственные гарантии трудовых прав и свобод граждан (абз. 1 ст. 1 Трудового кодекса Российской Федерации). В этой связи практически все нормы Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), регулирующие различные институты трудового права, направлены на достижение указанной цели – предоставления правовых гарантий при заключении, изменении и расторжении трудового договора в области оплаты труда, гарантий, связанных с ведением коллективных переговоров, а также гарантий, установленных для отдельных категорий работников и т.д.

Однако располагая нормы, регулирующие гарантии и компенсации, предоставляемые работникам, в разных главах ТК РФ, законодатель не проводит четкой границы между основаниями предоставления гарантий и компенсаций, зачастую смешивая либо не разделяя данные понятия, не выделяя материальных и нематериальных (процедурных) гарантий, что приводит к трудностям в применении их работодателем.

Законодатель уже в ст. 165 ТК РФ, указывая случаи предоставления гарантий и компенсаций,

не проводит четкой границы между основаниями (условиями) предоставления гарантий и основаниями (условиями) предоставления работникам компенсаций. Из содержания ч. 1 ст. 165 ТК РФ следует, что гарантии и компенсации в трудовых отношениях подразделяются на общие (гарантии при приеме на работу, переводе на другую работу, по оплате труда и другие), и гарантии и компенсации, предоставляемые в следующих случаях:

- при направлении в служебные командировки;
- при переезде на работу в другую местность;
- при исполнении государственных или общественных обязанностей;
- при совмещении работы с получением образования;
- при вынужденном прекращении работы не по вине работника;
- при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска;
- в некоторых случаях прекращения трудового договора;
- в связи с задержкой по вине работодателя выдачи трудовой книжки при увольнении работника;
- в других случаях, предусмотренных ТК РФ и иными федеральными законами.

При этом не разъясняется, что имеет ввиду законодатель под понятием «общие».

В научной литературе под общими гарантиями и компенсациями, в том числе гарантийными и компенсационными выплатами, подразумевают гарантии и компенсации, которые распространяются на всех без исключения работников [4, с. 50–51].

Разграничение понятий гарантии и компенсации осуществляется в теории трудового права. Так, Н.Г. Александров к компенсационным выплатам относил те выплаты, которые имеют целью возместить работнику материальные затраты, понесенные им в связи с исполнением трудовых обязанностей (при командировках, при переводах на работу в другую местность, при использовании работником собственного инструмента), а гарантийными выплатами называл выплаты, производимые в тех случаях, когда работник не выполнял работу на предприятии (учреждении) по причинам, признаваемым законом уважительными, то есть:

- связанные с выполнением государственных и общественных обязанностей;
- связанные с отдыхом и охраной труда работников;
- в связи с обучением без отрыва от производства;
- в связи с простоем;
- связанные с расторжением трудового договора [5, с. 435].

Кроме того, ТК РФ не конкретизирует отдельные виды гарантий, однако наличие в определении гарантий понятий «средства» и «способы» позволяют ученым выделять гарантии материальные (денежные) и процессуальные (не денежные) [9, с. 20], которые наступают, как следует из определения гарантий, при определенных «условиях», указанных в трудовом законодательстве. Некоторые авторы процессуальные гарантии называют организационными [7, с. 397], а материальные – имущественными [3, с. 213].

Таким образом, понятие «гарантии» шире, чем понятие «гарантийные выплаты», так как включают в себя и процессуальные (не денежные) гарантии, тогда как компенсации и компенсационные выплаты – это тождественные понятия, так как компенсации – это всегда денежные выплаты. В настоящей статье, исходя из ее проблематики, авторы будут рассматривать только материальные гарантии и компенсации.

Основная цель гарантий материального характера – сохранение за работником среднемесячной заработной платы (полностью или частично) за то время, когда работник не исполнял свои трудовые обязанности (исполнял не полном объеме) либо отсутствовал на работе по уважительным причинам.

В свою очередь, материальные гарантии в теории трудового права традиционно принято делить на гарантийные доплаты и выплаты [6, с. 188–189; 7, с. 397–399].

Гарантийные выплаты предоставляются в целях возмещения работнику заработка за периоды, когда он отсутствовал на работе по причинам, не зависящим от него. Соответственно, гарантийные выплаты не являются вознаграждением за труд, не измеряются количеством и качеством затраченного труда [2, с. 185] и выплачиваются работнику при

наступлении оснований, указанных в законодательстве, в течение действия трудового договора (по общему правилу), за время, которое должно быть рабочим, но фактически им не оказалось по причинам, не зависящим от работника [8, с. 78].

К гарантийным выплатам, в частности, относятся:

- сохранение среднего заработка на период ежегодного основного и дополнительных отпусков;
- предоставление дополнительных учебных отпусков с сохранением среднего заработка;
- выплата выходного пособия при расторжении трудового договора в установленных ТК РФ случаях, а также сохранение среднего заработка на период трудоустройства после увольнения по п. 1 или 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ;
- выплата работнику среднего заработка за время вынужденного прогула по решению органа по рассмотрению трудовых споров;
- сохранение за работником среднего заработка на время приостановления работы в связи с задержкой выплаты заработной платы;
- сохранение за работником среднего заработка в день сдачи крови и ее компонентов и за предоставленные в связи с этим дни отдыха.

Гарантийные доплаты в отличие от гарантийных выплат производятся дополнительно к начисленной заработной плате с целью сохранения его среднего месячного заработка в тех случаях, когда работник выполнял трудовую функцию, но в силу определенных причин не мог исполнять свои трудовые обязанности в полном объеме.

К гарантийным доплатам можно отнести:

- доплаты до среднего заработка или его части при невыполнении норм труда, изготовлении продукции, оказавшейся браком, простоем, в случае, если в указанных ситуациях нет вины работника;
- доплаты работникам, не достигшим 18 лет, при установлении им сокращенной продолжительности рабочего времени;
- доплаты женщинам за время перерывов для кормления ребенка до полутора лет, включаемых в рабочее время;
- доплаты отдельным категориям работников за время перерывов для обогрева и отдыха;
- доплата при переводе на нижеоплачиваемую работу до уровня среднего заработка по прежней работе;
- доплата до среднего заработка спортсменам в период временной нетрудоспособности и др.

В соответствии с абз. 2 ст. 164 ТК РФ компенсации определены как денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами.

При этом в ТК РФ понятие «компенсации» рассматривается в разных аспектах.

Во-первых, это компенсационные выплаты, входящие в состав заработной платы, которыми компенсируются дополнительные затраты собственного труда, например, сверхурочное время, работа в выходные дни и т.д. Во-вторых, это денежная компенсация, которая может быть выплачена за часть ежегодного оплачиваемого отпуска, превышающая 28 календарных дней (абз. 1 ст. 126 ТК РФ). В-третьих, это денежная компенсация за задержку выплаты заработной платы (ст. 236 ТК РФ), и, в-четвертых, собственно компенсации в смысле ст. 164 ТК РФ, которые имеют целью возмещать работнику не дополнительные затраты собственного труда, а расходы, понесенные в связи с выполнением обязанностей (суточные, расходы на проезд и т.д.).

В связи с этим ученые в области трудового права справедливо отмечают, что употребление в законодательных актах одного и того же термина без уточняющих определений затрудняет правильное понимание и применение правовых норм [1, с. 68].

Размер компенсации в смысле ст. 164 ТК РФ не зависит от результатов труда, допущенных работодателем нарушений, и может устанавливаться нормативными правовыми актами или локальными правовыми актами работодателя.

По мнению авторов, законодателю необходимо четко ограничивать понятие компенсаций (ст. 164 ТК РФ) от компенсационных выплат, предусмотренных другими институтами трудового права, такими как: заработная плата, время отдыха и материальная ответственность, либо уточнить данные понятия.

Нормами главы 7 ТК РФ урегулированы следующие виды компенсационных выплат:

- при направлении работников в служебную командировку и в связи со служебными поездками работников, постоянная работа которых осуществляется в пути или имеет разъездной характер, а также с работой в полевых условиях, работами экспедиционного характера;
- при переезде на работу в другую местность;
- компенсации в связи с вызовом органов следствия, дознания, прокуратуры и суда;
- компенсации работникам, совмещающим работу с получением образования;
- компенсации при несчастном случае на производстве и профессиональном заболевании;
- компенсации при направлении работника на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование;
- возмещение расходов при использовании личного имущества работника.

Необходимо иметь в виду, что трудовым законодательством устанавливается минимальный размер гарантийных и компенсационных выплат. Работодатели вправе увеличивать их, установив размеры в коллективном договоре или иных локальных

нормативных актах и трудовых договорах, а также вводить дополнительные гарантии и компенсации для работников.

Следует отметить, что при наступлении одних и тех же условий, законодателем может предусматриваться возможность предоставления всех трех составляющих материальных гарантий и компенсаций.

Так, например, в случае совмещения работником работы с обучением по имеющей государственную аккредитацию программе бакалавриата, программе специалитета или программе магистратуры по заочной форме обучения и успешно осваивающему эту программу, законодателем предусматривается предоставление работнику (ст. 173 ТК РФ):

- *гарантийной выплаты* – оплаты дополнительного отпуска в размере среднего заработка для прохождения промежуточной аттестации на первом и втором курсах соответственно – по 40 календарных дней, на каждом из последующих курсов соответственно – по 50 календарных дней (при освоении образовательных программ высшего образования в сокращенные сроки на втором курсе – 50 календарных дней); прохождения государственной итоговой аттестации – до четырех месяцев в соответствии с учебным планом осваиваемой работником образовательной программы высшего образования;

- *гарантийной доплаты* – доплаты в связи с сокращением по желанию работника рабочей недели на 7 часов (на период до 10 учебных месяцев перед началом прохождения государственной итоговой аттестации) в размере не менее 50 процентов от среднего заработка по основному месту работы за время освобождения от работы, но не ниже минимального размера оплаты труда;

- *компенсационной выплаты* – оплаты проезда к месту нахождения соответствующей организации, осуществляющей образовательную деятельность, и обратно один раз в учебном году.

В заключении представляется целесообразным на законодательном уровне разграничить:

- понятия гарантий и компенсаций применительно к случаям (основаниям) их предоставления,
- понятие компенсации, определенное ст. 164 ТК РФ, от компенсационных выплат, предусмотренных другими институтами трудового права, такими как: заработная плата, время отдыха и материальная ответственность, либо уточнить легальное определение понятия «компенсация».

Библиографический список

1. Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург: УГЮА, 1998. – 363 с.
2. Медведев О.М. Трудовое право. Практикум: учебное пособие / под ред. В.Л. Гейхмана, И.К. Дмитриевой. – М.: Юрайт, 2011. – 283 с.

3. *Миронов В.И.* Трудовое право. Учебник. – СПб.: Питер, 2008. – 864 с.
4. *Симонов В.И.* Понятие гарантий и компенсаций в трудовых отношениях // Трудовое право в России и за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 49–52.
5. Советское трудовое право / под ред. Н.Г. Александрова. – М.: Юридическая литература, 1972. – 576 с.
6. *Толкунова В.Н.* Трудовое право: курс лекций. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 320 с.
7. Трудовое право России: Учебник / под ред.

А.М. Куренного. – М.: Проспект, 2016. – 624 с.

8. *Цыпкина И.С.* Гарантийные и компенсационные выплаты // Материалы Всероссийской научно-практической конференции в области трудового права и права социального обеспечения / отв. ред. К.Н. Гусов. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 280 с.

9. *Цыпкина И.С.* К вопросу о целесообразности совершенствования законодательства о гарантиях и компенсациях в трудовом праве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 10. – С. 19–23.

УДК 343.159.5

Воробьев Сергей Михайлович

кандидат юридических наук, доцент
Академия ФСИН России, г. Рязань
sergey.vorobev.78@inbox.ru

Орлова Александра Андреевна

кандидат юридических наук, доцент
Академия ФСИН России, г. Рязань
orlova4685@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ИНЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПОРЯДОК РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

В статье, посвященной проблемам развития уголовно-процессуального института реабилитации, анализируется действие исследуемого института по восполнению социальной справедливости в отношении лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, раскрываются характерные особенности его нормативно-правового функционирования. Статья посвящена проблемам развития уголовно-процессуального института реабилитации. В ней приводятся характерные особенности нормативно-правового действия института реабилитации в системе российского права с учетом ее исторических, политических и самобытных процессов. В работе использовались современные общенаучные и специальные методы познания: анализ, синтез, историко-правовой, структурно-функциональный, нормативно-логический, комплексный и сравнительного правоведения. Научная новизна работы заключается в рассмотрении нормативно-правового регулирования института реабилитации в целом, так и реабилитации жертв политических репрессий в частности. Статья отражает субъективную позицию авторов по данной проблематике.

Ключевые слова: реабилитация, вред, компенсация, возмещение, уголовно-процессуальный статус, реабилитированный, государство, военнопленные, жертвы репрессий, справедливость.

Новой точкой отчета в государственной деятельности по обеспечению и защите нарушенных в СССР прав наших соотечественников, пострадавших от своеволия власти во время культа личности Сталина, явилось принятие Закона от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [2].

В нем признавалось, что в годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения по социальным, национальным и иным признакам. Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное Собрание Российской Федерации выразило глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявило о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Ст. 1 Закона закрепила определение политических репрессий, обозначив их как различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, имевшими на то административные полномочия.

В ст. 2 Закона определены категории лиц, на которых распространяется его действие:

– граждане Российской Федерации и государств – бывших союзных республик СССР, иностранные граждане и лица без гражданства, подвергшиеся политическим репрессиям на территории РСФСР с 25 октября (7 ноября) 1917 года;

– лица, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, репрессированные советскими судебными и административными органами, действовавшими за пределами СССР, либо военными трибуналами, центральными судами Союза ССР (Верховный Суд СССР и его коллегии) и внесудебными органами (коллегия ОГПУ СССР, особые совещания при НКВД – МГБ – МВД СССР, комиссия НКВД и Прокуратуры СССР по следственным делам);

– иностранные граждане, репрессированные по решению судов Союза ССР или внесудебных органов за пределами СССР по обвинению в деяниях против граждан СССР и его интересов. Вопросы реабилитации иностранных граждан, репрессированных по приговорам этих органов за пределами СССР на основании международных законов за деяния против интересов объединенных наций во Второй мировой войне, решаются в соответствии с международными соглашениями Российской Федерации с заинтересованными государствами.

При этом ст. 1.1 Закона распространяет дополнительную гарантию действия его положений в отношении:

– детей, находившихся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами их заменявшими в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении;

– детей, оставшихся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам.

В ст. 3 Закона закрепляются юридические основания применения института реабилитации в отношении:

а) осужденных за государственные и иные преступления;

б) подвергнутых уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ – ОГПУ, УНКВД – НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные функции;

в) подвергнутых в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод;

г) необоснованно помещенных по решениям судов и внесудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение;

д) лиц, бездоказательно привлеченных к уголовной ответственности, дела на которых прекращены по нереабилитирующим основаниям;

е) признанных социально опасными по политическим мотивам и подвергнутым лишению свободы, ссылке, высылке по решениям судов и внесудебных органов без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления.

В отношении лиц, указанных в пункте «в», реабилитация отнесена к компетенции органов внутренних дел, а в отношении других – к ведению прокуратуры. Реабилитация проводится на основе изучения уголовных дел и иных материалов. Справки о реабилитации выдаются реабилитированным, а в случаях их смерти – близким родственникам соответственно органами МВД и Прокуратуры РФ. Упрощенный внесудебный порядок реабилитации был введен для того, чтобы в короткий промежуток времени наконец-то была восстановлена справедливость в отношении многих невинно репрессированных советских граждан, ждавших этого момента десятилетиями, причем незаконность расправы над ними без труда усматривалась из материалов уголовных дел, т.е. была очевидной.

Несмотря на то, что в данном нормативном акте содержится комплекс мер, связанных с процедурой осуществления реабилитации, само ее понятие в нем отсутствует. В связи с этим мы полагаем необходимым внесение в ст. 1 Закона изменений для официального закрепления права на реабилитацию по аналогии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям. В ней предусматривается, в частности, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда [3].

К мерам реабилитации в соответствии с положениями ст. 12–16, 16.1 и 17 Закона относятся:

– восстановление в социально-политических и гражданских правах;

– восстановление в воинских и специальных званиях;

– возвращение государственных наград;

– предоставление мер социальной поддержки (льгот);

– выплачивание компенсаций реабилитированным гражданам и их наследникам за причинение в результате репрессий материального ущерба за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном данным Законом и другими нормативными актами РФ;

– возвращение конфискованного, изъятого и вышедшего иным путем из их владения в связи

с репрессиями имущества, либо возмещение его стоимости;

– выбор реабилитированными лицами места проживания, в том числе и по месту жительства до осуждения;

– обеспечение жилыми помещениями реабилитированных лиц и членов их семей;

– восстановление гражданства.

Судьи, следователи, сотрудники НКВД, МГБ, МВД и других органов, причастные к репрессиям, в соответствии со ст. 18 Закона, должны нести уголовную ответственность за содеянное, сведения о которых подлежат гласности. Следует отметить, что закон не содержит право реабилитированных лиц на компенсацию морального вреда. На наш взгляд это противоречит положениям Конституции Российской Федерации об охране законом прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений власти, обеспечении государством доступа потерпевшим к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52); имеющемуся праву каждого гражданина на государственное возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов власти или их должностными лицами (ст. 53).

Ст. 15 Закона предусматривает лишь единую денежную компенсацию лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, из расчета 75 рублей за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 10 000 рублей. Устанавливая подобную меру социальной защиты, законодатель, по нашему мнению, официально признал причинение морального вреда данным категориям лиц, точнее говоря, социального морального вреда, так как индивидуальный вред в этих случаях уже тяжело доказать. Вместе с тем указанные размеры компенсации заменяют действительную компенсацию морального вреда потерпевшим, наличествующую в рамках гражданского, гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства. Как нам представляется, эта статья закона должна претерпеть изменение в сторону увеличения размеров социальной компенсации с учетом социально-экономических показателей развития нашего государства. В связи с чем мы считаем, что изменение размеров компенсации необходимо производить посредством их определения, исходя из минимального размера оплаты труда.

Ввиду того, что официально установленный минимальный размер оплаты труда является наиболее приемлемым социально-экономическим показателем, учитывающим коэффициент инфляции в государстве и уровень жизни граждан, полагаем целесообразным изложение части 1 ст. 15 Закона

в следующей редакции: «Лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, органами социальной защиты населения по месту их жительства, на основании документов о реабилитации и времени нахождения в местах лишения свободы и психиатрических лечебных учреждениях, одновременно выплачиваются денежные компенсации из расчета 1 МРОТ за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 120 МРОТ».

Следует отметить, что смысловая нагрузка ст. 133 УПК РФ не дает разъяснения о том, на какого субъекта уголовно-процессуальных правоотношений направлена реабилитация, в связи с чем можно только «догадываться», что таковая будет направлена на реабилитированного. В соответствии с п. 35 ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» УПК РФ, реабилитированный – лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Поэтому мы считаем, что содержание ст. 133 УПК РФ должно иметь логическую направленность и в нем должно быть отражено не просто право, а право *реабilitированного лица*.

Ввиду того что в ч. 1 ст. 133 УПК РФ вообще не указан такой вид вреда, который может быть причинен человеку, как физический вред, предлагаем изложить эту норму в следующей редакции: «Право на реабилитацию включает в себя право *реабilitированного лица* на возмещение *физического*, имущественного вреда, *компенсацию* последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах».

С учетом изложенного считаем необходимым введение в УПК РФ отдельной нормы, регламентирующей положения о возмещении реабилитируемому лицу физического вреда, что будет согласовываться с положениями ст. 53 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на возмещение любого вида вреда со стороны государства.

На наш взгляд, в уточнении нуждаются положения п. 35 ст. 5, ч. 2, 2¹, 3, 5 ст. 33 УПК РФ в части касающейся использования законодателем формулировки «право на возмещение вреда». Законодатель, используя это оценочное понятие, «право на возмещение вреда», не конкретизирует в приведенных нами нормах вид вреда, на возмещение которого имеет право реабилитированное лицо. Полагаем, что данные нормы должны содержать развернутую характеристику видов вреда, возмещение которых гарантируется государством по аналогии со ст. 42 «Потерпевший» УПК РФ, где законодателем при определении потерпевшего четко обозначены

виды вреда, которые могут быть причинены ему и заглажены преступником. Вследствие того п. 35 ст. 5 УПК РФ можно изложить таким образом: «Реабилитированный – лицо, имеющее право на возмещение *физического, имущественного и морального вреда*, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием». Аналогичные положения должны быть продублированы в ч. 2, 2¹, 3, 5 ст. 133 УПК РФ.

Считаем целесообразным внесение в положения ч. 4 ст. 135 «Возмещение имущественного вреда» УПК РФ следующего дополнения: «Не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда судья определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда. Указанные выплаты производятся с учетом уровня инфляции и рыночной стоимости имущества», что будет являться еще одной из гарантий обеспечения и реализации имущественных прав реабилитированных лиц.

Содержание ч. 1 ст. 136 «Возмещение морального вреда» УПК РФ показывает, что законодателем не названа форма осуществления прокурором официального извинения от имени государства реабилитированному лицу за причиненный ему вред, которая, безусловно, подлежит регламентации на законодательном уровне.

В этой связи считаем, что редакция ч. 1 ст. 136 УПК РФ должна претерпеть изменения следующего характера: «Прокурор от имени государства приносит официальное *извинение в устной или письменной форме* реабилитированному за причиненный ему вред».

Анализ ч. 3 ст. 136 УПК РФ выявляет необходимость детализации ее внутреннего содержания относительно осуществления сообщения о реабилитации средствами массовой информации. Для этого, по нашему мнению, требуется внесение в нее следующих изменений: «Если сведения о задержании реабилитированного, заключении его под стражу, временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении реабилитированного и иных примененных к нему незаконных действиях были опубликованы в печати, распространены по радио, телевидению или в иных средствах массовой информации, то по требованию реабилитированного, а в случае его смерти – его близких родственников или родственников либо по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя соответствующие средства массовой

информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации *в прямом эфире в ходе соответствующих радио- или телепередачах либо в письменных официальных изданиях*».

Детальное изучение норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся института реабилитации, показывает отсутствие норм, закрепляющих уголовно-процессуальный статус реабилитированного лица.

При этом сама по себе норма уголовно-процессуального права, как и в любой другой отрасли «мертва» лишь до тех пор, пока не возникают правовые отношения. С появлением таковых она оживает и становится реальным фактором в социально-правовом механизме государства. Будучи связующим звеном между противоправным деянием и правовыми последствиями (наказанием), уголовно-процессуальные правоотношения являются тем единственным инструментом, с помощью которого реализуются уголовно-правовые отношения. Эти отношения жизненно необходимы для урегулирования конфликта, возникающего между государством и гражданином вследствие совершения последним общественно опасного деяния. Они являются именно той правовой формой, в рамках которой происходит его разрешение [1, с. 193].

Если обратиться к положениям раздела II «Участники уголовного судопроизводства» УПК РФ, то в главе 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» не содержится ни одной нормы, посвященной реабилитированному лицу. Единственной концептуальной статьей, определяющей понятийную характеристику всех участников уголовного судопроизводства, является ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» УПК РФ. Для обеспечения соблюдения государством уголовно-процессуального статуса реабилитированного в качестве участника уголовного судопроизводства, считаем необходимым предусмотреть новую статью – 42¹, «Реабилитированный», непосредственно касающуюся уголовно-процессуальному положению такого лица, с включением ее в главу 6 УПК РФ.

Библиографический список

1. *Полищук Н.И.* Тенденции современной уголовно-правовой политики государства // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 1. – С. 192–196.
2. Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1428.
3. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52. – ч. I. Ст. 4921.

Артюшина Ольга Николаевна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
PeOIN@yandex.ru

Лялюшкина Ольга Алексеевна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
n24j25@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ И СИСТЕМЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

На основании исследования и анализа правовых и теоретических положений о конституционных ценностях в статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся различных подходов к понятию и системе конституционных ценностей. На сегодняшний день отсутствует чёткое понимание того, что представляют собой конституционные ценности, какую структуру они имеют. Законодательно данный вопрос никак не урегулирован. На наш взгляд, термин «конституционные ценности» не должен ограничиваться лишь теми ценностями, которые закреплены непосредственно в Конституции, он должен также охватывать общепринятые в международном праве или устоявшиеся в той или иной нации ценности. Ценности, установленные Конституцией Российской Федерации, имеют свой иерархический порядок. Особый интерес представляет теоретический подход к структуре самой ценности. Установив своего рода уникальный состав ценности можно наиболее чётко определить её смысл, отграничить от других смежных ценностей и классифицировать их по определённому признаку.

Ключевые слова: Конституция, конституционные ценности, конституционное право, понятие и система конституционных ценностей.

Очень часто мы сталкиваемся с таким понятием как «конституционные ценности», однако в теории конституционного права и практической деятельности судебных органов до сих пор нет чёткого определения и системы такого важного явления или института.

Ценность – это универсальное, общезначимое понятие, выраженное многомерно, оно охватывает все ступени социальной жизни общества, в том числе те, которые находятся под регулированием конституционного права. Если рассмотреть конституционные отношения, то можно обнаружить ценность самой Конституции как нормативного акта, устанавливающего основные ценностные императивы современного и развитого общества, а также более конкретизированных и чётко определённых конституционных положений, утверждающих ценностные начала и принципы правопорядка в определённых сферах жизни общества [1].

Многие учёные подходят по-разному к формулировке понятия «конституционные ценности». Так, И.А. Карасёва определяет конституционные ценности как основополагающие правовые принципы, определяющие приоритеты развития и защиты общественных отношений в различных сферах жизни, закреплённые в конституции и выводимые из её содержания путем официального толкования [2].

С.П. Маврин под конституционными ценностями понимает конституционно-правовую фиксацию тех или иных ценностей, как правило, принадлежащих сфере идей, в конечном счёте призванных материализовать в рамках реального конституционного правопорядка их качества полезности, важности, значимости и в целом благотворности, как правило, для всех субъектов общественных отношений, которые подпадают под

действие Конституции либо для какой-то одной или нескольких категорий этих субъектов в определённых случаях [4].

Г.Б. Ройзман полагает, что под конституционными ценностями следует понимать совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов, формализованных в Конституции и исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов [6].

Отметим, что конституционные ценности в отличие от ценностей Конституции, не имеют непосредственного закрепления в тексте самой Конституции. Выявление их существования и установления значимости на конституционном уровне возможно лишь в процессе деятельности судебной власти. В процессе деятельности Конституционного Суда своё формальное закрепление получило достаточно большое количество ценностей, не закреплённых в тексте Конституции. Установление таких ценностей имеет огромное значение для общества, так как они оказывают на него непосредственное воздействие. Так, огромный вес имеют такие категории как справедливость и правовая определённость, стабильность и определённость публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений [1].

Выдающийся немецкий учёный М. Шелер справедливо отмечал, что всему царству ценностей присущ особый порядок, выраженный в том, что ценности в отношениях друг к другу образуют некую «иерархию», в силу которой одна ценность оказывается «более высокой» или «более низкой»,

чем другая. При этом эта иерархия формируется из самой сущности ценностей [9].

На сегодняшний день вопрос о структуре и иерархии конституционных ценностей до сих пор остаётся проблемным и дискуссионным.

В теории конституционного права России существует деление ценностей на вышестоящие и нижестоящие. Так, согласно Конституции России, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а значит, установлена формально-закреплённая конституционная вертикальная иерархия ценностей.

По мнению С.П. Маврина, права и свободы человека и гражданина призваны определять основную суть, идею и сущность применения законов, функционирование законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и получать гарантированную реализацию посредством правосудия. Признание человека в конституционно-ценностной системе России высшей ценностью в аспекте его конституционных прав и свобод означает, что человек среди прочих субъектов конституционного права поставлен на первый план и признан важнейшим из всех этих субъектов [4].

На уровне высшей конституционной ценности в части «прав и свобод человека» существует формальное разделение на два типа прав: абсолютные и относительные. Абсолютными именуется права, не подлежащие ограничениям ни при каких обстоятельствах. В части 3 статьи 56 Конституции России установлены абсолютные права и свободы, которые «не подлежат ограничению», среди которых право на жизнь; достоинство личности; право на свободу и личную неприкосновенность; право на защиту информации о частной жизни лица; право на свободу совести, свободу вероисповедания; право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности; право на жилище; гарантия судебной защиты прав и свобод; право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом; право на получение квалифицированной юридической помощи; презумпция невиновности; гарантия принципа справедливости в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление) [7]; право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников; гарантия прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений; право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц [3].

Среди относительных прав можно выделить следующие: право на неприкосновенность жилища; право на национальную принадлежность; пра-

во на пользование родным языком; право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; право на свободу мысли и слова; право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы; право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование; право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; право на равный доступ к государственной службе; право участвовать в отправлении правосудия.

При исследовании вопроса о конституционных ценностях особый интерес вызывает структура ценности.

В теории конституционного права существует множество определений понятия структуры. Так, под структурой понимают определённое устройство или систему взаимосвязанных частей. Также под структурой понимают совокупность постоянных и устойчивых связей объекта, которые обеспечивают его единство и идентичность самому себе, а именно сохранение главных качеств и свойств под воздействием внутренних и внешних факторов.

При рассмотрении структуры конституционных ценностей следует отметить, что она не содержит какой-либо четко установленной системы. Тем не менее, можно выделить состав ценности. В него входит объект, субъект, объективное и субъективное начала и духовная, нематериальная основа.

В теории науки конституционного права под объектом ценности понимаются определённые общественные отношения, которые формально закрепляются и гарантируются в Конституции. Субъектом может выступать не только отдельное лицо, но и государство в целом. Объективное начало характерно лишь для определённой категории ценностей, не зависящих от признания (например, право на жизнь, здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность личности и др.). Ценность воплощается в субъективном начале в двух аспектах. Для человека субъективное начало реализуется через его образ мировосприятия, мышления, моделирование его основных идей и совершение определённых действий, а для государства в проведении определённых реформ и изменений в соответствии с государственной политикой, а также в правовом регулировании жизнедеятельности общества. Духовная, нематериальная основа состоит в сочетании индивидуальных и общественных интересов [5].

Многие общечеловеческие ценности всегда находили своё значимое место в менталитете русского народа. При этом в том или ином виде они находили своё выражение в различных нормативно-правовых документах. Разрыв с существующими ранее конституционными принципами не означает отказ от тех устоявшихся общенародных положений, которые были выработаны в прошлом.

Например, идея социальной справедливости, распределение по труду или принцип дружбы народов [8].

Представляется, что главным гарантом конституционных ценностей выступает государство, ведь признание, соблюдение и защита ценностей являются обязанностью государства. При этом государство же выступает и главным потенциальным их ограничителем. Кроме того, государство само по себе есть конституционная ценность. Отметим, что ни Конституция России, ни Конституционный Суд РФ формально не закрепляют государство своей ценностью. При этом Конституционный Суд выделяет среди ценностей «суверенитет и государственную целостность Российской Федерации, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и её субъектами, единство экономического пространства, обеспечение обороны страны и безопасности государства». Все эти ценности представляют собой аспекты одной, взятой в единстве ценности – государства [9].

Соответственно, конституционные ценности имеют свою систему и свою структуру, позволяющую их разграничить и классифицировать.

По результатам исследования представляется правильным сделать вывод, что конституционные ценности – это наиболее значимые, основополагающие положения, прямо или косвенно закреплённые в Конституции, которые позволяют защитить основы конституционного строя и гарантировать соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6.
2. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 7. – С. 9–13.
3. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 21.01.2009. – № 7.
4. *Маврин С.П.* Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 1–13.
5. *Пермиловский М.С.* Основы конституционной аксиологии структура ценности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 2. – С. 3–7.
6. *Ройзман Г.Б.* Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. – Челябинск. – 2012. – С. 25.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
8. *Чиркин В.* К вопросу о ценности российской Конституции 1993 // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1517–1522.
9. *Шустров Д.Г.* Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6.

Игнатов Максим АндреевичМосковский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ign5503@yandex.ru;**Ефремов Евгений Михайлович**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
efremov.eugene@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РИСКА И СТАНДАРТОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ВОПРОСЕ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

Эффективность деятельности компании во многом зависит от качества и профессионализма решений, принимаемых органами управления. Однако если менеджмент выходит за пределы установленной для них модели поведения, акционерам приходится защищать свои права и интересы общества в судебном порядке. Традиционно проблемным вопросом применения института ответственности органов управления хозяйственного общества в российском правовом порядке является использование оценочных стандартов поведения. Авторами были описаны противоречия, возникшие с введением в корпоративное законодательство категорий добросовестность и разумность, а также соотношение привычных стандартов поведения с механизмом «разумного предпринимательского риска», интерес к которому в последнее время наблюдается со стороны правоприменителя. В работе приведены доводы в пользу целесообразности применения новой конструкции в целях стимулирования менеджмента к принятию инициативных решений.

Авторами проанализирован английский опыт правового регулирования по предмету определения стандарта поведения директоров на основе материалов актуального английского законодательства и судебной практики, что позволило дополнить стандарты поведения, существующие в российской практике. Авторами предложены к использованию критерии определения решений, принятых директорами в пределах разумного предпринимательского риска, актуальность применения которых оправдана увеличением количества корпоративных споров, возникающих в связи с неопределенностью понятия разумного предпринимательского риска.

Ключевые слова: органы управления, материальная ответственность, корпоративный спор, стандарты поведения, добросовестность и разумность, предпринимательский риск, инициативность решений.

Ключевым аспектом по вопросу о привлечении к ответственности менеджмента компании является вопрос добросовестности и разумности их действий. Однако в результате законодательных изменений и увеличения количества корпоративных споров появляется потребность в новом механизме, который несколько снизит рискованный характер деятельности членов органов управления и позволит принимать эффективные бизнес-решения, не выходя за пределы своих полномочий. Такую роль выполняет стандарт разумного предпринимательского риска. Кроме того, в условиях отсутствия нормативной базы по вопросу актуальность приобретает вопрос о взаимосвязи стандартов добросовестности, разумности и предпринимательского риска. А в условиях активизации судебной практики появляется необходимость в разработке критериев применения новой конструкции.

В российском правовом порядке совокупность мер воздействия, предусмотренных в качестве защиты от злоупотреблений менеджмента, обычно выделяют в отдельную группу [5, с. 68; 7, с. 21]. Корпоративное законодательство пошло давно испытанным путем, предоставив акционерам, имеющим 1% и более акций, право самостоятельно защищать свой интерес и интересы общества в судебном порядке, используя косвенный иск.

На практике, основываясь на понимании ответственности как меры пресечения за совершенное

правонарушения, для привлечения к ответственности необходимо доказать наличие совокупности оснований, наиболее проблематичным из которых является превышение пределов добросовестного и разумного поведения.

Понятие «добросовестность» берет истоки от понятия *bona fidei* в римском праве, где оно употреблялось как возможность обхода косного формулярного процесса, в качестве возможности исследования любых обстоятельств, которые соответствуют определенному стандарту поведения [3, с. 242]. В дальнейшем категория стала пониматься в различных значениях. Так, М.М. Агарков выделяет добросовестность объективную и субъективную [1, с. 427]. Субъективная добросовестность есть своего рода отсутствие осведомленности об условиях, запрещающих реализацию конкретного права. Под объективной добросовестностью исследователь понимал некую модель поведения между субъектами в гражданских правоотношениях. Очевидно, что для целей института ответственности органа управления добросовестность используется именно в качестве стандарта поведения. Этой же цели служит и стандарт разумности, который позволяет сравнить поведение лица с тем, как в подобных условиях действовал бы другой субъект права, обладающий сходным положением, знаниями и навыками.

Роль стандартов «добросовестности» и «разумности» в качестве элемента российского корпора-

тивного права была обозначена в Кодексе корпоративного поведения [10] (далее – ККП), который, однако, носит рекомендательный характер. На нормативном уровне стандарты были закреплены в ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 53, 53.1 ГК РФ, а их исполнение гарантируется возможным применением мер материальной ответственности.

При этом сами категории «добросовестность» и «разумность» носят абстрактный, оценочный характер [11, с. 14], а нормы закона их смысла не раскрывают. Так, ст. 3 ККП подчеркивает морально-этический характер данных категорий. На практике оценивать действия органов управления на предмет соответствия стандартам поведения приходится правоприменителю.

Проблематика доказывания повлекла отсутствие положительной практики на протяжении длительного промежутка времени. В определенной мере упростило ситуацию принятие Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», в п. 2 и п. 3 которого были обозначены типовые модели, в которых «недобросовестность» и «неразумность» поведения презюмируется. Кроме того, Пленум отметил, что предпринимательская деятельность носит экономически рискованный характер. В связи с этим при разрешении дел становится необходимым применение конструкции разумного «предпринимательского риска».

Под действиями в пределах разумного предпринимательского риска в данном случае следует понимать принятие обоснованных управленческих решений в ситуации, не имеющей однозначной модели поведения [4, с. 413]. Иными словами, стандарт предпринимательского риска наделяет органы управления свободой ведения бизнеса, освобождает от ответственности в рамках границ, установленных предпринимательским оборотом.

В чем же заключается особенность соотношения известных стандартов поведения и стандарта разумного предпринимательского риска? Именно под выходом за пределы, установленные предпринимательским оборотом, законодатель понимает нарушение стандарта поведения, а Кодекс корпоративного управления связывает добросовестность и разумность поведения членов совета директоров с принятием решений в рамках разумного предпринимательского риска [8].

Кроме того, согласно п. 1 Постановления Пленума ВАС № 62, п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25, применение ответственности невозможно без наличия причинно-следственной связи между действиями органа управления и негативными последствиями, т. к. их наступление может быть вызвано рискованным характером предпринимательской деятельности.

Очевидно, что для законодателя и правоприменителя стандарт добросовестности и разумности является более широким по объему и в качестве одной из посылок включает в себя действие в пределах разумного предпринимательского риска. При этом для того, чтобы риск не нарушил стандартов добросовестного поведения, он должен быть оправданным и обоснованным. В противном случае, риск выходит за пределы стандартов поведения [6, с. 262]. Подобный принцип освобождения от ответственности за «коммерческие неудачи» [9, с. 618] вполне соответствует потребностям предпринимательского оборота.

Проблематика категории «разумный предпринимательский риск» имеет аналогичную традиционным стандартам основу: отсутствие легальных критериев, а также высокую степень личного усмотрения суда при разрешении дел.

Несмотря на то, что согласно правовой позиции КС РФ в Постановлении от 24 февраля 2004 года № 3-П, задачей суда является защита прав, а не оценка экономической рациональности поведения участника оборота, именно правоприменитель, определяя вопрос факта, оценивает обоснованность принятого решения.

На практике стандарты поведения неразрывно связаны. При этом, нарушение одного стандарта может повлечь нарушение других. Так, в Постановлении ФАС Уральского округа от 16.07.2013 № Ф09-6096/13 по делу № А60-49580/2011 суд, взыскав с руководителя общества убытки за недобросовестный вывод активов, обосновывает это нарушением разумного предпринимательского риска. В Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.02.2015 по делу № А32-7549/2013 суд признал отчуждение имущества по заниженной цене, неразумным, следовательно, выходящим за пределы предпринимательского риска.

В процессуальном плане «предпринимательский риск» выполняет двойственную роль. В силу презумпции добросовестного поведения участников оборота, закрепленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ, обязанность приводить доказательства злоупотребления со стороны органа управления возлагается на истца.

В то же время, ссылаясь на действие в пределах предпринимательского оборота, руководитель освобождается от ответственности, если он докажет, что невыгодная сделка является частью взаимосвязанных сделок в интересах общества или предотвращает еще более значительный ущерб. При отсутствии со стороны истца доказательств нарушения пределов, суд предполагает обратное.

Признавая обоснованность действий органа управления в рамках «предпринимательского риска», суды обычно исходят: во-первых, из получения прибыли, как основной цели деятельности коммерческого юридического лица, т. е. оправ-

данности риска (постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2016 № 15АП-6486/2015), во-вторых, из обоснованности условий сделки, по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми в обороте (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.01.2016 № Ф08-10138/2015), в-третьих, из положений уставных документов общества, определяющих пределы деятельности органа (постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.02.2016 № Ф09-6474/14 по делу № А60-34628/2013).

Таким образом, применение новой конструкции вызвано потребностями оборота. Однако отсутствие критериев на практике может повлечь злоупотребления. Представляется разумным закрепление критериев определения стандарта на нормативном уровне или систематизация судебной практики, например, по аналогии с Постановлением Пленума ВАС № 62, обозначившим признаки «добросовестности» и «разумности». В качестве критериев, предложенных правоприменителю для оценки поведения на предмет соответствия стандарту «разумного предпринимательского риска», могут быть использованы позиции, разработанные судебной практикой:

- обоснованность риска;
- нацеленность на получение прибыли;
- соответствие аналогичным сделкам в профессиональном сегменте;
- попытка избежать большего ущерба;
- соответствие стандартам добросовестности и разумности.

Обратимся к регулированию данного вопроса в английском правовом порядке.

В Англии действия менеджмента компании в рамках разумного предпринимательского риска принято называть стандартом поведения директоров (*standard of behavior*)¹. В англоязычной литературе часто отмечается, что трудность определения надлежащего стандарта поведения директоров заключается в сущности принимаемых ими бизнес-решений, поскольку данные решения основаны на риске, то для суда представляется чрезвычайно сложным на момент рассмотрения дела оценить, было ли принятое руководителем решение экономически обоснованным [13, р. 206].

Среди установленных Законом о компаниях 2006 года общих обязанностей директоров (ст. 171–177) соответствие директора стандарту поведения включается в обязанность проявлять разумную заботливость, умение и усердие (ст. 174). В соответствии со ст. 174(2), «это означает, что проявление разумной заботливости, умения и усердия будет осуществляться разумным прилежным лицом, обладающим: во-первых, общими знаниями, навыками и опытом, которые разумно ожидать от лица, осуществляющие функции директора как испол-

нительного органа юридического лица по отношению к компании и, во-вторых, общими знаниями, навыками и опытом, которыми обладает конкретное лицо, назначенное директором».

До принятия Закона о компаниях 2006 года общие обязанности директоров не были кодифицированы (существовали исключительно в виде судебной практики), поэтому в п. 336 Пояснительной записки к данному закону поясняется, что традиционно суды не требовали от директоров проявлять большую степень мастерства, чем можно разумно ожидать от лица, занимающего данную позицию (так называемый субъективный тест, указанный в п. «b» ст. 174 Закона о компаниях 2006 года). Однако после принятия Закона о банкротстве 1986 года в судебную практику был введен и так называемый «объективный тест», описанный в ст. 214 данного закона, дословная формулировка которого позднее была перенесена в указанный выше пункт «a» ст. 174 Закона о компаниях 2006 года.

Среди прочих общих обязанностей директоров (таких, как действовать в пределах своих полномочий (ст. 171), содействовать успешному ведению дел компании (ст. 172), принимать независимые решения (ст. 173), избегать конфликта интересов (ст. 175), не извлекать выгоду от действий третьих лиц (ст. 176), раскрывать информацию о своей заинтересованности в сделке (ст. 177)) обязанность проявлять разумную заботливость, умение и усердие, в отличие от остальных, не является фидуциарной [2]. А поскольку остальные обязанности носят фидуциарный характер, то учредители (участники) компании рассматриваются в английском праве в качестве бенефициаров, чье положение регулируется правом справедливости (*law of equity*). В силу не фидуциарной природы рассматриваемой обязанности, лицо не может пользоваться средствами защиты по праву справедливости (такими, как взыскание незаконно полученной прибыли, обращение имущества в собственность компании), а может требовать только взыскания убытков.

Особенностью привлечения директоров к ответственности за неисполнение данной обязанности является то, что данная санкция невозможна, если будет доказано, что директор при принятии решения, связанного с предпринимательским риском, действовал добросовестно. Так, в деле *Howard Smith Ltd v Ampol Petroleum Ltd 1974* компании R.W. Miller & Co грозило враждебное поглощение со стороны двух компаний в рамках одного холдинга, которые контролировали в совокупности 55% акций компании. Чтобы избежать поглощения директор компании R.W. Miller & Co выпустил новый пакет акций, которые по закону в обязательном порядке должны были быть предложены к покупке враждебному холдингу, однако этого сделано не было, и акции перешли к другим

акционерам этой компании. Решая вопрос о том, подлежит ли ответственности директор, принявший решение о выпуске акций, которые не были предложены к покупке мажоритарным акционерам, суд выделил две цели, для которых были выпущены акции: во-первых, для увеличения уставного капитала, то есть в этом отношении директор действовал добросовестно, и, во-вторых, для того, чтобы избежать враждебного поглощения (тут имели место недобросовестные действия директора). А поскольку по своему существу выпуск акций имеет целью увеличение уставного капитала, то из двух целей доминирующей является цель добросовестная, поэтому директор не был привлечен к ответственности за нарушение обязанности проявлять заботливость, умение и усердие по отношению к компании [12, р. 268–269].

Также интересным является вопрос о том, какая форма вины должна наличествовать для того, чтобы было основание привлечения директора к ответственности за нарушение стандарта поведения – грубая неосторожность или простая неосторожность (при наличии умысла директор привлекается в любом случае). В деле *Re City Equitable Fire Insurance Co 1925* компания потеряла 1.200.000 фунтов стерлингов, вследствие мошеннических действий генерального директора компания попала в процедуру банкротства, ликвидатор компании заявил иск против остальных директоров компании за неосторожность, допущенную ими при одобрении действий генерального директора. Однако суд, отказывая в данном иске, попутно высказался о том, что в отношении директоров компании нет существенной разницы между неосторожностью и грубой неосторожностью, поскольку рискованные условия предпринимательской деятельности не позволяют определить степень, в которой они действовали неосторожно.

В деле *Dorchester Finance Co. v Stebbing 1989* были установлены некоторые положения относительно того, что по своей сути представляет стандарт поведения директора (то есть действия в пределах разумного предпринимательского риска):

– во-первых, данный стандарт не является стандартом «разумного профессионального» директора, но является стандартом обычного разумного участника оборота, владеющего навыками и знаниями конкретного директора;

– во-вторых, для соблюдения данного стандарта поведения директору следует обращать внимание на дела компании всегда, когда это разумно делать, то есть у директора отсутствует обязанность ежесекундного контроля за деятельностью компании;

– в-третьих, директор должен стремиться получать столько информации относительно дел компании, чтобы он был в курсе всех «оснований для подозрения» (*grounds for suspicion*) относительно рискованности своих действий.

Обобщая обзор критериев предпринимательского риска в английском корпоративном праве, можно указать на то, что английские суды и законодатель при определении стандарта поведения директора в первую очередь ориентируются на субъективные критерии, такие как знания, навыки и опыт, присущие ему как конкретному лицу, от которого не требуется приложения чрезвычайных усилий для соответствия стандарту поведения и не нарушения разумного предпринимательского риска. Для этого директору достаточно всего лишь действовать добросовестно, вести себя подобно обычному разумному участнику оборота и использовать присущие ему знания, умения и опыт как лицу, исполняющему управленческие обязанности, так и как отдельной личности.

Таким образом, применение стандарта «предпринимательского риска» соответствует потребностям общества, сложившимся в обороте, так как позволяет расширить возможности директора по ведению бизнеса, освобождая его от избыточной ответственности за принятие инициативных, но экономически оправданных решений. Кроме того, данная конструкция позволяет определить область свободы, выходя за пределы которой орган управления подлежит ответственности.

Поэтому представляется необходимым систематизировать признаки решения, принятого в рамках «разумного предпринимательского риска», учитывая при этом как объективные факторы, на которые часто обращают внимание российские суды (обоснованность риска; нацеленность на получение прибыли; соответствие аналогичным сделкам в профессиональном сегменте; попытка избежать большего ущерба; соответствие стандартам добросовестности и разумности), и субъективные, служащие критерием стандарта поведения директоров в Англии (умения, знания и опыт директоров как лиц, осуществляющих определенные функции в компании, так и как разумных добросовестных участников оборота).

Примечание

¹ Следует отметить, что под «директорами» в Англии понимают не только единоличные исполнительные органы, но в принципе руководящие должности компании, в том числе и членов наблюдательного совета.

Библиографический список

1. Азарков М.М. Проблема злоупотребления правом в современном гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 426–429.

2. Будылин С.Л. Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании, России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 2. – С. 10–40.

3. Волков А.В. Добросовестность и разумность в концепции «злоупотребление гражданским правом» // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 240–250.

4. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, справедливость. – М.: Статут, 2010. – 423 с.

5. Могилевский С.Д. Акционерные общества. – М.: Издательство Дело, 1998. – 521 с.

6. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. – М.: Статут, 2010. – 421 с.

7. Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 240 с.

8. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» //

Вестник Банка России. – 2014. – № 40. – С. 9–63.

9. Поваров Ю.С. Акционерное право России. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 705 с.

10. Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2012 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» // СПС «Консультант Плюс».

11. Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2015. – № 2. – С. 2–26.

12. Goulding S. Company law. – London: Cavendish Publishing Limited, 1999. – 430 p.

13. Janet D. Company law. – Hampshire: Palgrave, 2001. – 433 p.

УДК 342.951:351.82

Елкина Вероника Вадимовна

Вятский государственный университет, г. Киров
veronika06061988@mail.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ И СТРУКТУРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССЕЛЬХОЗНАДЗОРА

Статья посвящена исследованию организационно-правовых основ деятельности территориальных органов Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору. Автором статьи предлагается выделение общих признаков, характерных для Управлений Россельхознадзора, на основании чего дается сформулированная дефиниция территориального органа Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору. Исследование системы и структуры Управлений Россельхознадзора позволило сделать вывод об усложнении структуры рассматриваемых органов и выявить факторы, оказывающие влияние на их внутреннюю организацию. Автором сформулирована классификация структурных элементов. В статье отмечается, что в настоящий момент схема наиболее оптимального расположения территориальных органов Россельхознадзора все еще не найдена, о чем свидетельствует постоянное реформирование, направленное на объединение двух и более Управлений Россельхознадзора (что придает им статус межрегиональных территориальных органов), а значит вопрос о необходимости совершенствования (оптимизации) их системы остается актуальным. В связи с этим выдвигаются предложения по совершенствованию системы и структуры территориальных органов Россельхознадзора.

Ключевые слова: Управление Россельхознадзора, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, система территориальных органов Россельхознадзора, структура территориальных органов Россельхознадзора, понятие территориального органа Россельхознадзора.

В качестве одной из мер по обеспечению безопасности Российской Федерации в сфере продовольствия в 2004 году на основании постановления Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. №327 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору» [6] была предпринята организация Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (далее – Россельхознадзор), а в 2005 году – ее территориальных органов. Отлаженная контрольно-надзорная деятельность системы территориальных органов Россельхознадзора в области ветеринарии, карантина растений, земельного надзора и прочих направлений деятельности позволяет судить об успешности проводимой национальной политики по защите населения от распространения очагов болезней животных, в том числе общих для животных и человека и карантинных вредителей.

Довольно часто в юридической литературе [1, с. 31–33] процесс формирования территориальных органов исполнительной власти сводится к мерам по принятию формального решения об их учреждении, реорганизации и ликвидации, а также назначению либо освобождению от должности руководителей. Однако в данном вопросе, на наш взгляд, следует согласиться с И.Ю. Маньковским [2, с. 78] в том, что такой подход к формированию территориальных органов (в том числе, территориальных органов Россельхознадзора) представляется слишком узким, поскольку с практической точки зрения учреждение Управлений Россельхознадзора сопровождается утверждением схемы их размещения, структуры, штатного расписания и фонда оплаты. Действительно, созданию территориальных органов Россельхознадзора предшествует утверждение схемы размещения территориальных органов Россельхознадзора, а определение структуры и штат-

ного расписания можно рассматривать в качестве отдельного самостоятельного этапа в процедуре учреждения территориального органа Россельхознадзора.

В целом организация деятельности Управлений Россельхознадзора как отдельного структурного элемента (звена) всей системы территориальных органов обладает рядом общих признаков:

– во-первых, все Управления Россельхознадзора действуют в установленном порядке, на основании утверждаемого Положения об Управлении Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по субъекту (субъектам) Российской Федерации;

– во-вторых, Управления Россельхознадзора наделяются государственно-властными полномочиями по осуществлению контрольно-надзорной деятельности;

– в-третьих, компетенция Управлений Россельхознадзора ограничивается масштабом территории одного либо нескольких субъектов Российской Федерации;

– в-четвертых, Управления Россельхознадзора образуются, реорганизуются и упраздняются в установленном государством порядке (подобное решение принимается руководителем Россельхознадзора на основании схемы размещения территориальных органов);

– в-пятых, деятельность Управлений Россельхознадзора ограничена кругом задач и функций в сфере ветеринарии, обращения лекарственных средств для ветеринарного применения, карантина и защиты растений, безопасного обращения с пестицидами и агрохимикатами при осуществлении государственного ветеринарного надзора, обеспечения плодородия почв, обеспечения качества и безопасности зерна, крупы, комбикормов и компонентов для их производства, побочных продуктов переработки зерна, земельных отношений (в части, касающейся земель сельскохозяйственного назначения), функции по защите населения от болезней, общих для человека и животных;

– в-шестых, Управления Россельхознадзора находятся в подчинении Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору.

Исходя из указанных признаков и учитывая отсутствие законодательно определенной дефиниции территориальных органов Россельхознадзора, представляется возможным сформулировать ее следующим образом. Территориальным органом Россельхознадзора следует именовать государственный орган, сформированный Россельхознадзором в установленном законодательством порядке, в целях выполнения функций в сфере ветеринарии, обращения лекарственных средств для ветеринарного применения, карантина и защиты растений, земельных отношений (в части, касающейся земель сельскохозяйственного назна-

чения) и действующий на основании Положения о нем в границах определенной территории (одного или нескольких субъектов).

Система Управлений Россельхознадзора построена на принципе федерализма с учетом национально-государственного и административно-территориального устройства, а также ввиду характера и объема задач, возложенных на территориальные органы Россельхознадзора.

Совокупность структурных подразделений территориальных органов Россельхознадзора составляют организационную структуру аппарата данного органа, отражает его внутренне устройство. В настоящий момент структура Управлений Россельхознадзора определяется его руководителем по согласованию с руководителем Россельхознадзора. Думается, в принятии решения относительно внутренней структурной организации немаловажное значение имеет специфика контрольно-надзорной направленности деятельности, осуществляемой на конкретной территории с учетом ее природно-климатических особенностей и географического расположения. Как правило, состав Управлений Россельхознадзора формируют отделы (государственного) земельного надзора, внешнего и внутреннего карантина растений, внутреннего государственного ветеринарного надзора, пограничного ветеринарного контроля на Государственной границе Российской Федерации и транспорте, государственного семенного контроля и качества зерна, а также административные отделы, занимающиеся хозяйственными и административными (управленческими) вопросами. Таким образом, количество отделов чаще всего соответствует основным осуществляемым направлениям деятельности. Однако это правило действует в отношении субъектов Российской Федерации с преобладанием различного рода черноземных почв, а значит необходимостью содержания отдела, в круг полномочий которого входит осуществление зернового и семенного контроля. Остальная небольшая часть территориальных органов Россельхознадзора отличается упрощением (сокращением) в построении их внутренней организации. Так, структура Управлений Россельхознадзора по Кировской области и Удмуртской республике (кроме административно-хозяйственных и кадрово-правовых отделов) состоит из отдела по земельному, ветеринарному и фитосанитарному надзору.

Между тем, следует отметить отсутствие четких критериев в их внутренней организации. Так, на территории одних субъектов Российской Федерации организованы стационарные рабочие места (обособленные структурные подразделения), занимающиеся одним или несколькими направлениями деятельности Управления Россельхознадзора (например, структура Управления Россельхознадзора по Тверской и Псковской областям насчитывает

на территории Тверской области 13 стационарных рабочих мест, на территории Псковской области – 14 стационарных рабочих мест [3]). Территория других субъектов Российской Федерации организована посредством распределения организационно-территориальных подразделений (межрайонных отделов). Они создаются в целях оперативного решения задач на поднадзорной территории, существенно отдаленной от регионального центра, усиления контроля за работой специалистов надзорных отделов на местах, решением организационных и административных вопросов. В их состав входят пункты пропуска ветеринарного и фитосанитарного контроля. Организационно-территориальные подразделения исполняют функции территориальных органов Россельхознадзора на закрепленной территории и имеют в своем составе (в отличие от стационарных рабочих мест) всех специалистов контрольно-надзорной деятельности.

Анализ внутренней (структурной) организации территориальных органов Россельхознадзора позволяет выделить следующие структурные подразделения:

– руководство (обеспечивает эффективность и качество выполняемой работы);

– функциональные структурные подразделения (предназначены для осуществления контрольно-надзорной деятельности по предметам своего ведения). Данная группа также подлежит условному делению по отраслям: ветеринария (в том числе обращение лекарственных средств для ветеринарного применения), карантин и защита растений, земельные отношения (в части, касающейся земель сельскохозяйственного назначения). В качестве примеров следует привести отделы внутреннего ветеринарного надзора, ветеринарного надзора на Государственной границе Российской Федерации, карантина растений и обеспечения государственного контроля за качеством и безопасностью зерна, комбикормов и компонентов для их производства, а также побочных продуктов для переработки зерна и семенного контроля, государственного земельного надзора в Управлении Россельхознадзора по Республике Башкортостан [4];

– вспомогательные (обслуживающие) структурные подразделения (обеспечивают реализацию контрольно-надзорной деятельности в целом, например, отдел финансов, бухгалтерского учета и правового обеспечения в Управлении Россельхознадзора по Владимирской области [5]).

Все структурные подразделения поддаются классификации в зависимости от их значимости: структурные подразделения, выполняющие основные функции территориальных органов Россельхознадзора и структурные подразделения, обеспечивающие выполнение основных функций.

Подводя итоги изложенному материалу, следует отметить, что в настоящий момент схема наиболее

оптимального расположения территориальных органов Россельхознадзора все еще не найдена, о чем свидетельствует постоянное реформирование, направленное на объединение двух и более Управлений Россельхознадзора (что придает им статус межрегиональных территориальных органов), а значит вопрос о необходимости совершенствования (оптимизации) их системы остается актуальным. На этот счет в юридической литературе высказываются различные точки зрения. Например, выдвигалась идея повсеместной ликвидации территориальных структур федеральных органов исполнительной власти [7, с. 123] или их частичной реорганизации с последующей передачей функций аппаратам полномочных представителей [8, с. 11]. На практике происходят перемены, которые приводят к усложнению структурной организации. В связи с чем автором выдвигаются следующие предложения, направленные на повышение эффективности деятельности Управлений Россельхознадзора:

– во-первых, практика объединения территориальных органов Россельхознадзора продемонстрировала эффективность осуществления контрольно-надзорных функций в границах двух и даже трех субъектов Российской Федерации. Ввиду наметившейся тенденции автором предлагается учреждение на уровне федеральных округов окружных центральных аппаратов Россельхознадзора во главе с руководителем. Основным направлением деятельности станут административно-хозяйственные полномочия в отношении подведомственных региональных органов: осуществление закупочной, бухгалтерской, информационной деятельности, экономики и финансов и так далее. Кроме того, окружной центральный аппарат Россельхознадзора получит полномочия по координации и контролю исполнения контрольно-надзорных мероприятий, проводимых нижестоящими региональными органами, а также приказов и распоряжений Россельхознадзора. Таким образом, окружные центральные аппараты Россельхознадзора выступят промежуточным звеном. Такая организация, на наш взгляд, приведет к ликвидации обеспечивающих отделов (за исключением специалистов по делопроизводству и кадровым вопросам) на местах и, следовательно, экономии бюджетных средств;

– во-вторых, автором предлагается возложение на окружной центральный аппарат Россельхознадзора полномочий по сбору статистической отчетности о контрольно-надзорной деятельности региональных отделов, в том числе с целью анализа эффективности исполняемых функций, загруженности специалистов с возможностью вынесения предложений на согласование руководителя Россельхознадзора по оптимизации структуры и штатной численности региональных органов. Ожидаемым результатом станет повышение эф-

фективности осуществления полномочий региональными органами Россельхознадзора за счет придания им наиболее оптимальной структурной организации и штатной численности;

– в-третьих, на уровне субъекта Российской Федерации продолжают свое функционирование региональные аппараты, состоящие из межрайонных отделов и (или) стационарных рабочих мест, которые будут заниматься непосредственно контрольно-надзорными мероприятиями.

В заключение следует подчеркнуть важнейшую роль территориальных органов Россельхознадзора как государственных органов, реализующих контрольно-надзорную деятельность в области ветеринарии, обращения лекарственных средств для ветеринарного применения, карантина и защиты растений, земельных отношений (в части, касающейся земель сельскохозяйственного назначения). Широкий спектр нормативных правовых актов, формирующих основу организации Управлений Россельхознадзора, можно рассматривать в контексте пятиуровневой системы: международно-правового, конституционного, федерального, подзаконного и ведомственного уровней.

Выделение ряда общих признаков позволило сформулировать дефиницию «территориального органа Россельхознадзора» и определить его как государственный орган, сформированный Россельхознадзором в установленном законодательством порядке, в целях выполнения функций в сфере ветеринарии, обращения лекарственных средств для ветеринарного применения, карантина и защиты растений, земельных отношений (в части, касающейся земель сельскохозяйственного назначения) и действующий на основании Положения о нем в границах определенной территории (одного или нескольких субъектов Российской Федерации).

Вся система Управлений Россельхознадзора построена на принципе федерализма с учетом национально-государственного и административно-территориального устройства, а также ввиду характера и объема задач, возложенных на территориальные органы Россельхознадзора. По согласованию с руководителем Россельхознадзора руководителями Управлений Россельхознадзора принимается решение об их структурной органи-

зации. На наш взгляд, на данное решение оказывает влияние особенности территории, на которой осуществляется деятельность с учетом ее природно-климатических особенностей и географического расположения. Между тем, анализ внутренней (структурной) организации территориальных органов Россельхознадзора позволяет выделить такие структурные подразделения как руководство, функциональные структурные подразделения, вспомогательные (обслуживающие) структурные подразделения.

Библиографический список

1. Балабкин С.И. К вопросу о порядке назначения руководителей органов МВД в Российской Федерации // ЖРП. – 2003. – №9. – С. 31–33
2. Маньковский И.Ю. Территориальные органы федеральной исполнительной власти Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2005. – 217 с.
3. Официальный сайт Управления Россельхознадзора по Тверской и Псковской областям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rshn-tver.ru/managment/structure> (дата обращения: 05.03.2016)
4. Официальный сайт Управления Россельхознадзора по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.rsn-rb.ru/struktura.php> (дата обращения 31.02.2016)
5. Официальный сайт Управления Россельхознадзора по Владимирской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://33.fsvps.ru/org/structure> (дата обращения 31.02.2016)
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. №327 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору» // Российская газета. – 2004. – 15 июля. – №150.
7. Фарушкин М.Х. Федерализм: теоретические и прикладные аспекты. Монография. – М.: Юристъ, 2004. – 178 с.
8. Шариков В.Н. Институт полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе: правовой статус и функции (на примере Центрального федерального округа): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 221 с.

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И РАЗЖИГАНИИ ВРАЖДЫ

Автор статьи останавливается на основных, ключевых проблемах, с которыми при проведении лингвистических экспертиз сталкиваются участники судебного процесса и сами эксперты. Все рассматриваемые проблемы в статье подразделяются на три большие группы. Первая из них связана с вопросами самого правонарушения, его признаков, примет и пр.; другая относится к рассмотрению дела в суде и включает в себя спорные моменты взаимоотношений судьи, эксперта, подсудимого, государственного обвинителя и внешние, организационные моменты проведения экспертизы, поведения регулирующих ее лиц; третья группа проблем характерна для непосредственной деятельности эксперта. Отдельное внимание уделяется проблемам, связанным с формой представления запрещенных материалов, смысловой и стилиевой сложностью анализируемого текста, привлечением к проведению экспертизы специалистов разных отраслей науки, объективностью и беспристрастностью экспертной оценки, обнаружению факта призыва к возбуждению расовой, национальной вражды, а также характерных черт призыва, языкового способа его выражения. Выявление и классификация рассмотренных проблем должны способствовать более слаженной работе судей и экспертов, повышению уровня экспертных заключений и сокращению затрат времени на проведение судебно-лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: судебно-лингвистическая экспертиза, экстремизм, разжигание вражды, проблемы проведения судебно-лингвистической экспертизы.

В современном мире все более актуальными становятся вопросы противодействия экстремизму, наиболее опасной формой которого является процветающий терроризм, ставший мировой угрозой. Как можно судить по данным общественных опросов, если еще 10 лет назад борьба с терроризмом не представлялась рядовому гражданину важной составляющей, то сейчас о значимости противодействия террористическим угрозам немало может рассказать любой россиянин и европеец. Объект нашего внимания – речевые правонарушения, предусмотренные статьями 280 УК «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и 282 УК «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – нередко оказываются предшествующими собственно террористической деятельности или ей сопутствующими.

Актуальность противодействия экстремизму в современном российском обществе подтверждают и принятые законы. Так, в январе 2014 года Государственная дума Российской Федерации приняла закон, увеличивающий ответственность за преступления, предусмотренные указанными выше статьями, а 1 февраля 2014 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»»; он регулирует доступ к информационным ресурсам, которые могут содержать запрещенную информацию.

Искусные политики, ораторы прекрасно знают всю силу воздействия слова. Эту силу нередко используют в корыстных целях. Для выявления признаков речевых правонарушений, для эффективной борьбы с ними необходимы сплоченные и организованные действия правоохранительных органов, суда. Кроме того, важнейшим этапом этой борьбы

является собственно обнаружение «экстремистской заразы», которая, как справедливо заметила Е.И. Галяшина, «поражает такую тонкую саму по себе сферу общественных отношений» [2, с. 14]. Так, только для примера отметим, что все большее значение в обществе приобретает национальная и расовая вражда. Идея религиозной исключительности, подразумевающая преобладание одной группы над другой по причине несовершенства последней, побуждает агрессивно настроенных людей к различным призывам, возваниям, поучениям, угрозам. Все эти действия направлены на распространение негативной информации, имеют своей целью вовлечение в ряды агрессоров все новых и новых сторонников, поэтому должны быть строго пресечены.

Одной из особенностей описанной выше пропаганды является то, что она совершается с помощью СМИ. И нередко сам факт речевого правонарушения, видимый, как кажется, невооруженным взглядом, при более пристальном и детальном рассмотрении вызывает массу недоумений и споров. Между тем, для обнаружения правонарушения и преступления, для вынесения приговора суд должен быть не только уверен в факте наличия преступления, но и осведомлен о мере его опасности для общества.

Именно поэтому практически все важные дела по проблемам экстремизма, расовой, национальной вражды рассматриваются с обязательным привлечением лингвистов-экспертов. В Российской Федерации деятельность экспертов регулируется ФЗ (№73–ФЗ) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Необходимость привлечения к решению спорных вопросов экспертов-лингвистов учеными правоведами и правоведами-практиками осознана уже

достаточно давно. Так, к примеру, еще в 1999 году заместителем генерального прокурора Российской Федерации Б.М. Катыхевым была подписана «Рекомендация об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды», в которой отмечается, что «для правильной квалификации противоправных деяний, связанных с возбуждением национальной, расовой или религиозной вражды, рекомендуется привлечение экспертов, профессионально владеющих специальными познаниями в области социальной психологии и лингвистики» [3].

В данной статье мы остановимся на основных, ключевых проблемах, с которыми при проведении лингвистических экспертиз сталкиваются участники судебного процесса и сами эксперты. Как нам кажется, все рассматриваемые проблемы можно разделить на три большие группы: одна из них связана с вопросами самого правонарушения, его признаков, примет и пр.; другая относится к рассмотрению дела в суде и включает в себя спорные моменты взаимоотношений судьи, эксперта, подсудимого, государственного обвинителя и внешние, организационные моменты проведения экспертизы, поведения регулирующих ее лиц; наконец, третья группа проблем характерна для непосредственной деятельности эксперта.

Обратимся поэтапно к каждой из выделенных нами групп проблем и постараемся наметить основные частные моменты, для них характерные.

Первая группа проблем.

Прежде всего, форма представления запрещенных материалов может быть разной. Мы в данном случае говорим не о существовании устных выступлений и текстов в письменной форме, но о факте подпадания текста (высказывания и пр.) под противоправные деяния за счет содержащейся в нем информации. Очень часто запрещенные идеи автор текста пытается донести до читателя подспудно, представляет запрещенную информацию завуалировано. Поэтому одной из важных проблем, с которой сталкиваются юристы и правоведы, является проблема привлечения к определенному тексту специалистов разного и соответствующего профиля. Так, вместе с экспертами-лингвистами нередко приходится вызывать для проведения экспертизы также экспертов-психологов, социологов, которые владеют не только информацией о форме подачи материала, но и могут распознать особые техники манипулирования людьми, скрытые в текстах.

Кроме того, в текстах по делам об экстремизме важными могут присутствовать также символы, знаки. В ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (№114-ФЗ) есть особый пункт об экстремистской символике: «Символика экстремистской организации – символика, описание которой содержится в учредительных документах

организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» [7]. Поэтому если специалист в области лингвистики не обладает специальными познаниями, для разрешения спорных моментов к проведению экспертиз могут быть привлечены также эксперты-культурологи, историки, религиоведы, антропологи, философы и др. В таком случае говорят о проведении комплексной экспертизы, в которой участвуют эксперты разных специальностей.

Оговорившись выше о символах, отметим сразу и проблему существования «стиля». Дело в том, что словесный экстремизм зачастую прямо связан с понятиями пропаганды запрещенной символики, ряд которой постепенно пополняется (с ростом количества запрещенных течений и организаций). Так, сейчас мы можем говорить уже не только о пропаганде нацистской символики и пропаганде фашистского стиля, но и о символике запрещенных исламистских организаций и группировок.

Еще одной проблемой самого материала, который, по мнению юристов, может содержать запрещенную информацию экстремистского характера, является его размытость в смысловом плане, которая не позволяет однозначно квалифицировать преступления по степени тяжести и сложности. Мы относим указанную проблему именно к первой группе, а не к проблеме собственно лингвистов-экспертов потому, что для вынесения определенного вердикта судья должен понимать разницу смыслов, вкладываемую экспертами в разные понятия. Так, эксперты-лингвисты различают понятия «ненависть», «неприязнь», «вражда», «рознь», дефиниции «разжигание вражды» и «возбуждение социальной, национальной или религиозной розни» [6]. В целом эта проблема идентификации признаков экстремизма оказывается важной и насущной как для юристов, так и для лингвистов: на первых лежит ответственность за понимание дела и объективность вопросов, на вторых – за четкость и понятность ответов, им уместность. Термины «возбуждение ненависти либо вражды», «направленность на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц» достаточно неоднозначны, что зачастую позволяет виновным избежать уголовного преследования.

Также к общим вопросам выявления самого правонарушения мы относим проблему истинности содержания запрещенных материалов в том тексте, о котором идет речь. Сотрудники правоохранительных органов и суд должны быть готовы к ложным обвинениям в пропаганде экстремистских материалов, которые могут быть обращены в адрес журналистов, к примеру, осуждаемыми ими властными лицами.

Вторая группа проблем.

Важнейшим вопросом в деле проведения лингвистической экспертизы является удачное сотрудничество лингвистов-экспертов (и экспертов других специальностей) с судом. Методика проведения судебно-лингвистической экспертизы практически не зависит от того, какое именно дело рассматривается: процедура проведения экспертизы закреплена в законе, и ход ее расписан довольно подробно. Однако судья, сталкиваясь в очередной раз с необходимостью проведения судебно-лингвистической экспертизы, должен правильно установить пределы компетенции судебного эксперта, определив их *вопросами*, которые могут быть поставлены на разрешение лингвистической экспертизы.

Существует еще несколько проблем лингвистов-экспертов (помимо вопроса о компетенции лингвистов), связанных с их решениями и ответственностью за сделанные выводы.

Иногда некоторые судебные лингвисты четко не представляют круг своих обязанностей. Дело в том, что далеко не всегда специалист эксперт владеет хоть какими-либо основами юридических знаний. Очень часто к проведению судебно-лингвистических экспертиз привлекаются ученые филологи, преподаватели университетов. Они могут прекрасно видеть смыслы исследуемого текста, но упускать судебную перспективу сделанных ими суждений. Поэтому одна из проблем видится нам в поиске и привлечении подкованного судебного эксперта, способного не смешивать теоретические и практические вопросы, не допускать в экспертном заключении домыслов, гипотез, субъективных мнений, которые вполне допустимы для научного мира (в особенности, в гуманитарных областях), но абсолютно неуместны при проведении экспертизы.

Экспертная оценка должна быть объективной и беспристрастной. При проведении судебно-лингвистической экспертизы по делам, связанным с экстремизмом, сам эксперт, в силу своих взглядов и убеждений, может быть не равнодушным к тем или иным высказываниям в адрес определенной национальности, конфессии. Но лингвист-эксперт должен основывать свои выводы не на субъективных убеждениях, а на результатах исследования текста.

Лингвистическая экспертиза по уголовному делу может быть назначена в ходе судебного разбирательства по ходатайству сторон или по инициативе суда. Согласно процедуре проведения судебно-лингвистической экспертизы, председательствующий предлагает сторонам представить эксперту в письменном виде вопросы, которые должны быть оглашены, а по ним должны быть заслушаны мнения участников судебного разбирательства. На данном этапе встает очень важная проблема взаимодействия участников судебного заседания: лингвист-эксперт обязан занимать бес-

пристрастную позицию. Значимой в этом процессе оказывается роль суда, который своим определением или постановлением отклоняет те вопросы, которые адресованы эксперту сторонами процесса, но фактически не относятся к делу, лежат вне компетенции эксперта, создают путаницу или вызывают новые вопросы.

Третья группа проблем.

Одной из собственно лингвистических проблем рассматриваемой категории дел является факт обнаружения призыва к возбуждению расовой, национальной вражды. Под призывом в данном случае понимается речевой акт, который обращен к адресату и призван побудить его совершить некоторое действие или сумму действий, побудить его воспринять навязываемые идеалы.

Задачей лингвиста-эксперта является обнаружение характерных черт призыва, описание языкового способа его выражения. Информация, содержащаяся в тексте, может быть выражена в открытой словесной (вербальной) форме, скрытой вербальной форме, пресуппозитивной (затекстовой форме) (когда информация дана скрыто, она подразумевается), подтекстовой форме [5]. Помимо самого факта установления призыва и характеристики его формы, выраженной в грамматической системе языка или иными способами, важным вопросом лингвиста-эксперта также оказывается факт исследования призыва на предмет побуждения к действию.

Лингвисту-эксперту приходится решать и проблему выявления того факта, на кого направлены обвинения, кто именно (одно, конкретное лицо или группа лиц) оказывается объектом направления негативной информации, содержащейся в речевом правонарушении. Как проблему можно определить и собственно выделение экспертом всех классифицирующих признаков экстремистского текста (одним из ведущих признаков текста указанного характера является оппозиционность и наличие образа врага).

Разумеется, лингвист-эксперт должен владеть определенными навыками. Если говорить в данном случае о компетенции судебного эксперта-лингвиста, необходимо упомянуть о его необходимости овладения новыми знаниями и умениями, последней, актуальной информацией, известной в науке и относящейся к вопросу проведения лингвистических экспертиз и частным моментам, от которых зависит успешность проведения экспертизы. Так, в делах о религиозном экстремизме особой популярностью пользуется «концепция критериев». «Согласно этой концепции при производстве судебной лингвистической экспертизы невозможно добиться удовлетворительного результата, не разработав шкалу критериев того или иного лингвистического явления. Например, невозможно в тексте выявить призыв, утверждение о фактах,

не выделив предварительно критерии призыва или утверждения о фактах, или – невозможно оценить текст как разжигающий социальную рознь, не выделив критерии социальной группы» [1, с. 7].

Актуальной проблемой собственно этапа проведения экспертизы, а если говорить еще точнее, то «стадии раздельного исследования» [4, с. 104] является выбор правильного и наиболее подходящего метода исследования текста (лингвостилистический анализ, семантико-синтаксический анализ, лексико-семантический анализ и др.).

При проведении лингвистической экспертизы эксперт, скорее всего, столкнется и с проблемой силы воздействия рассматриваемой информации на воспринимающего ее реципиента, ему придется определить степень влияния этой информации на сознание с учетом эмоциональной окраски текста. Здесь, конечно, начинается в большей степени область компетенции эксперта-психолога, однако при работе с языковыми единицами эта проблема актуальна и для эксперта-лингвиста. Понятно, что имеющиеся в тексте призывы к действиям значительно повышают эффект его влияния на адресата.

Очень значима и форма исследуемого текста. Мы не будем останавливаться на таких частных вопросах, как определение лингвистом функционального стиля текста. Отметим лишь, что с наибольшими сложностями в плане интерпретаций текста, поиска аллюзий и художественных реминисценций эксперт может столкнуться при проведении экспертизы по тексту художественного произведения. Собственно лингвистические методики анализа художественного текста на предмет обнаружения в нем содержательных элементов запрещенного характера еще только разрабатываются учеными.

Все указанные нами проблемы актуальны и не могут быть однозначно разрешены без последующего обращения к ним при проведении очередных судебно-лингвистических экспертиз. Между

тем, выявление и классификация проблем должны способствовать более слаженной работе судей и экспертов, предупреждать возможные трудности, способствовать повышению уровня экспертных заключений и сокращению затрат времени на проведение судебно-лингвистической экспертизы.

Библиографический список

1. *Бринева К.И.* Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 376.
2. *Галышина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006.
3. Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды / Утверждены Заместителем Генерального прокурора РФ М.Б. Катышевым 29.06.99 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=856&pub_name
4. *Подкатилина М.Л.* Рекомендации по производству и оформлению результатов судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2014. – №3. – С. 104.
5. *Стернин И.А.* Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста. Методическое пособие. – Воронеж: ВГУ, 2010. – 20 с.
6. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности: учеб.-метод. пособие / сост. Л.З. Подберезкина, Е.Ю. Федоренко. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. – С. 5–10.
7. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности».

КОНЦЕПЦИЯ ХАЛИФАТА КАК МУСУЛЬМАНСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматривается концепция Халифата как мусульманской формы правления. Определяются различные представления о роли правителя, его взаимодействия с подданными, возможности перехода власти, объем его полномочий. Приводится обоснование целесообразности выделения особой формы правления, специфически характерной для исламской государственно-правовой традиции.

В настоящее время исламу и мусульманскому праву принадлежит огромная роль в международной политике, идеологии и государственно-правовом развитии мусульманских стран. Это доказывает, что данная религиозная система и сегодня, в новой исторической обстановке, располагает большими возможностями активного действия. Большое значение, ислама и мусульманского права в качестве нормативного регулятора и идейно-политического фактора заставляет обратиться к исследованию сущности и природы исламского государства, его специфических особенностей, формы правления [2, с. 2].

Этому вопросу уделяют пристальное внимание многие исследователи исламского права. Понятие «исламская форма государства» является собирательным. Политическая форма государства показывает, при помощи каких доктринальных основ действует правитель, на какие законы опирается власть, то есть в какой-то степени это аналог формы правления, но включает в себя и доктринальные аспекты правления.

Ключевые слова: Халиф, Халифат, сунниты, форма правления, власть, верховная власть.

В своих учениях ислам выделяет три степени власти – власть Аллаха, власть пророков и третья власть – власть правителей. Согласно Корану и Сунне, власть Аллаха должна перейти в руки правителей, но в вышеуказанных источниках не говорится, каким образом власть должна перейти правителям, каким именно правителям, не определено, кто должен их выбирать, какие требования предъявляются к правителям, какие существуют дальнейшие способы передачи власти.

В настоящее время исламу и мусульманскому праву принадлежит огромная роль в международной политике, идеологии и государственно-правовом развитии мусульманских стран. Это доказывает, что данная религиозная система и сегодня, в новой исторической обстановке, располагает большими возможностями активно действовать. Большое значение ислама и мусульманского права в качестве нормативного регулятора и идейно-политического фактора заставляет обратиться к исследованию сущности и природы исламского государства, его специфических особенностей, формы правления [2, с. 2].

Этому вопросу уделяют пристальное внимание многие исследователи исламского права. Понятие «исламская форма государства» является собирательным. Политическая форма государства показывает, при помощи каких доктринальных основ действует правитель, на какие законы опирается власть, то есть в какой-то степени это аналог формы правления, но включает в себя и доктринальные аспекты правления.

В своих учениях ислам выделяет три степени власти: власть Аллаха, власть пророков и власть правителей. Согласно Корану и Сунне, власть Аллаха должна перейти в руки правителей, но в вышеуказанных источниках не говорится, каким образом власть должна перейти правителям, каким

именно правителям, не определено, кто должен выбирать, из какого рода должны быть правители, какие требования предъявляются к ним, какие существуют дальнейшие способы передачи власти.

И.Л. Фадеева выделяет одну из основополагающих причин раскола общества: «Умма столкнулась с проблемой наследования власти сразу же после смерти Мухаммада. В идеологии еще не полностью сформировавшегося государства находили место самые различные представления о порядке передачи власти от одного лица к другому» [8, с. 42]. В противостоянии интересов и взглядов мусульман о главе верующих образовались несколько течений, которые по-разному трактовали роль государства, государственное устройство, роль правителя. Данная борьба привела к образованию основных течений в исламе – суннизма и шиизма, а также к возникновению многочисленного числа различных сект.

В связи с этим другой известный российский исследователь в области мусульманской концепции власти Ф.И. Хачим отмечает: «Прочитав Коран, мы обнаружим, что начало сосредоточения на социальных, политических и административных вопросах стало отчетливо проявляться в мединский период. Вместе с тем мы не найдем здесь четкой и непосредственной позиции в отношении власти. Однако руководство Мухаммада мусульманской “уммой”, с одной стороны, и управление ее жизненными делами – с другой, стали порождать некоторые социально-политические результаты, используя которые последующие исламские политические движения черпают возможность сопоставления, чтобы построить на их основе теории власти (халифат, имамат и т.д.)» [10, с. 6].

Ранние, базовые источники мусульманского права не содержат конкретных правил, регулирующих отношения государства с его народом, или определяющих его содержание и сущность. Прин-

ципы функционирования и организации халифата были созданы мусульманскими учеными путем сравнения их с практикой осуществления власти Мухаммедом и праведными халифами.

Л.Р. Сюкияйнен отмечает, что перед мусульманской политической теорией в этом смысле стояла сложная задача: на основе одного – двух весьма отвлеченных принципов было необходимо развернуть целостную концепцию мусульманского правления, сформулировать систему конкретных правовых норм, регулирующих структуру и порядок деятельности мусульманского государства [7, с. 81]. Таким образом, в результате широкого истолкования норм Корана и сунны по этим вопросам их недостатки были представлены как достоинство мусульманской концепции государства. Это объяснялось тем, что столь скудные основы халифата, оставленные пророком, не связывают мусульман жесткими рамками и позволяют им по своему усмотрению гибко выбирать нужную форму правления, соответствующую конкретным историческим условиям [8, с. 35].

Вместо понятия «государство» используются категории халифат и имамат, которые в дальнейшем стали обозначать мусульманские государства. Халифат рассматривался как сущность власти и как особая форма правления. Ключевое место в мусульманской государствообразующей концепции занимает вопрос происхождения халифата. По мнению многих исламских исследователей, установление халифата является обоснованным и необходимым. Власть халифата представляет собой обязанность, возложенную на главу государства, муджтахидов (избирающих и контролирующих халифа), «консультативный» совет, так и на всех мусульман.

По мнению Л.Р. Сюкияйнена, последователи суннитских толков мусульманского права формальной основой необходимости халифата считали не столько туманные указания Корана, сколько единогогласное мнение сподвижников пророка, крупнейших правоведов, а за ними и всех мусульман (иджма). Именно иджма, по их мнению, придавала халифату юридически обязательный характер, превращала его в правовую норму, принцип, элемент системы мусульманского права в целом [7, с. 82].

Развивая эту мысль, Б.А. Сафаров отмечает, что из этого следует восприятие общины мусульман в качестве земного носителя верховного суверенитета и источника права на власть. «Это, в свою очередь, определяло и морально-правовой статус халифа – он представал как лицо, уполномоченное общиной на исполнение религиозных и светских функций ее главы, поскольку обладал необходимыми для этого личными качествами. В своих действиях халиф представлял, как и глава племени в родовом обществе, волю и интересы общины. Но надо отметить, что данная воля и интерес общины теперь представлялись волей Аллаха в качестве

принятых заветов. Таким образом, на начальном этапе развития мусульманского государства сохранялся родовой принцип делегирования власти, оставался в силе и механизм процедуры делегирования» [6, с. 100].

Существовали различные точки зрения по вопросу о том, кому принадлежит верховная власть в халифате. Сунниты полагали, что мусульманское государство строится на основе поручения Аллаха. Высшую власть осуществляет община, обладающая полным суверенитетом, представляющая собой не что иное, как отражение верховного суверенитета Аллаха.

Неполнота предписаний Корана и Сунны в вопросах деятельности, управления и структуры мусульманского государства повлияла на необходимость разработать правовой доктриной теории государства и своего рода государственного право.

Халифатская форма правления предполагает необходимость принятия к сведению наставлений муджтахидов и вынесения решения с учетом их общего мнения, а также обязанность общины подчиняться правителю согласно основным положениям Корана. Перед исламской политической теорией стояла непростая задача: необходимо было создать систему определенных правовых норм, регулирующих порядок, структуру деятельности мусульманского государства, раскрыть единую концепцию мусульманского правления. В итоге, пробельность в Коране и Сунне по вопросам формы правления превратилась из недостатка в достоинство и объект гордости мусульманской теории государства. Достоинство это заключалось в том, что общину не связывали жесткими рамками и разрешали по своему усмотрению выбирать ту форму правления, которая более подходила конкретным историческим условиям.

Как отмечает П.А. Грязневич, «в древнем обществе Аравии верховный суверенитет в автономной родовой группе принадлежал всему коллективу сородичей. Его воля была источником права на власть, точнее, права распоряжаться действиями родовой группы и каждого из ее членов. Облечение такой властью носило обычно временный характер и рассматривалось как делегирование коллективом одного из его членов на исполнение определенной функции. Подчинение распоряжениям такого лица было добровольным, но в то же время обязательным, поскольку они отвечали воле и интересам родовой группы, унаследованной от предков традиции и освященному ею обычаю. Назначение на исполнение той или иной функции происходило через избрание всей правомочной частью родовой группы или советом ее представителей и выражало удовлетворение личными качествами и компетентностью кандидата» [3, с. 190].

В доказательство можно привести фрагмент из Корана, в котором правительница народа саба, по-

лучив письмо от Сулаймана, обращается к знати: «[Доставил угод письмо от Сулеймана лично царице. Прочитав,]¹ сказала она: “О мужи знатные! Воистину, прибыло ко мне письмо достохвальное. Ведь от Сулеймана оно, и говорится в нем следующее: “Во имя Бога Всемилостивого, Всемилосердного. Не превозноситесь предо мною и явитесь ко мне (т.е. к Сулейману) с изъявлением покорности”. Повелела царица: “О мужи знатные! Подскажите, как поступить мне в деле этом. Никогда не принимала я решения окончательного, не посоветовавшись с вами”. Ответили вельможи: «Обладаем мы силой и доблестью. Решать же тебе. Поразмысли и отдай повеление нам»» [5, с. 340].

Суверенные права выражаются в избирании правителя, который управляет общиной от ее имени, но при этом она не уступает своих исключительных прав. Как в реализации управления, так и в правотворчестве суверенитет общины связан с волей Аллаха, выраженной в мусульманском праве.

Л.Р. Сюкияйнен по этому поводу отмечает: «Обычно указывают на три основных способа “избрания” халифа: непосредственно общиной, коллегией выборщиков и путем последующего одобрения общиной назначения халифом своего преемника. Считается, что наиболее соответствует духу ислама такая форма, при которой общину в договоре представляет особая группа мусульман – т.н. “муджтахиды”, наделенные справедливостью, мудростью и умением самостоятельно решать мусульманско-правовые вопросы, не урегулированные Кораном и Сунной» [7, с. 87].

В теории этих муджтахидов должна была выбирать община, но на практике все было иначе, никаких особых правил отбора установлено не было. Считалось, что муджтахидом становился известный всей общине мусульманин, наделенный определенным набором качеств: мудростью, справедливостью, умением анализировать и решать мусульманские вопросы.

Именно муджтахиды имели официальное право избирать главу халифата, а община должна была одобрить их выбор.

При изучении основообразующих принципов суннитской концепции можно выделить несколько требований к претенденту на должность главы государства. Халиф должен быть из рядов муджтахидов, быть справедливым, обладать здоровьем и не иметь физических недостатков, должен проявить себя заботливым мусульманином по отношению к своим подданным, и выходить из рода курайшитов.

Правда, относительно последнего условия П.А. Грязневич поясняет: «Со стороны некоторых последователей выражались и недовольства. Но большинство из суннитских ученых и последователей утверждали, что угодным общине в качестве его главы – халифа, может быть лишь человек, происходящий из племени курайш, племени пророка,

который был избран Советом ее верхушки (аш-ура) или же был назван в завещании предшествующего халифа» [4, с.161].

Исламская политическая теория не имеет определенных норм, регламентирующих вопрос замещения должности правителя мусульманского государства. Однако по суннитской концепции, халифом становятся не в порядке назначения предшественником преемника верховной светской или религиозной власти, а согласно договору, заключаемому между будущим халифом и общиной. Необходимо отметить, что наиболее соответствует духу ислама такая форма, при которой общину в договоре представляют уважаемые муджтахиды как люди, одаренные мудростью, справедливостью и наделенные правом выносить решения (фетвы) по важным вопросам ислама и государства, не урегулированные Кораном и Сунной.

Эти положения представляют собой условия аль-биа – официального соглашения, заключенного между имамом и народом, который представляют улемы и так называемые «влиятельные лица». Аль-биа – это закон обязательный для имама и содержащий волю народа [1, с. 3].

Халиф несет личную ответственность за осуществление власти над общиной, поэтому он вправе требовать от мусульман беспрекословного повиновения своей власти. Договор халифата бессрочный и действует до тех пор, пока халиф строго следует нормам мусульманского права. Если же будет установлено, что глава государства отступает от условий договора, то он должен быть снят с должности и община более не обязана ему подчиняться. Теоретически община имела право требовать от халифа отчетности о проделанной работе и выполнения всех его обязанностей, но на практике простые мусульмане сами не могли вмешиваться в государственные дела и критиковать политику халифа. Недовольство подданных политикой властей считалось анархией и смутой, и сурово наказывалось. В отличие от европейской традиции, покорность подданных в исламе являлась правилом и любое проявление неуважения к правителю или муджтахиду наказывалось сурово.

Только особая группа избранных авторитетов – муджтахидов, представляющих общину в отношениях с халифом и составляющих консультативный совет, была вправе (да и то формально) критиковать халифа.

Характерной особенностью халифата представляется обязанность халифа/главы государства руководствоваться нормами мусульманского права, считаться с интересами общины, а также советоваться с муджтахидами при принятии важнейших решений. Считалось, что вопросы государственной политики не может решать община в целом, и они являются прерогативой халифа и консультативного совета. Презюмировалось, что именно

через этот орган, мнение которого приравнивалось к мнению всей общины, последняя и контролирует политику главы государства.

Необходимо отметить, что эти вопросы не были урегулированы Кораном или сунной. При решении таких вопросов допускалось принятие новых норм, основанных на принципах мусульманского права.

Суннитская мусульманско-правовая политическая концепция исключает абсолютизм правителя, он не пользуется какими-либо привилегиями или иммунитетом, но как и простой мусульманин подчиняется нормам мусульманского права и может быть наказан за любой проступок. Поэтому, хотя он и осуществляет верховную религиозную власть в государстве, его полномочия лишены божественного характера. Согласно суннитской концепции, власть не наследуема и не передаваема.

Перед мусульманской политической теорией стояла сложная задача: необходимо было развернуть целостную концепцию мусульманского правления, сформулировать систему конкретных правовых норм, регулирующих структуру и порядок деятельности мусульманского государства.

Суть халифата с точки зрения мусульманской государственно-правовой мысли заключается в религиозных основаниях и соответствии мусульманскому праву. По суннитской концепции именно ислам лежит в истоках мусульманского государства. Суннитская концепция как религиозно-правовая теория не допускает образование и существование государства на каких-либо иных основах кроме исламских.

Основными задачами власти были выполнение воли Аллаха на земле и создание для этого таких условий, чтобы пророк и его сподвижники могли осуществлять верховно-религиозные и светские функции.

Примечание

¹ Интерполяция по Табари.

Библиографический список

1. *Аль-Бусаиди Я.Я.* Особенности правовой системы имамата Омана // *Современные проблемы науки и образования.* – 2014. – № 6. – С. 153.
2. *Басова И.О.* Государственно-правовая идеология ислама и практика строительства мусульманских государств: дис. канд. ... юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – 182 с.
3. *Грязневич П.А.* Ислам и государство (к истории государственно-политической идеологии раннего ислама) // *Ислам. Религия, общество, государство.* Сб. статей. – М., 1984. – 203 с.
4. *Грязневич П.А.* К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе // *Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики:* Сб. статей. – М.: Наука, 1985. – 174 с.
5. Коран, сура 27, аяты 29–33 / Перевод с арабского и комментарий М.-Н.О. Османова. – СПб.: Издательство “ДИЛЯ”, 2010. – 576 с.
6. *Сафаров Б.А.* Раннее исламское государство и формирование исламских представлений о власти: дис. канд. ... юрид. наук. – Душанбе, 2010. – 164 с.
7. *Сюкияйнен Л.Р.* Концепция Халифата и современное государственно-правовое развитие зарубежного Востока // *Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики.* – М.: Наука, 1985. – 160 с.
8. *Фадеева И.Л.* Концепция власти на Ближнем Востоке. Средневековье и новое время. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 288 с.
9. *Халиков А.* Институт брака по мусульманскому праву: согласно хадисам. // *Власть, управление, правопорядок:* Сб. науч. ст. – Душанбе: Икбол, 1995. – Вып. 1. – С. 104–107.
10. *Хачим Ф.И.* Проблема государственной власти в исламской доктрине (на примере шиизма): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – 175 с.

ВЛИЯНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи административно-правового механизма обеспечения продовольственной безопасности России и включения Российской Федерации в глобальную систему продовольственной безопасности. Автором рассматриваются полномочия и деятельность органов исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющие обеспечение продовольственной безопасности. В данной работе проанализированы Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания, Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, Стратегия развития деятельности Российской Федерации в Антарктике на период до 2020 года и на более отдалённую перспективу, Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г., Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции». В статье рассматриваются и иные аспекты обеспечения продовольственной безопасности. Административно-правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в значительной степени обусловлен включением России в глобальную систему продовольственной безопасности и существенно зависит от международно-правовых актов, что, в свою очередь, отражается на полномочиях и деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: международно-правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности, Таможенный союз, Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации, Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания, Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, нормативно-правовое обеспечение продовольственной безопасности.

Международно-правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности является одним из ключевых, он определяет внутренние правовые механизмы её обеспечения в каждом отдельно взятом государстве. В настоящее время исследователями признаётся, что продовольственная безопасность населения любого государства не может быть гарантирована без образования региональных интеграционных формирований, что может способствовать достижению максимального самообеспечения населения соответствующих групп государств основными продовольственными товарами [12, с. 10]. В научной литературе часто говорят о том, что международно-правовое регулирование призвано обеспечить «планетарную», «глобальную», «международную» или «коллективную продовольственную безопасность». Как отмечает А.Я. Капустин, дальнейшее развитие глобализации всё в большей мере обнажает растущую неспособность суверенного государства осуществлять целый ряд традиционно присущих ему функций ввиду растущей экономической и технологической взаимозависимости [5, с. 18]. Ю.А. Тихомиров полагает, что в условиях усиливающейся глобализации возникают актуальные планетарные проблемы, в решении которых заинтересованы все государства [11, с. 10–11]. Международный уровень нормативно-правового регулирования продовольственной безопасности во многом обусловлен и тем, что наблюдается растущая диспропорция в развитии продовольственного хозяйства различных регионов планеты, увеличение мировых цен на продукты питания и сохранение существенных групп населения, живущих в условиях голода или недостаточного питания [7, с. 49].

В связи с этим на международном уровне была принята Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания, в п. 1 которой установлено неотъемлемое право каждого мужчины, женщины и ребёнка быть свободными от голода и недоедания для полного развития и сохранения своих физических и умственных способностей, а ликвидация голода является общей обязанностью всех стран международного сообщества. Данной декларацией на высшие органы исполнительной власти государств возложена обязанность по увеличению объёмов производства продовольственных товаров, а также справедливому и эффективному распределению продовольствия между странами и внутри них.

Международно-правовое регулирование продовольственной безопасности включает и отраслевой аспект, связанный с установлением норм и правил, обеспечивающих международно-правовую защиту интересов различных государств, связанных с продовольственным обеспечением их населения продукцией отдельных отраслей народного хозяйства. Например, в отрасли рыболовства и добычи иных водных биологических ресурсов действует Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, в которой был реализован «экосистемный» подход, предполагающий, в частности, предотвращение сокращения численности любой вылавливаемой популяции до уровней ниже таких, которые обеспечивают её устойчивое пополнение, а также поддержание экологических взаимосвязей между вылавливаемыми видами, зависящими от них и связанными с ними популяциями морских живых ресурсов (ч. 3 ст. 2 Конвенции). Указанный документ с учётом участия России в данной кон-

венции оказывает определённое воздействие на административно-правовое регулирование рыбохозяйственной деятельности в Российской Федерации, влияя на компетенцию Федерального агентства по рыболовству, которое осуществляет свои полномочия не только на территории Российской Федерации, в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации, но и в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, в открытых районах Мирового океана [8, п. 1]. Кроме того, с учётом названной конвенции в Российской Федерации осуществляется государственное управление на уровне актов стратегического планирования. Имеется в виду Стратегия развития деятельности Российской Федерации в Антарктике на период до 2020 года и на более отдалённую перспективу, большое значение которой для административно-правового регулирования в области добычи водных биологических ресурсов Антарктики отмечается в научной литературе [1, с. 10].

Усиливает организационные проблемы административно-правового регулирования продовольственной безопасности и членство Российской Федерации в различных международных объединениях экономической направленности, прежде всего, во Всемирной торговой организации. В Постановлении Главного государственного санитарного врача РФ от 14 июня 2013 г. № 30 «О надзоре за производством и оборотом пищевой продукции» отмечается, что участие Российской Федерации в процессах международной экономической интеграции, вступление во Всемирную торговую организацию и членство в Таможенном союзе вызывает опасения вследствие возможного поступления на территорию Российской Федерации некачественной и опасной пищевой продукции.

Российская Федерация присоединилась к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. [13], в ч. 4 ст. XVI которого определено, что каждый член организации должен обеспечить соответствие своих законов, внутренних правил и административных процедур обязательствам, вытекающим из прилагаемых к данному акту соглашений. Анализируя данный акт и практическую его реализацию, Н.А. Чуйко отмечает, что право Всемирной торговой организации в значительной степени влияет на внутреннее право государств, являющихся её членами, в связи с чем существует ряд факторов, потенциально могущих воздействовать на понижение стандартов обеспечения безопасности пищевых продуктов в Российской Федерации [14, с. 913]. Стоит сказать, что безопасность пищевых продуктов является составной частью продовольственной безопасности, и подобная ситуация на межгосударственном уровне способна создать дополнительную нагрузку на органы исполнительной

власти Российской Федерации, в первую очередь, Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, по осуществлению контрольно-надзорной деятельности в данной сфере, а это, в свою очередь, составляет одну из проблем административно-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности.

Международно-правовое регулирование продовольственной безопасности осуществляется и на уровне Таможенного союза. Принимаемые в рамках данного межгосударственного образования нормативные правовые акты имеют непосредственное отношение к административно-правовому регулированию, поскольку подлежат непосредственному применению органами исполнительной власти Российской Федерации в рамках их организационно-управленческой деятельности. В частности, речь идёт о Техническом регламенте Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» [10]. Полномочиями по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований этого регламента обладают Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка, что установлено постановлением Правительства Российской Федерации [9]. Необходимость осуществления контрольно-надзорной деятельности в целях проверки соблюдения подобных актов Таможенного союза порождает и проблемы квалификации административных правонарушений, которая весьма актуальна в свете борьбы с ними [4, с. 5–10; 2, с. 50]. Например, проблемы практического характера возникают при применении ч. 1 ст. 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6], которая, в частности, в сфере ветеринарии конкурирует с чисто «ветеринарными» статьями КоАП РФ (10.6 и 10.8). По утверждению Л.Е. Калининой, похожая ситуация наблюдается и в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия, поскольку применение ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ пересекается со специальными по отношению к ней статьями КоАП РФ, в том числе ст. 6.3, и в каждой конкретной ситуации необходимо практически решать вопрос о квалификации административного правонарушения [3, с. 54–59].

Таким образом, административно-правовой механизм обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации в значительной степени обусловлен включением нашего государства в глобальную систему продовольственной безопасности и существенно зависит от международно-правовых актов, что, в свою очередь, отражается на полномочиях и деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Овлащенко А.В.* Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации и современные тенденции в международно-правовом регулировании добычи морских биоресурсов // *Юридический мир.* – 2013. – № 13. – С. 7–13.
2. *Калинин Г.И.* Государственный ветеринарный надзор за соблюдением требований Технического регламента «О безопасности пищевой продукции» // *Административное право и процесс.* – 2015. – № 3. – С. 49–51.
3. *Калинина Л.Е.* Административно-деликтные правоотношения при применении ст. 14.43 КоАП РФ // *Право и экономика.* – 2014. – № 2. – С. 54–59.
4. *Канунникова Н.Г.* Актуальные проблемы борьбы с административными правонарушениями // *Административное право и процесс.* – 2013. – № 4. – С. 5–10
5. *Капустин А.Я.* Международные организации в глобализирующемся мире: монография. – М.: РУДН, 2010. – 320 с.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 09.03.2016 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
7. *Масленникова О.А., Чиченко Д.В.* Продовольственная безопасность: основные элементы многоуровневой системы // *Аграрное и земельное право.* – 2009. – № 1. – С. 49–57.
8. Положение о Федеральном агентстве по рыболовству, утв. Постановлением Правительства РФ от 11 июня 2008 г. № 444 (в ред. от 25.12.2015 г.) // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* – 2008. – № 25. – Ст. 2979.
9. Постановление Правительства РФ от 28 августа 2013 г. № 745 «Об уполномоченных органах Российской Федерации по осуществлению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2013. – № 35. – Ст. 4529.
10. Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 880 (в ред. от 10.06.2014 г.) // *Официальный сайт Комиссии Таможенного союза [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://www.tsouz.ru>.
11. *Тихомиров Ю.А.* О модернизации государства // *Журнал российского права.* – 2004. – № 4. – С. 3–16.
12. *Ушачёв И.Г.* Обеспечение продовольственной безопасности России: проблемы и пути решения // *Аграрное и земельное право.* – 2009. – № 1. – С. 9–14.
13. Федеральный закон от 21 июля 2012 г. № 126-ФЗ «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» // *Собр. законодательства Рос. Федерации.* – 2012. – № 30. – Ст. 4177.
14. *Чуйко Н.А.* Влияние права Всемирной торговой организации на регулирование безопасности пищевых продуктов в Российской Федерации // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* – 2014. – № 5. – С. 908–915.

О «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»*

В статье представлена рецензия на вышедшую в 2016 году книгу доктора философии Н.Н. Соломиной-Минихен (монахини Ксении) «О влиянии Евангелия на роман Достоевского "Идиот"».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Идиот», Соломина-Минихен, трактовка идеи и мотивов романа Достоевского, евангельский подтекст.

Книга доктора философии Н.Н. Соломиной-Минихен (монахини Ксении) посвящена выявлению обширного евангельского подтекста романа «Идиот». До отъезда в США и принятия сана она участвовала в подготовке 30-томного собрания сочинений Достоевского. Это академический учёный, один из признанных специалистов-литературоведов, глубокий знаток творческой истории романа.

Автора книги удручает, что появившиеся в последнее время интерпретации «Идиота» расходятся с замыслом писателя. В погоне за «новыми прочтениями» исследователи голословно обвиняют его в безверии и утверждают, что в Мышкине угнездился «сатана, принимающий вид Ангела света». Князь Мышкин произвольно отождествляется им с самим Христом, они обвиняют Достоевского в отступлении от Православия.

Соломина-Минихен самым решительным образом оспаривает «постмодернистские» трактовки романа. «Ознакомление с различными интерпретациями "Идиота", – утверждает она, – неизбежно ставит перед исследователем вопрос: "Что же, в конце концов, хотел сам Достоевский сказать своим романом?"». К сожалению, энтузиасты «новых прочтений», пишущие об «Идиоте», навязывают роману свои смыслы и не уделяют «достаточно внимания даже вдумчивому прочтению его текста, не говоря уж об изучении творческой истории» (с. 10).

Соломина-Минихен анализирует роман с любовью к Достоевскому, с трепетным отношением к художественному тексту. «С авторских позиций» она последовательно раскрывает «вдохновлённые Евангелием творческие устремления писателя» (с. 10). Выявляя евангельский подтекст, она обнаруживает глубокое хриstopодобие главного героя и убедительно доказывает обоснованность «заявлений о том, что в романе должен был появиться "не князь, а Христос"» (с. 21). В образе Мышкина Достоевский создаёт «светского праведника», «ревностного христианина», о чём свидетельствует творческая история романа. Поэтому

«у нас нет никаких оснований для того, чтобы считать Мышкина символом Самого Христа» (с. 18).

В работах об «Идиоте» нередко проводится аналогия между отношением Мышкина к Мари, которую он любит только христианской любовью, и его чувством к Настасье Филипповне. Автор книги обращает внимание на другое: чувство Мышкина к центральной героине романа дано в развитии. Настасью Филипповну он «очень любил» вначале, но постепенно любовь умерла, в сердце Мышкина осталось лишь сострадание, похожее на «влечение к какому-то жалкому и больному ребёнку». И когда перед свиданием соперниц князь чувствует, что может потерять Аглаю, его сердце в смятении, он с ужасом думает о Настасье Филипповне, которой он теперь уже боится (см. с. 48).

Рассматривая эволюцию чувств Мышкина к Настасье Филипповне и развитие новой, светлой любви его к Аглае, автор книги опровергает широко распространённое мнение, что Достоевский задумал своего героя как существо бесполое, неспособное к земной любви. Неудача «спасения» Настасьи Филипповны объясняется непобедимой гордостью героини. Гордыня порождает настолько глубокий надлом в её душе, что все варианты спасения и «восстановления» оказываются обречёнными на неудачу. Они приносят героине лишь временное просветление.

Обстоятельно раскрывается в книге идея «серьёзного Дон-Кихота». Показывается роль пушкинской баллады о «рыцаре бедном» в художественном контексте романа, её «отголосок» в судьбе тяготеющей к католицизму Аглаи. В болезни князя Мышкина обнаруживается одно из свидетельств его хриstopодобия. За «гениальной фигурой» Лебедева проступает сам автор – глубокий толкователь Апокалипсиса.

Ключевую роль в художественном мире романа играет, по мнению автора книги, диалог между Ипполитом и Мышкиным. Главным пунктом полемики здесь оказывается проблема веры в Богочеловечество Христа и в Его Воскресение как в залог

* Монахиня Ксения (Н. Соломина-Минихен) О влиянии Евангелия на роман Достоевского «Идиот» – СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. – 232 с.

вечной жизни каждого человека: «Важно с самого начала иметь в виду, что диалог между Ипполитом и Мышкиным ведётся с противоположных позиций, но на равных основаниях. Ведь князь, больной эпилепсией, хоть и не столь безусловно, как Ипполит, однако совершенно реально осознает возможность грозящей и ему самому близкой кончины. Но в нём отсутствует страх смерти, так мучающий Ипполита, почти сводящий его с ума» (с. 198). Страх смерти неспроста терзает Ипполита. Исступлённое тяготение его к временной жизни связано с утратой веры в вечную жизнь.

Трагический финал романа не подрывает трансцендентного идеала христианской любви, который князь, пленя сердца читателей, старается принести в мир. Ведь полное осуществление такого идеала свыше сил любого человека. «Трагический конец земной судьбы Мышкина осмыслен, оправдан и освящен Воскресением Христовым, потому что в сердце героя Достоевского жила не только вера в вечную жизнь, но и *опытное соприкосновение с нею уже здесь, на земле*, где вечность начинается

для каждого истинного христианина» (с. 223–224). Н.Н. Соломина-Минихен по-новому раскрывает роль книги Ренана «Жизнь Иисуса» и картины Ганса Гольбейна младшего «Мёртвый Христос» в творческой истории «Идиота».

Таким образом, автор книги убедительно подводит читателей к очень значимому выводу: в романе «Идиот» «сложился весь комплекс религиозно-философских убеждений Достоевского, получивших развитие и углубление в его последующих художественных произведениях и публицистике. Вот почему в позднейшем творчестве писателя так часты переключки со многими строками этого романа» (с. 28).

Книга монахини Ксении привлекает чуткостью к тончайшим оттенкам слова и мысли Достоевского, хрустально чистым языком, свободным от модного ныне терминологического мусора, стройной композицией, которая позволяет полифонически менять ракурсы анализа, чёткими духовными ориентирами, в которых так нуждается современный учитель словесности.

SUMMARY

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Aleksey A. Gippius

*Research University of the Russian Nation
«Higher School in Economics», Moscow
agippius@mail.ru*

Sergey A. Kabatov

*Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru*

Yelena A. Kabatova

*Nekrasov Kostroma State University
kabatova@bkl.ru*

Relics of epigraphy of Kostroma Povolzhye of the 13th—14th centuries

Kostroma Povolzhye has been opened up since the mesolithic epoch. Since the early iron age, this territory has been involved into the process of formation of one of the peoples of the group of Finno-Ugric ethnolinguistic family, Merya; since the 11th century, Slavic population has been settled on these lands. What is the result of this entry, is the culture of the so-called «Kostroma tumuli». Since the 13th century, a significant population group from the South Rus' regions has been migrated to the lands of Kostroma Povolzhye. The ethnic situation like that causes assimilation of the autochthonous Kostroma Povolzhye population by the predominating migrants and active implication of Kostroma land into making of Muscovy. However, more likely, scarce writing references on Kostroma land have been available no earlier than since the 16th century. In 2015, a finding of a stone article allowed stating aspects of quite an interest concerning the qualitative content of this region's history.

Keywords: Vyozhi remains; plate; jade; epigraphy; earthen saucer; palaeographic, orthographic and linguistic peculiarities of legend, writings on birch bark, graffiti.

Mikhail V. Novikov

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
novikov_s@yspu.org*

Tat'yana B. Perfilova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
byzenka@yandex.ru*

Linguistic aspect paradigm is the conceptual basis for the early stage of anthropological studies of Fyodor Buslaev

Revolutionary for Russian linguistics value of the scientific work by Fyodor Buslaev «On the Teaching of the National Language» is considered in the article. The author, who at that time was only twenty-six, thoroughly studied the works of leading European, and especially German, scholars in the field of linguistics and said that the word was «old work of art,» in which, the «initial submission, the living image» that had been saved «in the language of the common people,» could be seen, rather than a simple combination of sounds; rather than a sign that conveyed a concept. Considering language as the most important source of historical information as well, Fyodor Buslaev proposed studying it with three methods – comparative, historical and philosophical ones – explaining that the comparative

and historical methods were the material basis for the philosophy of linguistics. It is emphasised that Fyodor Buslaev in his further work, came to the conclusion that the historical method was «a comparative as well now, because of involvement of comparison of language forms in a variety of time periods, and a comparative one is believed to be historical as well, because of comparing languages of different times.»

Keywords: language, comparative historical science of language, word, comparative and historical methods, Russian language's historical grammar, classics among German linguists, Indo-European peoples' worldview.

Valeriy V. Dzyuban

*Academician Petrovsky Bryansk State University
bryanskstudzuban@mail.ru*

Ol'ga A. Matyhina

*Bryansk State Technical University
ya.matukhina@yandex.ru*

On the activity Oryol Orthodox Brotherhood named after saints Peter and Paul on the use of icons in the Russian national environment and Orthodox sacred images (late 19th—early 20th centuries)

The spiritual and moral condition of modern man is subjected to a severe test: crisis processes and phenomena that lead to national, religious conflicts, revolutions and wars are destructive factor for the internal ordering of people. Scientists emphasise today that we are «in the spiritual and non-spiritual reality of the secular state in a call of modern technocratic civilisation». In search of spiritual support, many of fellow countrymen turn to Orthodoxy and radical Russian cultural values. This does not happen by chance: Russian Orthodox tradition helped to consolidate a multi-ethnic and multi-confessional Russian nation, the formation of the unique and rich culture. Tradition is a set of ideas, customs, habits, transmitted from generation to generation, acting regulator of social relations; it is something that is not created by the individual or not a product of one's own creative imagination. According to researchers of Russian culture, in Russia, without the knowledge of the traditions, it is impossible to grasp the spiritual culture of Russian and adequate study of Russian history: «The spiritual culture, which grew out of Christianity and absorbed elements of many components, has formed a focus of consciousness, the nature of person and its world view, the type of behaviour, political and economic originality of history, which allowed Russia to become one of the most striking phenomena of the world civilization». However, for many years prejudice to the spiritual and historical heritage of the Russian Orthodox Church led to the destruction of cultural and religious traditions, to the loss of moral guidelines. In this regard, the study of the past, including the history of the Russian Orthodox Church seems to be topical. Given the fact that at present, there is a revival of non-political social

and religious associations of the clergy and laity, the study of regional experience in the operation of such associations in the pre-Soviet period, can be of practical value.

Keywords: Russian Orthodox Church, icon, religious culture of everyday peasant, Orthodox brotherhoods.

Ivan P. Zadereychuk

*Crimean Jural Institute, branch of the Academy
of Prosecutor General's Office of the Russian Federation
zadereychuk@rambler.ru*

The religious life of the Germans in Crimea in the 19th—early 20th century

The state policy of Russian Empire concerning religious confessions of Germans and Mennonites is studied in this work. It is proved, that one of the reasons of mass foreign colonisation of the Southern part of the Russian Empire was connected with guarantee given to Germans concerning protection from prosecution on religious ground. The mechanism of regulation of Catholic, Lutheran and Mennonite Churches is characterised here. The stages of formation of religious ethnic Germans' communities on the territory of the Crimea and dynamics of parishioners and spiritual constructions number are considered. The processes of creation of different trends among Mennonites of the peninsula are revealed separately. The peculiarities of cult formation of separate Protestant movements present on the peninsula in the second half of the 19th century were analysed. Germans have formed their spiritual centers on the territory of the Crimea by the beginning of the 20th century. First of all, one should name such villages as Neusatz, Zürichthal, Spat and Karasan. They were situated advantageously in relation to other German settlements of the Crimea. The Russian state was relatively tolerant to the religious confessions of the Russian Germans till the beginning of the World War I. Such government approach promoted observance of freedom of religion in the country, where Orthodox Christianity existed as a state religion.

Keywords: Germans of Crimea, history of religion, Mennonites, state policy.

Konstantin V. Lazarev

*Pushkin State University of Leningrad Region
lk0991@yandex.ru*

The definition of the concept «military upbringing» by military theorists at the turn of the 20th century

The combatant value of the armed forces and their moral character is a direct indicator of the sovereignty, necessary for the existence of any state. There has always been special scientific interest about issues of military upbringing. The climax of discussion of this subject was at the turn of the 20th century, when the Russian Empire was defeated by the Japanese. In this article, special attention is paid to the definition of «military upbringing». The article analyses the position of both military theorists and representatives of serving officers: combatant officers and teachers of

military schools. The main trends of military theory in Russia were revealed: «theorists», mainly high-ranking officers of military academies and «pragmatists», the representatives of serving officers. Their views on the subject of military upbringing were compared. The conclusion is that neither the military authorities nor the representatives of serving officers had the consensus on the subject of military upbringing. The reason of this situation can be the struggle of conservative and liberal trends in warfare. As a result each commander in a military unit acted as an educator according his own principles.

Keywords: Russian army, military theory, military upbringing, military psychology, discipline, military personnel.

Anna I. Gromova

*Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
anna4gromova@yandex.ru*

The ideal of beauty in the Russian women's magazines in the early 20th century: changes in the female body control patterns

The article examines the changes in social attitude towards female body, which took place at the beginning of the 20th century in Russia, on the example of women's magazines. The author analyses the changes in female body control patterns, namely the transformation of the traditional ideas of appropriate appearance and physical activities and the creation of the new ideal of a «healthy beauty». The role of the women's magazines in the propaganda of the natural physique (formed with the help of sports, gymnastics and proper nutrition) is emphasised. The article shows how the women's clothes has become more practical; special attention is paid to specific dresses and sport suits. The underwear underwent a similar process: the corset was gradually replaced by loose-fitting and hygienic items.

Keywords: canons of beauty, periodical press, sports, fashion, health, woman's body, physical activity.

Yelizaveta A. Buluchevskaya

*Saint Petersburg State University
buluchevskaya.liza@gmail.com*

Russian cultural emigration to Italy (1918—1939): the question of statistics and classification

In the article, the statistics of Russian emigration in Europe and particularly in Italy during the period of 1917—1939 (after the two Russian revolutions till the beginning of the World War II) is analysed. We have chosen 210 Russian artists who immigrated to Italy after 1917. We have made a classification of them depending on the period and circumstances of emigration, as well as depending on refugee settlement in Italy. On the example of the most numerous, artistic emigration in Italy during the 1920s—1930s the diversity of creative self-realisation of the Russian artists abroad is demonstrated. These painters are classified by genre and style of their works; their diversity reflects both the preservation of «Russian theme» by the artists in exile and the inclusion in the context of

European art tendencies of the 1920s—1930s. Despite the small number of Russian emigration to Italy, it influenced the Italian cultural context of the epoch in different spheres – in painting and in music, in cinema and theatre, in literature and in science.

Keywords: Russian emigration to Italy, statistics, classification, Russian artists, Russian Civil war, Russian revolutions of 1917.

Aleksandra A. Mikulyonok

*The Kuban State University, City of Krasnodar
kilo-alex@yandex.ru*

Causes and peculiarities of Russian emigration to Poland in the first part of the 1920s

The main purpose of the article is to enlighten the questions related to the state of the refugees of the leading wave into Poland in the first half of the 1920s; to address the matters related to the state of the refugees in general, as well as the causes of their leaving for the new motherland. Apart from that, the article represents the difficulties that the refugees faced while crossing the border and actually in Poland, since, as a rule, they did not have the identification documents with them, which caused them having a lot of problems when in Poland. The article analyses the way the Polish government treated the emigrants as well as the policy they initiated to «solve the problem». Moreover, it looks into the issue of the Soviet and Polish frontier guards' attitude towards the mass retreat of the citizens from Russia and their behaviour towards the refugees and repatriates in the context of the mutual enmity and misunderstanding of the two negatively disposed sides. The present article analyses the attitude of the Russian refugees' organisations towards the discrimination of the Russian-speaking population, including the refugees. It also looks into the measures being undertaken to better the lot of the émigrés as well as their efficiency in the current state of affairs of the time, including the side of the international organisations in the matter and the measures undertaken to find a way out of the situation. The article analyses the émigrés' opinion on their state, the realisation of being in a deadlock and the ways of finding the way out. The author based her scientific work on the documents from the Prague archive, which is kept in the National Archive of the Russian Federation.

Keywords: immigration, refugees, Russian émigrés, Poland, repatriation, refoulement, refugees' organisations, Soviet Russia.

Oleg N. Lekontsev

*Korolenko Glazov State Pedagogic Institute,
town of Glazov, Udmurtia autonomy, Russia
onlekontsev@mail.ru*

Forfeiture of rich peasants' estate in the late 1920s—early 1930s (in terms of Kirov Region and Udmurt Autonomous Soviet Republic)

The article is devoted to one of aspects of violence of the Soviet state with respect to peasants in the years of the so-called agriculture collectivisation, forfeiture of estate of those who were subject to repression. Conducted extremely severely and rudely, it became one

of the most gloomy pages of the Soviet history. Forfeiture was said to be conducted in the sole decision by Joseph Stalin for addition to the material and technical base of collective farms and oppression of economic facilities of the richest peasantry. In the province, this campaign was aggravated by omnipotence and impunity of the performers. What was subject to forfeiture, was anything that was considered to be of value and at that, belonged to those who have been called bad name of «fists» (in spoken Russian, the expression «to hold in the fist» means something like «to get by the short hairs»); at that, in theoretically anyone «annoying» could be enrolled on «fists», middle-class and even poor peasants as well. It is necessary to mention that liquidation of their economies by «fists» themselves was legislatively forbidden. The cruel power of the state and in fact, legalised exaction with respect to well-to-do peasantry in the territory of Kirov Region and Udmurt Autonomous Soviet Republic were the characteristic example of the tragedy developing in the late 1920s—1930s in the Soviet Russia's agriculture. Peasants were compelled to hand over the raised tax standards, the amount of duties was megascopic; frequently, forfeiture of estate went parallel along with the arrest, the executing personnel willfully determined the volume of taxes, misappropriated valuable things, menaced repression. Such state policy has led to liquidation of well-to-do class of the peasantry.

Keywords: peasants, state, forfeiture of estate, agriculture collectivisation in USSR.

Yelena F. Tomina

*Orenburg State University
teador17@yandex.ru*

The history of the development of primary vocational education in Orenburg Region in the period 1951—1952

An article in a systematic way through the process of history of primary vocational education in Orenburg Region in the beginning of the Fifth Five-Year Plan. On the basis of a wide range of sources specified period of development, liquidation and reorganisation of primary professional educational institutions in the regional education system. To establish their basic kinds and types, as well as practical activities to prepare skilled workers. That-times' Chkalov Region, both in the industrial region were called craft, railway colleges and schools factory training, which received special general technical knowledge and skills as well as skills in initial vocational training. Special attention is paid in this period in the history of Soviet economic development – liquidation and reorganisation of schools and schools in Chkalov Region. The problems of graduates fluidity. The author provides specific data on businesses (Mednogorsk Copper-Sulphur Plant and Southern Urals Nickel combine Ministry of nonferrous metallurgy, South Ural Machine Building Plant and Building Trust #1 of the Ministry of Heavy Engineering). The article considers one of the aspects of education - welcome to the school children in orphanages.

Keywords: industry, labour reserves, vocational education, skilled workers.

Svetlana N. Golikova

*Tula Institute (branch) of All-Russia State Jural University
svetik330@rambler.ru*

Reaction of the German public to Thilo Sarrazin's book «Germany Abolishes Itself»

Article is devoted to discussion in the German society after a release in 2010 of Thilo Sarrazin's book «Germany Abolishes Itself» in which the author offered the view of the demographic and migratory problems existing in the German society. In work the attention is paid to structure of work of Thilo Sarrazin, the used methodology, background of emergence of a final version of the book in German press when the criticism around the basic provisions protected by the author was gradually formed. However in the center of consideration there is a discussion of total version of the book. In article much attention is paid to the analysis of the estimates given to mass media to Thilo Sarrazin's research which evolved from sharply negative to more weighed. Besides, in work the view of scientific community of the considered problem is presented. The estimates of this research offered by experts in different areas are analysed: genetics, psychology, demography, biology, economy, philosophy, etc. With rare exception Thilo Sarrazin has undergone criticism from scientists. The relation of nationalist circles to the book is opposite presented in article only by positive responses. On the basis of the carried-out analysis, the author draws the conclusions concerning value of the book of Thilo Sarrazin for development of political process in modern Germany.

Keywords: immigration, demography, Islam, journalism, statistical researches, Germany, integration, social state.

Sergey S. Chistyakov

*Kostroma Regional Culture College
socrat1988@yandex.ru*

Tamara L. Belkina

*Nekrasov Kostroma State University
belckinatoma@yandex.ru*

Evolution of early Shaivism

In this paper, historical and philosophical positions through the process of evolution of one of the most popular religious movements in India – Shaivism – are considered. We present the genesis of Shaiva tradition of indigenous tribal beliefs to the national religion. We analyse the origin and development of the image of Rudra-Shiva deity from Harappan “proto-Shiva” till the modern Hindu God (Puranic, Epic and Agamic tradition). Archaeological findings of the 20th century in the valley of the Indus (modern Pakistan) have enriched the science of extremely valuable information about the existence of the III—II millennia BC highly developed civilisation, called proto- (pre-) Aryan or Harappan. The religious ideas of people of Harappan civilisation is most often determined by fertility cults: the cult of the mother goddess, the cult worship of ani-

mals, phallic worship, etc., which, according to some scientists, clearly manifested in a variety of Saivite tradition and the many images of Shiva the god. With cultural and chronological sequence, what is highlighted, are the key periods (pre-Aryan, Vedic and sacred traditions) and direction (atimārga and mantramārga) of development and formation of Shaiva tradition, they are traced.

Keywords: Shaivism, Shiva, Rudra, Harappan civilisation, Mohenjo-daro, Veda, mantramārga, atimārga, śruti, smṛiti, Paraśurāmeśvara, nataraja.

Andrey B. Pichugin

*Kazan Research Technological University of the Russian Nation,
City of Kazan, Tatarstan autonomy, Russia
p_andre76@mail.ru*

Beekeeping and agriculture of the Volga Bulgaria as a result of the cross-cultural relations in the region

The paper focuses on the process of the beekeeping and agriculture emergence and development in the Volga Bulgaria. The role of these branches in economy of the state, and its further influence on the modern Povolzhye has been revealed. The valuation to the cross-cultural interactions in material culture of the region's people has been examined. These interactions have paved the way for further formation of these branches at the present time. As it has been noticed by the famous ethnographer and historian Nikolay Vorobyov, at the beginning of the 20th century, the beekeeping was a type of animal husbandry which has gradually become obsolete, being transformed to «keeping bees in hives». The cutting down of forests in the Povolzhye for the purpose of cropland expansion became one of the main reasons for bee-keeping transformation. Because of uncontrollable activity of the people, anthropogenous influence in the region, the flora has suffered: the ratio of the territories occupied by the steppe and forest has declined. This circumstance has also predetermined further an orientation of the Povolzhye as agrarian region with prospect of its further agriculture development. Now the hive keeping of bees has become a minor kind of activity, undergoing a somewhat stagnation in the development.

Keywords: Volga Bulgaria, state, beekeeping, agriculture, culture pattern, economy, trade loan, cross-cultural interactions.

SCIENCE OF LITERATURE

Mariya Yu. Ignat'yeva

*State School of Languages (City of Barcelona, Spain)
maria.ignatieva@gmail.com*

Relationship between poetry and prose by Saint John of the Cross

This article deals with one of the most important questions concerning the works of the Spanish poet and mystic Saint John of the Cross (1542—1591), that is the connection between his poetry and prose. As a rule this connection is studied through comparison of such antinomic concepts as mystical experience and theological reflection, lyric and dogma, feeling and

intelligence, etc. Researchers generally focus their attention on either the poetic or doctrinal component of the works of St. John of the Cross, or they study the relationship between these two components in a variety of contexts. While the first approach could be called “analytic” and the second – “synthetic”, the focus of the author of the present article seeks an “organic” connection between the ascetical life and the poetical works of the Spanish mystic. The author examines two aspects. First the impact of asceticism on poetics is studied. It is shown that a lyrical poem can be read as a guide for those who seek to achieve spiritual perfection: the poem, both in terms of content and form, meets the ascetical requirements of resignation, mortification, devotion and solitude. The author then turns to prosaic interpretation by John of the Cross of his own works, through which his poetry acquires a new perspective. The first aspect reveals the similarity between asceticism and poetry, and in the second case poetry approaches theology.

Keywords: John of the Cross, ascetics, mystics, Spanish poetry, theology, lyrics, image.

Andrey V. Korovin

*World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
avkorovin2002@mail.ru*

Romantic Short Stories and the Beginning of the Detective Prose in Denmark

The article focuses on the problem of genesis of the detective literature in Denmark in 19th century. The Romantic short story was a basic form for the development of detective plot connected with the crime and the investigation. The first Danish authors who developed the detective genre were Lauritz Kruse, Bernhard Severin Ingemann, Sten Steensen Blicher. Their works were published decades earlier than Edgar Allan Poe's tales, which is significant for understanding the world literary process. Generally speaking, Scandinavian literature has more psychological detective narratives than purely detective ones. More than that, the word «detektiv» and the corresponding form are looked at as something foreign; the more habitual Danish term is «kriminalroman» (literally criminal novel), or «krimi».

Keywords: novellas, romanticism, Danish literature, detective, plot, prose.

Vera V. Korolyova

*The Stoletovs Vladimir State University
queenvera@yandex.ru*

Hoffmann's layer of «alien words» in the novel of Andrei Bely «Petersburg»

In the article we explore Hoffmann's layer of «alien words» (based on Hoffmann's novel «The Devil's Elixirs») in Andrei Bely's novel «Petersburg», which finds expression in the theme of fate, duality, puppetry. There are two worlds in «Petersburg» of Andrei Bely, as at Hoffman, the real and the unreal (as a mirror). The boundaries between them are erased, so the characters in this world are dualistic – they are ordinary people, but they're phantoms, and the boundary between them

is blurred. An important part of Andrei Bely's novel and some works of Hoffmann is masquerade, which is characterised by the total displacement of the boundaries, and it is expressed in the presence of Domino masks and puppetry. Hoffman's style is evident in the irony and the grotesque of Andrei Bely, which, unlike German romantic, have a realistic character. Musicality of novel plays a significant role in the «grip» of the plot and has its origins in the works of E.T.A. Hoffmann.

Keywords: Andrei Bely, novel «Petersburg», Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, «alien word», Doppelgänger phenomenon, masquerade, puppet-pattern, musicality, irony & grotesque.

Georgiy A. Veligorskiy

*Scientific-publishing centre «Ladomir», Moscow
screamer90@mail.ru*

Image of Pan in the creative work of Robert Louis Stevenson and Kenneth Grahame

This article examines three images of Pan: from the essay Robert Louis Stevenson «Pan's Pipes» and from two literary works by Kenneth Grahame: the novel «The Wind in The Willows and the essay «The Rural Pan». The turn of the 19th and the 20th centuries saw the new rise of Pan's literary popularity: his image drew attention of writers of many different movements and schools: from Decadents and Symbolists to post-Romantics, including children's writers. The theme of contradiction between the industrial world and the world of Nature, between the ingenious magic and the commerce, which forces this magic out from the world, was extremely topical at the end of the Victorian era and has presence in essays by both Stevenson and Grahame. The image of Pan as the ancient god of forests and animals receives further development in Grahame's «The Wind in the Willows». In creating his Pan, Grahame not only looks back to the traditions of Romanticism and of fairy-tales, but he also accepts and absorbs the literary escapism of his own time with its habit of shunning reality and conceiving the illusory worlds removed from the evil and cruelty. Such fusion of traditions afforded Grahame to create, within the frame of the chosen genre, a unique image different from all other Pans of the English literature.

Keywords: English literature, Robert Louis Stevenson, Kenneth Grahame, Pan's image, sound imagery, romanticisation of imagery, nature cult, fairy-tale motives.

Andrey Yu. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
adrei.y.lebedev@gmail.com*

Creative work and style of «Liverpool Poets»

The article is a quick introduction to the work of young beat-poets from Liverpool: Adrian Henri, Roger McGough, Brian Patten, known as «Liverpool Poets». Contemporaries of «Liverpool's Four», they ensured their recognition not only due to extraordinary popularity of Liverpool in youth culture around the world, but also due to their own unique contribution to experi-

ments with the spoken poetic word. Their approach is largely characterised by emphasis on live performance and direct engagement with the audience. Elements of this approach would range from informal histrionic tone of public performances, to wide use of cross-media, be it musical backing, singing, visuals, costumes or improvised dramatic skits. Second, insistence on informal register, both in arrangements and in actual composition of poems. Third, ample use of Liverpool realia, topographical, socio-cultural, commonplace or other. In this respect, the creative effort of «Liverpool Poets» may seem openly provincial. However, demonstrative provincialism is often but a challenge to the Establishment. In this case, the cultural hegemony of London, the trend-setter in fashion and aesthetic judgment. Small wonder, high-brow critics instantly pigeonholed Liverpool pop-poets as pandering to popular taste of the masses. Although the verdict might sound lethal to some, the Liverpool trio read it as a proud badge of honor. The article contains a sample analysis of Adrian Henri's poem.

Keywords: Liverpool poets, identity, performance, performative poetry, beat-poet, pop-culture, artistic eclecticism.

Tamara M. Denisova

*Nekrasov Kostroma State University
tamaradenisova@yandex.ru*

German short story on the turn of the 20th—21st centuries. New figures: Nadja Einzmann

In German literature a short story (in its modern form) is widespread after the World War II. The concept of «short story» is borrowed from American literature. But unlike the American concept of «short story» in the German literature the short story genre is contrasted with other small forms, such as novel, essay, historical anecdote. Events in the unification of Germany, the consequences of political, economic and social changes in country life reflected in the themes and issues in literary works of that time. The younger generation of German writers of the second half of the 20th – beginning of the 21st century focuses in its works on the theme of man's struggle for survival in the modern technocratic world. Modern German short prose presents the texts in which the writers share their experiences using various art techniques. To this literature belong short stories by a German female writer – Nadja Einzmann. In her works she touches upon topical issues of modern society. There we are talking about relations between a man and a woman, between older and younger people who are trying to understand each other in various situations of daily life, opportunities to find own «Self», about the difficulties encountered on the way to achieving their goals. Simple plots on the short stories written by Nadja Einzmann make the reader think about his own life experience and its own problems.

Keywords: Nadja Einzmann, German short story, modern German female writer, current topics, stories, art techniques.

Sergey L. Strashnov

*Ivanovo State University
sstrashnov@yandex.ru*

Communicative practices in modern literature

The processes taking place in today's culture, and particularly the literature, are viewed in light of communication theory. This allows to understand the greatest phenomena of the fiction literature abroad 20th—21st centuries in a new way. Material is conceived by implementation of the intrapersonal, interpersonal, group and mass communication in the literature. The possible various types of communication with readers are taken into consideration. Communication practices, characteristic for subcultures (including the elite ones), mass literature, as well as middle literature are standing out and getting comprehended. Analysis of the relationship between the author and the addressee becomes the most principal. In the trivial artwork, it is not an individual who is tending to seek-for and capable of spiritual development, but the more or less typical recipient, which is powered by stereotypes and is not experiencing any discomfort at the same time. In the elite manifestations (especially in magazines' poetry columns), the response is expected by the creator only from his own kind. Fiction literature represents the accessible message of the author to the democratic public that he would like to raise to a higher level of understanding of life and art. At the end the article, the communicative strategies of modern literature are demonstrated using genres.

Keywords: mediativisation, communication levels or types, communicative strategies, receptive aesthetics, communicative practices, subcultures, mass literature, middle literature.

Vasilij V. Ivanov

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

Feeble-minded hero in spiritual types' dialogue

The article researches the poetics of the polyphonic novel in the aspect of the connection between the principle of the triple-based polyphony and the power-structure theory of genres, worked out by the author. For the first time the poetics of the polyphonic novel is analysed in the aspect of special spiritual types of characters, participating in the triple dialogue. The main part of the spiritual type of «God's fool» in the triple dialogue of spiritual types is detected. This triple dialogue appears in the situation of the moral choice, and the part of «God's fool» is the reflection of the voice-position of God (of the True). The triple dialogue is examined as dialogic interaction of three powers, God's power, Opponent's power, and Human's power. The character's voice which coincides with God's moral position (the position of the True) is named the voice of «God's fool». The character's voice which coincides with the position of the God's Opponent (the position of denial of the True) is named Opponent's voice or Opponent's position. The voice of the character which

takes his intermediate and hesitating position, the position between God's position and Opponent's position is named Human's position.

Keywords: polyphonical novel, voice-position, triple dialogue, triple polyphony principle, spiritual type of character fool for God's sake, structural-strength genre theory.

Margarita V. Dubinskaya

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

**George Sand and Fyodor Dostoyevsky:
on the issue of common characteristics
of a «feeble-minded hero»**

This article continues the cycle of studies which researches the mutual connection of Fyodor Dostoyevsky and the French female writer. The author discovers and for the first time demonstrates the common features of two characters. One of them is the «feeble-minded character» prince Lev Myshkin of Fyodor Dostoyevsky's novel «The Idiot». The other is the count Albert Rudolstadt, the main character of the novel of George Sand «Consuelo». The article bases the supposition about the influence of count Rudolstadt's image on the creation of the image of prince Myshkin. Also the article researches some particular features of the image of the wandering singer Zdenko from the point of view of the traditions of «fool for God's sake». According to the classification of Vasiliy V. Ivanov, Zdenko's image is the artistic adaptation of two types: the type of «native God's fool» and the type of «fool for God's sake». The image of count Rudolstadt is the artistic adaptation of the type of «fool for God's sake». The image of Rudolstadt, like the image of Myshkin, was influenced with the Christian spiritual literature and with the image of the Christ.

Keywords: feeble-mindedness, feeble-minded hero, artistic adaptation of «natural fool for God's sake» type, artistic adaptation of «allegedly fool for God's sake» type.

Natal'ya N. Smirnova

*Gorky World Literature Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
nnsmirnova@mail.ru*

**Poetry revelation in Lev Shestov's creative work
(Alexander Pushkin's images:
contexts, interpretations)**

The paper considers influence and inspiration of Alexander Pushkin's poetic images on Lev Shestov's philosophical thought. The philosophical thought has similar characteristics to poetic reflection, and a key feature is image of inexpressible things, namelessness. Both philosopher and poet are trying to express the image, and in this sense the main task of philosophy and poetic creation is the same (i.e. expression of inexpressible). Lev Shestov's thought has its evolution. In the early period he had searched some ground for thought, then, in the second and the last period of his work, he was searching for groundlessness. He insisted that philosopher should change his point of view

because of instability of reality as a subject. In the same way he changes his point of view on Pushkin's poetic images. According to Lev Shestov, the changeableness is in the very nature of the images and the truth itself. In all the periods he was inspired by Pushkin's poetic images what was considered by Lev Shestov as mystery of revelation and philosophical evidence for the truth of being.

Keywords: Russian literature and philosophy, Lev Shestov's works, Alexander Pushkin's poetic images in philosophy, poetry revelation.

Ol'ga B. Kustova

*Ivanovo State University
kustovaob@yandex.ru*

**Childish archetype expressed in comparisons
of the voyage diary of Ivan Goncharov
«Frigate "Pallada"»**

The article deals with a child's archetype as it shown in the similes of the essays of travel «Frigate "Pallada"» written by Ivan Goncharov. The author of the article analyses several cases of such similes and makes conclusion about their role in «Frigate "Pallada"» and in other novels of the writer. Ivan Goncharov's view is close to that of Carl Jung who spoke about the archetype of a child. His traveller (an autobiographical person) is a spiritual baby who went on a world tour, where he gained maturity, without maintaining his genuine and keen interest to the world. Infant faith, spontaneity, natural feelings – those are the most important things for human, according to Ivan Goncharov. The writer asks the sacred question: how to find a compromise between the naturalness of a child's worldview and maturation, and human development (social, intellectual, civilisational, spiritual). He likes childishness in his heroes, but he dreams that harmonious development of individual, nations and even different civilisations could preserve the best traits of their infant state, in order to gain new, positive properties acquired in the process of their growing up. That was the reason for the fact that many of his heroes were often compared with children.

Keywords: Ivan Goncharov, «Frigate "Pallada"», archetype, comparison, child, baby, infant, initiation, voyage, Carl Gustav Jung.

Yekaterina V. Kotel'nikova

*Chernyshevsky Saratov State Research University
of the Russian Nation
katenok0802@mail.ru*

Ethnographic feature articles by Alexei Potekhin

The article is devoted the distinctive features of the genre of Akexei Potekhin's ethnographic essays. For the first time in literature there is an attempt analysis of his essay to present a writer not only as a play writer but also as a drama play writer. A number of the writer's 1850 and 1860 ethnographic essays are presented and analysed in the article which appeared after his travelling along the Volga at the aim of studying culture and life of local people («The Way along the Volga», «The Country Town of Kineshma», «Catch-

ing Red Fish in Saratov Province», «The Kerzhenets River», «From the Vetluga», «At Overnight»). The author draws attention not only to living conditions, occupation and financial situation of the Russian nation and other peoples, and marks the uniqueness of people's characters, revealed by the writer. Rightly emphasises that equal importance in the structure of the essay plays an ethnographic folklore, which were made by the essayist (folk poetry, legends, tales beliefs). In conclusion, revealed the following features of the ethnographic essay, as the name described the locality in the title, an almost complete lack of plot, a mandatory description of the nature, the disclosure of various human characters, the important role of the environment and life style. This article is intended for professionals in Philology, teachers and students in the Humanities, as well as for all interested in questions of literary studies and Ethnography.

Keywords: Alexei Potekhin, ethnographic feature article, folklore, ethnography, everyday life, culture, folk.

Anastasiya S. Antipina

*Lomonosov Northern (Arctic) University of the Russian Federation,
City of Arkhangelsk*

antipina.anastasija41@yandex.ru

Arkhangelsk in travel diaries:

variants of author's perception of landscape

This article is aimed to analyse various representations of the image of Arkhangelsk in travel writing works of the 18th—19th centuries through studying urban texts and applying Nikolai Antsiferov's methodological approach. On the one hand being a port city and on the other hand being taken as a back country city, the image of Arkhangelsk can be defined both through using stable elements of St. Petersburg text and through actualisation of country literature code. Furthermore, the way the city is represented in a work depends on an author's personality and his aesthetic mentality. For instance, Pyotr Chelishchev's enlightenment ideals are reflected in his work «Journey over Russian North in 1791» and Sergey Maksimov's book «The Year at the North» (1859) is close to a physiological essay because of its way of writing and particular interest in social issues. In Konstantin Sluchevsky's «Through Russian North» (1886-1888) the region is represented from the point of state lines, while the author-storyteller of Nikolai Leykin's «Through the Wild North» (1899) creates an individual and peculiar way of tourist presenting the city image.

Keywords: travel diaries, urban text, local text, Northern text of Russian literature, 18th century Russian literature, 19th century Russian literature.

Svetlana Yu. Chvertko

*Philology Institute of Siberian division
of the Russian Academy of Sciences, City of Novosibirsk*
shef-forever@list.ru

Chronotop peculiarities in Fin de siècle «horrific» novellas

The main chronotope features of the Fin de siècle horror novellas are described. They include such dis-

tinctive features as inversion, perversion and physicality. In the first case usual things are turned upside down. It applies to plots and characters. In the second case the familiar world and values are twisted, distorted. In the third case the authors pay great attention to the description of physical suffering, scenes of decay and death. It was concluded that horror stories of that time were mostly based on a tangible embodiment of the object of fear. Plots are more associated with madness and distortion of the real world. It distinguishes them from a Gothic novel. In the Gothic novel the relation of the secrets of the past with the present time is usually shown. In the Gothic novel the mystery and suspense are used. In the novels of the Fin de siècle the fragility of the human body and mind are demonstrated.

Keywords: horror, Fin de siècle, novellas, chronotop, corporeity, inversion, perversion.

Aleksandr A. Kryukov

Nekrasov Kostroma State University
krukovx@mail.ru

The problem of the creative identity of young Russian émigré literature: «The Deception» by Yuriy Fel'tsen and «Mary» by Vladimir Nabokov

This article compares the problems and poetics of two debut novels: «Mary» by Vladimir Nabokov and «The Deception» by Yuriy Fel'tsen. It is proved that these works in many aspects reflects the problem of creative identity of young émigré writers facing the challenge of cultural identity. At the same time, the article is emphasised that in «Mary» and «The Deception» already become apparent signs of an individual style and principles of aesthetics of both authors. The paper shows that in their first novels by Nabokov and Fel'tsen turned to general for all émigré authors problem of spiritual and creative self-realisation, artistically embodying it in the similar plots and images. Both authors have traced a kind of «awakening» of the creative mind, located on the border of two worlds: the outer world of reality and the inner world created by the imagination of the hero. The conclusion is that the debut works of Nabokov and Fel'tsen became the first step in the creation of large complex works, laying the foundation subjects and poetics of future cycles. But Fel'tsen developed his cycle, continuing a particular subject, and Nabokov developed the original theme with the help of various plots. It reveals that both authors significantly renew the genre of the novel. Nabokov in «Mary» designing classic two-worldness system deliberately blurs the boundaries of narrative «worlds» by changing their hierarchy. And Fel'tsen turn the narrative focus into the consciousness of the character, presenting him with the «chamber» forms: a diary, interior monologue, letters.

Keywords: Yuriy Fel'tsen, Vladimir Nabokov, young Russian émigré literature, debut novel, genre renewal.

Aleksandr S. Vinogradov
Ivanovo State University
valex-28@rambler.ru

Auditory images specifics in collection of poetry «Twin in the Stormclouds» by Boris Pasternak (1913)

The article attempts to consider the features of the sound-shaped organisation of the early poetic texts written by Boris Pasternak and it's based on poet's «musical thinking». Pasternak's autobiographical works and letters give the grounds to speak about the importance of a sound component («the sound») in his lyrics, to describe poet's artistic thinking and perception of the world. «Thinking by the sounds» can be expressed at different levels of the Pasternak's texts (including rhythm, composition, etc.), but the article is mostly focused on the sound-shaped arrangement of the text. Auditory perception of the world and its specific implementation in Pasternak's lyrics can reveal the role of «the sound» in poet's artistic thinking, that becomes an integral part of his poetry. For example, the importance of the audio content is emphasised in such poems as «Sylvan», «Autumn in Windowpane Demimonde Was I Was Dreaming about...», «Venice», «Winter», etc. Moreover, the sound image characterises and describes the poetic space of the text in a special way, acting as a symbol, which represents the outside world. Affecting the content, the sound can also intensify or define the meaning of the main texts' images. In addition to the audio component «the silence» becomes also very important.

Keywords: Boris Pasternak, auditory image, phonation, silence, lyrical hero.

Ol'ga Ye. Reinbakh

Shuya branch of Ivanovo State University, town of Shuya,
Ivanovo Region
oreinbah@list.ru

Manuscript of «The Horseshoe Finder» by Osip Mandelstam and the work's publications in periodicals: excursus to the text's history

Poems publication in periodicals is one of the main textological sources. Often only periodicals preserve essential part of poet's heritage. Frequently however text preparation for publishing in a magazine or a newspaper corrupts the author's will. Books of poems in comparison with periodicals give author more personal access to text corrections. This article shows typographical errors that had occurred during pre-publishing preparation «The Horseshoe Finder» in the newspaper «On the Eve» and the magazine «Red Virgin Soil». In the same time poem's publications in periodicals allow to reveal crucial nuances of the author's will dynamics and text movement in the beginning of poem existence. The most important thing is that these mismatches between the author's will and published texts made Mandelstam to express his response on paper. Corrections that were brought into «The Horseshoe Finder» in «Red Virgin Soil» by the poet's hand came down to contemporary textual critics (the corrections were authorised and referred to the typesetting manuscript for «The second book» of

Mandelstam) and became important key for the author's text definition.

Keywords: Osip Mandestam, «Horseshoe Finder», lyrics, lyrics history, manuscript, periodicals, author's will, poems.

Tat'yana N. Khriputlova

Tver State University
khriputlovatat@rambler.ru

Colour poetics in Nikolay Tryapkin's poetry

The purpose of the work is to analyse the composition and structure of the «colour field» in the lyrics of Nikolay Tryapkin. «Colour field» of the poet consists of 8 micro-fields: red, blue, green, gold, brown, white, grey, black; which is the most voluminous, is the micro-field of gold colour; the most frequent designation of colour, gold, white, red, black. In general, the colour in the poetry of Nikolay Tryapkin retains the overall Russian-language meaning, but qualitative colour meaning of the lexeme can be supplemented with symbolic meaning. Poetry of Nikolay Tryapkin focuses on folk tradition. Both in folklore texts and poems of Nikolay Tryapkin what can be met, are the wide-wide world, firstweek after Easter, white pen-swan – all these epic formulae – idioms containing words for colour in spoken Russian (unlike English equivalents) which have developed in ancient times. We have created a compelling national-colour colour pattern in the poet's poems. At that, the colour in the verses by Nikolay Tyapkin is non-neutral, just as non-neutral as in folklore. Art of reproduction of colour by language of lyrical work is a kind of key action scene in a poetic text, giving it different shades: sadness, joy, anxiety. In each poem, we see the dominant colour, which indicates a certain colour poetic orientation.

Keywords: colour, colour field, archaeo-lexeme, coloureme, poetics, frequency of occurrence, poem, Nikolay Tryapkin.

Vũ Thương Lĩnh

Ivanovo State University
vuthuonglinh@gmail.com

Perception of Alexander Pushkin's work in Vietnam: the problem of translation and study of prose

For a country in Southeast Asia, like Vietnam, the work of the great Russian poet Alexander Pushkin occupies a special place in the cultural space. In the Vietnamese literary criticism and literary history, a separate area has developed, which could be called – Vietnamese Pushkin studies, the purpose of which is translation of Alexander Pushkin's works, biographical materials, as well as the study of his work. This article investigates different periods of introducing Alexander Pushkin's prose in Vietnam and indicates the difficulties in translating the works of the Russian poet into Vietnamese. In the process of becoming of modern Vietnamese literary language, Alexander Pushkin's works («Dubrovsky», «The Captain's Daughter»), which sounded a protest against social oppression, has played a huge role. The first translations of Alexan-

der Pushkin's prose works in Vietnam have basically translation-intermediary. Professional translators – Vietnamese students, graduates of the Soviet universities, moving away from the translation-intermediary and going directly to the original texts. Vietnamese researchers not only confirm, appreciate Alexander Pushkin's talent, but also try to explain the essence of this talent. The fate of Alexander Pushkin's prose in Vietnam is of a complicated way. A translation school with several generations of Pushkin scholars has developed. Important steps on the way to acquaint with the works by Alexander Pushkin have been made, and what is done, is closely connected with the general rise of the culture of Vietnam, it is the process of strengthening of the relationship between literatures of a modern Socialist country and Pushkin's motherland which has not completely repudiated its Socialist past.

Keywords: Alexander Pushkin, prose, Pushkin studies in Vietnam, translation, study, style, talent.

SCIENCE OF LANGUAGE

Yelena N. Yermakova

*Mendeleev Pedagogic Institute, branch of Tyumen State University
in the City of Tobolsk
ermakova25@yandex.ru*

Mayya V. Prokopova

*Mendeleev Pedagogic Institute, branch of Tyumen State University
in the City of Tobolsk
maya-vladi@yandex.ru*

Transformation of phraseological units in the language of mass media: linguocreative potential of the language of a sports commentator

The texts of the contemporary of the media answer the demands of widest audience, respectively in them, however in what other texts, be reflected the most common lingual phenomena of the present. The problem of development, renovation of language remains the most acute, and therefore even vital problem. The nominative system of language is found in the constant motion. Important role in this play the units of second nomination – the structurally and semantically transformation of phraseologisms, which appear, as a rule, in the speech. Phraseological units, already being emotionally painted, strengthen the expression of statement, they increase emotional perception when speaking it transforms them, it modifies to one degree or another. A large quantity of transforms is observed in speech of one of the quite creative sport commentators of the television channel «Russia-2» Dmitry Guberniev. In the language of sport commentary two types of the phraseological transformations realise: the first type is – the probable deviation from the standard to the force of the high rate of the speech of commentator, which is frequently received by addressee as vocal error; the second type is – the justified and conscious retreat from the usual form of phraseological unit, which has as a goal with the savings of the vocal efforts to express personal relation to the object of commenting. In this case frequently are formed the occasional phraseologisms.

Keywords: phraseologism, transformation, trans-

formed phraseologism, lingual innovation, phrase formation, occasionalism.

Vladimir N. Babayan

*Yaroslavl Air Defence Military College
vladimirbabayan@rambler.ru*

Svetlana L. Kruglova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
skruglova@list.ru*

Main classifications of dialogues and dialogical utterances

The article studies the dialogue and dialogical units classification in both modern Russian and foreign sociolinguistics, psycholinguistics and linguistics proper based on different aspects and the role of the communication process participants. The authors of a given article tried to investigate this problem, as there is still no common opinion among linguists on this point, no unique classification of dialogues and dialogical units. As it is well-known, the dialogue is the initial form of people's communication and oral speech. Many linguists in their works touched upon this topic, putting forward different principles of classifications of dialogues. This article shows the following principles – dialogues may be classified according to the modality, to the participation of every communicant in terms of topic-revelation and according to the semantical side of communication, according to the pragmatic principle, as well as according to the type of conventional communication. The problem raised in the article is urgent. The authors give their own classifications of different types of communication. The results of the research can be widely used in the lectures on linguistics and linguistic interpretation of the text.

Keywords: dialogue, dialogical unit, classification, communication.

Irina V. Lebedeva

*Nekrasov Kostroma State University
ilebedevakos@mail.ru*

Representation rate of words with root зыб- in dialect dictionaries

The article is devoted to words with root зыб- that are recorded in the etymological books, dictionaries and dialect dictionaries are discussed in the article. Peculiarities of the semantics of the token with root зыб- which are of rather complex semantic structure, are discussed in the article. Several groups that are part of different derivational nests are highlighted in the analysis. Invariant seme is determined, and the hierarchical structure of the lexical meaning of words with root зыб- are set. The rich illustrative material is present in each group. The semantic characterisation of tokens are noted, some dialect word-formation features are specified, the system relationship are identified. Considerable attention is paid to the dialectal names of Kostroma Region. This article is intended for a wide audience: lovers of Russian literature, lecturers of higher education institutions, researchers, local history lovers, especially the students and schoolchildren, as the younger generation should know the origins of

their mother tongue, focus on the language, which has developed “spontaneously” though it was strictly constrained by fixed rules and codification dictionaries, has passed from mouth to mouth, has determined the character of the speech of its carriers in a given area.

Keywords: dialectology, dialect lexis science, Kostroma patois, dialect word semantics, lexical semantics, word-formation peculiarities, dialectisms systemic relations.

Irina B. Kachinskaya
Lomonosov Moscow State University
kacza@yandex.ru

Terms of kinship by marriage in Arkhangelsk patois: daughter-in-law

In Arkhangelsk patois there are different terms to denote a daughter-in-law: невестка, сноха, молодка and their derivatives. There can be several terms within the bounds of one and the same patois. The terms to denote a wife of the younger or senior sons are distinguished. All these terms of relationship by marriage used to perform not only the nominative but also the vocative function. At present, however, they have ceased to perform the vocative function and a son's wife is no longer called by her husband's name. One word terms are replaced by analytical ones, i.e. by word combinations. A certain diffuseness of terms is observed when the same terms, besides pointing to a son's wife, are also used for a brother's wife, an uncle's wife, a husband's brother's wife etc. The paper focuses on the image of a son's wife in folklore which is usually negatively coloured, as it reflects a typological division into «one's own» (of the same blood) and «another's».

Keywords: kinship terms, kinship by marriage, Russian dialectology, northern patois of Russia.

Yelena Z. Kireyeva
Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
189107032507@yandex.ru

An official document author's notions of the addressee (on material of regional legislation)

The article is devoted to a problem of an addressee in an official document. Theses of Nina Arutyunova, Yuriy Apresyan, Mikhail Bakhtin about significance of this figure during speech interaction have served as the prerequisite. Consideration of the addressee factor while preparing documents is allocated by norms. The requirements of a legal technique correlate with postulates of Paul Grice. The circle of addressees is divided into two groups: legal entities and natural persons (citizens). The following categories of citizens differ in the quantitative relationship: citizens of a region as a whole or residents of some municipality; categories of citizens distinguished by the social, professional, age and other factors. The citizens are regarded as biological beings and social personalities. A factor of a double addressee is taken into consideration in the executive documents. The author also observes quality characteristics of an addressee: the legal, social and cognitive ones. Legal and social characteristics include the sys-

tem of the basic values – rights, freedoms, legitimate interests; legal status of addressees, their role behaviour, and alleged social actions; distance between an author and an addressee. Addressee's pragmatic presuppositions relate to the cognitive characteristics; interests, opinions, attitudes, and intellectual level. The addressee appears as an individual worthy of respect with sufficient intellectual level and predictable reaction who authorized an author to submit the individual's rights and legitimate interests. The addressee has the right to participate in the creation of a document; an addressee's opinions, interests, views are taken into account by an author at the stage of document preparation. An addressee's role behaviour is also reflected in the alleged speech actions which are being reconstructed in forms of documents.

Keywords: addressee, official document, subordinate legislation, double addressee, citizens, legal, social and cognitive characteristics.

Marina V. Katynskaya
The Amur State University, City of Blagoveshchensk
marinak_munrfe@mail.ru

Image as a prototype category

The paper bases on the principles of linguoimageology that deals with the linguistic mechanisms to form an image. Within the linguocognitive approach image is regarded as a prototype category that associates with the prototype of a natural category (a referent) and the prototype language means of representation of cognitive image components. The specific feature of verbal image modelling is the pragmatic pattern to effectively influence addressees both explicitly and implicitly. This research focuses on the industrial image of Australian education. The author analyses the structural components of mental and linguistic image models in question, the correlation of the constituents and their projection.

Keywords: image, linguoimageology, prototype, prototype means, mental model, sign model, speech influence.

Valentina A. Kryzhanovskaya
The Kuban State University, the City of Krasnodar
valentina91_91@mail.ru

Modern ergonymics: main methods of graphic game

Actual researches in the Russian ergonymy indicate that the modern onomastic space of the city is characterised by existence of several tendencies which are inseparably linked with features of graphic registration of complex city objects names including shops, restaurants, cafe, factories, organisations etc. Nominators in aspiration to create the original and memorable ergonym use various methods of graphic game. Some of these are used so often that became already a tendency. Having studied onomastic space of Krasnodar, the author comes to a conclusion that one of tendencies in a modern ergonymic is the retro-nomination, or attraction of archaic graphemes (the use of graphemes of

pre-reform Cyrillics, first of all, of Ъ and Ы) which is used for an archaisation of an ergonym. Another widespread methods of graphic registration of ergonym is using Internet symbols (including a hash-symbol (#), commercial at (@), domains .ru, .com, .net) which has arisen influence of computer technologies. There is the analysis and the detailed description of these main methods of graphic game which are used in the names of the complex city objects united by the concept “ergonym” in this article.

Keywords: ergonym, ergonymics, onomastic space, graphic game, retro-nomination, grapheme, symbol.

Dzhanetta M. Dreyeva

*Hetagurov North Ossetian State University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia-Alania autonomy, Russia
dshanetta@mail.ru*

Berta A. Bidzhelova

*Hetagurov North Ossetian State University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia-Alania autonomy, Russia
bertabidzhelova@mail.ru*

**Ellipsis in the aspect of literary translation
(on the material of poetic works by Friedrich
Gottlieb Klopstock and Johann Wolfgang
von Goethe and their translations
into Russian and Ossetian)**

In the article, devoted to the problem of the structural organisation of the poetic form of speech, it is made an attempt to consider the elliptical structures, which are a specific mean of the poetic syntax, capable to transmit the information implicitly, in the aspect of literary translation. Through the analysis of the poetic works by Friedrich Gottlieb Klopstock and Johann Wolfgang von Goethe, written in free rhythms and their translations into Russian and Ossetian the linguistic and poetic functions of the ellipsis, which promotes concentration of the poetic information in the poetic text, are considered. The data of the comparative analysis of the structural types of ellipses in the free rhythms of both authors and in the texts of their translations into Russian and Ossetian, and the data of the frequency of the use of ellipsis in the original and translated texts are given. As a result, it is concluded that ellipsis is a characteristic feature of the poetic syntax, including the syntax of free rhythms, that there is a tendency of the translators to save in the translation the functional potential of the elliptical structures, which is expressed in the economy of the language material in a compressed poetic text, in facilitating of its pithiness, in the creation of a special rhythmic design of the free rhythms. Moreover, consequently, there is a conclusion about the compulsory membership of this compositional device in the devoid of rhyme and metrical scheme poetry.

Keywords: poetic text, structural organisation, poetic syntax, free rhythms, literary translation, ellipsis, linguistic and poetic functions, pithiness, comparative analysis.

Natal'ya V. Arnova
*The Stoletovs Vladimir State University
nataliaarnova@gmail.com*

**Analysis and interpretation of melodic speech
parameters of speakers in introducing a new
product (based on oral presentations of American
entrepreneurs Steve Jobs, Bill Gates
and Mark Zuckerberg)**

In this study, an attempt was made to analyse the melody of speakers speeches in the presentation of a new product and to identify the melodic settings most conducive to realisation of the function of persuasion. In the study, the author compares the two types of speech: speech-presentation and speech-interview. The author analysed the melodic contour of speech considering three parameters: head, terminal tone and tempo. The author concludes that the use of gradually descending head and melodic configuration with elements of different types of head is one of the distinguishing characteristics of a vivid presentation of a new product. Prevailing terminal tones in the new product presentations are simple descending and ascending tones. The slowdown of tempo is a conscious pragmatic means of implementing the functions of persuasion. Comparison of experimental data on the two types of speech to each other, as well as with the previously established characteristic head nomenclatures, nuclear tones allowed to reveal the specifics of the melody of speakers speech in presentation of a new product.

Keywords: melody, argumentation, nonverbal communication, presentation, interview.

Margarita M. Kaplina
*Nekrasov Kostroma State University
kaplinamm@mail.ru*

Svetlana A. Zhezlova
*Nekrasov Kostroma State University
zhezlova11@gmail.com*

**On the historic and cultural development
of the French-German contacts**

The article provides insight into the historic and cultural development of the French-German contacts. The geographic position of the two European countries and the history of their political, economic, scientific and cultural cooperation brought about the process of linguistic amalgamation which resulted in linguistic borrowing from one language into another. The French language has enriched the German language by introducing the terms from the sphere of fashion and gastronomy while coining from the German language military, scientific and technical terms. The present-day situation in Europe has drastically changed. Multifaceted cooperation of the two superpowers no longer leads to the linguistic exchange. The process of borrowing has radically changed giving way to the loanwords from the English language. The principles of the linguistic diversity proclaimed by the EU have suffered a lot because of the expansion of the English language. Excessive borrowing from the English lan-

guage has become a dangerous tendency influencing both German and French cultures and languages. The article examines the factors which encourage such tendency, more precisely the leading role of the USA in the world politics, the influence of mass media on the language of fashion and advertising and on the youth slang. The article also gives examples of the English loanwords which are effectively functioning in the French and German languages.

Keywords: loanwords, Germanisms, Frenchisms, linguistic and cultural contacts, language expansion.

Yelena N. Makarova

*The Urals State Economic University
makarovayn@mail.ru*

Phrasal accent in Spanish and peculiar features of its realisation

The article deals with Spanish intonation system and its peculiar characteristics, including the importance of such a component as phrasal accent in communicative structure realisation. The problem is highly disputable in modern linguistic literature on the Spanish language. The analysis of Russian and foreign works on intonation characteristics of the Spanish speech is given. Special attention is paid to the realisation of various types of phrasal accent, its functions and the factors responsible for its placement. The necessity of further research of phrasal accent's position and its importance in signalling the most communicatively meaningful component in Spanish is proved. Spanish phrase accentual peculiarities are discussed, including commonly accepted point of view on the nucleus' final position in both isolated and context dependent utterances. The article also presents data on Spanish phrasal accent phonetic characteristics such as speech melody, intensity and temporal component, which can reach the maximum on the so called utterance informational centre.

Keywords: Spanish intonation, phrasal accent, word phonetic prominence.

Natal'ya A. Pereverzeva

*Russian State University of Physical Training, Sports,
Youth and Tourism; Moscow
natalja.pereverzeva@rambler.ru*

Some peculiarities of metaphoric and metonymic hyphenation in the German language

The theoretical approach to addressing the problem of the creation of metaphor and metonymy in the German language is conducted through hyphenation of meaning as a lexical-semantic word-building, which occupies a leading position in the enrichment of colloquial vocabulary of the German language. In everyday, colloquial lexicon, a large number of base units in semantics which features choice for rethinking is in sight, has been fixed. This is either appearance of the head or its function as an organ of thinking. Lexico-semantic word formation in the German language is presented with the formation of new lexical units by means of hyphenation of meaning from one concept to another. As a rule, it is hyphenations of metaphori-

cal and metonymic character with certain varieties. Metaphor is an inexhaustible source of replenishment of the vocabulary of the language. Metonymy, creating an image, saves it in deciphering, while in metaphor, the image decoding actually annihilates, destroys the image. Both metaphor and metonymy are divided into linguistic and verbal ones. Issues of metaphorisation and metonimisation are the subject of different scientific disciplines, mainly stylistic and lexicology. At that, stylistics considers these two types of hyphenation to be tropes; to be stylistic means to enhance the imagery. In linguistics, some differences in definition of the very those notions exist. Metaphor and metonymy are not only resource of figurative speech, but also economical way to produce meaningful sense at all levels of linguistic structure – lexical, syntactic and morpheme ones – a way of qualitative enrichment of vocabulary, from everyday-spoken one to one of scientific terminology. Such an understanding of metaphor and metonymy is the key to a deeper understanding of the essence of human depersonification based on lexical-semantic word-building method. Depersonification is used for direct and indirect human category in everyday sphere with mandatory based on the context of the speech act.

Keywords: lexical-semantic word-building, personification, depersonification, person, metaphor, metonymy, context, everyday-spoken language.

Tat'yana M. Belova

*Kemerovo State University
tatbel42@mail.ru*

Author's individual metaphor as a model of reality understanding (on the material of poem «Congo» by Léopold Sédar Senghor)

Metaphor occupies one of the main positions in such areas of knowledge as linguistics, literature, psychology, philosophy. It varies with representation changes about a man and a world. Author's individual metaphor represents something bigger, than a figure by analogy, it expresses the point of view on the world, from the very beginning it creates the linguistic representation based on personal perception and conflicting with a general perception. The poem «Congo» by Léopold Sédar Senghor of the poetry collection «Éthiopiques» is the material of the study. All author's metaphorical nominations representing individual metaphorical picture of the world of the poet are the subject of the study. Author's metaphorical nominations represented in this poem, express uniqueness of African culture where sensuality, mystique, symbolism dominate. These nominations also reflect poet's unity with this culture and provide insight into the particularities of his perception of the world. The individual metaphorical picture of the world of Léopold Sédar Senghor is realised through a set of interdependent author's metaphors. Their sense comes to light on the basis of mechanisms of values conceptualisation that allows to learn surrounding reality, to organise and impart the knowledge and experience about the world around.

Keywords: metaphor, metaphorisation, author's individual metaphor, individual world-image, poetry, metaphorical field, lexical field.

Ekaterina E. Sviridova
Lomonosov Moscow State University
di_elefanti@mail.ru

**Constructed languages in Stefano Benni's works
(the novel «Stranalandia» and the short story
«Il marziano innamorato» of the collection
«Il bar sotto il mare»).**

The article aims at describing the peculiarities of imaginary languages in the work of an Italian contemporary writer Stefano Benni. The main focus is placed on the history of the development of the idea to create an international artificial language, including the ones based on the Italian language and its dialects (mostly the Venice dialect by the project of Angelo Faccioli). The ideas of creation of a single international language consisted mainly of attempts to find a language that would serve a certain purpose. This is how loglan was developed in order to communicate with the artificial intellect and neutral combined grammars of 7 languages. The classification of imaginary languages belonging to an Italian linguist A. Bausani is given and it breaks them into two large groups: sacred and non-sacred. The second criterion he uses is how well the grammar and phonetics of a given language are thought through.

The largest part of the article is devoted to the description and commentary on the author languages created by Stefano Benni himself to conjure up various fragments of his fantasy worlds. The two languages in the focus of attention are Oswaldese of a Stranalandia island and Martian language. Stefano Benni's imaginary languages are predominantly of a comic nature because they are frequently based on the principles of language play.

Apart from that, the article gives some possible ways to decipher Stefano Benni's neologisms which he made up with the help of Italian dialects. Studying imaginary languages helps get a fuller picture of a source language's potential.

Keyword: constructed language, language play, neologism, comical, Italian literature, Stefano Benni, dialectism.

JURAL SCIENCES

Igor' G. Veselov
The State Duma of the Federal Assembly of Russia
veselov@duma.gov.ru

Sergey A. Komarov
Academy of the National Economy and the Civil Service under
the President of the Russian Federation, Moscow
svkomarov2008@yandex.ru

**Technologies of legal monitoring in legislative
activity of the State Duma of Federal Assembly
of Russia**

The article outlines the features of a legal monitoring system as one of the most important legal technology in law-making, will settle the problem of the fall-institutionalisation of legal monitoring as a legal technology expert support of the legislative activity of the State Duma. The article defends the idea that the

essence of the legal monitoring is the systematic evaluation of not only the norms of the current regulations, but also their application, which allows from unsystematic and in a number of cases of "populist" changes to the current legislation go to its people scientifically justified on the basis of improving the early detection of the existing shortcomings in the legal regulation. Special attention is given to the use of a legally scientific techniques and methods aimed at improving the quality of decision-legislative acts of enforcement and the effectiveness of their implementation and the first modern legal technologies. Attention is drawn to the experience of meaningful regulation of the legal monitoring by the legislative (representative) bodies of state power accumulated in the Russian Federation. Legal expertise of the laws in the exercise of their legal monitoring by the State Duma will assess the current state of the legislator-tion, to determine its legal relevance.

Keywords: legal monitoring, State Duma, legal technology, legislation, expertise, parliamentary control.

Tat'yana S. Kovalenko
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
kovalenkots@mail.ru

**Department of justice:
old problems – new approaches**

Review of the current state, problems and prospects of interaction between judicial and law enforcement authorities as the main links of Justice (Fair Trial) in a broad sense is the aim of this article. By analysing these questions, the author comes to the conclusion that the close relationship of the court, prosecutors and lawyers in the course of carrying out the functions entrusted to them by the state. It is stressed that today, it is advisable to consider the prosecutor's office (public prosecution) and advocacy (public defense) as components of proceedings in the justice system. Paying tribute to the court, as to the sole organ of state power, which is empowered to administer justice, it should be remembered that in the adversarial system of justice, itself the judiciary is "powerless" and unable to perform its functions without the involvement of other stakeholders. The author also proposes to develop and implement a single, unified criteria for training, for moral and professional quality requirements, as well as for the procedure of bringing to legal responsibility of judges, prosecutors and lawyers.

Keywords: court, advocacy, prosecutor, law enforcement agencies, law enforcement, judicial law, justice.

Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University
lsiverskaya@yandex.ru

Natal'ya A. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
nsmirnof1971@mail.ru

**Crime report: terminology and the concept
of procedural content**

In this article, the authors consider a message about committed or planned crime, as a key notion of institution of a criminal case in the Russian pre-trial proceed-

ings. It reveals the normative, doctrinal, terminological concept, the article analyses the essence, the meaning and content of the communication about the crime, as a pretext for criminal procedure activities in pretrial proceedings, taking into account the different scientific approaches, attitudes, opinions. The characteristics of a crime report as a source of information, given its definition in the author's formulation, and develop criteria that allow to distinguish it from related concepts, in particular the message from the incident. Due to the widespread application of information technology in law enforcement activities, receiving and recording reports of crime carried out by law enforcers in electronic form, the authors believe that currently there exists a need for legal regulation of relations on the reception of messages on crimes in electronic form, give legal status to the legal concept of "e-crime report" and its regulatory consolidation in the code of criminal procedure and suggest ways to address this issue.

Keywords: pre-trial proceedings, stage of criminal case, crime report, information and communication technology, electronic document.

Vitaliy V. Pavlyukov

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
ykc@mail.ru*

Legal and practical possibility of combining data in information retrieval system of the interior ministry of the Russian Federation with information from the Internet

This article examines the legal and practical possibility of combining data retrieval system of the Interior Ministry with the information from the Internet. Considered legislation on data acquisition in the information retrieval system of the Interior Ministry and information that reside on the Internet. Analysed modern data processing technology and the mechanism of parsing it possible to obtain data from the Internet. This has important theoretical and practical significance to research opportunities in combining data retrieval police Interior Ministry's information systems on the Internet. The relevance of this kind of work is determined primarily by the fact that the information the search engines as an integral part of the Police of the Interior Ministry, only slightly undergone changes since its inception both the legislative and technical level. It identified and legally justified processing engine, combining and analysing data by parsing. On the basis of research by the author proposed to supplement Article 17 of the Russian law «On Police».

Keywords: database, Internet, search engines, social networks, vk.com, indexing site, content, parsing.

Viktor A. Demidyuk

*Alexeyev Nizhny Novgorod State Technical University
demidyuk-victor@yandex.ru*

The analysis of the categories «essentiality» and «mental suffering», as applied by the courts when considering cases about compensation of moral harm

The article reveals the substance of the terms essentiality and mental suffering while assessing by the

courts the amount of compensation for moral harm caused to citizens. It shows the grounds for review of such decisions by higher judicial authorities. The basic signs and characteristics that lead to high protection of rights, freedoms and legitimate interests of citizens are examined in the article. According to the author for a sophisticated analysis of the definition of essentiality should be used the system information analysis, developed by Austrian scholar Kurt Gödel. The author is deeply convinced that essentiality is derived from essence (essence), i.e. thinner integrative building (structure) expressing the prevailing quality – freedom as a condition of removal of uncertainty with the concept of "essentiality". Considering the category of moral suffering, the author analyses the opinions of Sigmund Freud, explores the 3 main source of suffering: the superior forces of nature, the frailty of the human body and the shortcomings of the intuitions governing the relationship of people in the family, society and state. The author believed that suffering can be divided into somatic, visceral, moral and analyses. The article examines the so-called psychogenic suffering (hallucination, neurosis, psychosis etc.), which is not compensable as moral damages. At the end the author comes to the conclusion that suffering is a commodity that has, like any commodity, certain cost.

Keywords: essentiality, mental suffering, somatic suffering, visceral suffering, causes of suffering, compensation for moral damage.

Mayya V. Dedyuyeva

*Nekrasov Kostroma State University
turbotaxator@gmail.com*

Resolution of disputes relating to the application of the Federal Law of 28 February 1998 # 52-ФЗ by the courts

Federal Law 28 February 1998 # 52-ФЗ «About obligatory state life and health insurance of soldiers, citizens called up for military training, individual soldiers and officers of law-enforcement bodies of the Russian Federation, State Fire Service, authorities for control of circulation narcotic drugs and psychotropic substances, employees of institutions and authorities of the correctional system», which was applied for a long time, law to be applied for a long time, improving by the legislator, it was introduced amends and supplements. At the same time quite extensive jurisprudence indicates that there are still contentious issues arising from the application of this Federal Law. And the presence of some of them was due to the new provisions of the law. A number of issues related to law enforcement in this area, and possible ways to resolve them and identified in this article. We analyzed the situations where there is uncertainty as to who is the insurer for an insured event occurs: the insurance company with which the insurance agreement was concluded during the passage of the insured service, or the one with which a new insurance contract was concluded after the dismissal of the insured from the service, but the term of the insurance contract which was established

disability. Also studied the question of the application of the law in determining the amount of insurance payment, namely, should be based on the provisions of the law as in force at the time of the insured event or at the time of dismissal from the service of the insured person? The article also shows the legal basis point from which should start the calculation of the penalty provided for in paragraph 4 of Article 11 of the Federal Law # 52 -ФЗ.

Keywords: obligatory state life and health insurance of employees, resolution of disputes by courts, civics.

Aleksey A. Grigorov

*The Bar of lawyers' chamber of Kostroma Region
grig83@mail.ru*

Ways of self-defense in a family law

This article discusses some ways to apply self-protection in the field of family relationships, with their inherent features revealed a legislative gap in the application of self-defense law and proposed amendments of existing legislation. The author believes that despite the presence of "limitations" in the application of methods of protection, which should be directly stipulated by the law and the absence of the Family code of the Russian Federation direct the rule permitting the use of "self-defense", the subjects of legal relations is still possible, through the implementation of subjective rights to use certain special methods of self-defense. This fact indicates the imperfection of legal technique of the legislator talks about "constraints" in the implementation of the protection of family rights. Applied by the entity, the methods of self-defense depend on the personal non-property and property relations, are the subject of family law.

Keywords: self Defense law; family relationship; the method of self-defense; the rights of the child, forms of protection; a legally protected interest; the realization of the right.

Tat'yana N. Martynova

*Russian State University for the Humanities, Moscow
martynova.info@mail.ru*

Ol'ga V. Sgibneva

*Moscow State University of Mechanical Engineering
sgibneva.info@mail.ru*

Guarantee and compensation payments to employees in labour law of the Russian Federation: the problems of terminology

This article is about problems of terminology relating to the guarantee and compensation payments to employees in accordance with the labour legislation of the Russian Federation and the doctrine of labour law. The Labour legislation does not make clear distinction between the conditions of providing material (financial) guarantees and compensation to employers, often mix or not differ the definitions of the financial guarantees and compensations to employees, which leads to difficulties in the application by employers. The authors described the terms of the differentiation of material guarantees and compensations. So, the main

purpose of the financial guarantees is the preservation of the worker's average monthly wages (fully or partially) during the time when the employee has not performed its labour duties (doesn't work the full time) or was absent from work for valid reasons. The financial guarantees traditionally divided into co-payments and payments. In turn, the compensations are monetary payments, established to compensate employees costs associated with the performance of their work or other responsibilities, stipulated by the Labour code of Russia or other Federal laws.

Keywords: guarantees and compensations to employees, guarantee and compensation payments to employees, financial guarantees and compensations to employees, labour law, labour legislation.

Sergey M. Vorob'yov

*Academy of the Penitentiary Service of the Russian Federation,
City of Ryazan
sergey.vorobev.78@inbox.ru*

Aleksandra A. Orlova

*Academy of the Penitentiary Service of the Russian Federation,
City of Ryazan
orlova4685@yandex.ru*

Comparative legal analysis of the norms of the rehabilitation institute of criminal procedural law and other regulations governing the rehabilitation of victims of political repressions

In a scientific article, devoted to problems of development of criminal procedure, rehabilitation Institute, research examines the effect of the studied Institute for the replenishment of social justice in respect of persons illegally brought to criminal responsibility; describes the characteristic features of its regulatory function. The article is devoted to problems of development of criminal-procedural rehabilitation Institute. The article presents the characteristic features of the regulatory action Institute of rehabilitation in the system of Russian law in its historical, political, and distinctive processes. In this paper we use modern General scientific and special methods of cognition: analysis, synthesis, historic-legal, structural-functional, normative-logical, comprehensive and comparative law. Scientific novelty of the work consists in the consideration of normative-legal regulation of the Institute of rehabilitation in general and rehabilitation of victims of political repression in particular. While this article reflects a subjective position of authors on this subject.

Keywords: rehabilitation, damage compensation, compensation, criminal-procedural status, rehabilitated, state, prisoners of war, victims of repressions, justice.

Ol'ga N. Artyushina

*Nekrasov Kostroma State University
peoln@yandex.ru*

Ol'ga A. Lyalyushkina

*Nekrasov Kostroma State University
n24j25@mail.ru*

Selected questions concerning perception of constitutional values and their system

Based on studies and analysing the legal and theoretical positions about the constitutional values, the article considers selected questions concerning differ-

ent approaches to the meaning of constitutional values and their system. To date, there is still no clear understanding of what the constitutional values are and what structure they have. Legally the issue is not resolved in any way in this regard, there are certain difficulties not only in legal thinking, but also law enforcement. In our view, the term “constitutional values” should not be limited only to those values that are enshrined in the Constitution, but also address customary international law or established values. The values which established by the Constitution of the Russian Federation have their own hierarchical order, which is not directly installed in the text of the Basic Law, however it can be built on the basis of the text of the Constitution of the Russian Federation itself. Of particular interest is theoretical approach to the structure of the most value. By establishing the unique composition values can be most clearly establish its meaning, to differentiate from other related values and to classify them according to a certain principle.

Keywords: Constitution, constitutional values, constitutional law, perception of constitutional values and their system.

Maksim A. Ignatov
Lomonosov Moscow State University
ign5503@yandex.ru

Yevgeniy M. Yefremov
Lomonosov Moscow State University
efremov.eugene@yandex.ru

The correlation of business risk and standards of good faith in the issue of bringing to responsibility of the management bodies in the Russian and English company law

The effectiveness of the company largely depends on the quality and professionalism of decisions made by management bodies. However, if management goes beyond the limits of the standard of behaviour, the shareholders have to defend their rights and interests in court. Traditionally, the problematic issue of the institution of liability of management bodies in the Russian legal order is the use of evaluative standards of behaviour. The authors described the contradictions arising from the introduction of corporate law categories “good faith” and “reasonableness”, as well as the correlation of the usual standards of behavior with the mechanism of the “reasonable business risk”, interest in which has recently seen by the law enforcer. The paper presents the arguments for the appropriateness of the new design in order to stimulate management to take initiative decisions. In addition, the authors analysed the English experience of legal regulation on the subject of the definition of the standards of behaviour of directors on the basis of materials of contemporary English law and judicial practice, which allowed to supplement the standards of behaviour that exist in the Russian practice. Thus, taking into account international experience and legal positions of the Russian courts, the authors proposed to use the criteria for determining the decisions taken by the directors within a reasonable business risk, the relevance of the use

of which is justified by the increase in the number of corporate disputes arising in connection with the uncertainty of the concept of a reasonable business risk.

Keywords: management body, property liability, corporate dispute, standard of behaviour, good faith and reasonableness, business risk, initiative of decisions.

Veronika V. Yolkina
The Vyatka State University, City of Kirov
veronika06061988@mail.ru

The issue of territorial bodies of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation

The article is devoted to research of organisational and legal bases of activity of territorial bodies of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation. The author of the article offers a selection of features in common, characteristic of the administrations of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation, on the basis of what is given formulated definition of the territorial body of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation. The study of systems and structures of the Administrations of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation has allowed to make conclusion about the complication of the structure of the bodies and to identify the factors that influence their internal organisation. The author of the classification of the structural elements. In conclusion, the author notes that at present the scheme of the optimal location of territorial bodies of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation has not yet been found, as evidenced by constant reform, aimed at the unification of two or more administrations of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation (which gives them the status of inter-territorial bodies), and hence the question about the need to improve (optimise) their system continues to be relevant. In this connection, there are suggestions for improving the system and structure of the territorial bodies of the Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of the Russian Federation.

Keywords: office of Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of Russian Federation, Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of Russian Federation, system of territorial bodies of Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance of Russian Federation, structure of territorial bodies of SV&PSRF, concept of territorial body of SV&PSRF.

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

Issues of legal linguistic assessment in action for extremism and inciting hostility

The author dwells on basic, key challenges that parties to judicial process and the experts themselves face during the linguistic expertise. All the problems

which are discussed in this article are divided into three large groups. The first one is connected with the issues of breach of law proper, with its symptoms, signs and so on; the other one refers to the trial, and includes points of contention of relations of the judge, the expert, the defendant, the public prosecutor as well as points of external, organisational aspects of the examination, of the behaviour of those who govern it; the third group of problems is typical for immediate expert action. Special attention is paid to the problems that are associated with the presentation of banned materials associated with semantic and stylistic complexity of the text under examination, associated with the involvement of specialists in different branches of science for examination, associated with the objectivity and impartiality of the expert assessment; also, attention is paid to the fact of detection of seditious words against other races or national minorities, as well as of the characteristics of the sedition, linguistic means of the expression. Identification and classification of problems considered should contribute to a more harmonious work of judges and experts, increasing the level of expert opinions and cutting expenditure of time for carrying out of legal linguistic assessment.

Keywords: legal linguistic assessment, extremism, inciting hostility, carrying out of legal linguistic assessment.

El'diyar E. Akhverdiyev

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
akhverdiev@mail.ru*

The Theory of Caliphate as a Muslim form of government

The article analyses the concept of Caliphate as a Muslim form of government through different approaches to the role of a ruler, his relations with lieges, options of powers succession, scope of authority. The author rationalises about practicability of defining of a specific form of government inherent in Islamic state and legal tradition. Currently Islamic tradition plays rather significant part in the field of international relations, in building-up of state ideology and in political and legal development of Muslim countries as well. All this prove the fact that this religious system even nowadays have full opportunities to operate proactively. Important normative and regulatory role of Islamic religion and Muslim law and their ideological and political significance compel researches in the essence and nature of an Islamic state, its particularities, form of government. A number of scientists, specialising in Muslim law, pay acute attention to the problem, the concept of «Islamic form of government» being collective. Political form of a state shows the doctrinal foundation of a governor, legal base for authorities' activity. The foregoing is relevant for any form of government, though as a distinctive and significant addi-

tion to this should be envisioned doctrinal aspects of government.

Keywords: Caliph, Caliphate, Sunnis, form of government, power, supremacy.

Svetlana S. Sannikova

*The Povolzhye Cooperative Institute, City of Engels,
Saratov Region
sannikovasvetlana@mail.ru*

The international law influence on administrative law mechanism of food security assurance

The article deals with the relationship of administrative law mechanism of food security assurance of Russia and the Russian Federation participation in the global food safety system. The author considers the powers and activities of the executive authorities of the Russian Federation, engaged in food security. In this paper the Universal Declaration on the Eradication of Hunger and Malnutrition, the Convention on the Conservation of Antarctic Marine Living Resources, Strategy for Development of the Russian Federation's activities in the Antarctic for the period till 2020 and for the longer term, the Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organisation of 15 April 1994, the Technical regulations of the Customs Union «on food safety» are analysed as the mechanisms that affect food security. In addition, this article reviews some other aspects of food security. Administrative and legal mechanism of food security assurance of the Russian Federation has a great impact of Russia participation in the global system of food security and depends significantly on the international legal instruments, which in turn is reflected in the mandate and activities of the executive authorities of the Russian Federation.

Keywords: international legal mechanisms of food security assurance, legal mechanisms of food security assurance, Customs union, Marrakesh Agreement Establishing World Trade Organisation, Universal Declaration on Eradication of Hunger and Malnutrition, Convention on Conservation of Antarctic Marine Living Resources, legal assurance of food security.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Yuriy V. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
y-v-lebedev@ya.ru*

Of «positively beautiful man» in the novel «The Idiot» by Fyodor Dostoyevsky

The article presents a review of the book «On the Influence of the Gospel on the Novel by Fyodor Dostoyevsky «The Idiot» by nun Xenia (secular name Natal'ya Solomina-Minihen), which was published in 2016.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, novel «The Idiot», Natal'ya Solomina-Minihen, interpretation of idea and motives of Dostoyevsky's novel, gospel subtext.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2016 – Т. 22 – № 3

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 02.06.2016.
Дата выхода в свет .07.2016.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 36,8.
Уч.-изд. 38,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 133.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна